

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 9

ВОЙНА И МИР

ТОМ ПЕРВЫЙ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 9. Война и мир. Том первый**

«Библиотечный фонд»

1863-1869, 1873

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 9. Война и мир. Том первый /
Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1863-1869, 1873 — (Весь
Толстой в один клик)

© Толстой Л. Н., 1863-1869, 1873
© Библиотечный фонд, 1863-1869,
1873

Содержание

Лев Николаевич	6
Предисловие к электронному изданию	7
ВОЙНА И МИР	12
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДЕВЯТОМУ-ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ ТОМАМ	13
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.	18
ВОЙНА И МИР (1863—1869, 1873)	20
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	20
I.	20
II.	23
III.	26
IV.	29
V.	34
VI.	36
VII.	47
VIII.	49
IX.	51
X.	53
XI.	54
XII.	57
XIII.	59
XIV.	62
XV.	63
XVI.	67
XVII.	69
XVIII.	72
XIX.	76
XX.	79
XXI.	81
XXII.	84
XXIII.	91
XXIV.	94
XXV.	96
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	102
I.	102
II.	104
III.	109
IV.	113
V.	122
VI.	123
VII.	125
VIII.	128
IX.	132
X.	135
XI.	138
XII.	140
XIII.	143

XIV.	147
XV.	149
XVI.	152
XVII.	153
XVIII.	156
XIX.	158
XX.	161
XXI.	164
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.	169
I.	169
II.	174
III.	178
IV.	183
V.	188
VI.	191
VII.	195
VIII.	199
IX.	202
X.	206
XI.	208
XII.	211
XIII.	214
XIV.	218
XV.	220
XVI.	224
XVII.	226
XVIII.	229
XIX.	234
ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ	238
ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ПЕРВОГО ТОМА «ВОЙНЫ И МИРА»	339
ПО ГЛАВАМ.	
ЧАСТЬ 1-я.	339
ЧАСТЬ 2-я.	340
ЧАСТЬ 3-я.	342
СОДЕРЖАНИЕ.	345
Иллюстрации	346

**Лев Николаевич
Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 9. Война и мир. Том первый**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1937

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 9-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

L É O N T O L S T O ï

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE

de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:

K. CHOKHOR-TROTSKY, M. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,

N. PIKSAKOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEVSKY,

A. TOLSTAÏA et M. TSLAVLOVSKY

SANCTIONNÉ PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:

V. BONTCH-BROULÉVITCH, J. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE

O E U V R E S

T O M E

9

É D I T I O N D'É T A T

M O S C O U — 1 9 8 7

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. Г. ЧЕРТКОВА

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРСКОГО КОМИТЕТА В СОСТАВЕ:
А. Е. ГРУЗИНСКОГО, **Н. К. ГУДЗИИ,** **Н. Н. ГУСЕВА,** **Н. К. ПИКОАНОВА,**
Н. С. РОДИОНОВА, **Н. Н. САКУЛИНА,** **В. И. СРЕЗНЕВСКОГО,**
А. Л. ТОЛСТОЙ, **М. А. ЦВЕТОВСКОГО** и **К. С. ШОХОР-ТРОЦКОГО**

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ
В СОСТАВЕ **В. Д. ВОИЧ-ВРЖЕВИЧА,** **М. К. ЛУНЦОВА**
и **М. А. САВВИЛОВА**

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М
9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1937

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

ВОЙНА И МИР

РЕДАКТОРЫ:
Г. А. ВОЛКОВ
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДЕВЯТОМУ-ЧЕТЫРНАДЦАТОМУ ТОМАМ

Роману «Война и Мир» посвящены шесть томов настоящего издания: 9, 10, 11, 12, 13 и 14.

Томы 9—12 содержат в себе основной печатный текст «Войны и Мира».

Принципы редактирования этого текста диктуются следующими фактическими данными из истории работы Толстого над «Войной и Миром» и истории печатания романа.

Первая публикация текстов из «Войны и Мира» была сделана Толстым в журнале «Русский Вестник» за 1865—1866 гг. под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год». Эта публикация обнимает собою две трети первого тома. В дальнейшем Толстой отказался от предварительной публикации отдельных частей своего романа в журнале и сосредоточил свою работу над подготовкой первого издания романа полностью. Для этого издания текст романа, напечатанный в «Русском Вестнике» и составивший впоследствии первую и вторую части первого тома, подвергся большой переработке. Первое издание «Войны и Мира» появилось в 1868—1869 гг. Оно было разбито на 6 томов, а внутри томов на 14 частей и эпилог, состоящий из 2 частей.

Еще не закончилось печатание первого издания «Войны и Мира», как вслед за ним было предпринято второе издание, вышедшее в 1868—1869 гг. Второе издание романа также было разбито на 6 томов, а внутри томов на 15 частей и эпилог из 2-х частей (1 том в этом издании был разделен не на 2, как в первом издании, а на 3 части). Это второе издание настолько быстро следовало за первым, что два последних тома 5 и 6 (3 часть 3 тома и весь 4-й том в нашем издании), печатались с одного набора, причем на обложках и титульных листах части тиража этих томов помечалось, что это «второе» издание. Текст «Войны и Мира» в этом втором издании в пределах первых 4 томов (1 и 2 том и первая и вторая части 3 тома в нашем издании) Толстой подверг незначительным исправлениям во время правки корректур.

Через четыре года после выхода в свет 1-го и 2-го изданий романа, Толстой предпринял третье издание своих сочинений в 8 частях, появившееся в 1873 году. В этом издании «Война и Мир» появилась в значительно исправленном и переработанном виде. Прежде всего эта переработка коснулась внешней структуры романа – в этом издании он впервые был разделен на 4 тома, названные «частями». Внутри каждого тома («части») были устранены деления на части с заменой их сквозной нумерацией глав. Все философские и исторические рассуждения, входившие в 4, 5 и 6 томы 1-го и 2-го изд. (3 и 4 томы нашего издания) в этом новом издании были отнесены в конец 4 тома («части») в виде приложения под заглавием «Статьи о кампании 12-го года» с особыми заглавиями этих статей. А отдельные философские вступления к главам совсем исключены. Весь текст романа подвергся большой стилистической переработке. Все тексты на иностранных языках, большей частью французские, были заменены творческим авторским переводом и включены в текст. Стилистические исправления русского текста романа в значительной мере свелись к устранению различных недочетов 1-го и 2-го издания, замене одних неудачных выражений и слов другими, перестановке отдельных фраз и слов, исправлений ряда неточностей и неясностей языка и стиля, к исправлению опечаток набора первых изданий и т. д. (Характер этих исправлений полностью отражен в печатных вариантах). Как и следовало ожидать большим исправлениям подвергся конец романа, который был написан Толстым в более спешном темпе нежели другие части.

Безусловно, что вся эта работа над изданием 1873 года была произведена Толстым под влиянием критики, которая вскоре после выхода из печати «Войны и Мира» нападала на автора (особенно на 4—5—6 томы – 3 и 4 томы нашего издания) за его философские и исторические

воззрения, за неправильное изображение им исторических событий, за неумеренное употребление французского языка и за недоступность книги по цене для небогатых классов.

Следующее, четвертое издание сочинений Толстого, вышедшее в 1880 г. в текстовом отношении и даже по формату повторило третье издание «Войны и Мира» 1873 г.

В 1886 г. вышло два следующих издания «Сочинений графа Л. Н. Толстого», пятое и шестое. Это были первые издания, осуществлявшиеся женой писателя, С. А. Толстой, которой он выдал доверенность на ведение хозяйственных и издательских дел. В первом в пятом издании тексту «Войны и Мира» в значительной мере был возвращен вид 2-го издания 1868—1869 гг., восстановлен французский язык и даны внизу страниц переводы иностранных текстов. Философские и исторические рассуждения помещены в соответствующие главы, части и томы. От третьего издания «Войны и Мира» 1873 г. в пятое издание 1886 г. перешло лишь деление романа на 4 тома, но вместо сквозной нумерации глав внутри каждого тома («части» в изд. 73 г.), здесь было введено деление томов на части, соответствующие 2 изд. «Войны и Мира» 1868—1869 гг. – роман был разделен на 15 частей с эпилогом, состоящим из 2 частей.

Шестое удешевленное издание, выпущенное в меньшем формате и на более плохой бумаге, повидимому было рассчитано на распространение среди широкой публики. Текст «Войны и Мира» в этом издании был переработан по своеобразному плану. Философские и исторические рассуждения в этом издании, как и в 5-м, были помещены в тексте романа, но все иностранные слова заменены русским текстом, причем замена эта была произведена не по 3-му изданию 1873 г., а по 5-му 1886 г. – переводы французского языка и других иностранных текстов, помещенные в этом издании внизу страниц, были внесены в текст 6-го издания. В таком виде «Война и Мир», явно рассчитанная на распространение среди «низших» классов, не знавших иностранных языков, выдержала еще три издания – в 7-м издании «Сочинений Толстого» 1887 г., в 8-м 1889 г и в 10-м 1897 г.

Девятое издание, вышедшее в 1893 г. на хорошей бумаге, в большом формате и иллюстрированное портретами Толстого, в текстовом отношении было взято по 5-му изданию 1886 г., с введением по нему иностранных текстов и их подстрочных переводов. В этой же редакции, т. е. с русским и французским языком и философскими рассуждениями в тексте, «Война и Мир» напечатана в 11-м издании «Сочинений гр. Л. Н. Толстого» в 1903 г. и в 12-м издании 1911 г.

Таким образом перед нами три различных варианта изданий «Войны и Мира». Первый это – 1-е, 2-е, 5-е, 9-е, 11-е и 12-е издания, с иностранными, главным образом французскими текстами, их переводами и философскими рассуждениями в тексте романа. Второй вариант включает в себя только два издания, 3-е и 4-е, в которых французский текст заменен русским и философские рассуждения частью исключены совсем, а в большей своей части отнесены в приложения. И третий вариант, близкий к первому, 6-е, 7-е, 8-е и 10-е издания сочинений, где исторические и философские рассуждения Толстого в тексте романа, а французский язык заменен русским по переводам 5-го издания 1886 г.

Какой же из этих трех текстовых вариантов «Войны и Мира» должен быть положен в основу научного издания?

После изучения текстов различных изданий романа мы пришли к заключению, что таким текстом должен быть признан текст 2-го издания «Войны и Мира» 1868—1869 гг. Не отвергая возможности повторения в более популярных изданиях «Войны и Мира» целиком по изданию 1873 г., мы считаем, что в основу научного издания романа, каким является настоящее издание, должен быть положен текст именно 2-го издания «Войны и Мира», но со всеми стилистическими исправлениями, по изданию 1873 г.

Как произошел возврат к этому 2-му изданию в 1886 г. нам неизвестно. По всей вероятности он произошел по инициативе С. А. Толстой или Н. Н. Страхова. Санкционировал ли этот возврат Толстой, мы также не знаем. Сведений о том, что Толстой имел какое бы то ни

было отношение к изданию «Войны и Мира» в 5-м издании своих сочинений, не имеется. Но что Толстой имел отношение к этому изданию вообще, сведения есть: он просматривал корректуры этого издания (письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому от 20 августа 1885 г. и к Т. А. Кузминской от 23 сентября 1885 г.) и пересматривал и поправлял ряд произведений, которые впервые были напечатаны в 12 томе этого издания («Холстомер», «Смерть Ивана Ильича» и др.). Поскольку пятое издание было первым изданием С. А. Толстой, трудно предположить, чтобы она не обращалась к Толстому за разрешением целого ряда вопросов, связанных с изданием его произведений и особенно «Войны и Мира». Тот факт, что после шестого издания сочинений Толстого, когда С. А. Толстая стала полновластной издательницей сочинений своего мужа, «Война и Мир» ни разу не была издана по типу 3-го изд. 1873 г., или 4-го 1880 г., т. е. совсем в другом жанровом варианте, этот факт говорит о том, что в 1886 г. в отношении текста «Войны и Мира» было принято какое-то принципиальное решение о возвращении к тексту издания 1868—1869 г. Дальнейшая практика С. А. Толстой издавать роман для двух категорий читателей, во-первых, более высокий и совершенный вариант, с философскими рассуждениями и французским языком, для читателей высших классов (9-е, 11-е и 12-е издания), и во-вторых, переработанный текст романа, с философскими рассуждениями и заменой иностранных текстов русскими, рассчитанный на читателей низших классов (7-е, 8-е и 10-е издания), эта практика подтверждает возможность такого решения.

Но отнюдь не это должно определять отношение к тексту «Войны и Мира». В 1886 году и позднее Толстой был весьма равнодушен к написанным им прежде художественным произведениям и их изданиям, в том или ином виде, не придавал значения. Нам представляется менее значительным отношение Толстого к тексту «Войны и Мира» в 1886 г. и более существенным его суждение о нем в период его работы над романом и выхода его в свет.

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и Мир», в 1868 г., Толстой очень твердо отстаивал свои воззрения на исторические события эпохи 1812 г. и свое право художника, иначе, нежели историки, их понимать, по своему представлять исторических деятелей этой эпохи и соответственно этому изображать в произведении.

Философские и исторические рассуждения в «Войне и Мире» являются неотъемлемой составной частью романа. Художественные образы романа – живая, яркая иллюстрация к ним. Поэтому исключение философских вступлений к отдельным главам и отнесение рассуждений в приложение, нарушает композицию и жанр «Войны и Мира», этого необычайно целостного организма, произведения, которое Толстой своеобразно задумал и осуществил в издании 1868—1869 гг.

Так же обстоит дело и с иностранными текстами в романе. «Война и Мир» немыслима без французского языка.

В статье о «Войне и Мире» Толстой по поводу упреков критики за употребление им французского языка, писал:

«Употребление французского языка в русском сочинении. Для чего в моем сочинении говорят не только русские, но и французы, частью по-русски, частью по-французски. Упрек в том, что лица говорят и пишут по-французски в русской книге, подобен тому упреку, который бы сделал человек, глядя на картину и заметив в ней черные пятна (тени), которых нет в действительности. Живописец не повинен в том, что некоторым тень, сделанная им на лице картины, представляется черным пятном, которого не бывает в действительности; но живописец повинен только в том, ежели тени эти положены неверно и грубо. Занимаясь эпохой начала нынешнего века, изображая лица русские известного общества и Наполеона, и французов, имевших такое прямое участие в жизни того времени, я невольно увлекся формой выражения того французского склада мыслей больше, чем это было нужно. И потому, не отрицая того, что положенные мною тени, вероятно, неверны и грубы, я желал бы только, чтобы те, которым покажется очень смешно, как Наполеон говорит то по-русски, то по-французски, знали бы, что

это им кажется только оттого, что они, как человек, смотрящий на портрет, видят не лицо, с светом и тенями, а черное пятно под носом».

Французский язык – неотъемлемый бытовой аксессуар высшего сословия начала XIX века. При исключении из текста «Войны и Мира» французского языка потеряют в своей жизненности многие художественные образы романа: Анна Павловна, Ипполит Курагин, Билибин, Наполеон, Кутузов, Александр и др.

Итак, печатая «Войну и Мир», по нашему мнению, необходимо соблюсти четыре непременных условия:

- 1) Деление романа на 4 тома, произведенное самим Толстым в издании 1873 г.
- 2) Сохранение французского языка и других иностранных текстов.
- 3) Сохранение в соответствующих главах и частях философских и исторических рассуждений.
- 4) Сохранение всех творческих исправлений Толстого, стилистически улучшающих текст «Войны и Мира».

Изданий «Войны и Мира», отвечающих этим условиям два: 2-е издание 1868—1869 гг. и издание 1873 г. Первое из них – предпоследнее, а второе – последнее, над которым творчески работал писатель. Поэтому текст «Войны и Мира» в настоящем издании является в силу необходимости кантаминированным.

Деление «Войны и Мира» на 4 тома мы берем по изданию 1873 г.

Сохраняем философские и исторические отступления в тексте по 2-му изданию 1868—1869 гг., и, в связи с этим, сохраняем деление внутри томов на части и главы, соответствующие этому изданию.

Сохраняем французский язык и другие иностранные тексты по 2-му изданию 1868—1869 гг. Но перевод иноязычных слов берем из текста издания 1873 г., где заведомо самим Толстым были сделаны переводы с французского, немецкого и других языков и помещаем их в качестве переводов внизу соответствующих страниц. Иногда отдельные слова и выражения, переведенные Толстым для текста романа в издании 1873 г., представляют собою не дословные переводы соответствующих им иностранных фраз, а пересказ смысла этих выражений по-русски. В целях сохранения принципа, мы переводы такого рода, несмотря на их недословность, оставляем без изменений.

Всю стилистическую правку Толстого, сделанную им в обоих изданиях, мы объединяем. Из русского текста «Войны и Мира» издания 1873 г. мы вносим в текст 2-го издания 1868—1869 гг. все исправления, произведенные им в этом издании. В случаях разногласий между этими изданиями, мы отдавали предпочтение стилистическим исправлениям, сделанным Толстым в третьем издании «Войны и Мира» 1873 г., так как текст этого издания Толстой пересматривал позднее и более внимательно, нежели издание 1868—1869 г.

В случаях явных ошибок набора, искажающих смысл отдельных выражений и слов, мы отступаем от текста этих изданий и берем эти слова по «Русскому Вестнику» и 1 изд. 1868—1869 гг., оговаривая эти отступления в каждом отдельном случае в печатных вариантах или делаем редакторские конъектуры. Список этих конъектур помещен в конце печатных вариантов.

В конце каждого тома прилагаются разночтения изданий, над которыми работал Толстой: «Русский Вестник» 1865—1866 гг., первое издание «Войны и Мира» 1868—69 гг., второе издание 1868—69 гг. и издание 1873 г. Издания 1880 г., 1886 г. и все последующие, как совершенно не подвергавшиеся авторскому пересмотру, оставляются в стороне.

Томы 9—12 настоящего издания в первом тираже, в количестве 5000 экземпляров, при выпуске их в 1930—1933 гг., были приготовлены к печати покойным А. Е. Грузинским. Вследствие срочности издания текстов «Войны и Мира» и неизученности в то время рукописного и архивного материала, относящегося к созданию «Войны и Мира», редактор переоценил зна-

чение «Войны и Мира» в издании 1886 г., положив его в основу текста первого тиража настоящего издания. Дальнейшее исследование творческой истории «Войны и Мира» показало, как сказано выше, невозможность игнорирования авторской работы над романом в изданиях 1868—1869 и 1873 гг. Последовательно устранить этот недостаток другому редактору, принявшему на себя после смерти А. Е. Грузинского наблюдение за печатанием уже отредактированного текста, представлялось совершенно невозможным.

Основной текст «Войны и Мира» (томы 9—12), в дополнительном тираже настоящего издания, дается на основе тех принципиальных текстологических соображений, которые изложены нами выше.

Томы 13 и 14 содержат в себе материалы, относящиеся к «Войне и Миру», статью Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и Мир»», рукописные варианты, планы и конспекты романа и редакторские статьи: история создания «Войны и Мира», история печатания романа и описание рукописей.

Г. А. Волков

М. А. Цявловский

15 января 1936 г.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв и начертаний до-Гротовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга (брычка, перилы).

Пунктуация прижизненных публикаций текстов Толстого, как в большинстве случаев отражающая традицию не автора, а типографии или корректора, не выдерживается.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редакторам, печатаются в прямых [] скобках.

Л. Н. ТОЛСТОЙ
1863 г.

Размер подлинника

ВОЙНА И МИР (1863—1869, 1873) ТОМ ПЕРВЫЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Eh bien, mon prince. Gênes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) — je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus мой верный раб, comme vous dites.¹ Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur,² садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первого приехавшего на ее вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был *grupp*, как она говорила (*grupp* был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими). В записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех:

«Si vous n'avez rien de mieux à faire, M. le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soirée chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmée de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer».³

— Dieu, quelle virulente sortie!⁴ — отвечал, нисколько не смутясь такою встречей, вошедший князь, в придворном, шитом мундире, в чулках, башмаках, и звездах, с светлым выражением плоского лица.

Он говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состаревшемуся в свете и при дворе значительному человеку. Он подошел к Анне Павловне, поцеловал ее руку, подставив ей свою надушенную и сияющую лысину, и покойно уселся на диване.

— Avant tout dites moi, comment vous allez, chère amie?⁵ Успокойте меня, — сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

— Как можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Разве можно, имея чувство, оставаться спокойною в наше время? — сказала Анна Павловна. — Вы весь вечер у меня, надеюсь?

— А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показаться там, — сказал князь. — Дочь заедет за мной и повезет меня.

¹ Ну, князь, Генуя и Лукка поместья фамилии Бонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист), — я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой верный раб, как вы говорите.

² Я вижу, что я вас пугаю.

³ Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего и если перспектива вечера у бедной больной не слишком вас пугает, то я буду очень рада видеть вас нынче у себя между семью и десятью часами. Анна Шерер.

⁴ Господи, какое горячее нападение!

⁵ Прежде всего скажите, как ваше здоровье, милый друг.

– Я думала, что нынешний праздник отменен. Je vous avoue que toutes ces fêtes et tous ces feux d'artifice commencent à devenir insipides.⁶

– Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, – сказал князь, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, которым он и не хотел, чтобы верили.

– Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on décidé par rapport à la dépêche de Novosilzoff? Vous savez tout.⁷

– Как вам сказать? – сказал князь холодным, скучающим тоном. – Qu'a-t-on décidé? On a décidé que Buonaparte a brûlé ses vaisseaux, et je crois que nous sommes en train de brûler les notres.⁸ —

Князь Василий говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы. Анна Павловна Шерер, напротив, несмотря на свои сорок лет, была преисполнена оживления и порывов.

Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась.

– Ах, не говорите мне про Австрию! Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны. Она предает нас. Россия одна должна быть спасительницей Европы. Наш благодетель знает свое высокое призвание и будет верен ему. Вот одно, во что я верю. Нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея. Мы одни должны искупить кровь праведника. На кого нам надеяться, я вас спрашиваю?.. Англия с своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочет видеть, ищет заднюю мысль наших действий. Что они сказали Новосильцову?.. Ничего. Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, который ничего не хочет для себя и всё хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали, и того не будет! Пруссия уже объявила, что Бонапарте непобедим и что вся Европа ничего не может против него... И я не верю ни в одном слове ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Cette fameuse neutralité prussienne, ce n'est qu'un piège.⁹ Я верю в одного Бога и в высокую судьбу нашего милого императора. Он спасет Европу!.. – Она вдруг остановилась с улыбкой насмешки над своею горячностью.

– Я думаю, – сказал князь улыбаясь, – что ежели бы вас послали вместо нашего милого Винценгероде, вы бы взяли приступом согласие прусского короля. Вы так красноречивы. Вы дадите мне чаю?

– Сейчас. А propos, – прибавила она, опять успокоиваясь, – нынче у меня два очень интересные человека, le vicomte de Mortemart, il est allié aux Montmorency par les Rohans,¹⁰ одна из лучших фамилий Франции. Это один из хороших эмигрантов, из настоящих. И потом l'abbé Moriо:¹¹ вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете?

– А! Я очень рад буду, – сказал князь. – Скажите, – прибавил он, как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью

⁶ Признаюсь, все эти праздники и фейерверки становятся несносны.

⁷ Не мучьте меня. Ну, что же решили по случаю депеши Новосильцова? Вы всё знаете.

⁸ Что решили? Решили, что Бонапарте сжег свои корабли, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

⁹ Этот пресловутый нейтралитет Пруссии – только западня.

¹⁰ Кстати, – виконт Мортемар, он в родстве с Монморанси чрез Роганов,

¹¹ аббат Морио:

его посещения, – правда, что l'impératrice-mère¹² желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? C'est un pauvre sire, ce baron, à ce qu'il paraît.¹³ – Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Феодоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

– Monsieur le baron de Funke a été recommandé à l'impératrice-mère par sa soeur,¹⁴ – только сказала она грустным, сухим тоном. В то время, как Анна Павловна назвала императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, когда она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе beaucoup d'estime,¹⁵ и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственной ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

– Mais à propos de votre famille,¹⁶ – сказала она, – знаете ли, что ваша дочь с тех пор, как выезжает, fait les délices de tout le monde. On la trouve belle, comme le jour.¹⁷

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

– Я часто думаю, – продолжала Анна Павловна после минутного молчания, придвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему, как будто выказывая этим, что политические и светские разговоры кончены и теперь начинается душевный: – я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счастье жизни. За что вам судьба дала таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, – вставила она безапелляционно, приподняв брови) – таких прелестных детей? А вы, право, менее всех цените их и потому их не стоите.

И она улыбнулась своею восторженной улыбкой.

– Que voulez-vous? Lafater aurait dit que je n'ai pas la bosse de la paternité,¹⁸ – сказал князь.

– Перестаньте шутить. Я хотела серьезно поговорить с вами. Знаете, я недовольна вашим меньшим сыном. Между нами будь сказано (лицо ее приняло грустное выражение), о нем говорили у ее величества и жалеют вас...

Князь не отвечал, но она молча, значительно глядя на него, ждала ответа. Князь Василий поморщился.

– Что ж мне делать? – сказал он наконец. – Вы знаете, я сделал для их воспитания все, что может отец, и оба вышли des imbéciles.¹⁹ Ипполит, по крайней мере, покойный дурак, а Анатолий – беспокойный. Вот одно различие, – сказал он, улыбаясь более неестественно и одушевленно, чем обыкновенно, и при этом особенно резко выказывая в сложившихся около его рта морщинах что-то неожиданно-грубое и неприятное.

– И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла упрекнуть вас, – сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

¹² вдовствующая императрица

¹³ Барон этот ничтожное существо, как кажется.

¹⁴ Барон Функе рекомендован императрице-матери ее сестрою,

¹⁵ много уважения,

¹⁶ Кстати о вашем семействе,

¹⁷ составляет наслаждение всего общества. Ее находят прекрасною, как день.

¹⁸ Что делать? Лафатер сказал бы, что у меня нет шишки родительской любви.

¹⁹ дурни.

– Je suis votre²⁰ верный раб, et à vous seule je puis l'avouer. Мои дети – ce sont les entraves de mon existence.²¹ Это мой крест. Я так себе объясняю. Que voulez vous?..²² – Он помолчал, выражая жестом свою покорность жестокой судьбе.

Анна Павловна задумалась.

– Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля. Говорят, – сказала она, – что старые девицы ont la manie des mariages.²³ Я еще не чувствую за собою этой слабости, но у меня есть одна petite personne,²⁴ которая очень несчастлива с отцом, une parente à nous, une princesse²⁵ Болконская. – Князь Василий не отвечал, хотя с свойственною светским людям быстротой соображения и памяти показал движением головы, что он принял к соображению эти сведения.

– Нет, вы знаете ли, что этот Анатолий мне стоит 40 000 в год, – сказал он, видимо, не в силах удерживать печальный ход своих мыслей. Он помолчал.

– Что будет через пять лет, если это пойдет так? Voilà l'avantage d'être père.²⁶ Она богата, ваша княжна?

– Отец очень богат и скуп. Он живет в деревне. Знаете, этот известный князь Болконский, отставленный еще при покойном императоре и прозванный «пруссским королем». Он очень умный человек, но со странностями и тяжелый. La pauvre petite est malheureuse, comme les pierres.²⁷ У нее брат, вот что недавно женился на Lise Мейнен, адъютант Кутузова. Он будет нынче у меня.

– Ecoutez, chère Annette,²⁸ – сказал князь, взяв вдруг свою собеседницу за руку и пригибая ее почему-то книзу, – Arrangez-moi cette affaire et je suis votre²⁹ вернейший раб à tout jamais (pan, comme mon староста m'écrit des³⁰ донесенья: покой-ер-п). Она хорошей фамилии и богата. Всё, что мне нужно.

И он с теми свободными и фамильярными, грациозными движениями, которые его отличали, взял за руку фрейлину, поцеловал ее и, поцеловав, помахал фрейлинскою рукой, развалившись на креслах и глядя в сторону.

– Attendez,³¹ – сказала Анна Павловна, соображая. – Я нынче же поговорю Lise (la femme du jeune Болконский).³² И, может быть, это уладится. Ce sera dans votre famille, que je ferai mon apprentissage de vieille fille.³³

II.

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили; приехала дочь князя Василия, красавица Элен, захватившая за отцом, чтобы

²⁰ Я ваш

²¹ и вам одним могу признаться. Мои дети – обуза моего существования.

²² Что делать?..

²³ имеют манию женить.

²⁴ девушка,

²⁵ наша родственница, княжна

²⁶ Вот выгода быть отцом.

²⁷ Бедняжка несчастлива, как камни.

²⁸ Послушайте, милая Анет,

²⁹ Устройте мне это дело, и я навсегда ваш

³⁰ как мой староста мне пишет

³¹ Постойте,

³² Лизе жене Болконского.

³³ Я в вашем семействе начну обучаться ремеслу старой девицы.

с ним вместе ехать на праздник посланника. Она была в шифре и бальном платье. Приехала и известная, как *la femme la plus séduisante de Pétersbourg*,³⁴ молодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в *большой* свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера. Приехал князь Ипполит, сын князя Василия, с Мортемаром, которого он представил; приехал и аббат Морио и многие другие.

– Вы не видали еще, или: – вы не знакомы с *ma tante*?³⁵ – говорила Анна Павловна приезжавшим гостям и весьма серьезно подводила их к маленькой старушке в высоких бантах, выплывшей из другой комнаты, как скоро стали приезжать гости, называла их по имени, медленно переводя глаза с гостя на *ma tante*,³⁶ и потом отходила.

Все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушки. Анна Павловна с грустным, торжественным участием следила за их приветствиями, молчаливо одобряя их. *Ma tante* каждому говорила в одних и тех же выражениях о его здоровье, о своем здоровье и о здоровье ее величества, которое нынче было, слава Богу, лучше. Все подходившие, из приличия не выказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности отходили от старушки, чтоб уж весь вечер ни разу не подойти к ней.

Молодая княгиня Болконская приехала с работой в шитом золотом бархатном мешке. Ее хорошенькая, с чуть черневшимися усиками верхняя губка была коротка по зубам, но тем милее она открывалась и тем еще милее вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это всегда бывает у вполне-привлекательных женщин, недостаток ее – короткость губы и полуоткрытый рот – казались ее особенною, собственно ее красотой. Всем было весело смотреть на эту, полную здоровья и живости, хорошенькую будущую мать, так легко переносившую свое положение. Старикам и скучающим, мрачным молодым людям казалось, что они сами делаются похожи на нее, побыв и поговорив несколько времени с ней. Кто говорил с ней и видел при каждом слове ее светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые виднелись беспрестанно, тот думал, что он особенно нынче любезен. И это думал каждый.

Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла стол с рабочею сумочкой на руке и, весело оправляя платье, села на диван, около серебряного самовара, как будто всё, что она ни делала, было *partie de plaisir*³⁷ для нее и для всех ее окружавших.

– *J’ai apporté mon ouvrage*,³⁸ – сказала она, развертывая свой ридикюль и обращаясь ко всем вместе.

– Смотрите, *Annette*, ne me jouez pas un mauvais tour, – обратилась она к хозяйке. – *Vous m’avez écrit, que c’était une toute petite soirée; voyez, comme je suis attifée*.³⁹

И она развела руками, чтобы показать свое, в кружевах, серенькое изящное платье, немного ниже груди опоясанное широкою лентой.

– *Soyez tranquille, Lise, vous serez toujours la plus jolie*,⁴⁰ – отвечала Анна Павловна.

– *Vous savez, mon mari m’abandonne*, – продолжала она тем же тоном, обращаясь к генералу, – *il va se faire tuer. Dites moi, pourquoi cette vilaine guerre*,⁴¹ – сказала она князю Василию и, не дожидаясь ответа, обратилась к дочери князя Василия, к красивой Элен.

³⁴ самая обворожительная женщина в Петербурге,

³⁵ тетушкой?

³⁶ тетушку,

³⁷ увеселением

³⁸ Я захватила работу,

³⁹ не сыграйте со мной злой шутки; вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер. Видите, как я укутана.

⁴⁰ Будьте покойны, Лиза, вы всё-таки будете лучше всех,

⁴¹ Вы знаете, мой муж покидает меня. Идет на смерть. Скажите, зачем эта гадкая война,

– *Quelle délicieuse personne, que cette petite princesse!*⁴² – сказал князь Василий тихо Анне Павловне.

Вскоре после маленькой княгини вошел массивный, толстый молодой человек с стриженной головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке. Этот толстый молодой человек был незаконный сын знаменитого Екатерининского вельможи, графа Безухова, умиравшего теперь в Москве. Он нигде не служил еще, только что приехал из-за границы, где он воспитывался, и был в первый раз в обществе. Анна Павловна приветствовала его поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в ее салоне. Но, несмотря на это низшее по своему сорту приветствие, при виде вошедшего Пьера, в лице Анны Павловны изобразилось беспокойство и страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту. Хотя, действительно, Пьер был несколько больше других мужчин в комнате, но этот страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной.

– *C'est bien aimable à vous, monsieur Pierre, d'être venu voir une pauvre malade,*⁴³ – сказала ему Анна Павловна, испуганно переглядываясь с тетушкой, к которой она подводила его. Пьер пробурлил что-то непонятное и продолжал отыскивать что-то глазами. Он радостно, весело улыбнулся, кланяясь маленькой княгине, как близкой знакомой, и подошел к тетушке. Страх Анны Павловны был не напрасен, потому что Пьер, не дослушав речи тетушки о здоровье ее величества, отошел от нее. Анна Павловна испуганно остановила его словами:

– Вы не знаете аббата Морио? он очень интересный человек... – сказала она.

– Да, я слышал про его план вечного мира, и это очень интересно, но едва ли возможно...

– Вы думаете?... – сказала Анна Павловна, чтобы сказать что-нибудь и вновь обратиться к своим занятиям хозяйки дома, но Пьер сделал обратную неучтивость. Прежде он, не дослушав слов собеседницы, ушел; теперь он остановил своим разговором собеседницу, которой нужно было от него уйти. Он, нагнув голову и расставив большие ноги, стал доказывать Анне Павловне, почему он полагал, что план аббата был химера.

– Мы после поговорим, – сказала Анна Павловна, улыбаясь.

И, отделившись от молодого человека, не умеющего жить, она возвратилась к своим занятиям хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор. Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, – так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину. Но среди этих забот всё виден был в ней особенный страх за Пьера. Она заботливо поглядывала на него в то время, как он подошел послушать то, что говорилось около Мортемара, и отошел к другому кружку, где говорил аббат. Для Пьера, воспитанного за границей, этот вечер Анны Павловны был первый, который он видел в России. Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбегались глаза. Он всё боялся пропустить умные разговоры, которые он может услышать. Глядя на уверенные и изящные выражения лиц, собранных здесь, он всё ждал чего-нибудь особенно умного. Наконец, он подошел к Морио. Разговор показался ему интересен, и он остановился, ожидая случая высказать свои мысли, как это любят молодые люди.

⁴² Что за милая особа, эта маленькая княгиня!

⁴³ Очень мило с вашей стороны, мосье Пьер, что вы приехали навестить бедную больную,

III.

Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме *ma tante*, около которой сидела только одна пожилая дама с исплуканным, худым лицом, несколько чужая в этом блестящем обществе, общество разбилось на три кружка. В одном, более мужском, центром был аббат; в другом, молодом, красавица-княжна Элен, дочь князя Василия, и хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская. В третьем Мортемар и Анна Павловна.

Виконт был миловидный, с мягкими чертами и приемами, молодой человек, очевидно считавший себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставлявший пользоваться собой тому обществу, в котором он находился. Анна Павловна, очевидно, угощала им своих гостей. Как хороший метр-д'отель подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно утонченное. В кружке Мортемара заговорили тотчас об убиении герцога Энгиенского. Виконт сказал, что герцог Энгиенский погиб от своего великодушия, и что были особенные причины озлобления Бонапарта.

– Ah! voyons. Conte⁴⁴-nous cela, vicomte, – сказала Анна Павловна, с радостью чувствуя, как чем-то à la Louis XV⁴⁵ отзывалась эта фраза, – conte⁴⁵-nous cela, vicomte.

Виконт поклонился в знак покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сделала круг около виконта и пригласила всех слушать его рассказ.

– Le vicomte a été personnellement connu de monseigneur,⁴⁶ – шепнула Анна Павловна одному. – Le vicomte est un parfait conteur,⁴⁷ – проговорила она другому. – Comme on voit l'homme de la bonne compagnie,⁴⁸ – сказала она третьему; и виконт был подан обществу в самом изящном и выгодном для него свете, как ростбиф на горячем блюде, посыпанный зеленью.

Виконт хотел уже начать свой рассказ и тонко улыбнулся.

– Переходите сюда, chère Hélène,⁴⁹ – сказала Анна Павловна красавице-княжне, которая сидела поодаль, составляя центр другого кружка.

Княжна Элен улыбалась; она поднялась с тою же неизменною улыбкой вполне красивой женщины, с которою она вошла в гостиную. Слегка шумя своею белою бальной робой, убранною плющем и мохом, и блестя белизной плеч, глянцем волос и бриллиантов, она прошла между расступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всем улыбаясь и как бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотой своего стана, полных плеч, очень открытой, по тогдашней моде, груди и спины, и как будто внося с собою блеск бала, подошла к Анне Павловне. Элен была так хороша, что не только не было в ней заметно и тени кокетства, но, напротив, ей как будто совестно было за свою несомненную и слишком сильно и победительно-действующую красоту. Она как будто желала и не могла умалить действие своей красоты.

– Quelle belle personne!⁵⁰ говорил каждый, кто ее видел. Как будто пораженный чем-то необычайным, виконт пожал плечами и опустил глаза в то время, как она усаживалась пред ним и освещала и его всё тою же неизменною улыбкой.

⁴⁴ – Ах, да! расскажите нам это, виконт,

⁴⁵ напоминающим Людовика XV

⁴⁶ Виконт был лично знаком с герцогом,

⁴⁷ Виконт удивительный мастер рассказывать,

⁴⁸ Как сейчас виден человек хорошего общества,

⁴⁹ милая Элен,

⁵⁰ Что за красавица!

– Madame, je crains pour mes moyens devant un pareil auditoire,⁵¹ – сказал он, наклоняя с улыбкой голову.

Княжна облокотила свою открытую полную руку на столик и не нашла нужным что-либо сказать. Она улыбаясь ждала. Во все время рассказа она сидела прямо, посматривая изредка то на свою полную красивую руку, легко лежавшую на столе, то на еще более красивую грудь, на которой она поправляла бриллиантовое ожерелье; поправляла несколько раз складки своего платья и, когда рассказ производил впечатление, оглядывалась на Анну Павловну и тотчас же принимала то самое выражение, которое было на лице фрейлины, и потом опять успокоивалась в сияющей улыбке. Вслед за Элен перешла и маленькая княгиня от чайного стола.

– Attendez moi, je vais prendre mon ouvrage,⁵² – проговорила она. – Voyons, à quoi pensez-vous? – обратилась она к князю Ипполиту: – apportez-moi mon ridicule.⁵³

Княгиня, улыбаясь и говоря со всеми, вдруг произвела перестановку и, усевшись, весело оправилась.

– Теперь мне хорошо, – приговаривала она и, попросив начинать, принялась за работу.

Князь Ипполит перенес ей ридикюль, перешел за нею и, близко придвинув к ней кресло, сел подле нее.

Le charmant Hippolyte⁵⁴ поражал своим необыкновенным сходством с сестрою-красавицею и еще более тем, что, несмотря на сходство, он был поразительно дурен собой. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той все освещалось жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизменною улыбкой и необычайною, античною красотою тела; у брата, напротив, то же лицо было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брюзгливость, а тело было худощаво и слабо. Глаза, нос, рот – все сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественное положение.

– Ce n'est pas une histoire de revenants?⁵⁵ – сказал он, усевшись подле княгини и торопливо пристроив к глазам свой лорнет, как будто без этого инструмента он не мог начать говорить.

– Mais non, mon cher,⁵⁶ – пожимая плечами, сказал удивленный рассказчик.

– C'est que je déteste les histoires de revenants,⁵⁷ – сказал князь Ипполит таким тоном, что видно было, – он сказал эти слова, а потом уже понял, что они значили.

Из-за самоуверенности, с которою он говорил, никто не мог понять, очень ли умно или очень глупо то, что он сказал. Он был в темнозеленом фраке, в панталонах цвета cuisse de pumpe effrayée,⁵⁸ как он сам говорил, в чулках и башмаках.

Vicomte⁵⁹ рассказал очень мило о том ходившем тогда анекдоте, что герцог Энгиенский тайно ездил в Париж для свидания с m-lle George,⁶⁰ и что там он встретился с Бонапарте, пользовавшимся тоже милостями знаменитой актрисы, и что там, встретившись с герцогом, Наполеон случайно упал в тот обморок, которому он был подвержен, и находился во власти герцога, которою герцог не воспользовался, но что Бонапарте впоследствии за это-то великодушие и отомстил смертью герцогу.

Рассказ был очень мил и интересен, особенно в том месте, где соперники вдруг узнают друг друга, и дамы, казалось, были в волнении.

⁵¹ Я, право, опасаюсь за свое умение перед такою публикой,

⁵² Подождите, я возьму мою работу,

⁵³ Что ж вы? О чем вы думаете? – принесите мой ридикюль.

⁵⁴ «Милый Ипполит»

⁵⁵ Это не история о привидениях?

⁵⁶ Вовсе нет,

⁵⁷ Дело в том, что я терпеть не могу историй о привидениях,

⁵⁸ тела испуганной нимфы,

⁵⁹ Виконт

⁶⁰ актрисой Жорж,

– Charmant,⁶¹ – сказала Анна Павловна, оглядываясь вопросительно на маленькую княгиню.

– Charmant,⁶² – прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку в работу, как будто в знак того, что интерес и прелесть рассказа мешают ей продолжать работу.

Виконт оценил эту молчаливую похвалу и, благодарно улыбнувшись, стал продолжать; но в это время Анна Павловна, все поглядывавшая на страшного для нее молодого человека, заметила, что он что-то слишком горячо и громко говорит с аббатом, и поспешила на помощь к опасному месту. Действительно, Пьеру удалось завязать с аббатом разговор о политическом равновесии, и аббат, видимо заинтересованный простодушной горячностью молодого человека, развивал перед ним свою любимую идею. Оба слишком оживленно и естественно слушали и говорили, и это-то не понравилось Анне Павловне.

– Средство – Европейское равновесие и *droit des gens*,⁶³ – говорил аббат. – Стоит одному могущественному государству, как Россия, прославленному за варварство, стать бескорыстно во главе союза, имеющего целью равновесие Европы, – и оно спасет мир!

– Как же вы найдете такое равновесие? – начал было Пьер; но в это время подошла Анна Павловна и, строго взглянув на Пьера, спросила итальянца о том, как он переносит здешний климат. Лицо итальянца вдруг изменилось и приняло оскорбительно притворное, сладкое выражение, которое, видимо, было привычно ему в разговоре с женщинами.

– Я так очарован прелестями ума и образования общества, в особенности женского, в которое я имел счастье быть принят, что не успел еще подумать о климате, – сказал он.

Не выпуская уже аббата и Пьера, Анна Павловна для удобства наблюдения присоединила их к общему кружку.

В это время в гостиную вошло новое лицо. Новое лицо это был молодой князь Андрей Болконский, муж маленькой княгини. Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый молодой человек с определенными и сухими чертами. Всё в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до тихого мерного шага, представляло самую резкую противоположность с его маленькой, оживленной женой. Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно. Из всех же прискучивших ему лиц, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившей его красивое лицо, он отвернулся от нее. Он поцеловал руку Анны Павловны и, щурясь, оглядел всё общество.

– Vous vous enrôlez pour la guerre, mon prince?⁶⁴ – сказала Анна Павловна.

– Le général Koutouzoff, – сказал Болконский, ударяя на последнем слоге *zoff*, как француз, – a bien voulu de moi pour aide-de-camp...⁶⁵

– Et Lise, votre femme?⁶⁶

– Она поедет в деревню.

– Как вам не грех лишать нас вашей прелестной жены?

– André,⁶⁷ – сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним, – какую историю нам рассказал виконт о m-lle Жорж и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьер, со времени входа князя Андрея в гостиную не спускавший с него радостных, дружелюбных глаз, подошел к нему и взял его за руку.

⁶¹ Прелестно,

⁶² Прелестно,

⁶³ народное право,

⁶⁴ Вы собираетесь на войну, князь?

⁶⁵ Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты...

⁶⁶ А Лиза, ваша жена?

⁶⁷ Андрей,

Князь Андрей, не оглядываясь, сморщил лицо в гримасу, выразившую досаду на того, кто трогает его за руку, но, увидав улыбающееся лицо Пьера, улыбнулся неожиданно-доброю и приятною улыбкой.

– Вот как!.. И ты в большом свете! – сказал он Пьеру.

– Я знал, что вы будете, – отвечал Пьер. – Я приеду к вам ужинать, – прибавил он тихо, чтобы не мешать виконту, который продолжал свой рассказ. – Можно?

– Нет, нельзя, – сказал князь Андрей смеясь, пожатием руки давая знать Пьеру, что этого не нужно спрашивать. Он что-то хотел сказать еще, но в это время поднялся князь Василий с дочерью, и мужчины встали, чтобы дать им дорогу.

– Вы меня извините, мой милый виконт, – сказал князь Василий французу, ласково притягивая его за рукав вниз к стулу, чтоб он не вставал. – Этот несчастный праздник у посланника лишает меня удовольствия и прерывает вас. Очень мне грустно покидать ваш восхитительный вечер, – сказал он Анне Павловне.

Дочь его, княжна Элен, слегка придерживая складки платья, пошла между стульев, и улыбка сияла еще светлее на ее прекрасном лице. Пьер смотрел почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она проходила мимо его.

– Очень хороша, – сказал князь Андрей.

– Очень, – сказал Пьер.

Проходя мимо, князь Василий схватил Пьера за руку и обратился к Анне Павловне.

– Образуите мне этого медведя, – сказал он. – Вот он месяц живет у меня, и в первый раз я его вижу в свете. Ничто так не нужно молодому человеку, как общество умных женщин.

IV.

Анна Павловна улыбнулась и обещалась заняться Пьером, который, она знала, приходился родня по отцу князю Василью. Пожилая дама, сидевшая прежде с *ma tante*, торопливо встала и догнала князя Василья в передней. С лица ее исчезла вся прежняя притворность интереса. Доброе, исплаканное лицо ее выражало только беспокойство и страх.

– Что же вы мне скажете, князь, о моем Борисе? – сказала она, догоняя его в передней. (Она выговаривала имя Борис с особенным ударением на *о*). – Я не могу оставаться дольше в Петербурге. Скажите, какие известия я могу привезти моему бедному мальчику?

Несмотря на то, что князь Василий неохотно и почти неучтиво слушал пожилую даму и даже выказывал нетерпение, она ласково и трогательно улыбалась ему и, чтоб он не ушел, взяла его за руку.

– Что вам стбит сказать слово государю, и он прямо будет переведен в гвардию, – просила она.

– Поверьте, что я сделаю всё, что могу, княгиня, – отвечал князь Василий, – но мне трудно просить государя; я бы советовал вам обратиться к Румянцеву, через князя Голицына: это было бы умнее.

Пожилая дама носила имя княгини Друбецкой, одной из лучших фамилий России, но она была бедна, давно вышла из света и утратила прежние связи. Она приехала теперь, чтобы выхлопотать определение в гвардию своему единственному сыну. Только затем, чтоб увидеть князя Василия, она назвалась и приехала на вечер к Анне Павловне, только затем она слушала историю виконта. Она испугалась слов князя Василия; когда-то красивое лицо ее выразило озлобление, но это продолжалось только минуту. Она опять улыбнулась и крепче схватилась за руку князя Василия.

– Послушайте, князь, – сказала она, – я никогда не просила вас, никогда не буду просить, никогда не напоминала вам о дружбе моего отца к вам. Но теперь, я Богом заклинаю вас, сделайте это для моего сына, и я буду считать вас благодетелем, – торопливо прибавила она. –

Нет, вы не сердитесь, а вы обещайте мне. Я просила Голицына, он отказал. *Soyez le bon enfant que vous avez été*,⁶⁸ – говорила она, стараясь улыбаться, тогда как в ее глазах были слезы.

– Папа, мы опоздаем. – сказала, повернув свою красивую голову на античных плечах, княжна Элен, ожидавшая у двери.

Но влияние в свете есть капитал, который надо беречь, чтоб он не исчез. Князь Василий знал это, и, раз сообразив, что ежели бы он стал просить за всех, кто его просит, то вскоре ему нельзя было бы просить за себя, он редко употреблял свое влияние. В деле княгини Друбецкой он почувствовал, однако, после ее нового призыва, что-то в роде укора совести. Она напомнила ему правду: первыми шагами своими в службе он был обязан ее отцу. Кроме того, он видел по ее приемам, что она одна из тех женщин, особенно матерей, которые, однажды взяв себе что-нибудь в голову, не отстанут до тех пор, пока не исполнят их желания, а в противном случае готовы на ежедневные, ежеминутные приставания и даже на сцены. Это последнее соображение поколебало его.

– *Chère Анна Михайловна*, – сказал он с своею всегдашнею фамильярностью и скукой в голосе, – для меня почти невозможно сделать то, что вы хотите; но чтобы доказать вам, как я люблю вас и чту память покойного отца вашего, я сделаю невозможное: сын ваш будет переведен в гвардию, вот вам моя рука. Довольны вы?

– Милый мой, вы благодетель! Я иного и не ждала от вас; я знала, как вы добры.

Он хотел уйти.

– Пойдите, два слова. *Une fois passé aux gardes...*⁶⁹ – Она замялась: – Вы хороши с Михаилом Иларионовичем Кутузовым, рекомендуйте ему Бориса в адъютанты. Тогда бы я была покойна, и тогда бы уж...

Князь Василий улыбнулся.

– Этого не обещаю. Вы не знаете, как осаждают Кутузова с тех пор, как он назначен главнокомандующим. Он мне сам говорил, что все московские барыни сговорились отдать ему всех своих детей в адъютанты.

– Нет, обещайте, я не пушу вас, милый благодетель мой.

– Папà, – опять тем же тоном повторила красавица, – мы опоздаем.

– Ну, *au revoir*,⁷⁰ прощайте. Видите?

– Так завтра вы доложите государю?

– Непременно, а Кутузову не обещаю.

– Нет, обещайте, обещайте, *Basile*,⁷¹ – сказала вслед ему Анна Михайловна, с улыбкой молодой кокетки, которая когда-то должно быть, была ей свойственна, а теперь так не шла к ее истощенному лицу.

Она, видимо, забыла свои годы и пускала в ход, по привычке, все старинные женские средства. Но как только он вышел, лицо ее опять приняло то же холодное, притворное выражение, которое было на нем прежде. Она вернулась к кружку, в котором виконт продолжал рассказывать, и опять сделала вид, что слушает, дожидаясь времени уехать, так как дело ее было сделано.

– Но как вы находите всю эту последнюю комедию *du sacre de Milan*?⁷² – сказала Анна Павловна. *Et la nouvelle comédie des peuples de Gênes et de Lucques, qui viennent présenter*

⁶⁸ Будьте тем добрым, каким вы бывали прежде.

⁶⁹ Но когда его переведут в гвардию...

⁷⁰ до свиданья,

⁷¹ Базиль,

⁷² коронации в Милане?

leurs vœux à M. Buonaparte. M. Buonaparte assis sur un trône, et exauçant les vœux des nations! Adorable! Non, mais c'est à en devenir folle! On dirait, que le monde entier a perdu la tête.⁷³

Князь Андрей усмехнулся, прямо глядя в лицо Анны Павловны.

– «Dieu me la donne, gare à qui la touche», – сказал он (слова Бонапарте, сказанные при возложении короны). – On dit qu'il a été très beau en prononçant ces paroles,⁷⁴ – прибавил он и еще раз повторил эти слова по-итальянски: «Dio mi la dona, guai a chi la tocca».

– J'espère enfin, – продолжала Анна Павловна, – que ça a été la goutte d'eau qui fera déborder le verre. Les souverains ne peuvent plus supporter cet homme, qui menace tout.⁷⁵

– Les souverains? Je ne parle pas de la Russie, – сказал виконт учтиво и безнадежно: – Les souverains, madame! Qu'ont ils fait pour Louis XVII, pour la reine, pour madame Elisabeth? Rien, – продолжал он, одушевляясь. – Et croyez-moi, ils subissent la punition pour leur trahison de la cause des Bourbons. Les souverains? Ils envoient des ambassadeurs complimenter l'usurpateur.⁷⁶

И он, презрительно вздохнув, опять переменил положение. Князь Ипполит, долго смотревший в лорнет на виконта, вдруг при этих словах повернулся всем телом к маленькой княгине и, попросив у нее иголку, стал показывать ей, рисуя иголкой на столе, герб Конде. Он растолковывал ей этот герб с таким значительным видом, как будто княгиня просила его об этом.

– Bâton de gueules, engrêlé de gueules d'azur – maison Condé,⁷⁷ – говорил он.

Княгиня, улыбаясь, слушала.

– Ежели еще год Бонапарте останется на престоле Франции, – продолжал виконт начатый разговор, с видом человека не слушающего других, но в деле, лучше всех ему известном, следящего только за ходом своих мыслей, – то дела пойдут слишком далеко. Интригой, насилием, изгнаниями, казнями, общество, я разумею хорошее общество, французское, навсегда будет уничтожено, и тогда...

Он пожал плечами и развел руками. Пьер хотел было сказать что-то: разговор интересовал его, но Анна Павловна, караулившая его, перебила.

– Император Александр, – сказала она с грустью, сопутствовавшая всегда ее речам об императорской фамилии, – объявил, что он предоставит самим французам выбрать образ правления. И я думаю, нет сомнения, что вся нация, освободившись от узурпатора, бросится в руки законного короля, – сказала Анна Павловна, стараясь быть любезной с эмигрантом и роялистом.

– Это сомнительно, – сказал князь Андрей. – Monsieur le vicomte⁷⁸ совершенно справедливо полагает, что дела зашли уже слишком далеко. Я думаю, что трудно будет возвратиться к старому.

– Сколько я слышал, – краснея, опять вмешался в разговор Пьер, – почти всё дворянство перешло уже на сторону Бонапарта.

– Это говорят бонапартисты, – сказал виконт, не глядя на Пьера. – Теперь трудно узнать общественное мнение Франции.

– Bonaparte l'a dit,⁷⁹ – сказал князь Андрей с усмешкой.

⁷³ И новая комедия: народы Генуи и Лукки изъявляют свои желания господину Бонапарте. И господин Бонапарте сидит на троне и исполняет желания народов. О! это восхитительно! Нет, от этого можно с ума сойти. Подумаешь, что весь свет потерял голову.

⁷⁴ Бог мне дал корону. Горе тому, кто ее тронет. – Говорят, он был очень хорош, произнося эти слова,

⁷⁵ Надеюсь, что это была, наконец, та капля, которая переполнит стакан. Государи не могут более терпеть этого человека, который угрожает всему.

⁷⁶ Государи! Я не говорю о России. Государи! Но что они сделали для Людовика XVII, для королевы, для Елизаветы? Ничего. И, поверьте мне, они несут наказание за свою измену делу Бурбонов. Государи! Они шлют послов приветствовать похитителя престола.

⁷⁷ Палка из пастей, оплетенная лазоревыми пастями – дом Конде,

⁷⁸ Господин виконт

⁷⁹ Это говорил Бонапарт,

(Видно было, что виконт ему не нравился, и что он, хотя и не смотрел на него, против него обращал свои речи).

– «Je leur ai montré le chemin de la gloire» – сказал он после недолгого молчания, опять повторяя слова Наполеона: – «ils n'en ont pas voulu; je leur ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule»... Je ne sais pas à quel point il a eu le droit de le dire.⁸⁰

– Aucun,⁸¹ – возразил виконт. – После убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали видеть в нем героя. Si même ça été un héros pour certaines gens, – сказал виконт, обращаясь к Анне Павловне, – depuis l'assassinat du duc il y a un martyr de plus dans le ciel, un héros de moins sur la terre.⁸²

Не успели еще Анна Павловна и другие улыбкой оценить этих слов виконта, как Пьер опять ворвался в разговор, и Анна Павловна, хотя и предчувствовавшая, что он скажет что-нибудь неприличное, уже не могла остановить его.

– Казнь герцога Энгийенского, – сказал Пьер, – была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке.

– Dieu! mon Dieu!⁸³ – страшным шопотом проговорила Анна Павловна.

– Comment, M. Pierre, vous trouvez que l'assassinat est grandeur d'âme,⁸⁴ – сказала маленькая княгиня, улыбаясь и придвигая к себе работу.

– Ah! Oh! – сказали разные голоса.

– Capital!⁸⁵ – по-английски сказал князь Ипполит и принялся бить себя ладонью по коленке. Виконт только пожал плечами.

Пьер торжественно посмотрел сверх очков на слушателей.

– Я потому так говорю, – продолжал он с отчаянностью, – что Бурбоны бежали от революции, предоставив народ анархии; а один Наполеон умел понять революцию, победить ее, и потому для общего блага он не мог остановиться перед жизнью одного человека.

– Не хотите ли перейти к тому столу? – сказала Анна Павловна. Но Пьер, не отвечая, продолжал свою речь.

– Нет, – говорил он, всё более и более одушевляясь, – Наполеон велик, потому что он стал выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав всё хорошее – и равенство граждан, и свободу слова и печати – и только потому приобрел власть.

– Да, ежели бы он, взяв власть, не пользуясь ею для убийства, отдал бы ее законному королю, – сказал виконт, – тогда бы я назвал его великим человеком.

– Он бы не мог этого сделать. Народ отдал ему власть только затем, чтоб он избавил его от Бурбонов, и потому, что народ видел в нем великого человека. Революция была великое дело, – продолжал мсье Пьер, выказывая этим отчаянным и вызывающим вводным предложением свою великую молодость и желание всё поскорее высказать.

– Революция и цареубийство великое дело?.. После этого... да не хотите ли перейти к тому столу? – повторила Анна Павловна.

– Contrat social,⁸⁶ – с кроткою улыбкой сказал виконт.

– Я не говорю про цареубийство. Я говорю про идеи.

⁸⁰ «Я показал им путь славы: они не хотели; я открыл им мои передние: они бросились толпой...» Не знаю, до какой степени имел он право так говорить.

⁸¹ Никакого,

⁸² Если он и был героем для некоторых людей, то после убийства герцога одним мучеником стало больше на небесах и одним героем меньше на земле.

⁸³ Бог мой!

⁸⁴ Как, мсье Пьер, вы видите в убийстве величие души,

⁸⁵ Превосходно!

⁸⁶ «Общественный договор» Руссо

– Да, идеи грабежа, убийства и цареубийства, – опять перебил иронический голос.

– Это были крайности, разумеется, но не в них всё значение, а значение в правах человека, в эманципации от предрассудков, в равенстве граждан; и все эти идеи Наполеон удержал во всей их силе.

– Свобода и равенство, – презрительно сказал виконт, как будто решившийся, наконец, серьезно доказать этому юноше всю глупость его речей, – всё громкие слова, которые уже давно компрометировались. Кто же не любит свободы и равенства? Еще Спаситель наш проповедовал свободу и равенство. Разве после революции люди стали счастливее? Напротив. Мы хотели свободы, а Бонапарте уничтожил ее.

Князь Андрей с улыбкой посматривал то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку. В первую минуту выхода Пьера Анна Павловна ужаснулась, несмотря на свою привычку к свету; но когда она увидела, что, несмотря на произнесенные Пьером святотатственные речи, виконт не выходил из себя, и когда она убедилась, что замять этих речей уже нельзя, она собралась с силами и, присоединившись к виконту, напала на оратора.

– Mais, mon cher m-r Pierre,⁸⁷ – сказала Анна Павловна, – как же вы объясняете великого человека, который мог казнить герцога, наконец, просто человека, без суда и без вины?

– Я бы спросил, – сказал виконт, – как monsieur объясняет 18 брюмера? Разве это не обман? C'est un escamotage, qui ne ressemble nullement à la manière d'agir d'un grand homme.⁸⁸

– А пленные в Африке, которых он убил? – сказала маленькая княгиня, – это ужасно! – И она пожала плечами.

– C'est un roturier, vous aurez beau dire,⁸⁹ – сказал князь Ипполит.

Мсье Пьер не знал, кому отвечать, оглянул всех и улыбнулся. Улыбка у него была не такая, как у других людей, сливающаяся с неулыбкой. У него, напротив, когда приходила улыбка, то вдруг, мгновенно исчезало серьезное и даже несколько угрюмое лицо и являлось другое – детское, доброе, даже глуповатое и как бы просящее прощения.

Виконту, который видел его в первый раз, стало ясно, что этот якобинец совсем не так страшен, как его слова. Все замолчали.

– Как вы хотите, чтоб он всем отвечал вдруг? – сказал князь Андрей. – Притом надо в поступках государственного человека различать поступки частного лица, полководца или императора. Мне так кажется.

– Да, да, разумеется, – подхватил Пьер, обрадованный выступавшею ему подмогой.

– Нельзя не сознаться, – продолжал князь Андрей, – Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подает руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать.

Князь Андрей, видимо желавший смягчить неловкость речи Пьера, приподнялся, собираясь ехать и подавая знак жене.

Вдруг князь Ипполит поднялся и, знаками рук останавливая всех и прося присесть, заговорил:

– Ah! aujourd'hui on m'a raconté une anecdote moscovite, charmante: il faut que je vous en régle. Vous m'excusez, vicomte, il faut que je raconte en russe. Autrement on ne sentira pas le sel de l'histoire.⁹⁰

И князь Ипполит начал говорить по-русски таким выговором, каким говорят французы, пробывшие с год в России. Все приостановились: так оживленно, настоятельно требовал князь Ипполит внимания к своей истории.

⁸⁷ Но, мой любезный мсье Пьер,

⁸⁸ Это шулерство, вовсе не похожее на образ действий великого человека.

⁸⁹ выскочка, что ни говорите,

⁹⁰ Ах, сегодня мне рассказали прелестный московский анекдот; надо вас им попотчевать. Извините, виконт, я буду рассказывать по-русски: иначе пропадет вся соль анекдота.

– В Moscou есть одна барыня, une dame. И она очень скупа. Ей нужно было иметь два valets de pied⁹¹ за карета. И очень большой ростом. Это было ее вкусу. И она имела une femme de chambre,⁹² еще большой росту. Она сказала...

Тут князь Ипполит задумался, видимо с трудом соображая.

– Она сказала... да, она сказала: «девушка (à la femme de chambre), надень livrée⁹³ и поедом со мной, за карета, faire des visites».⁹⁴

Тут князь Ипполит фыркнул и захохотал гораздо прежде своих слушателей, что произвело невыгодное для рассказчика впечатление. Однако многие, и в том числе пожилая дама и Анна Павловна, улыбнулись.

– Она поехала. Незапно сделалась сильный ветер. Девушка потеряла шляпа, и длинные волоса расчесались...

Тут он не мог уже более держаться и стал отрывисто смеяться и сквозь этот смех проговорил:

– И весь свет узнал...

Тем анекдот и кончился. Хотя и непонятно было, для чего он его рассказывает и для чего его надо было рассказать непременно по-русски, однако Анна Павловна и другие оценили светскую любезность князя Ипполита, так приятно закончившего неприятную и нелюбезную выходку мсье Пьера. Разговор после анекдота рассыпался на мелкие, незначительные толки о будущем и прошедшем бале, спектакле, о том, когда и где кто увидится.

V.

Поблагодарив Анну Павловну за ее charmante soirée,⁹⁵ гости стали расходиться.

Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и еще менее умел из него выйти, то есть перед выходом сказать что-нибудь особенно приятное. Кроме того, он был рассеян. Вставая, он вместо своей шляпы захватил трехугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал ее, дергая султан, до тех пор, пока генерал не попросил возвратить ее. Но вся его рассеянность и неумение войти в салон и говорить в нем выкупались выражением добродушия, простоты и скромности. Анна Павловна повернулась к нему и, с христианскою кротостью выражая прощение за его выходку, кивнула ему и сказала:

– Надеюсь увидеть вас еще, но надеюсь тоже, что вы перемените свои мнения, мой милый мсье Пьер, – сказала она.

Когда она сказала ему это, он ничего не ответил, только наклонился и показал всем еще раз свою улыбку, которая ничего не говорила, разве только вот что: «Мнения мнениями, а вы видите, какой я добрый и славный малый». И все, и Анна Павловна невольно почувствовали это.

Князь Андрей вышел в переднюю и, подставив плечи лакею, накидывавшему ему плащ, равнодушно прислушивался к болтовне своей жены с князем Ипполитом, вышедшим тоже в переднюю. Князь Ипполит стоял возле хорошенькой беременной княгини и упорно смотрел прямо на нее в лорнет.

– Идите, Annette, вы простудитесь, – говорила маленькая княгиня, прощаясь с Анной Павловной. – C'est arrêté,⁹⁶ – прибавила она тихо.

⁹¹ лакея

⁹² девушка

⁹³ ливрею

⁹⁴ делать визиты

⁹⁵ обворожительный вечер,

⁹⁶ Так решено,

Анна Павловна уже успела переговорить с Лизой о сватовстве, которое она затевала между Анатолем и золовкой маленькой княгини.

– Я надеюсь на вас, милый друг, – сказала Анна Павловна тоже тихо, – вы напишете к ней и скажете мне, *comment le père envisagera la chose. Au revoir*,⁹⁷ – и она ушла из передней.

Князь Ипполит подошел к маленькой княгине и, близко наклоня к ней свое лицо, стал полушепотом что-то говорить ей.

Два лакея, один княгинин, другой его, дожидаясь, когда они кончат говорить, стояли с шалью и рединготом и слушали их, непонятный им, французский говор с такими лицами, как будто они понимали, что говорится, но не хотели показывать этого. Княгиня, как всегда, говорила улыбаясь и слушала смеясь.

– Я очень рад, что не поехал к посланнику, – говорил князь Ипполит: – скука... Прекрасный вечер, не правда ли, прекрасный?

– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня, вздергивая с усиками губку. – Все красивые женщины общества будут там.

– Не все, потому что вас там не будет; не все, – сказал князь Ипполит, радостно смеясь, и, схватив шаль у лакея, даже толкнул его и стал надевать ее на княгиню. От неловкости или умышленно (никто бы не мог разобрать этого) он долго не опускал рук, когда шаль уже была надета, и как будто обнимал молодую женщину.

Она грациозно, но всё улыбаясь, отстранилась, повернулась и взглянула на мужа. У князя Андрея глаза были закрыты: так он казался усталым и сонным.

– Вы готовы? – спросил он жену, обходя ее взглядом.

Князь Ипполит торопливо надел свой редингот, который у него, по-новому, был длиннее пятки, и, путаясь в нем, побежал на крыльцо за княгиней, которую лакей подсаживал в карету.

– *Princesse, au revoir*,⁹⁸ – кричал он, путаясь языком так же, как и ногами.

Княгиня, подбирая платье, садилась в темноте кареты; муж ее опраивал саблю; князь Ипполит, под предлогом прислуживания, мешал всем.

– Па-звольте, сударь, – сухо-неприятно обратился князь Андрей по-русски к князю Ипполиту, мешавшему ему пройти.

– Я тебя жду, Пьер, – ласково и нежно проговорил тот же голос князя Андрея.

Форейтор тронулся, и карета загремела колесами. Князь Ипполит смеялся отрывисто, стоя на крыльце и дожидаясь виконта, которого он обещал довести до дому.

– *Eh bien, mon cher, votre petite princesse est très bien, très bien*, – сказал виконт, усевшись в карету с Ипполитом. – *Mais très bien*. – Он поцеловал кончики своих пальцев. – *Et tout-à-fait française*.⁹⁹

Ипполит, фыркнув, засмеялся.

– *Et savez-vous que vous êtes terrible avec votre petit air innocent*, – продолжал виконт. – *Je plains le pauvre mari, ce petit officier, qui se donne des airs de prince régnant*.¹⁰⁰

Ипполит фыркнул еще и сквозь смех проговорил:

– *Et vous disiez, que les dames russes ne valaient pas les dames françaises. Il faut savoir s'y prendre*.¹⁰¹

Пьер, приехав вперед, как домашний человек, прошел в кабинет князя Андрея и тотчас же, по привычке, лег на диван, взял первую попавшуюся с полки книгу (это были Записки Цезаря) и принялся, облокотившись, читать ее из середины.

⁹⁷ как отец посмотрит на дело. До свидания,

⁹⁸ Княгиня, до свидания

⁹⁹ Ну, мой дорогой, ваша маленькая княгиня очень мила! Очень мила. И совсем, совсем француженка.

¹⁰⁰ А знаете ли, вы ужасны с вашим невинным видом. Я жалею бедного мужа, этого офицера, который корчит из себя владетельную особу

¹⁰¹ А вы говорили, что русские дамы не стоят французских. Надо уметь взяться.

– Что ты сделал с m-lle Шерер? Она теперь совсем заболела, – сказал, входя в кабинет, князь Андрей и потирая маленькие, белые ручки.

Пьер поворотился всем телом, так что диван заскрипел, обернул оживленное лицо к князю Андрею, улыбнулся и махнул рукой.

– Нет, этот аббат очень интересен, но только не так понимает дело... По-моему, вечный мир возможен, но я не умею, как это сказать... Но только не политическим равновесием...

Князь Андрей не интересовался, видимо, этими отвлеченными разговорами.

– Нельзя, mon cher,¹⁰² везде всё говорить, что только думаешь. Ну, что ж, ты решился, наконец, на что-нибудь? Кавалергард ты будешь или дипломат? – спросил князь Андрей после минутного молчания.

Пьер сел на диван, поджав под себя ноги.

– Можете себе представить, я всё еще не знаю. Ни то, ни другое мне не нравится.

– Но ведь надо на что-нибудь решиться? Отец твой ждет.

Пьер с десятилетнего возраста был послан с гувернером-аббатом за границу, где он пробыл до двадцатилетнего возраста. Когда он вернулся в Москву, отец отпустил аббата и сказал молодому человеку: «Теперь ты поезжай в Петербург, осмотришься и выбирай. Я на всё согласен. Вот тебе письмо к князю Василью, и вот тебе деньги. Пиши обо всем, я тебе во всем помогаю». Пьер уже три месяца выбирал карьеру и ничего не делал. Про этот выбор и говорил ему князь Андрей. Пьер потер себе лоб.

– Но он масон должен быть, – сказал он, разумея аббата, которого он видел на вечере.

– Всё это бредни, – остановил его опять князь Андрей, – поговорим лучше о деле. Был ты в конной гвардии?...

– Нет, не был, но вот что мне пришло в голову, и я хотел вам сказать. Теперь война против Наполеона. Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... это нехорошо...

Князь Андрей только пожал плечами на детские речи Пьера. Он сделал вид, что на такие глупости нельзя отвечать; но действительно на этот наивный вопрос трудно было ответить что-нибудь другое, чем то, что ответил князь Андрей.

– Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны бы не было, – сказал он.

– Это-то и было бы прекрасно, – сказал Пьер.

Князь Андрей усмехнулся.

– Очень может быть, что это было бы прекрасно, но этого никогда не будет...

– Ну, для чего вы идете на войну? – спросил Пьер.

– Для чего? я не знаю. Так надо. Кроме того, я иду... – Он остановился. – Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь – не по мне!

VI.

В соседней комнате зашумело женское платье. Как будто очнувшись, князь Андрей встряхнулся, и лицо его приняло то же выражение, какое оно имело в гостиной Анны Павловны. Пьер спустил ноги с дивана. Вошла княгиня. Она была уже в другом, домашнем, но столь же элегантном и свежем платье. Князь Андрей встал, учтиво подвигая ей кресло.

– Отчего, я часто думаю, – заговорила она, как всегда, по-французски, поспешно и хлопотливо усаживаясь в кресло, – отчего Анет не вышла замуж? Как вы все глупы, messieurs, что на ней не женились. Вы меня извините, но вы ничего не понимаете в женщинах толку. Какой вы спорщик, мсье Пьер!

¹⁰² мой милый,

– Я и с мужем вашим всё спору; не понимаю, зачем он хочет идти на войну, – сказал Пьер, без всякого стеснения (столь обыкновенного в отношениях молодого мужчины к молодой женщине) обращаясь к княгине.

Княгиня встрепелась. Видимо, слова Пьера затронули ее за живое.

– Ах, вот я то же говорю! – сказала она. – Я не понимаю, решительно не понимаю, отчего мужчины не могут жить без войны? Отчего мы, женщины, ничего не хотим, ничего нам не нужно? Ну, вот вы будьте судьей. Я ему всё говорю: здесь он адъютант у дяди, самое блестящее положение. Все его так знают, так ценят. На-днях, у Апраксиных я слышала, как одна дама спрашивает: «с'est ça le fameux prince André?» *Ma parole d'honneur!*¹⁰³ – Она засмеялась. – Он так везде принят. Он очень легко может быть и флигель-адъютантом. Вы знаете, государь очень милостиво говорил с ним. Мы с Анет говорили, это очень легко было бы устроить. Как вы думаете?

Пьер посмотрел на князя Андрея и, заметив, что разговор этот не нравился его другу, ничего не отвечал.

– Когда вы едете? – спросил он.

– Ah! ne me parlez pas de ce départ, ne m'en parlez pas. Je ne veux pas en entendre parler,¹⁰⁴ – заговорила княгиня таким капризно-игривым тоном, каким она говорила с Ипполитом в гостиной, и который так, очевидно, не шел к семейному кружку, где Пьер был как бы членом. – Сегодня, когда я подумала, что надо прервать все эти дорогие отношения... И потом, ты знаешь, André? – Она значительно мигнула мужу. – J'ai peur, j'ai peur!¹⁰⁵ – прошептала она, содрогаясь спиной.

Муж смотрел на нее с таким видом, как будто он был удивлен, заметив, что кто-то еще, кроме его и Пьера, находился в комнате: однако с холодной учтивостью вопросительно обратился к жене:

– Чего ты боишься, Лиза? Я не могу понять, – сказал он.

– Вот как все мужчины эгоисты; все, все эгоисты! Сам из-за своих прихотей, Бог знает зачем, бросает меня, запирает в деревню одну.

– С отцом и сестрой, не забудь, – тихо сказал князь Андрей.

– Всё равно одна, без *моих* друзей... И хочет, чтоб я не боялась.

Тон ее уже был ворчливый, губка поднялась, придавая лицу не радостное, а зверское, беличье выражение. Она замолчала, как будто находя неприличным говорить при Пьере про свою беременность, тогда как в этом и состояла сущность дела.

– Всё-таки я не понял, *de quoi vous avez peur*,¹⁰⁶ – медлительно проговорил князь Андрей, не спуская глаз с жены.

Княгиня покраснела и отчаянно взмахнула руками.

– Non, André, je dis que vous avez tellement, tellement changé¹⁰⁷...

– Твой доктор велит тебе раньше ложиться, – сказал князь Андрей. – Ты бы шла спать.

Княгиня ничего не сказала, и вдруг короткая с усиками губка задрожала; князь Андрей, встав и пожав плечами, прошел по комнате.

Пьер удивленно и наивно смотрел через очки то на него, то на княгиню и зашевелился, как будто он тоже хотел встать, но опять раздумал.

– Что мне за дело, что тут мсье Пьер, – вдруг сказала маленькая княгиня, и хорошенькое лицо ее вдруг распустилось в слезливую гримасу. – Я тебе давно хотела сказать, André: за что

¹⁰³ это известный князь Андрей? Честное слово!

¹⁰⁴ Ах, не говорите мне про этот отъезд, не говорите! Я не хочу про это слышать.

¹⁰⁵ Мне страшно! страшно!

¹⁰⁶ Чего ты боишься,

¹⁰⁷ Нет, Андрей, ты так переменялся, так переменялся...

ты ко мне так переменялся? Что́ я тебе сделала? Ты едешь в армию, ты меня не жалеешь. За что́?

– Lise! – только сказал князь Андрей; но в этом слове были и просьба, и угроза, и, главное, уверение в том, что она сама раскается в своих словах; но она торопливо продолжала:

– Ты обращаешься со мной, как с больной или с ребенком. Я всё вижу. Разве ты такой был полгода назад?

– Lise, я прошу вас перестать, – сказала князь Андрей еще выразительнее.

Пьер, всё более и более приходивший в волнение во время этого разговора, встал и подошел к княгине. Он, казалось, не мог переносить вида слез и сам готов был заплакать.

– Успокойтесь, княгиня. Вам это так кажется, потому что я вас уверяю, я сам испытал... отчего... потому что... Нет, извините, чужой тут лишний... Нет, успокойтесь... Прощайте...

Князь Андрей остановил его за руку.

– Нет, постой, Пьер. Княгиня так добра, что не захочет лишить меня удовольствия провести о тобою вечер.

– Нет, он только о себе думает, – проговорила княгиня, не удерживая сердитых слез.

– Lise, – сказал сухо князь Андрей, поднимая тон на ту степень, которая показывает, что терпение истощено.

Вдруг сердитое-беличье выражение красивого личика княгини заменилось привлекательным и возбуждающим сострадание выражением страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лице ее показалось то робкое и признающееся выражение, какое бывает у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущенным хвостом.

– Mon Dieu, mon Dieu!¹⁰⁸ – проговорила княгиня и, подобрав одною рукой складку платья, подошла к мужу и поцеловала его в лоб.

– Bonsoir, Lise,¹⁰⁹ – сказал князь Андрей, вставая и учтиво, как у посторонней, целуя руку.

–

Друзья молчали. Ни тот, ни другой не начинал говорить. Пьер поглядывал на князя Андрея, князь Андрей потирал себе лоб своею маленькою ручкой.

– Пойдем ужинать, – сказал он со вздохом, вставая и направляясь к двери.

Они вошли в изящно, заново, богато отделанную столовую. Всё, от салфеток до серебра, фаянса и хрусталя, носило на себе тот особенный отпечаток новизны, который бывает в хозяйстве молодых супругов. В середине ужина князь Андрей облокотился и, как человек, давно имеющий что-нибудь на сердце и вдруг решающийся высказаться, с выражением нервного раздражения, в каком Пьер никогда еще не видал своего приятеля, начал говорить:

– Никогда, никогда не женись, мой друг; вот тебе мой совет, не женись до тех пор, пока ты не скажешь себе, что ты сделал всё, что́ мог, и до тех пор, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбрал, пока ты не увидишь ее ясно; а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись стариком, никуда негодным... А то пропадет всё, что́ в тебе есть хорошего и высокого. Всё истратится по мелочам. Да, да, да! Не смотри на меня с таким удивлением. Ежели ты ждешь от себя чего-нибудь впереди, то на каждом шагу ты будешь чувствовать, что для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной, где ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом... Да что́!..

Он энергически махнул рукой.

Пьер снял очки, отчего лицо его изменилось, еще более выказывая доброту, и удивленно глядел на друга.

¹⁰⁸ Боже мой, Боже мой!

¹⁰⁹ Прощай Лиза,

– Моя жена, – продолжал князь Андрей, – прекрасная женщина. Это одна из тех редких женщин, с которою можно быть покойным за свою честь; но, Боже мой, чего бы я не дал теперь, чтобы не быть женатым! Это я тебе одному и первому говорю, потому что я люблю тебя.

Князь Андрей, говоря это, был еще менее похож, чем прежде, на того Болконского, который развалившись сидел в креслах Анны Павловны и сквозь зубы, щурясь, говорил французские фразы. Его сухое лицо всё дрожало нервическим оживлением каждого мускула; глаза, в которых прежде казался потушенным огонь жизни, теперь блестели лучистым, ярким блеском. Видно было, что чем безжизненнее казался он в обыкновенное время, тем энергичнее был он в минуты раздражения.

– Ты не понимаешь, отчего я это говорю, – продолжал он. – Ведь это целая история жизни. Ты говоришь, Бонапарте и его карьера, – сказал он, хотя Пьер и не говорил про Бонапарте. – Ты говоришь Бонапарте; но Бонапарте, когда он работал, шаг за шагом шел к своей цели, он был свободен, у него ничего не было, кроме его цели, – и он достиг ее. Но свяжи себя с женщиной – и как скованный колодник, теряешь всякую свободу. И всё, что есть в тебе надежд и сил, всё только тяготит и раскаянием мучает тебя. Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество – вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь. Je suis très aimable et très caustique,¹¹⁰ – продолжал князь Андрей, – и у Анны Павловны меня слушают. И это глупое общество, без которого не может жить моя жена, и эти женщины... Ежели бы ты только мог знать, что это такое toutes les femmes distinguées¹¹¹ и вообще женщины! Отец мой прав. Эгоизм, тщеславие, тупоумие, ничтожество во всем – вот женщины, когда они показываются так, как они есть. Посмотришь на них в свете, кажется, что что-то есть, а ничего, ничего, ничего! Да, не женись, душа моя, не женись, – кончил князь Андрей.

– Мне смешно, – сказал Пьер, – что *вы себя, себя* считаете неспособным, свою жизнь – испорченную жизнью. У вас всё, всё впереди. И вы...

Он не сказал, *что вы*, но уже тон его показывал, как высоко ценит он друга и как много ждет от него в будущем.

«Как он может это говорить!» думал Пьер. Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно оттого, что князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием – силы воли. Пьер всегда удивлялся способности князя Андрея спокойного обращения со всякого рода людьми, его необыкновенной памяти, начитанности (он всё читал, всё знал, обо всем имел понятие) и больше всего его способности работать и учиться. Ежели часто Пьера поражало в Андрее отсутствие способности мечтательного философствования (к чему особенно был склонен Пьер), то и в этом он видел не недостаток, а силу.

В самых лучших, дружеских и простых отношениях лесть или похвала необходимы, как подмазка необходима для колес, чтоб они ехали.

– Je suis un homme fini,¹¹² – сказал князь Андрей. – Что обо мне говорить? Давай говорить о тебе, – сказал он, помолчав и улыбнувшись своим утешительным мыслям.

Улыбка эта в то же мгновение отразилась на лице Пьера.

– А обо мне что говорить? – сказал Пьер, распуская свой рот в беззаботную, веселую улыбку. – Что я такое? Je suis un bâtard!¹¹³ – И он вдруг багрово покраснел. Видно было, что он сделал большое усилие, чтобы сказать это. – Sans nom, sans fortune...¹¹⁴ И что ж, право...

¹¹⁰ Я хороший болтун,

¹¹¹ Эти порядочные женщины

¹¹² Я конченный человек,

¹¹³ Незаконный сын!

¹¹⁴ Без имени, без состояния...

– Но он не сказал, *что право*. – Я свободен пока, и мне хорошо. Я только никак не знаю, что мне начать. Я хотел серьезно посоветоваться с вами.

Князь Андрей добрыми глазами смотрел на него. Но во взгляде его, дружеском, ласковом, всё-таки выражалось сознание своего превосходства.

– Ты мне дорог, особенно потому, что ты один живой человек среди всего нашего света. Тебе хорошо. Выбери, что хочешь; это всё равно. Ты везде будешь хорош, но одно: перестань ты ездить к этим Курагиным, вести эту жизнь. Так это не идет тебе: все эти кутежи, и гусарство, и всё...

– *Que voulez-vous, mon cher*, – сказал Пьер, пожимая плечами, – *les femmes, mon cher, les femmes!*¹¹⁵

– Не понимаю, – отвечал Андрей. – *Les femmes comme il faut*,¹¹⁶ это другое дело; но *les femmes* Курагина, *les femmes et le vin*,¹¹⁷ не понимаю!

Пьер жил у князя Василия Курагина и участвовал в разгульной жизни его сына Анатоля, того самого, которого для исправления собирались женить на сестре князя Андрея.

– Знаете что! – сказал Пьер, как будто ему пришла неожиданно счастливая мысль, – серьезно, я давно это думал. С этого жизнью я ничего не могу ни решить, ни обдумать. Голова болит, денег нет. Нынче он меня звал, я не поеду.

– Дай мне честное слово, что ты не будешь ездить?

– Честное слово!

–

Уже был второй час ночи, когда Пьер вышел от своего друга. Ночь была июньская, петербургская, бессумрачная ночь. Пьер сел в извозчичью коляску с намерением ехать домой. Но чем ближе он подъезжал, тем более он чувствовал невозможность заснуть в эту ночь, походившую более на вечер или на утро. Далеко было видно по пустым улицам. Дорогой Пьер вспомнил, что у Анатоля Курагина нынче вечером должно было собраться обычное игорное общество, после которого обыкновенно шла попойка, кончавшаяся одним из любимых увеселений Пьера.

«Хорошо бы было поехать к Курагину», подумал он. Но тотчас же он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но тотчас же, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось еще раз испытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решился ехать. И тотчас же ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что еще прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолю слово быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова – такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрет или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного. Такого рода рассуждения, уничтожая все его решения и предположения, часто приходили Пьеру. Он поехал к Курагину.

Подъехав к крыльцу большого дома у конно-гвардейских казарм, в котором жил Анатоль, он поднялся на освещенное крыльцо, на лестницу, и вошел в отворенную дверь. В передней никого не было; валялись пустые бутылки, плащи, калоши; пахло вином, слышался дальний говор и крик.

Игра и ужин уже кончились, но гости еще не разъезжались. Пьер скинул плащ и вошел в первую комнату, где стояли остатки ужина и один лакей, думая, что его никто не видит, допивал тайком недопитые стаканы. Из третьей комнаты слышалась возня, хохот, крики знакомых

¹¹⁵ Что делать, женщины, мой друг, женщины!

¹¹⁶ Порядочные женщины,

¹¹⁷ женщины Курагина, женщины и вино,

голосов и рев медведя. Человек восемь молодых людей толпились озабоченно около открытого окна. Трое возились с молодым медведем, которого один таскал на цепи, пугая им другого.

– Держу за Стивенса сто! – кричал один.

– Смотри не поддерживать! – кричал другой.

– Я за Долохова! – кричал третий. – Разними, Курагин.

– Ну, бросьте Мишку, тут пари.

– Одним духом, иначе проиграно, – кричал четвертый.

– Яков! давай бутылку, Яков! – кричал сам хозяин, высокий красавец, стоявший посреди толпы в одной тонкой рубашке, раскрытой на середине груди. – Стойте, господа. Вот он Петруша, милый друг, – обратился он к Пьеру.

Другой голос невысокого человека, с ясными голубыми глазами, особенно поражавший среди этих всех пьяных голосов своим трезвым выражением, закричал от окна: – Иди сюда – разойми пари! – Это был Долохов, семеновский офицер, известный игрок и бретёр, живший вместе с Анатолем. Пьер, улыбался, весело глядя вокруг себя.

– Ничего не понимаю. В чем дело? – спросил он.

– Стойте, он не пьян. Дай бутылку, – сказал Анатолий и, взяв со стола стакан, подошел к Пьеру.

– Прежде всего пей.

Пьер стал пить стакан за стаканом, исподлобья оглядывая пьяных гостей, которые опять столпились у окна, и прислушиваясь к их говору. Анатолий наливал ему вино и рассказывал, что Долохов держит пари с англичанином Стивенсом, моряком, бывшим тут, в том, что он, Долохов, выпьет бутылку рому, сидя на окне третьего этажа с опущенными наружу ногами.

бѣжались. Пьеръ скинулъ плащъ, и вошелъ въ первую комнату. ~~Надъ на серединѣ стояла статуя скаковой лошади во весь ростъ. Изъ третьей комнаты слышались звуки органа и знакомые хохотъ и крики. Человѣкъ шести или восьми. Она вошла въ третью комнату, въ которой стояли еще остатки ужина. Человѣкъ восемь молодыхъ людей, всѣ безъ сюртуконъ и болѣею частью въ военныхъ рейтузахъ, толпились около открытаго окна и рѣшались на русскіе и на французскіе крики нечеловѣчливаго тона.~~

— Держу за Чаплица сто! кричалъ одинъ.

— Смотри не поддерживать! кричалъ другой.

— Я за Додохова! кричалъ третій. — Разними, Кураганъ.

— Однимъ духомъ, иначе проиграно, кричалъ четвертый.

— Яковъ, давай бутылку Яковъ! кричалъ самъ хозяинъ, высокій, ~~статный~~ красавецъ стоявшій посреди толпы.

Стойте, господа. Вотъ онъ, ~~Рюге-де-грандъ~~.

— А! Петръ! Петруша! Рюге-де-грандъ!

— Рюге-де-грандъ! закричали, ~~не видя~~ ~~торопясь~~ обступая его.

На лицахъ блѣдныхъ, красныхъ и съ красными пятнами молодыхъ людей выразилась радость при видѣ Пьера, который, снявъ руки и протарая ихъ, смотрѣлъ на всю эту толпу.

— Ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло? ~~оказалъ онъ, совершенно изумленъ.~~

— Стойте, онъ не пьянъ. Дай бутылку, сказали Анатолю, и взявъ со стола стаканъ, подошелъ къ Пьеру.

— Прежде всего пей.

Пьеръ ~~мѣла~~ сталъ пить стаканъ за стаканомъ, изъ-подлобья оглядывая пьяныхъ гостей, которые опять столпились у окна, толкуя о чемъ-то ему непонятномъ. Онъ выпилъ одинъ стаканъ за полемъ; Анатолю съ значительнымъ видомъ налилъ ему другой. Пьеръ покорно выпилъ, хотя и медленнѣе перваго. Анатолю налилъ третій. Пьеръ выпилъ и этотъ, хотя остановился два раза, чтобы перевести духъ. Анатолю стоялъ подлѣ, серьезно глядя своими прекрасными большими глазами попеременно на стаканъ, на бутылку и на Пьера. Анатолю былъ красавецъ: высокій, полный, блѣдный, румяный; грудь у него была такъ высока, что голова откидывалась назадъ, что придавало ему гордый видъ. У него былъ прекрасный свѣжій ротъ, густые русые волосы, на выкатъ черные глаза и общее выраженіе силы, здоровья и добродушія свѣжей молодости. Но

Страница из «Русского вестника» 1865 г. № 1, исправленная для первого полного издания романа (рука автора и С. А. Толстой).

– Ну, пей же всю! – сказал Анатоль, подавая последний стакан Пьеру, – а то не пушу!

– Нет, не хочу, – сказал Пьер, отталкивая Анатоля, и подошел к окну.

Долохов держал за руку англичанина и ясно, отчетливо выговаривал условия пари, обращаясь преимущественно к Анатолю и Пьеру.

Долохов был человек среднего роста, курчавый и с светлыми, голубыми глазами. Ему было лет двадцать пять. Он не носил усов, как и все пехотные офицеры, и рот его, самая поразительная черта его лица, был весь виден. Линии этого рта были замечательно тонко изогнуты. В середине верхняя губа энергически опускалась на крепкую нижнюю острым клином, и в углах образовывалось постоянно что-то в роде двух улыбок, по одной с каждой стороны; и всё вместе, а особенно в соединении с твердым, наглым, умным взглядом, составляло впечатление такое, что нельзя было не заметить этого лица. Долохов был небогатый человек, без всяких связей. И несмотря на то, что Анатоль проживал десятки тысяч, Долохов жил с ним и успел себя поставить так, что Анатоль и все знавшие их уважали Долохова больше, чем Анатоля. Долохов играл во все игры и почти всегда выигрывал. Сколько бы он ни пил, он никогда не терял ясности головы. И Курагин, и Долохов в то время были знаменитостями в мире повес и кутил Петербурга.

Бутылка рому была принесена; раму, не пускавшую сесть на наружный откос окна, выламывали два лакея, видимо торопившиеся и робевшие от советов и криков окружавших господ.

Анатоль с своим победительным видом подошел к окну. Ему хотелось сломать что-нибудь. Он оттолкнул лакеев и потянул раму, но рама не сдавалась. Он разбил стекло.

– Ну-ка ты, силач, – обратился он к Пьеру.

Пьер взялся за перекладины, потянул и с треском где сломал, где выворотил дубовую раму.

– Всю вон, а то подумают, что я держусь, – сказал Долохов.

– Англичанин хвастает... а?... хорошо?... – говорил Анатоль.

– Хорошо, – сказал Пьер, глядя на Долохова, который, взяв в руки бутылку рома, подходил к окну, из которого виднелся свет неба и сливавшихся на нем утренней и вечерней зари.

Долохов с бутылкой рома в руке вскочил на окно.

– Слушать! – крикнул он, стоя на подоконнике и обращаясь в комнату. Все замолчали.

– Я держу пари (он говорил по-французски, чтоб его понял англичанин, и говорил не слишком хорошо на этом языке). – Держу пари на пятьдесят империалов, хотите на сто? – прибавил он, обращаясь к англичанину.

– Нет, пятьдесят, – сказал англичанин.

– Хорошо, на пятьдесят империалов, – что я выпью бутылку рома всю, не отнимая ото рта, выпью, сидя за окном, вот на этом месте (он нагнулся и показал покатым выступ стены за окном) и не держась ни за что... Так?...

– Очень хорошо, – сказал англичанин.

Анатоль повернулся к англичанину и, взяв его за пуговицу фрака и сверху глядя на него (англичанин был мал ростом), начал по-английски повторять ему условия пари.

– Постой! – закричал Долохов, стуча бутылкой по окну, чтоб обратить на себя внимание. – Постой, Курагин; слушайте. Если кто сделает то же, то я плачу сто империалов. Понимаете?

Англичанин кивнул головой, не давая никак разуместь, намерен ли он или нет принять это новое пари. Анатоль не отпускал англичанина и, несмотря на то что тот, кивая, давал знать, что он всё понял, Анатоль переводил ему слова Долохова по-английски. Молодой худощавый мальчик, лейб-гусар, проигравшийся в этот вечер, взлез на окно, высунулся и посмотрел вниз.

– У!... у!... у!... – проговорил он, глядя за окно на камень тротуара.

– Смирно! – закричал Долохов и сдернул с окна офицера, который, запутавшись шпорами, неловко спрыгнул в комнату.

Поставив бутылку на подоконник, чтобы было удобно достать ее, Долохов осторожно и тихо полез в окно. Спустив ноги и распершись обеими руками в края окна, он примерился, уселся, отпустил руки, подвинулся направо, налево и достал бутылку. Анатолий принес две свечки и поставил их на подоконник, хотя было уже совсем светло. Спина Долохова в белой рубашке и курчавая голова его были освещены с обеих сторон. Все столпились у окна. Англичанин стоял впереди. Пьер улыбался и ничего не говорил. Один из присутствующих, постарше других, с испуганным и сердитым лицом, вдруг продвинулся вперед и хотел схватить Долохова за рубашку.

– Господа, это глупости; он убьется до смерти, – сказал этот более благоразумный человек.

Анатолий остановил его.

– Не трогай, ты его испугаешь, он убьется. А?... Что тогда?... А?...

Долохов обернулся, поправляясь и опять распершись руками.

– Ежели кто ко мне еще будет соваться, – сказал он, редко пропуская слова сквозь стиснутые и тонкие губы, – я того сейчас спущу вот сюда. Ну!...

Сказав «ну»!, он повернулся опять, отпустил руки, взял бутылку и поднес ко рту, закинул назад голову и вскинул кверху свободную руку для перевеса. Один из лакеев, начавший подбирать стекла, остановился в согнутом положении, не спуская глаз с окна и спины Долохова. Анатолий стоял прямо, разинув глаза. Англичанин, выпятив вперед губы, смотрел сбоку. Тот, который останавливал, убежал в угол комнаты и лег на диван лицом к стене. Пьер закрыл лицо, и слабая улыбка, забывшись, осталась на его лице, хоть оно теперь выражало ужас и страх. Все молчали. Пьер отнял от глаз руки. Долохов сидел всё в том же положении, только голова загнулась назад, так что курчавые волосы затылка прикасались к воротнику рубахи, и рука с бутылкой поднималась всё выше и выше, содрогаясь и делая усилие. Бутылка видимо опорожнялась и с тем вместе поднималась, загибая голову. «Что же это так долго?» подумал Пьер. Ему казалось, что прошло больше получаса. Вдруг Долохов сделал движение назад спиной, и рука его нервно задрожала; этого содрогания было достаточно, чтобы сдвинуть всё тело, сидевшее на покато откосе. Он сдвинулся весь, и еще сильнее задрожали, делая усилие, рука и голова его. Одна рука поднялась, чтобы схватиться за подоконник, но опять опустилась. Пьер опять закрыл глаза и сказал себе, что никогда уж не откроет их. Вдруг он почувствовал, что всё вокруг зашевелилось. Он взглянул: Долохов стоял на подоконнике, лицо его было бледно и весело.

– Пуста!

Он кинул бутылку англичанину, который ловко поймал ее. Долохов спрыгнул с окна. От него сильно пахло ромом.

– Отлично! Молодцом! Вот так пари! Чорт вас возьми совсем! – кричали с разных сторон.

Англичанин, достав кошелек, отсчитывал деньги. Долохов хмурился и молчал. Пьер вскочил на окно.

– Господа! Кто хочет со мною пари? Я то же сделаю, – вдруг крикнул он. – И пари не нужно, вот что. Вели дать бутылку. Я сделаю... вели дать.

– Пускай, пускай! – сказал Долохов, улыбаясь.

– Что ты? с ума сошел? Кто тебя пустит? У тебя и на лестнице голова кружится, – заговорили с разных сторон.

– Я выпью, давай бутылку рому! – закричал Пьер, решительным и пьяным жестом ударяя по стулу, и полез в окно.

Его схватили за руки; но он был так силен, что далеко оттолкнул того, кто приблизился к нему.

– Нет, его так не уломаешь ни за что, – говорил Анатоль, – постойте, я его обману. Послушай, я с тобой держу пари, но завтра, а теперь мы все едем к ***.

– Едем, – закричал Пьер, – едем!... И Мишку с собой берем...

И он ухватил медведя, и, обняв и подняв его, стал кружиться с ним по комнате.

VII.

Князь Василий исполнил обещание, данное на вечере у Анны Павловны княгине Друбецкой, просившей его о своем единственном сыне Борисе. О нем было доложено государю, и, не в пример другим, он был переведен в гвардию Семеновского полка прапорщиком. Но адъютантом, или состоящим при Кутузове, Борис так и не был назначен, несмотря на все хлопоты и происки Анны Михайловны. Вскоре после вечера Анны Павловны, Анна Михайловна вернулась в Москву, прямо к своим богатым родственникам Ростовым, у которых она стояла в Москве и у которых с детства воспитывался и годами жил ее обожаемый Боренька, только что произведенный в армейские и тотчас же переведенный в гвардейские прапорщики. Гвардия уже вышла из Петербурга 10-го августа, и сын, оставшийся для обмундирования в Москве, должен был догнать ее по дороге в Радзивилов.

У Ростовых были именинницы Натальи, мать и меньшая дочь. С утра, не переставая, подъезжали и отъезжали цуги, подвозившие поздравителей к большому, всей Москве известному дому графини Ростовой на Поварской. Графиня с красивою старшею дочерью и гостями, не перестававшими сменять один другого, сидели в гостиной.

Графиня была женщина с восточным типом худого лица, лет сорока пяти, видимо изнуренная детьми, которых у ней было двенадцать человек. Медлительность ее движений и говора, происходившая от слабости сил, придавала ей значительный вид, внушавший уважение. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая, как домашний человек, сидела тут же, помогая в деле приятия и занимания разговором гостей. Молодежь была в задних комнатах, не находя нужным участвовать в приеме визитов. Граф встречал и провожал гостей, приглашая всех к обеду.

– Очень, очень вам благодарен, *ma chère* или *mon cher*¹¹⁸ – (*ma chère* или *mon cher* он говорил всем без исключения, без малейших оттенков, как выше, так и ниже его стоявшим людям) – за себя и за дорогих именинниц. Смотрите же, приезжайте обедать. Вы меня обидите, *mon cher*. Душевно прошу вас от всего семейства, *ma chère*. – Эти слова с одинаким выражением на полном, веселом и чисто выбритом лице и с одинаково-крепким пожатием руки и повторяемыми короткими поклонам говорил он всем без исключения и изменения. Проводив одного гостя, граф возвращался к тому или той, которые еще были в гостиной; придвинув кресла и с видом человека, любящего и умеющего пожить, молодецки расставив ноги и положив на колена руки, он значительно покачивался, предлагал догадки о погоде, советовался о здоровье, иногда на русском, иногда на очень дурном, но самоуверенном французском языке, и снова с видом усталого, но твердого в исполнении обязанности человека шел провожать, оправлял редкие седые волосы на лысине, и опять звал обедать. Иногда, возвращаясь из передней, он заходил через цветочную и официантскую в большую мраморную залу, где накрывали стол на восемьдесят кувертов, и, глядя на официантов, носивших серебро и фарфор, расставлявших столы и развешивавших камчатные скатерти, подзывал к себе Дмитрия Васильевича, дворянина, занимавшегося всеми его делами, и говорил:

¹¹⁸ милая или милый.

– Ну, ну, Митенька, смотри, чтобы всё было хорошо. Так, так, – говорил он, с удовольствием оглядывая огромный раздвинутый стол. – Главное – сервировка. То-то... – И он уходил, самодовольно вздыхая, опять в гостиную.

– Марья Львовна Карагина с дочерью! – басом доложил огромный графинин выездной лакей, входя в двери гостиной. Графиня подумала и понюхала из золотой табакерки с портретом мужа.

– Замучили меня эти визиты, – сказала она. – Ну, уж ее последнюю приму. Чопорна очень. Проси, – сказала она лакею грустным голосом, как будто говорила: «ну, уж добивайте!»

Высокая, полная, с гордым видом дама с круглолицею улыбающеюся дочкой, шумя платьями, вошли в гостиную.

– *Chère comtesse, il y a si longtemps... elle a été alitée la pauvre enfant... au bal des Razoumowsky... et la comtesse Apraksine... j'ai été si heureuse...* —¹¹⁹ слышались оживленные женские голоса, перебивая один другой и сливаясь с шумом платьев и передвижением стульев. Начался тот разговор, который затевают ровно настолько, чтобы при первой паузе встать, зашуметь платьями, проговорить: «*Je suis bien charmée; la santé de maman... et la comtesse Apraksine*»¹²⁰ и опять, зашумев платьями, пройти в переднюю, надеть шубу или плащ и уехать. Разговор зашел о главной городской новости того времени – о болезни известного богача и красавца Екатерининского времени старого графа Безухова и о его незаконном сыне Пьере, который так неприлично вел себя на вечере у Анны Павловны Шерер.

– Я очень жалею бедного графа, – проговорила гостья, – здоровье его и так плохо, а теперь это огорчение от сына, это его убьет!

– Что такое? – спросила графиня, как будто не зная, о чем говорит гостья, хотя она раз пятнадцать уже слышала причину огорчения графа Безухова.

– Вот нынешнее воспитание! Еще за границей, – проговорила гостья, – этот молодой человек предоставлен был самому себе, и теперь в Петербурге, говорят, он такие ужасы надедал, что его с полицией выслали оттуда.

– Скажите! – сказала графиня.

– Он дурно выбирал свои знакомства, – вмешалась княгиня Анна Михайловна. – Сын князя Василия, он и один Долохов, они, говорят, Бог знает что делали. И оба пострадали. Долохов разжалован в солдаты, а сын Безухова выслан в Москву. Анатолия Курагина – того отец как-то замял. Но выслали-таки из Петербурга.

– Да что, бишь, они сделали? – спросила графиня.

– Это совершенные разбойники, особенно Долохов, – говорила гостья. – Он сын Марьи Ивановны Долоховой, такой почтенной дамы, и что же? Можете себе представить: они втроем достали где-то медведя, посадили с собой в карету и повезли к актрисам. Прибежала полиция их унимать. Они поймали квартального и привязали его спина с спиной к медведю и пустили медведя в Мойку; медведь плавает, а квартальный на нем.

– Хороша, *ma chère*, фигура квартального, – закричал граф, помирая со смеху.

– Ах, ужас какой! Чему тут смеяться, граф?

Но дамы невольно смеялись и сами.

– Насилу спасли этого несчастного, – продолжала гостья. – И это сын графа Кирилла Владимировича Безухова так умно забавляется! – прибавила она. – А говорили, что так хорошо воспитан и умен. Вот все воспитание заграничное куда довело. Надеюсь, что здесь его никто не примет, несмотря на его богатство. Мне хотели его представить. Я решительно отказалась: у меня дочери.

¹¹⁹ Уж так давно... Графиня... Больна была бедняжка... на бале Разумовских... графиня Апраксина... я так была рада...

¹²⁰ Очень, очень рада... здоровье мама... Графиня Апраксина...

– Отчего вы говорите, что этот молодой человек так богат? – спросила графиня, нагибаясь от девиц, которые тотчас же сделали вид, что не слушают. – Ведь у него только незаконные дети. Кажется... и Пьер незаконный.

Гостья махнула рукой.

– У него их двадцать незаконных, я думаю.

Княгиня Анна Михайловна вмешалась в разговор, видимо, желая выказать свои связи и свое знание всех светских обстоятельств.

– Вот в чем дело, – сказала она значительно и тоже полушопотом. – Репутация графа Кирилла Владимировича известна... Детям своим он и счет потерял, но этот Пьер любимый был.

– Как старик был хорош, – сказала графиня, – еще прошлого года! Красивее мужчины я не видывала.

– Теперь очень переменился, – сказала Анна Михайловна. – Так я хотела сказать, – продолжала она, – по жене прямой наследник всего имения князь Василий, но Пьера отец очень любил, занимался его воспитанием и писал государю... так что никто не знает, ежели он умрет (он так плох, что этого ждут каждую минуту, и Lorrain¹²¹ приехал из Петербурга), кому достанется это огромное состояние, Пьеру или князю Василию. Сорок тысяч душ и миллионы. Я это очень хорошо знаю, потому что мне сам князь Василий это говорил. Да и Кирилл Владимирович мне приходится троюродным дядей по матери. Он и крестил Борю, – прибавила она, как будто не приписывая этому обстоятельству никакого значения.

– Князь Василий приехал в Москву вчера. Он едет на ревизию, мне говорили, – сказала гостья.

– Да, но, *entre vous*,¹²² – сказала княгиня, – это предлог, он приехал собственно к графу Кириллу Владимировичу, узнав, что он так плох.

– Однако, *ma chère*, это славная штука, – сказал граф и, заметив, что старшая гостья его не слушала, обратился уже к барышням. – Хороша фигура была у квартального, я воображаю.

И он, представив, как махал руками квартальный, опять захохотал звучным и басистым смехом, колебавшим всё его полное тело, как смеются люди, всегда хорошо евшие и особенно пившие. – Так, пожалуйста же, обедать к нам, – сказал он.

VIII.

Наступило молчание. Графиня глядела на гостью, приятно улыбаясь, впрочем, не скрывая того, что не огорчится теперь нисколько, если гостья поднимется и уедет. Дочь гостьи уже оправляла платье, вопросительно глядя на мать, как вдруг из соседней комнаты послышался бег к двери нескольких мужских и женских ног, грохот зацепленного и поваленного стула, и в комнату вбежала тринадцатилетняя девочка, запахнув что-то короткою кисейною юбкою, и остановилась по середине комнаты. Очевидно было, она нечаянно, с нерассчитанного бега, заскочила так далеко. В дверях в ту же минуту показались студент с малиновым воротником, гвардейский офицер, пятнадцатилетняя девочка и толстый румяный мальчик в детской курточке.

Граф вскочил и, раскачиваясь, широко расставил руки вокруг вбежавшей девочки.

– А, вот она! – смеясь закричал он. – Именинница! *Ma chère*, именинница!

– *Ma chère*, *il y a un temps pour tout*,¹²³ – сказала графиня, притворяясь строгою. – Ты ее все балуешь, *Elie*, – прибавила она мужу.

¹²¹ Лоррен

¹²² между нами,

¹²³ Милая, на все есть время,

– Bonjour, ma chère, je vous félicite,¹²⁴ – сказала гостья. – Quelle délicieuse enfant!¹²⁵ – прибавила она, обращаясь к матери.

Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая девочка, с своими детскими открытыми плечиками, выскочившими из корсажа от быстрого бега, с своими сбившимися назад черными кудрями, тоненькими оголенными руками и маленькими ножками в кружевных панталончиках и открытых башмачках, была в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка. Вывернувшись от отца, она подбежала к матери и, не обращая никакого внимания на ее строгое замечание, спрятала свое покрасневшееся лицо в кружевах материной мантильи и засмеялась. Она смеялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу, которую вынула из-под юбочки.

– Видите?.. Кукла... Мими... Видите.

И Наташа не могла больше говорить (ей всё смешно казалось). Она упала на мать и расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли засмеялись.

– Ну, поди, поди с своим уродом! – сказала мать, притворно сердито отталкивая дочь. – Это моя меньшая, – обратилась она к гостье.

Наташа, оторвав на минуту лицо от кружевной косынки матери, взглянула на нее снизу сквозь слезы смеха и опять спрятала лицо.

Гостья, принужденная любоваться семейною сценой, сочла нужным принять в ней какое-нибудь участие.

– Скажите, моя милая, – сказала она, обращаясь к Наташе, – как же вам приходится эта Мими? Дочь, верно?

Наташе не понравился тон снисхождения до детского разговора, с которым гостья обратилась к ней. Она ничего не ответила и серьезно посмотрела на гостью.

Между тем всё это молодое поколение: Борис – офицер, сын княгини Анны Михайловны, Николай – студент, старший сын графа, Соня – пятнадцатилетняя племянница графа, и маленький Петруша – меньшой сын, все разместились в гостиной и, видимо, старались удерживать в границах приличия оживление и веселость, которыми еще дышала каждая их черта. Видно было, что там, в задних комнатах, откуда они все так стремительно прибежали, у них были разговоры веселее, чем здесь о городских сплетнях, погоде и comtesse Apraksine.¹²⁶ Изредка они взглядывали друг на друга и едва удерживались от смеха.

Два молодые человека, студент и офицер, друзья с детства, были одних лет и оба красивые, но не похожи друг на друга. Борис был высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица – Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица. На верхней губе его уже показывались черные волосики, и во всем лице выражались стремительность и восторженность. Николай покраснел, как только вошел в гостиную. Видно было, что он искал и не находил, что сказать; Борис, напротив, тотчас же нашелся и рассказал спокойно, шутливо, как эту Мими куклу он знал еще молодой девицей с неиспорченным еще носом, как она в пять лет на его памяти состарелась и как у ней по всему черепу треснула голова. Сказав это, он взглянул на Наташу. Наташа отвернулась от него, взглянула на младшего брата, который, зажмурившись, трясся от беззвучного смеха, и, не в силах более удерживаться, прыгнула и побежала из комнаты так скоро, как только могли нести ее быстрые ножки. Борис не рассмеялся.

– Вы, кажется, тоже хотели ехать, тамап? Карета нужна? – сказал он, с улыбкой обращаясь к матери.

– Да, поди, поди, вели приготовить, – сказала она, улыбаясь.

¹²⁴ Здравствуйте, моя милая, поздравляю вас,

¹²⁵ Какое прелестное дитя!

¹²⁶ графине Апраксиной.

Борис вышел тихо в двери и пошел за Наташей, толстый мальчик сердито побежал за ними, как будто досадуя на расстройство, происшедшее в его занятиях.

IX.

Из молодежи, не считая старшей дочери графини (которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже, как большая) и госты-барышни, в гостиной остались Николай и Соня-племянница. Соня была тоненькая, миниатюрненькая брюнетка с мягким, отененным длинными ресницами взглядом, густою черною косою, два раза обвивавшею ее голову, и желтоватым оттенком кожи на лице и в особенности на обнаженных худощавых, но грациозных мускулистых руках и шее. Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленьких членов и несколько хитрою и сдержанною манерой она напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой. Она, видимо, считала приличным выказывать улыбкой участие к общему разговору; но против воли, ее глаза из-под длинных густых ресниц смотрели на уезжавшего в армию cousin¹²⁷ с таким девическим страстным обожанием, что улыбка ее не могла ни на мгновение обмануть никого, и видно было, что кошечка присела только для того, чтоб еще энергичнее прыгнуть и заиграть с своим cousin,¹²⁸ как скоро только они так же, как Борис с Наташей, выберутся из этой гостиной.

— Да, *ma chère*, — сказал старый граф, обращаясь к госте и указывая на своего Николая. — Вот его друг Борис произведен в офицеры, и он из дружбы не хочет отставать от него; бросает и университет и меня старика: идет в военную службу, *ma chère*. А уж ему место в архиве было готово, и всё. Вот дружба-то? — сказал граф вопросительно.

— Да, ведь война, говорят, объявлена, — сказала гостыя.

— Давно говорят, — сказал граф. — Опять поговорят, поговорят, да так и оставят. *Ma chère*, вот дружба-то! — повторил он. — Он идет в гусары.

Гостыя, не зная, что сказать, покачала головой.

— Совсем не из дружбы, — отвечал Николай, вспыхнув и отговариваясь как будто от постыдного на него наклепа. — Совсем не дружба, а просто чувствую призвание к военной службе.

Он оглянулся на кухню и на гостыю-барышню: обе смотрели на него с улыбкой одобрения.

— Нынче обедает у нас Шуберт, полковник Павлоградского гусарского полка. Он был в отпуску здесь и берет его с собой. Что делать? — сказал граф, пожимая плечами и говоря шуточно о деле, которое, видимо, стоило ему много горя.

— Я уж вам говорил, папенька, — сказал сын, — что, ежели вам не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что никуда не гоюсь, кроме как в военную службу; я не дипломат, не чиновник, не умею скрывать того, что чувствую, — говорил он, всё поглядывая с кокетством красивой молодости на Соню и гостыю-барышню.

Кошечка, впиваясь в него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошечью натуру.

— Ну, ну, хорошо! — сказал старый граф, — всё горячится... Всё Бонапарте всем голову вскружил; все думают, как это он из поручиков попал в императоры. Что ж, дай Бог, — прибавил он, не замечая насмешливой улыбки гостыи.

Большие заговорили о Бонапарте. Жюли, дочь Карагиной, обратилась к молодому Ростову:

¹²⁷ двоюродного брата

¹²⁸ двоюродного брата

– Как жаль, что вас не было в четверг у Архаровых. Мне скучно было без вас, – сказала она, нежно улыбаясь ему.

Польщенный молодой человек с кокетливою улыбкой молодости ближе пересел к ней и вступил с улыбающеюся Жюли в отдельный разговор, совсем не замечая того, что эта его невольная улыбка ножом ревности резала сердце красневшей и притворно улыбавшейся Сони. В середине разговора он оглянулся на нее. Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазах слезы, а на губах притворную улыбку, встала и вышла из комнаты. Всё оживление Николая исчезло. Он выждал первый перерыв разговора и с расстроенным лицом вышел из комнаты отыскивать Соню.

– Как секреты-то этой всей молодежи шиты белыми нитками! – сказала Анна Михайловна, указывая на выходящего Николая. – *Cousinage dangereux voisinage*,¹²⁹ – прибавила она.

– Да, сказала графиня, после того как луч солнца, проникнувший в гостиную вместе с этим молодым поколением, исчез, и как будто отвечая на вопрос, которого никто ей не делал, но который постоянно занимал ее. – Сколько страданий, сколько беспокойств перенесено за то, чтобы теперь на них радоваться! А и теперь, право, больше страха, чем радости. Всё боишься, всё боишься! Именно тот возраст, в котором так много опасностей и для девочек и для мальчиков.

– Всё от воспитания зависит, – сказала гостья.

– Да, ваша правда, – продолжала графиня. – До сих пор я была, слава Богу, другом своих детей и пользуюсь полным их доверием, – говорила графиня, повторяя заблуждение многих родителей, полагающих, что у детей их нет тайн от них. – Я знаю, что я всегда буду первою *confidente*¹³⁰ моих дочерей, и что Николинька, по своему пылкому характеру, ежели будет шалить (мальчику нельзя без этого), то всё не так, как эти петербургские господа.

– Да, славные, славные ребята, – подтвердил граф, всегда разрешавший запутанные для него вопросы тем, что всё находил славным. – Вот подите! захотел в гусары! Да вот, что вы хотите, *ma chère*!

– Какое милое существо ваша меньшая! – сказала гостья. – Порох!

– Да, порох, – сказал граф. – В меня пошла! И какой голос: хоть и моя дочь, а я правду скажу, певица будет, Саломони другая. Мы взяли итальянца ее учить.

– Не рано ли? Говорят, вредно для голоса учиться в эту пору.

– О, нет, какой рано! – сказал граф. – Как же наши матери выходили в двенадцать-тринадцать лет замуж?

– Уж она и теперь влюблена в Бориса! Какова? – сказала графиня, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса, и, видимо отвечая на мысль, всегда ее занимавшую, продолжала. – Ну, вот видите, держи я ее строго, запрещай я ей... Бог знает, что бы они делали потихоньку (графиня разумела, они целовались бы), а теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и всё мне расскажет. Может быть, я балую ее, но, право, это, кажется, лучше. Я старшую держала строго.

– Да, меня совсем иначе воспитывали, – сказала старшая, красивая графиня Вера, улыбаясь.

Но улыбка не украсила лица Веры, как это обыкновенно бывает; напротив, лицо ее стало неестественно и оттого неприятно. Старшая, Вера, была хороша, была неглупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голос у нее был приятный, то, что она сказала, было справедливо и уместно; но, странное дело, все, и гостья и графиня, оглянулись на нее, как будто удивились, зачем она это сказала, и почувствовали неловкость.

¹²⁹ Беда – двоюродные братцы и сестрицы,

¹³⁰ советницей

– Всегда с старшими детьми мудрят, хотят сделать что-нибудь необыкновенное, – сказала гостья.

– Что́ греха таить, та chère! Графинюшка мудрила с Верой, – сказал граф. – Ну, да что́ ж! всё-таки славная вышла, – прибавил он, одобрительно подмигивая Вере.

Гостьи встали и уехали, обещаясь приехать к обеду.

– Что́ за манера! Уж сидели, сидели! – сказала графиня, проводя гостей.

Х.

Когда Наташа вышла из гостиной и побежала, она добежала только до цветочной. В этой комнате она остановилась, прислушиваясь к говору в гостиной и ожидая выхода Бориса. Она уже начинала приходить в нетерпение и, топнув ножкой, собиралась было заплакать оттого, что он не сейчас шел, когда слышались не тихие, не быстрые, приличные шаги молодого человека. Наташа быстро бросилась между кадок цветов и спряталась.

Борис остановился посередине комнаты, оглянулся, смахнул рукой соринки с рукава мундира и подошел к зеркалу, рассматривая свое красивое лицо. Наташа, притихнув, выглядывала из своей засады, ожидая, что́ он будет делать. Он постоял несколько времени перед зеркалом, улыбнулся и пошел к выходной двери. Наташа хотела его окликнуть, но потом раздумала.

– Пускай ищет, – сказала она себе. Только что Борис вышел, как из другой двери вышла раскрасневшаяся Соня, сквозь слезы что-то злобно шепчущая. Наташа удержалась от своего первого движения выбежать к ней и осталась в своей засаде, как под шапкой-невидимкой, высматривая, что́ делалось на свете. Она испытывала особое новое наслаждение. Соня шептала что-то и оглядывалась на дверь гостиной. Из двери вышел Николай.

– Соня! что́ с тобою? можно ли это? – сказал Николай, подбегая к ней.

– Ничего, ничего, оставьте меня! – Соня зарыдала.

– Нет, я знаю что́.

– Ну знаете, и прекрасно, и подите к ней.

– Соооня! одно слово! Можно ли так мучить меня и себя из-за фантазии? – говорил Николай, взяв ее за руку.

Соня не вырывала у него руки и перестала плакать.

Наташа, не шевелясь и не дыша, блестящими глазами смотрела из своей засады. «Что́ теперь будет»? думала она.

– Соня! мне весь мир не нужен! Ты одна для меня всё, – говорил Николай. – Я докажу тебе.

– Я не люблю, когда ты так говоришь.

– Ну, не буду, ну прости, Соня! – Он притянул ее к себе и поцеловал.

«Ах, как хорошо!» подумала Наташа, и когда Соня с Николаем вышли из комнаты, она пошла за ними и вызвала к себе Бориса.

– Борис, подите сюда, – сказала она с значительным и хитрым видом. – Мне нужно сказать вам одну вещь. Сюда, сюда, – сказала она и провела его в цветочную на то место между кадок, где она была спрятана. Борис, улыбаясь, шел за нею.

– Какая же это *одна вещь*? – спросил он.

Она смутилась, оглянувшись вокруг себя и, увидев брошенную на кадке свою куклу, взяла ее в руки.

– Поцелуйте куклу, – сказала она.

Борис внимательным, ласковым взглядом смотрел в ее оживленное лицо и ничего не отвечал.

– Не хотите? Ну, так подите сюда, – сказала она и глубже ушла в цветы и бросила куклу. – Ближе, ближе! – шептала она. Она поймала руками офицера за обшлага, и в покрасневшем лице ее видны были торжественность и страх.

– А меня хотите поцеловать? – прошептала она чуть слышно, исподлобья глядя на него, улыбаясь и чуть не плача от волнения.

Борис покраснел.

– Какая вы смешная! – проговорил он, нагибаясь к ней, еще более краснея, но ничего не предпринимая и выжидая.

Она вдруг вскочила на кадку, так что стала выше его, обняла его обеими руками, так что тонкие голые ручки согнулись выше его шеи и, откинув движением головы волосы назад, поцеловала его в самые губы.

Она проскользнула между горшками на другую сторону цветов и, опустив голову, остановилась.

– Наташа, – сказал он, – вы знаете, что я люблю вас, но...

– Вы влюблены в меня? – перебила его Наташа.

– Да, влюблен, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас... Еще четыре года... Тогда я буду просить вашей руки.

Наташа подумала.

– Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... – сказала она, считая по тоненьким пальчикам. – Хорошо! Так кончено? —

И улыбка радости и успокоения осветила ее оживленное лицо.

– Кончено! – сказал Борис.

– Навсегда? – сказала девочка. – До самой смерти?

И, взяв его под руку, она с счастливым лицом тихо пошла с ним рядом в диванную.

XI.

Графиня так устала от визитов, что не велела принимать больше никого, и швейцару приказано было только звать непременно кушать всех, кто будет еще приезжать с поздравлениями. Графине хотелось с-глазу-на-глаз поговорить с другом своего детства, княгиней Анной Михайловной, которую она не видала хорошенько с ее приезда из Петербурга. Анна Михайловна, с своим заплаканным и приятным лицом, подвинулась ближе к креслу графини.

– С тобой я буду совершенно откровенна, – сказала Анна Михайловна. – Уж мало нас осталось, старых друзей! От этого я так и дорожу твоєю дружбой.

Анна Михайловна посмотрела на Веру и остановилась. Графиня пожала руку своему другу.

– Вера, – сказала графиня, обращаясь к старшей дочери, очевидно, нелюбимой. – Как у вас ни на что понятия нет? Разве ты не чувствуешь, что ты здесь лишняя? Поди к сестрам, или...

Красивая Вера презрительно улыбнулась, видимо не чувствуя ни малейшего оскорбления.

– Ежели бы вы мне сказали давно, маменька, я бы тотчас ушла, – сказала она, и пошла в свою комнату.

Но, проходя мимо диванной, она заметила, что в ней у двух окошек симметрично сидели две пары. Она остановилась и презрительно улыбнулась. Соня сидела близко подле Николая, который переписывал ей стихи, в первый раз сочиненные им. Борис с Наташей сидели у другого окна и замолчали, когда вошла Вера. Соня и Наташа с виноватыми и счастливыми лицами взглянули на Веру.

Весело и трогательно было смотреть на этих влюбленных девочек, но вид их, очевидно, не возбуждал в Вере приятного чувства.

– Сколько раз я вас просила, – сказала она, – не брать моих вещей, у вас есть своя комната. Она взяла от Николая чернильницу.

– Сейчас, сейчас, – сказал он, мокая перо.

– Вы всё умеете делать не во-время, – сказала Вера. – То прибежали в гостиную, так что всем совестно сделалось за вас.

Несмотря на то, или именно потому, что сказанное ею было совершенно справедливо, никто ей не отвечал, и все четверо только переглядывались между собой. Она медлила в комнате с чернильницей в руке.

– И какие могут быть в ваши года секреты между Наташей и Борисом и между вами, – всё одни глупости!

– Ну, что тебе за дело, Вера? – тихеньким голоском, заступнически проговорила Наташа. Она, видимо, была ко всем еще более, чем всегда, в этот день добра и ласкова.

– Очень глупо, – сказала Вера, – мне совестно за вас. Что за секреты?..

– У каждого свои секреты. Мы тебя с Бергом не трогаем, – сказала Наташа разгорячась.

– Я думаю, не трогаете, – сказала Вера, – потому что в моих поступках никогда ничего не может быть дурного. А вот я маменьке скажу, как ты с Борисом обходишься.

– Наталья Ильинишна очень хорошо со мной обходится, – сказал Борис. – Я не могу жаловаться, – сказал он.

– Оставьте, Борис, вы такой дипломат (слово *дипломат* было в большом ходу у детей в том особом значении, какое они придавали этому слову); даже скучно, – сказала Наташа оскорбленным, дрожащим голосом. – За что она ко мне пристаёт? Ты этого никогда не поймешь, – сказала она, обращаясь к Вере, – потому что ты никогда никого не любила; у тебя сердца нет, ты только *madame de Genlis*¹³¹ (это прозвище, считавшееся очень обидным, было дано Вере Николаем), и твое первое удовольствие – делать неприятности другим. Ты кокетничай с Бергом, сколько хочешь, – проговорила она скоро.

– Да уж я верно не стану перед гостями бегать за молодым человеком...

– Ну, добилась своего, – вмешался Николай, – наговорила всем неприятностей, расстроила всех. Пойдемте в детскую.

Все четверо, как спугнутая стая птиц, поднялись и пошли из комнаты.

– Мне наговорили неприятностей, а я никому ничего, – сказала Вера.

– *Madame de Genlis! Madame de Genlis!* – проговорили смеющиеся голоса из-за двери.

Красивая Вера, производившая на всех такое раздражающее, неприятное действие, улыбнулась и видимо не затронутая тем, что ей было сказано, подошла к зеркалу и оправила шарф и прическу: глядя на свое красивое лицо, она стала, повидимому, еще холоднее и спокойнее.

–

В гостиной продолжался разговор.

– Ah! chère, – говорила графиня, – и в моей жизни *tout n'est pas rose*. Разве я не вижу, что *du train, que nous allons*,¹³² нашего состояния нам не надолго! И всё это клуб, и его доброта. В деревне мы живем, разве мы отдыхаем? Театры, охоты и Бог знает что. Да что обо мне говорить! Ну, как же ты это всё устроила? Я часто на тебя удивляюсь, Annette, как это ты, в твои годы, скачешь в повозке одна, в Москву, в Петербург, ко всем министрам, ко всей знати, со всеми умеешь обойтись, удивляюсь! Ну, как же это устроилось? Вот я ничего этого не умею.

– Ах, душа моя! – отвечала княгиня Анна Михайловна. – Не дай Бог тебе узнать, как тяжело остаться вдовой без подпоры и с сыном, которого любишь до обожания. Всему

¹³¹ мадам де Жанлис!

¹³² не всё розы. – при нашем образе жизни,

научишься, – продолжала она с некоторою гордостью. – Процесс мой меня научил. Ежели мне нужно видеть кого-нибудь из этих тузов, я пишу записку: «*princesse une telle*¹³³ желает видеть такого-то» и еду сама на извозчике хоть два, хоть три раза, хоть четыре, до тех пор, пока не добьюсь того, что мне надо. Мне всё равно, что бы обо мне ни думали.

– Ну, как же, кого ты просила о Бореньке? – спросила графиня. – Ведь вот твой уж офицер гвардии, а Николушка идет юнкером. Некому похлопотать. Ты кого просила?

– Князя Василия. Он был очень мил. Сейчас на всё согласился, доложил государю, – говорила княгиня Анна Михайловна с восторгом, совершенно забыв всё унижение, через которое она прошла для достижения своей цели.

– Что он постарел, князь Василий? – спросила графиня. – Я его не видала с наших театров у Румянцевых. И думаю, забыл про меня. *Il me faisait la cour*,¹³⁴ – вспомнила графиня с улыбкой.

– Всё такой же, – отвечала Анна Михайловна, – любезен, рассыпается. *Les grandeurs ne lui ont pas tourné la tête du tout*.¹³⁵ «Я жалею, что слишком мало могу вам сделать, милая княгиня, – он мне говорит, – приказывайте». Нет, он славный человек и родной прекрасный. Но ты знаешь, *Nathalie*, мою любовь к сыну. Я не знаю, чего я не сделала бы для его счастья. А обстоятельства мои до того дурны, – продолжала Анна Михайловна с грустью и понижая голос, – до того дурны, что я теперь в самом ужасном положении. Мой несчастный процесс съедает всё, что я имею, и не подвигается. У меня нет, можешь себе представить, *à la lettre*¹³⁶ нет гривенника денег, и я не знаю, на что обмундировать Бориса. – Она вынула платок и заплакала. – Мне нужно пятьсот рублей, а у меня одна двадцатипятирублевая бумажка. Я в таком положении... Одна моя надежда теперь на графа Кирилла Владимировича Безухова. Ежели он не захочет поддержать своего крестника, – ведь он крестил Борю, – и назначить ему что-нибудь на содержание, то все мои хлопоты пропадут: мне не на что будет обмундировать его. Графиня прослезилась и молча соображала что-то.

– Часто думаю, может, это и грех, – сказала княгиня, – а часто думаю: вот граф Кирилл Владимирович Безухов живет один... это огромное состояние... и для чего живет? Ему жизнь в тягость, а Боре только начинать жить.

– Он, верно, оставит что-нибудь Борису, – сказала графиня.

– Бог знает, *chère amie*!¹³⁷ Эти богачи и вельможи такие эгоисты. Но я всё-таки поеду сейчас к нему с Борисом и прямо скажу, в чем дело. Пускай обо мне думают, что хотят, мне, право, всё равно, когда судьба сына зависит от этого. – Княгиня поднялась. – Теперь два часа, а в четыре часа вы обедаете. Я успею съездить.

И с приемами петербургской деловой барыни, умеющей пользоваться временем, Анна Михайловна послала за сыном и вместе с ним вышла в переднюю.

– Прощай, душа моя, – сказала она графине, которая провожала ее до двери, – пожелай мне успеха, – прибавила она шопотом от сына.

– Вы к графу Кириллу Владимировичу, *ma chère*? – сказал граф из столовой, выходя тоже в переднюю. – Коли ему лучше, зовите Пьера ко мне обедать. Ведь он у меня бывал, с детьми танцевал. Зовите непременно, *ma chère*. Ну, посмотрим, как-то отличится нынче Тарас. Говорит, что у графа Орлова такого обеда не бывало, какой у нас будет.

¹³³ княгиня такая-то

¹³⁴ Он за мной волочился,

¹³⁵ Почести не изменили его.

¹³⁶ иногда

¹³⁷ мой друг!

ХII.

– Mon cher Boris,¹³⁸ – сказала княгиня Анна Михайловна сыну, когда карета графини Ростовой, в которой они сидели, проехала по устланной соломой улице и въехала на широкий двор графа Кирилла Владимировича Безухова. – Mon cher Boris,¹³⁹ – сказала мать, выпрастывая руку из-под старого салопы и робким и ласковым движением кладя ее на руку сына, – будь ласков, будь внимателен. Граф Кирилл Владимирович всё-таки тебе крестный отец, и от него зависит твоя будущая судьба. Помни это, mon cher,¹⁴⁰ будь мил, как ты умеешь быть...

– Ежели бы я знал, что из этого выдет что-нибудь, кроме унижения... – отвечал сын холодно. – Но я обещал вам и делаю это для вас.

Несмотря на то, что чья-то карета стояла у подъезда, швейцар, оглядев мать с сыном (которые, не приказывая докладывать о себе, прямо вошли в стеклянные сени между двумя рядами статуй в нишах), значительно посмотрев на старенький салоп, спросил, кого им угодно, княжен или графа, и, узнав, что графа, сказал, что их сиятельству нынче хуже и их сиятельство никого не принимают.

– Мы можем уехать, – сказал сын по-французски.

– Mon ami!¹⁴¹ – сказала мать умоляющим голосом, опять дотрогиваясь до руки сына, как будто это прикосновение могло успокоивать или возбуждать его.

Борис замолчал и, не снимая шинели, вопросительно смотрел на мать.

– Голубчик, – нежным голосом сказала Анна Михайловна, обращаясь к швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен... я затем и приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, голубчик... А мне бы только надо увидеть князя Василия Сергеевича: ведь он здесь стоит. Доложи, пожалуйста.

Швейцар угрюмо дернул шнурок наверх и отвернулся.

– Княгиня Друбецкая к князю Василию Сергеевичу, – крикнул он сбежавшему сверху и из-под выступа лестницы выглядывавшему официанту в чулках, башмаках и фраке.

Мать расправила складки своего крашеного шелкового платья, посмотрелась в цельное венецианское зеркало в стене и бодро, в своих стоптанных башмаках, пошла вверх по ковру лестницы.

– Mon cher, vous m'avez promis,¹⁴² – обратилась она опять к сыну, прикосновением руки возбуждая его.

Сын, опустив глаза, спокойно шел за нею.

Они вошли в залу, из которой одна дверь вела в покои, отведенные князю Василью.

В то время как мать с сыном, выйдя на середину комнаты, намеревались спросить дорогу у вскочившего при их входе старого официанта, у одной из дверей повернулась бронзовая ручка и князь Василий в бархатной шубке, с одною звездой, по-домашнему, вышел, провожая красивого черноволосого мужчину. Мужчина этот был знаменитый петербургский доктор Lorrain.

– C'est donc positif? – говорил князь.

– Mon prince, «errare humanum est», mais... – отвечал доктор, грассируя и произнося латинские слова французским выговором.

– C'est bien, c'est bien...¹⁴³

¹³⁸ Боринька,

¹³⁹ Милый дружок,

¹⁴⁰ Милый дружок,

¹⁴¹ Мой дружок!

¹⁴² Мой друг, ты мне обещал,

¹⁴³ И это верно? – Князь, человеку свойственно ошибаться. Хорошо, хорошо...

Заметив Анну Михайловну с сыном, князь Василий поклоном отпустил доктора и молча, но с вопросительным видом, подошел к ним. Сын заметил, как вдруг глубокая горесть выразилась в глазах его матери, и слегка улыбнулся.

– Да, в каких грустных обстоятельствах пришлось нам видеться, князь... Ну, что наш дорогой больной? – сказала она, как будто не замечая холодного, оскорбительного, устремленного на нее взгляда.

Князь Василий вопросительно, до недоумения, посмотрел на нее, потом на Бориса. Борис учтиво поклонился. Князь Василий, не отвечая на поклон, отвернулся к Анне Михайловне и на ее вопрос отвечал движением головы и губ, которое означало самую плохую надежду для больного.

– Неужели? – воскликнула Анна Михайловна. – Ах, это ужасно! Страшно подумать... Это мой сын, – прибавила она, указывая на Бориса. – Он сам хотел благодарить вас.

Борис еще раз учтиво поклонился.

– Верьте, князь, что сердце матери никогда не забудет того, что вы сделали для нас.

– Я рад, что мог сделать вам приятное, любезная моя Анна Михайловна, – сказал князь Василий, оправляя жабо и в жесте и голосе проявляя здесь, в Москве, пред покровительствуемой Анною Михайловной еще гораздо большую важность, чем в Петербурге, на вечере у Annette Шерер.

– Старайтесь служить хорошо и быть достойным, – прибавил он, строго обращаясь к Борису. – Я рад... Вы здесь в отпуску? – продиктовал он своим бесстрастным тоном.

– Жду приказа, ваше сиятельство, чтоб отправиться по новому назначению, – отвечал Борис, не выказывая ни досады за резкий тон князя, ни желания вступить в разговор, но так спокойно и почтительно, что князь пристально поглядел на него.

– Вы живете с матушкой?

– Я живу у графини Ростовой, – сказал Борис, опять прибавив: – ваше сиятельство.

– Это тот Илья Ростов, который женился на Nathalie Шиншиной, – сказала Анна Михайловна.

– Знаю, знаю, – сказал князь Василий своим монотонным голосом. – *Je n'ai jamais pu concevoir, comment Nathalie s'est décidée à épouser cet ours mal-léché! Un personnage complètement stupide et ridicule. Et joueur à ce qu'on dit.*¹⁴⁴

– *Mais très brave homme, mon prince,*¹⁴⁵ – заметила Анна Михайловна, трогательно улыбаясь, как будто и она знала, что граф Ростов заслуживал такого мнения, но просила пожалеть бедного старика.

– Что говорят доктора? спросила княгиня, помолчав немного и опять выражая большую печаль на своем исплаканном лице.

– Мало надежды, – сказал князь.

– А мне так хотелось еще раз поблагодарить *дядю* за все его благодеянии мне и Боре. *C'est son filleul,*¹⁴⁶ – прибавила она таким тоном, как будто это известие должно было крайне обрадовать князя Василия.

Князь Василий задумался и поморщился. Анна Михайловна поняла, что он боялся найти в ней соперницу по завещанию графа Безухова. Она поспешила успокоить его.

– Ежели бы не моя истинная любовь и преданность *дяде*, – сказала она, с особенною уверенностью и небрежностью выговаривая это слово: – я знаю его характер, благородный, прямой, но ведь одни княжны при нем... Они еще молоды... – Она наклонила голову и прибавила

¹⁴⁴ Я никогда не мог понять, как Натали решилась выйти замуж за этого грязного медведя. Совершенно глупая и смешная особа. К тому же игрок, говорят.

¹⁴⁵ Но добрый человек, князь,

¹⁴⁶ Это его крестник,

шопотом: – исполнил ли он последний долг, князь? Как драгоценны эти последние минуты! Ведь хуже быть не может; его необходимо приготовить, ежели он так плох. Мы, женщины, князь, – она нежно улыбнулась, – всегда знаем, как говорить эти вещи. Необходимо видеть его. Как бы тяжело это ни было для меня, но я привыкла уже страдать.

Князь, видимо, понял, и понял, как и на вечере у Annette Шерер, что от Анны Михайловны трудно отделаться.

– Не было бы тяжело ему это свидание, *chère* Анна Михайловна, – сказал он. – Подождем до вечера, доктора обещали кризис.

– Но нельзя ждать, князь, в эти минуты. *Pensez, il y va du salut de son âme... Ah! c'est terrible, les devoirs d'un chrétien...*¹⁴⁷

Из внутренних комнат отворилась дверь, и вышла одна из княжен-племянниц графа, с угрюмым и холодным лицом и поразительно-несоразмерною по ногам длинною талией.

Князь Василий обернулся к ней.

– Ну, что он?

– Всё то же. И как вы хотите, этот шум... – сказала княжна, оглядывая Анну Михайловну, как незнакомую.

– Ah, *chère*, je ne vous reconnaissais pas,¹⁴⁸ – с счастливою улыбкой сказала Анна Михайловна, легкою иноходью подходя к племяннице графа. – Je viens d'arriver et je suis à vous pour vous aider à soigner *mon oncle*, j'imagine, combien vous avez souffert,¹⁴⁹ – прибавила она, с участием закатывая глаза.

Княжна ничего не ответила, даже не улыбнулась и тотчас же вышла. Анна Михайловна сняла перчатки и в завоеванной позиции расположилась на кресле, пригласив князя Василья сесть подле себя.

– Борис! – сказала она сыну и улыбнулась, – я пройду к графу, к дяде, а ты поди к Пьеру, *mon ami*, покамест, да не забудь передать ему приглашение от Ростовых. Они зовут его обе-
дать. Я думаю, он не поедет? – обратилась она к князю.

– Напротив, – сказал князь, видимо сделавшийся не в духе. – Je serais très content si vous me débarrassiez de ce jeune homme...¹⁵⁰ Сидит тут. Граф ни разу не спросил про него.

Он пожал плечами. Официант повел молодого человека вниз и вверх по другой лестнице к Петру Кирилловичу.

ХIII.

Пьер так и не успел выбрать себе карьеры в Петербурге и, действительно, был выслан в Москву за буйство. История, которую рассказывали у графа Ростова, была справедлива. Пьер участвовал в связывании квартального с медведем. Он приехал несколько дней тому назад и остановился, как всегда, в доме своего отца. Хотя он и предполагал, что история его уже известна в Москве, и что дамы, окружающие его отца, всегда недоброжелательные к нему, воспользуются этим случаем, чтобы раздражить графа, он всё-таки в день приезда пошел на полувину отца. Войдя в гостиную, обычное местопребывание княжен, он поздоровался с дамами, сидевшими за пядьцами и за книгой, которую вслух читала одна из них. Их было три. Старшая, чистоплотная, с длинною талией, строгая девица, та самая, которая выходила к Анне Михайловне, читала; младшие, обе румяные и хорошенькие, отличавшиеся друг от друга только тем, что у одной была родинка над губой, очень красившая ее, шили в пядьцах. Пьер был встре-

¹⁴⁷ Подумайте, дело идет о спасении его души! Ах! это ужасно, долг христианина...

¹⁴⁸ Ах, милая, я вас и не узнала,

¹⁴⁹ Я приехала помогать вам ходить за дядюшкой. Воображаю, как вы настрадались.

¹⁵⁰ Я был бы очень рад, если бы вы меня избавили от этого молодого человека!..

чен как мертвец или зачумленный. Старшая княжна прервала чтение и молча посмотрела на него испуганными глазами; младшая, без родинки, приняла точно такое же выражение; самая меньшая, с родинкой, веселого и смешливого характера, нагнулась к пальцам, чтобы скрыть улыбку, вызванную, вероятно, предстоящею сценой, забавность которой она предвидела. Она притянула вниз шерстинку и нагнулась, будто разбирая узоры и едва удерживаясь от смеха.

– Bonjour, ma cousine, – сказал Пьер. – Vous ne me reconnaissez pas?¹⁵¹

– Я слишком хорошо вас узнаю, слишком хорошо.

– Как здоровье графа? Могу я видеть его? – спросил Пьер неловко, как всегда, но не смущаясь.

– Граф страдает и физически и нравственно, и, кажется, вы позаботились о том, чтобы причинить ему побольше нравственных страданий.

– Могу я видеть графа? – повторил Пьер.

– Гм!.. Ежели вы хотите убить его, совсем убить, то можете видеть. Ольга, поди посмотри, готов ли бульон для дяденьки, скоро время, – прибавила она, показывая этим Пьеру, что они заняты и заняты успокоиваньем его отца, тогда как он, очевидно, занят только расстроиванием.

Ольга вышла. Пьер постоял, посмотрел на сестер и, поклонившись, сказал:

– Так я пойду к себе. Когда можно будет, вы мне скажите.

Он вышел, и звонкий, но негромкий смех сестры с родинкой послышался за ним.

На другой день приехал князь Василий и поместился в доме графа. Он призвал к себе Пьера и сказал ему:

– Mon cher, si vous vous conduisez ici, comme à Pétersbourg, vous finirez très mal; c'est tout ce que je vous dis.¹⁵² Граф очень, очень болен: тебе совсем не надо его видеть.

С тех пор Пьера не тревожили, и он целый день проводил один наверху, в своей комнате.

В то время как Борис вошел к нему, Пьер ходил по своей комнате, изредка останавливаясь в углах, делая угрожающие жесты к стене, как будто пронзая невидимого врага шпагой, и строго взглядывая сверх очков и затем вновь начиная свою прогулку, проговаривая неясные слова, пожимая плечами и разводя руками.

– L'Angleterre a vécu,¹⁵³ – проговорил он, нахмуриваясь и указывая на кого-то пальцем. – M. Pitt comme traître à la nation et au droit des gens est condamné à...¹⁵⁴ – Он не успел договорить приговора Питту, воображая себя в эту минуту самым Наполеоном и вместе с своим героем уже совершив опасный переезд через Па-де-Кале и завоевав Лондон, – как увидал входившего к нему молодого, стройного и красивого офицера. Он остановился. Пьер оставил Бориса четырнадцатилетним мальчиком и решительно не помнил его; но, несмотря на то, с свойственной ему быстрою и радушною манерой взял его за руку и дружелюбно улыбнулся.

– Вы меня помните? – спокойно, с приятною улыбкой сказал Борис. – Я с матушкой приехал к графу, но он, кажется, не совсем здоров.

– Да, кажется, нездоров. Его всё тревожат, – отвечал Пьер, стараясь вспомнить, кто этот молодой человек.

Борис чувствовал, что Пьер не узнает его, но не считал нужным называть себя и, не испытывая ни малейшего смущения, смотрел ему прямо в глаза.

– Граф Ростов просит вас нынче приехать к нему обедать, – сказал он после довольно долгого и неловкого для Пьера молчания.

¹⁵¹ Здравствуйте, кузина. Вы меня не узнаете?

¹⁵² Мой милый, если вы будете вести себя здесь, как в Петербурге, вы кончите очень дурно; это верно.

¹⁵³ Англии конец,

¹⁵⁴ Питт, как изменник нации и народному праву, приговаривается к...

– А! Граф Ростов! – радостно заговорил Пьер. – Так вы его сын, Илья? Я, можете себе представить, в первую минуту не узнал вас. Помните, как мы на Воробьевы горы ездили с m-me Jasquot...¹⁵⁵ давно.

– Вы ошибаетесь, – неторопливо, с смелою и несколько насмешливою улыбкой проговорил Борис. – Я Борис, сын княгини Анны Михайлоны Друбецкой. Ростова отца зовут Ильей, а сына – Николаем. И я m-me Jasquot никакой не знал.

Пьер замахал руками и головой, как будто комары или пчелы напали на него.

– Ах, ну что́ это! я всё спутал. В Москве столько родных! Вы Борис... да. Ну вот мы с вами и договорились. Ну, что вы думаете о Булонской экспедиции? Ведь англичанам плохо придется, ежели только Наполеон переправится через канал? Я думаю, что экспедиция очень возможна. Вильнев бы не оплошал!

Борис ничего не знал о Булонской экспедиции, он не читал газет и о Вильневе в первый раз слышал.

– Мы здесь в Москве больше заняты обедами и сплетнями, чем политикой, – сказал он своим спокойным, насмешливым тоном. – Я ничего про это не знаю и не думаю. Москва занята сплетнями больше всего, – продолжал он. – Теперь говорят про вас и про графа.

Пьер улыбнулся своею доброю улыбкой, как будто боясь за своего собеседника, как бы он не сказал чего-нибудь такого, в чем стал бы раскаиваться. Но Борис говорил отчетливо, ясно и сухо, прямо глядя в глаза Пьеру.

– Москве больше делать нечего, как сплетничать, – продолжал он. – Все заняты тем, кому оставит граф свое состояние, хотя, может быть, он переживет всех нас, чего я от души желаю...

– Да, это всё очень тяжело, – подхватил Пьер, – очень тяжело. – Пьер всё боялся, что этот офицер нечаянно вдастся в неловкий для самого себя разговор.

– А вам должно казаться, – говорил Борис, слегка краснея, но не изменяя голоса и позы, – вам должно казаться, что все заняты только тем, чтобы получить что-нибудь от богача.

«Так и есть», подумал Пьер.

– А я именно хочу сказать вам, чтоб избежать недоразумений, что вы очень ошибетесь, ежели причтете меня и мою мать к числу этих людей. Мы очень бедны, но, я по крайней мере, за себя говорю: именно потому, что отец ваш богат, я не считаю себя его родственником, и ни я, ни мать никогда ничего не будем просить и не примем от него.

Пьер долго не мог понять, но когда понял, вскочил с дивана, ухватил Бориса за руку снизу с свойственною ему быстротой и неловкостью и, покрасневший гораздо более, чем Борис, начал говорить с смешанным чувством стыда и досады.

– Вот это странно! Я разве... да и кто ж мог думать... Я очень знаю...

Но Борис опять перебил его:

– Я рад, что высказал всё. Может быть, вам неприятно, вы меня извините, – сказал он, успокаивая Пьера, вместо того чтоб быть успокаиваемым им, – но я надеюсь, что не оскорбил вас. Я имею правило говорить всё прямо... Как же мне передать? Вы приедете обедать к Ростовым?

И Борис, видимо свалив с себя тяжелую обязанность, сам выйдя из неловкого положения и поставив в него другого, сделался опять совершенно приятен.

– Нет, послушайте, – сказал Пьер, успокаиваясь. – Вы удивительный человек. То, что вы сейчас сказали, очень хорошо, очень хорошо. Разумеется, вы меня не знаете. Мы так давно не видались... детьми еще... Вы можете предполагать во мне... Я вас понимаю, очень понимаю. Я бы этого не сделал, у меня не достало бы духу, но это прекрасно. Я очень рад, что познакомился с вами. Странно, — прибавил он, помолчав и улыбаясь, – что вы во мне предполагали! – Он засмеялся. – Ну, да что́ ж? Мы познакомимся с вами лучше. Пожалуйста. – Он пожал руку

¹⁵⁵ мадам Жако...

Борису. – Вы знаете ли, я ни разу не был у графа. Он меня не звал... Мне его жалко, как человека... Но что же делать?

– И вы думаете, что Наполеон успеет переправить армию? – спросил Борис, улыбаясь.

Пьер понял, что Борис хотел переменить разговор и, соглашаясь с ним, начал излагать выгоды и невыгоды Булонского предприятия.

Лакей пришел вызвать Бориса к княгине. Княгиня уезжала. Пьер обещался приехать обедать затем, чтобы ближе сойтись с Борисом, крепко жал его руку, ласково глядя ему в глаза через очки... По уходе его Пьер долго еще ходил по комнате, уже не пронзая невидимого врага шпагой, а улыбаясь при воспоминании об этом милом, умном и твердом молодом человеке.

Как это бывает в первой молодости и особенно в одиноком положении, он почувствовал беспричинную нежность к этому молодому человеку и обещал себе непременно подружиться с ним.

Князь Василий провожал княгиню. Княгиня держала платок у глаз, и лицо ее было в слезах.

– Это ужасно! ужасно! – говорила она, – но чего бы мне ни стоило, я исполню свой долг. Я приеду ночевать. Его нельзя так оставить. Каждая минута дорога. Я не понимаю, чего мешают княжны. Может, Бог поможет мне найти средство его приготовить!... *Adieu, mon prince, que le bon Dieu vous soutienne...*¹⁵⁶

– *Adieu, ma bonne*,¹⁵⁷ – отвечал князь Василий, повертываясь от нее.

– Ах, он в ужасном положении, – сказала мать сыну, когда они опять сели в карету. – Он почти никого не узнает.

– Я не понимаю, маменька, какие его отношения к Пьеру? – спросил сын.

– Всё скажет завещание, мой друг; от него и наша судьба зависит...

– Но почему вы думаете, что он оставит что-нибудь нам?

– Ах, мой друг! Он так богат, а мы так бедны!

– Ну, это еще недостаточная причина, маменька.

– Ах, Боже мой! Боже мой! как он плох! – восклицала мать.

XIV.

Когда Анна Михайловна уехала с сыном к графу Кириллу Владимировичу Безухову, графиня Ростова долго сидела одна, прикладывая платок к глазам. Наконец, она позвонила.

– Что вы, милая, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. – Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место.

Графиня была расстроена горем и унижительной бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы».

– Виновата-с, – сказала горничная.

– Попросите ко мне графа.

Граф, переваливаясь, подошел к жене с несколько виноватым видом, как и всегда.

– Ну, графинюшка! какое *sauté au madère*¹⁵⁸ из рябчиков будет, *ma chère*! Я попробовал; не даром я за Тараску тысячу рублей дал. Стоит!

Он сел подле жены, облокотив молодецки руки на колена и взъерошивая седые волосы.

– Что прикажете, графинюшка?

– Вот что, мой друг, – что это у тебя запачкано здесь? – сказала она, указывая на жилет. – Это сотэ, верно, – прибавила она улыбаясь. – Вот что, граф: мне денег нужно.

¹⁵⁶ Прощайте, князь, да поддержит вас Бог...

¹⁵⁷ Прощайте, моя любезная,

¹⁵⁸ соте с мадерой,

Лицо ее стало печально.

– Ах, графинюшка!.. – И граф засуетился, доставая бумажник.

– Мне много надо, граф, мне пятьсот рублей надо. – И она, достав батистовый платок, терла им жилет мужа.

– Сейчас, сейчас. Эй, кто там? – крикнул он таким голосом, каким кричат только люди, уверенные, что те, кого они кличут, стремглав бросятся на их зов. – Послать ко мне Митеньку!

Митенька, тот дворянский сын, воспитанный у графа, который теперь заведывал всеми его делами, тихими шагами вошел в комнату.

– Вот что, мой милый, – сказал граф вошедшему почтительному молодому человеку. – Принеси ты мне... – он задумался. – Да, 700 рублей, да. Да смотри, таких рваных и грязных, как тот раз, не приноси, а хороших, для графини.

– Да, Митенька, пожалуйста, чтобы чистенькие, – сказала графиня, грустно вздыхая.

– Ваше сиятельство, когда прикажете доставить? – сказал Митенька. – Изволите знать, что... Впрочем, не извольте беспокоиться, – прибавил он, заметив, как граф уже начал тяжело и часто дышать, что всегда было признаком начинавшегося гнева. – Я было и запомнил... Сию минуту прикажете доставить?

– Да, да, то-то, принеси. Вот графине отдай.

– Экое золото у меня этот Митенька, – прибавил граф улыбаясь, когда молодой человек вышел. – Нет того, чтобы нельзя. Я же этого терпеть не могу. Всё можно.

– Ах, деньги, граф, деньги, сколько от них горя на свете! – сказала графиня. – А эти деньги мне очень нужны.

– Вы, графинюшка, мотовка известная, – проговорил граф и, поцеловав у жены руку, ушел опять в кабинет.

Когда Анна Михайловна вернулась опять от Безухова, у графини лежали уже деньги, всё новенькими бумажками, под платком на столике, и Анна Михайловна заметила, что графиня чем-то растрожена.

– Ну, что, мой друг? – спросила графиня.

– Ах, в каком он ужасном положении! Его узнать нельзя, он так плох, так плох; я минутку побыла и двух слов не сказала...

– Annette, ради Бога, не откажи мне, – сказала вдруг графиня, краснея, что так странно было при ее немолодом, худом и важном лице, доставая из-под платка деньги.

Анна Михайловна мгновенно поняла, в чем дело, и уж нагнулась, чтобы в должную минуту ловко обнять графиню.

– Вот Борису от меня, на шитье мундира...

Анна Михайловна уж обнимала ее и плакала. Графиня плакала тоже. Плакали они о том, что они дружны; и о том, что они добры; и о том, что подруги молодости, заняты таким низким предметом – деньгами; и о том, что молодость их прошла... Но слезы обеих были приятны...

XV.

Графиня Ростова с дочерьми и уже с большим числом гостей сидела в гостиной. Граф провел гостей-мужчин в кабинет, предлагая им свою охотничью коллекцию турецких трубок. Изредка он выходил и спрашивал: не приехала ли? Ждали Марью Дмитриевну Ахросимову, прозванную в обществе *le terrible dragon*,¹⁵⁹ даму знаменитую не богатством, не почестями, но прямою ума и откровенною простотою обращения. Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург, и оба города, удивляясь ей, втихомолку посмеивались

¹⁵⁹ «драгуном»,

над ее грубостью, рассказывали про нее анекдоты; тем не менее все без исключения уважали и боялись ее.

В кабинете, полном дыма, шел разговор о войне, которая была объявлена манифестом, о наборе. Манифеста еще никто не читал, но все знали о его появлении. Граф сидел на отоманке между двумя курившими и разговаривавшими соседями. Граф сам не курил и не говорил, а наклоняя голову, то на один бок, то на другой, с видимым удовольствием смотрел на куривших и слушал разговор двух соседей своих, которых он ставил между собой.

Один из говоривших был штатский, с морщинистым, желчным и бритым худым лицом, человек, уже приближавшийся к старости, хотя и одетый, как самый модный молодой человек; он сидел с ногами на отоманке с видом домашнего человека и, сбоку запустив себе далеко в рот янтарь, порывисто втягивал дым и жмурился. Это был старый холостяк Шиншин, двоюродный брат графини, злой язык, как про него говорили в московских гостиных. Он, казалось, снисходил до своего собеседника. Другой, свежий, розовый, гвардейский офицер, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держал янтарь у середины рта и розовыми губами слегка вытягивал дымок, выпуская его колечками из красивого рта. Это был тот поручик Берг, офицер Семеновского полка, с которым Борис ехал вместе в полк, и которым Наташа дразнила Веру, старшую графиню, называя Берга ее женихом. Граф сидел между ними и внимательно слушал. Самое приятное для графа занятие, за исключением игры в бостон, которую он очень любил, было положение слушающего, особенно когда ему удавалось сравнить двух говорливых собеседников.

– Ну, как же, батюшка, *mon très honorable*¹⁶⁰ Альфонс Карлыч, – говорил Шиншин, посмеиваясь и соединяя (в чем и состояла особенность его речи) самые простые народные русские выражения с изысканными французскими фразами. – *Vous comptez vous faire des rentes sur l'état*,¹⁶¹ с роты доходец получить хотите?

– Нет-с, Петр Николаич, я только желаю показать, что в кавалерии выгод гораздо меньше против пехоты. Вот теперь, сообразите, Петр Николаич, мое положение...

Берг говорил всегда очень точно, спокойно и учтиво. Разговор его всегда касался только его одного; он всегда спокойно молчал, пока говорили о чем-нибудь, не имеющем прямого к нему отношения. И молчать таким образом он мог несколько часов, не испытывая и не производя в других ни малейшего замешательства. Но как скоро разговор касался его лично, он начинал говорить пространно и с видимым удовольствием.

– Сообразите мое положение, Петр Николаич: будь я в кавалерии, я бы получал не более двухсот рублей в треть, даже и в чине поручика; а теперь я получаю двести тридцать, – говорил он с радостною, приятно улыбкой, оглядывая Шиншина и графа, как будто для него было очевидно, что его успех всегда будет составлять главную цель желаний всех остальных людей.

– Кроме того, Петр Николаич, перейдя в гвардию, я на виду, – продолжал Берг, – и вакансии в гвардейской пехоте гораздо чаще. Потом, сами сообразите, как я мог устроиться из двухсот тридцати рублей. А я откладываю и еще отцу посылаю, – продолжал он, пуская колечко.

– *La balance y est...*¹⁶² Немец на обухе молотит хлебец, *comme dit le proverbe*,¹⁶³ – переключивая янтарь на другую сторону рта, сказал Шиншин и подмигнул графу.

Граф расхохотался. Другие гости, видя, что Шиншин ведет разговор, подошли послушать. Берг, не замечая ни насмешки, ни равнодушия, продолжал рассказывать о том, как переводом в гвардию он уже выиграл чин перед своими товарищами по корпусу, как в военное время ротного командира могут убить, и он, оставшись старшим в роте, может очень легко

¹⁶⁰ достоуважаемый

¹⁶¹ С правительства доходец хотите получить,

¹⁶² Верно...

¹⁶³ по пословице,

быть ротным, и как в полку все любят его, и как его папенька им доволен. Берг, видимо, наслаждался, рассказывая всё это, и, казалось, не подозревал того, что у других людей могли быть тоже свои интересы. Но всё, что он рассказывал, было так мило-степенно, наивность молодого эгоизма его была так очевидна, что он обезоруживал своих слушателей.

– Ну, батюшка, вы и в пехоте, и в кавалерии, везде пойдете в ход; это я вам предрекаю, – сказал Шиншин, трепля его по плечу и спуская ноги с отоманки.

Берг радостно улыбнулся. Граф, а за ним и гости вышли в гостиную.

–

Было то время перед званым обедом, когда собравшиеся гости не начинают длинного разговора в ожидании призыва к закуске, а вместе с тем считают необходимым шевелиться и не молчать, чтобы показать, что они нисколько не нетерпеливы сесть за стол. Хозяева поглядывают на дверь и изредка переглядываются между собой. Гости по этим взглядам стараются догадаться, кого или чего еще ждут: важного опоздавшего родственника или кушанья, которое еще не поспело.

Пьер приехал перед самым обедом и неловко сидел посредине гостиной на первом попавшемся кресле, загородив всем дорогу. Графиня хотела заставить его говорить, но он наивно смотрел в очки вокруг себя, как бы отыскивая кого-то, и односложно отвечал на все вопросы графини. Он был стеснителен и один не замечал этого. Большая часть гостей, знавшая его историю с медведем, любопытно смотрели на этого большого, толстого и смирного человека, недоумевая, как мог такой увалень и скромник сделать такую штуку с квартальным.

– Вы недавно приехали? – спрашивала у него графиня.

– Oui, madame,¹⁶⁴ – отвечал он, оглядываясь.

– Вы не видали моего мужа?

– Non, madame.¹⁶⁵ – Он улыбнулся совсем некстати.

– Вы, кажется, недавно были в Париже? Я думаю, очень интересно.

– Очень интересно.

Графиня переглянулась с Анной Михайловной. Анна Михайловна поняла, что ее просят занять этого молодого человека, и, подсев к нему, начала говорить об отце; но так же, как и графине, он отвечал ей только односложными словами. Гости были все заняты между собой.

Les Razoumovsky... Ça a été charmant... Vous êtes bien bonne... La comtesse Apraksine...¹⁶⁶ слышалось со всех сторон. Графиня встала, и пошла в залу.

– Марья Дмитриевна? – слышался ее голос из залы.

– Она самая, – слышался в ответ грубый женский голос, и вслед за тем вошла в комнату Марья Дмитриевна.

Все барышни и даже дамы, исключая самых старых, встали. Марья Дмитриевна остановилась в дверях и, с высоты своего тучного тела, высоко держа свою с седыми буклями пятидесятилетнюю голову, оглядела гостей и, как бы засучиваясь, оправила неторопливо широкие рукава своего платья. Марья Дмитриевна всегда говорила по-русски.

– Имениннице дорогой с детками, – сказала она своим громким, густым, подавляющим все другие звуки голосом. – Ты что, старый греховодник, – обратилась она к графу; целовавшему ее руку, – чай, скучаешь в Москве? собак гонять негде? Да что, батюшка, делать, вот как эти пташки подростут... – она указывала на девиц, – хочешь – не хочешь, надо женихов искать.

– Ну, что, казак мой? (Марья Дмитриевна казаком называла Наташу) – говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую к ее руке без страха и весело. – Знаю, что зелье девка, а люблю.

¹⁶⁴ Да, да, да.

¹⁶⁵ Нет еще, нет.

¹⁶⁶ Разумовские... это было очень мило... Графиня Апраксина...

Она достала из огромного ридикуля яхонтовые сережки грушками и, отдав их именн-сиявшей и разрумянившейся Наташе, тотчас же отвернулась от нее и обратилась к Пьеру.

– Э, э! любезный! поди-ка сюда, – сказала она притворно -тихим и тонким голосом. – Поди-ка, любезный...

И она грозно засучила рукава еще выше.

Пьер подошел, наивно глядя на нее через очки.

– Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда он в случае был, а тебе-то и Бог велит.

Она помолчала. Все молчали, ожидая того, что будет, и чувствуя, что было только предисловие.

– Хорош, нечего сказать! хорош мальчик!.. Отец на одре лежит, а он забавляется, квартального на медведя верхом сажает. стыдно, батюшка, стыдно! Лучше бы на войну шел.

Она отвернулась и подала руку графу, который едва удерживался от смеха...

– Ну, что ж, к столу, я чай, пора? – сказала Марья Дмитриевна.

Впереди пошел граф с Марьей Дмитриевной; потом графиня, которую повел гусарский полковник, нужный человек, с которым Николай должен был догонять полк. Анна Михайловна – с Шиншиным. Берг подал руку Вере. Улыбающаяся Жюли Карагина пошла с Николаем к столу. За ними шли еще другие пары, протянувшиеся по всей зале, и сзади всех поодиночке дети, гувернеры и гувернантки. Официанты зашевелились, стулья загремели, на хорах заиграла музыка, и гости разместились. Звуки домашней музыки графа заменились звуками ножей и вилок, говора гостей, тихих шагов официантов. На одном конце стола во главе сидела графиня. Справа Марья Дмитриевна, слева Анна Михайловна и другие гости. На другом конце сидел граф, слева гусарский полковник, справа Шиншин и другие гости мужского пола. С одной стороны длинного стола молодежь постарше: Вера рядом с Бергом, Пьер рядом с Борисом; с другой стороны – дети, гувернеры и гувернантки. Граф из-за хрусталя, бутылок и ваз с фруктами поглядывал на жену и ее высокий чепец с голубыми лентами и усердно подливал вина своим соседям, не забывая и себя. Графиня так же, из за ананасов, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, которого лысина и лицо казалось ей, своею краснотою резче отличались от седых волос. На дамском конце шло равномерное лепетанье; на мужском, всё громче и громче слышались голоса, особенно гусарского полковника, который так много ел и пил, всё более и более краснея, что граф уже ставил его в пример другим гостям. Берг с нежною улыбкой говорил с Верой о том, что любовь есть чувство не земное, а небесное. Борис называл новому своему приятелю Пьеру бывших за столом гостей и переглядывался с Наташей, сидевшею против него. Пьер мало говорил, оглядывал новые лица и много ел. Начиная от двух супов, из которых он выбрал *à la tortue*,¹⁶⁷ и кулебяки и до рябчиков, он не пропускал ни одного блюда и ни одного вина, которое дворецкий в завернутой салфеткою бутылке таинственно высовывал из-за плеча соседа, приговаривая: «дрей-мадера», или «венгерское», или «рейнвейн». Он подставлял первую попавшуюся из четырех хрустальных, с вензелем графа, рюмок, стоявших перед каждым прибором, и пил с удовольствием, всё с более и более приятным видом поглядывая на гостей. Наташа, сидевшая против него, глядела на Бориса, как глядят девочки тринадцати лет на мальчика, с которым они в первый раз только что поцеловались и в которого они влюблены. Этот самый взгляд ее иногда обращался на Пьера, и ему под взглядом этой смешной, оживленной девочки хотелось смеяться самому, не зная чему.

Николай сидел далеко от Сони, подле Жюли Карагиной, и опять с тою же невольною улыбкой что-то говорил с ней. Соня улыбалась парадно, но, видимо, мучилась ревностью: то бледнела, то краснела и всеми силами прислушивалась к тому, что говорили между собою

¹⁶⁷ черепаший

Николай и Жюли. Гувернантка беспокойно оглядывалась, как бы приготавливаясь к отпору, ежели бы кто вздумал обидеть детей. Гувернер-немец старался запомнить все роды кушаний, десертов и вин с тем, чтобы описать всё подробно в письме к домашним в Германию, и весьма обижался тем, что дворецкий, с завернутою в салфетку бутылкою обносил его. Немец хмурился, старался показать вид, что он и не желал получить этого вина, но обижался потому, что никто не хотел понять, что вино нужно было ему не для того, чтоб утолить жажду, не из жадности, а из добросовестной любознательности.

XVI.

На мужском конце стола разговор всё более и более оживлялся. Полковник рассказал, что манифест об объявлении войны уже вышел в Петербурге и что экземпляр, который он сам видел, доставлен ныне курьером главнокомандующему.

— И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом? — сказал Шиншин. — Il a déjà rabattu le saquet à l'Autriche. Je crains, que cette fois ce ne soit notre tour.¹⁶⁸

Полковник был плотный, высокий и сангвинический немец, очевидно, служака и патриот. Он обиделся словами Шиншина.

— А затэм, мылостывый государ, — сказал он, выговаривая э вместо е и ь вместо в. — Затэм, что импэратор это знает. Он в манифэстэ сказал, что нэ можэт смотрэт равнодушно на опасности, угрожающие России, и что бэзопасност империи, достоинство ее и святост *союзов* — сказал он, почему-то особенно налегая на слово «союзов», как будто в этом была вся сущность дела.

И с свойственною ему непогрешимою, официальною памятью он повторил вступительные слова манифеста... «и желание, единственную и неперемнную цель государя составляющее: водворить в Европе на прочных основаниях мир — решили его двинуть ныне часть войска за границу и сделать к достижению намерения сего новые усилия».

— Вот зачэм, мылостывый государ, — заключил он, назидательно выпивая стакан вина и оглядываясь на графа за поощрением.

— Connaissez vous le proverbe:¹⁶⁹ «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена», — сказал Шиншин, морщась и улыбаясь. — Cela nous convient à merveille.¹⁷⁰ Уж на что Суворова — и того расколотили, à plate couture,¹⁷¹ а где у нас Суворовы теперь? Je vous demande un peu,¹⁷² — беспрестанно перескакивая с русского на французский язык, говорил он.

— Мы должны драться до послэднэй капли кров, — сказал полковник, ударяя по столу, — и умэр-р-рэт за своего импэратора, и тогда всэй будэт хорошо. А рассуждать как мо-о-ожно (он особенно вытянул голос на слове «можно»), как мо-о-ожно меньше, — закончил он, опять обращаясь к графу. — Так старые гусары судим, вот и всё. А вы как судитэ, молодой человек и молодой гусар? — прибавил он, обращаясь к Николаю, который, услышав, что дело шло о войне, оставил свою собеседницу и во все глаза смотрел и всеми ушами слушал полковника.

— Совершенно с вами согласен, — отвечал Николай, весь вспыхнув, вертя тарелку и переставляя стаканы с таким решительным и отчаянным видом, как будто в настоящую минуту он подвергался великой опасности, — я убежден, что русские должны умирать или побеждать, — сказал он, сам чувствуя так же, как и другие, после того как слово уже было сказано, что оно было слишком восторженно и напыщенно для настоящего случая и потому неловко.

¹⁶⁸ Он уже сбил спесь с Австрии. Боюсь, не пришел бы теперь наш черед.

¹⁶⁹ Знаете пословицу:

¹⁷⁰ Это к нам идет удивительно.

¹⁷¹ в дребезги,

¹⁷² Я вас спрашиваю,

– C'est bien beau ce que vous venez de dire,¹⁷³ – сказала сидевшая подле него Жюли, вздыхая. Соня задрожала вся и покраснела до ушей, за ушами и до шеи и плеч, в то время как Николай говорил. Пьер прислушался к речам полковника и одобрительно закивал головой.

– Вот это славно, – сказал он.

– Настоящэй гусар, молодой человек, – крикнул полковник, ударив опять по столу.

– О чем вы там шумите? – вдруг послышался через стол басистый голос Марьи Дмитриевны. – Чтò ты по столу стучишь? – обратилась она к гусару, – на кого ты горячишься? верно, думаешь, что тут французы пред тобой?

– Я правду говорю, – улыбаясь сказал гусар.

– Всё о войне, – через стол прокричал граф. – Ведь у меня сын идет, Марья Дмитриевна, сын идет.

– А у меня четыре сына в армии, а я не тужу. На всё воля Божья: и на печи лежа умрешь, и в сражении Бог помилует, – прозвучал без всякого усилия, с того конца стола густой голос Марьи Дмитриевны.

– Это так.

И разговор опять сосредоточился – дамский на своем конце стола, мужской на своем.

– А вот не спросишь, – говорил маленький брат Наташе, – а вот не спросишь!

– Спрошу, – отвечала Наташа.

Лицо ее вдруг разгорелось, выражая отчаянную и веселую решимость. Она привстала, приглашая взглядом Пьера, сидевшего против нее, прислушаться, и обратилась к матери:

– Мама! – прозвучал по всему столу ее детски-грудной голос.

– Чтò тебе? – спросила графиня испуганно, но, по лицу дочери увидев, что это была шалость, строго замахала ей рукой, делая угрожающий и отрицательный жест головой.

Разговор притих.

– Мама! какое пирожное будет? – еще решительнее, не срываясь, прозвучал голосок Наташи.

Графиня хотела хмуриться, но не могла. Марья Дмитриевна погрозила толстым пальцем.

– Казак! – проговорила она с угрозой.

Большинство гостей смотрели на старших, не зная, как следует принять эту выходку.

– Вот я тебя! – сказала графиня.

– Мама! чтò пирожное будет? – закричала Наташа уже смело и капризно-весело, вперед уверенная, что выходка ее будет принята хорошо.

Соня и толстый Петя прятались от смеха.

– Вот и спросила, – прошептала Наташа маленькому брату и Пьеру, на которого она опять взглянула.

– Мороженое, только тебе не дадут, – сказала Марья Дмитриевна.

Наташа видела, что бояться нечего, и потому не побоялась и Марьи Дмитриевны.

– Марья Дмитриевна? какое мороженое! Я сливочное не люблю.

– Морковное.

– Нет, какое? Марья Дмитриевна, какое? – почти кричала она. – Я хочу знать!

Марья Дмитриевна и графиня засмеялись, и за ними все гости. Все смеялись не ответу Марьи Дмитриевны, но непостижимой смелости и ловкости этой девочки, умевшей и смевшей так обращаться с Марьей Дмитриевной.

Наташа отстала только тогда, когда ей сказали, что будет ананасное. Перед мороженым подали шампанское. Опять заиграла музыка, граф поцеловался с графинюшкою, и гости, вставая, поздравляли графиню, через стол чокались с графом, детьми и друг с другом. Опять забе-

¹⁷³ Прекрасно! прекрасно то, чтò вы сказали.

гали официанты, загремели стулья, и в том же порядке, но с более красными лицами, гости вернулись в гостиную и кабинет графа.

XVII.

Раздвинули бостонные столы, составились партии, и гости графа разместились в двух гостиных, диванной и библиотеке.

Граф, распустив карты веером, с трудом удерживался от привычки послеобеденного сна и всему смеялся. Молодежь, подстрекаемая графиней, собралась около клавикорд и арфы. Жюли первая, по просьбе всех, сыграла на арфе пиеску с вариациями и вместе с другими девицами стала просить Наташу и Николая, известных своею музыкальностью, спеть что-нибудь. Наташа, к которой обратились как к большой, была, видимо, этим очень горда, но вместе с тем и робела.

– Что будем петь? – спросила она.

– «Ключ», – отвечал Николай.

– Ну, давайте скорее. Борис, идите сюда, – сказала Наташа. – А где же Соня?

Она оглянулась и, увидав, что ее друга нет в комнате, побежала за ней.

Вбежав в Сонину комнату и не найдя там своей подруги, Наташа пробежала в детскую – и там не было Сони. Наташа поняла, что Соня была в коридоре на сундуке. Сундук в коридоре был место печалей женского молодого поколения дома Ростовых. Действительно, Соня в своем воздушном розовом платице, приминая его, лежала ничком на грязной полосатой няниной перине, на сундуке и, закрыв лицо пальчиками, навзрыд плакала, подрагивая своими оголенными плечиками. Лицо Наташи, оживленное, целый день именинное, вдруг изменилось: глаза ее остановились, потом содрогнулась ее широкая шея, углы губ опустились.

– Соня! что ты?.. Что, что с тобой? У-у-у!...

И Наташа, распустив свой большой рот и сделавшись совершенно дурною, заревела, как ребенок, не зная причины и только оттого, что Соня плакала. Соня хотела поднять голову, хотела отвечать, но не могла и еще больше спряталась. Наташа плакала, присев на синей перине и обнимая друга. Собравшись с силами, Соня приподнялась, начала утирать слезы и рассказывать.

– Николинька едет через неделю, его... бумага... вышла... он сам мне сказал... Да я бы всё не плакала... (она показала бумажку, которую держала в руке: то были стихи, написанные Николаем) я бы всё не плакала, но ты не можешь... никто не может понять... какая у него душа.

И она опять принялась плакать о том, что душа его была так хороша.

– Тебе хорошо... я не завидую... я тебя люблю, и Бориса тоже, – говорила она, собравшись немного с силами, – он милый... для вас нет препятствий. А Николай мне cousin... надобно... сам митрополит... и то нельзя. И потом, ежели маменьке... (Соня графиню и считала и называла матерью)... она скажет, что я порчу карьеру Николая, у меня нет сердца, что я неблагодарная, а право... вот ей-Богу... (она перекрестилась) я так люблю и ее, и всех вас, только Вера одна... За что? Что я ей сделала? Я так благодарна вам, что рада бы всем пожертвовать, да мне нечем...

Соня не могла больше говорить и опять спрятала голову в руках и перине. Наташа начала успокоиваться, но по лицу ее видно было, что она понимала всю важность горя своего друга.

– Соня! — сказала она вдруг, как будто догадавшись о настоящей причине огорчения кузины, – верно, Вера с тобой говорила после обеда? Да?

– Да, эти стихи сам Николай написал, а я списала еще другие; она и нашла их у меня на столе и сказала, что покажет их маменьке, и еще говорила, что я неблагодарная, что маменька никогда не позволит ему жениться на мне, а он женится на Жюли. Ты видишь, как он с ней целый день... Наташа! За что?...

И опять она заплакала горьче прежнего. Наташа приподняла ее, обняла и, улыбаясь сквозь слезы, стала ее успокаивать.

– Соня, ты не верь ей, душенька, не верь. Помнишь, как мы все втроем говорили с Николинькой в диванной; помнишь, после ужина? Ведь мы всё решили, как будет. Я уже не помню как, но, помнишь, как было всё хорошо и всё можно. Вот дяденьки Шиншина брат женат же на двоюродной сестре, а мы ведь троюродные. И Борис говорил, что это очень можно. Ты знаешь, я ему всё сказала. А он такой умный и такой хороший, – говорила Наташа... – Ты, Соня, не плачь, голубчик милый, душенька, Соня. – И она целовала ее, смеясь. – Вера злая, Бог с ней! А всё будет хорошо и маменьке она не скажет; Николинька сам скажет, и он и не думал об Жюли.

И она целовала ее в голову. Соня приподнялась, и котенок оживился, глазки заблестали, и он готов был, казалось, вот-вот взмахнуть хвостом, вспрыгнуть на мягкие лапки и опять заиграть с клубком, как ему и было прилично.

– Ты думаешь? Право? Ей-Богу? – сказала она, быстро оправляя платье и прическу.

– Право, ей-Богу! – отвечала Наташа, оправляя своему другу под косой выбившуюся прядь жестких волос.

И они обе засмеялись.

– Ну, пойдем петь «Ключ».

– Пойдем.

– А знаешь, этот толстый Пьер, что против меня сидел, такой смешной! – сказала вдруг Наташа, останавливаясь. – Мне очень весело!

И Наташа побежала по коридору.

Соня, отряхнув пух и спрятав стихи за пазуху, к шейке с выступавшими костями груди, легкими, веселыми шагами, с раскрасневшимся лицом, побежала вслед за Наташей по коридору в диванную. По просьбе гостей молодые люди спели квартет «Ключ», который всем очень понравился; потом Николай спел вновь выученную им песню:

В приятну ночь, при лунном свете,
Представить счастливо себе,
Что некто есть еще на свете
Кто думает и о тебе!
Что и она, рукой прекрасной,
По арфе золотой бродя,
Своей гармониею страстной
Зовет к себе, зовет тебя!
Еще день – два, и рай настанет...
Но ах! твой друг не доживет!

И он не допел еще последних слов, когда в зале молодежь приготовилась к танцам, а на хорах застучали ногами и закашляли музыканты.

–

Пьер сидел в гостиной, где Шиншин, как с приезжим из-за границы, завел с ним скучный для Пьера политический разговор, к которому присоединились и другие. Когда заиграла музыка, Наташа вошла в гостиную и, подойдя прямо к Пьеру, смеясь и краснея, сказала:

– Мама велела вас просить танцевать.

– Я боюсь спутать фигуры, – сказал Пьер, – но ежели вы хотите быть моим учителем...

И он подал свою толстую руку, низко опуская ее, тоненькой девочке.

Пока расставались пары и строили музыканты, Пьер сел с своею маленькою дамой. Наташа была совершенно счастлива; она танцевала с *большим*, с приехавшим из-за границы. Она сидела на виду у всех и разговаривала с ним, как большая. У нее в руке был веер, который

ей дала подержать одна барышня. И, приняв самую светскую позу (Бог знает, где и когда она этому научилась), она, обмахиваясь веером и улыбаясь через веер, говорила с своим кавалером.

– Какова? какова? Смотрите, смотрите, – сказала старая графиня, проходя через залу и указывая на Наташу.

Наташа покраснела и засмеялась.

– Ну, что вы, мама? Ну, что вам за охота? что ж тут удивительного?

В середине третьего экосеза зашевелились стулья в гостиной, где играли граф и Марья Дмитриевна, и большая часть почетных гостей и старички, потягиваясь после долгого сиденья и укладывая в карманы бумажники и кошельки, выходили в двери залы. Впереди шла Марья Дмитриевна с графом – оба с веселыми лицами. Граф с шутливою вежливостью, как-то побалетному, подал округленную руку Марье Дмитриевне. Он выпрямился, и лицо его озарилось особенною молодецки-хитрою улыбкой, и как только дотанцовали последнюю фигуру экосеза, он ударил в ладоши музыкантам и закричал на хоры, обращаясь к первой скрипке:

– Семен! Данилу Купора знаешь?

Это был любимый танец графа, танцованный им еще в молодости. (Давило Купор была собственно одна фигура *англеза*.)

– Смотрите на папá, – закричала на всю залу Наташа (совершенно забыв, что она танцует с большим), пригибая к коленам свою кудрявую головку и заливаясь своим звонким смехом по всей зале.

Действительно, всё, что только было в зале, с улыбкою радости смотрело на веселого старичка, который рядом с своею сановитою дамой, Марьей Дмитриевной, бывшею выше его ростом, округлял руки, в такт потряхивая ими, расправлял плечи, вывертывал ноги, слегка притопывая, и всё более и более распускаявшееся улыбкой на своем круглом лице приготавлил зрителей к тому, что будет. Как только слышались веселые, вызывающие звуки Данилы Купора, похожие на развеселого трепачка, все двери залы вдруг заставились с одной стороны мужскими, с другой – женскими улыбающимися лицами дворовых, вышедших посмотреть на веселящегося барина.

– Батюшка-то наш! Орел! —проговорила громко няня из одной двери.

Граф танцевал хорошо и знал это, но его дама вовсе не умела и не хотела хорошо танцевать. Ее огромное тело стояло прямо с опущенными вниз мощными руками (она передала ридикюль графине); только одно строгое, но красивое лицо ее танцовало. Что выражалось во всей круглой фигуре графа, у Марьи Дмитриевны выражалось лишь в более и более улыбающемся лице и вздергивающемся носе. Но зато, ежели граф, всё более и более расходясь, пленял зрителей неожиданностью ловких выверток и легких прыжков своих мягких ног, Марья Дмитриевна малейшим усердием при движении плеч или округлении рук в поворотах и притопываньях, производила не меньшее впечатление по заслуге, которую ценил всякий при ее тучности и всегдашней суровости. Пляска оживлялась всё более и более. Визави не могли ни на минуту обратить на себя внимание и даже не старались о том. Всё было занято графом и Марьей Дмитриевной. Наташа дергала за рукава и платье всех присутствовавших, которые и без того не спускали глаз с танцующих, и требовала, чтобы смотрели на папеньку. Граф в промежутках танца тяжело переводил дух, махал и кричал музыкантам, чтоб они играли скорее. Скорее, скорее и скорее, лише, лише и лише развертывался граф, то на цыпочках, то на каблуках, носясь вокруг Марьи Дмитриевны и, наконец, повернув свою даму к ее месту, сделал последнее па, подняв сзади кверху свою мягкую ногу, склонив вспотевшую голову с улыбающимся лицом и округло размахнув правую руку среди грохота рукоплесканий и хохота, особенно Наташи. Оба танцующие остановились, тяжело переводя дыхание и утираясь батистовыми платками.

– Вот как в наше время танцевали, *ma chère*,¹⁷⁴ – сказал граф.

– Ай да Данила Купор! – тяжело и продолжительно выпуская дух и засучивая рукава, сказала Марья Дмитриевна.

XVIII.

В то время как у Ростовых танцевали в зале шестой *англез* под звуки от усталости фальшививших музыкантов, и усталые официанты и повара готовили ужин, с графом Безуховым сделался шестой удар. Доктора объявили, что надежды к выздоровлению нет; больному дана была глухая исповедь и причастие; делали приготовления для соборования, и в доме была суетня и тревога ожидания, обыкновенные в такие минуты. Вне дома, за воротами толпились, скрываясь от подъезжающих экипажей, гробовщики, ожидая богатого заказа на похороны графа. Главнокомандующий Москвы, который беспрестанно присылал адъютантов узнавать о положении графа, в этот вечер сам приезжал проститься с знаменитым Екатерининским вельможей, графом Безуховым.

Великолепная приемная комната была полна. Все почтительно встали, когда главнокомандующий, пробыв около получаса наедине с больным, вышел оттуда, слегка отвечая на поклоны и стараясь как можно скорее пройти мимо устремленных на него взглядов докторов, духовных лиц и родственников. Князь Василий, похудевший и побледневший за эти дни, провожал главнокомандующего и что-то несколько раз тихо повторил ему.

Проводив главнокомандующего, князь Василий сел в зале один на стул, закинув высоко ногу на ногу, на коленку упирая локоть и рукою закрыв глаза. Посидев так несколько времени, он встал и непривычно-поспешными шагами, оглядываясь кругом испуганными глазами, пошел чрез длинный корридор на заднюю половину дома, к старшей княжне.

Находившиеся в слабо-освещенной комнате неровным шопотом говорили между собой и каждый раз замолкали и полными вопроса и ожидания глазами оглядывались на дверь, которая вела в покои умирающего и издавала слабый звук, когда кто-нибудь выходил из нее или входил в нее.

– Предел человеческий, – говорил старичок, духовное лицо, даме, подсевшей к нему и наивно слушавшей его, – предел положен, его же не преjdeши.

– Я думаю, не поздно ли соборовать? – прибавляя духовный титул, спрашивала дама, как будто не имея на этот счет никакого своего мнения.

– Таинство, матушка, великое, – отвечало духовное лицо, проводя рукою по лысине, по которой пролегалo несколько прядей зачесанных полуседых волос.

– Это кто же? сам главнокомандующий был? – спрашивали в другом конце комнаты. – Какой молодец!

– А седьмой десяток! Что, говорят, граф-то не узнает уж? Хотели соборовать?

– Я одного знал: семь раз соборовался.

Вторая княжна вышла из комнаты больного с заплаканными глазами и села подле доктора Лоррена, который в грациозной позе сидел под портретом Екатерины, облокотившись на стол.

– *Très beau*, – говорил доктор, отвечая на вопрос о погоде, – *très beau, princesse et puis, à Moscou on se croit à la campagne*.¹⁷⁵

– *N'est-ce pas?*¹⁷⁶ – сказала княжна, вздыхая. – Так можно ему пить?

Лоррен задумался.

– Он принял лекарство?

¹⁷⁴ Матушка,

¹⁷⁵ Прекрасно – прекрасная погода, прекрасная, княжна, и потом Москва так похожа на деревню

¹⁷⁶ Не правда ли?

– Да.

Доктор посмотрел на брегет.

– Возьмите стакан отварной воды и положите une pincée (он своими тонкими пальцами показал, что значит une pincée) de cremortartari...¹⁷⁷

– *Не пило слушай*, – говорил немец-доктор адъютанту, – *чтопи с третий удар шивъ оставался*.

– А какой свежий был мужчина! – говорил адъютант. – И кому пойдет это богатство? – прибавил он шопотом.

– *Окотник найдутся*, – улыбаясь, отвечал немец.

Все опять оглянулись на дверь: она скрипнула, и вторая княжна, сделав питье, показанное Лорреном, понесла его больному. Немец-доктор подошел к Лоррену.

– Еще, может, дотянется до завтрашнего утра? – спросил немец, дурно выговаривая по-французски.

Лоррен, поджав губы, строго и отрицательно помахал пальцем перед своим носом.

– Сегодня ночью, не позже, – сказал он тихо, с приличною улыбкой самодовольства в том, что ясно умеет понимать и выражать положение больного, и отошел.

–

Между тем князь Василий отворил дверь в комнату княжны.

В комнате было полутемно; только две лампадки горели перед образами, и хорошо пахло куреньем и цветами. Вся комната была уставлена мелкою мебелью шифоньерок, шкафчиков, столиков. Из-за ширм виднелись белые покрывала высокой пуховой кровати. Собачка залаяла.

– Ах, это вы, mon cousin?

Она встала и оправила волосы, которые у нее всегда, даже и теперь, были так необыкновенно гладки, как будто они были сделаны из одного куска с головой и покрыты лаком.

– Что, случилось что-нибудь? – спросила она. – Я уже так напугалась.

– Ничего, всё то же; я только пришел поговорить с тобой, Катишь, о деле, – проговорил князь, устало садясь на кресло, с которого она встала. – Как ты нагрела, однако, – сказал он, – ну, садись сюда, caissons.¹⁷⁸

– Я думала, не случилось ли что? – сказала княжна и с своим неизменным, каменно-строгим выражением лица села против князя, готовясь слушать.

– Хотела уснуть, mon cousin, и не могу.

– Ну, что, моя милая? – сказал князь Василий, взяв руку княжны и пригибая ее по своей привычке книзу.

Видно было, что это «ну, что» относилось ко многому такому, что, не называя, они понимали оба.

Княжна, с своею несообразно-длинною по ногам, сухою и прямою талией, прямо и бесстрастно смотрела на князя выпуклыми серыми глазами. Она покачала головой и вздохнув, посмотрела на образа. Жест ее можно было объяснить и как выражение печали и преданности, и как выражение усталости и надежды на скорый отдых. Князь Василий объяснил этот жест как выражение усталости.

– А мне-то, – сказал он, – ты думаешь, легче? Je suis éreinté, comme un cheval de poste;¹⁷⁹ а всё-таки мне надо с тобой поговорить, Катишь, и очень серьезно.

Князь Василий замолчал, и щеки его начали нервно дергаться то на одну, то на другую сторону, придавая его лицу неприятное выражение, какое никогда не показывалось на

¹⁷⁷ щепотку кремортарта...

¹⁷⁸ Поговорим.

¹⁷⁹ Я заморен, как почтовая лошадь;

лице князя Василия, когда он бывал в гостиных. Глаза его тоже были не такие, как всегда: то они смотрели нагло-шутливо, то испуганно оглядывались.

Княжна, своими сухими, худыми руками придерживая на коленях собачку, внимательно смотрела в глаза князю Василию; но видно было, что она не прервет молчания вопросом, хотя бы ей пришлось молчать до утра.

– Вот видите ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна, – продолжал князь Василий, видимо, не без внутренней борьбы приступая к продолжению своей речи, – в такие минуты, как теперь, обо всем надо подумать. Надо подумать о будущем, о вас... Я вас всех люблю, как своих детей, ты это знаешь.

Княжна так же тускло и неподвижно смотрела на него.

– Наконец, надо подумать и о моем семействе, – сердито отталкивая от себя столик и не глядя на нее, продолжал князь Василий, – ты знаешь, Катишь, что вы, три сестры Мамонтовы, да еще моя жена, мы одни прямые наследники графа. Знаю, знаю, как тебе тяжело говорить и думать о таких вещах. И мне не легче; но, друг мой, мне шестой десяток, надо быть ко всему готовым. Ты знаешь ли, что я послал за Пьером, и что граф, прямо указывая на его портрет, требовал его к себе?

Князь Василий вопросительно посмотрел на княжну, но не мог понять, соображала ли она то, что он ей сказал, или просто смотрела на него...

– Я об одном не перестаю молить Бога, mon cousin, – отвечала она, – чтоб он помиловал его и дал бы его прекрасной душе спокойно покинуть эту...

– Да, это так, – нетерпеливо продолжал князь Василий, потирая лысину и опять с злобой придвигая к себе отодвинутый столик, – но, наконец... наконец дело в том, ты сама знаешь, что прошлую зимой граф написал завещание, по которому он всё имение, помимо прямых наследников и нас, отдавал Пьеру.

– Мало ли он писал завещаний! – спокойно сказала княжна, – но Пьеру он не мог завещать. Пьер незаконный.

– Ma chère, – сказал вдруг князь Василий, прижав к себе столик, оживившись и начав говорить скорей, – но что, ежели письмо написано государю, и граф просит усыновить Пьера? Понимаешь, по заслугам графа его просьба будет уважена...

Княжна улыбнулась, как улыбаются люди, которые думают, что знают дело больше, чем те, с кем разговаривают.

– Я тебе скажу больше, – продолжал князь Василий, хватая ее за руку, – письмо было написано, хотя и не отослано, и государь знал о нем. Вопрос только в том, уничтожено ли оно, или нет. Ежели нет, то как скоро *всё кончится*, – князь Василий вздохнул, давая этим понять, что он разумел под словами *всё кончится*, – и вскрыют бумаги графа, завещание с письмом будет передано государю, и просьба его, наверно, будет уважена. Пьер, как законный сын, получит всё.

– А наша часть? – спросила княжна, иронически улыбаясь так, как будто всё, но только не это, могло случиться.

– Mais, ma pauvre Catiche, c'est clair, comme le jour.¹⁸⁰ Он один тогда законный наследник всего, а вы не получите ни вот этого. Ты должна знать, моя милая, были ли написаны завещание и письмо, и уничтожены ли они. И ежели почему-нибудь они забыты, то ты должна знать, где они, и найти их, потому что...

– Этого только недоставало! – перебила его княжна, сардонически улыбаясь и не изменяя выражения глаз. – Я женщина; по-вашему мы все глупы; но я настолько знаю, что неза-

¹⁸⁰ Но, милая Катишь, это ясно, как день.

конный сын не может наследовать... Un bâtard,¹⁸¹ – прибавила она, полагая этим переводом окончательно показать князю его неосновательность.

– Как ты не понимаешь, наконец, Катишь! Ты так умна: как ты не понимаешь, – ежели граф написал письмо государю, в котором просит его признать сына законным, стало быть, Пьер уж будет не Пьер, а граф Безухов, и тогда он по завещанию получит всё? И ежели завещание с письмом не уничтожены, то тебе, кроме утешения, что ты была добродетельна *et tout ce qui s'en suit*,¹⁸² ничего не останется. Это верно.

– Я знаю, что завещание написано; но знаю тоже, что оно недействительно, и вы меня, кажется считаете за совершенную дуру, *mon cousin*, – сказала княжна с тем выражением, с которым говорят женщины, полагаящие, что они сказали нечто остроумное и оскорбительное.

– Милая ты моя княжна Катерина Семеновна! – нетерпеливо заговорил князь Василий. – Я пришел к тебе не за тем, чтобы пикироваться с тобой, а за тем, чтобы как с родною, хорошою, доброю, истинною родной, поговорить о твоих же интересах. Я тебе говорю десятый раз, что ежели письмо к государю и завещание в пользу Пьера есть в бумагах графа, то ты, моя голубушка, и с сестрами, не наследница. Ежели ты мне не веришь, то поверь людям знающим: я сейчас говорил с Дмитрием Онуфриичем (это был адвокат дома), он то же сказал.

Видимо, что-то вдруг изменилось в мыслях княжны; тонкие губы побледнели (глаза остались те же), и голос, в то время как она заговорила, прорывался такими раскатами, каких она, видимо, сама не ожидала.

– Это было бы хорошо, – сказала она. – Я ничего не хотела и не хочу. —

Она сбросила свою собачку с колен и оправила складки платья.

– Вот благодарность, вот признательность людям, которые всем пожертвовали для него, – сказала она. – Прекрасно! Очень хорошо! Мне ничего не нужно, князь.

– Да но ты не одна, у тебя сестры, – ответил князь Василий.

Но княжна не слушала его.

– Да, я это давно знала, но забыла, что, кроме низости, обмана, зависти, интриг, кроме неблагодарности самой черной неблагодарности, я ничего не могла ожидать в этом доме...

– Знаешь ли ты или не знаешь, где это завещание? – спрашивал князь Василий еще с большим, чем прежде, подергиванием щек.

– Да, я была глупа, я еще верила в людей и любила их и жертвовала собой. А успевают только те, которые подлы и гадки. Я знаю, чьи это интриги.

Княжна хотела встать, но князь удержал ее за руку. Княжна имела вид человека, вдруг разочаровавшегося во всем человеческом роде; она злобно смотрела на своего собеседника.

– Еще есть время, мой друг. Ты помни, Катишь, что все это сделалось нечаянно, в минуту гнева, болезни, и потом забыто. Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его последние минуты тем, чтобы не допустить его сделать этой несправедливости, не дать ему умереть в мыслях, что он сделал несчастными тех людей...

– Тех людей, которые всем пожертвовали для него, – подхватила княжна, порываясь опять встать, но князь не пустил ее, – чего он никогда не умел ценить. Нет, *mon cousin*, – прибавила она со вздохом, – я буду помнить, что на этом свете нельзя ждать награды, что на этом свете нет ни чести, ни справедливости. На этом свете надо быть хитрою и злою.

– Ну, *voilà*,¹⁸³ успокойся; я знаю твое прекрасное сердце.

– Нет, у меня злое сердце.

¹⁸¹ [Незаконный.]

¹⁸² и всего, что отсюда вытекает.

¹⁸³ Ну, ну,

– Я знаю твое сердце, – повторил князь, – ценю твою дружбу и желал бы, чтобы ты была обо мне того же мнения. Успокойся и *parlons raison*,¹⁸⁴ пока есть время – может, сутки может, час; расскажи мне всё, что ты знаешь о завещании, и главное, где оно: ты должна знать. Мы теперь же возьмем его и покажем графу. Он, верно, забыл уже про него и захочет его уничтожить. Ты понимаешь, что мое одно желание – свято исполнить его волю; я затем только и приехал сюда. Я здесь только затем, чтобы помогать ему и вам.

– Теперь я всё поняла. Я знаю, чьи это интриги. Я знаю, – говорила княжна.

– Не в том дело, моя душа.

– Это ваша *protégée*, ваша милая Анна Михайловна, которую я не желала бы иметь горничной, эту мерзкую, гадкую женщину.

– *Ne perdons point de temps*.¹⁸⁵

– Ах, не говорите! Прошлую зиму она втерлась сюда и такие гадости, такие скверности наговорила графу на всех нас, особенно на Sophie, – я повторить не могу, – что граф сделался болен и две недели не хотел нас видеть. В это время, я знаю, что он написал эту гадкую, мерзкую бумагу; но я думала, что эта бумага ничего не значит.

– *Nous y voilà*,¹⁸⁶ отчего же ты прежде ничего не сказала мне?

– В мозаиковом портфеле, который он держит под подушкой. Теперь я знаю, – сказала княжна, не отвечая. – Да, ежели есть за мной грех, большой грех, то это ненависть к этой мерзавке, – почти прокричала княжна, совершенно изменившись. – И зачем она втирается сюда? Но я ей выскажу всё, всё. Придет время!

XIX.

В то время как такие разговоры происходили в приемной и в княжиной комнатах, карета с Пьером (за которым было послано) и с Анной Михайловной (которая нашла нужным ехать с ним) въезжала во двор графа Безухова. Когда колеса кареты мягко зазвучали по соломе, насланной под окнами, Анна Михайловна, обратившись к своему спутнику с утешительными словами, убедилась в том, что он спит в углу кареты, и разбудила его. Очнувшись, Пьер за Анной Михайловной вышел из кареты и тут только подумал о том свидании с умирающим отцом, которое его ожидало. Он заметил, что они подъехали не к парадному, а к заднему подъезду. В то время как он сходил с подножки, два человека в мещанской одежде торопливо отбежали от подъезда в тень стены. Приостановившись Пьер разглядел в тени дома с обеих сторон еще несколько таких же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучер, которые не могли не видеть этих людей, не обратили на них внимания. Стало-быть, это так нужно, решил сам с собой Пьер и прошел за Анною Михайловной. Анна Михайловна поспешными шагами шла вверх по слабо-освещенной узкой каменной лестнице, подзывая отстававшего за ней Пьера, который, хотя и не понимал, для чего ему надо было вообще идти к графу, и еще меньше, зачем ему надо было идти по задней лестнице, но, судя по уверенности и поспешности Анны Михайловны, решил про себя, что это было необходимо нужно. На половине лестницы чуть не сбили их с ног какие-то люди с ведрами, которые, стуча сапогами, сбегали им навстречу. Люди эти прижались к стене, чтобы пропустить Пьера с Анною Михайловной, и не показали ни малейшего удивления при виде их.

– Здесь на половину княжен? – спросила Анна Михайловна одного из них.

– Здесь, – отвечал лакей смелым, громким голосом, как будто теперь всё уже было можно, – дверь налево, матушка.

¹⁸⁴ поговорим толком,

¹⁸⁵ Не будем терять время.

¹⁸⁶ В этом-то и дело,

– Может быть, граф не звал меня, – сказал Пьер в то время, как он вышел на площадку, – я пошел бы к себе.

Анна Михайловна остановилась, чтобы поровняться с Пьером.

– Ah, mon ami! – сказала она с тем же жестом, как утром с сыном, дотрогиваясь до его руки: – croyez, que je souffre, autant, que vous, mais soyez homme.¹⁸⁷

– Право, я пойду? – спросил Пьер, ласково чрез очки глядя на Анну Михайловну.

– Ah, mon ami, oubliez les torts qu'on a pu avoir envers vous, pensez que c'est votre père... peut-être à l'agonie. – Она вздохнула. – Je vous ai tout de suite aimé comme mon fils. Fiez vous à moi, Pierre. Je n'oublierai pas vos intérêts.¹⁸⁸

Пьер ничего не понимал; опять ему еще сильнее показалось, что всё это так должно быть, и он покорно последовал за Анною Михайловной, уже отворявшею дверь.

Дверь выходила в переднюю заднего хода. В углу сидел старик-слуга княжен и вязал чулок. Пьер никогда не был на этой половине, даже не предполагал существования таких покоев. Анна Михайловна спросила у обгонявшей их, с графином на подносе, девушки (назвав ее милою и голубушкой) о здоровье княжен и повлекла Пьера дальше по каменному коридору. Из коридора первая дверь налево вела в жилые комнаты княжен. Горничная, с графином, второпях (как и всё делалось второпях в эту минуту в этом доме) не затворила двери, и Пьер с Анною Михайловной, проходя мимо, невольно заглянули в ту комнату, где, разговаривая, сидели близко друг от друга старшая княжна с князем Васильем. Увидав проходящих, князь Василий сделал нетерпеливое движение и откинулся назад; княжна вскочила и отчаянным жестом изо всей силы хлопнула дверь, затворяя ее.

Жест этот был так не похож на всегдашнее спокойствие княжны, страх, выразившийся на лице князя Василья, был так несвойствен его важности, что Пьер, остановившись, вопросительно, через очки, посмотрел на свою руководительницу. Анна Михайловна не выразила удивления, она только слегка улыбнулась и вздохнула, как будто показывая, что всего этого она ожидала.

– Soyez homme, mon ami, c'est moi qui veillerai à vos intérêts,¹⁸⁹ – сказала она в ответ на его взгляд и еще скорее пошла по коридору.

Пьер не понимал, в чем дело, и еще меньше, что значило veiller à vos intérêts,¹⁹⁰ но он понимал, что всё это так должно было быть. Коридором они вышли в полуосвещенную залу, примыкавшую к приемной графа. Эта была одна из тех холодных и роскошных комнат, которые знал Пьер с парадного крыльца. Но и в этой комнате, посередине стояла пустая ванна и была пролита вода по ковру. Навстречу им вышли на цыпочках, не обращая на них внимания, слуга и причетник с кадилом. Они вошли в знакомую Пьеру приемную с двумя итальянскими окнами, выходом в зимний сад, с большим бюстом и во весь рост портретом Екатерины. Все те же люди, почти в тех же положениях, сидели, перешептываясь, в приемной. Все, смолкнув, оглянулись на вошедшую Анну Михайловну, с ее исплаканным, бледным лицом, и на толстого, большого Пьера, который, опустив голову, покорно следовал за нею.

На лице Анны Михайловны выразилось сознание того, что решительная минута наступила; она, с приемами деловой петербургской дамы, вошла в комнату, не отпуская от себя Пьера, еще смелее, чем утром. Она чувствовала, что так как она ведет за собою того, кого желал видеть умирающий, то прием ее был обеспечен. Быстрым взглядом оглядев всех, бывших в комнате, и заметив графова духовника, она, не то что согнувшись, но сделавшись вдруг

¹⁸⁷ Ах, мой дружок, поверьте, я страдаю не меньше вас, но будьте мужчиной.

¹⁸⁸ Забудьте, друг мой, в чем были против вас неправы, подумайте, что это ваш отец... может быть при смерти. Я тотчас полюбила вас, как сына. Доверьтесь мне, Пьер. Я не забуду ваших интересов.

¹⁸⁹ Будьте мужчиною, друг мой, а я уж буду блюсти за вашими интересами.

¹⁹⁰ блюсти его интересы,

меньше ростом, мелкою иноходью подплыла к духовнику и почтительно приняла благословение одного, потом другого духовного лица.

– Слава Богу, что успели, – сказала она духовному лицу, – мы все, родные, так боялись. Вот этот молодой человек – сын графа, – прибавила она тише. – Ужасная минута!

Проговорив эти слова, она подошла к доктору.

– Cher docteur, – сказала она ему, – ce jeune homme est le fils du comte... y a-t-il de l'espoir?¹⁹¹

Доктор молча, быстрым движением возвел кверху глаза и плечи. Анна Михайловна точно таким же движением возвела плечи и глаза, почти закрыв их, вздохнула и отошла от доктора к Пьеру. Она особенно почтительно и нежно-грустно обратилась к Пьеру.

– Ayez confiance en Sa miséricorde!¹⁹² – сказала она ему и указав ему диванчик, чтобы сесть подождать ее, сама неслышно направилась к двери, на которую все смотрели, и вслед за чуть слышным звуком этой двери скрылась за нею.

Пьер, решившись во всем повиноваться своей руководительнице, направился к диванчику, который она ему указала. Как только Анна Михайловна скрылась, он заметил, что взгляды всех, бывших в комнате, больше чем с любопытством и с участием устремились на него. Он заметил, что все перешептывались, указывая на него глазами, как будто со страхом и даже с подобострастием. Ему оказывали уважение, какого прежде никогда не оказывали: неизвестная ему дама, которая говорила с духовными лицами, встала с своего места и предложила ему сесть, адъютант поднял уроненную Пьером перчатку и подал ему; доктора почтительно замолкли, когда он проходил мимо их, и посторонились, чтобы дать ему место. Пьер хотел сначала сесть на другое место, чтобы не стеснять даму, хотел сам поднять перчатку и обойти докторов, которые вовсе и не стояли на дороге; но он вдруг почувствовал, что это было бы неприлично, он почувствовал, что он в нынешнюю ночь есть лицо, которое обязано совершить какой-то страшный и ожидаемый всеми обряд, и что поэтому он должен был принимать от всех услуги. Он принял молча перчатку [от] адъютанта, сел на место дамы, положив свои большие руки на симметрично-выставленные колени, в наивной позе египетской статуи, и решил про себя, что всё это так именно должно быть и что ему в нынешний вечер, для того чтобы не потеряться и не наделать глупостей, не следует действовать по своим соображениям, а надобно предоставить себя вполне на волю тех, которые руководили им.

Не прошло и двух минут, как князь Василий, в своем кафтане с тремя звездами, величественно, высоко неся голову, вошел в комнату. Он казался похudevшим с утра; глаза его были больше обыкновенного, когда он оглянул комнату и увидал Пьера. Он подошел к нему, взял руку (чего он прежде никогда не делал) и потянул ее книзу, как будто он хотел испытать, крепко ли она держится.

– Courage, courage, mon ami. Il a demandé à vous voir. C'est bien...¹⁹³ – и он хотел итти.

Но Пьер почел нужным спросить:

– Как здоровье... – Он замялся, не зная, прилично ли назвать умирающего графом; назвать же отцом ему было совестно.

– Il a eu encore un coup, il y a une demi-heure. Еще был удар. Courage, mon ami...¹⁹⁴

Пьер был в таком состоянии неясности мысли, что при слове «удар» ему представился удар какого-нибудь тела. Он, недоумевая, посмотрел на князя Василия и уже потом сообразил, что ударом называется болезнь. Князь Василий на ходу сказал несколько слов Лоррену и прошел в дверь на цыпочках. Он не умел ходить на цыпочках и неловко подпрыгивал всем

¹⁹¹ Любезный доктор, – этот молодой человек – сын графа... Есть ли надежда?

¹⁹² Доверьтесь Его милосердию.

¹⁹³ Не унывать, не унывать, мой друг. Он велел вас позвать. Это хорошо.

¹⁹⁴ Был еще удар полчаса назад. Не унывать, мой друг...

телом. Вслед за ним прошла старшая княжна, потом прошли духовные лица и причетники, люди (прислуга) тоже прошли в дверь. За эту дверь послышалось передвижение, и наконец, всё с тем же бледным, но твердым в исполнении долга лицом, выбежала Анна Михайловна и, дотронувшись до руки Пьера, сказала:

– *La bonté divine est inépuisable. C'est la cérémonie de l'extrême onction qui va commencer. Venez.*¹⁹⁵

Пьер прошел в дверь, ступая по мягкому ковру, и заметил, что и адъютант, и незнакомая дама, и еще кто-то из прислуги – все прошли за ним, как будто теперь уж не надо было спрашивать разрешения входить в эту комнату.

XX.

Пьер хорошо знал эту большую, разделенную колоннами и аркой комнату, всю обитую персидскими коврами. Часть комнаты за колоннами, где с одной стороны стояла высокая красного дерева кровать, под шелковыми занавесами, а с другой – огромный киот с образами, была красно и ярко освещена, как бывают освещены церкви во время вечерней службы. Под освещенными ризами киота стояло длинное вольтеровское кресло, и на кресле, обложенном вверху снежно-белыми, не смятыми, видимо, только-что перемененными подушками, укрытая до пояса ярко-зеленым одеялом, лежала знакомая Пьеру величественная фигура его отца, графа Безухова, с тою же седою гривой волос, напоминавших льва, над широким лбом и с теми же характерно-благородными крупными морщинами на красивом красно-желтом лице. Он лежал прямо под образами; обе толстые, большие руки его были вы простаны из-под одеяла и лежали на нем. В правую руку, лежавшую ладонью книзу, между большим и указательным пальцами вставлена была восковая свеча, которую, нагибаясь из-за кресла, придерживал в ней старый слуга. Над креслом стояли духовные лица в своих величественных блестящих одеждах, с выпростанными на них длинными волосами, с зажженными свечами в руках, и медленно-торжественно служили. Немного позади их стояли две младшие княжны, с платком в руках и у глаз, и впереди их старшая, Катишь, с злобным и решительным видом, ни на мгновение не спуская глаз с икон, как будто говорила всем, что не отвечает за себя, если оглянется. Анна Михайловна, с кроткою печалью и всепрощением на лице, и неизвестная дама стояли у двери. Князь Василий стоял с другой стороны двери, близко к креслу, за резным бархатным стулом, который он поворотил к себе спинкой, и, облокотив на нее левую руку со свечой, крестился правою, каждый раз поднимая глаза кверху, когда приставлял персты ко лбу. Лицо его выражало спокойную набожность и преданность воле Божией. «Ежели вы не понимаете этих чувств, то тем хуже для вас», казалось, говорило его лицо.

Сзади его стоял адъютант, доктора и мужская прислуга; как бы в церкви, мужчины и женщины разделились. Всё молчало, крестилось, только слышны были церковное чтение, сдержанное, густое басовое пение и в минуты молчания перестановка ног и вздохи. Анна Михайловна, с тем значительным видом, который показывал, что она знает, что делает, перешла через всю комнату к Пьеру и подала ему свечу. Он зажег ее и, развлеченный наблюдениями над окружающими, стал креститься тою же рукой, в которой была свеча.

Младшая, румяная и смешливая княжна Софи, с родинкою, смотрела на него. Она улыбнулась, спрятала свое лицо в платок и долго не открывала его; но, посмотрев на Пьера, опять засмеялась. Она, видимо, чувствовала себя не в силах глядеть на него без смеха, но не могла удержаться, чтобы не смотреть на него, и во избежание искушений тихо перешла за колонну. В середине службы голоса духовенства вдруг замолкли; духовные лица шопотом сказали что-то друг другу; старый слуга, державший руку графа, поднялся и обратился к дамам. Анна Михай-

¹⁹⁵ Милосердие Божие неисчерпаемо. Соборование сейчас начнется. Пойдемте.

ловна выступила вперед и, нагнувшись над больным, из-за спины пальцем поманила к себе Лоррена. Француз-доктор, – стоявший без зажженной свечи, прислонившись к колонне, в той почтительной позе иностранца, которая показывает, что, несмотря на различие веры, он понимает всю важность совершающегося обряда и даже одобряет его, – неслышными шагами человека во всей силе возраста подошел к больному, взял своими белыми тонкими пальцами его свободную руку с зеленого одеяла и, отвернувшись, стал щупать пульс и задумался. Больному дали чего-то выпить, зашевелились около него, потом опять расступились по местам, и богослужение возобновилось. Во время этого перерыва Пьер заметил, что князь Василий вышел из-за своей спинки стула и, с тем же видом, который показывал, что он знает, что делает, и что тем хуже для других, ежели они не понимают его, не подошел к больному, а, пройдя мимо его, присоединился к старшей княжне и с нею вместе направился в глубь спальни, к высокой кровати под шелковыми занавесами. От кровати и князь и княжна оба скрылись в заднюю дверь, но перед концом службы один за другим возвратились на свои места. Пьер обратил на это обстоятельство не более внимания, как и на все другие, раз навсегда решив в своем уме, что всё, что совершалось перед ним нынешний вечер, было так необходимо нужно.

Звуки церковного пения прекратились, и послышался голос духовного лица, которое почтительно поздравляло больного с принятием таинства. Больной лежал всё так же безжизненно и неподвижно. Вокруг него всё зашевелилось, послышались шаги и шопоты, из которых шопот Анны Михайловны выдавался резче всех.

Пьер слышал, как она сказала:

– Непременно надо перенести на кровать, здесь никак нельзя будет...

Больного так обступили доктора, княжны и слуги, что Пьер уже не видал той красно-желтой головы с седой гривой, которая, несмотря на то, что он видел и другие лица, ни на мгновение не выходила у него из вида во всё время службы. Пьер догадался по осторожному движению людей, обступивших кресло, что умирающего поднимали и переносили.

– За мою руку держись, уронишь так, – послышался ему испуганный шопот одного из слуг, – снизу... еще один, – говорили голоса, и тяжелые дыхания и переступанья ногами людей стали торопливее, как будто тяжесть, которую они несли, была сверх сил их.

Несущие, в числе которых была и Анна Михайловна, поровнялись с молодым человеком, и ему на мгновение из-за спин и затылков людей показалась высокая, жирная, открытая грудь, тучные плечи больного, приподнятые кверху людьми, державшими его под мышки, и седая курчавая, львиная голова. Голова эта, с необычайно-широким лбом и скулами, красивым чувственным ртом и величественным холодным взглядом, была не обезображена близостью смерти. Она была такая же, какую знал ее Пьер назад тому три месяца, когда граф отпускал его в Петербург. Но голова эта беспомощно покачивалась от неровных шагов несущих, и холодный, безучастный взгляд не знал, на чем остановиться.

Прошло несколько минут суетни около высокой кровати; люди, несшие больного, разошлись. Анна Михайловна дотронулась до руки Пьера и сказала ему: «Venez».¹⁹⁶ Пьер вместе с нею подошел к кровати, на которой, в праздничной позе, видимо, имевшей отношение к только-что совершенному таинству, был положен больной. Он лежал, высоко опираясь головой на подушки. Руки его были симметрично выложены на зеленом шелковом одеяле ладонями вниз. Когда Пьер подошел, граф глядел прямо на него, но глядел тем взглядом, которого смысл и значение нельзя понять человеку. Или этот взгляд ровно ничего не говорил, как только то, что, покуда есть глаза, надо же глядеть куда-нибудь, или он говорил слишком многое. Пьер остановился, не зная, что ему делать, и вопросительно оглянулся на свою руководительницу Анну Михайловну. Анна Михайловна сделала ему торопливый жест глазами, указывая на руку больного и губами посылая ей воздушный поцелуй. Пьер, старательно вытягивая шею, чтобы

¹⁹⁶ Пойдемте.

не зацепить за одеяло, исполнил ее совет и приложился к ширококостной и мясистой руке. Ни рука, ни один мускул лица графа не дрогнули. Пьер опять вопросительно посмотрел на Анну Михайловну, спрашивая теперь, что ему делать. Анна Михайловна глазами указала ему на кресло, стоявшее подле кровати. Пьер покорно стал садиться на кресло, глазами продолжая спрашивать, то ли он сделал, что нужно. Анна Михайловна одобрительно кивнула головой. Пьер принял опять симметрично-наивное положение египетской статуи, видимо, соболевая о том, что неуклюжее и толстое тело его занимало такое большое пространство, и употребляя все душевные силы, чтобы казаться как можно меньше. Он смотрел на графа. Граф смотрел на то место, где находилось лицо Пьера, в то время как он стоял. Анна Михайловна являла в своем выражении сознание трогательной важности этой последней минуты свидания отца с сыном. Это продолжалось две минуты, которые показались Пьеру часом. Вдруг в крупных мускулах и морщинах лица графа появилось содрогание. Содрогание усиливалось, красивый рот покривился (тут только Пьер понял, до какой степени отец его был близок к смерти), из перекошенного рта послышался неясный хриплый звук. Анна Михайловна старательно смотрела в глаза больному и, стараясь угадать, чего было нужно ему, указывала то на Пьера, то на питье, то шопотом вопросительно называла князя Василия, то указывала на одеяло. Глаза и лицо больного выказывали нетерпение. Он сделал усилие, чтобы взглянуть на слугу, который безотходно стоял у изголовья постели.

– На другой бочок перевернуться хотят, – прошептал слуга и поднялся, чтобы перевернуть лицом к стене тяжелое тело графа.

Пьер встал, чтобы помочь слуге.

В то время как графа переворачивали, одна рука его беспомощно завалилась назад, и он сделал напрасное усилие, чтобы перетащить ее. Заметил ли граф тот взгляд ужаса, с которым Пьер смотрел на эту безжизненную руку, или какая другая мысль промелькнула в его умирающей голове в эту минуту, но он посмотрел на непослушную руку, на выражение ужаса в лице Пьера, опять на руку, и на лице его явилась так не шедшая к его чертам слабая, страдальческая улыбка, выражавшая как бы насмешку над своим собственным бессилием. Неожиданно, при виде этой улыбки, Пьер почувствовал содрогание в груди, щипанье в носу, и слезы затуманили его зрение. Больного перевернули на бок к стене. Он вздохнул.

– Il est assoupi,¹⁹⁷ – сказала Анна Михайловна, заметив приходившую на смену княжну. – Allons.¹⁹⁸

Пьер вышел.

XXI.

В приемной никого уже не было, кроме князя Василия и старшей княжны, которые, сидя под портретом Екатерины, о чем-то оживленно говорили. Как только они увидели Пьера с его руководительницей, они замолчали. Княжна что-то спрятала, как показалось Пьеру, и прошептала:

– Не могу видеть эту женщину.

– Catiche a fait donner du thé dans le petit salon, – сказал князь Василий Анне Михайловне. – Allez, ma pauvre Анна Михайловна, prenez quelque chose, autrement vous ne suffirez pas.¹⁹⁹

Пьеру он ничего не сказал, только пожал с чувством его руку пониже плеча. Пьер с Анной Михайловной прошли в petit salon.²⁰⁰

¹⁹⁷ Он забылся,

¹⁹⁸ Пойдем.

¹⁹⁹ Катишь велела подать чай в маленькую гостиную. Вы бы пошли, бедная Анна Михайловна, подкрепили себя, а то вас не хватит.

²⁰⁰ маленькую гостиную.

– Il n'y a rien qui restaure, comme une tasse de cet excellent thé russe après une nuit blanche,²⁰¹ – говорил Лоррен с выражением сдержанной оживленности, отхлебывая из тонкой, без ручки, китайской чашки, стоя в маленькой круглой гостиной перед столом, на котором стоял чайный прибор и холодный ужин. Около стола собрались, чтобы подкрепить свои силы, все бывшие в эту ночь в доме графа Безухова. Пьер хорошо помнил эту маленькую круглую гостиную, с зеркалами и маленькими столиками. Во время балов в доме графа, Пьер, не умеющий танцевать, любил сидеть в этой маленькой зеркальной и наблюдать, как дамы в бальных туалетах, бриллиантах и жемчугах на голых плечах, проходя через эту комнату, оглядывали себя в ярко освещенные зеркала, несколько раз повторявшие их отражения. Теперь та же комната была едва освещена двумя свечами, и среди ночи на одном маленьком столике беспорядочно стояли чайный прибор и блюда, и разнообразные, непраздничные люди, шопотом переговариваясь, сидели в ней, каждым движением, каждым словом показывая, что никто не забывает того, что делается теперь и имеет еще совершиться в спальне. Пьер не стал есть, хотя ему и очень хотелось. Он оглянулся вопросительно на свою руководительницу и увидел, что она на цыпочках выходила опять в приемную, где остался князь Василий с старшей княжной. Пьер полагал, что и это было так нужно, и, помедлив немного, пошел за ней. Анна Михайловна стояла подле княжны, и обе они в одно время говорили взволнованным шопотом:

– Позвольте мне, княгиня, знать, что нужно и что ненужно, – говорила княжна, видимо, находясь в том же взволнованном состоянии, в каком она была в то время, как захлопывала дверь своей комнаты.

– Но, милая княжна, – кротко и убедительно говорила Анна Михайловна, заступая дорогу от спальни и не пуская княжну, – не будет ли это слишком тяжело для бедного дядюшки в такие минуты, когда ему нужен отдых? В такие минуты разговор о мирском, когда его душа уже приготовлена...

Князь Василий сидел на кресле, в своей фамильярной позе, высоко заложив ногу на ногу. Щеки его сильно перепрыгивали и, опустившись, казались толще внизу; но он имел вид человека, мало занятого разговором двух дам.

– Voyons, ma bonne Анна Михайловна, laissez faire Catiche.²⁰² Вы знаете, как граф ее любит.

– Я и не знаю, что в этой бумаге, – говорила княжна, обращаясь к князю Василью и указывая на мозаиковый портфель, который она держала в руках. – Я знаю только, что настоящее завещание у него в бюро, а это забытая бумага...

Она хотела обойти Анну Михайловну, но Анна Михайловна, подпрыгнув, опять загорodiла ей дорогу.

– Я знаю, милая, добрая княжна, – сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель и так крепко, что видно было, она не скоро его пустит. – Милая княжна, я вас прошу, я вас умоляю, пожалейте его. Je vous en conjure...²⁰³

Княжна молчала. Слышны были только звуки усилий борьбы за портфель. Видно было, что ежели она заговорит, то заговорит не лестно для Анны Михайловны. Анна Михайловна держала крепко, но, несмотря на то, голос ее удерживал всю свою сладкую тягучесть и мягкость.

– Пьер, подойдите сюда, мой друг. Я думаю, что он не лишний в родственном совете: не правда ли, князь?

– Что же вы молчите, mon cousin? – вдруг вскрикнула княжна так громко, что в гостиной услышали и испугались ее голоса. – Что вы молчите, когда здесь Бог знает кто позволяет себе

²⁰¹ Ничто так не восстанавливает после бессонной ночи, как чашка этого превосходного русского чая,

²⁰² Да нет же, моя милая Анна Михайловна, оставьте Катюшу делать, что она знает.

²⁰³ я вас умоляю...

вмешиваться и делать сцены на пороге комнаты умирающего? Интриганка! – прошептала она злобно и дернула портфель изо всей силы, но Анна Михайловна сделала несколько шагов, чтобы не отстать от портфеля, и перехватила руку.

– Oh! – сказал князь Василий укоризненно и удивленно. Он встал. – *C'est ridicule. Voyons,*²⁰⁴ пустите. Я вам говорю.

Княжна пустила.

– И вы!

Анна Михайловна не послушалась его.

– Пустите, я вам говорю. Я беру всё на себя. Я пойду и спрошу его. Я... довольно вам этого.

– *Mais, mon prince,*²⁰⁵ говорила Анна Михайловна, – после такого великого таинства дайте ему минуту покоя. Вот, Пьер, скажите ваше мнение, – обратилась она к молодому человеку, который, вплоть подойдя к ним, удивленно смотрел на озлобленное, потерявшее всё приличие лицо княжны и на перепрыгивающие щеки князя Василия.

– Помните, что вы будете отвечать за все последствия, – строго сказал князь Василий, – вы не знаете, что вы делаете.

– Мерзкая женщина! – вскрикнула княжна, неожиданно бросаясь на Анну Михайловну и вырывая портфель.

Князь Василий опустил голову и развел руками.

В эту минуту дверь, та страшная дверь, на которую так долго смотрел Пьер и которая так тихо отворялась, быстро, с шумом откинулась, стукнув об стену, и средняя княжна выбежала оттуда и всплеснула руками.

– Что вы делаете! – отчаянно проговорила она. – *Il s'en va et vous me laissez seule.*²⁰⁶

Старшая княжна выронила портфель. Анна Михайловна быстро нагнулась и, подхватив спорную вещь, побежала в спальню. Старшая княжна и князь Василий, опомнившись, пошли за ней. Через несколько минут первая вышла оттуда старшая княжна с бледным и сухим лицом и прикушенную нижнюю губой. При виде Пьера лицо ее выразило неудержимую злобу.

– Да, радуйтесь теперь, – сказала она, – вы этого ждали.

И, зарывав, она закрыла лицо платком и выбежала из комнаты.

За княжной вышел князь Василий. Он, шатаясь, дошел до дивана, на котором сидел Пьер, и упал на него, закрыв глаза рукой. Пьер заметил, что он был бледен и что нижняя челюсть его прыгала и тряслась, как в лихорадочной дрожи.

– Ах, мой друг! – сказал он, взяв Пьера за локоть; и в голосе его была искренность и слабость, которых Пьер никогда прежде не замечал в нем. – Сколько мы грешим, сколько мы обманываем, и всё для чего? Мне шестой десяток, мой друг... Ведь мне... Всё кончится смертью, всё. Смерть ужасна. – Он заплакал.

Анна Михайловна вышла последняя. Она подошла к Пьеру тихими, медленными шагами.

– Пьер!... – сказала она.

Пьер вопросительно смотрел на нее. Она поцеловала в лоб молодого человека, увлажая его слезами. Она помолчала.

– *Il n'est plus...*²⁰⁷

Пьер смотрел на нее через очки.

²⁰⁴ Это смешно. Ну, же,

²⁰⁵ Но, князь,

²⁰⁶ Он умирает, а вы меня оставляете одну.

²⁰⁷ Его нет более...

– Allons, je vous reconduirai. Tâchez de pleurer. Rien ne soulage, comme les larmes.²⁰⁸

Она провела его в темную гостиную, и Пьер рад был, что никто там не видел его лица. Анна Михайловна ушла от него, и когда она вернулась, он, подложив под голову руку, спал крепким сном.

На другое утро Анна Михайловна говорила Пьеру:

– Oui, mon cher, c'est une grande perte pour nous tous. Je ne parle pas de vous. Mais Dieu vous soutiendra, vous êtes jeune et vous voilà à la tête d'une immense fortune, je l'espère. Le testament n'a pas été encore ouvert. Je vous connais assez pour savoir que cela ne vous tournera pas la tête, mais cela vous impose des devoirs, et il faut être homme.²⁰⁹

Пьер молчал.

– Peut-être plus tard je vous dirai, mon cher, que si je n'avais pas été là, Dieu sait ce qui serait arrivé. Vous savez, mon oncle avant-hier encore me promettait de ne pas oublier Boris. Mais il n'a pas eu le temps. J'espère, mon cher ami, que vous remplirez le désir de votre père.²¹⁰

Пьер, ничего не понимал и молча, застенчиво краснея, смотрел на княгиню Анну Михайловну. Переговорив с Пьером, Анна Михайловна уехала к Ростовым и легла спать. Проснувшись утром, она рассказывала Ростовым и всем знакомым подробности смерти графа Безухова. Она говорила, что граф умер так, как и она желала бы умереть, что конец его был не только трогателен, но и назидателен; последнее же свидание отца с сыном было до того трогательно, что она не могла вспомнить его без слез, и что она не знает, – кто лучше вел себя в эти страшные минуты: отец ли, который так всё и всех вспомнил в последние минуты и такие трогательные слова сказал сыну, или Пьер, на которого жалко было смотреть, как он был убит и как, несмотря на это, старался скрыть свою печаль, чтобы не огорчить умирающего отца. «C'est pénible, mais cela fait du bien; ça élève l'âme de voir des hommes, comme le vieux comte et son digne fils»,²¹¹ говорила она. О поступках княжны и князя Василья она, не одобряя их, тоже рассказывала, но под большим секретом и шопотом.

XXII.

В Лысых Горах, имении князя Николая Андреевича Болконского, ожидали с каждым днем приезда молодого князя Андрея с княгиней; но ожидание не нарушило стройного порядка, по которому шла жизнь в доме старого князя. Генерал-аншеф князь Николай Андреевич, по прозванию в обществе *le roi de Prusse*,²¹² с того времени, как при Павле был сослан в деревню, жил безвыездно в своих Лысых Горах с дочерью, княжной Марьей, и при ней компаньонкой, *m-lle Bourienne*.²¹³ И в новое царствование, хотя ему и был разрешен въезд в столицы, он также продолжал безвыездно жить в деревне, говоря, что ежели кому его нужно, то тот и от Москвы полтораста верст доедет до Лысых Гор, а что ему никого и ничего не нужно. Он говорил, что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум. Он сам занимался воспитанием своей дочери и, чтобы развить в ней обе главные добродетели, давал ей уроки алгебры и геометрии и распределял всю ее жизнь в бесперывных занятиях. Сам он постоянно был занят то писанием своих

²⁰⁸ Пойдемте, я вас провожу. Старайтесь плакать: ничто так не облегчает, как слезы.

²⁰⁹ Да, мой друг, это великая потеря для всех нас, не говоря о вас. Но Бог вас поддержит, вы молоды, и вот вы теперь, надеюсь, обладатель огромного богатства. Завещание еще не вскрыто. Я довольно вас знаю и уверена, что это не вскружит вам голову; но это налагает на вас обязанности; и надо быть мужчиной.

²¹⁰ После я, может быть, расскажу вам, что если б я не была там, то Бог знает, что бы случилось. Вы знаете, что дядюшка третьего дня обещал мне не забыть Бориса, но не успел. Надеюсь, мой друг, вы исполните желание отца.

²¹¹ Это тяжело, но это поучительно; душа возвышается, когда видишь таких людей, как старый граф и его достойный сын,

²¹² прусский король,

²¹³ мамзель Бурьен.

мемуаров, то выкладками из высшей математики, то точением табакерок на станке, то работой в саду и наблюдением над постройками, которые не прекращались в его имении. Так как главное условие для деятельности есть порядок, то и порядок в его образе жизни был доведен до последней степени точности. Его выходы к столу совершались при одних и тех же неизменных условиях, и не только в один и тот же час, но и минуту. С людьми, окружавшими его, от дочери до слуг, князь был резок и неизменно-требователен, и потому, не быв жестоким, он возбуждал к себе страх и почтительность, каких не легко мог бы добиться самый жестокий человек. Несмотря на то, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было имение князя, считал своим долгом являться к нему и точно так же, как архитектор, садовник или княжна Марья, дожидаясь назначенного часа выхода князя в высокой официантской. И каждый в этой официантской испытывал то же чувство почтительности и даже страха, в то время как отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась в напудренном парике невысокая фигурка старика, с маленькими сухими ручками и серыми висячими бровями, иногда, как он насупливался, застилавшими блеск умных и молодых блестящих глаз.

В день приезда молодых, утром, по обыкновению, княжна Марья в урочный час входила для утреннего приветствия в официантскую и со страхом крестилась и читала внутреннюю молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о том, чтоб это ежедневное свидание сошло благополучно.

Сидевший в официантской пудренный старик-слуга тихим движением встал и шопотом доложил: «Пожалуйте».

Из-за двери слышались равномерные звуки станка. Княжна робко потянула за легко и плавно отворяющуюся дверь и остановилась у входа. Князь работал за станком и, оглянувшись, продолжал свое дело.

Огромный кабинет был наполнен вещами, очевидно, беспрестанно-употребляемыми. Большой стол, на котором лежали книги и планы, высокие стеклянные шкафы библиотеки с ключами в дверцах, высокий стол для писания в стоячем положении, на котором лежала открытая тетрадь, токарный станок, с разложенными инструментами и с рассыпанными кругом стружками, – всё выказывало постоянную, разнообразную и порядочную деятельность. По движениям небольшой ноги, обутой в татарский, шитый серебром, сапожок, по твердому налеганию жилистой, сухощавой руки видна была в князе еще упорная и много выдерживающая сила свежей старости. Сделав несколько кругов, он снял ногу с педали станка, обтер стамеску, кинул ее в кожаный карман, приделанный к станку, и, подойдя к столу, позвал дочь. Он никогда не благословлял своих детей и только, подставив ей щетинистую, еще небритую нынче щеку, сказал, строго и вместе с тем внимательно-нежно оглядев ее:

– Здорова?... ну, так садись!

Он взял тетрадь геометрии, писанную его рукой, и подвинул ногой свое кресло.

– На завтра! – сказал он, быстро отыскивая страницу и от параграфа до другого отмечая жестким ногтем.

Княжна пригнулась к столу над тетрадью.

– Постой, письмо тебе, – вдруг сказал старик, доставая из приделанного над столом кармана конверт, надписанный женскою рукой, и кидая его на стол.

Лицо княжны покрылось красными пятнами при виде письма. Она торопливо взяла его и пригнулась к нему.

– От Элоизы? – спросил князь, холодною улыбкой выказывая еще крепкие и желтоватые зубы.

– Да, от Жюли, – сказала княжна, робко взглядывая и робко улыбаясь.

– Еще два письма пропущу, а третье прочту, – строго сказал князь, – боюсь, много вздору пишете. Третье прочту.

– Прочтите хоть это, mon père,²¹⁴ – отвечала княжна, краснея еще более и подавая ему письмо.

– Третье, я сказал, третье, – коротко крикнул князь, отталкивая письмо, и, облокотившись на стол, пододвинул тетрадь с чертежами геометрии.

– Ну, сударыня, – начал старик, пригнувшись близко к дочери над тетрадью и положив одну руку на спинку кресла, на котором сидела княжна, так что княжна чувствовала себя со всех сторон окруженною тем табачным и старчески-едким запахом отца, который она так давно знала. – Ну, сударыня, треугольники эти подобны; изволишь видеть, угол *abc*...

Княжна испуганно взглядывала на близко от нее блестящие глаза отца; красные пятна переливались по ее лицу, и видно было, что она ничего не понимает и так боится, что страх помешает ей понять все дальнейшие толкования отца, как бы ясны они ни были. Виноват ли был учитель или виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось в глазах, она ничего не видела, не слышала, только чувствовала близко подле себя сухое лицо строгого отца, чувствовала его дыхание и запах и только думала о том, как бы ей уйти поскорее из кабинета и у себя на просторе понять задачу. Старик выходил из себя: с грохотом отодвигал и придвигал кресло, на котором сам сидел, делал усилия над собой, чтобы не разгорячиться, и почти всякий раз горячился, бранился, а иногда швырял тетрадь.

Княжна ошиблась ответом.

– Ну, как же не дура! – крикнул князь, оттолкнул тетрадь и быстро отвернувшись, но тотчас же встал, прошелся, дотронулся руками до волос княжны и снова сел.

Он придвинулся и продолжал толкование.

– Нельзя, княжна, нельзя, – сказал он, когда княжна, взяв и закрыв тетрадь с заданными уроками, уже готовилась уходить, – математика великое дело, моя сударыня. А чтобы ты была похожа на наших глупых барынь, я не хочу. Стерпится-слюбится. – Он потрепал ее рукой по щеке. – Дурь из головы выскочит.

Она хотела выйти, он остановил ее жестом и достал с высокого стола новую неразрезанную книгу.

– Вот еще какой-то *Ключ тайнства* тебе твоя Элоиза посылает. Религиозная. А я ни в чью веру не вмешиваюсь... Просмотрел. Возьми. Ну, ступай, ступай!

Он потрепал ее по плечу и сам запер за нею дверь.

Княжна Марья возвратилась в свою комнату с грустным, испуганным выражением, которое редко покидало ее и делало ее некрасивое, болезненное лицо еще более некрасивым и села за свой письменный стол, уставленный миниатюрными портретами и заваленный тетрадями и книгами. Княжна была столь же беспорядочна, как отец ее порядочен. Она положила тетрадь геометрии и нетерпеливо распечатала письмо. Письмо было от ближайшего с детства друга княжны; друг этот была та самая Жюли Карагина, которая была на именинах у Ростовых:

Жюли писала:

«Chère et excellente amie, quelle chose terrible et effrayante que l'absence! J'ai beau me dire que la moitié de mon existence et de mon bonheur est en vous, que malgré la distance qui nous sépare, nos coeurs sont unis par des liens indissolubles; le mien se révolte contre la destinée, et je ne puis, malgré les plaisirs et les distractions qui m'entourent, vaincre une certaine tristesse cachée que je ressens au fond du coeur depuis notre séparation. Pourquoi ne sommes-nous pas réunies, comme cet été dans votre grand cabinet sur le canapé bleu, le canapé à confidences? Pourquoi ne puis-je, comme il y a trois mois, puiser de nouvelles forces morales dans votre regard si doux, si calme et si pénétrant, regard que j'aimais tant et que je crois voir devant moi, quand je vous écris».²¹⁵

²¹⁴ батюшка,

²¹⁵ Милый и бесценный друг, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себе, что половина моего существования и моего счастья в вас, что, несмотря на расстояние, которое нас разлучает, сердца наши соединены неразрывными узами, мое сердце возмущается против судьбы, и, несмотря на удовольствия и рассеяния, которые меня окружают, я не могу

Прочтя до этого места, княжна Марья вздохнула и оглянулась в трюмо, которое стояло направо от нее. Зеркало отразило некрасивое слабое тело и худое лицо. Глаза, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрели на себя в зеркало. «Она мне льстит», подумала княжна, отвернулась и продолжала читать. Жюли, однако, не льстила своему другу: действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи теплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты. Но княжна никогда не видела хорошего выражения своих глаз, того выражения, которое они принимали в те минуты, когда она не думала о себе. Как и у всех людей, лицо ее принимало натянуто-неестественное, дурное выражение, как скоро она смотрелась в зеркало. Она продолжала читать:

«Tout Moscou ne parle que guerre.²¹⁶ L'un de mes deux frères est déjà à l'étranger, l'autre est avec la garde, qui se met en marche vers la frontière. Notre cher empereur a quitté Pétersbourg et, à ce qu'on prétend, compte lui-même exposer sa précieuse existence aux chances de la guerre. Dieu veuille que le monstre corsicain, qui détruit le repos de l'Europe, soit terrassé par l'ange que le Tout-Puissant, dans Sa miséricorde, nous a donné pour souverain. Sans parler de mes frères, cette guerre m'a privée d'une relation des plus chères à mon coeur. Je parle du jeune Nicolas Rostoff, qui avec son enthousiasme n'a pu supporter l'inaction et a quitté l'université pour aller s'enrôler dans l'armée. Eh bien, chère Marie, je vous avouerai, que, malgré son extrême jeunesse, son départ pour l'armée a été un grand chagrin pour moi. Le jeune homme, dont je vous parlais cet été, a tant de noblesse, de véritable jeunesse qu'on rencontre si rarement dans le siècle ou nous vivons parmi nos vieillards de

подавить некоторую скрытую грусть, которую испытываю в глубине сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вместе, как в прошлое лето, в вашем большом кабинете, на голубом диване, на диване «признаний»? Отчего я не могу, как три месяца тому назад, почерпнуть новые нравственные силы в вашем взгляде, кротком, спокойном и пронизательном, который я так любила и который я вижу пред собой в ту минуту как пишу вам?

²¹⁶ Вся Москва только и говорит что о войне. Один из моих двух братьев уже за границей, другой с гвардией, которая выступает в поход к границе. Наш милый государь оставляет Петербург и, как предполагают, намерен сам подвергнуть свое драгоценное существование случайностям войны. Дай Бог, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущает спокойствие Европы, было низвергнуто ангелом, которого Всемогущий в Своей благости поставил над нами повелителем. Не говоря уже о моих братьях, эта война лишила меня одного из отношений самых близких моему сердцу. Я говорю о молодом Николае Ростове, который, при своем энтузиазме, не мог переносить бездействия и оставил университет, чтобы поступить в армию. Признаюсь вам, милая Мари, что, несмотря на его чрезвычайную молодость, отъезд его в армию был для меня большим горем. В молодом человеке, о котором я говорила вам прошлым летом, столько благородства, истинной молодости, которую встречаешь так редко в наш век между нашими двадцатилетними стариками! У него особенно так много откровенности и сердца. Он так чист и полон поэзии, что мои отношения к нему, при всей мимолетности своей, были одною из самых сладостных отрад моего бедного сердца, которое уже так много страдало. Я вам расскажу когда-нибудь наше прощанье и все, что говорилось при прощании. Всё это еще слишком свежо... Ах! милый друг, вы счастливы, что не знаете этих жгучих наслаждений, этих жгучих горестей. Вы счастливы, потому что последние обыкновенно сильнее первых. Я очень хорошо знаю, что граф Николай слишком молод для того, чтобы сделаться для меня чем-нибудь кроме как другом. Но эта сладкая дружба, эти столь поэтические и столь чистые отношения были потребностью моего сердца. Но довольно об этом. «Главная новость, занимающая всю Москву, – смерть старого графа Безухова и его наследство. Представьте себе, три княжны получили какую-то малость, князь Василий ничего, а Пьер – наследник всего и, сверх того, признан законным сыном и потому графом Безуховым и владельцем самого огромного состояния в России. Говорят, что князь Василий играл очень гадкую роль во всей этой истории, и что он уехал в Петербург очень сконфуженный. Признаюсь вам, я очень плохо понимаю все эти дела по духовным завещаниям; знаю только, что с тех пор как молодой человек, которого мы все знали под именем просто Пьера, сделался графом Безуховым и владельцем одного из лучших состояний России, – я забавляюсь наблюдениями над переменой тона маменек, у которых есть дочери-невесты, и самых барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным. Так как уже два года все забавляется тем, чтобы приискивать мне женихов, которых я большею частью не знаю, то брачная хроника Москвы делает меня графиней Безуховой. Но вы понимаете, что я нисколько этого не желаю. Кстати о браках. Знаете ли вы, что недавно *всеобщая тетушка* Анна Михайловна доверила мне, под величайшим секретом, замысел устроить ваше супружество. Это ни более ни менее как сын князя Василия, Анатолий, которого хотят пристроить, женив его на богатой и знатной девице, и на вас пал выбор родителей. Я не знаю, как вы посмотрите на это дело, но я сочла своим долгом предупредить вас. Он, говорят, очень хорош и большой повеса. Вот всё, что я могла узнать о нем. Но будет болтать. Кончаю мой второй листок, а маменька прислала за мной, чтоб ехать обедать к Апраксиным. Прочитайте мистическую книгу, которую я вам посылаю; она имеет у нас огромный успех. Хотя в ней есть вещи, которые трудно понять слабому уму человеческому, но это превосходная книга; чтение ее успокаивает и возвышает душу. Прощайте. Мое почтение вашему батюшке и мои приветствия мамзель Бурьен. Обнимаю вас от всего сердца. Жюли. PS. Известите меня о вашем брате и о его прелестной жене.

vingt ans. Il a surtout tant de franchise et de coeur. Il est tellement pur et poétique, que mes relations avec lui, quelque passagères qu'elles fussent, ont été l'une des plus douces jouissances de mon pauvre coeur, qui a déjà tant souffert. Je vous raconterai un jour nos adieux et tout ce qui s'est dit en partant. Tout cela est encore trop frais. Ah! chère amie, vous êtes heureuse de ne pas connaître ces jouissances et ces peines si poignantes. Vous êtes heureuse, puisque les dernières sont ordinairement les plus fortes! Je sais fort bien, que le comte Nicolas est trop jeune pour pouvoir jamais devenir pour moi quelque chose de plus qu'un ami, mais cette douce amitié, ces relations si poétiques et si pures ont été un besoin pour mon coeur. Mais n'en parlons plus. La grande nouvelle du jour qui occupe tout Moscou est la mort du vieux comte Безухов et son héritage. Figurez-vous que les trois princesses n'ont reçu que très peu de chose, le prince Basile rien, est que c'est M. Pierre qui a tout hérité, et qui par-dessus le marché a été reconnu pour fils légitime, par conséquent comte Безухов et possesseur de la plus belle fortune de la Russie. On prétend que le prince Basile a joué un très vilain rôle dans toute cette histoire et qu'il est reparti tout penaud pour Pétersbourg.

«Je vous avoue, que je comprends très peu toutes ces affaires de legs et de testament; ce que je sais, c'est que depuis que le jeune homme que nous connaissions tous sous le nom de M. Pierre tout court est devenu comte Безухов et possesseur de l'une des plus grandes fortunes de la Russie, je m'amuse fort à observer les changements de ton et des manières des mamans accablées de filles à marier et des demoiselles elles-mêmes à l'égard de cet individu, qui, par parenthèse, m'a paru toujours être un pauvre sire. Gomme on s'amuse depuis deux ans à me donner des promesses que je ne connais pas le plus souvent, la chronique matrimoniale de Moscou me fait comtesse Безуховой. Mais vous sentez bien que je ne me soucie nullement de le devenir. A propos de mariage, savez-vous que tout dernièrement *la tante en général* Анна Михайловна, m'a confié sous le sceau du plus grand secret un projet de mariage pour vous. Ce n'est ni plus ni moins, que le fils du prince Basile, Anatole, qu'on voudrait ranger en le mariant à une personne riche et distinguée, et c'est sur vous qu'est tombé le choix des parents. Je ne sais comment vous envisagerez la chose, mais j'ai cru de mon devoir de vous en avertir. On le dit très beau et très mauvais sujet; c'est tout ce que j'ai pu savoir sur son compte.

«Mais assez de bavardage comme cela. Je finis mon second feuillet, et maman me fait chercher pour aller dîner chez les Apraksines. Lisez le livre mystique que je vous envoie et qui fait fureur chez nous. Quoiqu'il y ait des choses dans ce livre difficiles à atteindre avec la faible conception humaine, c'est un livre admirable dont la lecture calme et élève l'âme. Adieu. Mes respects à monsieur votre père et mes compliments à m-elle Bourienne. Je vous embrasse comme je vous aime.

Julie».

«P. S. Donnez-moi des nouvelles de votre frère et de sa charmante petite femme».

Княжна подумала, задумчиво улыбнулась (причем лицо ее, освещенное лучистыми глазами, совершенно преобразилось), и, вдруг приподнявшись, тяжело ступая, перешла к столу. Она достала бумагу, и рука ее быстро начала ходить по ней. Так писала она в ответ:

«Chère et excellente amie.²¹⁷ Votre lettre du 13 m'a causé une grande joie. Vous m'aimez donc toujours, ma poétique Julie. L'absence, dont vous dites tant de mal, n'a donc pas eu son influence

²¹⁷ Милый и бесценный друг. Ваше письмо от 13-го доставило мне большую радость. Вы всё еще меня любите, моя поэтическая Жюли. Разлука, о которой вы говорите так много дурного, видно, не имела на вас своего обычного влияния. Вы жалуетесь на разлуку, что же я должна была бы сказать, если бы смела, — я, лишенная всех тех, кто мне дорог? Ах, ежели бы не было у нас утешения религии, жизнь была бы очень печальна. Почему приписываете вы мне строгий взгляд, когда говорите о вашей склонности к молодому человеку? В этом отношении я строга только к себе. Я понимаю эти чувства у других, и если не могу одобрять их, никогда не испытываю, то я не осуждаю их. Мне кажется только, что христианская любовь к ближнему, любовь к врагам, достойнее, отраднее и лучше, чем те чувства, которые могут внушить прекрасные глаза молодого человека молодой девушке, поэтической и любящей, как вы. Известие о смерти графа Безухова дошло до нас прежде вашего письма, и мой отец был очень тронут им. Он говорит, что это был предпоследний представитель великого века, и что теперь черед за ним, но что он сделает всё, зависящее от него, чтобы черед этот пришел как можно позже. Избави нас Боже от этого несчастья! Я не могу разделять вашего мнения о Пьере, которого знала еще ребенком. Мне казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое я более всего ценю в людях. Что касается до его наследства и до роли, которую играл в этом князь Василий, то это очень печально для обоих. Ах, милый друг, слова нашего Божественного Спасителя, что

habituelle sur vous. Vous vous plaignez de l'absence – que devrai-je dire moi, si *j'osais* me plaindre, privée de tous ceux qui me sont chers? Ah! si nous n'avions pas la religion pour nous consoler, la vie serait bien triste. Pourquoi me supposez-vous un regard sévère, quand vous me parlez de votre affection pour le jeune homme? Sous ce rapport je ne suis rigide que pour moi. Je comprends ces sentiments chez les autres et si je ne puis approuver ne les ayant jamais ressentis, je ne les condamne pas. Il me paraît seulement que l'amour chrétien, l'amour du prochain, l'amour pour ses ennemis est plus méritoire, plus doux et plus beau, que ne le sont les sentiments que peuvent inspirer les beaux yeux d'un jeune homme à une jeune fille poétique et aimante comme vous.

«La nouvelle de la mort du comte Bezухов nous est parvenue avant votre lettre, et mon père en a été très affecté. Il dit que c'était l'avant-dernier représentant du grand siècle, et qu'à présent c'est son tour; mais qu'il fera son possible pour que son tour vienne le plus tard possible. Que Dieu nous garde de ce terrible malheur! Je ne puis partager votre opinion sur Pierre que j'ai connu enfant. Il me paraissait toujours avoir un cœur excellent, et c'est la qualité que j'estime le plus dans les gens. Quant à son héritage et au rôle qu'y a joué le prince Basile, c'est bien triste pour tous les deux. Ah! chère amie, la parole de notre divin Sauveur qu'il est plus aisé à un chameau de passer par le trou d'une aiguille, qu'il ne l'est à un riche d'entrer dans le royaume de Dieu, cette parole est terriblement vraie; je plains le prince Basile et je regrette encore davantage Pierre. Si jeune et accablé de cette richesse, que de tentations n'aura-t-il pas à subir! Si on me demandait ce que je désirerais le plus au monde, ce serait d'être plus pauvre que le plus pauvre des mendiants. Mille grâces, chère amie, pour l'ouvrage que vous m'envoyez, et qui fait si grande fureur chez vous. Cependant, puisque vous me dites qu'au milieu de plusieurs bonnes choses il y en a d'autres que la faible conception humaine ne peut atteindre, il me paraît assez inutile de s'occuper d'une lecture inintelligible; qui par là même ne pourrait être d'aucun fruit. Je n'ai jamais pu comprendre la passion qu'ont certaines personnes de s'embrouiller l'entendement, en s'attachant à des livres mystiques, qui n'élèvent que des doutes dans leurs esprits, exaltant leur imagination et leur donnent un caractère d'exagération tout-à-fait contraire

легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в царствие Божие, – эти слова страшно справедливы! Я жалею князя Василия и еще более Пьера. Столь молодому быть отягощенным таким огромным состоянием, – через сколько искушений надо будет пройти ему! Если б у меня спросили, чего я желаю более всего на свете, – я сказала бы: желаю быть беднее самого бедного из нищих. Благодарю вас тысячу раз, милый друг, за книгу, которую вы мне посылаете и которая делает столько шуму у вас. Впрочем, так как вы мне говорите, что в ней между многими хорошими вещами есть такие, которых не может постигнуть слабый ум человеческий, то мне кажется излишним заниматься непонятным чтением, которое по этому самому не могло бы принести никакой пользы. Я никогда не могла понять страсть, которую имеют некоторые особы, путать себе мысли, пристращаясь к мистическим книгам, которые возбуждают только сомнения в их умах, раздражают их воображение и дают им характер преувеличения, совершенно противный простоте христианской. Будем читать лучше Апостолов и Евангелие. Не будем пытаться проникнуть то, что в этих книгах есть таинственного, ибо как можем мы, жалкие грешники, познать страшные и священные тайны Провидения до тех пор, пока носим на себе ту плотскую оболочку, которая воздвигает между нами и Вечным непроницаемую завесу? Ограничимся лучше изучением великих правил, которые наш Божественный Спаситель оставил нам для нашего руководства здесь, на земле; будем стараться следовать им и постараемся убедиться в том, что чем меньше мы будем давать разгула нашему уму, тем мы будем приятнее Богу, Который отвергает всякое знание, исходящее не от Него, и что чем меньше мы углубляемся в то, что Ему угодно было скрыть от нас, тем скорее даст Он нам это открытие Своим божественным разумом. Отец мне ничего не говорил о женихе, но сказал только, что получил письмо и ждет посещения князя Василия; что касается до плана супружества относительно меня, я вам скажу, милый и бесценный друг, что брак, по-моему, есть божественное установление, которому нужно подчиняться. Как бы ни было тяжело для меня, но если Всемогущему угодно будет наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнять их так верно, как могу, не забываясь об изучении своих чувств в отношении того, кого Он мне даст в супруги. Я получила письмо от брата, который мне объявляет о своем приезде с женой в Лысые Горы. Радость эта будет непродолжительна, так как он оставляет нас для того, чтобы принять участие в этой войне, в которую мы втянуты Бог знает как и зачем. Не только у вас, в центре дел и света, но и здесь, среди этих полевых работ и этой тишины, какую горожане обыкновенно представляют себе в деревне, отголоски войны слышны и дают себя тяжело чувствовать. Отец мой только и говорит, что о походах и переходах, в чем я ничего не понимаю, и третьего дня, делая мою обычную прогулку по улице деревни, я видела раздирающую душу сцену. Это была партия рекрут, набранных у нас и посылаемых в армию. Надо было видеть состояние, в котором находились матери, жены и дети тех, которые уходили, и слышать рыдания тех и других! Подумаешь, что человечество забыло законы своего Божественного Спасителя, учившего нас любви и прощению обид, и что оно полагает главное достоинство свое в искусстве убивать друг друга. Прощайте, милый и добрый друг. Да сохранит вас наш Божественный Спаситель и его Пресвятая Матерь под Своим святым и могущественным покровом. Мари.

à la simplicité chrétienne. Lisons les Apôtres et l'Évangile. Ne cherchons pas à pénétrer ce que ceux-là renferment de mystérieux, car, comment oserions-nous, misérables pécheurs que nous sommes, prétendre à nous initier dans les secrets terribles et sacrés de la Providence, tant que nous portons cette dépouille charnelle, qui élève entre nous et l'Éternel un voile impénétrable? Bornons-nous donc à étudier les principes sublimes que notre divin Sauveur nous a laissé pour notre conduite ici-bas; cherchons à nous y conformer et à les suivre, persuadons-nous que moins nous donnons d'essor à notre faible esprit humain et plus il est agréable à Dieu, Qui rejette toute science ne venant pas de Lui; que moins nous cherchons à approfondir ce qu'il Lui a plu de dérober à notre connaissance, et plutôt Il nous en accordera la découverte par Son divin esprit.

«Mon père ne m'a pas parlé du prétendant, mais il m'a dit seulement qu'il a reçu une lettre et attendait une visite du prince Basile. Pour ce qui est du projet de mariage qui me regarde, je vous dirai, chère et excellente amie, que le mariage, selon moi, est une institution divine à laquelle il faut se conformer. Quelque pénible que cela soit pour moi, si le Tout-Puissant m'impose jamais les devoirs d'épouse et de mère, je tâcherai de les remplir aussi fidèlement que je le pourrai, sans m'inquiéter de l'examen de mes sentiments à l'égard de celui qu'il me donnera pour époux. J'ai reçu une lettre de mon frère, qui m'annonce son arrivée à Лысые Горы avec sa femme. Ce sera une joie de courte durée, puisqu'il nous quitte pour prendre part à cette malheureuse guerre, à laquelle nous sommes entraînés. Dieu sait comment et pourquoi. Non seulement chez vous au centre des affaires et du monde on ne parle que de guerre, mais ici, au milieu de ces travaux champêtres et de ce calme de la nature, que les citadins se représentent ordinairement à la campagne, les bruits de la guerre se font entendre et sentir péniblement. Mon père ne parle que marche et contremarche, choses auxquelles je ne comprends rien; et avant-hier en faisant ma promenade habituelle dans la rue du village, je fus témoin d'une scène déchirante... C'était un convoi des recrues enrôlés chez nous et expédiés pour l'armée... Il fallait voir l'état dans lequel se trouvaient les mères, les femmes, les enfants des hommes qui partaient et entendre les sanglots des uns et des autres! On dirait que l'humanité a oublié les lois de son divin Sauveur, Qui prêchait l'amour et le pardon des offenses, et qu'elle fait consister son plus grand mérite dans l'art de s'entretuer.

«Adieu, chère et bonne amie, que notre divin Sauveur et Sa très Sainte Mère vous aient en Leur sainte et puissante garde.

Marie».

– Ah, vous expédiez le courrier, princesse, moi j'ai déjà expédié le mien. J'ai écrit à ma pauvre mère,²¹⁸ – заговорила быстро-приятным, сочным голосом улыбающаяся m-lle Bourienne, картая на *p* и внося с собой в сосредоточенную, грустную и пасмурную атмосферу княжны Марьи совсем другой, легкомысленно-веселый и самодовольный мир.

– Princesse, il faut que je vous prévienne, – прибавила она, понижая голос, – le prince a eu une altercation, – altercation, – сказала она, особенно грассируя и с удовольствием слушая себя, – une altercation avec Michel Ivanoff. Il est de très mauvaise humeur, très morose. Soyez prévenue, vous savez...²¹⁹

– Ah! chère amie, – отвечала княжна Марья, – je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l'humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permets pas de le juger, et je ne voudrais pas que les autres le fassent.²²⁰

Княжна взглянула на часы и, заметив, что она уже пять минут пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордах, с испуганным видом пошла в

²¹⁸ А, вы отправляете письмо, я уж отправила свое. Я писала моей бедной матери,

²¹⁹ Княжна, я должна вас предупредить – князь разбил Михаила Ивановича. Он очень не в духе, такой угрюмый. Предупреждаю вас, знаете...

²²⁰ Ах, милый друг мой! Я просила вас никогда не говорить мне о том, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие это делали.

диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно с заведенным порядком дня, князь отдыхал, а княжна играла на клавикордах.

XXIII.

Седой камердинер сидел, дремля и прислушиваясь к храпению князя в огромном кабинете. Из дальней стороны дома, из-за затворенных дверей, слышались по двадцати раз повторяемые трудные пассажи Дюссековой сонаты.

В это время подъехала к крыльцу карета и бричка, и из кареты вышел князь Андрей, высадил свою маленькую жену и пропустил ее вперед. Седой Тихон, в парике, высунувшись из двери официантской, шопотом доложил, что князь почивают, и торопливо затворил дверь. Тихон знал, что ни приезд сына и никакие необыкновенные события не должны были нарушать порядка дня. Князь Андрей, видимо, знал это так же хорошо, как и Тихон; он посмотрел на часы, как будто для того, чтобы поверить, не изменились ли привычки отца за то время, в которое он не видал его, и, убедившись, что они не изменились, обратился к жене.

– Через двадцать минут он встанет. Пройдем к княжне Марье, – сказал он.

Маленькая княгиня потолстела за это время, но глаза и короткая губка с усиками и улыбкой поднимались так же весело и мило, когда она заговорила.

– Mais c'est un palais, – сказала она мужу, оглядываясь кругом, с тем выражением, с каким говорят похвалы хозяину бала. – Allons, vite, vite!...²²¹ – Она, оглядываясь, улыбалась и Тихону, и мужу, и официанту, провожавшему их.

– C'est Marie qui s'exerce? Allons doucement, il faut la surprendre.²²²

Князь Андрей шел за ней с учтивым и грустным выражением.

– Ты постарел, Тихон, – сказал он, проходя, старику, целовавшему его руку.

Перед комнатою, в которой слышны были клавикорды, из боковой двери выскочила хорошенькая белокурая француженка. M-lle Bourienne казалась обезумевшею от восторга.

– Ah! quel bonheur pour la princesse, – заговорила она. – Enfin! Il faut que je la prévienne.²²³

– Non, non, de grâce... Vous êtes m-lle Bourienne, je vous connais déjà par l'amitié que vous porte ma belle-soeur, – говорила княгиня, целуясь с нею. – Elle ne nous attend pas!²²⁴

Они подошли к двери диванной, из которой слышался опять и опять повторяемый пассаж. Князь Андрей остановился и поморщился, как будто ожидая чего-то неприятного.

Княгиня вошла. Пассаж оборвался на середине; послышался крик, тяжелые ступни княжны Марьи и звуки поцелуев. Когда князь Андрей вошел, княжна и княгиня, только раз на короткое время видевшиеся во время свадьбы князя Андрея, обхватившись руками, крепко прижимались губами к тем местам, на которые попали в первую минуту. M-lle Bourienne стояла около них, прижав руки к сердцу и набожно улыбаясь, очевидно столько же готовая заплакать, сколько и засмеяться. Князь Андрей пожал плечами и поморщился, как морщатся любители музыки, услышав фальшивую ноту. Обе женщины отпустили друг друга; потом опять, как будто боясь опоздать, схватили друг друга за руки, стали целовать и отрывать руки и потом опять стали целовать друг друга в лицо, и совершенно неожиданно для князя Андрея обе заплакали и опять стали целоваться. M-lle Bourienne тоже заплакала. Князю Андрею было, очевидно, неловко; но для двух женщин казалось так естественно, что они плакали; казалось, они и не предполагали, чтобы могло иначе совершиться это свидание.

²²¹ Да это дворец! Ну, скорее, скорей!..

²²² Это Мари упражняется? пойдем потихоньку, чтобы она не видала нас.

²²³ Ах, какая радость для княжны! Наконец-то! Надо ее предупредить.

²²⁴ Нет, нет, пожалуйста... Вы мамзель Бурьен; я уже знакома с вами по той дружбе, какую имеет к вам моя невестка. Она не ожидает нас!

– Ah! chère!... Ah, Marie!... – вдруг заговорили обе женщины и засмеялись. – J'ai rêvé cette nuit... – Vous ne nous attendiez donc pas?... Ah! Marie, vous avez maigri... – Et vous avez repris...²²⁵

– J'ai tout de suite reconnu madame la princesse,²²⁶ – вставила m-lle Бурьен.

– Et moi qui ne me doutais pas!... – восклицала княжна Марья. – Ah! André, je ne vous voyais pas.²²⁷

Князь Андрей поцеловался с сестрою рука в руку и сказал ей, что она такая же pleurnicheuse,²²⁸ как всегда была. Княжна Марья повернулась к брату, и сквозь слезы любовный, теплый и кроткий взгляд ее прекрасных в ту минуту, больших лучистых глаз остановился на лице князя Андрея.

Княгиня говорила без умолку. Короткая верхняя губка с усиками то и дело на мгновение слетала вниз, притрогивалась, где нужно было, к румяной нижней губке, и вновь открывалась блестящая зубами и глазами улыбка. Княгиня рассказывала случай, который был с ними на Спасской горе, грозивший ей опасностью в ее положении, и сейчас же после этого сообщила, что она все платья свои оставила в Петербурге и здесь будет ходить Бог знает в чем, и что Андрей совсем переменялся, и что Китти Одынцова вышла замуж за старика, и что есть жених для княжны Марьи pour tout de bon,²²⁹ но что об этом поговорим после. Княжна Марья все еще молча смотрела на брата, и в прекрасных глазах ее были и любовь и грусть. Видно было, что в ней установился теперь свой ход мысли, независимый от речей невестки. Она в середине ее рассказа о последнем празднике в Петербурге обратилась к брату:

– И ты решительно едешь на войну, André? – сказала она, вздохнув.

Lise вздохнула тоже.

– Даже завтра, – отвечал брат.

– Il m'abandonne ici, et Dieu sait pourquoi, quand il aurait pu avoir de l'avancement...²³⁰

Княжна Марья не дослушала и, продолжая нить своих мыслей, обратилась к невестке, ласковыми глазами указывая на ее живот:

– Наверное? – сказала она.

Лицо княгини изменилось. Она вздохнула.

– Да, наверное, – сказала она. – Ах! Это очень страшно...

Губка Лизы опустилась. Она приблизила свое лицо к лицу золовки и опять неожиданно заплакала.

– Ей надо отдохнуть, – сказал князь Андрей, морщась. – Не правда ли, Лиза? Сведи ее к себе, а я пойду к батюшке. Что он, всё то же?

– То же, то же самое; не знаю, как на твои глаза, – отвечала радостно княжна.

– И те же часы, и по аллеям прогулки? Станок? – спрашивал князь Андрей с чуть заметною улыбкой, показывавшею, что несмотря на всю свою любовь и уважение к отцу, он понимал его слабости.

– Те же часы и станок, еще математика и мои уроки геометрии, – радостно отвечала княжна Марья, как будто ее уроки из геометрии были одним из самых радостных впечатлений ее жизни.

Когда прошли те двадцать минут, которые нужны были для срока вставанья старого князя, Тихон пришел звать молодого князя к отцу. Старик сделал исключение в своем образе

²²⁵ Ах, милая!.. Ах, Мари!.. – А я видела во сне. – Так вы нас не ожидали?.. Ах, Мари, вы так похудели. – А вы так пополнели...

²²⁶ Я тотчас узнала княгиню,

²²⁷ А я и не подозревала!.. Ах, Андрей, я и не видела тебя.

²²⁸ плакса,

²²⁹ настоящий,

²³⁰ Он покидает меня здесь, и Бог знает зачем, тогда как он мог бы получить повышение...

жизни в честь приезда сына: он велел впустить его в свою половину во время одеванья перед обедом. Князь ходил по-старинному, в кафтане и пудре. И в то время как князь Андрей (не с тем брюзгливым выражением лица и манерами, которые он напускал на себя в гостиных, а с тем оживленным лицом, которое у него было, когда он разговаривал с Пьером) входил к отцу, старик сидел в уборной на широком, сафьяном обитом, кресле, в пудроманте, предоставляя свою голову рукам Тихона.

– А! Воин! Бонапарта завоевать хочешь? – сказал старик и тряхнул напудренною головой, сколько позволяла это заплетаемая коса, находившаяся в руках Тихона. – Примись хоть ты за него хорошенько, а то он эдак скоро и нас своими подданными запишет. – Здорово! – И он выставил свою щеку.

Старик находился в хорошем расположении духа после дообеденного сна. (Он говорил, что после обеда серебряный сон, а до обеда золотой.) Он радостно из-под своих густых нависших бровей косился на сына. Князь Андрей подошел и поцеловал отца в указанное им место. Он не отвечал на любимую тему разговора отца – подтрунивание над теперешними военными людьми, а особенно над Бонапартом.

– Да, приехал к вам, батюшка, и с беременною женой, – сказал князь Андрей, следя оживленными и почтительными глазами за движением каждой черты отцовского лица. – Как здоровье ваше?

– Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержен, ну и здоров.

– Слава Богу, – сказал сын, улыбаясь.

– Бог тут не при чем. Ну, рассказывай, – продолжал он, возвращаясь к своему любимому коньку, – как вас немцы с Бонапартом сражаться по вашей новой науке, стратегией называемой, научили.

Князь Андрей улыбнулся.

– Дайте опомниться, батюшка, – сказал он с улыбкою, показывавшею, что слабости отца не мешают ему уважать и любить его. – Ведь я еще и не разместился.

– Врешь, врешь, – закричал старик, встряхивая косичкою, чтобы попробовать, крепко ли она была заплетена, и хватая сына за руку. – Дом для твоей жены готов. Княжна Марья сведет ее и покажет и с три короба наболтает. Это их бабье дело. Я ей рад. Сиди, рассказывай. Михельсона армию я понимаю, Толстого тоже... высадка единовременная... Южная армия что́ будет делать? Пруссия, нейтралитет... это я знаю. Австрия что́? – говорил он, встав с кресла и ходя по комнате с бегавшим и подававшим части одежды Тихоном. – Швеция что́? Как Поме- ранию перейдут?

Князь Андрей, видя настоятельность требования отца, сначала неохотно, но потом всё более и более оживляясь и невольно посреди рассказа, по привычке, перейдя с русского на французский язык, начал излагать операционный план предполагаемой кампании. Он рассказывал, как девяностотысячная армия должна была угрожать Пруссии, чтобы вывести ее из нейтралитета и втянуть в войну, как часть этих войск должна была в Штральзунде соединиться с шведскими войсками, как двести двадцать тысяч австрийцев, в соединении со ста тысячами русских, должны были действовать в Италии и на Рейне, и как пятьдесят тысяч русских и пятьдесят тысяч англичан высадутся в Неаполе, и как в итоге пятисоттысячная армия должна была с разных сторон сделать нападение на французов. Старый князь не выказал ни малейшего интереса при рассказе, как будто не слушал, и, продолжая на ходу одеваться, три раза неожиданно перервал его. Один раз он остановил его и закричал:

– Белый! белый!

Это значило, что Тихон подавал ему не тот жилет, который он хотел. Другой раз он остановился, спросил:

– И скоро она родит? – и, с упреком покачав головой, сказал: – Нехорошо! Продолжай, продолжай.

В третий раз, когда князь Андрей оканчивал описание, старик запел фальшивым и старческим голосом: «*Malbroug s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra*».²³¹

Сын только улыбнулся.

– Я не говорю, чтоб это был план, который я одобряю, – сказал сын, – я вам только рассказал, чтоб есть. Наполеон уже составил свой план не хуже этого.

– Ну, новенького ты мне ничего не сказал. – И старик задумчиво проговорил про себя скороговоркой: – *Dieu sait quand reviendra*». – Иди в столовую.

XXIV.

В назначенный час, напудренный и выбритый, князь вышел в столовую, где ожидала его невестка, княжна Марья, m-lle Бурьен и архитектор князя, по странной прихоти его допускаемый к столу, хотя по своему положению незначительный человек этот никак не мог рассчитывать на такую честь. Князь, твердо державшийся в жизни различия состояний и редко допускавший к столу даже важных губернских чиновников, вдруг на архитекторе Михайле Ивановиче, сморкавшемся в углу в клетчатый платок, доказывал, что все люди равны, и не раз внушал своей дочери, что Михайла Иванович ничем не хуже нас с тобой. За столом князь чаще всего обращался к бессловесному Михайле Ивановичу.

В столовой, громадно-высокой, как и все комнаты в доме, ожидали выхода князя домашние и официанты, стоявшие за каждым стулом; дворецкий, с салфеткой на руке, оглядывал сервировку, мигая лакеям и постоянно перебегая беспокойным взглядом от стенных часов к двери, из которой должен был появиться князь. Князь Андрей глядел на огромную, новую для него, золотую раму с изображением генеалогического дерева князей Болконских, висевшую напротив такой же громадной рамы с дурно-сделанным (видимо, рукою домашнего живописца) изображением владетельного князя в короне, который должен был происходить от Рюрика и быть родоначальником рода Болконских. Князь Андрей смотрел на это генеалогическое дерево, покачивая головой, и посмеивался с тем видом, с каким смотрят на похожий до смешного портрет.

– Как я узнаю его всего тут! – сказал он княжне Марье, подошедшей к нему.

Княжна Марья с удивлением посмотрела на брата. Она не понимала, чему он улыбался. Всё сделанное ее отцом возбуждало в ней благоговение, которое не подлежало обсуждению.

– У каждого своя Ахиллесова пятка, – продолжал князь Андрей. – *C ego* огромным умом *donner dans ce ridicule*!²³²

Княжна Марья не могла понять смелости суждений своего брата и готовилась возражать ему, как слышались из кабинета ожидаемые шаги: князь входил быстро, весело, как он и всегда ходил, как будто умышленно своими торопливыми манерами представляя противоположность строгому порядку дома. В то же мгновение большие часы пробили два, и тонким голоском отозвались в гостиной другие. Князь остановился; из-под висячих густых бровей оживленные, блестящие, строгие глаза оглядели всех и остановились на молодой княгине. Молодая княгиня испытывала в то время то чувство, какое испытывают придворные на царском выходе, то чувство страха и почтения, которое возбуждал этот старик во всех приближенных. Он погладил княгиню по голове и потом неловким движением потрепал ее по затылку.

– Я рад, я рад, – проговорил он и, пристально еще взглянув ей в глаза, быстро отошел и сел на свое место. – Садитесь, садитесь! Михаил Иванович, садитесь.

²³¹ Мальбрук в поход поехал, Бог весть когда вернется.

²³² поддаваться этой мелочности!

Он указал невестке место подле себя. Официант отодвинул для нее стул.

– Го, го! – сказал старик, оглядывая ее округленную талию. – Поторопилась, нехорошо!

Он засмеялся сухо, холодно, неприятно, как он всегда смеялся, одним ртом, а не глазами.

– Ходить надо, ходить, как можно больше, как можно больше, – сказал он.

Маленькая княгиня не слыхала или не хотела слышать его слов. Она молчала и казалась смущенною. Князь спросил ее об отце, и княгиня заговорила и улыбнулась. Он спросил ее об общих знакомых: княгиня еще более оживилась и стала рассказывать, передавая князю поклоны и городские сплетни.

– La comtesse Apraksine, la pauvre, a perdu son mari, et elle a pleuré les larmes de ses yeux,²³³

– говорила она, всё более и более оживляясь.

По мере того как она оживлялась, князь всё строже и строже смотрел на нее и вдруг, как будто достаточно изучив ее и составив себе ясное о ней понятие, отвернулся от нее и обратился к Михайлу Ивановичу.

– Ну, что, Михайла Иванович, Буонапарте-то нашему плохо приходится. Как мне князь Андрей (он всегда так называл сына в третьем лице) порассказал, какие на него силы собираются! А мы с вами всё его пустым человеком считали.

Михаил Иванович, решительно не знавший, когда это *мы с вами* говорили такие слова о Бонапарте, но понимавший, что он был нужен для вступления в любимый разговор, удивленно взглянул на молодого князя, сам не зная, что из этого выйдет.

– Он у меня тактик великий! – сказал князь сыну, указывая на архитектора.

И разговор зашел опять о войне, о Бонапарте и нынешних генералах и государственных людях. Старый князь, казалось, был убежден не только в том, что все теперешние деятели были мальчишки, не смыслившие и азбуки военного и государственного дела, и что Бонапарте был ничтожный французишка, имевший успех только потому, что уже не было Потемкиных и Суворовых противопоставить ему; но он был убежден даже, что никаких политических затруднений не было в Европе, не было и войны, а была какая-то кукольная комедия, в которую играли нынешние люди, притворяясь, что делают дело. Князь Андрей весело выдерживал насмешки отца над новыми людьми и с видимою радостью вызывал отца на разговор и слушал его.

– Всё кажется хорошим, что было прежде, – сказал он, – а разве тот же Суворов не попался в ловушку, которую ему поставил Моро, и не умел из нее выпутаться?

– Это кто тебе сказал? Кто сказал? – крикнул князь. – Суворов! – И он отбросил тарелку, которую живо подхватил Тихон. – Суворов!... Подумавши, князь Андрей. Два: Фридрих и Суворов... Моро! Моро был бы в плену, коли бы у Суворова руки свободны были; а у него на руках сидели хофс-кригс-вурст-шнапс-рат. Ему чорт не рад. Вот пойдете, эти хофс-кригс-вурст-раты узнаете! Суворов с ними не сладил, так уж где ж Михайле Кутузову сладить? Нет, дружок, – продолжал он, – вам с своими генералами против Бонапарте не обойтись; надо французов взять, чтобы своя своих не познаша и своя своих побиваша. Немца Палена в Новый-Йорк, в Америку, за французом Моро послали, – сказал он, намекая на приглашение, которое в этом году было сделано Моро вступить в русскую службу. – Чудеса!!.. Что Потемкины, Суворовы, Орловы разве немцы были? Нет, брат, либо там вы все с ума сошли, либо я из ума выжил. Дай вам Бог, а мы посмотрим. Бонапарте у них стал полководец великий! Гм!...

– Я ничего не говорю, чтобы все распоряжения были хороши, – сказал князь Андрей, – только я не могу понять, как вы можете так судить о Бонапарте. Смейтесь, как хотите, а Бонапарте всё-таки великий полководец!

²³³ Бедная графиня Апраксина потеряла мужа. Глаза выплакала бедняжка,

– Михайла Иванович! – закричал старый князь архитектору, который, занявшись жарким, надеялся, что про него забыли. – Я вам говорил, что Бонапарте великий тактик? Вон и он говорит.

– Как же, ваше сиятельство, – отвечал архитектор.

Князь опять засмеялся своим холодным смехом.

– Бонапарте в рубашке родился. Солдаты у него прекрасные. Да и на первых он на немцев напал. А немцев только ленивый не бил. С тех пор как мир стоит, немцев все били. А они никого. Только друг друга. Он на них свою славу сделал.

И князь начал разбирать все ошибки, которые, по его понятиям, делал Бонапарте во всех своих войнах и даже в государственных делах. Сын не возражал, но видно было, что какие бы доводы ему ни представляли, он так же мало способен был изменить свое мнение, как и старый князь. Князь Андрей слушал, удерживаясь от возражений и невольно удивляясь, как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуживать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов.

– Ты думаешь, я, старик, не понимаю настоящего положения дел? – заключил он. – А мне оно вот где! Я ночи не сплю. Ну, где же этот великий полководец твой-то, где он показал себя?

– Это длинно было бы, – отвечал сын.

– Ступай же ты к Буонапарте своему. *M-lle Bourienne, voilà encore un admirateur de votre goujat d'empereur!*²³⁴ – закричал он отличным французским языком.

– *Vous savez, que je ne suis pas bonapartiste, mon prince.*²³⁵

– «*Dieu sait quand reviendra*»...²³⁶ – пропел князь фальшиво, еще фальшивее засмеялся и вышел из-за стола.

Маленькая княгиня во всё время спора и остального обеда молчала и испуганно поглядывала то на княжну Марью, то на свекра. Когда они вышли из-за стола, она взяла за руку золовку и отозвала ее в другую комнату.

– *Comme c'est un homme d'esprit votre père,* – сказала она, – *c'est à cause de cela peut-être qu'il me fait peur.*²³⁷

– Ах, он так добр! – сказала княжна.

XXV.

Князь Андрей уезжал на другой день вечером. Старый князь, не отступая от своего порядка, после обеда ушел к себе. Маленькая княгиня была у золовки. Князь Андрей, одевшись в дорожный сюртук без эполет, в отведенных ему покоях укладывался с своим камердинером. Сам осмотрев коляску и укладку чемоданов, он велел закладывать. В комнате оставались только те вещи, которые князь Андрей всегда брал с собой: шкатулка, большой серебряный погребец, два турецких пистолета и шашка, подарок отца, привезенный из-под Очакова. Все эти дорожные принадлежности были в большом порядке у князя Андрея: всё было ново, чисто, в суконных чехлах, старательно завязано тесемочками.

В минуты отъезда и перемены жизни, на людей, способных обдумывать свои поступки, обыкновенно находит серьезное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно поверяется прошедшее и делаются планы будущего. Лицо князя Андрея было очень задумчиво и нежно. Он, заложив руки назад, быстро ходил по комнате из угла в угол, глядя вперед себя, и задум-

²³⁴ Мамзель Бурьен, вот еще поклонник вашего холопского императора!

²³⁵ Вы знаете, князь, что я не бонапартистка.

²³⁶ Бог весть когда вернется!..

²³⁷ Какой умный человек ваш батюшка. Может быть, от этого-то я и боюсь его.

чиво покачивал головой. Страшно ли ему было идти на войну, грустно ли бросить жену, – может быть, и то и другое, только, видимо, не желая, чтоб его видели в таком положении, услышав шаги в сенях, он торопливо высвободил руки, остановился у стола, как будто увязывал чехол шкатулки, и принял свое всегдашнее, спокойное и непроницаемое выражение. Это были тяжелые шаги княжны Марьи.

– Мне сказали, что ты велел закладывать, – сказала она, запыхавшись (она, видно, бежала), – а мне так хотелось еще поговорить с тобой наедине. Бог знает, на сколько времени опять расстаемся. Ты не сердись, что я пришла? Ты очень переменялся, Андрюша, – прибавила она как бы в объяснение такого вопроса.

Она улыбнулась, произнося слово «Андрюша». Видно, ей самой было странно подумать, что этот строгий, красивый мужчина был тот самый Андрюша, худой, шаловливый мальчик, товарищ детства.

– А где Lise? – спросил он, только улыбкой отвечая на ее вопрос.

– Она так устала, что заснула у меня в комнате на диване. Ах, André! Quel trésor de femme vous avez,²³⁸ – сказала она, усаживаясь на диван против брата. – Она совершенный ребенок, такой милый, веселый ребенок. Я так ее полюбила.

Князь Андрей молчал, но княжна заметила ироническое и презрительное выражение, появившееся на его лице.

– Но надо быть снисходительным к маленьким слабостям; у кого их нет, André! Ты не забудь, что она воспитана и выросла в свете. И потом ее положение теперь не розовое. Надобно входить в положение каждого. Tout comprendre, c'est tout pardonner.²³⁹ Ты подумай, каково ей, бедняжке, после жизни, к которой она привыкла, расстаться с мужем и остаться одной в деревне и в ее положении? Это очень тяжело.

Князь Андрей улыбался, глядя на сестру, как мы улыбаемся, слушая людей, которых, нам кажется, что мы насквозь видим.

– Ты живешь в деревне и не находишь эту жизнь ужасною, – сказал он.

– Я другое дело. Что обо мне говорить! Я не желаю другой жизни, да и не могу желать, потому что не знаю никакой другой жизни. А ты подумай, André, для молодой и светской женщины похорониться в лучшие годы жизни в деревне, одной, потому что папенька всегда занят, а я... ты меня знаешь... как я бедна en ressources,²⁴⁰ для женщины, привыкшей к лучшему обществу. Mlle Bourienne одна...

– Она мне очень не нравится, ваша Bourienne, – сказал князь Андрей.

– О, нет! Она очень милая и добрая, а главное – жалкая девушка. У нее никого, никого нет. По правде сказать, мне она не только не нужна, но стеснительна. Я, ты знаешь, и всегда была дикарка, а теперь еще больше. Я люблю быть одна... Mon père²⁴¹ ее очень любит. Она и Михаил Иванович – два лица, к которым он всегда ласков и добр, потому что они оба облагодетельствованы им; как говорит Стерн: «мы не столько любим людей за то добро, которое они нам сделали, сколько за то добро, которое мы им сделали». Mon père взял ее сиротой sur le pavé,²⁴² и она очень добрая. И mon père любит ее манеру чтения. Она по вечерам читает ему вслух. Она прекрасно читает.

– Ну, а по правде, Marie, тебе, я думаю, тяжело иногда бывает от характера отца? – вдруг спросил князь Андрей.

Княжна Марья сначала удивилась, потом испугалась этого вопроса.

²³⁸ Ах, Андрей! Какое сокровище твоя жена,

²³⁹ Кто всё поймет, тот всё и простит.

²⁴⁰ не весела

²⁴¹ Батюшка

²⁴² на улице,

– Мне?... Мне?!... Мне тяжело?! – сказала она.

– Он и всегда был крут; а теперь тяжел становится, я думаю, – сказал князь Андрей, видимо, нарочно, чтоб озадачить или испытать сестру, так легко отзываясь об отце.

– Ты всем хорош, André, но у тебя есть какая-то гордость мысли, – сказала княжна, больше следуя за своим ходом мыслей, чем за ходом разговора, – и это большой грех. Разве возможно судить об отце? Да ежели бы и возможно было, какое другое чувство, кроме *vénération*,²⁴³ может возбудить такой человек, как *mon père*? И я так довольна и счастлива с ним. Я только желала бы, чтобы вы все были счастливы, как я.

Брат недоверчиво покачал головой.

– Одно, что тяжело для меня, – я тебе по правде скажу, André, – это образ мыслей отца в религиозном отношении. Я не понимаю, как человек с таким огромным умом не может видеть того, что ясно, как день, и может так заблуждаться? Вот это составляет одно мое несчастье. Но и тут в последнее время я вижу тень улучшения. В последнее время его насмешки не так язвительны, и есть один монах, которого он принимал и долго говорил с ним.

– Ну, мой друг, я боюсь, что вы с монахом даром растрачиваете свой порох, – насмешливо, но ласково сказал князь Андрей.

– Ah! *mon ami*.²⁴⁴ Я только молюсь Богу и надеюсь, что Он услышит меня. André, – сказала она робко после минуты молчания, – у меня к тебе есть большая просьба.

– Что, мой друг?

– Нет, обещай мне, что ты не откажешь. Это тебе не будет стоить никакого труда, и ничего недостойного тебя в этом не будет. Только ты меня утетишь. Обещай, Андрюша, – сказала она, сунув руку в ридикюль и в нем держа что то, но еще не показывая, как будто то, что она держала, и составляло предмет просьбы и будто прежде получения обещания в исполнении просьбы она не могла вынуть из ридикюля это *что-то*.

Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

– Ежели бы это и стоило мне большого труда... – как будто догадываясь, в чем было дело, отвечал князь Андрей.

– Ты, что хочешь, думай! Я знаю, ты такой же, как и *mon père*. Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах... – Она всё еще не доставала того, что держала, из ридикюля. – Так ты обещаешь мне?

– Конечно, в чем дело?

– André, я тебя благословлю образом, и ты обещай мне, что никогда его не будешь снимать... Обещаешь?

– Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... – сказал князь Андрей, но в ту же секунду, заметив огорченное выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. – Очень рад, право очень рад, мой друг, – прибавил он.

– Против твоей воли Он спасет и помилует тебя и обратит тебя к Себе, потому что в Нем одном и истина и успокоение, – сказала она дрожащим от волнения голосом, с торжественным жестом держа в обеих руках перед братом овальный старинный образок Спасителя с черным ликом в серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы.

Она перекрестилась, поцеловала образок и подала его Андрею.

– Пожалуйста, André, для меня...

Из больших глаз ее светились лучи доброго и робкого света. Глаза эти освещали всё болезненное, худое лицо и делали его прекрасным. Брат хотел взять образок, но она остановила его. Андрей понял, перекрестился и поцеловал образок. Лицо его в одно и то же время было нежно (он был тронут) и насмешливо.

²⁴³ обожания

²⁴⁴ Ах, мой друг!

– Merci, mon ami.²⁴⁵

Она поцеловала его в лоб и опять села на диван. Они молчали.

– Так я тебе говорила, André, будь добр и великодушен, каким ты всегда был. Не суди строго Lise, – начала она. – Она так мила, так добра, и положение ее очень тяжело теперь.

– Кажется, я ничего не говорил тебе, Маша, чтоб я упрекал в чем-нибудь свою жену или был недоволен ею. К чему ты всё это говоришь мне?

Княжна Марья покраснела пятнами и замолчала, как будто она чувствовала себя виноватою.

– Я ничего не говорил тебе, а тебе уж *говорили*. И мне это грустно.

Красные пятна еще сильнее выступили на лбу, шее и щеках княжны Марьи. Она хотела сказать что-то и не могла выговорить. Брат угадал: маленькая княгиня после обеда плакала, говорила, что предчувствует несчастные роды, боится их, и жаловалась на свою судьбу, на свекра и на мужа. После слез она заснула. Князю Андрею жалко стало сестру.

– Знай одно, Маша, я ни в чем не могу упрекнуть, не упрекал и никогда не упрекну *мою жену*, и сам ни в чем себя не могу упрекнуть в отношении к ней; и это всегда так будет, в каких бы я ни был обстоятельствах. Но ежели ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...

Говоря это, он встал, подошел к сестре и, нагнувшись, поцеловал ее в лоб. Прекрасные глаза его светились умным и добрым, непривычным блеском, но он смотрел не на сестру, а в темноту отворенной двери, через ее голову.

– Пойдем к ней, надо проститься. Или иди одна, разбуди ее, а я сейчас приду. Петрушка! – крикнул он камердинеру, – поди сюда, убирай. Это в сиденье, это на правую сторону.

Княжна Марья встала и направилась к двери. Она остановилась.

– André, si vous avez la foi, vous vous seriez adressé à Dieu, pour qu'il vous donne l'amour, que vous ne sentez pas et votre prière aurait été exaucée.²⁴⁶

– Да, разве это! – сказал князь Андрей. – Иди, Маша, я сейчас приду.

По дороге к комнате сестры, в галлерею, соединявшей один дом с другим, князь Андрей встретил мило улыбавшуюся m-lle Bourienne, уже в третий раз в этот день с восторженной и наивною улыбкой попадавшую ему в уединенных переходах.

– Ah! je vous croyais chez vous,²⁴⁷ – сказала она, почему-то краснея и опуская глаза.

Князь Андрей строго посмотрел на нее. На лице князя Андрея вдруг выразилось озлобление. Он ничего не сказал ей, но посмотрел на ее лоб и волосы, не глядя в глаза, так презрительно, что француженка покраснела и ушла, ничего не сказав. Когда он подошел к комнате сестры, княгиня уже проснулась, и ее веселый голосок, торопивший одно слово за другим, послышался из отворенной двери. Она говорила, как будто после долгого воздержания ей хотелось вознаградить потерянное время.

– Non, mais figurez-vous, la vieille comtesse Zouboff avec de fausses boucles et la bouche pleine de fausses dents, comme si elle voulait défier les années...²⁴⁸ Ха, ха, ха, Marie!

Точно ту же фразу о графине Зубовой и тот же смех уже раз пять слышал при посторонних князь Андрей от своей жены. Он тихо вошел в комнату. Княгиня, толстенькая, румяная, с работой в руках, сидела на кресле и без умолку говорила, перебирая петербургские воспоминания и даже фразы. Князь Андрей подошел, погладил ее по голове и спросил, отдохнула ли она от дороги. Она ответила и продолжала тот же разговор.

²⁴⁵ Благодарю тебя, мой друг.

²⁴⁶ Андрей, если бы ты имел веру, то обратился бы к Богу с молитвою, чтоб Он даровал тебе любовь, которую ты не чувствуешь, и молитва твоя была бы услышана.

²⁴⁷ Ах, я думала, вы у себя,

²⁴⁸ Нет, представьте себе, старая графиня Зубова, с фальшивыми локонами, с фальшивыми зубами, как будто издеваясь над годами...

Коляска шестериком стояла у подъезда. На дворе была темная осенняя ночь. Кучер не видел дышла коляски. На крыльце сутились люди с фонарями. Огромный дом горел огнями сквозь свои большие окна. В передней толпились дворовые, желавшие проститься с молодым князем; в зале стояли все домашние: Михаил Иванович, m-lle Bourienne, княжна Марья и княгиня. Князь Андрей был позван в кабинет к отцу, который с-глазу-на-глаз хотел проститься с ним. Все ждали их выхода.

Когда князь Андрей вошел в кабинет, старый князь в стариковских очках и в своем белом халате, в котором он никого не принимал, кроме сына, сидел за столом и писал. Он оглянулся.

– Едешь? – И он опять стал писать.

– Пришел проститься.

– Целуй сюда, – он показал щеку, – спасибо, спасибо!

– За что вы меня благодарите?

– За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься. Служба прежде всего. Спасибо, спасибо! – И он продолжал писать, так что брызги летели с трещающего пера. – Ежели нужно сказать что, говори. Эти два дела могу делать вместе, – прибавил он.

– О жене... Мне и так совестно, что я вам ее на руки оставляю...

– Что врешь? Говори, что нужно.

– Когда жене будет время родить, пошлите в Москву за акушером... Чтоб он тут был.

Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына.

– Я знаю, что никто помочь не может, коли натура не поможет, – говорил князь Андрей, видимо смущенный. – Я согласен, что из миллиона случаев один бывает несчастный, но это ее и моя фантазия. Ей наговорили, она во сне видела, и она боится.

– Гм... гм... – проговорил про себя старый князь, продолжая дописывать. – Сделаю.

Он расчеркнул подпись, вдруг быстро повернулся к сыну и засмеялся.

– Плохо дело, а?

– Что плохо, батюшка?

– Жена! – коротко и значительно сказал старый князь.

– Я не понимаю, – сказал князь Андрей.

– Да нечего делать, дружок, —сказал князь, – они все такие, не разженишься. Ты не бойся; никому не скажу; а ты сам знаешь.

Он схватил его за руку своею костлявою маленькою кистью, потряс ее, взглянул прямо в лицо сына своими быстрыми глазами, которые, как казалось, насквозь видели человека, и опять засмеялся своим холодным смехом.

Сын вздохнул, признаваясь этим вздохом в том, что отец понял его. Старик, продолжая складывать и печатать письма, с своею привычною быстротой, схватывал и бросал сургуч, печать и бумагу.

– Что делать? Красива! Я всё сделаю. Ты будь покоен, – говорил он отрывисто во время печатания.

Андрей молчал: ему и приятно и неприятно было, что отец понял его. Старик встал и подал письмо сыну.

– Слушай, – сказал он, – о жене не заботься: что возможно сделать, то будет сделано. Теперь слушай: письмо Михайлу Иларионовичу отдай. Я пишу, чтоб он тебя в хорошие места употреблял и долго адъютантом не держал: скверная должность! Скажи ты ему, что я его помню и люблю. Да напиши, как он тебя примет. Коли хорош будет, служи. Николая Андреича Болконского сын из милости служить ни у кого не будет. Ну, теперь поди сюда.

Он говорил такую скороговоркой, что не доканчивал половины слов, но сын привык понимать его. Он подвел сына к бюро, откинул крышку, выдвинул ящик и вынул исписанную его крупным, длинным и сжатым почерком тетрадь.

– Должно быть, мне прежде тебя умереть. Знай, тут мои записки, их государю передать после моей смерти. Теперь здесь вот ломбардный билет и письмо: это премия тому, кто напишет историю суворовских войн. Переслать в академию. Здесь мои ремарки, после меня читай для себя, найдешь пользу.

Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно.

– Всё исполню, батюшка, – сказал он.

– Ну, теперь прощай! – Он дал поцеловать сыну свою руку и обнял его. – Помни одно, князь Андрей: коли тебя убьют, мне старику больно будет... – Он неожиданно замолчал и вдруг крикливым голосом продолжал: – а коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно! – взвизгнул он.

– Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка, – улыбаясь, сказал сын.

Старик замолчал.

– Еще я хотел просить вас, – продолжал князь Андрей, – ежели меня убьют и ежели у меня будет сын, не отпускайте его от себя, как я вам вчера говорил, чтоб он вырос у вас... пожалуйста.

– Жене не отдавать? – сказал старик и засмеялся.

Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя.

– Простились... ступай! – вдруг сказал он. – Ступай! – закричал он сердитым и громким голосом, отворяя дверь кабинета.

– Чтò такое, чтò? – спрашивали княгиня и княжна, увидев князя Андрея и на минуту высунувшуюся фигуру кричавшего сердитым голосом старика в белом халате, без парика и в стариковских очках.

Князь Андрей вздохнул и ничего не ответил.

– Ну, – сказал он, обратившись к жене, и это «ну» звучало холодной насмешкой, как будто он говорил: «теперь проделывайте вы ваши штуки».

– André, déjà!²⁴⁹ – сказала маленькая княгиня, бледнея и со страхом глядя на мужа.

Он обнял ее. Она вскрикнула и без чувств упала на его плечо.

Он осторожно отвел плечо, на котором она лежала, заглянул в ее лицо и бережно посадил ее на кресло.

– Adieu, Marie,²⁵⁰ – сказал он тихо сестре, поцеловался с нею рука в руку и скорыми шагами вышел из комнаты.

Княгиня лежала в кресле, m-lle Бурьен терла ей виски. Княжна Марья, поддерживая невестку, с заплаканными прекрасными глазами, всё еще смотрела в дверь, в которую вышел князь Андрей, и крестила его. Из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые сердитые звуки стариковского сморкания. Только-что князь Андрей вышел, дверь кабинета быстро отворилась и выглянула строгая фигура старика в белом халате.

– Уехал? Ну и хорошо! – сказал он, сердито посмотрев на бесчувственную маленькую княгиню, укоризненно покачал головою и захлопнул дверь.

–

²⁴⁹ Андрей, что уже!

²⁵⁰ Прощай, Маша,

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

В октябре 1805 года русские войска занимали села и города эрцгерцогства Австрийского, и еще новые полки приходили из России и, отягощая постоем жителей, располагались у крепости Браунау. В Браунау была главная квартира главнокомандующего Кутузова.

11-го октября 1805 года один из только-что пришедших к Браунау пехотных полков, ожидая смотра главнокомандующего, стоял в полумиле от города. Несмотря на нерусскую местность и обстановку (фруктовые сады, каменные ограды, черепичные крыши, горы, видневшиеся вдаль, на нерусский народ, с любопытством смотревший на солдат,) полк имел точно такой же вид, какой имел всякий русский полк, готовившийся к смотру где-нибудь в середине России.

С вечера, на последнем переходе, был получен приказ, что главнокомандующий будет смотреть полк на походе. Хотя слова приказа и показались неясны полковому командиру, и возник вопрос, как разуместь слова приказа: в походной форме или нет? – в совете батальонных командиров было решено представить полк в парадной форме на том основании, что всегда лучше перекланяться, чем не докланяться. И солдаты, после тридцативерстного перехода, не смыкали глаз, всю ночь чинились, чистились; адъютанты и ротные рассчитывали, отчисляли; и к утру полк, вместо растянутой беспорядочной толпы, какою он был накануне на последнем переходе, представлял стройную массу 2000 людей, из которых каждый знал свое место, свое дело, из которых на каждом каждая пуговка и ремешок были на своем месте и блестели чистотой. Не только наружное было исправно, но ежели бы угодно было главнокомандующему заглянуть под мундиры, то на каждом он увидел бы одинаково чистую рубаху и в каждом ранце нашел бы узаконенное число вещей, «шилцы и мыльцы», как говорят солдаты. Было только одно обстоятельство, насчет которого никто не мог быть спокоен. Это была обувь. Больше чем у половины людей сапоги были разбиты. Но недостаток этот происходил не от вины полкового командира, так как, несмотря на неоднократные требования, ему не был отпущен товар от австрийского ведомства, а полк прошел тысячу верст.

Полковой командир был пожилой, сангвинический, с седеющими бровями и бакенбардами генерал, плотный и широкий больше от груди к спине, чем от одного плеча к другому. На нем был новый, с иголочки, со слежавшимися складками мундир и густые золотые эполеты, которые как будто не книзу, аверху поднимали его тучные плечи. Полковой командир имел вид человека, счастливо совершающего одно из самых торжественных дел жизни. Он похаживал перед фронтом и, похаживая, подрагивал на каждом шагу, слегка изгибаясь спиною. Видно было, что полковой командир любит своею полком, счастлив им, и что все его душевные заняты только полком; но, несмотря на то, его подрагивающая походка как-будто говорила, что, кроме военных интересов, в душе его немалое место занимают и интересы общественного быта и женский пол.

– Ну, батюшка Михайло Митрич, – обратился он к одному батальонному командиру (батальонный командир улыбаясь подался вперед; видно было, что они были счастливы), – досталось на орехи нынче ночью. Однако, кажется, ничего, полк не из дурных... А?

Батальонный командир понял веселую иронию и засмеялся.

– И на Царицыном лугу с поля бы не прогнали.

– Чтò? – сказал командир.

В это время по дороге из города, по которой расставлены были махальные, показались два верховые. Это были адъютант и казак, ехавший сзади.

Адъютант был прислан из главного штаба подтвердить полковому командиру то, что было сказано неясно во вчерашнем приказе, а именно то, что главнокомандующий желал видеть полк совершенно в том положении, в котором он шел – в шинелях, в чехлах и без всяких приготовлений.

К Кутузову накануне прибыл член гофкригсрата из Вены, с предложениями и требованиями итти как можно скорее на соединение с армией эрцгерцога Фердинанда и Мака, и Кутузов, не считая выгодным это соединение, в числе прочих доказательств в пользу своего мнения намеревался показать австрийскому генералу то печальное положение, в котором приходили войска из России. С этою целью он и хотел выехать навстречу полку, так что, чем хуже было бы положение полка, тем приятнее было бы это главнокомандующему. Хотя адъютант и не знал этих подробностей, однако он передал полковому командиру неременное требование главнокомандующего, чтобы люди были в шинелях и чехлах, и что в противном случае главнокомандующий будет недоволен.

Выслушав эти слова, полковой командир опустил голову, молча вздернул плечами и сангвиническим жестом развел руки.

– Наделали дела! – проговорил он. – Вот я вам говорил же, Михайло Митрич, что на походе, так в шинелях, – обратился он с упреком к батальонному командиру. – Ах, мой Бог! – прибавил он и решительно выступил вперед. – Господа ротные командиры! – крикнул он голосом, привычным к команде. – Фельдфебели!... Скоро ли пожалуют? – обратился он к приехавшему адъютанту с выражением почтительной учтивости, видимо относившейся к лицу, про которое он говорил.

– Через час, я думаю.

– Успеем переодеть?

– Не знаю, генерал...

Полковой командир, сам подойдя к рядам, распорядился переодеванием опять в шинели. Ротные командиры разбежались по ротам, фельдфебели засуетились (шинели были не совсем исправны) и в то же мгновение заколыхались, растянулись и говором загудели прежде правильные, молчаливые четверугольники. Со всех сторон отбегали и подбегали солдаты, подкидывали сзади плечом, через голову перетаскивали ранцы, снимали шинели и, высоко поднимая руки, втягивали их в рукава.

Через полчаса всё опять пришло в прежний порядок, только четверугольники сделались серыми из черных. Полковой командир, опять подрагивающею походкой, вышел вперед полка и издадека оглядел его.

– Это что еще? это что! – прокричал он, останавливаясь. – Командира 3-й роты!...

– Командир 3-й роты к генералу! командира к генералу, 3-й роты к командиру!... – послышались голоса по рядам, и адъютант побежал отыскивать замешкавшегося офицера.

Когда звуки усердных голосов, перевирая, крича уже «генерала в 3-ю роту», дошли по назначению, требуемый офицер показался из-за роты и, хотя человек уже пожилой и не имевший привычки бегать, неловко цепляясь носками, рысью направился к генералу. Лицо капитана выражало беспокойство школьника, которому велят сказать невыученный им урок. На красном (очевидно от невоздержания) лице выступали пятна, и рот не находил положения. Полковой командир с ног до головы осматривал капитана, в то время как он запыхавшись подходил, по мере приближения сдерживая шаг.

– Вы скоро людей в сарафаны нарядите! Это что? – крикнул полковой командир, выдвигая нижнюю челюсть и указывая в рядах 3-й роты на солдата в шинели цвета фабричного сукна, отличавшегося от других шинелей. – Сами где находились? Ожидается главнокомандующий, а вы отходите от своего места? А?... Я вас научу, как на смотр людей в казакины одевать!... А?...

Ротный командир, не спуская глаз с начальника, всё больше и больше прижимал свои два пальца к козырьку, как будто в одном этом прижимании он видел теперь свое спасение.

– Ну, что ж вы молчите? Кто у вас там в венгерца наряжен? – строго шутил полковой командир.

– Ваше превосходительство...

– Ну, что «ваше превосходительство»? Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! А что ваше превосходительство – никому неизвестно.

– Ваше превосходительство, это Долохов, разжалованный... – сказал тихо капитан.

– Что он в фельдмаршалы, что ли, разжалован или в солдаты? А солдат, так должен быть одет, как все, по форме.

– Ваше превосходительство, вы сами разрешили ему походом.

– Разрешил? Разрешил? Вот вы всегда так, молодые люди, – сказал полковой командир, остывая несколько. – Разрешил? Вам что-нибудь скажешь, а вы и... – Полковой командир помолчал. – Вам что-нибудь скажешь, а вы и... – Что? – сказал он, снова раздражаясь. – Извольте одеть людей прилично...

И полковой командир, оглядываясь на адъютанта, своею вздрагивающею походкой направился к полку. Видно было, что его раздражение ему самому понравилось, и что он, пройдясь по полку, хотел найти еще предлог своему гневу. Оборвав одного офицера за невычищенный знак, другого за неправильность ряда, он подошел к 3-й роте.

– Ка-а-ак стоишь? Где нога? Нога где? – закричал полковой командир с выражением страдания в голосе, еще человек за пять не доходя до Долохова, одетого в синеватую шинель.

Долохов медленно выпрямил согнутую ногу и прямо, своим светлым и наглым взглядом, посмотрел в лицо генерала.

– Зачем синяя шинель? Долой!... Фельдфебель! Переодеть его... дря... – Он не успел договорить.

– Генерал, я обязан исполнить приказания, но не обязан переносить... – поспешно сказал Долохов.

– Во фронте не разговаривать!... Не разговаривать, не разговаривать!...

– Не обязан переносить оскорбления, – громко, звучно договорил Долохов.

Глаза генерала и солдата встретились. Генерал замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф.

– Извольте переодеться, прошу вас, – сказал он, отходя.

II.

– Едет! – закричал в это время махальный.

Полковой командир, покраснев, подбежал к лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перекинул тело, оправился, вынул шпагу и с счастливым, решительным лицом, набок раскрыв рот, приготовился крикнуть. Полк встрепенулся, как управляющаяся птица, и замер.

– Смир-р-р-на! – закричал полковой командир потрясающим душу голосом, радостным для себя, строгим в отношении к полку и приветливым в отношении к подъезжающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой, бесшоссейной дороге, слегка погромыхая рессорами, шибкою рысью ехала высокая голубая венская коляска цугом. За коляской скакали свита и конвой кроатов. Подле Кутузова сидел австрийский генерал в странном, среди черных русских, белом мундире. Коляска остановилась у полка. Кутузов и австрийский генерал о чем-то тихо говорили, и Кутузов слегка улыбнулся, в то время как, тяжело ступая, он опускал ногу с подножки, точно как будто и не было этих 2000 людей, которые не дыша смотрели на него и на полкового командира.

Раздался крик команды, опять полк звеня дрогнул, сделав на караул. В мертвой тишине послышался слабый голос главнокомандующего. Полк рывкнул: «Здравья желаем, ваше го-

го-го-го-ство!» И опять всё замерло. Сначала Кутузов стоял на одном месте, пока полк двигался; потом Кутузов рядом с белым генералом, пешком, сопровождаемый свитой, стал ходить по рядам.

По тому, как полковой командир салютовал главнокомандующему, впиваясь в него глазами, вытягиваясь и подбираясь, как наклоненный вперед ходил за генералами по рядам, едва удерживая подрагивающее движение, как подскакивал при каждом слове и движении главнокомандующего, – видно было, что он исполнял свои обязанности подчиненного еще с большим наслаждением, чем обязанности начальника. Полк, благодаря строгости и старательности полкового командира, был в прекрасном состоянии сравнительно с другими, приходившими в то же время к Брауну. Отсталых и больных было только 217 человек. И всё было исправно, кроме обуви.

Кутузов прошел по рядам, изредка останавливаясь и говоря по несколько ласковых слов офицерам, которых он знал по турецкой войне, а иногда и солдатам. Поглядывая на обувь, он несколько раз грустно покачивал головой и указывал на нее австрийскому генералу с таким выражением, что как бы не упрекал в этом никого, но не мог не видеть, как это плохо. Полковой командир каждый раз при этом забегал вперед, боясь упустить слово главнокомандующего касательно полка. Сзади Кутузова, в таком расстоянии, что всякое слабо произнесенное слово могло быть услышано, шло человек 20 свиты. Господа свиты разговаривали между собой и иногда смеялись. Ближе всех за главнокомандующим шел красивый адъютант. Это был князь Болконский. Рядом с ним шел его товарищ Несвицкий, высокий штаб-офицер, чрезвычайно толстый, с добрым, улыбающимся красивым лицом и влажными глазами. Несвицкий едва удерживался от смеха, возбуждаемого черноватым гусарским офицером, шедшим подле него. Гусарский офицер, не улыбаясь, не изменяя выражения остановившихся глаз, с серьезным лицом смотрел на спину полкового командира и передразнивал каждое его движение. Каждый раз, как полковой командир вздрагивал и нагибался вперед, точно так же, точь-в-точь так же, вздрагивал и нагибался вперед гусарский офицер. Несвицкий смеялся и толкал других, чтобы они смотрели на забавника.

Кутузов шел медленно и вяло мимо тысяч глаз, которые выкатывались из своих орбит, следя за начальником. Поровнявшись с 3-ю ротой, он вдруг остановился. Свита, не предвидя этой остановки, невольно надвинулась на него.

– А, Тимохин! – сказал главнокомандующий, узнавая капитана с красным носом, пострадавшего за синюю шинель.

Казалось, нельзя было вытягиваться больше того, как вытягивался Тимохин, в то время как полковой командир делал ему замечание. Но в эту минуту обращения к нему главнокомандующего капитан вытянулся так, что, казалось, посмотри на него главнокомандующий еще несколько времени, капитан не выдержал бы; и потому Кутузов, видимо поняв его положение и желая, напротив, всякого добра капитану, поспешно отвернулся. По пухлому, изуродованному раной лицу Кутузова пробежала чуть заметная улыбка.

– Еще измайловский товарищ, – сказал он. – Храбрый офицер! Ты доволен им? – спросил Кутузов у полкового командира.

И полковой командир, отражаясь, как в зеркале, невидимо для себя, в гусарском офицере, вздрогнул, подошел вперед и отвечал:

– Очень доволен, ваше высокопревосходительство.

– Мы все не без слабостей, – сказал Кутузов, улыбаясь и отходя от него. – У него была приверженность к Бахусу.

Полковой командир испугался, не виноват ли он в этом, и ничего не ответил. Офицер в эту минуту заметил лицо капитана с красным носом и подтянутым животом и так похоже передразнил его лицо и позу, что Несвицкий не мог удержать смеха. Кутузов обернулся. Видно было, что офицер мог управлять своим лицом, как хотел: в ту минуту, как Кутузов обернулся,

офицер успел сделать гримасу, а вслед за тем принять самое серьезное, почтительное и невинное выражение.

Третья рота была последняя, и Кутузов задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступил из свиты и по-французски тихо сказал:

– Вы приказали напомнить о разжалованном Долохове в этом полку.

– Где тут Долохов? – спросил Кутузов.

Долохов, уже переодетый в солдатскую серую шинель, не дожидаясь, чтоб его вызвали. Стройная фигура белокурого с ясными голубыми глазами солдата выступила из фронта. Он подошел к главнокомандующему и сделал на караул.

– Претензия? – нахмурившись слегка, спросил Кутузов.

– Это Долохов, – сказал князь Андрей.

– А! – сказал Кутузов. – Надеюсь, что этот урок тебя исправит, служи хорошенько. Государь милостив. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые ясные глаза смотрели на главнокомандующего так же дерзко, как и на полкового командира, как будто своим выражением разрывая завесу условности, отделявшую так далеко главнокомандующего от солдата.

– Об одном прошу, ваше высокопревосходительство, – сказал он своим звучным, твердым, неспешащим голосом. – Прошу дать мне случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и России.

Кутузов отвернулся. На лице его промелькнула та же улыбка глаз, как и в то время, когда он отвернулся от капитана Тимохина. Он отвернулся и поморщился, как будто хотел выразить этим, что всё, что ему сказал Долохов, и всё, что он мог сказать ему, он давно, давно знает, что всё это уже прискучило ему и что всё это совсем не то, что нужно. Он отвернулся и направился к коляске.

Полк разобрался ротами и направился к назначенным квартирам невядалеке от Браунау, где надеялся обуться, одеться и отдохнуть после трудных переходов.

– Вы на меня не претендуете, Прохор Игнатьич? – сказал полковой командир, объезжая двигавшуюся к месту 3-ю роту и подъезжая к шедшему впереди ее капитану Тимохину. Лицо полкового командира выражало после счастливо-отбытого смотра неудержимую радость. – Служба царская... нельзя... другой раз во фронте оборвешь... Сам извинюсь первый, вы меня знаете... Очень благодарил! – И он протянул руку ротному.

– Помилуйте, генерал, да смею ли я! – отвечал капитан, краснея носом, улыбаясь и раскрывая улыбкой недостаток двух передних зубов, выбитых прикладом под Измаилом.

– Да господину Долохову передайте, что я его не забуду, чтоб он был спокоен. Да скажите, пожалуйста, я всё хотел спросить, что он, как себя ведет? И всё...

– По службе очень исправен, ваше превосходительство... но характер... – сказал Тимохин.

– А что, что характер? – спросил полковой командир.

– Находит, ваше превосходительство, днями, – говорил капитан, – то и умен, и учен, и добр. А то зверь. В Польше убил было жида, изволите знать...

– Ну да, ну да, – сказал полковой командир, – всё надо пожалеть молодого человека в несчастии. Ведь большие связи... Так вы того...

– Слушаю, ваше превосходительство, – сказал Тимохин, улыбкой давая чувствовать, что он понимает желания начальника.

– Ну да, ну да.

Полковой командир отыскал в рядах Долохова и придержал лошадь.

– До первого дела – эполеты, – сказал он ему.

Долохов оглянулся, ничего не сказал и не изменил выражения своего насмешливо-улыбающегося рта.

– Ну, вот и хорошо, – продолжал полковой командир. – Людям по чарке водки от меня, – прибавил он, чтобы солдаты слышали. – Благодарю всех! Слава Богу! – И он, обогнав роту, подъехал к другой.

– Чтò ж, он, право, хороший человек, с ним служить можно, – сказал Тимохин субалтерн-офицеру, шедшему подле него.

– Одно слово, червонный!... (полкового командира прозвали червонным королем) – смеясь, сказал субалтерн-офицер.

Счастлиное расположение духа начальства после смотра перешло и к солдатам. Рота шла весело. Со всех сторон переговаривались солдатские голоса.

– Как же сказывали, Кутузов кривой, об одном глазу?

– А то нет! Вовсе кривой.

– Не... брат, глазастее тебя. Сапоги и подвертки – всё оглядел...

– Как он, братец ты мой, глянет на ноги мне... ну! думаю...

– А другой-то австрияк, с ним был, словно мелом вымазан. Как мука, белый. Я чай, как амуницию чистят!

– Чтò, Федешоу!... сказывал он, что ли, когда стражения начнутся? ты ближе стоял? Говорили всё, в Брунове сам Бунапарте стоит.

– Бунапарте стоит! ишь врет, дура! Чего не знает! Теперь пруссак бунтует. Австрияк его, значит, умирят. Как он замирится, тогда и с Бунапартом война откроется. А то, говорит, в Брунове Бунапарте стоит! То-то и видно, что дурак. Ты слушай больше.

– Вишь черти квартирьеры! Пятая рота, гляди, уже в деревню заворачивает, они кашу сварят, а мы еще до места не дойдем.

– Дай сухарика-то, чорт.

– А табаку-то вчера дал? То-то, брат. Ну, на, Бог с тобой.

– Хоть бы привал сделали, а то еще верст пять пропррем не евши.

– То-то любо было, как немцы нам коляски подавали. Едешь, знай: важно!

– А здесь, братец, народ вовсе оголтелый пошел. Там всё как будто поляк был, всё русской короны; а нынче, брат, сплошной немец пошел.

– Песенники вперед! – послышался крик капитана.

И перед роту с разных рядов выбежало человек двадцать. Барабанщик-запевало обернулся лицом к песенникам, и, махнув рукой, затянул протяжную солдатскую песню, начинавшуюся: «Не заря ли, солнышко занималось...» и кончавшуюся словами: «То-то, братцы, будет слава нам с Каменским отцом...» Песня эта была сложена в Турции и пелась теперь в Австрии, только с тем изменением, что на место «Каменским отцом» вставляли слова: «Кутузовым отцом».

Оторвав по-солдатски эти последние слова и махнув руками, как будто он бросал что-то на землю, барабанщик, сухой и красивый солдат лет сорока, строго оглянул солдат-песенников и зажмурился. Потом, убедившись, что все глаза устремлены на него, он как будто осторожно приподнял обеими руками какую-то невидимую, драгоценную вещь над головой, подержал ее так несколько секунд и вдруг отчаянно бросил ее:

Ах, вы сени мои, сени!

«Сени новые мои...», подхватили двадцать голосов, и ложечник, несмотря на тяжесть амуниции, резво выскочил вперед и пошел задом перед ротой, пошевеливая плечами и угрожая кому-то ложками. Солдаты, в такт песни размахивая руками, шли просторным шагом, невольно попадая в ногу. Сзади роты слышались звуки колес, похрускивание рессор и топот лошадей. Кутузов со свитой возвращался в город. Главнокомандующий дал знак, чтобы люди продолжали идти вольно, и на его лице и на всех лицах его свиты выразилось удовольствие при

звуках песни, при виде пляшущего солдата и весело и бойко идущих солдат роты. Во втором ряду, с правого фланга, с которого коляска обгоняла роты, невольно бросался в глаза голубоглазый солдат, Долохов, который особенно бойко и грациозно шел в такт песни и глядел на лица проезжающих с таким выражением, как будто он жалел всех, кто не шел в это время с ротой. Гусарский корнет из свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, отстал от коляски и подъехал к Долохову.

Гусарский корнет Жерков одно время в Петербурге принадлежал к тому буйному обществу, которым руководил Долохов. За границей Жерков встретил Долохова солдатом, но не счел нужным узнать его. Теперь, после разговора Кутузова с разжалованным, он с радостью старого друга обратился к нему:

– Друг сердечный, ты как? – сказал он при звуках песни, ровняя шаг своей лошади с шагом роты.

– Я как? – отвечал холодно Долохов, – как видишь.

Бойкая песня придавала особенное значение тону развязной веселости, с которою говорил Жерков, и умышленной холодности ответов Долохова.

– Ну, как ладишь с начальством? – спросил Жерков.

– Ничего, хорошие люди. Ты как в штаб затесался?

– Прикомандирован, дежурю.

Они помолчали.

«Выпускала соколà да из правова рукава», говорила песня, невольно возбуждая бодрое, веселое чувство. Разговор их, вероятно, был бы другой, ежели бы они говорили не при звуках песни.

– Чтò правда, австрийцев побили? – спросил Долохов.

– А чорт их знает, говорят.

– Я рад, – отвечал Долохов коротко и ясно, как того требовала песня.

– Чтò ж, приходи к нам когда вечером, фараон заложишь, – сказал Жерков.

– Или у вас денег много завелось?

– Приходи.

– Нельзя. Зарок дал. Не пью и не играю, пока не произведут.

– Да чтò ж, до первого дела...

– Там видно будет.

Опять они помолчали.

– Ты заходи, коли чтò нужно, все в штабе помогут... – сказал Жерков.

Долохов усмехнулся.

– Ты лучше не беспокойся. Мне чтò нужно, я просить не стану, сам возьму.

– Да чтò ж, я так...

– Ну, и я так.

– Прощай.

– Будь здоров...

... И высоко, и далеко,
На родиму сторону...

Жерков тронул шпорами лошадь, которая раза три, горячась, перебила ногами, не зная, с какой начать, справилась и поскакала, обгоняя роту и догоняя коляску, тоже в такт песни.

III.

Возвратившись со смотра, Кутузов, сопровождаемый австрийским генералом, прошел в свой кабинет и, кликнув адъютанта, приказал подать себе некоторые бумаги, относившиеся до состояния пришедших войск, и письма, полученные от эрцгерцога Фердинанда, начальствовавшего передовою армией. Князь Андрей Болконский с требуемыми бумагами вошел в кабинет главнокомандующего. Перед разложенным на столе планом сидели Кутузов и австрийский член гофкригсрата.

– А!... – сказал Кутузов, оглядываясь на Болконского, как будто этим словом приглашая адъютанта подождать, и продолжал по-французски начатый разговор.

– Я только говорю одно, генерал, – говорил Кутузов с приятным изяществом выражений и интонации, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо-сказанное слово. Видно было, что Кутузов и сам с удовольствием слушал себя. – Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы к эрцгерцогу. И верьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство армией более меня сведущему и искусному генералу, какими так обильна Австрия, и сложить с себя всю эту тяжкую ответственность, для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бывают сильнее нас, генерал.

И Кутузов улыбнулся с таким выражением, как будто он говорил: «Вы имеете полное право не верить мне, и даже мне совершенно всё равно, верите ли вы мне или нет, но вы не имеете повода сказать мне это. И в этом-то всё дело».

Австрийский генерал имел недовольный вид, но не мог не в том же тоне отвечать Кутузову.

– Напротив, – сказал он ворчливым и сердитым тоном, так противоречившим лестному значению произносимых слов, – напротив, участие вашего превосходительства в общем деле высоко ценится его величеством; но мы полагаем, что настоящее замедление лишает славные русские войска и их главнокомандующих тех лавров, которые они привыкли пожинать в битвах, – закончил он видимо-приготовленную фразу.

Кутузов поклонился, не изменяя улыбки.

– А я так убежден и, основываясь на последнем письме, которым почтил меня его высокочество эрцгерцог Фердинанд, предполагаю, что австрийские войска, под начальством столь искусного помощника, каков генерал Мак, теперь уже одержали решительную победу и не нуждаются более в нашей помощи, – сказал Кутузов.

Генерал нахмурился. Хотя и не было положительных известий о поражении австрийцев, но было слишком много обстоятельств, подтверждавших общие невыгодные слухи; и потому предположение Кутузова о победе австрийцев было весьма похоже на насмешку. Но Кутузов кротко улыбался, всё с тем же выражением, которое говорило, что он имеет право предполагать это. Действительно, последнее письмо, полученное им из армии Мака, извещало его о победе и о самом выгодном стратегическом положении армии.

– Дай-ка сюда это письмо, – сказал Кутузов, обращаясь к князю Андрею. – Вот изво-лите видеть, – и Кутузов, с насмешливою улыбкой на концах губ, прочел по-немецки австрийскому генералу следующее место из письма эрцгерцога Фердинанда: «Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an 70 000 Mann, um den Feind, wenn er den Lech passirte, angreifen und schlagen zu können. Wir können, da wir Meister von Ulm sind, den Vortheil, auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben, nicht verlieren; mithin auch jeden Augenblick, wenn der Feind den Lech nicht passirte, die Donau übersetzen, uns auf seine Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassiren und dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Allirte mit ganzer Macht wenden wollte, seine Absicht alsbald vereiteln. Wir werden auf solche Weise den Zeitpunkt,

wo die Kaiserlich-Russische Armée ausgerüstet sein wird, muthig entgegenharren, und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden, dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient».²⁵¹

Кутузов тяжело вздохнул, окончив этот период, и внимательно и ласково посмотрел на члена гофкригсрата.

– Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, предписывающее предполагать худшее, – сказал австрийский генерал, видимо желая покончить с шутками и приступить к делу.

Он недовольно оглянулся на адъютанта.

– Извините, генерал, – перебил его Кутузов и тоже повернулся к князю Андрею. – Вот что, мой любезный, возьми ты все донесения от наших лазутчиков у Козловского. Вот два письма от графа Ностица, вот письмо от его высочества эрцгерцога Фердинанда, вот еще, – сказал он, подавая ему несколько бумаг. – И из всего этого чистенько, на французском языке, составь memorandum,²⁵² записочку, для видимости всех тех известий, которые мы о действиях австрийской армии имели. Ну, так-то, и представь его превосходительству.

Князь Андрей наклонил голову в знак того, что понял с первых слов не только то, что было сказано, но и то, что желал бы сказать ему Кутузов. Он собрал бумаги, и, отдав общий поклон, тихо шагая по ковру, вышел в приемную.

Несмотря на то, что еще не много времени прошло с тех пор, как князь Андрей оставил Россию, он много изменился за это время. В выражении его лица, в движениях, в походке почти не было заметно прежнего притворства, усталости и лени; он имел вид человека, не имеющего времени думать о впечатлении, какое он производит на других, и занятого делом приятным и интересным. Лицо его выражало больше довольства собой и окружающими; улыбка и взгляд его были веселее и привлекательнее.

Кутузов, которого он догнал еще в Польше, принял его очень ласково, обещал ему не забывать его, отличал от других адъютантов, брал с собою в Вену и давал более серьезные поручения. Из Вены Кутузов писал своему старому товарищу, отцу князя Андрея:

«Ваш сын, – писал он, – надежду подает быть офицером, из ряду выходящим по своим занятиям, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливым, имея под рукой такого подчиненного».

В штабе Кутузова, между товарищами-сослуживцами и вообще в армии князь Андрей, так же как и в петербургском обществе, имел две совершенно-противоположные репутации. Одни, меньшая часть, признавали князя Андрея чем-то особенным от себя и от всех других людей, ожидали от него больших успехов, слушали его, восхищались им и подражали ему; и с этими людьми князь Андрей был прост и приятен. Другие, большинство, не любили князя Андрея, считали его надутым, холодным и неприятным человеком. Но с этими людьми князь Андрей умел поставить себя так, что его уважали и даже боялись.

Выйдя в приемную из кабинета Кутузова, князь Андрей с бумагами подошел к товарищу, дежурному адъютанту Козловскому, который с книгой сидел у окна.

– Ну, что, князь? – спросил Козловский.

– Приказано составить записку, почему нейдём вперед.

– А почему?

Князь Андрей пожал плечами.

²⁵¹ Мы имеем вполне сосредоточенные силы, около 70 000 человек, так что мы можем атаковать и разбить неприятеля в случае переправы его через Лех. Так как мы уже владеем Ульмом, то мы можем удерживать за собою выгоду командования обоими берегами Дуная, стало быть, ежеминутно, в случае если неприятель не перейдет через Лех, переправиться через Дунай, броситься на его коммуникационную линию, ниже перейти обратно Дунай и неприятелю, если он вздумает обратить всю свою силу на наших верных союзников, не дать исполнить его намерение. Таким образом мы будем бодро ожидать времени, когда императорская российская армия совсем изготовится, и затем вместе легко найдем возможность уготовить неприятелю участь, коей он заслуживает».

²⁵² промеморийку,

– Нет известия от Мака? – спросил Козловский.

– Нет.

– Ежели бы правда, что он разбит, так пришло бы известие.

– Вероятно, – сказал князь Андрей и направился к выходной двери; но в то же время навстречу ему, хлопнув дверью, быстро вошел в приемную высокий, очевидно приезжий, австрийский генерал в сюртуке, с повязанною черным платком головою и с орденом Марии-Терезии на шее. Князь Андрей остановился.

– Генерал-аншеф Кутузов? – быстро проговорил приезжий генерал с резким немецким выговором, оглядываясь на обе стороны и без остановки проходя к двери кабинета.

– Генерал-аншеф занят, – сказал Козловский, торопливо подходя к неизвестному генералу и загораживая ему дорогу от двери. – Как прикажете доложить?

Неизвестный генерал презрительно оглянулся сверху вниз на невысокого ростом Козловского, как будто удивляясь, что его могут не знать.

– Генерал-аншеф занят, – спокойно повторил Козловский.

Лицо генерала нахмурилось, губы его дернулись и задрожали. Он вынул записную книжку, быстро начертил что-то карандашом, вырвал листок, отдал, быстрыми шагами подошел к окну, бросил свое тело на стул и оглянул бывших в комнате, как будто спрашивая: зачем они на него смотрят? Потом генерал поднял голову, вытянул шею, как будто намереваясь что-то сказать, но тотчас же, как будто небрежно начиная напевать про себя, произвел странный звук, который тотчас же пресекся. Дверь кабинета отворилась, и на пороге ее показался Кутузов. Генерал с повязанною головою, как будто убегая от опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худых ног подошел к Кутузову.

– Vous voyez le malheureux Mack,²⁵³ – проговорил он сорвавшимся голосом.

Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом как волна, пробежала по его лицу морщина, лоб разгладился; он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Мака и сам за собой затворил дверь.

Слух, уже распространенный прежде, о разбитии австрийцев и о сдаче всей армии под Ульмом, оказывался справедливым. Через полчаса уже по разным направлениям были разосланы адъютанты с приказаниями, доказывавшими, что скоро и русские войска, до сих пор бывшие в бездействии, должны будут встретиться с неприятелем.

Князь Андрей был один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела. Увидав Мака и услышав подробности его гибели, он понял, что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе то, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней. Невольно он испытывал волнующее радостное чувство при мысли о посрамлении самонадеянной Австрии и о том, что через неделю, может быть, придется ему увидеть и принять участие в столкновении русских с французами, впервые после Суворова. Но он боялся гения Бонапарта, который мог оказаться сильнее всей храбрости русских войск, и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя.

Взволнованный и раздраженный этими мыслями, князь Андрей пошел в свою комнату, чтобы написать отцу, которому он писал каждый день. Он сошелся в коридоре с своим сожителем Несвицким и шутником Жерковым; они, как всегда, чему-то смеялись.

– Что ты так мрачен? – спросил Несвицкий, заметив бледное с блестящими глазами лицо князя Андрея.

– Веселиться нечему, – отвечал Болконский.

²⁵³ Вы видите несчастного Мака,

В то время как князь Андрей сошелся с Несвицким и Жерковым, с другой стороны коридора навстречу им шли Штраух, австрийский генерал, состоявший при штабе Кутузова для наблюдения за продовольствием русской армии, и член гофкригсрата, приехавшие накануне. По широкому коридору было достаточно места, чтобы генералы могли свободно разойтись с тремя офицерами; но Жерков, отталкивая рукой Несвицкого, запыхавшимся голосом проговорил:

– Идут!... идут!... посторонитесь, дорогу! пожалуйста дорогу!

Генералы проходили с видом желания избавиться от утруждающих почестей. На лице шутника Жеркова выразилась вдруг глупая улыбка радости, которой он как будто не мог удержать.

– Ваше превосходительство, – сказал он по-немецки, выдвигаясь вперед и обращаясь к австрийскому генералу. – Имею честь поздравить.

Он наклонил голову и неловко, как дети, которые учатся танцевать, стал расшаркиваться то одною, то другою ногою.

Генерал, член гофкригсрата, строго оглянулся на него; но, заметив серьезность глупой улыбки, не мог отказать в минутном внимании. Он прищурился, показывая, что слушает.

– Имею честь поздравить, генерал Мак приехал, совсем здоров, только немного тут зашибся, – прибавил он, сияя улыбкой и указывая на свою голову.

Генерал нахмурился, отвернулся и пошел дальше.

– Gott, wie naiv!²⁵⁴ – сказал он сердито, отойдя несколько шагов.

Несвицкий с хохотом обнял князя Андрея, но Болконский, еще более побледнев, с злобным выражением в лице, оттолкнул его и обратился к Жеркову. То нервное раздражение, в которое его привели вид Мака, известие об его поражении и мысли о том, что ожидает русскую армию, нашли себе исход в озлоблении на неуместную шутку Жеркова.

– Если вы, милостивый государь, – заговорил он пронижительно с легким дрожанием нижней челюсти, – хотите быть *шутком*, то я вам в этом не могу воспрепятствовать; но объявляю вам, что если вы *осмелитесь* другой раз скоморошничать в моем присутствии, то я вас научу, как вести себя.

Несвицкий и Жерков так были удивлены этою выходкой, что молча, раскрыв глаза, смотрели на Болконского.

– Что ж, я поздравил только, – сказал Жерков.

– Я не шучу с вами, извольте молчать! – крикнул Болконский и, взяв за руку Несвицкого, пошел прочь от Жеркова, не нашедшегося, что ответить.

– Ну, что ты, братец, – успокоивая сказал Несвицкий.

– Как что? – заговорил князь Андрей, останавливаясь от волнения. – Да ты пойми, что мы, или офицеры, которые служим своему царю и отечеству и радуемся общему успеху и печалимся об общей неудаче, или мы лакеи, которым дела нет до господского дела. Quarante milles hommes massacrés et l'armée de nos alliés détruite, et vous trouvez là le mot pour rire, – сказал, он, как будто этою французскою фразой закрепляя свое мнение. – C'est bien pour un garçon de rien, comme cet individu, dont vous avez fait un ami, mais pas pour vous, pas pour vous.²⁵⁵ Мальчишкам только можно так забавляться, – прибавил князь Андрей по-русски, выговаривая это слово с французским акцентом, заметив, что Жерков мог еще слышать его.

Он подождал, не ответит ли что корнет. Но корнет повернулся и вышел из коридора.

²⁵⁴ Боже, как наивен!

²⁵⁵ Сорок тысяч человек погибло, и союзная нам армия уничтожена, а вы можете при этом шутить. Это простительно ничтожному мальчишке, как вот этот господин, которого вы сделали себе другом, но не вам, не вам.

IV.

Гусарский Павлоградский полк стоял в двух милях от Браунау. Эскадрон, в котором юнкером служил Николай Ростов, расположен был в немецкой деревне Зальценек. Эскадронному командиру, ротмистру Денисову, известному всей кавалерийской дивизии под именем Васки Денисова, была отведена лучшая квартира в деревне. Юнкер Ростов с тех самых пор, как он догнал полк в Польше, жил вместе с эскадронным командиром.

11 октября, в тот самый день, когда в главной квартире всё было поднято на ноги известием о поражении Мака, в штабе эскадрона походная жизнь спокойно шла по-старому. Денисов, проигравший всю ночь в карты, еще не приходил домой, когда Ростов, рано утром, верхом, вернулся с фуражировки. Ростов в юнкерском мундире подъехал к крыльцу, толкнув лошадь, гибким, молодым жестом скинул ногу, постоял на стремях, как будто не желая расстаться с лошастью, наконец, спрыгнул и крикнул вестового.

– А, Бондаренко, друг сердечный, – проговорил он бросившемуся стремглав к его лошади, гусару. – Выводи, дружок, – сказал он с тою братскою, веселою нежностью, с которою обращаются со всеми хорошие молодые люди, когда они счастливы.

– Слушаю, ваше сиятельство, – отвечал хохол, встряхивая весело головой.

– Смотри же, выводи хорошенько!

Другой гусар бросился тоже к лошади, но Бондаренко уже перекинул поводья трензеля. Видно было, что юнкер давал хорошо на водку, и что услужить ему было выгодно. Ростов погладил лошадь по шее, потом по крупу и остановился на крыльце.

«Славно! Такая будет лошадь!» сказал он сам себе, и, улыбаясь и придерживая саблю, взбежал на крыльцо, погромыхая шпорами. Хозяин-немец, в фуфайке и колпаке, с вилами, которыми он вычищал навоз, выглянул из коровника. Лицо немца вдруг просветлело, как только он увидел Ростова. Он весело улыбнулся и подмигнул: «Schön, gut Morgen! Schön, gut Morgen!»²⁵⁶ повторял он, видимо, находя удовольствие в приветствии молодого человека.

– Schon fleissig!²⁵⁷ – сказал Ростов всё с тою же радостною, братскою улыбкой, какая не сходила с его оживленного лица. – Hoch Oestreicher! Hoch Russen! Kaiser Alexander hoch!²⁵⁸ – обратился он к немцу, повторяя слова, говоренные часто немцем-хозяином.

Немец засмеялся, вышел совсем из двери коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал:

– Und die ganze Welt hoch!²⁵⁹

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: «Und Vivat die ganze Welt»!²⁶⁰ Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и улыбаясь разошлись – немец в коровник, а Ростов в избу, которую занимал с Денисовым.

– Что барин? – спросил он у Лаврушки, известного всему полку плута-лакея Денисова.

– С вечера не бывали. Верно, проигрались, – отвечал Лаврушка. – Уж я знаю, коли выигрывают, рано придут хвастаться, а коли до утра нет, значит, продулись, – сердитые придут. Кофею прикажете?

²⁵⁶ Доброго утра, доброго утра!

²⁵⁷ Уж за работой!

²⁵⁸ Да здравствуют Австрийцы! Да здравствуют Русские! Ура император Александр!

²⁵⁹ – И да здравствует весь свет!

²⁶⁰ – И да здравствует весь свет!

– Давай, давай.

Через десять минут Лаврушка принес кофейю.

– Идут! – сказал он, – теперь беда.

Ростов заглянул в окно и увидел возвращающегося домой Денисова. Денисов был маленький человечек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмоченными усами и волосами. На нем был расстегнутый ментик, спущенные в складках широкие чикчиры, и на затылке была надета смятая гусарская шапочка. Он мрачно, опустив голову, приближался к крыльцу.

– Лаврушка, – закричал он картавя на р, громко и сердито. – Ну, снимай, болван!

– Да я и так снимаю, – отвечал голос Лаврушки.

– А! ты уж встал, – сказал Денисов, входя в комнату.

– Давно, – сказал Ростов, – я уже за сеном сходил и фрейлен Матильду видел.

– Вот как! А я продулся, брат, вчера, как сукин сын! – закричал Денисов. – Такого несчастья! такого несчастья!... Как ты уехал, так и пошло. Эй, чаю!

Денисов, сморщившись, как бы улыбаясь и выказывая свои короткие крепкие зубы, начал обеими руками с короткими пальцами лохматить, как лес, взбитые черные, густые волосы.

– Чорт меня дернул пойти к этой крысе (прозвище офицера), – растирая себе обеими руками лоб и лицо, говорил он. – Можешь себе представить, ни одной карты, ни одной, ни одной карты не дал.

Денисов взял подаваемую ему закуренную трубку, сжал в кулак, и, рассыпая огонь, ударил ею по полу, продолжая кричать.

– Семпель даст, пароль бьет; семпель даст, пароль бьет.

Он рассыпал огонь, разбил трубку и бросил ее. Потом помолчал и вдруг своими блестящими черными глазами весело взглянул на Ростова.

– Хоть бы женщины были. А то тут, кроме как пить, делать нечего. Хоть бы драться скорей...

– Эй, кто там? – обратился он к двери, заслышав остановившиеся шаги толстых сапог с бряцанием шпор и почтительное покашливание.

– Вахмистр! – сказал Лаврушка.

Денисов сморщился еще больше.

– Скверно, – проговорил он, бросая кошелек с несколькими золотыми. – Ростов, сочти, голубчик, сколько там осталось, да сунь кошелек под подушку, – сказал он и вышел к вахмистру.

Ростов взял деньги и, машинально, откладывая и ровняя кучками старые и новые золотые, стал считать их.

– А! Телянин! Здорово! Вздуй меня вчера, – послышался голос Денисова из другой комнаты.

– У кого? У Быкова, у крысы?... Я знал, – сказал другой тоненький голос, и вслед за тем в комнату вошел поручик Телянин, маленький офицер того же эскадрона.

Ростов кинул под подушку кошелек и пожал протянутую ему маленькую влажную руку. Телянин был перед походом за что-то переведен из гвардии. Он держал себя очень хорошо в полку; но его не любили, и в особенности Ростов не мог ни преодолеть, ни скрывать своего беспричинного отвращения к этому офицеру.

– Ну, что, молодой кавалерист, как вам мой Грачик служит? – спросил он. (Грачик была верховая лошадь, подъездок, проданная Теляниным Ростову.)

Поручик никогда не смотрел в глаза человеку, с кем говорил; глаза его постоянно перебегали с одного предмета на другой.

– Я видел, вы нынче проехали...

– Да ничего, конь добрый, – отвечал Ростов, несмотря на то, что лошадь эта, купленная им за 700 рублей, не стоила и половины этой цены. – Припадать стала на левую переднюю... – прибавил он.

– Треснуло копыто! Это ничего. Я вас научу, покажу, заклепку какую положить.

— сказал Меньшиков вставая и на бегу
высказываясь.

— бутылка с водкой и мешок с табаком.
Делать сидеть перед столом и про
читать письмо по бумаге.

— Ей пишу, сказал он. — Вот письмо
вот письмо, вот 'воня' — вот обещание
я на столе с пером в руке, и вот
Бравова и сурово. Востро сказано с
тобой, что он хотел написать, востро
я слышал Ростову. — Ты видишь ли, пишу
сказал он. — Мне спать, пока не усну. Мне
теперь... а помню — вот то, что
и есть, как в твоих делах созданы....
но еще кто? Вот с тобой кто? Меньшиков
пришел он к Лаврушке, который не
сидит не робко, подошел к нему.

Да, кому же быть? сам же Меньшиков.
Видно, что за дело, что право.
Меньшиков, который кто-то в Кремле
и Заседал. Востро сказано, что
он про себя. Востро, востро, востро
тоже. При Меньшиков — вот востро, востро
востро. — Какое дело, какое дело, какое
дело? востро, востро, востро.
— Вот письмо, и тебе Меньшиков.
— Вот письмо, и тебе Меньшиков.

— 34 —

— Не ~~показывайте~~ ^{покажите} ~~пожалуйста~~ ^{пожалуйста} какъ это заклепку-то... сказалъ Ростовъ.

— Покажу, покажу, это не секретъ. А за лошадь благодарить будете.

Такъ и вѣду привести лошадь. ~~И Ростовъ вышелъ чтобы привести лошадь.~~ ^{И Ростовъ вышелъ чтобы привести лошадь.}

Въ сѣняхъ, Денисовъ, ~~сидѣлъ~~ ^{сидѣлъ} съ трубкой, скорчившись на порогъ, сидѣлъ передъ вахмистромъ, который что-то докладывалъ.

Увидевъ Ростова, Денисовъ сморщился, и указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ въ комнату, въ которую пришелъ Телянинъ, поморщился и съ озабоченіемъ тарахнулъ...

— Охъ, не люблю молодца, сказалъ онъ, не стѣсняясь присутствіемъ вахмистра.

Ростовъ пожалъ плечами какъ будто говоря: „И я тоже, да что жь дѣлать“, и распорядившись, вернулся къ Телянину.

Телянинъ сидѣлъ все въ той же дѣливой позѣ, въ которой его оставилъ Ростовъ, потирая маленькія блѣды руки.

~~И Ростовъ, подойдя къ нему, потрогивая его руку, сказалъ:~~ ^{И Ростовъ, подойдя къ нему, потрогивая его руку, сказалъ:}

Телянинъ всталъ и небрежно оглядываясь вокругъ себя. Что же, велѣли привести лошадь? приближалъ онъ.

— Велѣли.

— Да пойдете сами.

— ~~Нѣтъ, я вѣдь зашелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получили, Денисовъ?~~ ^{Нѣтъ, я вѣдь зашелъ только спросить Денисова о вчерашнемъ приказѣ. Получили, Денисовъ?}

— Нѣтъ еще. А вы куда?

— Вотъ, хочу молодого человѣка научить какъ ковать лошадь, сказалъ Телянинъ.

Они вышли на крыльцо и въ конюшню. Поручикъ показалъ какъ дѣлать заклепку и ушелъ къ себѣ.

Когда Ростовъ вернулся на столъ стояла ~~вазочка~~ ^{вазочка} и ~~вазочка~~ ^{вазочка} ~~Денисовъ, сидѣлъ, обстругивая ногти ногъ, и всталъ, и пошелъ въ комнату.~~ ^{Денисовъ, сидѣлъ, обстругивая ногти ногъ, и всталъ, и пошелъ въ комнату.} Онъ мрачно посмотрѣлъ на лицо Ростову.

— Г'авно я кого не люблю, сказалъ Денисовъ, — а здрѣть мнѣ Телянина п'отивень какъ молоко съ сахагомъ. Надулъ онъ тебя Г'ачуикомъ своимъ, это вѣрно. Пойдемъ въ конюшню.

Возьми Ведуна, все г'авно, сейчасъ изъ помы въ поду, и двѣ бутылки шампанскаго.

Ростовъ опять разгорѣлся какъ дѣвушка.

Страница из «Русского вестника» 1866 г. № 2, исправленная для первого полного издания романа (рука автора и С. А. Толстой).

Размер подлинника.

– Да, покажите пожалуйста, – сказал Ростов.

– Покажу, покажу, это не секрет. А за лошадь благодарить будете.

– Так я велю привести лошадь, – сказал Ростов, желая избавиться от Телянина, и вышел, чтобы велеть привести лошадь.

В сенях Денисов, с трубкой; скорчившись на пороге, сидел перед вахмистром, который что-то докладывал. Увидав Ростова, Денисов сморщился и, указывая через плечо большим пальцем в комнату, в которой сидел Телянин, поморщился и с отвращением тряхнулся.

– Ох, не люблю молодца, – сказал он, не стесняясь присутствием вахмистра.

Ростов пожал плечами, как будто говоря: «И я тоже, да что ж делать!» и, распорядившись, вернулся к Телянину.

Телянин сидел всё в той же ленивой позе, в которой его оставил Ростов, потирая маленькие белые руки.

«Бывают же такие противные лица», подумал Ростов, входя в комнату.

– Что же, велели привести лошадь? – сказал Телянин, вставая и небрежно оглядываясь.

– Велел.

– Да пойдемте сами. Я ведь зашел только спросить Денисова о вчерашнем приказе. Получили, Денисов?

– Нет еще. А вы куда?

– Вот хочу молодого человека научить, как ковать лошадь, – сказал Телянин.

Они вышли на крыльцо и в конюшню. Поручик показал, как делать заклепку, и ушел к себе.

Когда Ростов вернулся, на столе стояла бутылка с водкой и лежала колбаса. Денисов сидел перед столом и трещал пером по бумаге. Он мрачно посмотрел в лицо Ростову.

– Ей пишу, – сказал он.

Он облокотился на стол с пером в руке, и, очевидно обрадованный случаю быстрее сказать словом всё, что он хотел написать, высказывал свое письмо Ростову.

– Ты видишь ли, друг, – сказал он. – Мы спим, пока не любим. Мы дети праха... а полюбим – и ты Бог, ты чист, как в первый день создания... Это еще кто? Гони его к чорту. Некогда! – крикнул он на Лаврушку, который, нисколько не робея, подошел к нему.

– Да кому ж быть? Сами велели. Вахмистр за деньгами пришел.

Денисов сморщился, хотел что-то крикнуть и замолчал.

– Скверно дело, – проговорил он про себя. – Сколько там денег в кошельке осталось? – спросил он у Ростова.

– Семь новых и три старых.

– Ах, скверно! Ну, что стоишь, чучело, пошли вахмистра! – крикнул Денисов на Лаврушку.

– Пожалуйста, Денисов, возьми у меня денег, ведь у меня есть, – сказал Ростов краснея.

– Не люблю у своих занимать, не люблю, – проворчал Денисов.

– А ежели ты у меня не возьмешь денег по-товарищески, ты меня обидишь. Право, у меня есть, – повторял Ростов.

– Да нет же.

И Денисов подошел к кровати, чтобы достать из-под подушки кошелек.

– Ты куда положил, Ростов?

– Под нижнюю подушку.

– Да нету.

Денисов скинул обе подушки на пол. Кошелек не было.

– Вот чудо-то!

– Постой, ты не уронил ли? – сказал Ростов, по одной поднимая подушки и вытрясая их. Он скинул и отряхнул одеяло. Кошелек не было.

– Уж не забыл ли я? Нет, я еще подумал, что ты точно клад под голову кладешь, – сказал Ростов. – Я тут положил кошелек. Где он? – обратился он к Лаврушке.

– Я не входил. Где положили, там и должен быть.

– Да нет.

– Вы всё так, бросите куда, да и забудете. В карманах-то посмотрите.

– Нет, коли бы я не подумал про клад, – сказал Ростов, – а то я помню, что положил.

Лаврушка перерыл всю постель, заглянул под нее, под стол, перерыл всю комнату и остановился посреди комнаты. Денисов молча следил за движениями Лаврушки и, когда Лаврушка удивленно развел руками, говоря, что нигде нет, он оглянулся на Ростова.

– Ростов, ты не школьнич...

Ростов почувствовав на себе взгляд Денисова, поднял глаза и в то же мгновение опустил их. Вея кровь его, бывшая запертою где-то ниже горда, хлынула ему в лицо и глаза. Он не мог перевести дыхание.

– И в комнате то никого не было, окромя поручика да вас самих. Тут где-нибудь, – сказал Лаврушка.

– Ну, ты, чортова кукла, поворачивайся, ищи, – вдруг закричал Денисов, побагровев и с угрожающим жестом бросаясь на лакея. – Чтоб был кошелек, а то запорю. Всех запорю!

Ростов, обходя взглядом Денисова, стал застегивать куртку, подстегнул саблю и надел фуражку.

– Я тебе говорю, чтоб был кошелек, – кричал Денисов, тряся за плечи денщика и толкая его об стену.

– Денисов, оставь его; я знаю кто взял, – сказал Ростов, подходя к двери и не поднимая глаз.

Денисов остановился, подумал и, видимо поняв то, на что намекал Ростов, схватил его за руку.

– Вздор! – закричал он так, что жилы, как веревки, надулись у него на шее и лбу. – Я тебе говорю, ты с ума сошел, я этого не позволю. Кошелек здесь; спущу шкуру с этого мерзавца, и будет здесь.

– Я знаю, кто взял, – повторил Ростов дрожащим голосом и пошел к двери.

– А я тебе говорю, не смей этого делать, – закричал Денисов, бросаясь к юнкеру, чтоб удержать его.

Но Ростов вырвал свою руку и с такою злобою, как будто Денисов был величайший враг его, прямо и твердо устремил на него глаза.

– Ты понимаешь ли, что говоришь? – сказал он дрожащим голосом, – кроме меня никого не было в комнате. Стало быть, ежели не то, так...

Он не мог договорить и выбежал из комнаты.

– Ах, чорт с тобою и со всеми, – были последние слова, которые слышал Ростов.

Ростов пришел на квартиру Телянина.

– Барина дома нет, в штаб уехали, – сказал ему денщик Телянина. – Или что случилось? – прибавил денщик, удивляясь на расстроенное лицо юнкера.

– Нет, ничего.

– Немного не застали, – сказал денщик.

Штаб находился в трех верстах от Зальценека. Ростов, не заходя домой, взял лошадь и поехал в штаб. В деревне, занимаемой штабом, был трактир, посещаемый офицерами. Ростов приехал в трактир; у крыльца он увидал лошадь Телянина.

Во второй комнате трактира сидел поручик за блюдом сосисок и бутылкою вина.

– А, и вы заехали, юноша, – сказал он, улыбаясь и высоко поднимая брови.

– Да, – сказал Ростов, как будто выговорить это слово стоило большого труда, и сел за соседний стол.

Оба молчали; в комнате сидели два немца и один русский офицер. Все молчали, и слышались звуки ножей о тарелки и чавканье поручика. Когда Телянин кончил завтрак, он вынул из кармана двойной кошелек, изогнутыми кверху маленькими белыми пальцами раздвинул кольца, достал золотой и, приподняв брови, отдал деньги слуге.

– Пожалуйста, поскорее, – сказал он.

Золотой был новый. Ростов встал и подошел к Телянину.

– Позвольте посмотреть мне кошелек, – сказал он тихим, чуть слышным голосом.

С бегающими глазами, но всё поднятыми бровями Телянин подал кошелек.

– Да, хорошенький кошелек... Да... да... – сказал он и вдруг побледнел. – Посмотрите, юноша, – прибавил он.

Ростов взял в руки кошелек и посмотрел и на него, и на деньги, которые были в нем, и на Телянина. Поручик оглядывался кругом, по своей привычке и, казалось, вдруг стал очень весел.

– Коли будем в Вене, всё там оставлю, а теперь и девать некуда в этих дрянных городишках, – сказал он. – Ну, давайте, юноша, я пойду.

Ростов молчал.

– А вы что ж? тоже позавтракать? Порядочно кормят, – продолжал Телянин. – Давайте же.

Он протянул руку и взялся за кошелек. Ростов выпустил его. Телянин взял кошелек и стал опускать его в карман рейтуз, и, брови его небрежно поднялись, а рот слегка раскрылся, как будто он говорил: «да, да, кладу в карман свой кошелек, и это очень просто, и никому до этого дела нет».

– Ну, что, юноша? – сказал он, вздохнув и из-под приподнятых бровей взглянув в глаза Ростова. Какой-то свет глаз с быстротою электрической искры перебежал из глаз Телянина в глаза Ростова и обратно, обратно и обратно, всё в одно мгновение.

– Подите сюда, – проговорил Ростов, хватая Телянина за руку. Он почти притащил его к окну. – Это деньги Денисова, вы их взяли... – прошептал он ему над ухом.

– Что?... Что?... Как вы смее? Что?... – проговорил Телянин.

Но эти слова звучали жалобным, отчаянным криком и мольбой о прощении. Как только Ростов услышал этот звук голоса, с души его свалился огромный камень сомнения. Он почувствовал радость и в то же мгновение ему стало жалко несчастного, стоявшего перед ним человека; но надо было до конца довести начатое дело.

– Здесь люди Бог знает что могут подумать, – бормотал Телянин, схватывая фуражку и направляясь в небольшую пустую комнату, – надо объясниться...

– Я это знаю, и я это докажу, – сказал Ростов.

– Я...

Испуганное, бледное лицо Телянина начало дрожать всеми мускулами; глаза всё так же бежали, но где-то внизу, не поднимаясь до лица Ростова, и слышались всхлипывания.

– Граф!... не губите молодого человека... вот эти несчастные деньги, возьмите их... – Он бросил их на стол. – У меня отец; старик, мать!..

Ростов взял деньги, избегая взгляда Телянина, и, не говоря ни слова, пошел из комнаты. Но у двери он остановился и вернулся назад.

– Боже мой, – сказал он со слезами на глазах, – как вы могли это сделать?

– Граф, – сказал Телянин, приближаясь к юнкеру.

– Не трогайте меня, – проговорил Ростов, отстраняясь. —

– Ежели вам нужда, возьмите эти деньги. – Он швырнул ему кошелёк и выбежал из трактира.

V.

Вечером того же дня на квартире Денисова шел оживленный разговор офицеров эскадрона.

– А я говорю вам, Ростов, что вам надо извиниться перед полковым командиром, – говорил, обращаясь к пунцово-красному, взволнованному Ростову, высокий штаб-ротмистр, с седеющими волосами, огромными усами и крупными чертами морщинистого лица.

Штаб-ротмистр Кирстен был два раза разжалован в солдаты за дела чести и два раза выслуживался.

– Я никому не позволю себе говорить, что я лгу! – вскрикнул Ростов. – Он сказал мне, что я лгу, а я сказал ему, что он лжет. Так с тем и останется. На дежурство может меня назначать хоть каждый день и под арест сажать, а извиняться меня никто не заставит, потому что ежели он, как полковой командир, считает недостойным себя дать мне удовлетворение, так...

– Да вы постойте, батюшка; вы послушайте меня, – перебил штаб-ротмистр своим басистым голосом, спокойно разглаживая свои длинные усы. – Вы при других офицерах говорите полковому командиру, что офицер украл...

– Я не виноват, что разговор зашел при других офицерах. Может быть, не надо было говорить при них, да я не дипломат. Я затем в гусары пошел, думал, что здесь не нужно тонкостей, а он мне говорит, что я лгу... так пусть даст мне удовлетворение...

– Это всё хорошо, никто не думает, что вы трус, да не в том дело. Спросите у Денисова, похоже это на что-нибудь, чтобы юнкер требовал удовлетворения у полкового командира?

Денисов, закусив ус, с мрачным видом слушал разговор, видимо не желая вступать в него. На вопрос штаб-ротмистра он отрицательно покачал головой.

– Вы при офицерах говорите полковому командиру про эту пакость, – продолжал штаб-ротмистр. – Богданыч (Богданычем называли полкового командира) вас осадил.

– Не осадил, а сказал, что я неправду говорю.

– Ну да, и вы наговорили ему глупостей, и надо извиниться.

– Ни за что! – крикнул Ростов.

– Не думал я этого от вас, – серьезно и строго сказал штаб-ротмистр. – Вы не хотите извиниться, а вы батюшка, не только перед ним, а перед всем полком, перед всеми нами, вы кругом виноваты. А вот как: кабы вы подумали да посоветовались, как обойтись с этим делом, а то вы прямо, да при офицерах, и бухнули. Что теперь делать полковому командиру? Надо отдать под суд офицера и замарать весь полк? Из-за одного негодяя весь полк осрамить? Так, что ли, по-вашему? А по-нашему, не так. И Богданыч молодец, он вам сказал, что вы неправду говорите. Неприятно, да что делать, батюшка, сами наскочили. А теперь, как дело хотят замять, так вы из-за фанаберии какой-то не хотите извиниться, а хотите всё рассказать. Вам обидно, что вы подежурите, да что вам извиниться перед старым и честным офицером! Какой бы там ни был Богданыч, а всё честный и храбрый, старый полковник, так вам обидно; а замарать полк вам ничего? – Голос штаб-ротмистра начинал дрожать. – Вы, батюшка, в полку без году неделя; нынче здесь, завтра перешли куда в адъютантики; вам наплевать, что говорить будут: «между Павлоградскими офицерами воры!» А нам не всё равно. Так, что ли, Денисов? Не всё равно?

Денисов всё молчал и не шевелился, изредка взглядывая своими блестящими, черными глазами на Ростова.

– Вам своя фанаберия дорогá, извиниться не хочется, – продолжал штаб-ротмистр, – а нам, старикам, как мы выросли, да и умереть, Бог даст, приведется в полку, так нам честь

полка дорога, и Богданыч это знает. Ох, как дорога, батюшка! А это нехорошо, нехорошо! Там обижайтесь или нет, а я всегда правду-матку скажу. Нехорошо!

И штаб-ротмистр встал и отвернулся от Ростова.

– Правда, чорт возьми! – закричал, вскакивая, Денисов. – Ну, Ростов, ну!

Ростов, краснея и бледнея, смотрел то на одного, то на другого офицера.

– Нет, господа, нет... вы не думайте... я очень понимаю, вы напрасно обо мне думаете так... я.. для меня... я за честь полка... да что? это на деле я покажу, и для меня честь зна-
мени... ну, всё равно, правда, я виноват!.. – Слезы стояли у него в глазах. – Я виноват, кругом
виноват!... Ну, что вам еще?...

– Вот это так, граф, – поворачиваясь, крикнул штаб-ротмистр, ударяя его большою рукою
по плечу.

– Я тебе говорю, – закричал Денисов, – он малый славный.

– Так-то лучше, граф, – повторил штаб-ротмистр, как будто за его признание начиная
величать его титулом. – Подите и извинитесь, ваше сиятельство, да-с.

– Господа, всё сделаю, никто от меня слова не услышит, – умоляющим голосом прого-
ворил Ростов, – но извиниться не могу, ей-Богу, не могу, как хотите! Как я буду извиняться,
точно маленький, прощенья просить?

Денисов засмеялся.

– Вам же хуже. Богданыч злопамятен, поплатитесь за упрямство, – сказал Кирстен.

– Ей-Богу, не упрямство! Я не могу вам описать, какое чувство, не могу...

– Ну, ваша воля, – сказал штаб-ротмистр. – Что же, мерзавец-то этот куда делся? – спро-
сил он у Денисова.

– Сказался больным, завтра велено приказом исключить, – проговорил Денисов.

– Это болезнь, иначе нельзя объяснить, – сказал штаб-ротмистр.

– Уж там болезнь не болезнь, а не попадайся он мне на глаза – убью! – кровожадно про-
кричал Денисов.

В комнату вошел Жерков.

– Ты как? – обратились вдруг офицеры к вошедшему.

– Поход, господа. Мак в плен сдался и с армией, совсем.

– Врешь!

– Сам видел.

– Как? Мака живого видел? с руками, с ногами?

– Поход! Поход! Дать ему бутылку за такую новость. Ты как же сюда попал?

– Опять в полк выслали, за чорта, за Мака. Австрийский генерал пожаловался. Я его
поздравил с приездом Мака... Ты что, Ростов, точно из бани?

– Тут, брат, у нас, такая каша второй день.

Вошел полковой адъютант и подтвердил известие, привезенное Жерковым. На завтра
велено было выступать.

– Поход, господа!

– Ну, и слава Богу, засиделись.

VI.

Кутузов отступил к Вене, уничтожая за собой мосты на реках Инне (в Браунау) и Трауне
(в Линце). 23-го октября русские войска переходили реку Энс. Русские обозы, артиллерия и
колонны войск в середине дня тянулись через город Энс, по сю и по ту сторону моста.

День был теплый, осенний и дождливый. Пространная перспектива, раскрывавшаяся
с возвышения, где стояли русские батареи, защищавшие мост, то вдруг затягивалась кисей-
ным занавесом косого дождя, то вдруг расширялась, и при свете солнца далеко и ясно ста-

новились видны предметы, точно покрытые лаком. Виднелся городок под ногами с своими белыми домами и красными крышами, собором и мостом, по обеим сторонам которого, толпясь, лились массы русских войск. Виднелись на повороте Дуная суда, и остров, и замок с парком, окруженный водами впадения Энса в Дунай, виднелся левый скалистый и покрытый сосновым лесом берег Дуная с таинственною далью зеленых вершин и голубеющими ущельями. Виднелись башни монастыря, выдававшегося из-за соснового, казавшегося нетронутым, дикого леса, и далеко впереди на горе, по ту сторону Энса, виднелись разъезды неприятеля.

Между орудиями, на высоте, стояли впереди начальник арьергарда генерал с свитским офицером, рассматривая в трубу местность. Несколько позади сидел на хоботе орудия Несвицкий, посланный от главнокомандующего к арьергарду. Казак, сопутствовавший Несвицкому, подал сумочку и фляжку, и Несвицкий угощал офицеров пирожками и настоящим допелькюмелем. Офицеры радостно окружали его, кто на коленях, кто сидя по-турецки на мокрой траве.

– Да, не дурак был этот австрийский князь, что тут замок выстроил. Славное место. Что же вы не едите, господа? – говорил Несвицкий.

– Покорно благодарю, князь, – отвечал один из офицеров, с удовольствием разговаривая с таким важным штабным чиновником. – Прекрасное место. Мы мимо самого парка проходили, двух оленей видели, и дом какой чудесный!

– Посмотрите, князь, – сказал другой, которому очень хотелось взять еще пирожок, но совестно было, и который поэтому притворялся, что он оглядывает местность, – посмотрите-ка, уж забрались туда наши пехотные. Вон там, на лужку, за деревней, трое тащут что-то. Они проберут этот дворец, – сказал он с видимым одобрением.

И то, и то, – сказал Несвицкий. – Нет, а чего бы я желал, – прибавил он прожевывая пирожок в своем красивом влажном рте, – так это вот туда забраться.

Он указывал на монастырь с башнями, видневшийся на горе. Он улыбнулся, глаза его сузились и засветились.

– А ведь хорошо бы, господа!

Офицеры засмеялись.

– Хоть бы попугать этих монашенок. Итальянки, говорят, есть молоденькие. Право, пять лет жизни отдал бы!

– Им ведь и скучно, – смеясь, сказал офицер, который был посмелее.

Между тем свитский офицер, стоявший впереди, указывал что-то генералу; генерал смотрел в зрительную трубку.

– Ну, так и есть, так и есть, – сердито сказал генерал, опуская трубку от глаз и пожимая плечами, – так и есть, станут бить по переправе. И что они там мешкают?

На той стороне простым глазом виден был неприятель и его батарея, из которой показался молочно-белый дымок. Вслед за дымком раздался дальний выстрел, и видно было, как наши войска заспешили на переправе.

Несвицкий, отдуваясь, поднялся и, улыбаясь, подошел к генералу.

– Не угодно ли закусить вашему превосходительству? – сказал он.

– Нехорошо дело, – сказал генерал, не отвечая ему, – замешкались наши.

– Не съездить ли, ваше превосходительство? – сказал Несвицкий.

– Да, съездите, пожалуйста, – сказал генерал, повторяя то, что уже раз подробно было приказано, – и скажите гусарам, чтоб они последние перешли и зажгли мост, как я приказывал, да чтобы горючие материалы на мосту еще осмотреть.

– Очень хорошо, – отвечал Несвицкий.

Он кликнул казака с лошадыю, велел убрать сумочку и фляжку и легко перекинул свое тяжелое тело на седло.

– Право, заеду к монашенкам, – сказал он офицерам, с улыбкою глядевшим на него, и поехал по вьющейся тропинке под гору.

– Нут-ка, куда донесет, капитан, хватите-ка! – сказал генерал, обращаясь к артиллеристу. – Позабавьтесь от скуки.

– Прислуга к орудиям! – скомандовал офицер, и через минуту весело выбежали от костров артиллеристы и зарядили.

– Первое! – послышалась команда.

Бойко отскочил 1-й номер. Металлически, оглушая, зазвенело орудие, и через головы всех наших под горой, свистя, перелетела граната и, далеко не долетев до неприятеля, дымком показала место своего падения и лопнула.

Лица солдат и офицеров повеселели при этом звуке; все поднялись и занялись наблюдениями над видными, как на ладони, движениями внизу наших войск и впереди – движениями приближавшегося неприятеля. Солнце в ту же минуту совсем вышло из-за туч, и этот красивый звук одинокого выстрела и блеск яркого солнца слились в одно бодрое и веселое впечатление.

VII.

Над мостом уже пролетели два неприятельские ядра, и на мосту была давка. В середине моста, слезши с лошади, прижатый своим толстым телом к перилам, стоял князь Несвицкий. Он, смеючись, оглядывался назад на своего казака, который с двумя лошадьми в поводу стоял несколько шагов позади его. Только-что князь Несвицкий хотел двинуться вперед, как опять солдаты и повозки напирали на него и опять прижимали его к перилам, и ему ничего не оставалось, как улыбаться.

– Экой ты, братец мой! – говорил казак фурштатскому солдату с повозкой, напиравшему на толпившуюся у самых колес и лошадей пехоту, – экой ты! Нет, чтобы подождать: видишь, генералу проехать.

Но фурштат, не обращая внимания на наименование генерала, кричал на солдат, запружавших ему дорогу:

– Эй! землячки! держись влево, постой!

Но землячки, теснясь плечо с плечом, цепляясь штыками и не прерываясь, двигались по мосту одною сплошною массой. Поглядев за перила вниз, князь Несвицкий видел быстрые, шумные, невысокие волны Энса, которые, сливаясь, рябея и загибаясь около свай моста, перегоняли одна другую. Поглядев на мост, он видел столь же однообразные живые волны солдат, кутасы, кивера с чехлами, ранцы, штыки, длинные ружья и из-под киверов лица с широкими скулами, ввалившимися щеками и беззаботно-усталыми выражениями и движущиеся ноги по натасканной на доски моста липкой грязи. Иногда между однообразными волнами солдат, как взбрызг белой пены в волнах Энса, протискивался офицер в плаще, с своею отличною от солдат физиономией; иногда, как щепка, вьющаяся по реке, уносился по мосту волнами пехоты пеший гусар, денщик или житель; иногда, как бревно, плывущее по реке, окруженная со всех сторон, проплывала по мосту ротная или офицерская, наложенная доверху и прикрытая кожами, повозка.

– Вишь, их, как плотину, прорвало, – безнадежно останавливаясь, говорил казак. – Много ль еще там?

– Мелион без одного! – подмигивая говорил близко проходивший в прорванной шинели веселый солдат и скрывался; за ним проходил другой, старый солдат.

– Как *он* (*он* – неприятель) таперича по мосту примется зажаривать, – говорил мрачно старый солдат, обращаясь к товарищу, – забудешь чесаться.

И солдат проходил. За ним другой солдат ехал на повозке.

– Куда, чорт, подвертки запихал? – говорил денщик, бегом следуя за повозкой и шаря в задке.

И этот проходил с повозкой.

За этим шли веселые и, видимо, выпившие солдаты.

– Как он его, милый человек, полыхнет прикладом-то в самые зубы... – радостно говорил один солдат в высокоподоткнутой шинели, широко размахивая рукой.

– То-то оно, сладкая ветчина-то, – отвечал другой с хохотом.

И они прошли, так что Несвицкий не узнал, кого ударили в зубы и к чему относилась ветчина.

– Эх торопятся! Что *он* холодную пустил, так и думаешь, всех перебыют, – говорил унтер-офицер сердито и укоризненно.

– Как оно пролетит мимо меня, дяденька, ядро-то, – говорил, едва удерживаясь от смеха, с огромным ртом молодой солдат, – я так и обмер. Право, ей-Богу, так испугался, беда! – говорил этот солдат, как будто хвастаясь тем, что он испугался.

И этот проходил. За ним следовала повозка, непохожая на все проезжавшие до сих пор. Это был немецкий форшпан на паре, нагруженный, казалось, целым домом; за форшпаном, который вез немец, привязана была красивая, пестрая, с огромным выем, корова. На перинах сидела женщина с грудным ребенком, старуха и молодая, багроворумяная, здоровая девушка-немка. Видно, по особому разрешению были пропущены эти выселявшиеся жители. Глаза всех солдат обратились на женщин, и, пока проезжала повозка, двигаясь шаг за шагом, все замечания солдат относились только к двум женщинам. На всех лицах была почти одна и та же улыбка непристойных мыслей об этой женщине.

– Ишь, колбаса-то, тоже убирается!

– Продай матушкѹ, – ударяя на последнем слоге, говорил другой солдат, обращаясь к немцу, который, опустив глаза, сердито и испуганно шел широким шагом.

– Эх убралась как! То-то черти!

– Вот бы тебе к ним стоять, Федотов!

– Видали, брат!

– Куда вы? – спрашивал пехотный офицер, евший яблоко, тоже полуулыбаясь и глядя на красивую девушку.

Немец, закрыв глаза, показывал, что не понимает.

– Хочешь, возьми себе, – говорил офицер, подавая девушке яблоко.

Девушка улыбнулась и взяла. Несвицкий, как и все, бывшие на мосту, не спускал глаз с женщин, пока они не проехали. Когда они проехали, опять шли такие же солдаты, с такими же разговорами, и, наконец, все остановились. Как это часто бывает, на выезде моста замялись лошади в ротной повозке, и вся толпа должна была ждать.

– И что становятся? Порядку-то нет! – говорили солдаты. – Куда прешь? Чорт! Нет того, чтобы подождать. Хуже того будет, как *он* мост подожжет. Вишь, и офицера-то приперли, – говорили с разных сторон остановившиеся толпы, оглядывая друг друга, и всё жались вперед к выходу.

Оглянувшись под мост на воды Энса, Несвицкий вдруг услышал еще новый для него звук, быстро приближающегося... чего-то большого и чего-то шлепнувшегося в воду.

– Ишь ты, куда фатает! – строго сказал близко стоявший солдат, оглядываясь на звук.

– Подбадривает, чтобы скорей проходили, – сказал другой беспокойно.

Толпа опять тронулась. Несвицкий понял, что это было ядро.

– Эй, казак, подавай лошадь! – сказал он. – Ну, вы! сторонись! посторонись! дорогу!

Он с большим усилием добрался до лошади. Не переставая кричать, он тронулся вперед. Солдаты пожались, чтобы дать ему дорогу; но снова опять нажали на него так, что отдавили ему ногу, и ближайšie не были виноваты, потому что их давили еще сильнее.

– Несвицкий! Несвицкий! Ты, рожа! – слышался в это время сзади хриплый голос.

Несвицкий оглянулся и увидел в пятнадцати шагах отделенного от него живую массой двигающейся пехоты красного, черного, лохматого, в фуражке на затылке и в молодецки-накинутом на плече ментике Ваську Денисова.

– Вели ты им, чертям, дьяволам, дать дорогу, – кричал Денисов, видимо находясь в припадке горячности, блестя и поводя своими черными, как уголь, глазами в воспаленных белках и махая невынутой из ножен саблей, которую он держал такую же красною, как и лицо, голою маленькою рукой.

– Э! Вася! – отвечал радостно Несвицкий. – Да ты что?

– Эскадрону пройти нельзя, – кричал Васька Денисов, злобно открывая белые зубы, шпоря своего красивого вороного, Бедуина, который, мигая ушами от штыков, на которые он наткался, фыркая, брызгая вокруг себя пеной с мундштука, звеня, бил копытами по доскам моста и, казалось, готов был перепрыгнуть через перила моста, ежели бы ему позволил седок.

– Что это? как бараны! точь-в-точь бараны! Прочь... дай дорогу!... Стой там! ты повозка, чорт! Саблей изрублю! – кричал он, действительно вынимая наголо саблю и начиная махать ею.

Солдаты с испуганными лицами нажали друг на друга, и Денисов присоединился к Несвицкому.

– Что же ты не пьян нынче? – сказал Несвицкий Денисову, когда он подъехал к нему.

– И напиться-то времени не дадут! – отвечал Васька Денисов. – Целый день то туда, то сюда таскают полк. Драться – так драться. А то чорт знает что такое!

– Каким ты щеголем нынче! – оглядывая его новый ментик и вальтрап, сказал Несвицкий.

Денисов улыбнулся, достал из ташки платок, распространявший запах духов, и сунул, в нос Несвицкому.

– Нельзя, в дело иду! выбрился, зубы вычистил и надушился.

Осанистая фигура Несвицкого, сопровождаемая казаком, и решительность Денисова, махавшего саблею и отчаянно кричавшего, действовали так, что они протискались на ту сторону моста и остановили пехоту. Несвицкий нашел у выезда полковника, которому ему надо было передать приказание, и, исполнив свое поручение, поехал назад.

Расчистив дорогу, Денисов остановился у входа на мост. Небрежно сдерживая рвавшегося к своим и бывшего ногой жеребца, он смотрел на двигавшийся ему навстречу эскадрон. По доскам моста раздались прозрачные звуки копыт, как будто скакало несколько лошадей, и эскадрон, с офицерами впереди, по четыре человека в ряд, растянулся по мосту и стал выходить на ту сторону.

Остановленные пехотные солдаты, толпясь в растоптанной у моста грязи, с тем особенным недоброжелательным чувством отчужденности и насмешки, с каким встречаются обыкновенно различные роды войск, смотрели на чистых, щеголеватых гусар, стройно проходивших мимо их.

– Нарядные ребята! Только бы на Подновинское!

– Что от них проку! Только напоказ и водят! – говорил другой.

– Пехота, не пыли! – шутил гусар, под которым лошадь, заиграв, брызнула грязью в пехотинца.

– Прогонял бы тебя с ранцем перехода два, шнурки-то бы повытерлись, – обтирая рукавом грязь с лица, говорил пехотинец; – а то не человек, а птица сидит!

– То-то бы тебя, Зикин, на коня посадить, ловок бы ты был, – шутил ефрейтор над худым, скрюченным от тяжести ранца солдатиком.

– Дубинку промеж ног возьми, вот тебе и конь буде, – отозвался гусар.

VIII.

Остальная пехота поспешно проходила по мосту, спираясь воронкой у входа. Наконец повозки все прошли, давка стала меньше, и последний батальон вступил на мост. Одни гусары эскадрона Денисова оставались по ту сторону моста против неприятеля. Неприятель, вдалеке видный с противоположной горы, снизу, от моста, не был еще виден, так как из лощины, по которой текла река, горизонт оканчивался противоположным возвышением не дальше полуверсты. Впереди была пустыня, по которой кое-где шевелились кучки наших разъездных казаков. Вдруг на противоположном возвышении дороги показались войска в синих капотах и артиллерия. Это были французы. Разъезд казаков рысью отошел под гору. Все офицеры и люди эскадрона Денисова, хотя и старались говорить о постороннем и смотреть по сторонам, не переставали думать только о том, что было там, на горе, и беспрестанно всё вглядывались в выходявшие на горизонт пятна, которые они признавали за неприятельские войска. Погода после полудня опять прояснилась, солнце ярко спускалось над Дунаем и окружающими его темными горами. Было тихо, и с той горы изредка долетали звуки рожков и криков неприятеля. Между эскадроном и неприятелями уже никого не было, кроме мелких разъездов. Пустое пространство, сажен в триста, отделяло их от него. Неприятель перестал стрелять, и тем яснее чувствовалась та строгая, грозная, неприступная и неуловимая черта, которая разделяет два неприятельские войска.

«Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и – неизвестность страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем, и деревом, и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту, и хочется перейти ее; и знаешь, что рано или поздно придется перейти ее и узнать, что там, по той стороне черты, как и неизбежно узнать, что там, по ту сторону смерти. А сам силен, здоров, весел и раздражен и окружен такими здоровыми и раздраженно-оживленными людьми». Так ежели и не думает, то чувствует всякий человек, находящийся в виду неприятеля, и чувство это придает особенный блеск и радостную резкость впечатлений всему происходящему в эти минуты.

На бугре у неприятеля показался дымок выстрела, и ядро, свистя, пролетело над головами гусарского эскадрона. Офицеры, стоявшие вместе, разъехались по местам. Гусары старательно стали выравнивать лошадей. В эскадроне всё замолкло. Все поглядывали вперед на неприятеля и на эскадронного командира, ожидая команды. Пролетело другое, третье ядро. Очевидно, что стреляли по гусарам; но ядро, равномерно-быстро свистя, пролетало над головами гусар и ударялось где-то сзади. Гусары не оглядывались, но при каждом звуке пролетающего ядра, будто по команде, весь эскадрон с своими однообразно-разнообразными лицами, сдерживая дыхание, пока летело ядро, приподнимался на стременах и снова опускался. Солдаты, не поворачивая головы, косились друг на друга, с любопытством высматривая впечатление товарища. На каждом лице, от Денисова до горниста, показалась около губ и подбородка одна общая черта борьбы, раздраженности и волнения. Вахмистр хмурился, оглядывая солдат, как будто угрожая наказанием. Юнкер Миронов нагибался при каждом пролете ядра. Ростов, стоя на левом фланге на своем тронутым ногами, но видном Грачике, имел счастливый вид ученика, вызванного перед большою публикой к экзамену, в котором он уверен, что отличится. Он ясно и светло оглядывался на всех, как бы прося обратить внимание на то, как он спокойно стоит под ядрами. Но и в его лице та же черта чего-то нового и строгого, против его воли, показывалась около рта.

– Кто там кланяется? Юнкер Миронов! Нехорошо, на меня смотрите! – закричал Денисов, которому не стоялось на месте и который вертелся на лошади перед эскадроном.

Курносое и черноволосатое лицо Васки Денисова и вся его маленькая сбитая фигурка с его жилистою (с короткими пальцами, покрытыми волосами) кистью руки, в которой он держал

ефес вынудой наголо сабли, было точно такое же, как и всегда, особенно к вечеру, после выпитых двух бутылок. Он был только более обыкновенного красен и, задрав свою мохнатую голову кверху, как птицы, когда они пьют, безжалостно вдавив своими маленькими ногами шпоры в бока доброго Бедуина, он, будто падая назад, поскакал к другому флангу эскадрона и хриплым голосом закричал, чтоб осмотрели пистолеты. Он подъехал к Кирстену. Штаб-ротмистр, на широкой и степенной кобыле, шагом ехал навстречу Денисову. Штаб-ротмистр, с своими длинными усами, был серьезен, как и всегда, только глаза его блестели больше обыкновенного.

– Да что? – сказал он Денисову, – не дойдет дело до драки. Вот увидишь, назад уйдем.

– Чорт их знает, что делают! – проворчал Денисов. – А! Ростов! – крикнул он юнкеру, заметив его веселое лицо. – Ну, дождался.

И он улыбнулся одобрительно, видимо радуясь на юнкера. Ростов почувствовал себя совершенно счастливым. В это время начальник показался на мосту. Денисов поскакал к нему.

– Ваше превосходительство! позвольте атаковать! я их опрокину.

– Какие тут атаки, – сказал начальник скучливым голосом, морщась, как от докучливой мухи. – И зачем вы тут стоите? Видите, фланкеры отступают. Ведите назад эскадрон.

Эскадрон перешел мост и вышел из-под выстрелов, не потеряв ни одного человека. Вслед за ним перешел и второй эскадрон, бывший в цепи, и последние казаки очистили ту сторону.

Два эскадрона павлоградцев, перейдя мост, один за другим пошли назад на гору. Полковой командир Карл Богданович Шуберт подъехал к эскадрону Денисова и ехал шагом недалеко от Ростова, не обращая на него никакого внимания, несмотря на то, что после бывшего столкновения за Телянина, они виделись теперь в первый раз. Ростов, чувствуя себя во фронте во власти человека, перед которым он теперь считал себя виноватым, не спускал глаз с атлетической спины, белокурого затылка и красной шеи полкового командира. Ростову то казалось, что Богданович только притворяется невнимательным, и что вся цель его теперь состоит в том, чтобы испытать храбрость юнкера, и он выпрямлялся и весело оглядывался; то ему казалось, что Богданович нарочно едет близко, чтобы показать Ростову свою храбрость. То ему думалось, что враг его теперь нарочно пошлет эскадрон в отчаянную атаку, чтобы наказать его, Ростова. То думалось, что после атаки он подойдет к нему и великодушно протянет ему, раненому, руку примирения.

Знакомая павлоградцам, с высокоподнятыми плечами, фигура Жеркова (он недавно выбыл из их полка) подъехала к полковому командиру. Жерков, после своего изгнания из главного штаба, не остался в полку, говоря, что он не дурак во фронте лямку тянуть, когда он при штабе, ничего не делая, получит наград больше, и умел пристроиться ординарцем к князю Багратиону. Он приехал к своему бывшему начальнику с приказанием от начальника арьергарда.

– Полковник, – сказал он с своею мрачною серьезностью, обращаясь ко врагу Ростова и оглядывая товарищей, – велено остановиться, мост зажечь.

– Кто велено? – угрюмо спросил полковник.

– Уж я и не знаю, полковник, *кто велено*, – серьезно отвечал корнет, – но только мне князь приказал: «Поезжай и скажи полковнику, чтобы гусары вернулись скорей и зажгли бы мост».

Вслед за Жерковым к гусарскому полковнику подъехал свитский офицер с тем же приказанием. Вслед за свитским офицером на казачьей лошади, которая насилу несла его галопом, подъехал толстый Несвицкий.

– Как же, полковник, – кричал он еще на езде, – я вам говорил мост зажечь, а теперь кто переврал; там все с ума сходят, ничего не разберешь.

Полковник неторопливо остановил полк и обратился к Несвицкому:

– Вы мне говорили про горючие вещества, – сказал он, – а про то, чтобы зажигать, вы мне ничего не говорили.

– Да как же, батюшка, – заговорил, остановившись, Несвицкий, снимая фуражку и расправляя пухлою рукой мокрые от пота волосы, – как же не говорил, что мост зажечь, когда горячие вещества положили?

– Я вам не «батюшка», господин штаб-офицер, а вы мне не говорили, чтоб мост зажигайт! Я служба знаю, и мне в привычка приказание строго исполняйт. Вы сказали, мост зажгут, а кто зажгут, я святым духом не могу знайт...

– Ну, вот всегда так, – махнув рукой, сказал Несвицкий. – Ты как здесь? – обратился он к Жеркову.

– Да за тем же. Однако ты отсырел, дай я тебя выжму.

– Вы сказали, господин штаб-офицер... – продолжал полковник обиженным тоном.

– Полковник, – перебил свитский офицер, – надо торопиться, а то неприятель пододвинет орудия на картечный выстрел.

Полковник молча посмотрел на свитского офицера, на толстого штаб-офицера, на Жеркова и нахмурился.

– Я буду мост зажигайт, – сказал он торжественным тоном, как будто бы выражал этим, что, несмотря на все делаемые ему неприятности, он всё-таки сделает то, что должно.

Ударив своими длинными мускулистыми ногами лошадь, как будто она была во всем виновата, полковник выдвинулся вперед и 2-му эскадрону, тому самому, в котором служил Ростов под командою Денисова, скомандовал вернуться назад к мосту.

«Ну, так и есть, – подумал Ростов, – он хочет испытать меня!» – Сердце его сжалось, и кровь бросилась к лицу. – «Пускай посмотрит, трус ли я» – подумал он.

Опять на всех веселых лицах людей эскадрона появилась та серьезная черта, которая была на них в то время, как они стояли под ядрами. Ростов, не спуская глаз, смотрел на своего врага, полкового командира, желая найти на его лице подтверждение своих догадок; но полковник ни разу не взглянул на Ростова, а смотрел, как всегда во фронте, строго и торжественно. Послышалась команда.

– Живо! Живо! – проговорило около него несколько голосов.

Цепляясь саблями за поводья, гремя шпорами и торопясь, слезали гусары, сами не зная, что они будут делать. Гусары крестились. Ростов уже не смотрел на полкового командира, – ему некогда было. Он боялся, с замиранием сердца боялся, как бы ему не отстать от гусар. Рука его дрожала, когда он передавал лошадь коноводу, и он чувствовал, как со стуком приливает кровь к его сердцу. Денисов, заваливаясь назад и крича что-то, проехал мимо него. Ростов ничего не видел, кроме бежавших вокруг него гусар, цеплявшихся шпорами и брэнчавших саблями.

– Носилки! – крикнул чей-то голос сзади.

Ростов не подумал о том, что значит требование носилок; он бежал, стараясь только быть впереди всех; но у самого моста он, не смотря под ноги, попал в вязкую, растоптанную грязь и, споткнувшись, упал на руки. Его obeжали другие.

– По *обоий* сторона, ротмистр, – слышался ему голос полкового командира, который, заехав вперед, стал верхом недалеко от моста с торжествующим и веселым лицом.

Ростов, обтирая испачканные руки о рейтузы, оглянулся на своего врага и хотел бежать дальше, полагая, что чем он дальше уйдет вперед, тем будет лучше. Но Богданыч, хотя и не глядел и не узнал Ростова, крикнул на него:

– Кто по середине моста бежит? На права сторона! Юнкер, назад! – сердито закричал он и обратился к Денисову, который, щеголяя храбростью, въехал верхом на доски моста.

– Зачем рисковайт, ротмистр! Вы бы слезали, – сказал полковник.

– Э! виноватого найдет, – отвечал Васька Денисов, поворачиваясь на седле.

–

Между тем Несвицкий, Жерков и свитский офицер стояли вместе вне выстрелов и смотрели то на эту небольшую кучку людей в желтых киверах, темнозеленых куртках, расшитых

снурками, и синих рейтузах, копошившихся у моста, то на ту сторону, на приближавшиеся вдалеке синие капоты и группы с лошадьми, которые легко можно было признать за орудия.

«Зажгут или не зажгут мост? Кто прежде? Они добегут и зажгут мост, или французы подъедут на картечный выстрел и перебьют их?» Эти вопросы с замиранием сердца невольно задавал себе каждый из того большого количества войск, которые стояли над мостом и при ярком вечернем свете смотрели на мост и гусаров и на ту сторону, на подвигавшиеся синие капоты со штыками и орудиями.

– Ох! достанется гусарам! – говорил Несвицкий. – Не дальше картечного выстрела теперь.

– Напрасно он так много людей повел, – сказал свитский офицер.

– И в самом деле, – сказал Несвицкий. – Тут бы двух молодцов послать, всё равно бы.

– Ах, ваше сиятельство, – вмешался Жерков, не спуская глаз с гусар, но всё с своею наивною манерой, из-за которой нельзя было догадаться, серьезно ли, что он говорит, или нет. – Ах, ваше сиятельство! Как вы судите! Двух человек послать, а нам-то кто же Владимира с бантом даст? А так-то, хоть и поколотят, да можно эскадрон представить и самому бантик получить. Наш Богданыч порядки знает.

– Ну, – сказал свитский офицер, – это картечь!

Он показал на французские орудия, которые снимались с передков и поспешно отъезжали.

На французской стороне, в тех группах, где были орудия, показался дымок, другой, третий, почти в одно время, и в ту минуту, как долетел звук первого выстрела, показался четвертый. Два звука один, за другим, и третий.

– О, ох! – охнул Несвицкий, как будто от жгучей боли, хватая за руку свитского офицера. – Посмотрите, упал один, упал, упал!

– Два, кажется?

– Был бы я царь, никогда бы не воевал, – сказал Несвицкий, отворачиваясь.

Французские орудия опять поспешно заряжали. Пехота в синих капотах бегом двинулась к мосту. Опять, но в разных промежутках, показались дымки, и защелкала и затрещала картечь по мосту. Но в этот раз Несвицкий не мог видеть того, что делалось на мосту. С моста поднялся густой дым. Гусары успели зажечь мост, и французские батареи стреляли по ним уже не для того, чтобы помешать, а для того, что орудия были наведены и было по ком стрелять.

Французы успели сделать три картечные выстрела, прежде чем гусары вернулись к коноводам. Два залпа были сделаны неверно, и картечь всю перенесло, но зато последний выстрел попал в середину кучки гусар и повалил троих.

Ростов, озабоченный своими отношениями к Богданычу, остановился на мосту, не зная, что ему делать. Рубить (как он всегда воображал себе сражение) было некого, помогать в зажжении моста он тоже не мог, потому что не взял с собою, как другие солдаты, жгута соломы. Он стоял и оглядывался, как вдруг затрещало по мосту будто рассыпанные орехи, и один из гусар, ближе всех бывший от него, со стоном упал на перилы. Ростов подбежал к нему вместе с другими. Опять закричал кто-то: «Носилки!». Гусара подхватили четыре человека и стали поднимать.

– Оооо!... Бросьте, ради Христа, – закричал раненый; но его всё-таки подняли и положили.

Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце. Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково-глянцовито блестела вода в далеком Дунае! И еще лучше были далекие, голубеющие за Дунаем горы, монастырь, таинственные ущелья, залитые до макуш туманом сосновые леса... там тихо, счастливо... «Ничего, ничего бы я не желал, ничего бы не желал, ежели бы я только был там, – думал Ростов. – Во мне

одном и в этом солнце так много счастья, а тут... стоны, страдания, страх и эта неясность, эта поспешность... Вот опять кричат что-то, и опять все побежали куда-то назад, и я побегу с ними, и вот она, вот она, смерть, надо мной, вокруг меня... Мгновенье – и я никогда уже не увижу этого солнца, этой воды, этого ущелья»...

В эту минуту солнце стало скрываться за тучами; впереди Ростова показались другие носилки. И страх смерти и носилок, и любовь к солнцу и жизни – всё слилось в одно болезненно-тревожное впечатление.

«Господи Боже! Тот, Кто там в этом небе, спаси, прости и защити меня!» прошептал про себя Ростов.

Гусары подбежали к коноводам, голоса стали громче и спокойнее, носилки скрылись из глаз.

– Чтò, брат, понюхал пороху?... – прокричал ему над ухом голос Васьки Денисова.

«Всё кончилось; но я трус, да, я трус», подумал Ростов и, тяжело вздыхая, взял из рук коновода своего отставившего ногу Грачика и стал садиться.

– Чтò это было, картечь? – спросил он у Денисова.

– Да еще какая! – прокричал Денисов. – Молодцами работали! А работа скверная! Атака – любезное дело, рубай в пёси, а тут, чорт знает чтò, бьют как в мишень.

И Денисов отъехал к остановившейся недалеко от Ростова группе: полкового командира, Несвицкого, Жеркова и свитского офицера.

«Однако, кажется, никто не заметил», думал про себя Ростов. И действительно, никто ничего не заметил, потому что каждому было знакомо то чувство, которое испытал в первый раз необстреленный юнкер.

– Вот вам реляция и будет, – сказал Жерков, – глядишь, и меня в подпоручики производят.

– Доложите кнезу, что я мост зажигал, – сказал полковник торжественно и весело.

– А коли про потерю спросят?

– Пустячок! – пробасил полковник, – два гусара ранено, и один *наповал*, – сказал он с видимою радостью, не в силах удержаться от счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповал*.

IX.

Преследуемая стотысячною французскою армией под начальством Бонапарта, встречаемая враждебно-расположенными жителями, не доверяя более своим союзникам, испытывая недостаток продовольствия и принужденная действовать вне всех предвидимых условий войны, русская тридцатипятитысячная армия, под начальством Кутузова, поспешно отступала вниз по Дунаю, останавливаясь там, где она бывала настигнута неприятелем, и отбиваясь арьергардными делами, лишь насколько это было нужно для того, чтоб отступать, не теряя тяжестей. Были дела при Ламбахе, Амштетене и Мельке; но, несмотря на храбрость и стойкость, признаваемую самим неприятелем, с которою дрались русские, последствием этих дел было только еще быстрее отступление. Австрийские войска, избежавшие плена под Ульмом и присоединившиеся к Кутузову у Браунау, отделились теперь от русской армии, и Кутузов был предоставлен только своим слабым, истощенным силам. Защищать более Вену нельзя было и думать. Вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки – стратегии, войны, план которой был передан Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом, единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России.

28-го октября Кутузов с армией перешел на левый берег Дуная и в первый раз остановился, положив Дунай между собой и главными силами французов. 30-го он атаковал находившуюся на левом берегу Дуная дивизию Мортье и разбил ее. В этом деле в первый раз взяты трофеи; знамя, орудия и два неприятельские генерала. В первый раз после двухнедельного отступления русские войска остановились и после борьбы не только удержали поле сражения, но прогнали французов. Несмотря на то, что войска были раздеты, изнурены, на одну треть ослаблены отсталыми, ранеными, убитыми и больными; несмотря на то, что на той стороне Дуная были оставлены больные и раненые с письмом Кутузова, поручавшим их человеколюбию неприятеля; несмотря на то, что большие госпитали и дома в Кремсе, обращенные в лазареты, не могли уже вмещать в себе всех больных и раненых, – несмотря на всё это, остановка при Кремсе и победа над Мортье значительно подняли дух войска. Во всей армии и в главной квартире ходили самые радостные, хотя и несправедливые слухи о мнимом приближении колонн из России, о какой-то победе, одержанной австрийцами, и об отступлении испуганного Бонапарта.

Князь Андрей находился во время сражения при убитом в этом деле австрийском генерале Шмите. Под ним была ранена лошадь, и сам он был слегка оцарапан в руку пулей. В знак особой милости главнокомандующего он был послан с известием об этой победе к австрийскому двору, находившемуся уже не в Вене, которой угрожали французские войска, а в Брюнне. В ночь сражения, взволнованный, но не усталый (несмотря на свое несильное на вид сложение, князь Андрей мог переносить физическую усталость гораздо лучше самых сильных людей), верхом приехав с донесением от Дохтурова в Кремс к Кутузову, князь Андрей был в ту же ночь отправлен курьером в Брюнн. Отправление курьером, кроме наград, означало важный шаг к повышению.

Ночь была темная, звездная; дорога чернелась между белевшим снегом, выпавшим накануне, в день сражения. То перебирая впечатления прошедшего сражения, то радостно воображая впечатление, которое он произведет известием о победе, вспоминая проводы главнокомандующего и товарищей, князь Андрей скакал в почтовой бричке, испытывая чувство человека, долго ждавшего и, наконец, достигшего начала желаемого счастья. Как скоро он закрывал глаза, в ушах его раздавалась пальба ружей и орудий, которая сливалась со стуком колес и впечатлением победы. То ему начинало представляться, что русские бегут, что он сам убит; но он поспешно просыпался, со счастьем как будто вновь узнавал, что ничего этого не было, и что, напротив, французы бежали. Он снова вспоминал все подробности победы, свое спокойное мужество во время сражения и, успокоившись, задремывал... После темной звездной ночи наступило яркое, веселое утро. Снег таял на солнце, лошади быстро скакали, и безразлично вправо и влево проходили новые разнообразные леса, поля, деревни.

На одной из станций он обогнал обоз русских раненых. Русский офицер, ведущий транспорт, развалясь на передней телеге, что-то кричал, ругая грубыми словами солдата. В длинных немецких форшпанах тряслось по каменистой дороге по шести и более бледных, перевязанных и грязных раненых. Некоторые из них говорили (он слышал русский говор), другие ели хлеб, самые тяжелые, молча, с кротким и болезненным детским участием, смотрели на скачущего мимо их курьера.

Князь Андрей велел остановиться и спросил у солдата, в каком деле ранены.

– «Позавчера на Дунаю», – отвечал солдат. Князь Андрей достал кошелек и дал солдату три золотых.

– На всех, – прибавил он, обращаясь к подошедшему офицеру. – Поправляйтесь, ребята, – обратился он к солдатам, – еще дела много.

– Чтò, господин адъютант, какие новости? – спросил офицер, видимо желая разговаривать.

– Хорошие! Вперед, – крикнул он ямщику и поскакал далее.

Уже было совсем темно, когда князь Андрей въехал в Брюнн и увидел себя окруженным высокими домами, огнями лавок, окон домов и фонарей, шумящими по мостовой красивыми экипажами и всею тою атмосферой большого оживленного города, которая всегда так привлекательна для военного человека после лагеря. Князь Андрей, несмотря на быструю езду и бессонную ночь, подъезжая ко дворцу, чувствовал себя еще более оживленным, чем накануне. Только глаза блестели лихорадочным блеском, и мысли сменялись с необычайной быстротой и ясностью. Живо представились ему опять все подробности сражения уже не смутно, но определенно, в сжатом изложении, которое он в воображении делал императору Францу. Живо представились ему случайные вопросы, которые могли быть ему сделаны, и те ответы, которые он сделает на них. Он полагал, что его сейчас же представят императору. Но у большого подъезда дворца к нему выбежал чиновник и, узнав в нем курьера, проводил его на другой подъезд.

– Из коридора направо; там, Euer Hochgeboren,²⁶¹ найдете дежурного флигель-адъютанта, – сказал ему чиновник. – Он проводит к военному министру.

Дежурный флигель-адъютант, встретивший князя Андрея, попросил его подождать и пошел к военному министру. Через пять минут флигель-адъютант вернулся и, особенно учтиво наклонясь и пропуская князя Андрея вперед себя, провел его через коридор в кабинет, где занимался военный министр. Флигель-адъютант своею изысканною учтивостью, казалось, хотел оградить себя от попыток фамильярности русского адъютанта. Радостное чувство князя Андрея значительно ослабело, когда он подходил к двери кабинета военного министра. Он почувствовал себя оскорбленным, и чувство оскорбления перешло в то же мгновение незаметно для него самого в чувство презрения, ни на чем не основанного. Находчивый же ум в то же мгновение подсказал ему ту точку зрения, с которой он имел право презирать и адъютанта и военного министра. «Им, должно быть, очень легко покажется одерживать победы, не нюхая пороха!» подумал он. Глаза его презрительно прищурились; он особенно-медленно вошел в кабинет военного министра. Чувство это еще более усилилось, когда он увидел военного министра, сидевшего над большим столом и первые две минуты не обращавшего внимания на вошедшего. Военный министр опустил свою лысую, с седыми висками, голову между двух восковых свечей и читал, отмечая карандашом, бумаги. Он дочитывал, не поднимая головы, в то время как отворилась дверь и послышались шаги.

– Возьмите это и передайте, – сказал военный министр своему адъютанту, подавая бумаги и не обращая еще внимания на курьера.

Князь Андрей почувствовал, что либо из всех дел, занимавших военного министра, действия кутузовской армии менее всего могли его интересовать, либо нужно было это дать почувствовать русскому курьеру. «Но мне это совершенно всё равно», подумал он. Военный министр сдвинул остальные бумаги, сравнял их края с краями и поднял голову. У него была умная и характерная голова. Но в то же мгновение, как он обратился к князю Андрею, умное и твердое выражение лица военного министра, видимо, привычно и сознательно изменилось: на лице его остановилась глупая, притворная, не скрывающая своего притворства, улыбка человека, принимающего одного за другим много просителей.

– От генерал-фельдмаршала Кутузова? – спросил он. – Надеюсь, хорошие вести? Было столкновение с Мортье? Победа? Пора!

Он взял депешу, которая была на его имя, и стал читать ее с грустным выражением.

– Ах, Боже мой! Боже мой! Шмит! – сказал он по-немецки. – Какое несчастье, какое несчастье!

Пробежав депешу, он положил ее на стол и взглянул на князя Андрея, видимо, что-то соображая.

²⁶¹ Ваше высокоблагородие,

– Ах, какое несчастье! Дело, вы говорите, решительное? Мортье не взят, однако. (Он подумал.) Очень рад, что вы привезли хорошие вести, хотя смерть Шмита есть дорогая плата за победу. Его величество, верно, пожелает вас видеть, но не нынче. Благодарю вас, отдохните. Завтра будьте на выходе после парада. Впрочем, я вам дам знать.

Исчезнувшая во время разговора глупая улыбка опять явилась на лице военного министра.

– До свидания, очень благодарю вас. Государь император, вероятно, пожелает вас видеть, – повторил он и наклонил голову.

Когда князь Андрей вышел из дворца, он почувствовал, что весь интерес и счастье, доставленные ему победой, оставлены им теперь и переданы в равнодушные руки военного министра и учтивого адъютанта. Весь склад мыслей его мгновенно изменился: сражение представилось ему давнишним, далеким воспоминанием.

Х.

Князь Андрей остановился в Брюнне у своего знакомого, русского дипломата Билибина.

– А, милый князь, нет приятнее гостя, – сказал Билибин, выходя навстречу князю Андрею. – Франц, в мою спальню вещи князя! – обратился он к слуге, провожавшему Болконского. – Чтоб, вестником победы? Прекрасно. А я сижу больной, как видите.

Князь Андрей, умывшись и одевшись, вышел в роскошный кабинет дипломата и сел за приготовленный обед. Билибин покойно уселся у камина.

Князь Андрей не только после своего путешествия, но и после всего похода, во время которого он был лишен всех удобств чистоты и изящества жизни, испытывал приятное чувство отдыха среди тех роскошных условий жизни, к которым он привык с детства. Кроме того ему было приятно после австрийского приема поговорить хоть не по-русски (они говорили по-французски), но с русским человеком, который, он предполагал, разделял общее русское отвращение (теперь особенно живо испытываемое) к австрийцам.

Билибин был человек лет тридцати пяти, холостой, одного общества с князем Андреем. Они были знакомы еще в Петербурге, но еще ближе познакомились в последний приезд князя Андрея в Вену с Кутузовым. Как князь Андрей было молодой человек, обещающий пойти далеко на военном поприще, так, и еще более, обещал Билибин на дипломатическом. Он был еще молодой человек, но уже немолодой дипломат, так как он начал служить с шестнадцати лет, был в Париже, в Копенгагене и теперь в Вене занимал довольно значительное место. И канцлер и наш посланник в Вене знали его и дорожили им. Он был не из того большого количества дипломатов, которые обязаны иметь только отрицательные достоинства, не делать известных вещей и говорить по-французски для того, чтобы быть очень хорошими дипломатами; он был один из тех дипломатов, которые любят и умеют работать, и, несмотря на свою лень, он иногда проводил ночи за письменным столом. Он работал одинаково хорошо, в чем бы ни состояла сущность работы. Его интересовал не вопрос «зачем?», а вопрос «как?». В чем состояло дипломатическое дело, ему было всё равно; но составить искусно, метко и изящно циркуляр, меморандум или донесение – в этом он находил большое удовольствие. Заслуги Билибина ценились, кроме письменных работ, еще и по его искусству обращаться и говорить в высших сферах.

Билибин любил разговор так же, как он любил работу, только тогда, когда разговор мог быть изящно-остроумен. В обществе он постоянно выжидал случая сказать что-нибудь замечательное и вступал в разговор не иначе, как при этих условиях. Разговор Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имеющими общий интерес. Эти фразы изготовлялись во внутренней лаборатории Билибина, как будто нарочно, портативного свойства, для того, чтобы ничтожные светские люди удобно могли запоминать их и пере-

носить из гостиных в гостиные. И действительно, les mots de Bilibine se colportaient dans les salons de Vienne,²⁶² как говорили, и часто имели влияние на так называемые важные дела.

Худое, истощенное, желтоватое лицо его было всё покрыто крупными морщинами, которые всегда казались так чистоплотно и старательно промыты, как кончики пальцев после бани. Движения этих морщин составляли главную игру его физиономии. То у него морщился лоб широкими складками, брови поднимались кверху, то брови спускались книзу, и у щек образовывались крупные морщины. Глубоко поставленные, небольшие глаза всегда смотрели прямо и весело.

– Ну, теперь расскажите нам ваши подвиги, – сказал он. Болконский самым скромным образом, ни разу не упоминая о себе, рассказал дело и прием военного министра.

– Ils m'ont reçu avec ma nouvelle, comme un chien dans un jeu de quilles,²⁶³ – заключил он. Билибин усмехнулся и распустил складки кожи.

– Cependant, mon cher, —сказал он, рассматривая издалека свой ноготь и подбирая кожу над левым глазом, – malgré la haute estime que je professe pour le «православное российское воинство», j'avoue que votre victoire n'est pas des plus victorieuses.²⁶⁴

Он продолжал всё так же на французском языке, произнося по-русски только те слова, которые он презрительно хотел подчеркнуть.

– Как же? Вы со всею массой своею обрушились на несчастного Мортье при одной дивизии, и этот Мортье уходит у вас между рук? Где же победа?

– Однако, серьезно говоря, – отвечал князь Андрей, – всё-таки мы можем сказать без хвастовства, что это немного получше Ульма...

– Отчего вы не взяли нам одного, хоть одного маршала?

– Оттого, что не всё делается, как предполагается, и не так регулярно, как на параде. Мы полагали, как я вам говорил, зайти в тыл к семи часам утра, а не пришли и к пяти вечера.

– Отчего же вы не пришли к семи часам утра? Вам надо было прийти в семь часов утра, – улыбаясь сказал Билибин, – надо было прийти в семь часов утра.

– Отчего вы не внушили Бонапарту дипломатическим путем, что ему лучше оставить Геную? – тем же тоном сказал князь Андрей.

– Я знаю, – перебил Билибин, – вы думаете, что очень легко брать маршалов, сидя на диване перед камином. Это правда, а всё-таки, зачем вы его не взяли? И не удивляйтесь, что не только военный министр, но и августейший император и король Франц не будут очень осчастливлены вашей победой; да и я, несчастный секретарь русского посольства, не чувствую никакой особенной радости...

Он посмотрел прямо на князя Андрея и вдруг спустил собранную кожу со лба.

– Теперь мой черед спросить вас «отчего», мой милый? – сказал Болконский. – Я вам признаюсь, что не понимаю, может быть, тут есть дипломатические тонкости выше моего слабого ума, но я не понимаю: Мак теряет целую армию, эрцгерцог Фердинанд и эрцгерцог Карл не дают никаких признаков жизни и делают ошибки за ошибками, наконец, один Кутузов одерживает действительную победу, уничтожает *charme*²⁶⁵ французов, и военный министр не интересуется даже знать подробности!

– Именно от этого, мой милый. *Voyez-vous, mon cher:*²⁶⁶ ура! за царя, за Русь, за веру! *Tout ça est bel et bon,*²⁶⁷ но что нам, я говорю – австрийскому двору, за дело до ваших побед?

²⁶² Отзывы Билибина расходились по венским гостиным,

²⁶³ Они приняли меня с этою вестью, как принимают собаку на кетельный кон,

²⁶⁴ Однако, мой милый, при всем моем уважении к «православному российскому воинству», я полагаю, что победа ваша не из самых блестящих.

²⁶⁵ Зарок непобедимости.

²⁶⁶ Видите ли,

²⁶⁷ все это прекрасно,

Привезите вы нам сюда хорошенькое известие о победе эрцгерцога Карла или Фердинанда – *un archiduc vaut l'autre*,²⁶⁸ как вам известно – хоть над ротой пожарной команды Бонапарте, это другое дело, мы прогремим в пушки. А то это, как нарочно, может только дразнить нас. Эрцгерцог Карл ничего не делает, эрцгерцог Фердинанд покрывается позором. Вену вы бросаете, не защищаете больше, *comme si vous nous disiez*.²⁶⁹ с нами Бог, а Бог с вами, с вашей столицей. Один генерал, которого мы все любили, Шмит: вы его подводите под пулю и поздравляете нас с победой!... Согласитесь, что раздражительнее того известия, которое вы привозите, нельзя придумать. *C'est comme un fait exprès, comme un fait exprès*.²⁷⁰ Кроме того, ну, одержи вы точно блестящую победу, одержи победу даже эрцгерцог Карл, что ж бы это переменяло в общем ходе дел? Теперь уж поздно, когда Вена занята французскими войсками.

– Как занята? Вена занята?

– Не только занята, но Бонапарте в Шенбрунне, а граф, наш милый граф Врбна отправляется к нему за приказаниями.

Болконский после усталости и впечатлений путешествия, приема и в особенности после обеда чувствовал, что он не понимает всего значения слов, которые он слышал.

– Нынче утром был здесь граф Лихтенфельс, – продолжал Билибин, – и показывал мне письмо, в котором подробно описан парад французов в Вене. *Le prince Murat et tout le tremblement*...²⁷¹ Вы видите, что ваша победа не очень-то радостна, и что вы не можете быть приняты как спаситель...

– Право, для меня всё равно, совершенно всё равно! – сказал князь Андрей, начиная понимать, что известие его о сражении под Кремсом действительно имело мало важности в виду таких событий, как занятие столицы Австрии. – Как же Вена взята? А мост и знаменитый *tête de pont*,²⁷² и князь Ауэрсперг? У нас были слухи, что князь Ауэрсперг защищает Вену, – сказал он.

– Князь Ауэрсперг стоит на этой, на нашей, стороне и защищает нас; я думаю, очень плохо защищает, но всё-таки защищает. А Вена на той стороне. Нет, мост еще не взят и, надеюсь, не будет взят, потому что он минирован, и его велено взорвать. В противном случае мы были бы давно в горах Богемии, и вы с вашей армией провели бы дурную четверть часа между двух огней.

– Но это всё-таки не значит, чтобы кампания была кончена, – сказал князь Андрей.

– А я думаю, что кончена. И так думают большие колпаки здесь, но не смеют сказать этого. Будет то, что я говорил в начале кампании, что не ваша *echauffourée de Dürenstein*,²⁷³ вообще не порох решит дело, а те, кто его выдумали, – сказал Билибин, повторяя одно из своих *mots*,²⁷⁴ распуская кожу на лбу и приостанавливаясь. – Вопрос только в том, что скажет берлинское свидание императора Александра с прусским королем. Ежели Пруссия вступит в союз, *on forcera la main à l'Autriche*,²⁷⁵ и будет война. Ежели же нет, то дело только в том, чтоб условиться, где составлять первоначальные статьи нового *Campo Formio*.²⁷⁶

– Но что за необычайная гениальность! – вдруг вскрикнул князь Андрей, сжимая свою маленькую руку и ударяя ею по столу. – И что за счастье этому человеку!

²⁶⁸ один эрцгерцог стоит другого,

²⁶⁹ как будто бы вы нам сказали:

²⁷⁰ Это как нарочно, как нарочно.

²⁷¹ Принц Мюрат и все другое...

²⁷² укрепление,

²⁷³ перестрелка под Дюренштейном,

²⁷⁴ словечек,

²⁷⁵ то Австрию принудят

²⁷⁶ Кампо Формио.

– Buonaparte?²⁷⁷ – вопросительно сказал Билибин, морща лоб и этим давая чувствовать, что сейчас будет un mot.²⁷⁸ – Buonaparte? – сказал он, ударяя особенно на u. Я думаю, однако, что теперь, когда он предписывает законы Австрии из Шенбрунна, il faut lui faire grâce de l'u.²⁷⁹ Я решительно делаю нововведение и называю его Bonaparte tout court.²⁸⁰

– Нет, без шуток, – сказал князь Андрей, – неужели вы думаете, что кампания кончена?

– Я вот что думаю. Австрия осталась в дурах, а она к этому не привыкла. И она отплатит. А в дурах она осталась оттого, что, во-первых, провинции разорены (on dit, le православное est terrible pour le pillage),²⁸¹ армия разбита, столица взята, и всё это pour les beaux yeux²⁸² du сардинское величество. И потому – entre nous, mon cher²⁸³ – я чутьем слышу, что нас обманывают, я чутьем слышу сношения с Францией и проекты мира, тайного мира, отдельно заключенного.

– Это не может быть! – сказал князь Андрей, – это было бы слишком гадко.

– Qui vivra verra,²⁸⁴ – сказал Билибин, распуская опять кожу в знак окончания разговора.

Когда князь Андрей пришел в приготовленную для него комнату и в чистом белье лег на пуховики и душистые гретые подушки, – он почувствовал, что то сражение, о котором он привез известие, было далеко, далеко от него. Прусский союз, измена Австрии, новое торжество Бонапарта, выход и парад, и прием императора Франца на завтра занимали его.

Он закрыл глаза, но в то же мгновение в ушах его затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкеры, и французы стреляют, и он чувствует, как содрогается его сердце, и он выезжает вперед рядом с Шмитом, и пули весело свистят вокруг него, и он испытывает то чувство удесyтеренной радости жизни, какого он не испытывал с самого детства.

Он пробудился...

«Да, всё это было!...» сказал он, счастливо, детски улыбаясь сам себе, и заснул крепким, молодым сном.

XI.

На другой день он проснулся поздно. Возобновляя впечатления прошедшего, он вспомнил прежде всего то, что нынче надо представляться императору Францу, вспомнил военного министра, учтивого австрийского флигель-адъютанта, Билибина и разговор вчерашнего вечера. Одевшись для поездки во дворец, в полную парадную форму, которой он уже давно не надевал, он, свежий, оживленный и красивый, с подвязанною рукой, вошел в кабинет Билибина. В кабинете находились четыре господина дипломатического корпуса. С князем Ипполитом Курагиным, который был секретарем посольства, Болконский был знаком; с другими его познакомил Билибин.

Господа, бывавшие у Билибина, светские, молодые, богатые и веселые люди, составляли и в Вене и здесь отдельный кружок, который Билибин, бывший главой этого кружка, называл *наши, les nôtres*. В кружке этом, состоявшем почти исключительно из дипломатов, видимо, были свои, не имеющие ничего общего с войной и политикой, интересы высшего света, отношений к некоторым женщинам и канцелярской стороны службы. Эти господа, повидимому, охотно, как *своего* (честь, которую они делали немногим), приняли в свой кружок

²⁷⁷ Буонапарте?

²⁷⁸ [словечко]

²⁷⁹ надо его избавить от u

²⁸⁰ просто Бонапарт.

²⁸¹ говорят, православное жестоко грабит,

²⁸² ради прекрасных глаз,

²⁸³ между нами, мой милый

²⁸⁴ Поживем, увидим,

князя Андрея. Из учтивости, и как предмет для вступления в разговор, ему сделали несколько вопросов об армии и сражении, и разговор опять рассыпался на непоследовательные, веселые шутки и пересуды.

– Но особенно хорошо, – говорил один, рассказывая неудачу товарища-дипломата, – особенно хорошо то, что канцлер прямо сказал ему, что назначение его в Лондон есть повышение, и чтоб он так и смотрел на это. Видите вы его фигуру при этом?...

– Но что́ всего хуже, господа, я вам выдаю Курагина: человек в несчастии, и этим-то пользуется этот дон-Жуан, этот ужасный человек!

Князь Ипполит лежал в вольтеровском кресле, положив ноги через ручку. Он засмеялся.

– Parlez-moi de ça,²⁸⁵ – сказал он.

– О, дон-Жуан! О, змея! – слышались голоса.

– Вы не знаете, Болконский, – обратился Билибин к князю Андрею, – что все ужасы французской армии (я чуть было не сказал – русской армии) – ничто в сравнении с тем, что́ наделал между женщинами этот человек.

– La femme est la compagne de l'homme,²⁸⁶ – произнес князь Ипполит и стал смотреть в лорнет на свои поднятые ноги.

Билибин и *наши* расхохотались, глядя в глаза Ипполиту. Князь Андрей видел, что этот Ипполит, которого он (должно было признаться) почти ревновал к своей жене, был шутком в этом обществе.

– Нет, я должен вас угостить Курагиным, – сказал Билибин тихо Болконскому. – Он прелестен, когда рассуждает о политике, надо видеть эту важность.

Он подсел к Ипполиту и, собрав на лбу свои складки, завел с ним разговор о политике. Князь Андрей и другие обступили обоих.

– Le cabinet de Berlin ne peut pas exprimer un sentiment d'alliance, – начал Ипполит, значительно оглядывая всех, – sans exprimer... comme dans sa dernière note... vous comprenez... vous comprenez... et puis si sa Majesté l'Empereur ne déroge pas au principe de notre alliance...²⁸⁷

– Attendez, je n'ai pas fini... – сказал он князю Андрею, хватая его за руку. – Je suppose que l'intervention sera plus forte que la non-intervention. Et... – Он помолчал. – On ne pourra pas imputer à la fin de non-recevoir notre dépêche du 28 novembre. Voilà comment tout cela finira.²⁸⁸

И он отпустил руку Болконского, показывая тем, что теперь он совсем кончил.

– Demosthènes, je te reconnais au caillou que tu as caché dans ta bouche d'or!²⁸⁹ – сказал Билибин, у которого шапка волос подвинулась на голове от удовольствия.

Все засмеялись. Ипполит смеялся громче всех. Он, видимо, страдал, задыхался, но не мог удержаться от дикого смеха, растягивающего его всегда неподвижное лицо.

– Ну, вот что́, господа, – сказал Билибин, – Болконский мой гость в доме и здесь в Брюнне, и я хочу его угостить, сколько могу, всеми радостями здешней жизни. Ежели бы мы были в Вене, это было бы легко; но здесь, dans ce vilain trou morave,²⁹⁰ это труднее, и я прошу у всех вас помощи. Il faut lui faire les honneurs de Brünn.²⁹¹ Вы возьмите на себя театр, я – общество, вы, Ипполит, разумеется, – женщин.

– Надо ему показать Амели, прелесть! – сказал один из *наших*, целуя кончики пальцев.

²⁸⁵ Ну-ка, ну-ка,

²⁸⁶ Женщина – подруга мужчины,

²⁸⁷ Берлинский кабинет не может выразить свое мнение о союзе, не выражая... как в своей последней ноте... вы понимаете... вы понимаете... впрочем, если его величество император не изменит сущности нашего союза...

²⁸⁸ Подождите, я не кончил... Я думаю, что вмешательство будет прочнее чем невмешательство. И... Невозможно считать дело оконченным непринятием нашей депеши от 28 ноября... Вот чем всё это кончится.

²⁸⁹ Демосфен, я узнаю тебя по камню, который ты скрываешь в своих золотых устах!

²⁹⁰ в этой гадкой моравской дыре,

²⁹¹ Надо его поподчевать Брюнном.

– Вообще этого кроважного солдата, — сказал Билибин, — надо обратить к более чело-
веколюбивым взглядам.

– Едва ли я воспользуюсь вашим гостеприимством, господа, и теперь мне пора ехать, —
взглядывая на часы, сказал Болконский.

– Куда?

– К императору.

– О, о! о!

– Ну, до свидания, Болконский! — До свидания, князь; приезжайте же обедать раньше, —
послышались голоса. — Мы беремся за вас.

– Старайтесь как можно более расхваливать порядок в доставлении провианта и марш-
рутов, когда будете говорить с императором, — сказал Билибин, провожая до передней Болкон-
ского.

– И желал бы хвалить, но не могу, сколько знаю, — улыбаясь отвечал Болконский.

– Ну, вообще как можно больше говорите. Его страсть — аудиенции; а говорить сам он
не любит и не умеет, как увидите.

ХII.

На выходе император Франц только пристально взгляделся в лицо князя Андрея, стояв-
шего в назначенном месте между австрийскими офицерами, и кивнул ему своей длинной голо-
вой. Но после выхода вчерашний флигель-адъютант с учтивостью передал Болконскому жела-
ние императора дать ему аудиенцию. Император Франц принял его, стоя посредине комнаты.
Перед тем как начинать разговор, князя Андрея поразило то, что император как будто сме-
шался, не зная, что́ сказать, и покраснел.

– Скажите, когда началось сражение? — спросил он поспешно.

Князь Андрей отвечал. После этого вопроса следовали другие, столь же простые
вопросы: «здоров ли Кутузов? как давно выехал он из Кремса?» и т. п. Император говорил
с таким выражением, как будто вся цель его состояла только в том, чтобы сделать известное
количество вопросов. Ответы же на эти вопросы, как было слишком очевидно, не могли инте-
ресовать его.

– В котором часу началось сражение? — спросил император.

– Не могу донести вашему величеству, в котором часу началось сражение с фронта, но
в Дюренштейне, где я находился, войско начало атаку в 6 часу вечера, — сказал Болконский,
оживляясь и при этом случае предполагая, что ему удастся представить уже готовое в его голове
правдивое описание всего того, что́ он знал и видел.

Но император улыбнулся и перебил его:

– Сколько миль?

– Откуда и докуда, ваше величество?

– От Дюренштейна до Кремса?

– Три с половиною мили, ваше величество.

– Французы оставили левый берег?

– Как доносили лазутчики, в ночь на плотях переправились последние.

– Достаточно ли фуража в Кремсе?

– Фураж не был доставлен в том количестве...

Император перебил его.

– В котором часу убит генерал Шмит?

– В семь часов, кажется.

– В 7 часов? Очень печально! Очень печально!

Император сказал, что он благодарит, и поклонился. Князь Андрей вышел и тотчас же со всех сторон был окружен придворными. Со всех сторон глядели на него ласковые глаза и слышались ласковые слова. Вчерашний флигель-адъютант делал ему упреки, зачем он не остановился во дворце, и предлагал ему свой дом. Военный министр подошел, поздравляя его с орденом Марии-Терезии 3-й степени, которым жаловал его император. Камергер императрицы приглашал его к ее величеству. Эрцгерцогиня тоже желала его видеть. Он не знал, кому отвечать, и несколько секунд собирался с мыслями. Русский посланник взял его за плечо, отвел к окну и стал говорить с ним.

Вопреки словам Билибина, известие, привезенное им, было принято радостно. Назначено было благодарственное молебствие. Кутузов был награжден Марией-Терезией большого креста, и вся армия получила награды. Болконский получал приглашения со всех сторон и всё утро должен был делать визиты главным сановникам Австрии. Окончив свои визиты в пятом часу вечера, мысленно сочиняя письмо отцу о сражении и о своей поездке в Брюнн, князь Андрей возвращался домой к Билибину. У крыльца дома, занимаемого Билибиным, стояла до половины уложенная вещами бричка, и Франц, слуга Билибина, с трудом таща чемодан, вышел из двери. (Прежде чем ехать к Билибину, князь Андрей поехал в книжную лавку запастись на поход книгами и засиделся в лавке.)

– Что такое? – спросил Болконский.

– Ach, Erlaucht? – сказал Франц, с трудом взваливая чемодан в бричку. – Wir ziehen noch weiter. Der Bösewicht ist schon wieder hinter uns her!²⁹²

– Что такое? Что? – спрашивал князь Андрей.

Билибин вышел навстречу Болконскому. На всегда спокойном лице Билибина было волнение.

– Non, non, avouez que c'est charmant, – говорил он, – cette histoire du pont de Thabor (мост в Вене). Ils Pont passé sans coup férir.²⁹³

Князь Андрей ничего не понимал.

– Да откуда же вы, что вы не знаете того, что уже знают все кучера в городе?

– Я от эрцгерцогини. Там я ничего не слышал.

– И не видали, что везде укладываются?

– Не видал... Да в чем дело? – нетерпеливо спросил князь Андрей.

– В чем дело? Дело в том, что французы перешли мост, который защищает Ауэрсберг, и мост не взорвали, так что Мюрат бежит теперь по дороге к Брюнну, и нынче-завтра они будут здесь.

– Как здесь? Да как же не взорвали мост, когда он минирован?

– А это я у вас спрашиваю? Этого никто, и сам Бонапарте, не знает.

Болконский пожал плечами.

– Но ежели мост перейден, значит, и армия погибла: она будет отрезана, – сказал он.

– В этом-то и штука, – отвечал Билибин. – Слушайте. Вступают французы в Вену, как я вам говорил. Всё очень хорошо. На другой день, то есть вчера, господа маршалы: Мюрат, Ланн и Бельяр, садятся верхом и отправляются на мост. (Заметьте, все трое гасконцы.) Господа, – говорит один, – вы знаете, что Таборский мост минирован и контраминирован, и что перед ним грозный tête de pont²⁹⁴ и пятнадцать тысяч войска, которому велено взорвать мост и нас не пускать. Но нашему государю императору Наполеону будет приятно, ежели мы возьмем этот мост. Поедемте втроем и возьмем этот мост. – Поедемте, говорят другие; и они отправляются

²⁹² Ах, ваше сиятельство! Мы отправляемся еще далее. Злодей уж опять за нами по пятам.

²⁹³ Нет, нет, признайтесь, что это прелесть, эта история с Таборским мостом. Они перешли его без сопротивления.

²⁹⁴ мостовое укрепление

и берут мост, переходят его и теперь со всею армией по сю сторону Дуная направляются на нас, на вас и на ваши сообщения.

– Полноте шутить, – грустно и серьезно сказал князь Андрей.

Известие это было горестно и вместе с тем приятно князю Андрею. Как только он узнал, что русская армия находится в таком безнадежном положении, ему пришло в голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему первый путь к славе! Слушая Билибина, он соображал уже, как, приехав к армии, он на военном совете подаст мнение, которое одно спасает армию, и как ему одному будет поручено исполнение этого плана.

– Полноте шутить, – сказал он.

– Не шучу, – продолжал Билибин, – ничего нет справедливее и печальнее. Господа эти приезжают на мост одни и поднимают белые платки; уверяют, что перемирие, и что они, маршалы, едут для переговоров с князем Ауэрспергом. Дежурный офицер пускает их в *tête de pont*.²⁹⁵ Они рассказывают ему тысячу гасконских глупостей: говорят, что война кончена, что император Франц назначил свидание Бонапарту, что они желают видеть князя Ауэрсперга и проч. Офицер посылает за Ауэрспергом; господа эти обнимают офицеров, шутят, садятся на пушки, а между тем французский батальон незамеченный входит на мост, сбрасывает мешки с горючими веществами в воду и подходит к *tête de pont*.²⁹⁶ Наконец, является сам генерал-лейтенант, наш милый князь Ауэрсберг фон-Маутерн. «Милый неприятель! Цвет австрийского воинства, герой турецких войн! Вражда кончена, мы можем подать друг другу руку... император Наполеон сгорает желанием узнать князя Ауэрсберга». Одним словом, эти господа, не даром гасконцы, так забрасывают Ауэрсберга прекрасными словами, он так прельщен своею столь быстро установившеюся интимностью с французскими маршалами, так ослеплен видом мантии и страусовых перьев Мюрата, *qu'il n'y voit que du feu, et oublie celui qu'il devait faire faire sur l'ennemi*.²⁹⁷ (Несмотря на живость своей речи, Билибин не забыл приостановиться после этого *mot*, чтобы дать время оценить его.) Французский батальон вбегает в *tête de pont*, заковывают пушки, и мост взят. Нет, но что лучше всего, – продолжал он, успокоиваясь в своем волнении прелестью собственного рассказа, – это то, что сержант, приставленный к той пушке, по сигналу которой должно было зажигать мины и взрывать мост, сержант этот, увидав, что французские войска бегут на мост, хотел уже стрелять, но Ланн отвел его руку. Сержант, который, видно, был умнее своего генерала, подходит к Ауэрсбергу и говорит: «Князь, вас обманывают, вот французы!» Мюрат видит, что дело проиграно, ежели дать говорить сержанту. Он с притворным удивлением (настоящий гасконец) обращается к Ауэрсбергу: «Я не узнаю столь хваленую в мире австрийскую дисциплину, – говорит он, – и вы позволяете так говорить с вами низшему чину!» *C'est génial. Le prince d'Auersperg se pique d'honneur et fait mettre le sergent aux arrêts. Non, mais avouez que c'est charmant toute cette histoire du pont de Thabor. Ce n'est ni bêtise, ni lâcheté...*²⁹⁸

– *C'est trahison peut-être*,²⁹⁹ – сказал князь Андрей, живо воображая себе серые шинели, раны, пороховой дым, звуки пальбы и славу, которая ожидает его.

– *Non plus. Cela met la cour dans de trop mauvais draps*, – продолжал Билибин. – *Ce n'est ni trahison, ni lâcheté, ni bêtise; c'est comme à Ulm...* – Он как будто задумался, отыскивая выра-

²⁹⁵ мостовое укрепление.

²⁹⁶ [Что он видит только их огонь и забывает о своем, о том, который он обязан был открыть против неприятеля.]

²⁹⁷

²⁹⁸ Это гениально. Князь Ауэрсберг оскорбляется и приказывает арестовать сержанта. Нет, признайтесь, что это прелесть, вся эта история с мостом. Это не то что глупость, – не то что подлость...

²⁹⁹ Быть может, измена,

жение: – *c'est... c'est du Mack. Nous sommes mackés.*³⁰⁰ – заключил он, чувствуя, что он сказал un mot, и свежее mot, такое mot, которое будет повторяться.

Собранные до тех пор складки на лбу быстро распустились в знак удовольствия, и он, слегка улыбаясь, стал рассматривать свои ногти.

– Куда вы? – сказал он вдруг, обращаясь к князю Андрею, который встал и направился в свою комнату.

– Я еду.

– Куда?

– В армию.

– Да вы хотели остаться еще два дня?

– А теперь я еду сейчас.

И князь Андрей, сделав распоряжение об отъезде, ушел в свою комнату.

– Знаете что, мой милый, – сказал Билибин, входя к нему в комнату. – Я подумал об вас. Зачем вы поедете?

И в доказательство неопровержимости этого довода складки все сбежали с лица.

Князь Андрей вопросительно посмотрел на своего собеседника и ничего не ответил.

– Зачем вы поедете? Я знаю, вы думаете, что ваш долг – скакать в армию теперь, когда армия в опасности. Я это понимаю, *mon cher, c'est de l'heroisme.*³⁰¹

– Нисколько, – сказал князь Андрей.

– Но вы *un philosophe*,³⁰² будьте же им вполне, посмотрите на вещи с другой стороны, и вы увидите, что ваш долг, напротив, беречь себя. Предоставьте это другим, которые ни на что более не годны... Вам не велено приезжать назад, и отсюда вас не отпустили; стало быть, вы можете остаться и ехать с нами, куда нас повлечет наша несчастная судьба. Говорят, едут в Ольмюц. А Ольмюц очень милый город. И мы с вами вместе спокойно поедem в моей коляске.

– Перестаньте шутить, Билибин, – сказал Болконский.

– Я говорю вам искренно и дружески. Рассудите. Куда и для чего вы поедете теперь, когда вы можете оставаться здесь? Вас ожидает одно из двух (он собрал кожу над левым виском): или не доедете до армии и мир будет заключен, или поражение и срам со всею кутузовскою армией.

И Билибин распустил кожу, чувствуя, что дилемма его неопровержима.

– Этого я не могу рассудить, – холодно сказал князь Андрей, а подумал: «еду для того, чтобы спасти армию».

– *Mon cher, vous êtes un héros,*³⁰³ – сказал Билибин.

ХIII.

В ту же ночь, откланявшись военному министру, Болконский ехал к армии, сам не зная, где он найдет ее, и опасаясь по дороге к Кремсу быть перехваченным французами.

В Брюнне всё придворное население укладывалось, и уже отправлялись тяжести в Ольмюц. Около Эцельсдорфа князь Андрей выехал на дорогу, по которой с величайшею поспешностью и в величайшем беспорядке двигалась русская армия. Дорога была так запружена повозками, что невозможно было ехать в экипаже. Взяв у казачьего начальника лошадь и казака, князь Андрей, голодный и усталый, обгоняя обозы, ехал отыскивать главнокомандующего и свою повозку. Самые зловещие слухи о положении армии доходили до него дорогой, и вид беспорядочно-бегущей армии подтверждал эти слухи.

³⁰⁰ Также нет. Это ставит двор в слишком дурное положение. Это ни измена, ни подлость, ни глупость; это как при Ульме, это... это *Маковицина*. Мы *обмаковались*.

³⁰¹ мой милый, это героизм.

³⁰² философ,

³⁰³ мой милый, вы – герой,

«Cette armée russe que l'or de l'Angleterre a transportée des extrémités de l'univers, nous allons lui faire éprouver le même sort (le sort de l'armée d'Ulm)»,³⁰⁴ вспоминал он слова приказа Бонапарта своей армии перед началом кампании, и слова эти одинаково возбуждали в нем удивление к гениальному герою, чувство оскорбленной гордости и надежду славы. «А ежели ничего не остается, кроме как умереть? думал он. Что же, коли нужно! Я сделаю это не хуже других».

Князь Андрей с презрением смотрел на эти бесконечные, мешавшиеся команды, повозки, парки, артиллерию и опять повозки, повозки и повозки всех возможных видов, обгонявшие одна другую и в три, в четыре ряда запружавшие грязную дорогу. Со всех сторон, назади и впереди, покуда хватал слух, слышались звуки колес, громохание кузовов, телег и лафетов, лошадиный топот, удары кнутом, крики понуканий, ругательства солдат, денщиков и офицеров. По краям дороги видны были беспрестанно то павшие ободранные и неободранные лошади, то сломанные повозки, у которых, дожидаясь чего-то, сидели одинокие солдаты, то отделившиеся от команд солдаты, которые толпами направлялись в соседние деревни или тащили из деревень кур, баранов, сено или мешки, чем-то наполненные. На спусках и подъемах толпы делались гуще, и стоял непрерывный стон криков. Солдаты, утопая по колена в грязи, на руках подхватывали орудия и фуры; бились кнуты, скользили копыта, лопались построжки и надрывались криками груди. Офицеры, заведывавшие движением, то вперед, то назад проезжали между обозами. Голоса их были слабо слышны посреди общего гула, и по лицам их видно было, что они отчаивались в возможности остановить этот беспорядок.

«Voilà le cher³⁰⁵ православное воинство» подумал Болконский, вспоминая слова Билибина.

Желая спросить у кого-нибудь из этих людей, где главнокомандующий, он подъехал к обозу. Прямо против него ехал странный, в одну лошадь, экипаж, видимо, устроенный домашними солдатскими средствами, представлявший середину между телегой, кабриолетом и коляской. В экипаже правил солдат и сидела под кожаным верхом за фартуком женщина, вся обвязанная платками. Князь Андрей подъехал и уже обратился с вопросом к солдату, когда его внимание обратили отчаянные крики женщины, сидевшей в кибиточке. Офицер, заведывавший обозом, бил солдата, сидевшего кучером в этой колясочке, за то, что он хотел объехать других, и плетъ попадала по фартуку экипажа. Женщина пронзительно кричала. Увидав князя Андрея, она высунулась из-под фартука и, махая худыми руками, выскочившими из-под коврового платка, кричала:

– Адъютант! Господин адъютант!.. Ради Бога... защитите... Что ж это будет?.. Я лекарская жена 7-го егерского... не пускают; мы отстали, своих потеряли...

– В лепешку расшибу, заворачивай! – кричал озлобленный офицер на солдата, – заворачивай назад со шлюхой своею.

– Господин адъютант, защитите. Что ж это? – кричала лекарша.

– Извольте пропустить эту повозку. Разве вы не видите, что это женщина? – сказал князь Андрей, подъезжая к офицеру.

Офицер взглянул на него и, не отвечая, поворотился опять к солдату: – Я те объеду... Назад!...

– Пропустите, я вам говорю, – опять повторил, поджимая губы, князь Андрей.

– А ты кто такой? – вдруг с пьяным бешенством обратился к нему офицер. – Ты кто такой? Ты (он особенно упирал на *ты*) начальник, что ль? Здесь я начальник, а не ты. Ты, назад, – повторил он, – в лепешку расшибу.

³⁰⁴ «Эту русскую армию, которую английское золото перенесло сюда с конца света, мы заставим ее испытать ту же участь (участь ульмской армии)».

³⁰⁵ Вот оно милое

Это выражение, видимо, понравилось офицеру.

– Важно отбрил адъютантика, – послышался голос сзади.

Князь Андрей видел, что офицер находился в том пьяном припадке беспричинного бешенства, в котором люди не помнят, что говорят. Он видел, что его заступничество за лекарскую жену в кибиточке исполнено того, чего он боялся больше всего в мире, того, что называется *ridicule*,³⁰⁶ но инстинкт его говорил другое. Не успел офицер договорить последних слов, как князь Андрей с изуродованным от бешенства лицом подъехал к нему и поднял нагайку:

– Из-воль-те про-пус-тить!

Офицер махнул рукой и торопливо отъехал прочь.

– Всё от этих, от штабных, беспорядок весь, – проворчал он. – Делайте ж, как знаете.

Князь Андрей торопливо, не поднимая глаз, отъехал от лекарской жены, называвшей его спасителем, и, с отвращением вспоминая мельчайшие подробности этой унижительной сцены, поскакал дальше к той деревне, где, как ему сказали, находился главнокомандующий.

Въехав в деревню, он слез с лошади и пошел к первому дому с намерением отдохнуть хоть на минуту, съесть что-нибудь и привести в ясность все эти оскорбительные, мучившие его мысли. «Это толпа мерзавцев, а не войско», думал он, подходя к окну первого дома, когда знакомый ему голос назвал его по имени.

Он оглянулся. Из маленького окна высовывалось красивое лицо Несвицкого. Несвицкий, пережевывая что-то сочным ртом и махая руками, звал его к себе.

– Болконский, Болконский! Не слышишь, что ли? Иди скорее, – кричал он.

Войдя в дом, князь Андрей увидал Несвицкого и еще другого адъютанта, закусывавших что-то. Они поспешно обратились к Болконскому с вопросом, не знает ли он чего нового? На их столь знакомых ему лицах князь Андрей прочел выражение тревоги и беспокойства. Выражение это особенно заметно было на всегда смеющемся лице Несвицкого.

– Где главнокомандующий? – спросил Болконский.

– Здесь, в том доме, – отвечал адъютант.

– Ну, что ж, правда, что мир и капитуляция? – спрашивал Несвицкий.

– Я у вас спрашиваю. Я ничего не знаю, кроме того, что я насилу добрался до вас.

– А у нас, брат, что! Ужас! Винюсь, брат, над Маком смеялись, а самим еще хуже приходится, – сказал Несвицкий. – Да садись же, поешь чего-нибудь.

– Теперь, князь, ни повозок, ничего не найдете, и ваш Петр Бог его знает где, – сказал другой адъютант.

– Где ж главная квартира?

– В Цнайме ночуем.

– А я так перевьючил себе всё, что мне нужно, на двух лошадей, – сказал Несвицкий, – и выюки отличные мне сделали. Хоть через Богемские горы удирать. Плохо, брат. Да что ты, верно нездоров, что так вздрагиваешь? – спросил Несвицкий, заметив, как князя Андрея дернуло, будто от прикосновения к лейденской банке.

– Ничего, – отвечал князь Андрей.

Он вспомнил в эту минуту о недавнем столкновении с лекарскою женой и фурштатским офицером.

– Что главнокомандующий здесь делает? – спросил он.

– Ничего не понимаю, – сказал Несвицкий.

– Я одно понимаю, что всё мерзко, мерзко и мерзко, – сказал князь Андрей и пошел в дом, где стоял главнокомандующий.

Пройдя мимо экипажа Кутузова, верховых замученных лошадей свиты и казаков, громко говоривших между собою, князь Андрей вошел в сени. Сам Кутузов, как сказали князю

³⁰⁶ [смешным],

Андрею, находился в избе с князем Багратионом и Вейротером. Вейротер был австрийский генерал, заменивший убитого Шмита. В сенях маленький Козловский сидел на корточках перед писарем. Писарь на перевернутой кадушке, заворотив обшлага мундира, поспешно писал. Лицо Козловского было измученное – он, видно, тоже не спал ночь. Он взглянул на князя Андрея и даже не кивнул ему головой.

– Вторая линия... Написал? — продолжал он, диктуя писарю, – Киевский гренадерский, Подольский...

– Не поспеешь, ваше высокоблагородие, – отвечал писарь непочтительно и сердито, оглядываясь на Козловского.

Из-за двери слышен был в это время оживленно-недовольный голос Кутузова, перебиваемый другим, незнакомым голосом. По звуку этих голосов, по невниманию, с которым взглянул на него Козловский, по непочтительности измученного писаря, по тому, что писарь и Козловский сидели так близко от главнокомандующего на полу около кадушки, и по тому, что казаки, державшие лошадей, смеялись громко под окном дома, – по всему этому князь Андрей чувствовал, что должно было случиться что-нибудь важное и несчастливое.

Князь Андрей настоятельно обратился к Козловскому с вопросами.

– Сейчас, князь, – сказал Козловский. – Диспозиция Багратиону.

– А капитуляция?

– Никакой нет; сделаны распоряжения к сражению.

Князь Андрей направился к двери, из-за которой слышны были голоса. Но в то время, как он хотел отворить дверь, голоса в комнате замолкли, дверь сама отворилась, и Кутузов, с своим орлиным носом на пухлом лице, показался на пороге. Князь Андрей стоял прямо против Кутузова; но по выражению единственного зрячего глаза главнокомандующего видно было, что мысль и забота так сильно занимали его, что как будто застилали ему зрение. Он прямо смотрел на лицо своего адъютанта и не узнавал его.

– Ну, что, кончил? – обратился он к Козловскому.

– Сию секунду, ваше высокопревосходительство.

Багратион, невысокий, с восточным типом твердого и неподвижного лица, сухой, еще не старый человек, вышел за главнокомандующим.

– Честь имею явиться, – повторил довольно громко князь Андрей, подавая конверт.

– А, из Вены? Хорошо. После, после!

Кутузов вышел с Багратионом на крыльцо.

– Ну, князь, прощай, – сказал он Багратиону. – Христос с тобой. Благословляю тебя на великий подвиг.

Лицо Кутузова неожиданно смягчилось, и слезы показались в его глазах. Он притянул к себе левою рукой Багратиона, а правую, на которой было кольцо, видимо-привычным жестом перекрестил его и подставил ему пухлую щеку, вместо которой Багратион поцеловал его в шею.

– Христос с тобой! – повторил Кутузов и подошел к коляске. – Садись со мной, – сказал он Болконскому.

– Ваше высокопревосходительство, я желал бы быть полезен здесь. Позвольте мне остаться в отряде князя Багратиона.

– Садись, – сказал Кутузов и, заметив, что Болконский медлит, – мне хорошие офицеры самому нужны, самому нужны.

Они сели в коляску и молча проехали несколько минут.

– Еще впереди много, много всего будет, – сказал он со старческим выражением пронительности, как будто поняв всё, что делалось в душе Болконского. – Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду Бога благодарить, – прибавил Кутузов, как бы говоря сам с собой.

Князь Андрей взглянул на Кутузова, и ему невольно бросились в глаза, в полуаршине от него, чисто промытые сборки шрама на виске Кутузова, где измаильская пуля пронизала ему голову, и его вытекший глаз. «Да, он имеет право так спокойно говорить о гибели этих людей!» подумал Болконский.

– От этого я и прошу отправить меня в этот отряд, – сказал он.

Кутузов не ответил. Он, казалось, уж забыл о том, что было сказано им, и сидел задумавшись. Через пять минут, плавно раскачиваясь на мягких рессорах коляски, Кутузов обратился к князю Андрею. На лице его не было и следа волнения. Он с тонкою насмешливостью расспрашивал князя Андрея о подробностях его свидания с императором, об отзывах, слышанных при дворе о кремском деле, и о некоторых общих знакомых женщинах.

XIV.

Кутузов чрез своего лазутчика получил 1-го ноября известие, ставившее командуемую им армию почти в безвыходное положение. Лазутчик доносил, что французы в огромных силах, перейдя венский мост, направились на путь сообщения Кутузова с войсками, шедшими из России. Ежели бы Кутузов решился оставаться в Кремсе, то полуторастатысячная армия Наполеона отрезала бы его от всех сообщений, окружила бы его сорокатысячную изнуренную армию, и он находился бы в положении Мака под Ульмом. Ежели бы Кутузов решился оставить дорогу, ведущую на сообщения с войсками из России, то он должен был вступить без дороги в неизвестные края Богемских гор, защищаясь от превосходного силами неприятеля, и оставить всякую надежду на сообщение с Буксгевденом. Ежели бы Кутузов решился отступать по дороге из Кремса в Ольмюд на соединение с войсками из России, то он рисковал быть предупрежденным на этой дороге французами, перешедшими мост в Вене, и таким образом быть принужденным принять сражение на походе, со всеми тяжестями и обозами, и имея дело с неприятелем, вдвое превосходившим его и окружавшим его с двух сторон.

Кутузов избрал этот последний выход.

Французы, как доносил лазутчик, перейдя мост в Вене, усиленным маршем шли на Цнайм, лежавший на пути отступления Кутузова, впереди его более чем на сто верст. Достигнуть Цнайма прежде французов – значило получить большую надежду на спасение армии; дать французам предупредить себя в Цнайме – значило наверное подвергнуть всю армию позору, подобному ульмскому, или общей гибели. Но предупредить французов со всею армией было невозможно. Дорога французов от Вены до Цнайма была короче и лучше, чем дорога русских от Кремса до Цнайма.

В ночь получения известия Кутузов послал четырехтысячный авангард Багратиона направо горами с кремско-цнаймской дороги на венско-цнаймскую. Багратион должен был пройти без отдыха этот переход, остановиться лицом к Вене и задом к Цнайму, и ежели бы ему удалось предупредить французов, то он должен был задерживать их, сколько мог. Сам же Кутузов со всеми тяжестями тронулся к Цнайму.

Пройдя с голодными, разутыми солдатами, без дороги, по горам, в бурную ночь сорок пять верст, растеряв третью часть отсталыми, Багратион вышел в Голлабрун на венско-цнаймскую дорогу несколькими часами прежде французов, подходивших к Голлабруну из Вены. Кутузову надо было идти еще целые сутки с своими обозами, чтобы достигнуть Цнайма, и потому, чтобы спасти армию, Багратион должен был с четырьмя тысячами голодных, измученных солдат удерживать в продолжение суток всю неприятельскую армию, встретившуюся с ним в Голлабруне, что было, очевидно, невозможно. Но странная судьба сделала невозможное возможным. Успех того обмана, который без боя отдал венский мост в руки французов, побудил Мюрата попытаться обмануть так же и Кутузова. Мюрат, встретив слабый отряд Багратиона на цнаймской дороге, подумал, что это была вся армия Кутузова. Чтобы несомненно

раздавить эту армию, он поджидал отставшие по дороге из Вены войска и с этою целью предложил перемирие на три дня, с условием, чтобы те и другие войска не изменяли своих положений и не трогались с места. Мюрат уверял, что уже идут переговоры о мире и что потому, избегая бесполезного пролития крови, он предлагает перемирие. Австрийский генерал граф Ностиц, стоявший на аванпостах, поверил словам парламентаря Мюрата и отступил, открыв отряд Багратиона. Другой парламентар поехал в русскую цепь объявить то же известие о мирных переговорах и предложить перемирие русским войскам на три дня. Багратион отвечал, что он не может принимать или не принимать перемирия, и с донесением о сделанном ему предложении послал к Кутузову своего адъютанта.

Перемирие для Кутузова было единственным средством выиграть время, дать отдохнуть измученному отряду Багратиона и пропустить обозы и тяжести (движение которых было скрыто от французов), хотя один лишний переход до Цнайма. Предложение перемирия давало единственную и неожиданную возможность спасти армию. Получив это известие, Кутузов немедленно послал состоявшего при нем генерал-адъютанта Винценгероде в неприятельский лагерь. Винценгероде должен был не только принять перемирие, но и предложить условия капитуляции, а между тем Кутузов послал своих адъютантов назад торопить сколь возможно движение обозов всей армии по кремско-цнаймской дороге. Измученный, голодный отряд Багратиона один должен был, прикрывая собой это движение обозов и всей армии, неподвижно оставаться перед неприятелем в восемь раз сильнейшим.

Ожидания Кутузова сбылись как относительно того, что предложения капитуляции, ни к чему не обязывающие, могли дать время пройти некоторой части обозов, так и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро. Как только Бонапарте, находившийся в Шенбрунне, в 25 верстах от Голлабруна, получил донесение Мюрата и проект перемирия и капитуляции, он увидел обман и написал следующее письмо к Мюрату:

Au prince Murat. Schoenbrunn, 25 brumaire en 1805 à huit heures du matin.

«Il m'est impossible de trouver des termes pour vous exprimer mon mécontentement. Vous ne commandez que mon avant-garde et vous n'avez pas le droit de faire d'armistice sans mon ordre. Vous me faites perdre le fruit d'une campagne. Rompez l'armistice sur-le-champ et marchez à l'ennemi. Vous lui ferez déclarer, que le général qui a signé cette capitulation, n'avait pas le droit de le faire, qu'il n'y a que l'Empereur de Russie qui ait ce droit.

«Toutes les fois cependant que l'Empereur de Russie ratifierait la dite convention, je la ratifierai; mais ce n'est qu'une ruse. Marchez, détruisez l'armée russe... vous êtes en position de prendre son bagage et son artillerie.

«L'aide-de-camp de l'Empereur de Russie est un... Les officiers ne sont rien quand ils n'ont pas de pouvoirs: celui-ci n'en avait point... Les Autrichiens se sont laissé jouer pour le passage du pont, de Vienne, vous vous laissez jouer par un aide-de-camp de l'Empereur.

Napoléon».³⁰⁷

Адъютант Бонапарте во всю прыть лошади скакал с этим грозным письмом к Мюрату. Сам Бонапарте, не доверяя своим генералам, со всею гвардией двигался к полю сражения, боясь

³⁰⁷ Принцу Мюрату. Шенбрунн, 25 брюмера 1805 г. 8 часов утра. Я не могу найти слов, чтоб выразить вам мое неудовольствие. Вы командуете только моим авангардом и не имеете права делать перемирие без моего приказанья. Вы заставляете меня потерять плоды целой кампании. Немедленно разорвите перемирие и идите против неприятеля. Вы объявите ему, что генерал, подписавший эту капитуляцию, не имел на это права, и никто не имеет, исключая лишь российского императора. Впрочем, если российский император согласится на упомянутое условие, я тоже соглашусь; но это не что иное, как хитрость. Идите, уничтожьте русскую армию... Вы можете взять ее обозы и ее артиллерию. Генерал-адъютант российского императора обманщик... Офицеры ничего не значат, когда не имеют власти полномочия; он также не имеет его... Австрийцы дали себя обмануть при переходе венского моста, а вы даёте себя обмануть адъютантам императора. Наполеон.

упустить готовую жертву, а 4000-ный отряд Багратиона, весело раскладывая костры, сушился, обогревался, варил в первый раз после трех дней кашу, и никто из людей отряда не знал и не думал о том, что предстояло ему.

XV.

В четвертом часу вечера князь Андрей, настояв на своей просьбе у Кутузова, приехал в Грунт и явился к Багратиону. Адьютант Бонапарте еще не приехал в отряд Мюрата, и сражение еще не начиналось. В отряде Багратиона ничего не знали об общем ходе дел, говорили о мире, но не верили в его возможность. Говорили о сражении и тоже не верили и в близость сражения.

Багратион, зная Болконского за любимого и доверенного адъютанта, принял его с особенным начальническим отличием и снисхождением, объяснил ему, что, вероятно, нынче или завтра будет сражение, и предоставил ему полную свободу находиться при нем во время сражения или в арьергарде наблюдать за порядком отступления, «что тоже было очень важно».

– Впрочем, нынче, вероятно, дела не будет, – сказал Багратион, как бы успокоивая князя Андрея.

«Ежели это один из обыкновенных штабных франтиков, посылаемых для получения крестика, то он и в арьергарде получит награду, а ежели хочет со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицер», подумал Багратион. Князь Андрей ничего не ответив, попросил позволения объехать позицию и узнать расположение войск с тем, чтобы в случае поручения знать, куда ехать. Дежурный офицер отряда, мужчина красивый, щеголевато одетый и с алмазным перстнем на указательном пальце, дурно, но охотно говоривший по-французски, вызвался проводить князя Андрея.

Со всех сторон виднелись мокрые, с грустными лицами офицеры, чего-то как будто искавшие, и солдаты, тащившие из деревни двери, лавки и заборы.

– Вот не можем, князь, избавиться от этого народа, – сказал штаб-офицер, указывая на этих людей. – Распускают командиры. А вот здесь, – он указал на раскинутую палатку маркизанта, – собьются и сидят. Нынче утром всех выгнал: посмотрите, опять полна. Надо подъехать, князь, пугнуть их. Одна минута.

– Заедемте, и я возьму у него сыру и булку, – сказал князь Андрей, который не успел еще поест.

– Что ж вы не сказали, князь? Я бы предложил своего хлеба-соли.

Они сошли с лошадей и вошли под палатку маркизанта. Несколько человек офицеров с раскрасневшимися и истомленными лицами сидели за столами, пили и ели.

– Ну, что ж это, господа! – сказал штаб-офицер тоном упрека, как человек, уже несколько раз повторявший одно и то же. – Ведь нельзя же отлучаться так. Князь приказал, чтобы никого не было. Ну, вот вы, г. штабс-капитан, – обратился он к маленькому, грязному, худому артиллерийскому офицеру, который без сапог (он отдал их сушить маркизанту), в одних чулках, встал перед вошедшими, улыбаясь не совсем естественно.

– Ну, как вам, капитан Тушин, не стыдно? – продолжал штаб-офицер, – вам бы, кажется, как артиллеристу надо пример показывать, а вы без сапог. Забьют тревогу, а вы без сапог очень хороши будете. (Штаб-офицер улыбнулся.) Извольте отправляться к своим местам, господа, все, все, – прибавил он начальнически.

Князь Андрей невольно улыбнулся, взглянув на штабс-капитана Тушина. Молча и улыбаясь, Тушин, переступая с босой ноги на ногу, вопросительно глядел большими, умными и добрыми глазами то на князя Андрея, то на штаб-офицера.

– Солдаты говорят: разумшись ловчее, – сказал капитан Тушин, улыбаясь и робея, видимо, желая из своего неловкого положения перейти в шуточный тон.

Но еще он не договорил, как почувствовал, что шутка его не принята и не вышла. Он смутился.

– Извольте отправляться, – сказал штаб-офицер, стараясь удержать серьезность.

Князь Андрей еще раз взглянул на фигурку артиллериста. В ней было что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное.

Штаб-офицер и князь Андрей сели на лошадей и поехали дальше.

Выехав за деревню, беспрестанно обгоняя и встречая идущих солдат, офицеров разных команд, они увидали налево краснеющие свежую, вновь вскопанную глиною строящиеся укрепления. Несколько батальонов солдат в одних рубахах, несмотря на холодный ветер, как белые муравьи, копошились на этих укреплениях; из-за вала невидимо кем беспрестанно выкидывались лопаты красной глины. Они подъехали к укреплению, осмотрели его и поехали дальше. За самым укреплением наткнулись они на несколько десятков солдат, беспрестанно переменяющихся, сбегających с укрепления. Они должны были зажать нос и тронуть лошадей рысью, чтобы выехать из этой отравленной атмосферы.

– *Voilà l'agrément des camps, monsieur le prince*, – сказал дежурный штаб-офицер.³⁰⁸

Они выехали на противоположную гору. С этой горы уже видны были французы. Князь Андрей остановился и начал рассматривать.

– Вот тут наша батарея стоит, – сказал штаб-офицер, указывая на самый высокий пункт, – того самого чудака, что без сапог сидел; оттуда всё видно: поедемте, князь.

– Покорно благодарю, я теперь один проеду, – сказал князь Андрей, желая избавиться от штаб-офицера, – не беспокойтесь, пожалуйста.

Штаб-офицер отстал, и князь Андрей поехал один.

Чем далее подвигался он вперед, ближе к неприятелю, тем порядочнее и веселее становился вид войск. Самый сильный беспорядок и уныние были в том обозе перед Цнаймом, который объезжал утром князь Андрей и который был в десяти верстах от французов. В Грунте тоже чувствовалась некоторая тревога и страх чего-то. Но чем ближе подъезжал князь Андрей к цепи французов, тем самоувереннее становился вид наших войск. Выстроенные в ряд, стояли в шинелях солдаты, и фельдфебель и ротный рассчитывали людей, тыкая пальцем в грудь крайнему по отделению солдату и приказывая ему поднимать руку; рассыпанные по всему пространству, солдаты тащили дрова и хворост и строили балаганчики, весело смеясь и переговариваясь; у костров сидели одетые и голые, суша рубахи, подвертки или починивая сапоги и шинели, толпились около котлов и кашеваров. В одной роте обед был готов, и солдаты с жадными лицами смотрели на дымившиеся котлы и ждали пробы, которую в деревянной чашке подносил каптенармус офицеру, сидевшему на бревне против своего балагана.

В другой, более счастливой роте, так как не у всех была водка, солдаты, толпясь, стояли около рябого широкоплечего фельдфебеля, который, нагибая боченок, лил в подставляемые поочередно крышки манерок. Солдаты с набожными лицами подносили ко рту манерки, опрокидывали их и, полоща рот и утираясь рукавами шинелей, с повеселевшими лицами отходили от фельдфебеля. Все лица были такие спокойные, как будто всё происходило не в виду неприятеля, перед делом, где должна была остаться на месте, по крайней мере, половина отряда, а как будто где-нибудь на родине в ожидании спокойной стоянки. Проехав егерский полк, в рядах киевских гренадеров, молодцоватых людей, занятых теми же мирными делами, князь Андрей недалеко от высокого, отличавшегося от других балагана полкового командира, наехал на фронт взвода гренадер, перед которыми лежал обнаженный человек. Двое солдат держали его, а двое взмахивали гибкие прутья и мерно ударяли по обнаженной спине. Наказываемый неестественно кричал. Толстый майор ходил перед фронтом и, не переставая и не обращая внимания на крик, говорил:

³⁰⁸ Вот приятность лагеря, князь,

– Солдату позорно красть, солдат должен быть честен, благороден и храбр; а коли у своего брата украл, так в нем чести нет; это мерзавец. Еще, еще!

И всё слышались гибкие удары и отчаянный, но притворный крик.

– Еще, еще, – приговаривал майор.

Молодой офицер, с выражением недоумения и страдания в лице, отошел от наказываемого, оглядываясь вопросительно на проезжавшего адъютанта.

Князь Андрей, выехав в переднюю линию, поехал по фронту. Цепь наша и неприятельская стояли на левом и на правом фланге далеко друг от друга, но в середине, в том месте, где утром проезжали парламентареры, цепи сошлись так близко, что могли видеть лица друг друга и переговариваться между собою. Кроме солдат, занимавших цепь в этом месте, с той и с другой стороны стояло много любопытных, которые, посмеиваясь, разглядывали странных и чуждых для них неприятелей.

С раннего утра, несмотря на запрещение подходить к цепи, начальники не могли отбиться от любопытных. Солдаты, стоявшие в цепи, как люди, показывающие что-нибудь редкое, уж не смотрели на французов, а делали свои наблюдения над приходящими и, скучая, дожидались смены. Князь Андрей остановился рассматривать французов.

– Глянь-ка, глянь, – говорил один солдат товарищу, указывая на русского мушкетера-солдата, который с офицером подошел к цепи и что-то часто и горячо говорил с французским гренадером. – Вишь, лопочет как ловко! Аж хрэнцуз-то за ним не поспевает. Ну-ка ты, Сидоров!

– погоди, послушай. Ишь, ловко! – отвечал Сидоров, считавшийся мастером говорить по-французски.

Солдат, на которого указывали смеявшиеся, был Долохов. Князь Андрей узнал его и прислушался к его разговору. Долохов, вместе с своим ротным, пришел в цепь с левого фланга, на котором стоял их полк.

– Ну, еще, еще! – подстрекал ротный командир, нагибаясь вперед и стараясь не проронить ни одного непонятного для него слова. – Пожалуйста, почаше. Чтò он?

Долохов не отвечал ротному; он был вовлечен в горячий спор с французским гренадером. Они говорили, как и должно было быть, о кампании. Француз доказывал, смешивая австрийцев с русскими, что русские сдались и бежали от самого Ульма; Долохов доказывал, что русские не сдавались, а били французов.

– Здесь велят прогнать вас и прогоним, – говорил Долохов.

– Только старайтесь, чтобы вас не забрали со всеми вашими казаками, – сказал гренадер-француз.

Зрители и слушатели-французы засмеялись.

– Вас заставят плясать, как при Суворове вы плясали (*on vous fera danser*),³⁰⁹ – сказал Долохов.

– *Qu'est-ce qu'il chante?*³¹⁰ – сказал один француз.

– *De l'histoire ancienne*,³¹¹ – сказал другой, догадавшись, что дело шло о прежних войнах. – *L'Empereur va lui faire voir à votre Souvara, comme aux autres...*³¹²

– Бонапарте... – начал было Долохов, но француз перебил его.

– Нет Бонапарте. Есть император! *Sacré nom...*³¹³ – сердито крикнул он.

– Чорт его дери вашего императора!

И Долохов по-русски, грубо, по-солдатски обругался и, вскинув ружье, отошел прочь.

³⁰⁹ вас заставят плясать,

³¹⁰ Чтò он там поет?

³¹¹ Древняя история,

³¹² Император покажет вашему Сувару, как и другим...

³¹³ Чорт возьми...

– Пойдемте, Иван Лукич, – сказал он ротному.

– Вот так по-хрэнцуски, – заговорили солдаты в цепи. – Ну-ка ты, Сидоров!

Сидоров подмигнул и, обращаясь к французам, начал часто, часто лепетать непонятные слова:

– Кари, мала, тафа, сафи, мутер, каска, – лопотал он, стараясь придавать выразительные интонации своему голосу.

– Го, го, го! ха, ха, ха, ха! Ух! Ух! —раздался между солдатами грохот такого здорового и веселого хохота, невольно через цепь сообщившегося и французам, что после этого нужно было, казалось, разрядить ружья, взорвать заряды и разойтись поскорее всем по домам.

Но ружья остались заряжены, бойницы в домах и укреплениях так же грозно смотрели вперед и так же, как прежде, остались друг против друга обращенные, снятые с передков пушки.

XVI.

Объехав всю линию войск от правого до левого фланга князь Андрей поднялся на ту батарею, с которой, по словам штаб-офицера, всё поле было видно. Здесь он слез с лошади и остановился у крайнего из четырех снятых с передков орудий. Впереди орудий ходил часовой артиллерист, вытянувшийся было перед офицером, но по сделанному ему знаку возобновивший свое равномерное, скучливое хождение. Сзади орудий стояли передки, еще сзади коновязь и костры артиллеристов. Налево, недалеко от крайнего орудия, был новый плетеный шалашик, из которого слышались оживленные офицерские голоса.

Действительно, с батареи открывался вид почти всего расположения русских войск и большей части неприятеля. Прямо против батареи, на горизонте противоположного бугра, виднелась деревня Шенграбен; левее и правее можно было различить в трех местах, среди дыма их костров, массы французских войск, которых, очевидно, бо́льшая часть находилась в самой деревне и за горою. Левее деревни, в дыму, казалось что-то похожее на батарею, но простым глазом нельзя было рассмотреть хорошенько. Правый фланг наш располагался на довольно крутом возвышении, которое господствовало над позицией французов. По нем расположена была наша пехота, и на самом краю видны были драгуны. В центре, где и находилась та батарея Тушина, с которой рассматривал позицию князь Андрей, был самый отлогий и прямой спуск и подъем к ручью, отделявшему нас от Шенграбена. Налево войска наши примыкали к лесу, где дымились костры нашей, рубившей дрова, пехоты. Линия французов была шире нашей, и ясно было, что французы легко могли обойти нас с обеих сторон. Сзади нашей позиции был крутой и глубокий овраг, по которому трудно было отступать артиллерии и коннице. Князь Андрей, облокотясь на пушку и достав бумажник, начертил для себя план расположения войск. В двух местах он карандашом поставил заметки, намереваясь сообщить их Багратиону. Он предполагал, во-первых, сосредоточить всю артиллерию в центре, во-вторых, кавалерию перевести назад, на ту сторону оврага. Князь Андрей, постоянно находясь при главнокомандующем, следя за движениями масс и общими распоряжениями и постоянно занимаясь историческими описаниями сражений, и в этом предстоящем деле невольно соображал будущий ход военных действий только в общих чертах. Ему представлялись лишь следующего рода крупные случайности: «Ежели неприятель поведет атаку на правый фланг, – говорил он сам себе, – Киевский гренадерский и Подольский егерский должны будут удерживать свою позицию до тех пор, пока резервы центра не подойдут к ним. В этом случае драгуны могут ударить во фланг и опрокинуть их. В случае же атаки на центр, мы выставляем на этом возвышении центральную батарею и под ее прикрытием стягиваем левый фланг и отступаем до оврага эшелонами», рассуждал он сам с собою...

Всё время, что он был на батарее у орудия, он, как это часто бывает, не переставая, слышал звуки голосов офицеров, говоривших в балагане, но не понимал ни одного слова из того, что они говорили. Вдруг звук голосов из балагана поразил его таким задушевым тоном, что он невольно стал прислушиваться.

– Нет, голубчик, – говорил приятный и как будто знакомый князю Андрею голос, – я говорю, что коли бы возможно было знать, что будет после смерти, тогда бы и смерти из нас никто не боялся. Так-то, голубчик.

Другой, более молодой голос перебил его:

– Да бойся, не бойся, всё равно, – не минует.

– А всё боишься! Эх вы, ученые люди, – сказал третий мужественный голос, перебивая обоих. – То-то вы, артиллеристы, и учены очень оттого, что всё с собой свезти можно, и водочки и закуски.

И владеец мужественного голоса, видимо, пехотный офицер, засмеялся.

– А всё боишься, – продолжал первый знакомый голос. – Боишься неизвестности, вот чего. Как там ни говори, что душа на небо пойдет... ведь это мы знаем, что неба нет, а есть атмосфера одна.

Опять мужественный голос перебил артиллериста.

– Ну, угостите же травником-то вашим, Тушин, – сказал он.

«А, это тот самый капитан, который без сапог стоял у маркитанта», подумал князь Андрей, с удовольствием признавая приятный философствовавший голос.

– Травничку можно, – сказал Тушин, – а всё-таки будущую жизнь постигнуть... – Он не договорил.

В это время в воздухе послышался свист; ближе, ближе, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее, и ядро, как будто не договорив всего, что нужно было, с нечеловеческой силой взрывая брызги, шлепнулось в землю недалеко от балагана. Земля как будто ахнула от страшного удара.

В то же мгновение из балагана выскочил прежде всех маленький Тушин с закушенной на бок трубкой; доброе, умное лицо его было несколько бледно. За ним вышел владетель мужественного голоса, молодцоватый пехотный офицер, и побежал к своей роте, на бегу застегиваясь.

XVII.

Князь Андрей верхом остановился на батарее, глядя на дым орудия, из которого вылетело ядро. Глаза его разбегались по обширному пространству. Он видел только, что прежде неподвижные массы французов заколыхались, и что налево действительно была батарея. На ней еще не разошелся дымок. Французские два конные, вероятно, адъютанта, проскакали по горе. Под гору, вероятно, для усиления цепи, двигалась явственно-видневшаяся небольшая колонна неприятеля. Еще дым первого выстрела не рассеялся, как показался другой дымок и выстрел. Сражение началось. Князь Андрей повернул лошадь и поскакал назад в Грунт отыскивать князя Багратиона. Сзади себя он слышал, как канонада становилась чаще и громче. Видно, наши начинали отвечать. Внизу, в том месте, где проезжали парламентары, слышались ружейные выстрелы.

Лемарруа (Lemarrois) с грозным письмом Бонапарта только что прискакал к Мюрату, и пристыженный Мюрат, желая загладить свою ошибку, тотчас же двинул свои войска на центр и в обход обоих флангов, надеясь еще до вечера и до прибытия императора раздавить ничтожный, стоявший перед ним, отряд.

«Началось! Вот оно!»! думал князь Андрей, чувствуя, как кровь чаще начинала приливать к его сердцу. «Но где же? Как же выразится мой Тулон?» думал он.

Проезжая между тех же рот, которые ели кашу и пили водку четверть часа тому назад, он везде видел одни и те же быстрые движения строившихся и разбиравших ружья солдат, и на всех лицах узнавал он то чувство оживления, которое было в его сердце. «Началось! Вот оно! Страшно и весело!» говорило лицо каждого солдата и офицера.

Не доехав еще до строившегося укрепления, он увидел в вечернем свете пасмурного осеннего дня подвигавшихся ему навстречу верховых. Передовой, в бурке и картузе со смушками, ехал на белой лошади. Это был князь Багратион. Князь Андрей остановился, ожидая его. Князь Багратион приостановил свою лошадь и, узнав князя Андрея, кивнул ему головой. Он продолжал смотреть вперед в то время, как князь Андрей говорил ему то, что он видел.

Выражение: «началось! вот оно!» было даже и на крепком карем лице князя Багратиона с полузакрытыми, мутными, как будто невыспавшимися глазами. Князь Андрей с беспокойным любопытством вглядывался в это неподвижное лицо, и ему хотелось знать, думает ли и чувствует, и что думает, что чувствует этот человек в эту минуту? «Есть ли вообще что-нибудь там, за этим неподвижным лицом?» спрашивал себя князь Андрей, глядя на него. Князь Багратион наклонил голову, в знак согласия на слова князя Андрея, и сказал: «Хорошо», с таким выражением, как будто всё то, что происходило и что ему сообщали, было именно то, что он уже предвидел. Князь Андрей, запыхавшись от быстроты езды, говорил быстро. Князь Багратион произносил слова с своим восточным акцентом особенно медленно, как бы внушая, что торопиться некуда. Он тронул, однако, рысью свою лошадь по направлению к батарее Тушина. Князь Андрей вместе с свитой поехал за ним. За князем Багратионом ехали: свитский офицер, личный адъютант князя, Жерков, ординарец, дежурный штаб-офицер на англазированной красивой лошади и статский чиновник, аудитор, который из любопытства попросился ехать в сражение. Аудитор, полный мужчина с полным лицом, с наивною улыбкой радости оглядывался вокруг, трясясь на своей лошади, представляя странный вид в своей камлотовой шинели на фушштатском седле среди гусар, казаков и адъютантов.

– Вот хочет сражение посмотреть, – сказал Жерков Болконскому, указывая на аудитора, – да под ложечкой уж заболело.

– Ну, полно вам, – проговорил аудитор с сияющею, наивною и вместе хитрою улыбкой, как будто ему лестно было, что он составляет предмет шуток Жеркова, и как будто он нарочно старался казаться глупее, чем он был в самом деле.

– Très drôle, mon monsieur prince,³¹⁴ – сказал дежурный штаб-офицер. (Он помнил, что по-французски как-то особенно говорится титул *князь*, и никак не мог наладить.)

В это время они все уже подъезжали к батарее Тушина, и впереди их ударилось ядро.

– Что ж это упало? – наивно улыбаясь, спросил аудитор.

– Лепешки французские, – сказал Жерков.

– Этим-то быют, значит? – спросил аудитор. – Страсть-то какая!

И он, казалось, распускался весь от удовольствия. Едва он договорил, как опять раздался неожиданно страшный свист, вдруг прекратившийся ударом во что-то жидкое, и ш-ш-ш-шлеп – казак, ехавший несколько правее и сзади аудитора, с лошадей рухнул на землю. Жерков и дежурный штаб-офицер пригнулись к седлам и прочь поворотили лошадей. Аудитор остановился против казака, со внимательным любопытством рассматривая его. Казак был мертв, лошадь еще билась.

Князь Багратион, прищурившись, оглянулся и, увидав причину происшедшего замешательства, равнодушно отвернулся, как будто говоря: «стбит ли глупостями заниматься!» Он остановил лошадь, с приемом хорошего ездока, несколько перегнулся и выправил зацепившуюся за бурку шпагу. Шпага была старинная, не такая, какие носились теперь. Князь Андрей вспомнил рассказ о том, как Суворов в Италии подарил свою шпагу Багратиону, и ему в эту

³¹⁴ Очень забавно, мой господин князь,

минуту особенно приятно было это воспоминание. Они подъехали к той самой батарее, у которой стоял Болконский, когда рассматривал поле сражения.

– Чья рота? – спросил князь Багратион у фейерверкера, стоявшего у ящиков.

Он спрашивал: «чья рота?» а в сущности он спрашивал: «уж не робеете ли вы тут?» И фейерверкер понял это.

– Капитана Тушина, ваше превосходительство, – вытягиваясь, закричал веселым голосом рыжий, с покрытым веснушками лицом, фейерверкер.

– Так, так, – проговорил Багратион, что-то соображая, и мимо передков проехал к крайнему орудию.

В то время как он подъезжал, из орудия этого, оглушая его и свиту, зазвенел выстрел, и в дыму, вдруг окружившем орудие, видны были артиллеристы, подхватившие пушку и, торопливо напрягаясь, накатывавшие ее на прежнее место. Широкоплечий, огромный солдат 1-й номер с банником, широко расставив ноги, отскочил к колесу. 2-й номер трясущеюся рукой клал заряд в дуло. Небольшой сутуловатый человек, офицер Тушин, спотыкнувшись на хобот, выбежал вперед, не замечая генерала и выглядывая из-под маленькой ручки.

– Еще две линии прибавь, как раз так будет, – закричал он тоненьким голоском, которому он старался придать молодцоватость, не шедшую к его фигуре. – Второе, – пропищал он. – Круши, Медведев!

Багратион окликнул офицера, и Тушин, робким и неловким движением, совсем не так, как салютуют военные, а так, как благословляют священники, приложив три пальца к козырьку, подошел к генералу. Хотя орудия Тушина были назначены для того, чтоб обстреливать лощину, он стрелял брандскугелями по видневшейся впереди деревне Шенграбен, перед которой выдвигались большие массы французов.

Никто не приказывал Тушину, куда и чем стрелять, и он, посоветовавшись с своим фельдфебелем Захарченком, к которому имел большое уважение, решил, что хорошо было бы зажечь деревню. «Хорошо!» сказал Багратион на доклад офицера и стал оглядывать всё открывавшееся пред ним поле сражения, как бы что-то соображая. С правой стороны ближе всего подошли французы. Пониже высоты, на которой стоял Киевский полк, в лощине речки слышалась хватающая за душу перекатная трескотня ружей, и гораздо правее, за драгунами, свитский офицер указывал князю на обходившую наш фланг колонну французов. Налево горизонт ограничивался близким лесом. Князь Багратион приказал двум батальонам из центра идти на подкрепление, направо. Свитский офицер осмелился заметить князю, что по уходе этих батальонов орудия останутся без прикрытия. Князь Багратион обернулся к свитскому офицеру и тусклыми глазами посмотрел на него молча. Князю Андрею казалось, что замечание свитского офицера было справедливо и что действительно сказать было нечего. Но в это время прискакал адъютант от полкового командира, бывшего в лощине, с известием, что огромные массы французов шли низом, что полк расстроен и отступает к киевским гренадерам. Князь Багратион наклонил голову в знак согласия и одобрения. Шагом поехал он направо и послал адъютанта к драгунам с приказанием атаковать французов. Но посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием, что драгунский полковой командир уже отступил за овраг, ибо против него был направлен сильный огонь, и он понапрасну терял людей и потому спешил стрелков в лес.

– Хорошо! – сказал Багратион.

В то время как он отъезжал от батареи, налево тоже слышались выстрелы в лесу, и так как было слишком далеко до левого фланга, чтоб успеть самому приехать вовремя, князь Багратион послал туда Жеркова сказать старшему генералу, тому самому, который представлял полк Кутузову в Браунау, чтоб он отступил сколь можно поспешнее за овраг, потому что правый фланг, вероятно, не в силах будет долго удерживать неприятеля. Про Тушина же и батальон, прикрывавший его, было забыто. Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам

князя Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что всё, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что всё это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал князь Багратион, князь Андрей замечал, что, несмотря на эту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно много. Начальники, с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии и, видимо, щеголяли перед ним своею храбростью.

XVIII.

Князь Багратион, выехав на самый высокий пункт нашего правого фланга, стал спускаться книзу, где слышалась перекатная стрельба и ничего не видно было от порохового дыма. Чем ближе они спускались к лощине, тем менее им становилось видно, но тем чувствительнее становилась близость самого настоящего поля сражения. Им стали встречаться раненые. Одного с окровавленной головой, без шапки, тащили двое солдат под руки. Он хрипел и плевал. Пуля попала, видно, в рот или в горло. Другой, встретившийся им, бодро шел один, без ружья, громко охая и махая от свежей боли рукою, из которой кровь лилась, как из стклянки, на его шинель. Лицо его казалось больше испуганным, чем страдающим. Он минуту тому назад был ранен. Переехав дорогу, они стали круто спускаться и на спуске увидели несколько человек, которые лежали; им встретилась толпа солдат, в числе которых были и не раненые. Солдаты шли в гору, тяжело дыша, и, несмотря на вид генерала, громко разговаривали и махали руками. Впереди, в дыму, уже были видны ряды серых шинелей, и офицер, увидав Багратиона, с криком побежал за солдатами, шедшими толпой, требуя, чтоб они воротились. Багратион подъехал к рядам, по которым то там, то здесь быстро щелкали выстрелы, заглушая говор и командные крики. Весь воздух пропитан был пороховым дымом. Лица солдат все были запылены порошком и оживлены. Иные забивали шомполами, другие подсыпали на полки, доставали заряды из сумок, третьи стреляли. Но в кого они стреляли, этого не было видно от порохового дыма, не уносимого ветром. Довольно часто слышались приятные звуки жужжания и свистения. «Что это такое? — думал князь Андрей, подъезжая к этой толпе солдат. — Это не может быть цепь, потому что они в куче! Не может быть атака, потому что они не двигаются; не может быть карре: они не так стоят».

Худощавый, слабый на вид старичок, полковой командир, с приятною улыбкой, с веками, которые больше чем наполовину закрывали его старческие глаза, придавая ему кроткий вид, подъехал к князю Багратиону и принял его, как хозяин дорогого гостя. Он доложил князю Багратиону, что против его полка была конная атака французов, но что, хотя атака эта отбита, полк потерял больше половины людей. Полковой командир сказал, что атака была отбита, придумав это военное название тому, что происходило в его полку; но он действительно сам не знал, что происходило в эти полчаса во вверенных ему войсках, и не мог с достоверностью сказать, была ли отбита атака или полк его был разбит атакой. В начале действий он знал только то, что по всему его полку стали летать ядра и гранаты и бить людей, что потом кто-то закричал: «конница», и наши стали стрелять. И стреляли до сих пор уже не в конницу, которая скрылась, а в пеших французов, которые показались в лощине и стреляли по нашим. Князь Багратион наклонил голову в знак того, что всё это было совершенно так, как он желал и предполагал. Обратившись к адъютанту, он приказал ему привести с горы два батальона 6-го егерского, мимо которых они сейчас проехали. Князя Андрея поразила в эту минуту перемена, происшедшая в лице князя Багратиона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую решимость, которая бывает у человека, готового в жаркий день броситься в воду и берущего послед-

ний разбег. Не было ни невыспавшихся тусклых глаз, ни притворно-глубокомысленного вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед, очевидно, ни на чем не останавливаясь, хотя в его движениях оставалась прежняя медленность и размеренность.

Полковой командир обратился к князю Багратиону, упрашивая его отъехать назад, так как здесь было слишком опасно. «Помилуйте, ваше сиятельство, ради Бога!» говорил он, за подтверждением взглядывая на свитского офицера, который отвертывался от него. «Вот, извольте видеть!» Он давал заметить пули, которые беспрестанно визжали, пели и свистали около них. Он говорил таким тоном просьбы и упрека, с каким плотник говорит взявшемуся за топор барину: «наше дело привычное, а вы ручки намозолите». Он говорил так, как будто его самого не могли убить эти пули, и его полузакрытые глаза придавали его словам еще более убедительное выражение. Штаб-офицер присоединился к увещаниям полкового командира; но князь Багратион не отвечал им и только приказал перестать стрелять и построиться так, чтобы дать место подходящим двум батальонам. В то время как он говорил, будто невидимой рукой потянулся справа налево, от поднявшегося ветра, полог дыма, скрывавший лошину, и противоположная гора сдвигающимися по ней французами открывалась перед ними. Все глаза были невольно устремлены на эту французскую колонну, подвигавшуюся к ним и извивавшуюся по уступам местности. Уже видны были мохнатые шапки солдат; уже можно было отличить офицеров от рядовых; видно было, как трепалось о древко их знамя.

– Славно идет, – сказал кто-то в свите Багратиона.

Голова колонны спустилась уже в лошину. Столкновение должно было произойти на этой стороне спуска...

Остатки нашего полка, бывшего в деле, поспешно строясь, отходили вправо; из-за них, разгоняя отставших, подходили стройно два батальона 6-го егерского. Они еще не поровнялись с Багратионом, а уже слышен был тяжелый, грузный шаг, отбиваемый в ногу всею массой людей. С левого фланга шел ближе всех к Багратиону ротный командир, круглолицый, статный мужчина с глупым, счастливым выражением лица, тот самый, который выбежал из балагана. Он, видимо, ни о чем не думал в эту минуту, кроме того, что он молодцом пройдет мимо начальства.

С фрунтовым самодовольством он шел легко на мускулистых ногах, точно он плыл, без малейшего усилия вытягиваясь и отличаясь этою легкостью от тяжелого шага солдат, шедших по его шагу. Он нес у ноги вынутую тоненькую, узенькую шпагу (гнутую шпажку, не похожую на оружие) и, оглядываясь то на начальство, то назад, не теряя шагу, гибко поворачивался всем своим сильным станом. Казалось, все силы души его были направлены на то, чтобы наилучшим образом пройти мимо начальства, и, чувствуя, что он исполняет это дело хорошо, он был счастлив. «Левой... левой... левой...», казалось, внутренне приговаривал он через каждый шаг, и по этому такту с разнообразно-строгими лицами двигалась стена солдатских фигур, отягченных ранцами и ружьями, как будто каждый из этих сотен солдат мысленно через шаг приговаривал: «левой... левой... левой...». Толстый майор, пыхтя и разрознивая шаг, обходил куст по дороге; отставший солдат, запыхавшись, с испуганным лицом за свою неисправность, рысью догонял роту; ядро, нажимая воздух, пролетело над головой князя Багратиона и свиты и в такт: «левой – левой!» ударилось в колонну. «Сомкнись!» послышался щеголяющий голос ротного командира. Солдаты дугой обходили что-то в том месте, куда упало ядро, и старый кавалер, фланговый унтер-офицер, отстав около убитых, догнал свой ряд, подпрыгнув, переменил ногу, попал в шаг и сердито оглянулся. «Левой... левой... левой...», казалось, слышалось из-за угрожающего молчания и однообразного звука единовременно ударяющих о землю ног.

– Молодцами, ребята! – сказал князь Багратион.

«Ради... ого-го-го-го-го!...» раздалось по рядам. Угрюмый солдат, шедший слева, крича, оглянулся глазами на Багратиона с таким выражением, как будто говорил: «сами знаем»; другой, не оглядываясь и как будто боясь развлечься, разинув рот, кричал и проходил.

Велено было остановиться и снять ранцы.

Багратион объехал прошедшие мимо его ряды и слез с лошади. Он отдал казаку поводья, снял и отдал бурку, расправил ноги и поправил на голове картуз. Голова французской колонны, с офицерами впереди, показалась из-под горы.

– С Богом! – проговорил Багратион твердым, слышным голосом, на мгновение обернулся к фронту и, слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, как бы трудясь, пошел вперед по неровному полю. Князь Андрей чувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его вперед, и испытывал большое счастье.³¹⁵

Уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов. (Он ясно видел одного старого французского офицера, который вывернутыми ногами в штиблетах, придерживаясь за кусты, с трудом шел в гору.) Князь Багратион не давал нового приказа и всё так же молча шел перед рядами. Вдруг между французами треснул один выстрел, другой, третий... и по всем расстроившимся неприятельским рядам разнесся дым и затрещала пальба. Несколько человек наших упало, в том числе и круглолицый офицер, шедший так весело и старательно. Но в то же мгновение как раздался первый выстрел, Багратион оглянулся и закричал: «Ура!»

«Ура-а-а!» протяжным криком разнеслось по нашей линии и, обгоняя князя Багратиона и друг друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой побежали наши под гору за расстроенными французами.

XIX.

Атака 6-го егерского обеспечила отступление правого фланга. В центре действие забытой батареи Тушина, успевшего зажечь Шенграбен, останавливало движение французов. Французы тушили пожар, разносимый ветром, и давали время отступать. Отступление центра через овраг совершалось поспешно и шумно; однако войска, отступая, не путались командами. Но левый фланг, который одновременно был атакован и обходим превосходными силами французов под начальством Ланна и который состоял из Азовского и Подольского пехотных и Павлоградского гусарского полков, был расстроен. Багратион послал Жернова к генералу левого фланга с приказанием немедленно отступать.

Жерков бойко, не отнимая руки от фуражки, тронул лошадь и поскакал. Но едва, только он отъехал от Багратиона, как силы изменили ему. На него нашел непреодолимый страх, и он не мог ехать туда, где было опасно.

Подъехав к войскам левого фланга, он поехал не вперед, где была стрельба, а стал отыскивать генерала и начальников там, где их не могло быть, и потому не передал приказания.

Командование левым флангом принадлежало по старшинству полковому командиру того самого полка, который представлялся под Браунау Кутузову и в котором служил солдатом Долохов. Командование же крайнего левого фланга было предназначено командиру Павлоградского полка, где служил Ростов, вследствие чего произошло недоразумение. Оба начальника были сильно раздражены друг против друга, и в то самое время как на правом фланге давно уже шло дело и французы уже начали наступление, оба начальника были заняты пере-

³¹⁵ Тут произошла та атака, про которую Тьер говорит: «Les russes se conduisirent vaillamment, et chose rare à la guerre, on vit deux masses d'infanterie marcher résolument l'une contre l'autre sans qu'aucune des deux cédât avant d'être abordée»; а Наполеон на острове Св. Елены, сказал: «Quelques bataillons russes montrèrent de l'intrepidité». [Русские вели себя доблестно, и вещь – редкая на войне, две массы пехоты шли решительно одна против другой, и ни одна из двух не уступила до самого столкновения]. Слова Наполеона: [Несколько русских батальонов проявили бесстрашие.]

говорами, которые имели целью оскорбить друг друга. Полки же, как кавалерийский, так и пехотный, были весьма мало приготовлены к предстоящему делу. Люди полков, от солдата до генерала, не ждали сражения и спокойно занимались мирными делами: кормлением лошадей в коннице, собиранием дров – в пехоте.

– Есть он, однако, старше моего в чинном, – говорил немец, гусарский полковник, краснея и обращаясь к подъехавшему адъютанту, – то оставляя его делать, как он хочет. Я своих гусар не могу жертвовать. Трубач! Играй отступление!

Но дело становилось к спеху. Канонада и стрельба, сливаясь, гремели справа и в центре, и французские капоты стрелков Ланна проходили уже плотину мельницы и выстраивались на этой стороне в двух ружейных выстрелах. Пехотный полковник вздрагивающе походкой подошел к лошади и, взлезши на нее и сделавшись очень прямым и высоким, поехал к павлоградскому командиру. Полковые командиры съехались с учтивыми поклонами и со скрываемою злобой в сердце.

– Опять-таки, полковник, – говорил генерал, – не могу я, однако, оставить половину людей в лесу. Я вас *прошу*, я вас *прошу*, – повторил он, – занять *позицию* и приготовиться к атаке.

– А вас прошу не мешивайтесь не свое дело, – отвечал, горячась, полковник. – Коли бы вы был кавалерист...

– Я не кавалерист, полковник, но я русский генерал, и ежели вам это неизвестно...

– Очень известно, ваше превосходительство, – вдруг вскрикнул, трогая лошадь, полковник, и делаясь красно-багровым. – Не угодно ли пожаловать в цепи, и вы будете посмотреть, что этот позиция никуда негодный. Я не хочу истреблять своя полка для ваше удовольствий.

– Вы забываетесь, полковник. Я не удовольствие свое соблюдаю и говорить этого не позволю.

Генерал, принимая приглашение полковника на турнир храбрости, выпрямив грудь и нахмурившись, поехал с ним вместе по направлению к цепи, как будто всё их разногласие должно было решиться там, в цепи, под пулями. Они приехали в цепь, несколько пуль пролетело над ними, и они молча остановились. Смотреть в цепи нечего было, так как и с того места, на котором они прежде стояли, ясно было, что по кустам и оврагам кавалерии действовать невозможно, и что французы обходят левое крыло. Генерал и полковник строго и значительно смотрели, как два петуха, готовящиеся к бою, друг на друга, напрасно выжидая признаков трусости. Оба выдержали экзамен. Так как говорить было нечего, и ни тому, ни другому не хотелось подать повод другому сказать, что он первый выехал из-под пуль, они долго простояли бы там, взаимно испытывая храбрость, ежели бы в это время в лесу, почти сзади их, не слышались трескотня ружей и глухой сливающийся крик. Французы напали на солдат, находившихся в лесу с дровами. Гусарам уже нельзя было отступать вместе с пехотой. Они были отрезаны от пути отступления налево французскою цепью. Теперь, как ни неудобна была местность, необходимо было атаковать, чтобы проложить себе дорогу.

Эскадрон, где служил Ростов, только что успевший сесть на лошадей, был остановлен лицом к неприятелю. Опять, как и на Энском мосту, между эскадроном и неприятелем никого не было, и между ними, разделяя их, лежала та же страшная черта неизвестности и страха, как бы черта, отделяющая живых от мертвых. Все люди чувствовали эту черту, и вопрос о том, перейдут ли или нет и как перейдут они эту черту, волновал их.

Ко фронту подъехал полковник, сердито ответил что-то на вопросы офицеров и, как человек, отчаянно настаивающий на своем, отдал какое-то приказание. Никто ничего определенного не говорил, но по эскадрону пронеслась молва об атаке. Раздалась команда построения, потом визгнули сабли, вынутые из ножен. Но всё еще никто не двигался. Войска левого фланга, и пехота и гусары, чувствовали, что начальство само не знает, что делать, и нерешимость начальников сообщалась войскам.

«Поскорее, поскорее бы», думал Ростов, чувствуя, что наконец-то наступило время изведать наслаждение атаки, про которое он так много слышал от товарищей-гусаров.

– С Богом, ребята, – прозвучал голос Денисова, – рысью, марш!

В переднем ряду заколыхались крупы лошадей. Грачик потянул поводья и сам тронулся.

Справа Ростов видел первые ряды своих гусар, а еще дальше впереди виднелась ему темная полоса, которую он не мог рассмотреть, но считал неприятелем. Выстрелы были слышны, но в отдалении.

– Прибавь рыси! – послышалась команда, и Ростов чувствовал, как поддает задом, перебивая в галоп, его Грачик.

Он вперед угадывал его движения, и ему становилось всё веселее и веселее. Он заметил одинокое дерево впереди. Это дерево сначала было впереди, на середине той черты, которая казалась столь страшною. А вот и перешли эту черту, и не только ничего страшного не было, но всё веселее и оживленнее становилось. «Ох, как я рубану его», думал Ростов, сжимая в руке ефес сабли.

– Ур-р-а-а-а!! – загудели голоса.

«Ну, попадись теперь кто бы ни был», думал Ростов, вдавливая шпоры Грачику, и, перегоняя других, выпустил его во весь карьер. Впереди уже виден был неприятель. Вдруг, как широким веником, стегнуло что-то по эскадрону. Ростов поднял саблю, готовясь рубить, но в это время впереди скакавший солдат Никитенко отделился от него, и Ростов почувствовал, как во сне, что продолжает нестись с неестественною быстротой вперед и вместе с тем остается на месте. Сзади знакомый гусар Бандарчук наскочил на него и сердито посмотрел. Лошадь Бандарчука шарахнулась, и он обскакал мимо.

«Что же это? я не подвигаюсь? – Я упал, я убит...» в одно мгновение спросил и ответил Ростов. Он был уже один посреди поля. Вместо двигавшихся лошадей и гусарских спин он видел вокруг себя неподвижную землю и жнивье. Теплая кровь была под ним, «Нет, я ранен, и лошадь убита». Грачик поднялся было на передние ноги, но упал, придавив седоку ногу. Из головы лошади текла кровь. Лошадь билась и не могла встать. Ростов хотел подняться и упал тоже: ташка зацепилась за седло. Где были наши, где были французы – он не знал. Никого не было кругом.

Высвободив ногу, он поднялся. «Где, с какой стороны была теперь та черта, которая так резко отделяла два войска?» – спрашивал он себя и не мог ответить. «Уже не дурное ли что-нибудь случилось со мной? Бывают ли такие случаи, и что надо делать в таких случаях?» – спросил он сам себя вставая; и в это время почувствовал, что что-то лишнее висит на его левой онемевшей руке. Кисть ее была, как чужая. Он оглядывал руку, тщетно отыскивая на ней кровь. «Ну, вот и люди, – подумал он радостно, увидав несколько человек, бежавших к нему. – Они мне помогут!» Впереди этих людей бежал один в странном кивере и в синей шинели, черный, загорелый, с горбатым носом. Еще два и еще много бежало сзади. Один из них проговорил что-то странное, нерусское. Между задними такими же людьми, в таких же киверах, стоял один русский гусар. Его держали за руки; позади его держали его лошадь.

«Верно, наш пленный... Да. Неужели и меня возьмут? Что это за люди?» всё думал Ростов, не веря своим глазам. «Неужели французы?» Он смотрел на приближавшихся французов, и, несмотря на то, что за секунду скакал только затем, чтобы настигнуть этих французов и изрубить их, близость их казалась ему теперь так ужасна, что он не верил своим глазам. «Кто они? Зачем они бегут? Неужели ко мне? Неужели ко мне они бегут? И зачем? Убить меня? Меня, кого так любят все?» – Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно. «А может, – и убить!» Он более десяти секунд стоял, не двигаясь с места и не понимая своего положения. Передний француз с горбатым носом подбежал так близко, что уже видно было выражение его лица. И разгоряченная, чуждая физиономия этого человека, который со штыком на-перевес, сдерживая дыхание,

легко подбегал к нему, испугала Ростова. Он схватил пистолет и, вместо того чтобы стрелять из него, бросил им в француза и побежал к кустам что было силы. Не с тем чувством сомнения и борьбы, с каким он ходил на Энский мост, бежал он, а с чувством зайца, убегающего от собак. Одно нераздельное чувство страха за свою молодую, счастливую жизнь владело всем его существом. Быстро перепрыгивая через межи, с тою стремительностью, с которою он бежал, играя в горелки, он летел по полю, изредка оборачивая свое бледное, доброе, молодое лицо, и холод ужаса пробежал по его спине. «Нет, лучше не смотреть», подумал он, но, подбежав к кустам, оглянулся еще раз. Французы отстали, и даже в ту минуту как он оглянулся, передний только что переменил рысь на шаг и, обернувшись, что-то сильно кричал заднему товарищу. Ростов остановился. «Что-нибудь не так, – подумал он, – не может быть, чтоб они хотели убить меня». А между тем левая рука его была так тяжела, как будто двухпудовая гирия была привешена к ней. Он не мог бежать дальше. Француз остановился тоже и прицелился. Ростов зажмурился и нагнулся. Одна, другая пуля пролетела, жужжа, мимо него. Он собрал последние силы, взял левую руку в правую и побежал до кустов. В кустах были русские стрелки.

XX.

Пехотные полки, застигнутые врасплох в лесу, выбегали из леса, и роты, смешиваясь с другими ротами, уходили беспорядочными толпами. Один солдат в испуге проговорил страшное на войне и бессмысленное слово: «отрезали!», и слово вместе с чувством страха сообщилось всей массе.

– Обошли! Отрезали! Пропали! – кричали голоса бегущих.

Полковой командир, в ту самую минуту, как он услышал стрельбу и крик сзади, понял, что случилось что-нибудь ужасное с его полком, и мысль, что он, примерный, много лет служивший, ни в чем не виноватый офицер, мог быть виновен перед начальством в оплошности или нераспорядительности, так поразила его, что в ту же минуту, забыв и непокорного кавалериста-полковника и свою генеральскую важность, а главное – совершенно забыв про опасность и чувство самосохранения, он, ухватившись за луку седла и шпора лошадь, поскакал к полку под градом обсыпавших, но счастливо миновавших его пуль. Он желал одного: узнать, в чем дело, и помочь и исправить во что бы то ни стало ошибку, ежели она была с его стороны, и не быть виновным ему, двадцать два года служившему, ни в чем не замеченному, примерному офицеру.

Счастливым проскакав между французами, он подскочил к полю за лесом, чрез который бежали наши и, не слушаясь команды, спускались под гору. Наступила та минута нравственного колебания, которая решает участь сражений: послушают эти расстроенные толпы солдат голоса своего командира или, оглянувшись на него, побегут дальше. Несмотря на отчаянный крик прежде столь грозного для солдат полкового командира, несмотря на разъяренное, багровое, на себя не похожее лицо полкового командира и маханье шпагой, солдаты всё бежали, разговаривали, стреляли в воздух и не слушали команды. Нравственное колебание, решающее участь сражений, очевидно, разрешалось в пользу страха.

Генерал закашлялся от крика и порохового дыма и остановился в отчаянии. Всё казалось потеряно, но в эту минуту французы, наступавшие на наших, вдруг, без видимой причины, побежали назад, скрылись из опушки леса, и в лесу показались русские стрелки. Это была рота Тимохина, которая одна в лесу удержалась в порядке и, засев в канаву у леса, неожиданно атаковала французов. Тимохин с таким отчаянным криком бросился на французов и с такою безумною и пьяною решительностью, с одною шпажкой, набежал на неприятеля, что французы, не успев опомниться, побросали оружие и побежали. Долохов, бежавший рядом с Тимохиным, в упор убил одного француза и первый взял за воротник сдавшегося офицера. Бегущие возвратились, батальоны собрались, и французы, разделившие было на две части войска левого

фланга, на мгновение были оттеснены. Резервные части успели соединиться, и беглецы остановились. Полковой командир стоял с майором Экономовым у моста, пропуская мимо себя отступающие роты, когда к нему подошел солдат, взял его за стремя и почти прислонился к нему. На солдате была синеватая, фабричного сукна шинель, ранца и кивера не было, голова была повязана, и через плечо была надета французская зарядная сумка. Он в руках держал офицерскую шпагу. Солдат был бледен, голубые глаза его нагло смотрели в лицо полковому командиру, а рот улыбался. Несмотря на то, что полковой командир был занят отдаванием приказания майору Экономову, он не мог не обратить внимания на этого солдата.

– Ваше превосходительство, вот два трофея, – сказал Долохов, указывая на французскую шпагу и сумку. – Мною взят в плен офицер. Я остановил роту. – Долохов тяжело дышал от усталости; он говорил с остановками. – Вся рота может свидетельствовать. Прошу запомнить, ваше превосходительство!

– Хорошо, хорошо, – сказал полковой командир и обратился к майору Экономову.

Но Долохов не отошел; он развязал платок, дернул его и показал запекшуюся в волосах кровь.

– Рана штыком, я остался во фронте. Попомните, ваше превосходительство.

–

Про батарею Тушина было забыто, и только в самом конце дела, продолжая слышать канонаду в центре, князь Багратион послал туда дежурного штаб-офицера и потом князя Андрея, чтобы велеть батарее отступать как можно скорее. Прикрытие, стоявшее подле пушек Тушина, ушло, по чьему-то приказанию, в середине дела; но батарея продолжала стрелять и не была взята французами только потому, что неприятель не мог предполагать дерзости стрельбы четырех, никем не защищенных пушек. Напротив, по энергичному действию этой батареи он предполагал, что здесь, в центре, сосредоточены главные силы русских, и два раза пытался атаковать этот пункт и оба раза был прогоняем картечными выстрелами одиноко стоявших на этом возвышении четырех пушек.

Скоро после отъезда князя Багратиона Тушину удалось зажечь Шенграбен.

– Вишь, засумятились! Горит! Вишь, дым-то! Ловко! Важно! Дым-то, дым-то! – заговорила прислуга, оживляясь.

Все орудия без приказа били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали солдаты к каждому выстрелу: «Ловко! Вот так-тэк! Ишь, ты... Важно!» Пожар, разносимый ветром, быстро распространялся. Французские колонны, выступившие за деревню, ушли назад, но, как бы в наказание за эту неудачу, неприятель выставил правее деревни десять орудий и стал бить из них по Тушину.

Из-за детской радости, возбужденной пожаром, и азарта удачной стрельбы по французам, наши артиллеристы заметили эту батарею только тогда, когда два ядра и вслед за ними еще четыре ударили между орудиями и одно повалило двух лошадей, а другое оторвало ногу ящичному вожатому. Оживление, раз установившееся, однако, не ослабело, а только переменило настроение. Лошади были заменены другими из запасного лафета, раненые убраны, и четыре орудия повернуты против десятипушечной батареи. Офицер, товарищ Тушина, был убит в начале дела, и в продолжение часа из сорока человек прислуги выбыли семнадцать, но артиллеристы всё так же были веселы и оживлены. Два раза они замечали, что внизу, близко от них, показывались французы, и тогда они били по ним картечью.

Маленький человек, с слабыми, неловкими движениями, требовал себе беспрестанно у денщика *еще трубочку за это*, как он говорил и, рассыпая из нее огонь, выбегал вперед и из-под маленькой ручки смотрел на французов.

– Круши, ребята! – приговаривал он и сам подхватывал орудия за колеса и вывинчивал винты.

В дыму, оглушаемый непрерывными выстрелами, заставлявшими его каждый раз вздрагивать, Тушин, не выпуская своей носогрелки, бегал от одного орудия к другому, то прицеливаясь, то считая заряды, то распоряжаясь переменой и перепряжкой убитых и раненых лошадей, и покрикивал своим слабым тоненьким, нерешительным голосом. Лицо его всё более и более оживлялось. Только когда убивали или ранили людей, он морщился и, отворачиваясь от убитого, сердито кричал на людей, как всегда, мешкавших поднять раненого или тело. Солдаты, большею частью красивые молодцы (как и всегда в батареейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах.

Вследствие этого страшного гула, шума, потребности внимания и деятельности, Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Напротив, ему становилось всё веселее и веселее. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он всё помнил, всё соображал, всё делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека.

Из-за оглушающих со всех сторон звуков своих орудий, из-за свиста и ударов снарядов неприятелей, из-за вида вспотевшей, раскрасневшейся, торопящейся около орудий прислуги, из-за вида крови людей и лошадей, из-за вида дымков неприятеля на той стороне (после которых всякий раз прилетало ядро и било в землю, в человека, в орудие или в лошадь), – из-за вида этих предметов у него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту. Неприятельские пушки в его воображении были не пушки, а трубки, из которых редкими клубами выпускал дым невидимый курильщик.

– Вишь, пыхнул опять, – проговорил Тушин шопотом про себя, в то время как с горы выскакивал клуб дыма и влево полосой относился ветром, – теперь мячик жди – отсылать назад.

– Что прикажете, ваше благородие? – спросил фейерверкер, близко стоявший около него и слышавший, что он бормотал что-то.

– Ничего, гранату... – отвечал он.

«Ну-ка, наша Матвевна», говорил он про себя. Матвевной представлялась в его воображении большая крайняя, старинного литья пушка. Муравьями представлялись ему французы около своих орудий. Красавец и пьяница первый номер второго орудия в его мире был дядя; Тушин чаще других смотрел на него и радовался на каждое его движение. Звук то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрелки под горою представлялся ему чьим-то дыханием. Он прислушивался к затиханью и разгоранью этих звуков.

«Ишь, задышала опять, задышала», говорил он про себя.

Сам он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной, который обеими руками швыряет французам ядра.

– Ну, Матвевна, матушка, не выдавай! – говорил он, отходя от орудия, как над его головой раздался чуждый, незнакомый голос:

– Капитан Тушин! Капитан!

Тушин испуганно оглянулся. Это был тот штаб-офицер, который выгнал его из Грунта. Он запыхавшимся голосом кричал ему:

– Что вы, с ума сошли? Вам два раза приказано отступить, а вы...

«Ну, за что они меня?...» думал про себя Тушин, со страхом глядя на начальника.

– Я... ничего... – проговорил он, приставляя два пальца к козырьку. – Я...

Но полковник не договорил всего, что хотел. Близко пролетевшее ядро заставило его, нырнув, согнуться на лошади. Он замолк и только что хотел сказать еще что-то, как еще ядро остановило его. Он поворотил лошадь и поскакал прочь.

– Отступить! Все отступить! – прокричал он издалека.

Солдаты засмеялись. Через минуту приехал адъютант с тем же приказанием.

Это был князь Андрей. Первое, что он увидел, выезжая на то пространство, которое занимали пушки Тушина, была отпряженная лошадь с перебитой ногой, которая ржала около запряженных лошадей. Из ноги ее, как из ключа, лилась кровь. Между передками лежало несколько убитых. Одно ядро за другим пролетало над ним, в то время как он подъезжал, и он почувствовал, как нервическая дрожь пробежала по его спине. Но одна мысль о том, что он боится, снова подняла его. «Я не могу бояться», подумал он и медленно слез с лошади между орудиями. Он передал приказание и не уехал с батареи. Он решил, что при себе снимет орудия с позиции и отведет их. Вместе с Тушиным, шагая через тела и под страшным огнем французов, он занялся уборкой орудий.

– А то приезжало сейчас начальство, так скорее драло, – сказал фейерверкер князю Андрею, – не так, как ваше благородие.

Князь Андрей ничего не говорил с Тушиным. Они оба были так заняты, что, казалось, и не видали друг друга. Когда, надев уцелевшие из четырех два орудия на передки, они двинулись под гору (одна разбитая пушка и единорог были оставлены), князь Андрей подъехал к Тушину.

– Ну, до свидания, – сказал князь Андрей, протягивая руку Тушину.

– До свидания, голубчик, – сказал Тушин, – милая душа! прощайте, голубчик, – сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза.

XXI.

Ветер стих, черные тучи низко нависли над местом сражения, сливаясь на горизонте с пороховым дымом. Становилось темно, и тем яснее обозначалось в двух местах зарево пожаров. Канонада стала слабее, но трескотня ружей сзади справа слышалась еще чаще и ближе. Как только Тушин с своими орудиями, объезжая и наезжая на раненых, вышел из-под огня и спустился в овраг, его встретило начальство и адъютанты, в числе которых были и штаб-офицер и Жерков, два раза посланный и ни разу не доехавший до батареи Тушина. Все они, перебивая один другого, отдавали и передавали приказания, как и куда идти, и делали ему упреки и замечания. Тушин ничем не распоряжался и молча, боясь говорить, потому что при каждом слове он готов был, сам не зная отчего, заплакать, ехал сзади на своей артиллерийской кляче. Хотя раненых велено было бросать, много из них тащилось за войсками и просилось на орудия. Тот самый молодцоватый пехотный офицер, который перед сражением выскочил из шалаша Тушина, был, с пулей в животе, положен на лафет Матвевны. Под горой бледный гусарский юнкер, одною рукой поддерживая другую, подошел к Тушину и попросился сесть.

– Капитан, ради Бога, я контужен в руку, – сказал он робко. – Ради Бога, я не могу идти. Ради Бога!

Видно было, что юнкер этот уже не раз просился где-нибудь сесть и везде получал отказы. Он просил нерешительным и жалким голосом.

– Прикажете посадить, ради Бога.

– Посадите, посадите, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату. – А где офицер раненый?

– Сложили, кончился, – ответил кто-то.

– Посадите. Садитесь, милый, садитесь. Подстели шинель, Антонов.

Юнкер был Ростов. Он держал одною рукой другую, был бледен, и нижняя челюсть тряслась от лихорадочной дрожи. Его посадили на Матвевну, на то самое орудие, с которого сло-

жили мертвого офицера. На подложенной шинели была кровь, в которой запачкались рейтузы и руки Ростова.

– Что, вы ранены, голубчик? – сказал Тушин, подходя к орудию, на котором сидел Ростов.

– Нет, контужен.

– Отчего же кровь-то на станине? – спросил Тушин.

– Это офицер, ваше благородие, окровавил, – отвечал солдат-артиллерист, обтирая кровь рукавом шинели и как будто извиняясь за нечистоту, в которой находилось орудие.

Насилу, с помощью пехоты, вывезли орудия в гору, и достигши деревни Гунтерсдорф, остановились. Стало уже так темно, что в десяти шагах нельзя было различить мундиров солдат, и перестрелка стала стихать. Вдруг близко с правой стороны послышались опять крики и пальба. От выстрелов уже блестело в темноте. Это была последняя атака французов, на которую отвечали солдаты, засевшие в дома деревни. Опять всё бросилось из деревни, но орудия Тушина не могли двинуться, и артиллеристы, Тушин и юнкер, молча переглядывались, ожидая своей участи. Перестрелка стала стихать, и из боковой улицы высыпали оживленные говором солдаты.

– Цел, Петров? – спрашивал один.

– Задали, брат, жару. Теперь не сунутся, – говорил другой.

– Ничего не видать. Как они в своих-то зажарили! Не видать; темь, братцы. Нет ли напиться?

Французы последний раз были отбиты. И опять, в совершенном мраке, орудия Тушина, как рамой окруженные гудевшею пехотой, двинулись куда-то вперед.

В темноте как будто текла невидимая, мрачная река, всё в одном направлении, гудя шопотом, говором и звуками копыт и колес. В общем гуле из-за всех других звуков яснее всех были стоны и голоса раненых во мраке ночи. Их стоны, казалось, наполняли собой весь этот мрак, окружавший войска. Их стоны и мрак этой ночи – это было одно и то же. Через несколько времени в движущейся толпе произошло волнение. Кто-то проехал со свитой на белой лошади и что-то сказал, проезжая.

– Что сказал? Куда теперь? Стоять, что ль? Благодарил что ли? – слышались жадные расспросы со всех сторон, и вся движущаяся масса стала напирать сама на себя (видно передние остановились), и пронесся слух, что велено остановиться. Все остановились, как шли, на середине грязной дороги.

Засветились огни, и слышнее стал говор. Капитан Тушин, распорядившись по роте, послал одного из солдат отыскивать перевязочный пункт или лекаря для юнкера и сел у огня, разложенного на дороге солдатами. Ростов перетащился тоже к огню. Лихорадочная дрожь от боли, холода и сырости трясла все его тело. Сон непреодолимо клонил его, но он не мог заснуть от мучительной боли в нывшей и не находившей положения руке. Он то закрывал глаза, то взглядывал на огонь, казавшийся ему горячо-красным, то на сутуловатую слабую фигуру Тушина, по-турецки сидевшего подле него. Большие добрые и умные глаза Тушина с сочувствием и состраданием устремлялись на него. Он видел, что Тушин всею душой хотел и ничем не мог помочь ему.

Со всех сторон слышны были шаги и говор проходивших, проезжавших и кругом размещавшейся пехоты. Звуки голосов, шагов и переставляемых в грязи лошадиных копыт, ближний и дальний треск дров сливались в один колеблющийся гул.

Теперь уже не текла, как прежде, во мраке невидимая река, а будто после бури укладывалось и трепетало мрачное море. Ростов бессмысленно смотрел и слушал, что происходило перед ним и вокруг него. Пехотный солдат подошел к костру, присел на корточки, всунул руки в огонь и отвернул лицо.

– Ничего, ваше благородие? – сказал он, вопросительно обращаясь к Тушину. – Вот отбил от роты, ваше благородие; сам не знаю, где. Беда!

Вместе с солдатом подошел к костру пехотный офицер с подвязанною щекой и, обращаясь к Тушину, просил приказать подвинуть крошечку орудия, чтобы провезти повозку. За ротным командиром набежали на костер два солдата. Они отчаянно ругались и дрались, выдергивая друг у друга какой-то сапог.

– Как же, ты поднял! Ишь, ловок! – кричал один хриплым голосом.

Потом подошел худой, бледный солдат с шеей, обвязанной окровавленной подвороткой, и сердитым голосом требовал воды у артиллеристов.

– Что ж, умирать, что ли, как собаке? – говорил он.

Тушин велел дать ему воды. Потом подбежал веселый солдат, прося огоньку в пехоту.

– Огоньку горяченького в пехоту! Счастливо оставаться, землячки, благодарим за огонек, мы назад с процентой отдадим, – говорил он, унося куда-то в темноту краснеющуюся головешку.

За этим солдатом четыре солдата, неся что-то тяжелое на шинели, прошли мимо костра. Один из них споткнулся.

– Ишь, черти, на дороге дрова положили, —проворчал он.

– Кончился, что ж его носить? – сказал один из них.

– Ну, вас!

И они скрылись во мраке с своею ношей.

– Что? болит? – спросил Тушин шопотом у Ростова.

– Болит.

– Ваше благородие, к генералу. Здесь в избе стоят, – сказал фейерверкер, подходя к Тушину.

– Сейчас, голубчик.

Тушин встал и, застегивая шинель и оправляясь, отошел от костра...

Недалеко от костра артиллеристов, в приготовленной для него избе, сидел князь Багратион за обедом, разговаривая с некоторыми начальниками частей, собравшимися у него. Тут был старичок с полужакрытыми глазами, жадно обгладывавший баранью кость, и двадцатидвухлетний безупречный генерал, раскрасневшийся от рюмки водки и обеда, и штаб-офицер с именным перстнем, и Жерков, беспокойно оглядывавший всех, и князь Андрей, бледный, с поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами.

В избе стояло прислоненное в углу взятое французское знамя, и аудитор с наивным лицом шупал ткань знамени и, недоумевая, покачивал головой, может быть оттого, что его и в самом деле интересовал вид знамени, а может быть, и оттого, что ему тяжело было голодному смотреть на обед, за которым ему не достало прибора. В соседней избе находился взятый в плен драгунами французский полковник. Около него толпились, рассматривая его, наши офицеры. Князь Багратион благодарил отдельных начальников и расспрашивал о подробностях дела и о потерях. Полковой командир, представлявшийся под Браунау, докладывал князю, что, как только началось дело, он отступил из леса, собрал дроворубов и, пропустив их мимо себя, с двумя батальонами ударил в штыки и опрокинул французов.

– Как я увидел, ваше сиятельство, что первый батальон расстроен, я стал на дороге и думаю: «пропущу этих и встречу батальным огнем»; так и сделал.

Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобрать в этой путанице, что было и чего не было?

– Причем должен заметить, ваше сиятельство, – продолжал он, вспоминая о разговоре Долохова с Кутузовым и о последнем свидании своем с разжалованным, – что рядовой, разжалованный Долохов, на моих глазах взял в плен французского офицера и особенно отличился.

– Здесь-то я видел, ваше сиятельство, атаку павлоградцев, – беспокойно оглядываясь, вмешался Жерков, который вовсе не видал в этот день гусар, а только слышал о них от пехотного офицера. – Смяли два каре, ваше сиятельство.

На слова Жеркова некоторые улыбнулись, как и всегда ожидая от него шутки; но, заметив, что то, что он говорил, клонилось тоже к славе нашего оружия и нынешнего дня, приняли серьезное выражение, хотя многие очень хорошо знали, что то, что говорил Жерков, была ложь, ни на чем не основанная. Князь Багратион обратился к старичку-полковнику.

– Благодарю всех, господа, все части действовали геройски: пехота, кавалерия и артиллерия. Каким образом в центре оставлены два орудия? – спросил он, ища кого-то глазами. (Князь Багратион не спрашивал про орудия левого фланга; он знал уже, что там в самом начале дела были брошены все пушки.) – Я вас, кажется, просил, – обратился он к дежурному штаб-офицеру.

– Одно было подбито, – отвечал дежурный штаб-офицер, – а другое, я не могу понять; я сам там всё время был и распоряжался и только что отъехал... Жарко было, правда, – прибавил он скромно.

Кто-то сказал, что капитан Тушин стоит здесь у самой деревни, и что за ним уже послано.

– Да вот вы были, – сказал князь Багратион, обращаясь к князю Андрею.

– Как же, мы вместе немного не съехались, – сказал дежурный штаб-офицер, приятно улыбаясь Болконскому.

– Я не имел удовольствия вас видеть, – холодно и отрывисто сказал князь Андрей. Все помолчали.

На пороге показался Тушин, робко пробиравшийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как и всегда, при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и спотыкнулся на него. Несколько голосов засмеялось.

– Каким образом орудие оставлено? – спросил Багратион, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смеявшихся, в числе которых громче всех слышался голос Жеркова.

Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всем ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он так был взволнован, что до сей минуты не успел подумать об этом. Смех офицеров еще больше сбил его с толку. Он стоял перед Багратионом с дрожащею нижнею челюстью и едва проговорил:

– Не знаю... ваше сиятельство... людей не было, ваше сиятельство.

– Вы бы могли из прикрытия взять!

Что прикрытия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была сущая правда. Он боялся *подвести* этим другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багратиону, как смотрит сбившийся ученик в глаза экзаменатору.

Молчание было довольно продолжительно. Князь Багратион, видимо, не желая быть строгим, не находил, что сказать; остальные не смели вмешаться в разговор. Князь Андрей исподлобья смотрел на Тушина, и пальцы его рук нервно двигались.

– Ваше сиятельство, – прервал князь Андрей молчание своим резким голосом, – вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными, и прикрытия никакого.

Князь Багратион и Тушин одинаково упорно смотрели теперь на сдержанно и взволнованно говорившего Болконского.

– И ежели, ваше сиятельство, позвольте мне высказать свое мнение, – продолжал он, – то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой, – сказал князь Андрей и, не ожидая ответа, тотчас же встал и отошел от стола.

Князь Багратион посмотрел на Тушина и, видимо не желая выказать недоверия к резкому суждению Болконского и, вместе с тем, чувствуя себя не в состоянии вполне верить ему, наклонил голову и сказал Тушину, что он может идти. Князь Андрей вышел за ним.

— Вот спасибо: выручил, голубчик, — сказал ему Тушин.

Князь Андрей оглянул Тушина и, ничего не сказав, отошел от него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Всё это было так странно, так непохоже на то, чего он надеялся.

—

«Кто они? Зачем они? Что им нужно? И когда всё это кончится?» думал Ростов, глядя на переменявшиеся перед ним тени. Боль в руке становилась всё мучительнее. Сон клонил непреодолимо, в глазах прыгали красные круги, и впечатление этих голосов и этих лиц и чувство одиночества сливались с чувством боли. Это они, эти солдаты, раненые и нераненые, — это они-то и давили, и тяготили, и выворачивали жилы, и жгли мясо в его разломанной руке и плече. Чтоб избавиться от них, он закрыл глаза.

Он забылся на одну минуту, но в этот короткий промежуток забвения он видел во сне бесчисленное количество предметов: он видел свою мать и ее большую белую руку, видел худенькие плечи Сони, глаза и смех Наташи, и Денисова с его голосом и усами, и Телянина, и всю свою историю с Теляниным и Богданычем. Вся эта история была одно и то же, что этот солдат с резким голосом, и эта-то вся история и этот-то солдат так мучительно, неотступно держали, давили и все в одну сторону тянули его руку. Он пытался устраниваться от них, но они не отпускали ни на волос, ни на секунду его плечо. Оно бы не болело, оно было бы здорово, ежели б они не тянули его; но нельзя было избавиться от них.

Он открыл глаза и поглядел вверх. Черный полог ночи на аршин висел над светом углей. В этом свете летали порошинки падавшего снега. Тушин не возвращался, лекарь не приходил. Он был один, только какой-то солдатик сидел теперь голый по другую сторону огня и грел свое худое желтое тело.

«Никому не нужен я! — думал Ростов. — Некому ни помочь, ни пожалеть. А был же и я когда-то дома, сильный, веселый, любимый». — Он вздохнул и со вздохом невольно застонал.

— Ай болит что? — спросил солдатик, встряхивая свою рубаху над огнем, и, не дожидаясь ответа, крикнув, прибавил: — Мало ли за день народу попортили — страсть!

Ростов не слушал солдата. Он смотрел на порхавшие над огнем снежинки и вспоминал русскую зиму с теплым, светлым домом, пушистою шубой, быстрыми санями, здоровым телом и со всею любовью и заботою семьи. «И зачем я пошел сюда!» думал он.

На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова.

—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Князь Василий не обдумывал своих планов. Он еще менее думал сделать людям зло для того, чтобы приобрести выгоду. Он был только светский человек, успевший в свете и сделавший привычку из этого успеха. У него постоянно, смотря по обстоятельствам, по сближениям с людьми, составлялись различные планы и соображения, в которых он сам не отдавал себе хорошенько отчета, но которые составляли весь интерес его жизни. Не один и не два таких плана и соображения бывало у него в ходу, а десятки, из которых одни только начинали представляться ему, другие достигались, третьи уничтожались. Он не говорил себе, например: «Этот человек теперь в силе, я должен приобрести его доверие и дружбу и через него устроить себе выдачу единовременного пособия», или он не говорил себе: «Вот Пьер богат, я должен заманить его жениться на дочери и занять нужные мне 40 тысяч»; но человек в силе встречался ему, и в ту же минуту инстинкт подсказывал ему, что этот человек может быть полезен, и князь Василий сближался с ним и при первой возможности, без приготовления, по инстинкту, льстил, делался фамильярен, говорил о том, о чем нужно было.

Пьер был у него под рукою в Москве, и князь Василий устроил для него назначение в камер-юнкеры, что тогда равнялось чину статского советника, и настоял на том, чтобы молодой человек с ним вместе ехал в Петербург и остановился в его доме. Как будто рассеянно и вместе с тем с несомненною уверенностью, что так должно быть, князь Василий делал всё, что было нужно для того, чтобы женить Пьера на своей дочери. Ежели бы князь Василий обдумывал вперед свои планы, он не мог бы иметь такой естественности в обращении и такой простоты и фамильярности в сношениях со всеми людьми, выше и ниже себя поставленными. Что-то влекло его постоянно к людям сильнее или богаче его, и он одарен был редким искусством ловить именно ту минуту, когда надо и можно было пользоваться людьми.

Пьер, сделавшись неожиданно богачем и графом Безуховым, после недавнего одиночества и беззаботности, почувствовал себя до такой степени окруженным, занятым, что ему только в постели удавалось остаться одному с самим собою. Ему нужно было подписывать бумаги, ведаться с присутственными местами, о значении которых он не имел ясного понятия, спрашивать о чем-то главного управляющего, ехать в подмосковное имение и принимать множество лиц, которые прежде не хотели и знать о его существовании, а теперь были бы обижены и огорчены, ежели бы он не захотел их видеть. Все эти разнообразные лица – деловые, родственники, знакомые – все были одинаково хорошо, ласково расположены к молодому наследнику; все они, очевидно и несомненно, были убеждены в высоких достоинствах Пьера. Беспрепятственно он слышал слова: «С вашею необыкновенною добротою» или «при вашем прекрасном сердце», или «вы сами так чисты, граф...» или «ежели бы он был так умен, как вы» и т. п., так что он искренно начинал верить своей необыкновенной доброте и своему необыкновенному уму, тем более, что и всегда, в глубине души, ему казалось, что он действительно очень добр и очень умен. Даже люди, прежде бывшие злыми и очевидно враждебными, делались с ним нежными и любящими. Столь сердитая старшая из княжен, с длинною талией, с приглаженными, как у куклы, волосами, после похорон пришла в комнату Пьера. Опуская глаза и беспрестанно вспыхивая, она сказала ему, что очень жалеет о бывших между ними недоразумениях и что теперь не чувствует себя вправе ничего просить, разве только позволения, после постигшего ее удара, остаться на несколько недель в доме, который она так любила и где столько принесла жертв. Она не могла удержаться и заплакала при этих словах. Растроганный тем, что эта статуобразная княжна могла так измениться, Пьер взял ее за руку и просил извинения, сам не

зная, за что. С этого дня княжна начала вязать полосатый шарф для Пьера и совершенно изменилась к нему.

– Сделай это для нее, *mon cher*; всё-таки она много пострадала от покойника, – сказал ему князь Василий, давая подписать какую-то бумагу в пользу княжны.

Князь Василий решил, что эту кость, вексель в 30 т., надо было всё-таки бросить бедной княжне с тем, чтоб ей не могло прийти в голову толковать об участии князя Василия в деле мозаикового портфеля. Пьер подписал вексель, и с тех пор княжна стала еще добрее. Младшие сестры стали также ласковы к нему, в особенности самая младшая, хорошенькая, с родинкой, часто смущала Пьера своими улыбками и смущением при виде его.

Пьеру так естественно казалось, что все его любят, так казалось бы неестественно, ежели бы кто-нибудь не полюбил его, что он не мог не верить в искренность людей, окружавших его. Притом ему не было времени спрашивать себя об искренности или неискренности этих людей. Ему постоянно было некогда, он постоянно чувствовал себя в состоянии кроткого и веселого опьянения. Он чувствовал себя центром какого-то важного общего движения; чувствовал, что от него что-то постоянно ожидается; что, не сделай он того-то, он огорчит многих и лишит их ожидаемого, а сделай то-то и то-то, всё будет хорошо, – и он делал то, что требовали от него, но это что-то хорошее всё оставалось впереди.

Более всех других в это первое время как делами Пьера, так и им самим овладел князь Василий. Со смерти графа Безухова он не выпускал из рук Пьера. Князь Василий имел вид человека, отягченного делами, усталого, измученного, но из сострадания не могущего, наконец, бросить на произвол судьбы и плутов этого беспомощного юношу, сына всё-таки его друга, *après tout*,³¹⁶ и с таким огромным состоянием. В те несколько дней, которые он пробыл в Москве после смерти графа Безухова, он призывал к себе Пьера или сам приходил к нему и предписывал ему то, что нужно было делать, таким тоном усталости и уверенности, как будто он всякий раз приговаривал:

«*Vous savez, que je suis accablé d'affaires et que ce n'est que par pure charité, que je m'occupe de vous, et puis vous savez bien, que ce que je vous propose est la seule chose faisable*».³¹⁷

– Ну, мой друг, завтра мы едем, наконец, – сказал он ему однажды, закрывая глава, перебирая пальцами его локоть и таким тоном, как будто то, что он говорил, было давным-давно решено между ними и не могло быть решено иначе.

– Завтра мы едем, я тебе даю место в своей коляске. Я очень рад. Здесь у нас всё важное покончено. А мне уж давно бы надо. Вот я получил от канцлера. Я его просил о тебе, и ты зачислен в дипломатический корпус и сделан камер-юнкером. Теперь дипломатическая дорога тебе открыта.

Несмотря на всю силу тона усталости и уверенности, с которою произнесены были эти слова, Пьер, так долго думавший о своей карьере, хотел было возражать. Но князь Василий перебил его тем воркующим, басистым тоном, который исключал возможность перебить его речь и который употреблялся им в случае необходимости крайнего убеждения.

– *Mais, mon cher*,³¹⁸ я это сделал для себя, для своей совести, и меня благодарить нечего. Никогда никто не жаловался, что его слишком любили; а потом, ты свободен, хоть завтра брось. Вот ты всё сам в Петербурге увидишь. И тебе давно пора удалиться от этих ужасных воспоминаний. – Князь Василий вздохнул. – Так-так, моя душа. А мой камердинер пускай в твоей коляске едет. Ах, да, я было и забыл, – прибавил еще князь Василий, – ты знаешь, *mon cher*,³¹⁹

³¹⁶ в конце концов,

³¹⁷ «Ты знаешь, я завален делами; но было бы безжалостно покинуть тебя так; и ты знаешь, – то что я тебе говорю, есть единственно возможное».

³¹⁸ Но, милый мой,

³¹⁹ дружок

у нас были счеты с покойным, так с рязанского я получил и оставлю: тебе не нужно. Мы с тобой сочтемся.

То, что князь Василий называл «с рязанского», было несколько тысяч оброка, которые князь Василий оставил у себя.

В Петербурге, так же как и в Москве, атмосфера нежных, любящих людей окружила Пьера. Он не мог отказаться от места или, скорее, звания (потому что он ничего не делал), которое доставил ему князь Василий, а знакомств, зовов и общественных занятий было столько, что Пьер еще больше, чем в Москве, испытывал чувство отуманенности, торопливости и всё наступающего, но не совершающегося какого-то блага.

Из прежнего его холостого общества многих не было в Петербурге. Гвардия ушла в поход, Долохов был разжалован, Анатолий находился в армии, в провинции, князь Андрей был за границей, и потому Пьеру не удавалось ни проводить ночей, как он прежде любил проводить их, ни отводить изредка душу в дружеской беседе с старшим уважаемым другом. Всё время его проходило на обедах, балах и преимущественно у князя Василия – в обществе толстой княгини, его жены, и красавицы Элен.

Анна Павловна Шерер, так же как и другие, выказала Пьеру перемену, происшедшую в общественном взгляде на него.

Прежде Пьер в присутствии Анны Павловны постоянно чувствовал, что то, что он говорит, неприлично, бестактно, не то, что нужно; что речи его, кажущиеся ему умными, пока он готовит их в своем воображении, делаются глупыми, как скоро он их громко выговорит, и что, напротив, самые тупые речи Ипполита выходят умными и милыми. Теперь всё, что ни говорил он, всё выходило *charmant*.³²⁰ Ежели даже Анна Павловна не говорила этого, то он видел, что ей хотелось это сказать, и она только, в уважение его скромности, воздерживалась от этого.

В начале зимы с 1805 на 1806 год Пьер получил от Анны Павловны обычную розовую записку с приглашением, в котором было прибавлено: «*Vous trouverez chez moi la belle Hélène, qu'on ne se lasse jamais voir*».³²¹

Читая это место, Пьер в первый раз почувствовал, что между ним и Элен образовалась какая-то связь, признаваемая другими людьми, и эта мысль в одно и то же время и испугала его, как будто на него накладывалось обязательство, которое он не мог сдержать, и вместе понравилась ему, как забавное предположение.

Вечер Анны Павловны был такой же, как и первый, только новинкой, которую угаживала Анна Павловна своих гостей, был теперь не Мортенар, а дипломат, приехавший из Берлина и привезший самые свежие подробности о пребывании государя Александра в Потсдаме и о том, как два высочайшие друга поклялись там в неразрывном союзе отстаивать правое дело против врага человеческого рода. Пьер был принят Анной Павловной с оттенком грусти, относившейся, очевидно, к свежей потере, постигшей молодого человека, к смерти графа Безухова (все постоянно считали долгом уверять Пьера, что он очень огорчен кончиною отца, которого он почти не знал), – и грусти точно такой же, как и та высочайшая грусть, которая выражалась при упоминаниях об августейшей императрице Марии Феодоровне. Пьер почувствовал себя польщенным этим. Анна Павловна с своим обычным искусством устроила кружки своей гостиной. Большой кружок, где были князь Василий и генералы, пользовался дипломатом. Другой кружок был у чайного столика. Пьер хотел присоединиться к первому, но Анна Павловна, находившаяся в раздраженном состоянии полководца на поле битвы, когда приходят тысячи новых блестящих мыслей, которые едва успеваешь приводить в исполнение, Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав.

³²⁰ прелестно.

³²¹ У меня будет прекрасная Элен, на которую никогда не устанешь любоваться.

– Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir.³²² Она взглянула на Элен и улыбнулась ей.

– Ma bonne Hélène, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes.³²³ А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать.

Красавица направилась к тетушке, но Пьера Анна Павловна еще удержала подле себя, показывая вид, как будто ей надо сделать еще последнее необходимое распоряжение.

– Не правда ли, она восхитительна? – сказала она Пьеру, указывая на отплывающую величавую красавицу. – Et quelle tenue!³²⁴ Для такой молодой девушки и такой такт, такое мастерское умение держать себя! Это происходит от сердца! Счастлив будет тот, чьею она будет! С нею самый несветский муж будет невольно занимать самое блестящее место в свете. Не правда ли? Я только хотела знать ваше мнение, – и Анна Павловна отпустила Пьера.

Пьер с искренностью отвечал Анне Павловне утвердительно на вопрос ее об искусстве Элен держать себя. Ежели он когда-нибудь думал об Элен, то думал именно о ее красоте и о том необыкновенном ее спокойном умении быть молчаливо-достойною в свете.

Тетушка приняла в свой уголок двух молодых людей, но, казалось, желала скрыть свое обожание к Элен и желала более выразить страх перед Анной Павловной. Она взглядывала на племянницу, как бы спрашивая, что ей делать с этими людьми. Отходя от них, Анна Павловна опять тронула пальчиком рукав Пьера и проговорила:

– J'espère, que vous ne direz plus qu'on s'ennuie chez moi,³²⁵ – и взглянула на Элен.

Элен улыбнулась с таким видом, который говорил, что она не допускала возможности, чтобы кто-либо мог видеть ее и не быть восхищенным. Тетушка прокашлялась, проглотила слюни и по-французски сказала, что она очень рада видеть Элен; потом обратилась к Пьеру с тем же приветствием и с тою же миной. В середине скучливого и спотыкающегося разговора Элен оглянулась на Пьера и улыбнулась ему тою улыбкой, ясною, красивою, которою она улыбалась всем. Пьер так привык к этой улыбке, так мало она выражала для него, что он не обратил на нее никакого внимания. Тетушка говорила в это время о коллекции табакерок, которая была у покойного отца Пьера, графа Безухова, и показала свою табакерку. Княжна Элен попросила посмотреть портрет мужа тетушки, который был сделан на этой табакерке.

– Это, верно, делано Винесом, – сказал Пьер, называя известного миниатюриста, нагибаясь к столу, чтоб взять в руки табакерку, и прислушиваясь к разговору за другим столом.

Он привстал, желая обойти, но тетушка подала табакерку прямо через Элен, позади ее. Элен нагнулась вперед, чтобы дать место и, улыбаясь, оглянулась. Она была, как и всегда на вечерах, в весьма открытом по тогдашней моде спереди и сзади платье. Ее бюст, казавшийся всегда мраморным Пьеру, находился в таком близком расстоянии от его глаз, что он своими близорукими глазами невольно различал живую прелесть ее плеч и шеи, и так близко от его губ, что ему стоило немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нее. Он слышал тепло ее тела, запах духов и скрип ее корсета при движении. Он видел не ее мраморную красоту, составлявшую одно целое с ее платьем, он видел и чувствовал всю прелесть ее тела, которое было закрыто только одеждой. И, раз увидав это, он не мог видеть иначе, как мы не можем возвратиться к раз объясненному обману.

«Так вы до сих пор не замечали, как я прекрасна? – как будто сказала Элен. – Вы не замечали, что я женщина? Да, я женщина, которая может принадлежать всякому и вам тоже», сказал ее взгляд. И в ту же минуту Пьер почувствовал, что Элен не только могла, но должна быть его женою, что это не может быть иначе.

³²² Погодите, у меня есть на вас виды на этот вечер.

³²³ Моя милая Элен, надо, чтобы вы были добры к моей бедной тетке, которая питает к вам обожание. Побудьте с ней минут десять.

³²⁴ И как держит себя!

³²⁵ Надеюсь, вы не скажете другой раз, что у меня скучают,

Он знал это в эту минуту так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею. Как это будет? и когда? он не знал; не знал даже, хорошо ли это будет (ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то), но он знал, что это будет.

Пьер опустил глаза, опять поднял их и снова хотел увидеть ее такую дальнюю, чужую для себя красавицею, какою он видал ее каждый день прежде; но он не мог уже этого сделать. Не мог, как не может человек, прежде смотревший в тумане на былинку бурьяна и видевший в ней дерево, увидав былинку, снова увидеть в ней дерево. Она была страшно близка ему. Она имела уже власть над ним. И между ним и ею не было уже никаких преград, кроме преград его собственной воли.

– Bon, je vous laisse dans votre petit coin. Je vois, que vous y êtes très bien,³²⁶ – сказал голос Анны Павловны.

И Пьер, со страхом вспоминая, не сделал ли он чего-нибудь предосудительного, краснея, оглянулся вокруг себя. Ему казалось, что все знают, так же как и он, про то, что с ним случилось.

Через несколько времени, когда он подошел к большому кружку, Анна Павловна сказала ему:

– On dit que vous embellissez votre maison de Pétersbourg.³²⁷

(Это была правда: архитектор сказал, что это нужно ему, и Пьер, сам не зная, зачем, отделявал свой огромный дом в Петербурге.)

– C'est bien, mais ne déménagez pas de chez le prince Basile. Il est bon d'avoir un ami comme le prince, – сказала она, улыбаясь князю Василию. – J'en sais quelque chose. N'est-ce pas?³²⁸ А вы еще так молоды. Вам нужны советы. Вы не сердитесь на меня, что я пользуюсь правами старух. – Она замолчала, как молчат всегда женщины, чего-то ожидая после того, как скажут про свои года. – Если вы женитесь, то другое дело. – И она соединила их в один взгляд. Пьер не смотрел на Элен, и она на него. Но она была всё так же страшно близка ему. Он промышчал что-то и покраснел.

Вернувшись домой, Пьер долго не мог заснуть, думая о том, что с ним случилось. Что же случилось с ним? Ничего. Он только понял, что женщина, которую он знал ребенком, про которую он рассеянно говорил: «да, хороша», когда ему говорили, что Элен красавица, он понял, что эта женщина может принадлежать ему.

«Но она глупа, я сам говорил, что она глупа, – думал он. – Что-то гадкое есть в том чувстве, которое она возбудила во мне, что-то запрещенное. Мне говорили, что ее брат Анатолий был влюблен в нее, и она влюблена в него, что была целая история, и что от этого услали Анатолия. Брат ее – Ипполит... Отец ее – князь Василий... Это нехорошо», думал он; и в то же время как он рассуждал так (еще рассуждения эти оставались неоконченными), он заставлял себя улыбающимся и сознавал, что другой ряд рассуждений всплывал из-за первых, что он в одно и то же время думал о ее ничтожестве и мечтал о том, как она будет его женой, как она может полюбить его, как она может быть совсем другою, и как всё то, что он об ней думал и слышал, может быть неправдою. И он опять видел ее не какою-то дочерью князя Василья, а видел всё ее тело, только прикрытое серым платьем. «Но нет, отчего же прежде не приходила мне в голову эта мысль?» И опять он говорил себе, что это невозможно; что что-то гадкое, противоестественное, как ему казалось, нечестное было бы в этом браке. Он вспоминал ее прежние слова, взгляды, и слова и взгляды тех, кто их видал вместе. Он вспомнил слова и взгляды Анны Павловны, когда она говорила ему о доме, вспомнил тысячи таких намеков со стороны князя Василья и других, и на него нашел ужас, не связал ли он уж себя чем-нибудь

³²⁶ Хорошо, я вас оставлю в вашем уголке. Я вижу, вам там хорошо,

³²⁷ Говорят, вы отделяете свой петербургский дом.

³²⁸ Это хорошо, но не переезжайте от князя Василия. Хорошо иметь такого друга. Я кое-что об этом знаю. Не правда ли?

в исполнении такого дела, которое, очевидно, нехорошо и которое он не должен делать. Но в то же время, как он сам себе выражал это решение, с другой стороны души всплывал ее образ со всею своею женственною красотою.

II.

В ноябре месяце 1805 года князь Василий должен был ехать на ревизию в четыре губернии. Он устроил для себя это назначение с тем, чтобы побывать заодно в своих расстроенных имениях, и захватив с собой (в месте расположения его полка) сына Анатоля, с ним вместе заехать к князю Николаю Андреевичу Болконскому с тем, чтобы женить сына на дочери этого богатого старика. Но прежде отъезда и этих новых дел, князю Василью нужно было решить дела с Пьером, который, правда, последнее время проводил целые дни дома, т. е. у князя Василья, у которого он жил и был смешон, взволнован и глуп (как должен быть влюбленный) в присутствии Элен, но всё еще не делал предложения.

«Tout ça est bel et bon, mais il faut que ça finisse»,³²⁹ – сказал себе раз утром князь Василий со вздохом грусти, сознавая, что Пьер, стольким обязанный ему (ну, да Христос с ним!), не совсем хорошо поступает в этом деле. «Молодость... легкомыслие... ну, да Бог с ним, – подумал князь Василий, с удовольствием чувствуя свою доброту: – mais il faut, que ça finisse.³³⁰ После завтра Лёлины именины, я позову кое-кого, и ежели он не поймет, что он должен сделать, то уже это будет мое дело. Да, мое дело. Я – отец!»

Пьер полтора месяца после вечера Анны Павловны и последовавшей за ним бессонной, взволнованной ночи, в которую он решил, что женитьба на Элен была бы несчастье, и что ему нужно избегать ее и уехать, Пьер после этого решения не переезжал от князя Василья и с ужасом чувствовал, что каждый день он больше и больше в глазах людей связывается с нею, что он не может никак возвратиться к своему прежнему взгляду на нее, что он не может и оторваться от нее, что это будет ужасно, но что он должен будет связать с нею свою судьбу. Может быть, он и мог бы воздержаться, но не проходило дня, чтоб у князя Василья (у которого редко бывал прием) не было бы вечера, на котором должен был быть Пьер, ежели он не хотел расстроить общее удовольствие и обмануть ожидания всех. Князь Василий в те редкие минуты, когда бывал дома, проходя мимо Пьера, дергал его за руку вниз, рассеянно подставлял ему для поцелуя выбритую, морщинистую щеку и говорил или «до завтра», или «к обеду, а то я тебя не увижу», или «я для тебя остаюсь» и т. п. Но несмотря на то, что, когда князь Василий оставался для Пьера (как он это говорил), он не говорил с ним двух слов, Пьер не чувствовал себя в силах обмануть его ожидания. Он каждый день говорил себе всё одно и одно: «Надо же, наконец, понять ее и дать себе отчет: кто она? Ошибался ли я прежде или теперь ошибаюсь? Нет, она не глупа; нет, она прекрасная девушка! – говорил он сам себе иногда. – Никогда ни в чем она не ошибается, никогда она ничего не сказала глупого. Она мало говорит, но то, что она скажет, всегда просто и ясно. Так она не глупа. Никогда она не смущалась и не смущается. Так она не дурная женщина!» Часто ему случалось с нею начинать рассуждать, думать вслух, и всякий раз она отвечала ему на это либо коротким, но кстати сказанным замечанием, показывавшим, что ее это не интересует, либо молчаливою улыбкой и взглядом, которые ощутительнее всего показывали Пьеру ее превосходство. Она была права, признавая все рассуждения вздором в сравнении с этою улыбкой.

Она обращалась к нему всегда с радостною, доверчивою, к нему одному относившеюся улыбкой, в которой было что-то значительнее того, что было в общей улыбке, украшавшей всегда ее лицо. Пьер знал, что все ждут только того, чтоб он, наконец, сказал одно слово, пере-

³²⁹ Всё это прекрасно, но всему должен быть конец,

³³⁰ надо, надо положить конец.

ступил через известную черту, и он знал, что он рано или поздно переступит через нее; но какой-то непонятный ужас охватывал его при одной мысли об этом страшном шаге. Тысячу раз в продолжение этого полутора месяца, во время которого он чувствовал себя всё дальше и дальше втягиваемым в ту страшившую его пропасть, Пьер говорил себе: «Да что ж это? Нужна решимость! Разве нет у меня ее?»

Он хотел решиться, но с ужасом чувствовал, что не было у него в этом случае той решимости, которую он знал в себе и которая действительно была в нем. Пьер принадлежал к числу тех людей, которые сильны только тогда, когда они чувствуют себя вполне чистыми. А с того дня, как им овладело то чувство желания, которое он испытал над табакеркой у Анны Павловны, несознанное чувство виноватости этого стремления парализовало его решимость.

В день именин Элен у князя Василья ужинало маленькое общество людей самых близких, как говорила княгиня, родные и друзья. Всем этим родным и друзьям дано было чувствовать, что в этот день должна решиться участь именинницы. Гости сидели за ужином. Княгиня Курагина, массивная, когда-то красивая, представительная женщина сидела на хозяйском месте. По обеим сторонам ее сидели почетнейшие гости – старый генерал, его жена, Анна Павловна Шерер; в конце стола сидели менее пожилые и почетные гости, и там же сидели домашние, Пьер и Элен, – рядом. Князь Василий не ужинал: он похаживал вокруг стола, в веселом расположении духа, подсаживаясь то к тому, то к другому из гостей. Каждому он говорил небрежное и приятное слово, исключая Пьера и Элен, которых присутствия он не замечал, казалось. Князь Василий оживлял всех. Ярко горели восковые свечи, блестели серебро и хрусталь посуды, наряды дам и золото и серебро эполет; вокруг стола сновали слуги в красных кафтанах; слышались звуки ножей, стаканов, тарелок и звуки оживленного говора нескольких разговоров вокруг этого стола. Слышно было, как старый камергер в одном конце уверял старушку-баронессу в своей пламенной любви к ней и ее смех; с другой – рассказ о неуспехе какой-то Марьи Викторовны. У середины стола князь Василий сосредоточил вокруг себя слушателей. Он рассказывал дамам, с шутливою улыбкой на губах, последнее – в среду – заседание государственного совета, на котором был получен и читался Сергеем Кузьмичем Вязмитиновым, новым петербургским военным генерал-губернатором, знаменитый тогда рескрипт государя Александра Павловича из армии, в котором государь, обращаясь к Сергею Кузьмичу, говорил, что со всех сторон получает он заявления о преданности народа, и что заявление Петербурга особенно приятно ему, что он гордится честью быть главою такой нации и постарается быть ее достойным. Рескрипт этот начинался словами: *Сергей Кузьмич! Со всех сторон доходят до меня слухи* и т. д.

– Так-таки и не пошло дальше, чем «Сергей Кузьмич?» – спрашивала одна дама.

– Да, да, ни на волос, – отвечал смеясь князь Василий. – «Сергей Кузьмич... со всех сторон. Со всех сторон, Сергей Кузьмич...» Бедный Вязмитинов никак не мог пойти далее. Несколько раз он принимался снова за письмо, но только что скажет *Сергей...* всхлипывания... *Ку...зьми...ч* – слезы... и *со всех сторон* заглушаются рыданиями, и дальше он не мог. И опять платок, и опять «Сергей Кузьмич, со всех сторон», и слезы... так что уже попросили прочесть другого.

– Кузьмич... со всех сторон... и слезы... – повторил кто-то смеясь.

– Не будьте злы, – погрозив пальцем, с другого конца стола, проговорила Анна Павловна, – *c'est un si brave et excellent homme notre bon Viasmitinoff...*³³¹

Все очень смеялись. На верхнем почетном конце стола все были, казалось, веселы и под влиянием самых различных оживленных настроений; только Пьер и Элен молча сидели рядом почти на нижнем конце стола; на лицах обоих сдерживалась сияющая улыбка, не зависящая от Сергея Кузьмича, – улыбка стыдливости перед своими чувствами. Что бы ни говорили и как

³³¹ он такой славный человек, наш добрый Вязмитинов...

бы ни смеялись и шутили другие, как бы аппетитно ни кушали и рейнвейн, и сое, и мороженое, как бы ни избегали взглядом эту чету, как бы ни казались равнодушны, невнимательны к ней, чувствовалось почему-то, по изредка бросаемым на них взглядам, что и анекдот о Сергее Кузьмиче, и смех, и кушанье – всё было притворно, а все силы внимания всего этого общества были обращены только на эту пару – Пьера и Элен. Князь Василий представлял всхлипывания Сергея Кузьмича и в это время обегал взглядом дочь; и в то время как он смеялся, выражение его лица говорило: «Так, так, всё хорошо идет; нынче всё решится». Анна Павловна грозила ему за *notre bon Viasmitinoff*, а в глазах ее, которые мельком блеснули в этот момент на Пьера, князь Василий читал поздравление с будущим зятем и счастьем дочери. Старая княгиня, предлагая с грустным вздохом вина своей соседке и сердито взглянув на дочь, этим вздохом как будто говорила: «да, теперь нам с вами ничего больше не осталось, как пить сладкое вино, моя милая; теперь время этой молодежи быть так дерзко вызывающе-счастливою». «И что за глупость всё то, что я рассказываю, как будто это меня интересует, – думал дипломат, взглядывая на счастливые лица любовников – вот это счастье!»

Среди тех ничтожно-мелких, искусственных интересов, которые связывали это общество, попало простое чувство стремления красивых и здоровых молодых мужчины и женщины друг к другу. И это человеческое чувство подавило всё и парило над всем их искусственным лепетом. Шутки были невеселы, новости неинтересны, оживление – очевидно поддельно. Не только они, но лакеи, служившие за столом, казалось, чувствовали то же и забывали порядки службы, заглядываясь на красавицу Элен с ее сияющим лицом и на красное, толстое, счастливое и беспокойное лицо Пьера. Казалось, и огни свечей сосредоточены были только на этих двух счастливых лицах.

Пьер чувствовал, что он был центром всего, и это положение и радовало и стесняло его. Он находился в состоянии человека, углубленного в какое-нибудь занятие. Он ничего ясно не видел, не понимал и не слышал. Только изредка, неожиданно, мелькали в его душе отрывочные мысли и впечатления из действительности.

«Так уж всё кончено! – думал он. – И как это всё сделалось? Так быстро! Теперь я знаю, что не для нее одной, не для себя одного, но и для всех *это* должно неизбежно свершиться. Они все так ждут *этого*, так уверены, что это будет, что я не могу, не могу обмануть их. Но как это будет? Не знаю; а будет, непременно будет!» думал Пьер, взглядывая на эти плечи, блестящие подле самых глаз его.

То вдруг ему становилось стыдно чего-то. Ему неловко было, что он один занимает внимание всех, что он счастливее в глазах других, что он с своим некрасивым лицом какой-то Парис, обладающий Еленой. «Но, верно, это всегда так бывает и так надо, – утешал он себя. – И, впрочем, что же я сделал для этого? Когда это началось? Из Москвы я поехал вместе с князем Васильем. Тут еще ничего не было. Потом, отчего же мне было у него не остановиться? Потом я играл с ней в карты и поднял ее ридикюль, ездил с ней кататься. Когда же это началось, когда это всё сделалось?» И вот он сидит подле нее женихом; слышит, видит, чувствует ее близость, ее дыхание, ее движения, ее красоту. То вдруг ему кажется, что это не она, а он сам так необыкновенно красив, что оттого-то и смотрят так на него, и он, счастливый общим удивлением, выпрямляет грудь, поднимает голову и радуется своему счастью. Вдруг какой-то голос, чей-то знакомый голос, слышится и говорит ему что-то другой раз. Но Пьер так занят, что не понимает того, что говорят ему.

– Я спрашиваю у тебя, когда ты получил письмо от Болконского, – повторяет третий раз князь Василий. – Как ты рассеян, мой милый.

Князь Василий улыбается, и Пьер видит, что все, все улыбаются на него и на Элен. «Ну, что ж, коли вы все знаете», говорит сам себе Пьер. «Ну, что ж? это правда», и он сам улыбается своею кроткою, детскою улыбкой, и Элен улыбается.

– Когда же ты получил? Из Ольмюца? – повторяет князь Василий, которому будто нужно это знать для решения спора.

«И можно ли говорить и думать о таких пустяках?» думает Пьер.

– Да, из Ольмюца, – отвечает он со вздохом.

От ужина Пьер повел свою даму за другими в гостиную. Гости стали разъезжаться и некоторые уезжали, не простившись с Элен. Как будто не желая отрывать ее от ее серьезного занятия, некоторые подходили на минуту и скорее отходили, запрещая ей провожать себя. Дипломат грустно молчал, выходя из гостиной. Ему представлялась вся тщета его дипломатической карьеры в сравнении с счастьем Пьера. Старый генерал сердито проворчал на свою жену, когда она спросила его о состоянии его ноги. «Эка, старая дура, – подумал он. – Вот Елена Васильевна так та и в 50 лет красавица будет».

– Кажется, что я могу вас поздравить, – прошептала Анна Павловна княгине и крепко поцеловала ее. – Ежели бы не мигрень, я бы осталась.

Княгиня ничего не отвечала; ее мучила зависть к счастью своей дочери.

Пьер во время проводов гостей долго оставался один с Элен в маленькой гостиной, где они сели. Он часто и прежде, в последние полтора месяца, оставался один с Элен, но никогда не говорил ей о любви. Теперь он чувствовал, что это было необходимо, но он никак не мог решиться на этот последний шаг. Ему было стыдно; ему казалось, что тут, подле Элен, он занимает чье-то чужое место. «Не для тебя это счастье, – говорил ему какой-то внутренний голос. – Это счастье для тех, у кого нет того, что есть у тебя». Но надо было сказать что-нибудь, и он заговорил. Он спросил у нее, довольна ли она нынешним вечером? Она, как и всегда, с простотой своею отвечала, что нынешние именины были для нее одними из самых приятных.

Кое-кто из ближайших родных еще оставались. Они сидели в большой гостиной. Князь Василий ленивыми шагами подошел к Пьеру. Пьер встал и сказал, что уже поздно. Князь Василий строго-вопросительно посмотрел на него, как будто то, что он сказал, было так странно, что нельзя было и расслышать. Но вслед за тем выражение строгости изменилось, и князь Василий дернул Пьера вниз за руку, посадил его и ласково улыбнулся.

– Ну, что, Леля? – обратился он тотчас же к дочери с тем небрежным тоном привычной нежности, который усваивается родителями, с детства ласкающими своих детей, но который князем Васильем был только угадан посредством подражания другим родителям.

И он опять обратился к Пьеру:

– *Сергей Кузьмич, со всех сторон*, – проговорил он, расстегивая верхнюю пуговицу жилета.

Пьер улыбнулся, но по его улыбке видно было, что он понимал, что не анекдот Сергея Кузьмича интересовал в это время князя Василья; и князь Василий понял, что Пьер понимал это. Князь Василий вдруг пробурлил что-то и вышел. Пьеру показалось, что даже князь Василий был смущен. Вид смущенья этого старого светского человека тронул Пьера; он оглянулся на Элен – и она, казалось, была смущена и взглядом говорила: «что ж, вы сами виноваты».

«Надо неизбежно перешагнуть, но не могу, я не могу», думал Пьер, и заговорил опять о постороннем, о Сергее Кузьмиче, спрашивая, в чем состоял этот анекдот, так как он его не расслышал. Элен с улыбкой отвечала, что она тоже не знает.

Когда князь Василий вошел в гостиную, княгиня тихо говорила с пожилой дамой о Пьере.

– Конечно, *c'est un parti très brillant, mais le bonheur, ma chère...*

– *Les mariages se font dans les cieux*,³³² – отвечала пожилая дама.

Князь Василий, как бы не слушая дам, прошел в дальний угол и сел на диван. Он закрыл глаза и как будто дремал. Голова его было упала, и он очнулся.

³³² Конечно, это очень блестящая партия, но счастье, моя милая... – Браки совершаются на небесах,

– Aline, – сказал он жене, – allez voir ce qu'ils font.³³³

Княгиня подошла к двери, прошла мимо нее с значительным, равнодушным видом и заглянула в гостиную. Пьер и Элен так же сидели и разговаривали.

– Всё то же, – отвечала она мужу.

Князь Василий нахмурился, сморщил рот на сторону, щеки его запрыгали с свойственным ему неприятным, грубым выражением; он, встряхнувшись, встал, закинул назад голову и решительными шагами, мимо дам, прошел в маленькую гостиную. Он скорыми шагами, радостно подошел к Пьеру. Лицо князя было так необыкновенно-торжественно, что Пьер испуганно встал, увидав его.

– Слава Богу! – сказал он. – Жена мне всё сказала! – Он обнял одною рукой Пьера, другою – дочь. – Друг мой Леля! Я очень, очень рад. – Голос его задрожал. – Я любил твоего отца... и она будет тебе хорошая жена... Бог да благословит вас!...

Он обнял дочь, потом опять Пьера и поцеловал его своим старческим ртом. Слезы, действительно, омочили его щеки.

– Княгиня, иди же сюда, – прокричал он.

Княгиня вышла и заплакала тоже. Пожилая дама тоже утиралась платком. Пьера целовали, и он несколько раз целовал руку прекрасной Элен. Через несколько времени их опять оставили одних.

«Всё это так должно было быть и не могло быть иначе, – думал Пьер, – поэтому нечего спрашивать, хорошо ли это или дурно? Хорошо, потому что определенно, и нет прежнего мучительного сомнения». Пьер молча держал руку своей невесты и смотрел на ее поднимающуюся и опускающуюся прекрасную грудь.

– Элен! – сказал он вслух и остановился.

«Что-то такое особенное говорят в этих случаях», думал он, но никак не мог вспомнить, что такое именно говорят в этих случаях. Он взглянул в ее лицо. Она придвинулась к нему ближе. Лицо ее зарумянилось.

– Ах, снимите эти... как эти... – она указывала на очки.

Пьер снял очки, и глаза его сверх общей странности глаз людей, снявших очки, глаза его смотрели испуганно-вопросительно. Он хотел нагнуться над ее рукой и поцеловать ее; но она быстрым и грубым движением головы перехватила его губы и свела их с своими. Лицо ее поразило Пьера своим изменившимся, неприятно-растерянным выражением.

«Теперь уж поздно, всё кончено; да и я люблю ее», подумал Пьер.

– Je vous aime!³³⁴ – сказал он, вспомнив то, что нужно было говорить в этих случаях; но слова эти прозвучали так бедно, что ему стало стыдно за себя.

Через полтора месяца он был обвенчан и поселился, как говорили, счастливым обладателем красавицы-жены и миллионов, в большом петербургском заново отделанном доме графов Безуховых.

III.

Старый князь Николай Андреич Болконский в декабре 1805 года получил письмо от князя Василия, извещавшего его о своем приезде вместе с сыном. («Я еду на ревизию, и, разумеется, мне 100 верст не крюк, чтобы посетить вас, многоуважаемый благодетель, – писал он, – и Анатолий мой провожает меня и едет в армию; и я надеюсь, что вы позволите ему лично выразить вам то глубокое уважение, которое он, подражая отцу, питает к вам».)

³³³ Алина – посмотри, что они делают.

³³⁴ Я вас люблю!

– Вот Мари и вывозить не нужно: женихи сами к нам едут, – неосторожно сказала маленькая княгиня, услышав про это.

Князь Николай Андреич поморщился и ничего не сказал.

Через две недели после получения письма, вечером, приехали вперед люди князя Василья, а на другой день приехал и он сам с сыном.

Старик Болконский всегда был невысокого мнения о характере князя Василья, и тем более в последнее время, когда князь Василий в новые царствования при Павле и Александре далеко пошел в чинах и почестях. Теперь же, по намекам письма и маленькой княгини, он понял, в чем дело, и невысокое мнение о князе Василье перешло в душе князя Николая Андреича в чувство недоброжелательного презрения. Он постоянно фыркал, говоря про него. В тот день, как приехать князю Василию, князь Николай Андреич был особенно недоволен и не в духе. Оттого ли он был не в духе, что приезжал князь Василий, или оттого он был особенно недоволен приездом князя Василья, что был не в духе, но он был не в духе, и Тихон еще утром отсоветывал архитектору входить с докладом к князю.

– Слышите, как ходит, – сказал Тихон, обращая внимание архитектора на звуки шагов князя. – На всю пятку ступает – уж мы знаем...

Однако, как обыкновенно, в 9-м часу князь вышел гулять в своей бархатной шубке с собольим воротником и такой же шапке. Накануне выпал снег. Дорожка, по которой хаживал князь Николай Андреич к оранжерее, была расчищена, следы метлы виднелись на разметанном снегу, и лопата была воткнута в рыхлую насыпь снега, шедшую с обеих сторон дорожки. Князь прошел по оранжереям, по дворне и постройкам, нахмуренный и молчаливый.

– А проехать в санях можно? – спросил он провожавшего его до дома почтенного, похожего лицом и манерами на хозяина, управляющего.

– Глубок снег, ваше сиятельство. Я уже по прешпекту разметать велел.

Князь наклонил голову и подошел к крыльцу. «Слава тебе, Господи, – подумал управляющий, – пронеслась туча!»

– Проехать трудно было, ваше сиятельство, – прибавил управляющий. – Как слышно было, ваше сиятельство, что министр пожелает к вашему сиятельству?

Князь повернулся к управляющему и нахмуренными глазами уставился на него.

– Что? Министр? Какой министр? Кто велел? – заговорил он своим пронзительным, жестким голосом. – Для княжны, моей дочери, не расчистили, а для министра! У меня нет министров!

– Ваше сиятельство, я полагал...

– Ты полагал! – закричал князь, всё поспешнее и несвязнее выговаривая слова. – Ты полагал... Разбойники! прохвосты!... Я тебя научу полагать, – и, подняв палку, он замахнулся ею на Алпатыча и ударил бы, ежели бы управляющий невольно не отклонился от удара. – Полагал!... Прохвосты!... торопливо кричал он. Но, несмотря на то, что Алпатыч, сам испугавшийся своей дерзости – отклониться от удара, приблизился к князю, опустив перед ним покорно свою плешистую голову, или, может быть, именно от этого князь, продолжая кричать: «прохвосты!... закидать дорогу!...» не поднял другой раз палки и вбежал в комнаты.

Перед обедом княжна и m-lle Bourienne, знавшие, что князь не в духе, стояли, ожидая его: m-lle Bourienne с сияющим лицом, которое говорило: «Я ничего не знаю, я такая же, как и всегда», и княжна Марья – бледная, испуганная, с опущенными глазами. Тяжелее всего для княжны Марьи было то, что она знала, что в этих случаях надо поступать, как m-lle Bourienne, но не могла этого сделать. Ей казалось: «сделаю я так, как будто не замечаю, он подумает, что у меня нет к нему сочувствия; сделаю я так, что я сама скучна и не в духе, он скажет (как это и бывало), что я нос повесила», и т. п.

Князь взглянул на испуганное лицо дочери и фыркнул.

– Др... или дура!... – проговорил он.

«И той нет! уж и ей насплетничали», подумал он про маленькую княгиню, которой не было в столовой.

– А княгиня где? – спросил он. – Прячется?...

– Она не совсем здорова, – весело улыбаясь, сказала m-lle Bourienne, – она не выйдет. Это так понятно в ее положении.

– Гм! гм! кх! кх! – проговорил князь и сел за стол.

Тарелка ему показалась не чиста; он указал на пятно и бросил ее. Тихон подхватил ее и передал буфетчику. Маленькая княгиня не была нездорова; но она до такой степени непреодолимо боялась князя, что, услышав о том, как он не в духе, она решилась не выходить.

– Я боюсь за ребенка, – говорила она m-lle Bourienne, – Бог знает, что может сделаться от испуга.

Вообще маленькая княгиня жила в Лысых Горах постоянно под чувством страха и антипатии к старому князю, которой она не сознавала, потому что страх так преобладал, что она не могла ее чувствовать. Со стороны князя была тоже антипатия, но она заглушалась презрением. Княгиня, обжившись в Лысых Горах, особенно полюбила m-lle Bourienne, проводила с нею дни, просила ее ночевать с собой и с нею часто говорила о свекоре и судила его.

– Il nous arrive du monde, mon prince,³³⁵ – сказала m-lle Bourienne, своими розовенькими руками развертывая белую салфетку. – Son excellence le prince Kouraguine avec son fils, à ce que j'ai entendu dire?³³⁶ – вопросительно сказала она.

– Гм... эта excellence мальчишка... я его определил в коллегию, – оскорбленно сказал князь. – А сын зачем, не могу понять. Княгиня Лизавета Карловна и княжна Марья, может, знают; я не знаю, к чему он везет этого сына сюда. Мне не нужно. – И он посмотрел на покрасневшую дочь.

– Нездорова, что ли? От страха министра, как нынче этот болван Алпатыч сказал.

– Нет, mon père.³³⁷

Как ни неудачно попала m-lle Bourienne на предмет разговора, она не остановилась и болтала об оранжереях, о красоте нового распустившегося цветка, и князь после супа смягчился.

После обеда он прошел к невестке. Маленькая княгиня сидела за маленьким столиком и болтала с Машей, горничной. Она побледнела, увидав свекора.

Маленькая княгиня очень переменилась. Она скорее была дурна, нежели хороша, теперь. Щеки опустились, губа поднялась кверху, глаза были обтянуты книзу.

– Да, тяжесть какая-то, – отвечала она на вопрос князя, что она чувствует.

– Не нужно ли чего?

– Нет, merci, mon père.³³⁸

– Ну, хорошо, хорошо.

Он вышел и дошел до официантской. Алпатыч, нагнув голову, стоял в официантской.

– Закидана дорога?

– Закидана, ваше сиятельство; простите, ради Бога, по одной глупости.

Князь перебил его и засмеялся своим неестественным смехом.

– Ну, хорошо, хорошо.

Он протянул руку, которую поцеловал Алпатыч, и прошел в кабинет.

Вечером приехал князь Василий. Его встретили на *прешпекте* (так назывался проспект) кучера и официанты, с криком провезли его возки и сани к флигелю по нарочно засыпанной снегом дороге.

³³⁵ К нам едут гости, князь,

³³⁶ Его сиятельство князь Курагин с сыном, сколько я слышала?

³³⁷ батюшка.

³³⁸ благодарю, батюшка.

Князю Василью и Анатолю были отведены отдельные комнаты.

Анатолий сидел, сняв камзол и подпершись руками в бока, перед столом, на угол которого он, улыбаясь, пристально и рассеянно устремил свои прекрасные большие глаза. На всю жизнь свою он смотрел как на непрерывное увеселение, которое кто-то такой почему-то обязался устроить для него. Так же и теперь он смотрел на свою поездку к злому старику и к богатой уродливой наследнице. Всё это могло выйти, по его предположению, очень хорошо и забавно. «А отчего же не жениться, коли она очень богата? Это никогда не мешает», думал Анатолий.

Он выбрился, надушился с тщательностью и щегольством, сделавшимися его привычкою, и с прирожденным ему добродушно-победительным выражением, высоко неся красивую голову, вошел в комнату к отцу. Около князя Василья хлопотали его два камердинера, одевая его; он сам оживленно оглядывался вокруг себя и весело кивнул входившему сыну, как будто он говорил: «Так, таким мне тебя и надо!»

– Нет, без шуток, батюшка, она очень уродлива? А? – по-французски спросил он, как бы продолжая разговор, не раз веденный во время путешествия.

– Полно, глупости! Главное дело – старайся быть почтителен и благоразумен с старым князем.

– Ежели он будет браниться, я уйду, – сказал Анатолий. – Я этих стариков терпеть не могу. А?

– Помни, что для тебя от этого зависит всё.

В это время в девичьей не только был известен приезд министра с сыном, но внешний вид их обоих был уже подробно описан. Княжна Марья сидела одна в своей комнате и тщетно пыталась преодолеть свое внутреннее волнение.

«Зачем они писали, зачем Лиза говорила мне про это? Ведь этого не может быть! – говорила она себе, взглядывая в зеркало. – Как я выйду в гостиную? Ежели бы он даже мне понравился, я бы не могла быть теперь с ним сама собою». Одна мысль о взгляде ее отца приводила ее в ужас.

Маленькая княгиня и m-lle Bourienne получили уже все нужные сведения от горничной Маши о том, какой румяный, чернобровый красавец был министерский сын, и о том, как папенька их насилу ноги проволок на лестницу, а он, как орел, шагая по три ступеньки, пробежал за ним. Получив эти сведения, маленькая княгиня с m-lle Bourienne, еще из коридора слышные своими оживленно-переговаривавшими голосами, вошли в комнату княжны.

– Ils sont arrivés, Marie,³³⁹ вы знаете? – сказала маленькая княгиня, переваливаясь своим животом и тяжело опускаясь на кресло.

Она уже не была в той блузе, в которой сидела поутру, а на ней было одно из лучших ее платьев; голова ее была тщательно убрана, и на лице ее было оживление, не скрывавшее, однако, опустившихся и помертвевших очертаний лица. В том наряде, в котором она бывала обыкновенно в обществах в Петербурге, еще заметнее было, как много она подурнела. На m-lle Bourienne тоже появилось уже незаметно какое-то усовершенствование наряда, которое придавало ее хорошенькому, свеженькому лицу еще более привлекательности.

– Eh bien, et vous restez comme vous êtes, chère princesse? – заговорила она. – On va venir annoncer, que ces messieurs sont au salon; il faudra descendre, et vous ne faites pas un petit brin de toilette!³⁴⁰

Маленькая княгиня поднялась с кресла, позвонила горничную и поспешно и весело принялась придумывать наряд для княжны Марьи и приводить его в исполнение. Княжна Марья чувствовала себя оскорбленной в чувстве собственного достоинства тем, что приезд обещан-

³³⁹ Они приехали, Мари,

³⁴⁰ Ну, а вы остаётесь, в чем были. Сейчас придут сказать, что они вышли. Надо будет идти вниз, а вы хоть бы чуть-чуть принарядились!

ного ей жениха волновал ее, и еще более она была оскорблена тем, что обе ее подруги и не предполагали, чтоб это могло быть иначе. Сказать им, как ей совестно было за себя и за них, это значило выдать свое волнение; кроме того отказаться от наряжания, которое предлагали ей, повело бы к продолжительным шуткам и настаиваниям. Она вспыхнула, прекрасные глаза ее потухли, лицо ее покрылось пятнами и с тем некрасивым выражением жертвы, чаще всего останавливавшегося на ее лице, она отдалась во власть m-lle Bourienne и Лизы. Обе женщины заботились *совершенно искренно* о том, чтобы сделать ее красивой. Она была так дурна, что ни одной из них не могла прийти мысль о соперничестве с нею; поэтому они совершенно искренно, с тем наивным и твердым убеждением женщин, что наряд может сделать лицо красивым, принялись за ее одеванье.

– Нет, право, *ma bonne amie*,³⁴¹ это платье нехорошо, – говорила Лиза, издав боком взглядывая на княжну: – вели подать, у тебя там есть масакà. Право! Чтò ж, ведь это, может быть, судьба жизни решается. А это слишком светло, нехорошо, нет, нехорошо!

Нехорошо было не платье, но лицо и вся фигура княжны, но этого не чувствовали m-lle Bourienne и маленькая княгиня; им всё казалось, что ежели приложить голубую ленту к волосам, зачесанным кверху, и спустить голубой шарф с коричневого платья и т. п., то всё будет хорошо. Они забывали, что испуганное лицо и фигуру нельзя было изменить, и потому, как они ни видоизменяли раму и украшение этого лица, само лицо оставалось жалко и некрасиво. После двух или трех перемен, которым покорно подчинялась княжна Марья, в ту минуту, как она была зачесана кверху (прическа, совершенно изменявшая и портившая ее лицо), в голубом шарфе и масакà нарядном платье, маленькая княгиня раза два обошла кругом нее, маленькою ручкой оправила тут складку платья, там подернула шарф и посмотрела, склонив голову, то с той, то с другой стороны.

– Нет, это нельзя, – сказала она решительно, всплеснув руками. – Non, Marie, décidément ça ne vous va pas. Je vous aime mieux dans votre petite robe grise de tous les jours. Non, de grâce, faites cela pour moi.³⁴² Катя, – сказала она горничной, – принеси княжне серенькое платье, и посмотрите, m-lle Bourienne, как я это устрою, – сказала она с улыбкой предвкушения артистической радости.

Но когда Катя принесла требуемое платье, княжна Марья неподвижно всё сидела перед зеркалом, глядя на свое лицо, и в зеркале увидала, что в глазах ее стоят слезы, и что рот ее дрожит, приготовляясь к рыданиям.

– Voyons, chère princesse, – сказала m-lle Bourienne, – encore un petit effort.³⁴³

Маленькая княгиня, взяв платье из рук горничной, подходила к княжне Марье.

– Нет, теперь мы это сделаем просто, мило, – говорила она.

Голоса ее, m-lle Bourienne и Кати, которая о чем-то засмеялась, сливались в веселое лепетанье, похожее на пение птиц.

– Non, laissez-moi,³⁴⁴ – сказала княжна.

И голос ее звучал такой серьезностью и страданием, что лепетанье птиц тотчас же замолкло. Они посмотрели на большие, прекрасные глаза, полные слез и мысли, ясно и умоляюще смотревшие на них, и поняли, что настаивать бесполезно и даже жестоко.

– Au moins changez de coiffure, – сказала маленькая княгиня. – Je vous disais, – с упреком сказала она, обращаясь к m-lle Bourienne, – Marie a une de ces figures, auxquelles ce genre de coiffure ne va pas du tout. Mais du tout, du tout. Changez de grâce.³⁴⁵

³⁴¹ мой дружок,

³⁴² Нет, Мари, решительно это не идет к вам. Я вас лучше люблю в вашем сереньком ежедневном платьице; пожалуйста сделайте это для меня.

³⁴³ Ну, княжна, еще маленькое усилие.

³⁴⁴ Нет, оставьте меня,

³⁴⁵ По крайней мере, перемените прическу. Я вам говорила, – что у Мари одно из тех лиц, которым этот род прически

– *Laissez-moi, laissez-moi, tout ça m'est parfaitement égal*,³⁴⁶ – отвечал голос, едва удерживающий слезы.

М-lle Bourienne и маленькая княгиня должны были признаться самим себе, что княжна Марья в этом виде была очень дурна, хуже, чем всегда; но было уже поздно. Она смотрела на них с тем выражением, которое они знали, выражением мысли и грусти. Выражение это не внушало им страха к княжне Марье. (Этого чувства она никому не внушала.) Но они знали, что когда на ее лице появлялось это выражение, она была молчалива и непоколебима в своих решениях.

– *Vous changerez, n'est-ce pas?*³⁴⁷ – сказала Лиза, и когда княжна Марья ничего не ответила, Лиза вышла из комнаты.

Княжна Марья осталась одна. Она не исполнила желания Лизы и не только не переменяла прически, но и не взглянула на себя в зеркало. Она, бессильно опустив глаза и руки, молча сидела и думала. Ей представлялся муж, мужчина, сильное, преобладающее и непонятно-привлекательное существо, переносящее ее вдруг в свой, совершенно другой, счастливый мир. Ребенок *свой*, такой, какого она видела вчера у дочери кормилицы, – представлялся ей у своей собственной груди. Муж стоит и нежно смотрит на нее и ребенка. «Но нет, это невозможно, я слишком дурна», думала она.

– Пожалуйте к чаю. Князь сейчас выйдут, – сказал, из-за двери голос горничной.

Она очнулась и ужаснулась тому, о чем она думала. И прежде чем идти вниз, она встала, вошла в образную и, устремив на освещенный лампадой черный лик большого образа Спасителя, простояла перед ним несколько минут с сложенными руками. В душе княжны Марьи было мучительное сомнение. Возможна ли для нее радость любви, земной любви к мужчине? В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главною, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная. Чувство было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его от других и даже от самой себя. Боже мой, – говорила она, – как мне подавить в сердце своем эти мысли дьявола? Как мне отказаться так, навсегда от злых помыслов, чтобы спокойно исполнять Твою волю? И едва она сделала этот вопрос, как Бог уже отвечал ей в ее собственном сердце: «Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовою ко всему. Если Богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить Его волю». С этою успокоительною мыслью (но всё-таки с надеждой на исполнение своей запрещенной, земной мечты) княжна Марья, вздохнув, перекрестилась и сошла вниз, не думая ни о своем платье, ни о прическе, ни о том, как она войдет и что скажет. Что могло всё это значить в сравнении с предопределением Бога, без воли Которого не падет ни один волос с головы человеческой.

IV.

Когда княжна Марья вошла в комнату, князь Василий с сыном уже были в гостиной, разговаривая с маленькою княгиней и м-lle Bourienne. Когда она вошла своею тяжелою походкой, ступая на пятки, мужчины и м-lle Bourienne приподнялись, и маленькая княгиня, указывая на нее, мужчинам, сказала: *Voilà Marie!*³⁴⁸ Княжна Марья видела всех и подробно видела. Она видела лицо князя Василья, на мгновение серьезно остановившееся при виде княжны и тотчас же улыбнувшееся, и лицо маленькой княгини, читавшей с любопытством на лицах гостей впечатление, которое произведет на них *Marie*. Она видела и м-lle Bourienne с ее лентой и кра-

совсем нейдет. Перемените, пожалуйста.

³⁴⁶ Оставьте меня, мне всё равно,

³⁴⁷ Вы перемените, не правда ли?

³⁴⁸ Вот Мари!

сивым лицом и оживленным, как никогда, взглядом, устремленным на *него*; но она не могла видеть *его*, она видела только что-то большое, яркое и прекрасное, подвинувшееся к ней, когда она вошла в комнату. Сначала к ней подошел князь Василий, и она поцеловала плешивую голову, наклонившуюся над ее рукою, и отвечала на его слова, что она, напротив, очень хорошо помнит его. Потом к ней подошел Анатолий. Она всё еще не видала его. Она только почувствовала нежную руку, твердо взявшую ее руку, и чуть дотронулась до белого лба, над которым были припомажены прекрасные русые волосы. Когда она взглянула на него, красота его поразила ее. Анатолий, заложив большой палец правой руки за застегнутую пуговицу мундира, с выгнутою вперед грудью, а назад – спиною, покачивая одною отставленною ногой и слегка склонив голову, молча, весело глядел на княжну, видимо совершенно о ней не думая. Анатолий был не находчив, не быстр и не красноречив в разговорах, но у него зато была драгоценная для света способность спокойствия и ничем не изменяемой уверенности. Замолчи при первом знакомстве несомоуверенный человек и вырази сознание неприличности этого молчания и желание найти что-нибудь, и будет нехорошо; но Анатолий молчал, покачивал ногой, весело наблюдая прическу княжны. Видно было, что он так спокойно мог молчать очень долго. «Ежели кому неловко это молчание, так разговаривайте, а мне не хочется», как будто говорил его вид. Кроме того в обращении с женщинами у Анатолия была та манера, которая более всего внушает в женщинах любопытство, страх и даже любовь, – манера презрительного сознания своего превосходства. Как будто он говорил им своим видом: «Знаю вас, знаю, да что с вами возиться? А уж вы бы рады!» Может быть, что он этого не думал, встречаясь с женщинами (и даже вероятно, что нет, потому что он вообще мало думал), но такой у него был вид и такая манера. Княжна почувствовала это и, как будто желая ему показать, что она и не смеет думать о том, чтобы занять его, обратилась к старому князю. Разговор шел общий и оживленный, благодаря голосу и губке с усиками, поднимавшейся над белыми зубами маленькой княгини. Она встретила князя Василья с тем приемом шуточки, который часто употребляется болтливо-веселыми людьми и который состоит в том, что между человеком, с которым так обращаются, и собой предполагают какие-то давно установившиеся шуточки и веселые, отчасти не всем известные, забавные воспоминания, тогда как никаких таких воспоминаний нет, как их и не было между маленькой княгиней и князем Васильем. Князь Василий охотно поддавался этому тону; маленькая княгиня вовлекла в это воспоминание никогда не бывших смешных происшествий и Анатолия, которого она почти не знала. Mlle Bourienne тоже разделяла эти общие воспоминания, и даже княжна Марья с удовольствием почувствовала и себя втянутою в это веселое воспоминание.

– Вот, по крайней мере, мы вами теперь вполне воспользуемся, милый князь, – говорила маленькая княгиня, разумеется по-французски, князю Василью, – это не так, как на наших вечерах у Annette, где вы всегда убежите. Помните *cette chère Annette*!³⁴⁹

– Ах, да вы мне не *подите говорить* про политику, как Annette!

– А наш чайный столик?

– О, да!

– Отчего вы никогда не бывали у Annette? – спросила маленькая княгиня у Анатолия. – А! я знаю, знаю, – сказала она, подмигнув, – ваш брат Ипполит мне рассказывал про ваши дела. – О! – Она погрозила ему пальчиком. – Еще в Париже ваши проказы знаю!

– А он, Ипполит, тебе не говорил? – сказал князь Василий (обращаясь к сыну и схватив за руку княгиню, как будто она хотела убежать, а он едва успел удержать ее), – а он тебе не говорил, как он сам, Ипполит, иссыхал по милой княгине и как она *le mettait à la porte*?³⁵⁰

³⁴⁹ эта милая Аннет?

³⁵⁰ выгоняла его из дома?

– Oh! C'est la perle des femmes, princesse!³⁵¹ – обратился он к княжне.

С своей стороны m-lle Bourienne не упустила случая при слове Париж вступить тоже в общий разговор воспоминаний.

Она позволила себе спросить, давно ли Анатоль оставил Париж, и как понравился ему этот город. Анатоль весьма охотно отвечал француженке и, улыбаясь, глядя на нее, разговаривал с ней про ее отечество. Увидав хорошенькую Bourienne, Анатоль решил, что и здесь, в Лысых Горах, будет нескучно. «Очень недурна! – думал он, оглядывая ее, – очень недурна эта demoiselle de compagnie.³⁵² Надеюсь, что она возьмет ее с собой, когда выйдет за меня, подумал он, – la petite est gentille».³⁵³

Старый князь неторопливо одевался в кабинете, хмурясь и обдумывая то, что ему делать. Приезд этих гостей сердил его. «Что мне князь Василий и его сынок? Князь Василий хвастунишка, пустой, ну и сын хорош должен быть», ворчал он про себя. Его сердило то, что приезд этих гостей поднимал в его душе нерешенный, постоянно заглушаемый вопрос, – вопрос, насчет которого старый князь всегда сам себя обманывал. Вопрос состоял в том, решится ли он когда-либо расстаться с княжной Марьей и отдать ее мужу. Князь никогда прямо не решался задавать себе этот вопрос, зная вперед, что он ответил бы по справедливости, а справедливость противоречила больше чем чувству, а всей возможности его жизни. Жизнь без княжны Марьи князю Николаю Андреевичу, несмотря на то, что он, казалось, мало дорожил ею, была немислима. «И к чему ей выходить замуж? – думал он, – наверно, быть несчастною. Вон Лиза за Андреем (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а разве она довольна своею судьбой? И кто ее возьмет из любви? Дурна, неловка. Возьмут за связи, за богатство. И разве не живут в девках? Еще счастливее!» Так думал, одеваясь, князь Николай Андреевич, а вместе с тем всё откладываемый вопрос требовал немедленного решения. Князь Василий привез своего сына, очевидно, с намерением сделать предложение и, вероятно, нынче или завтра потребует прямого ответа. Имя, положение в свете приличное. «Что ж, я не прочь, – говорил сам себе князь, – но пусть он будет стоить ее. Вот это-то мы и посмотрим».

– Это-то мы и посмотрим, – проговорил он вслух. – Это-то мы и посмотрим.

И он, как всегда, бодрыми шагами вошел в гостиную, быстро окинул глазами всех, заметил и перемену платья маленькой княгини, и ленточку Bourienne, и уродливую прическу княжны Марьи, и улыбки Bourienne и Анатоля, и одиночество своей княжны в общем разговоре. «Убралась, как дура! – подумал он, злобно взглянув на дочь. – Стыда нет: а он ее и знать не хочет!»

Он подошел к князю Василью.

– Ну, здравствуй, здравствуй; рад видеть.

– Для мила дружка семь верст не околица, – заговорил князь Василий, как всегда, быстро, самоуверенно и фамильярно. – Вот мой второй, прошу любить и жаловать.

Князь Николай Андреевич оглядел Анатоля.

– Молодец, молодец! – сказал он, – ну, поди поцелуй, – и он подставил ему щеку.

Анатоль поцеловал старика и любопытно и совершенно спокойно смотрел на него, ожидая, скоро ли произойдет от него обещанное отцом чудакское.

Князь Николай Андреевич сел на свое обычное место в угол дивана, подвинул к себе кресло для князя Василья, указал на него и стал расспрашивать о политических делах и новостях. Он слушал как будто со вниманием рассказ князя Василья, но беспрестанно взглядывал на княжну Марью.

³⁵¹ Ах! это перл женщин, княжна!

³⁵² компаньонка.

³⁵³ Очень, очень недурна.

– Так уж из Потсдама пишут? – повторил он последние слова князя Василья и вдруг, встав, подошел к дочери.

– Это ты для гостей так убралась, а? – сказал он. – Хороша, очень хороша. Ты при гостях причесана по-новому, а я при гостях тебе говорю, что вперед не смей ты переодеваться без моего спроса.

– Это я, топ рёге,³⁵⁴ виновата, – краснея, заступилась маленькая княгиня.

– Вам полная воля-с, – сказал князь Николай Андреевич, расшаркиваясь перед невесткой, – а ей уродовать себя нечего – и так дурна.

И он опять сел на место, не обращая более внимания на до слез доведенную дочь.

– Напротив, эта прическа очень идет княжне, – сказал князь Василий.

– Ну, батюшка, молодой князь, как его зовут? – сказал князь Николай Андреевич, обращаясь к Анатолю, – поди сюда, поговорим, познакомимся.

«Вот когда начинается потеха», подумал Анатолий и с улыбкой подсел к старому князю.

– Ну, вот что: вы, мой милый, говорят, за границей воспитывались. Не так, как нас с твоим отцом дьячок грамоте учил. Скажите мне, мой милый, вы теперь служите в конной гвардии? – спросил старик, близко и пристально глядя на Анатоля.

– Нет, я перешел в армию, – отвечал Анатолий, едва удерживаясь от смеха.

– А! хорошее дело. Что ж, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время военное. Такому молодцу служить надо, служить надо. Что ж, во фронте?

– Нет, князь. Полк наш выступил. А я числюсь. При чем я числюсь, папа? – обратился Анатолий со смехом к отцу.

– Славно служит, славно. При чем я числюсь! Ха-ха-ха! – засмеялся князь Николай Андреевич.

И Анатолий засмеялся еще громче. Вдруг князь Николай Андреевич нахмурился.

– Ну, ступай, – сказал он Анатолю.

Анатолий с улыбкой подошел опять к дамам.

– Ведь ты их там за границей воспитывал, князь Василий? А? – обратился старый князь к князю Василью.

– Я делал, что мог; и я вам скажу, что тамошнее воспитание гораздо лучше нашего.

– Да, нынче всё другое, всё по-новому. Молодец малый! молодец! Ну, пойдем ко мне.

Он взял князя Василья под руку и повел в кабинет.

Князь Василий, оставшись один-на-один с князем, тотчас же объявил ему о своем желании и надеждах.

– Что ж ты думаешь, – сердито сказал старый князь, – что я ее держу, не могу расстаться? Вообразят себе! – проговорил он сердито. – Мне хоть завтра! Только скажу тебе, что я своего зятя знать хочу лучше. Ты знаешь мои правила: всё открыто! Я завтра при тебе спрошу: хочет она, тогда пусть он поживет. Пускай поживет, я посмотрю. – Князь фыркнул. – Пускай выходит, мне всё равно, – закричал он тем пронзительным голосом, которым он кричал при прощании с сыном.

– Я вам прямо скажу, – сказал князь Василий тоном хитрого человека, убедившегося в ненужности хитрить перед проницательностью собеседника. – Вы ведь насквозь людей видите. Анатолий не гений, но честный, добрый малый, прекрасный сын и родной.

– Ну, ну, хорошо, увидим.

Как оно всегда бывает для одиноких женщин, долго проживших без мужского общества, при появлении Анатолия все три женщины в доме князя Николая Андреевича одинаково почувствовали, что жизнь их была не жизнью до этого времени. Сила мыслить, чувствовать, наблю-

³⁵⁴ батюшка,

дать мгновенно удесятерилась во всех их, и как будто их жизнь, до сих пор происходившая во мраке, вдруг осветилась новым, полным значения светом.

Княжна Марья вовсе не думала и не помнила о своем лице и прическе. Красивое, открытое лицо человека, который, может быть, будет ее мужем, поглощало всё ее внимание. Он ей казался добр, храбр, решителен, мужествен и великодушен. Она была убеждена в этом. Тысячи мечтаний о будущей семейной жизни беспрестанно возникали в ее воображении. Она отгоняла и старалась скрыть их.

«Но не слишком ли я холодна с ним? – думала княжна Марья. – Я стараюсь сдерживать себя, потому что в глубине души чувствую себя к нему уже слишком близкою; но ведь он не знает всего того, что я о нем думаю, и может вообразить себе, что он мне неприятен».

И княжна Марья старалась и не умела быть любезною с новым гостем.

«*La pauvre fille! Elle est diablement laide*»,³⁵⁵ думал про нее Анатолий.

M-lle Bourienne, взведенная тоже приездом Анатолия на высокую степень возбуждения, думала в другом роде. Конечно, красивая молодая девушка без определенного положения в свете, без родных и друзей и даже родины не думала посвятить свою жизнь услугам князю Николаю Андреевичу, чтению ему книг и дружбе к княжне Марье. M-lle Bourienne давно ждала того русского князя, который сразу сумеет оценить ее превосходство над русскими, дурными, дурно одетыми, неловкими княжнами, влюбится в нее и увезет ее; и вот этот русский князь, наконец, приехал. У m-lle Bourienne была история, слышанная ею от тетки, dokonченная ею самою, которую она любила повторять в своем воображении. Это была история о том, как соблазненной девушке представлялась ее бедная мать, *sa pauvre mère*, и упрекала ее за то, что она без брака отдалась мужчине. M-lle Bourienne часто трогалась до слез, в воображении своем рассказывая *ему*, соблазнителью, эту историю. Теперь этот *он*, настоящий русский князь, явился. Он увезет ее, потом явится *ma pauvre mère*,³⁵⁶ и он женится на ней. Так складывалась в голове m-lle Bourienne вся ее будущая история, в самое то время как она разговаривала с ним о Париже. Не расчеты руководили m-lle Bourienne (она даже ни минуты не обдумывала того, что ей делать), но всё это уже давно было готово в ней и теперь только сгруппировалось около появившегося Анатолия, которому она желала и старалась, как можно больше, нравиться.

Маленькая княгиня, как старая полковая лошадь, услышав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли или борьбы, а с наивным, легкомысленным весельем.

Несмотря на то, что Анатолий в женском обществе ставил себя обыкновенно в положение человека, которому надоела беготня за ним женщин, он чувствовал тщеславное удовольствие, видя свое влияние на этих трех женщин. Кроме того он начинал испытывать к хорошенькой и вызывающей Bourienne то страстное, зверское чувство, которое на него находило с чрезвычайною быстротой и побуждало его к самым грубым и смелым поступкам.

Общество после чая перешло в диванную, и княжну попросили поиграть на клавинодах. Анатолий облокотился перед ней подле m-lle Bourienne, и глаза его, смеясь и радуясь, смотрели на княжну Марью. Княжна Марья с мучительным и радостным волнением чувствовала на себе его взгляд. Любимая соната переносила ее в самый задушевно-поэтический мир, а чувствительный на себе взгляд придавал этому миру еще большую поэтичность. Взгляд же Анатолия, хотя и был устремлен на нее, относился не к ней, а к движениям ножки m-lle Bourienne, которую он в это время трогал своею ногой под фортепиано. M-lle Bourienne смотрела тоже на княжну, и в ее прекрасных глазах было тоже новое для княжны Марьи выражение испуганной радости и надежды.

³⁵⁵ Бедняга! Чертовски дурна!

³⁵⁶ Моя бедная мать,

«Как она меня любит! – думала княжна Марья. – Как я счастлива теперь и как могу быть счастлива с таким другом и таким мужем! Неужели мужем?» думала она, не смея взглянуть на его лицо, чувствуя всё тот же взгляд, устремленный на себя.

Вечеру, когда после ужина стали расходиться, Анатоль поцеловал руку княжны. Она сама не знала, как у ней достало смелости, но она прямо взглянула на приблизившееся к ее близоруким глазам прекрасное лицо. После княжны он подошел к руке m-lle Bourienne (это было неприлично, но он делал всё так уверенно и просто), и m-lle Bourienne вспыхнула и испуганно взглянула на княжну.

«Quelle délicatesse»,³⁵⁷ – подумала княжна. – Неужели Amélie (так звали m-lle Bourienne) думает, что я могу ревновать ее и не ценить ее чистую нежность и преданность ко мне? – Она подошла к m-lle Bourienne и крепко ее поцеловала. Анатоль подошел к руке маленькой княгини.

– Non, non, non! Quand votre père m'écrit, que vous vous conduisez bien, je vous donnerai ma main à baiser. Pas avant.³⁵⁸ —

И, подняв пальчик и улыбаясь, она вышла из комнаты.

V.

Все разошлись, и, кроме Анатоля, который заснул тотчас же, как лег на постель, никто долго не спал эту ночь.

«Неужели он мой муж, именно этот чужой, красивый, добрый мужчина; главное – добрый», думала княжна Марья, и страх, который почти никогда не приходил к ней, нашел на нее. Она боялась оглянуться; ей чудилось, что кто-то стоит тут за ширмами, в темном углу. И этот кто-то был он – дьявол, и он – этот мужчина с белым лбом, черными бровями и румяным ртом.

Она позвонила горничную и попросила ее лечь в ее комнате.

M-lle Bourienne в этот вечер долго ходила по зимнему саду, тщетно ожидая кого-то и то улыбаясь кому-то, то до слез трогаясь воображаемыми словами pauvre mère, упрекающей ее за ее падение.

Маленькая княгиня ворчала на горничную за то, что постель была нехороша. Нельзя было ей лечь ни на бок, ни на грудь. Всё было тяжело и неловко. Живот ее мешал ей. Он мешал ей больше, чем когда-нибудь, именно нынче, потому что присутствие Анатоля перенесло ее живее в другое время, когда этого не было и ей было всё легко и весело. Она сидела в кофточке и чепце на кресле. Катя, сонная и с спутанною косой, в третий раз перебивала и переворачивала тяжелую перину, что-то приговаривая.

– Я тебе говорила, что всё буграми и ямами, – твердила маленькая княгиня, – я бы сама рада была заснуть, стало быть, я не виновата. И голос ее задрожал, как у собирающегося плакать ребенка.

Старый князь тоже не спал. Тихон сквозь сон слышал, как он сердито шагал и фыркал носом. Старому князю казалось, что он был оскорблен за свою дочь. Оскорбление самое большое, потому что оно относилось не к нему, а к другому, к дочери, которую он любил больше себя. Он сказал себе, что он передумает всё это дело и найдет то, что справедливо и должно сделать, но вместо того он только больше раздражал себя.

«Первый встречный показался – и отец и всё забыто, и бежит кверху, причесывается и хвостом виляет, и сама на себя не похожа! Рада бросить отца! И знала, что я замечу. Фр... фр... фр... И разве я не вижу, что этот дурень смотрит только на Бурьенку (надо ее прогнать)! И как гордости настолько нет, чтобы понять это! Хотя не для себя, коли нет гордости, так для

³⁵⁷ Какая деликатность,

³⁵⁸ Нет, нет, нет! Когда отец ваш напишет мне, что вы себя ведете хорошо, тогда я дам вам поцеловать руку. Не прежде.

меня, по крайней мере. Надо ей показать, что этот болван о ней и не думает, а только смотрит на Bourienne. Нет у ней гордости, но я покажу ей это...»

Сказав дочери, что она заблуждается, что Анатолий намерен ухаживать за Bourienne, старый князь знал, что он раздражит самолюбие княжны Марьи, и его дело (желание не разлучаться с дочерью) будет выиграно, и потому успокоился на этом. Он кликнул Тихона и стал раздеваться.

«И чорт их принес! – думал он в то время, как Тихон накрывал ночною рубашкой его сухое, старческое тело, обросшее на груди седыми волосами. – Я их не звал. Приехали расстраивать мою жизнь. И немного ее осталось».

– К чорту! – проговорил он в то время, как голова его еще была покрыта рубашкой.

Тихон знал привычку князя иногда вслух выражать свои мысли, а потому с неизменным лицом встретил вопросительно-сердитый взгляд лица, появившегося из-под рубашки.

– Легли? – спросил князь.

Тихон, как и все хорошие лакеи, знал чутьем направление мыслей барина. Он угадал, что спрашивали о князе Василье с сыном.

– Изволили лечь и огонь потушили, ваше сиятельство.

– Не за чем, не за чем... – быстро проговорил князь и, всунув ноги в туфли и руки в халат, пошел к дивану, на котором он спал.

Несмотря на то, что между Анатолием и m-lle Bourienne ничего не было сказано, они совершенно поняли друг друга в отношении первой части романа, до появления раувге mère, поняли, что им нужно много сказать друг другу тайно, и потому с утра они искали случая увидаться наедине. В то время как княжна прошла в обычный час к отцу, m-lle Bourienne сошлась с Анатолием в зимнем саду.

Княжна Марья подходила в тот день с особенным трепетом к двери кабинета. Ей казалось, что не только все знают, что нынче совершится решение ее судьбы, но что и знают то, что она об этом думает. Она читала это выражение в лице Тихона и в лице камердинера князя Василья, который с горячею водой встретился в коридоре и низко поклонился ей.

Старый князь в это утро был чрезвычайно ласков и старателен в своем обращении с дочерью. Это выражение старательности хорошо знала княжна Марья. Это было то выражение, которое бывало на его лице в те минуты, когда сухие руки его сжимались в кулак от досады за то, что княжна Марья не понимала арифметической задачи, и он, вставая, отходил от нее и тихим голосом повторял несколько раз одни и те же слова.

Он тотчас же приступил к делу и начал разговор, говоря «вы».

– Мне сделали пропозицию насчет вас, – сказал он, неестественно улыбаясь. – Вы, я думаю, догадались, – продолжал он, – что князь Василий приехал сюда и привез с собой своего воспитанника (почему-то князь Николай Андреич называл Анатоля воспитанником) не для моих прекрасных глаз. Мне вчера сделали пропозицию насчет вас. А так как вы знаете мои правила, я отнесся к вам.

– Как мне вас понимать, mon père? – проговорила княжна, бледнея и краснея.

– Как понимать! – сердито крикнул отец. – Князь Василий находит тебя по своему вкусу для невестки и делает тебе пропозицию за своего воспитанника. Вот как понимать. Как понимать?!... А я у тебя спрашиваю.

– Я не знаю, как вы, mon père, – шопотом проговорила княжна.

– Я? я? что ж я-то? меня-то оставьте в стороне. Не я пойду замуж. Что вы? вот это желательно знать.

Княжна видела, что отец недоброжелательно смотрел на это дело, но ей в ту же минуту пришла мысль, что теперь или никогда решится судьба ее жизни. Она опустила глаза, чтобы не видеть взгляда, под влиянием которого она чувствовала, что не могла думать, а могла по привычке только повиноваться, и сказала:

– Я желаю только одного – исполнить вашу волю, – сказала она, – но ежели бы мое желание нужно было выразить...

Она не успела договорить. Князь перебил ее.

– И прекрасно! – закричал он. – Он тебя возьмет с приданым, да кстати захватит m-lle Bourienne. Та будет женой, а ты...

Князь остановился. Он заметил впечатление, произведенное этими словами на дочь. Она опустила голову и собиралась плакать.

– Ну, ну, шучу, шучу, – сказал он. – Помни одно, княжна: я держусь тех правил, что девица имеет полное право выбирать. И даю тебе свободу. Помни одно: от твоего решения зависит счастье жизни твоей. Обо мне нечего говорить.

– Да я не знаю... mon père.

– Нечего говорить! Ему велят, он не только на тебе, на ком хочешь женился; а ты свободна выбирать... Поди к себе, обдумай и через час приди ко мне и при нем скажи: да или нет. Я знаю, ты станешь молиться. Ну, пожалуй, молись. Только лучше подумай. Ступай.

– Да или нет, да или нет, да или нет! – кричал он еще в то время, как княжна, как в тумане, шатаясь, уже вышла из кабинета.

Судьба ее решилась и решилась счастливо. Но что отец сказал о m-lle Bourienne, – этот намек был ужасен. Неправда, положим, но всё-таки это было ужасно, она не могла не думать об этом. Она шла прямо перед собой через зимний сад, ничего не видя и не слыша, как вдруг знакомый шопот m-lle Bourienne разбудил ее. Она подняла глаза и в двух шагах от себя увидела Анатоля, который обнимал француженку и что-то шептал ей. Анатолий с страшным выражением на красивом лице оглянулся на княжну Марью и не выпустил в первую секунду талии m-lle Bourienne, которая не видала ее.

«Кто тут? Зачем? Подождите!» как будто говорило лицо Анатоля. Княжна Марья молча глядела на них. Она не могла понять этого. Наконец, m-lle Bourienne вскрикнула и убежала. Анатолий с веселою улыбкой поклонился княжне Марье, как будто приглашая ее посмеяться над этим странным случаем, и, пожав плечами, прошел в дверь, ведущую на его половину.

Через час Тихон пришел звать княжну Марью. Он звал ее к князю и прибавил, что и князь Василий Сергеич там. Княжна, в то время как пришел Тихон, сидела на диване в своей комнате и держала в своих объятиях плачущую m-lle Bourienne. Княжна Марья тихо гладила ее по голове. Прекрасные глаза княжны, со всем своим прежним спокойствием и лучистостью, смотрели с нежною любовью и сожалением на хорошенькое личико m-lle Bourienne.

– Non, princesse, je suis perdue pour toujours dans votre coeur,³⁵⁹ – говорила m-lle Bourienne.

– Pourquoi? Je vous aime plus, que jamais, – говорила княжна Марья, et je tâcherai de faire tout ce qui est en mon pouvoir pour votre bonheur.³⁶⁰

– Mais vous me méprisez, vous si pure, vous ne comprendrez jamais cet égarement de la passion. Ah, ce n'est que ma pauvre mère...³⁶¹

– Je comprends tout,³⁶² – отвечала княжна Марья, грустно улыбаясь. – Успокойтесь, мой друг. Я пойду к отцу, – сказала она и вышла.

Князь Василий, загнув высоко ногу, с табакеркой в руках и как бы расчувствованный донельзя, как бы сам сожалея и смеясь над своею чувствительностью, сидел с улыбкой умиления на лице, когда вошла княжна Марья. Он поспешно поднес щепоть табаку к носу.

³⁵⁹ Нет, княжна, я навсегда утратила ваше расположение,

³⁶⁰ Почему же? Я вас люблю больше, чем когда-либо, и постараюсь сделать для вашего счастья всё, что в моей власти.

³⁶¹ Но вы презираете меня: вы, столь чистая, должны презирать меня; вы никогда не поймете этого увлечения страсти. Ах, моя бедная мать...

³⁶² Я всё понимаю.

– Ah, ma bonne, ma bonne,³⁶³ – сказал он, вставая и взяв ее за обе руки. Он вздохнул и прибавил: – Le sort de mon fils est en vos mains. Décidez, ma bonne, ma chère, ma douce Marie, qui j'ai toujours aimée, comme ma fille.³⁶⁴

Он отошел. Действительная слеза показалась на его глазах.

– Фр... фр... – фыркал князь Николай Андреич.

– Князь от имени своего воспитанника... сына, тебе делает пропозицию. Хочешь ли ты или нет быть женою князя Анатоля Курагина? Ты говори: да или нет! – закричал он, – а потом я удерживаю за собой право сказать и свое мнение. Да, мое мнение и только свое мнение, – прибавил князь Николай Андреич, обращаясь к князю Василью и отвечая на его умоляющее выражение. – Да или нет?

– Мое желание, mon père, никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вами. Я не хочу выходить замуж, – сказала она решительно, взглянув своими прекрасными глазами на князя Василья и на отца.

– Вздор, глупости! Вздор, вздор, вздор! – нахмурившись, закричал князь Николай Андреич, взял дочь за руку, пригнул к себе и не поцеловал, но только пригнув свой лоб к ее лбу, дотронулся до нее и так сжал руку, которую он держал, что она поморщилась и вскрикнула.

Князь Василий встал.

– Ma chère, je vous dirai, que c'est un moment que je n'oublierai jamais, jamais; mais, ma bonne, est-ce que vous ne nous donnerez pas un peu d'espérance de toucher ce coeur si bon, si généreux. Dites, que peut-être... L'avenir est si grand. Dites: peut-être.³⁶⁵

– Князь, то, что я сказала, есть всё, что есть в моем сердце. Я благодарю за честь, но никогда не буду женой вашего сына.

– Ну, и кончено, мой милый. Очень рад тебя видеть, очень рад тебя видеть. Поди к себе, княжна, поди, – говорил старый князь. – Очень, очень рад тебя видеть, – повторял он, обнимая князя Василья.

«Мое призвание другое, – думала про себя княжна Марья, мое призвание – быть счастливою другим счастьем, счастьем любви и самопожертвования. И чего бы мне это ни стоило, я сделаю счастье бедной Amélie. Она так страстно его любит. Она так страстно раскаивается. Я всё сделаю, чтоб устроить ее брак с ним. Ежели он не богат, я дам ей средства, я попрошу отца, я попрошу Андрея. Я так буду счастлива, когда она будет его женою. Она так несчастлива, чужая, одинокая, без помощи! И Боже мой, как страстно она его любит, ежели она так могла забыть себя. Может быть, и я сделала бы то же!...» думала княжна Марья

VI.

Долго Ростовы не имели известий о Николушке; только в середине зимы графу было передано письмо, на адресе которого он узнал руку сына. Получив письмо, граф испуганно и поспешно, стараясь не быть замеченным, на-цыпочках пробежал в свой кабинет, заперся и стал читать. Анна Михайловна, узнав (как она и всё знала, что делалось в доме) о получении письма, тихим шагом вошла к графу и застала его с письмом в руках рыдающим и вместе смеющимся.

Анна Михайловна, несмотря на поправившиеся дела, продолжала жить у Ростовых.

– Mon bon ami?³⁶⁶ – вопросительно-грустно и с готовностью всякого участия произнесла Анна Михайловна.

³⁶³ Ах, милая, милая,

³⁶⁴ Судьба моего сына в ваших руках. Решите, моя милая, моя дорогая, моя нежная Мари, которую я всегда любил, как дочь.

³⁶⁵ Моя милая, я вам сказку, что этой минуты я никогда не забуду, но, моя добрейшая, дайте нам хоть малую надежду тронуть это сердце, столь доброе и великодушное. Скажите: может быть... Будущее так велико. Скажите: может быть.

³⁶⁶ Мой добрый друг?

Граф зарыдал еще больше.

– Николушка... письмо... ранен.... бы... был... *ma chère*... ранен... голубчик мой... графинюшка... в офицеры произведен... слава Богу... Графинюшке как сказать?...

Анна Михайловна подседа к нему, отерла своим платком слезы с его глаз, с письма, закапанного ими, и свои слезы, прочла письмо, успокоила графа и решила, что до обеда и до чаю она приготовит графиню, а после чаю объявит всё, коли Бог ей поможет.

Всё время обеда Анна Михайловна говорила о слухах войны, о Николушке; спросила два раза, когда получено было последнее письмо от него, хотя знала это и прежде, и заметила, что очень легко, может быть, и нынче получится письмо. Всякий раз как при этих намеках графиня начинала беспокоиться и тревожно взглядывать то на графа, то на Анну Михайловну, Анна Михайловна самым незаметным образом сводила разговор на незначительные предметы. Наташа, из всего семейства более всех одаренная способностью чувствовать оттенки интонаций, взглядов и выражений лиц, с начала обеда насторожила уши и знала, что что-нибудь есть между ее отцом и Анной Михайловной и что-нибудь касающееся брата, и что Анна Михайловна приготавливает. Несмотря на всю свою смелость (Наташа знала, как чувствительна была ее мать ко всему, что касалось известий о Николушке), она не решилась за обедом сделать вопрос и от беспокойства за обедом ничего не ела и вертелась на стуле, не слушая замечаний своей гувернантки. После обеда она стремглав бросилась догонять Анну Михайловну и в диванной с разбега бросилась ей на шею.

– Тетенька, голубушка, скажите, что такое?

– Ничего, мой друг.

– Нет, душенька, голубчик, милая, персик, я не отстану, я знаю, что вы знаете.

Анна Михайловна покачала головой.

– *Vous êtes une fine mouche, mon enfant*,³⁶⁷ – сказала она.

– От Николиньки письмо? Наверно! – вскрикнула Наташа, прочтя утвердительный ответ в лице Анны Михайловны.

– Но ради Бога, будь осторожнее: ты знаешь, как это может поразить твою маман.

– Буду, буду, но расскажите. Не расскажете? Ну, так я сейчас пойду скажу.

Анна Михайловна в коротких словах рассказала Наташе содержание письма с условием не говорить никому.

– Честное, благородное слово, – крестясь, говорила Наташа, – никому не скажу, – и тотчас же побежала к Соне.

– Николинька... ранен... письмо... – проговорила она торжественно и радостно.

– *Nicolas!* – только выговорила Соня, мгновенно бледнея.

Наташа, увидав впечатление, произведенное на Соню известием о ране брата, в первый раз почувствовала всю горестную сторону этого известия.

Она бросилась к Соне, обняла ее и заплакала.

– Немножко ранен, но произведен в офицеры; он теперь здоров, он сам пишет, – говорила она сквозь слезы.

– Вот видно, что все вы, женщины, – плаксы, – сказал Петя, решительными большими шагами прохаживаясь по комнате. – Я так очень рад и, право, очень рад, что брат так отличился. Все вы нюни! ничего не понимаете. – Наташа улыбнулась сквозь слезы.

– Ты не читала письма? – спрашивала Соня.

– Не читала, но она сказала, что всё прошло, и что он уже офицер...

– Слава Богу, – сказала Соня, крестясь. – Но, может быть, она обманула тебя. Пойдем к маман.

Петя молча ходил по комнате.

³⁶⁷ Ах, плутовка,

– Кабы я был на месте Николушки, я бы еще больше этих французов убил, – сказал он, – такие они мерзкие! Я бы их побил столько, что кучу из них сделали бы, – продолжал Петя.

– Молчи, Петя, какой ты дурак!..

– Не я дурак, а дуры те, кто от пустяков плачут, – сказал Петя.

– Ты его помнишь? – после минутного молчания вдруг спросила Наташа. Соня улыбнулась.

– Помню ли Nicolas?

– Нет, Соня, ты помнишь ли его так, чтобы хорошо помнить, чтобы всё помнить, – с старательным жестом сказала Наташа, видимо, желая придать своим словам самое серьезное значение. – И я помню Николиньку, я помню, – сказала она. – А Бориса не помню. Совсем не помню...

– Как? Не помнишь Бориса? – спросила Соня с удивлением.

– Не то, что не помню, – я знаю, какой он, но не так помню, как Николиньку. Его, я закрою глаза и помню, а Бориса нет (она закрыла глаза), так, нет – ничего!

– Ах, Наташа! – сказала Соня, восторженно и серьезно глядя на свою подругу, как будто она считала ее недостойною слышать то, что она намерена была сказать, и как будто она говорила это кому-то другому, с кем нельзя шутить. – Я полюбила раз твоего брата, и, что бы ни случилось с ним, со мной, я никогда не перестану любить его во всю жизнь.

Наташа удивленно, любопытными глазами смотрела на Соню и молчала. Она чувствовала, что то, что говорила Соня, была правда, что была такая любовь, про которую говорила Соня; но Наташа ничего подобного еще не испытывала. Она верила, что это могло быть, но не понимала.

– Ты напишешь ему? – спросила она.

Соня задумалась. Вопрос о том, как писать к Nicolas и нужно ли писать, был вопрос, мучивший ее. Теперь, когда он был уже офицер и раненый герой, хорошо ли было с ее стороны напомнить ему о себе и как будто о том обязательстве, которое он взял на себя в отношении ее.

– Не знаю; я думаю, коли он пишет, – и я напишу, – краснея, сказала она.

– И тебе не стыдно будет писать ему?

Соня улыбнулась. – Нет.

– А мне стыдно будет писать Борису, я не буду писать.

– Да отчего же стыдно?

– Да так, я не знаю. Неловко, стыдно.

– А я знаю, отчего ей стыдно будет, – сказал Петя, обиженный первым замечанием Наташи, – оттого, что она была влюблена в этого толстого с очками (так называл Петя своего тезку, нового графа Безухова); теперь влюблена в певца этого (Петя говорил об итальянце, Наташином учителе пенья): вот ей и стыдно.

– Петя, ты глуп, – сказала Наташа.

– Не глупее тебя, матушка, – сказал девятилетний Петя, точно как будто он был старый бригадир.

Графиня была приготовлена намеками Анны Михайловны во время обеда. Уйдя к себе, она, сидя на кресле, не спускала глаз с миниатюрного портрета сына, вделанного в табакерке, и слезы навертывались ей на глаза. Анна Михайловна с письмом на цыпочках подошла к комнате графини и остановилась.

– Не входите, – сказала она старому графу, шедшему за ней, – после, – и затворила за собой дверь.

Граф приложил ухо к замку и стал слушать.

Сначала он слышал звуки равнодушных речей, потом один звук голоса Анны Михайловны, говорившей длинную речь, потом вскрик, потом молчание, потом опять оба голоса вместе говорили с радостными интонациями, и потом шаги, и Анна Михайловна отворила ему

дверь. На лице Анны Михайловны было гордое выражение оператора, окончившего трудную ампутацию и вводящего публику для того, чтоб она могла оценить его искусство.

– C'est fait!³⁶⁸ – сказала она графу, торжественным жестом указывая на графиню, которая держала в одной руке табакерку с портретом, в другой – письмо и прижимала губы то к тому, то к другому.

Увидав графа, она протянула к нему руки, обняла его лысую голову и через лысую голову опять посмотрела на письмо и портрет и опять для того, чтобы прижать их к губам, слегка оттолкнула лысую голову. Вера, Наташа, Соня и Петя вошли в комнату, и началось чтение. В письме был кратко описан поход и два сражения, в которых участвовал Николушка, производство в офицеры и сказано, что он целует руки маман и рара, прося их благословения, и целует Веру, Наташу, Петю. Кроме того он кланяется m-г Шелингу, и m-me Шосс и няне, и, кроме того, просит поцеловать дорогую Соню, которую он всё так же любит и о которой всё так же вспоминает. Услыхав это, Соня покраснела так, что слезы выступили ей на глаза. И, не в силах выдержать обратившиеся на нее взгляды, она побежала в залу, разбежалась, закружилась и, раздув баллоном платье свое, раскрасневшаяся и улыбающаяся, села на пол. Графиня плакала.

– О чем же вы плачете, маман? – сказала Вера. – По всему, что он пишет, надо радоваться, а не плакать.

Это было совершенно справедливо, но и граф, и графиня, и Наташа – все с упреком посмотрели на нее. «И в кого она такая вышла!» подумала графиня.

Письмо Николушки было прочитано сотни раз, и те, которые считались достойными его слушать, должны были приходить к графине, которая не выпускала его из рук. Приходили гувернеры, няни, Митинька, некоторые знакомые, и графиня перечитывала письмо всякий раз с новым наслаждением и всякий раз открывала по этому письму новые добродетели в своем Николушке. Как странно, необычайно, радостно ей было, что сын ее – тот сын, который чуть заметно крошечными членами шевелился в ней самой двадцать лет тому назад, тот сын, за которого она ссорилась с баловником-графом, тот сын, который выучился говорить прежде: «груша», а потом «баба», что этот сын теперь там, в чужой земле, в чужой среде, мужественный воин, один, без помощи и руководства, делает там какое-то свое мужское дело. Весь всемирный вековой опыт, указывающий на то, что дети незаметным путем от колыбели делаются мужами, не существовал для графини. Возмужание ее сына в каждой поре возмужания было для нее так же необычайно, как бы и не было никогда миллионов-миллионов людей, точно так же возмужавших. Как не верилось двадцать лет тому назад, чтобы то маленькое существо, которое жило где-то там у ней под сердцем, закричало бы и стало сосать грудь и стало бы говорить, так и теперь не верилось ей, что это же существо могло быть тем сильным, храбрым мужчиной, образцом сыновей и людей, которым он был теперь, судя по этому письму.

– Что за *штилль*, как он описывает мило! — говорила она, читая описательную часть письма. – И что за душа! О себе ничего... ничего! О каком-то Денисове, а сам, верно, храбрее их всех. Ничего не пишет о своих страданиях. Что за сердце! Как я узнаю его! И как вспомнил всех! Никого не забыл. Я всегда, всегда говорила, еще когда он вот какой был, я всегда говорила...

Более недели готовились, писались брூльоны и переписывались набело письма к Николушке от всего дома; под наблюдением графини и заботливостью графа собирались нужные вещицы и деньги для обмундирования и обзаведения вновь произведенного офицера. Анна Михайловна, практическая женщина, сумела устроить себе и своему сыну протекцию в армии даже и для переписки. Она имела случай посылать свои письма к великому князю Константину Павловичу, который командовал гвардией. Ростовы предполагали, что *русская гвардия за границей*, есть совершенно-определятельный адрес, и что ежели письмо дойдет до великого князя,

³⁶⁸ Готово!

командовавшего гвардией, то нет причины, чтоб оно не дошло до Павлоградского полка, который должен быть там же поблизости; и потому решено было отослать письма и деньги через курьера великого князя к Борису, и Борис уже должен был доставить их к Николушке. Письма были от старого графа, от графини, от Пети, от Веры, от Наташи, от Сони, и, наконец, 6000 денег на обмундировку и различные вещи, которые граф посылал сыну.

VII.

12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая лагерем около Ольмюца, готовилась к следующему дню на смотр двух императоров – русского и австрийского. Гвардия, только что подошедшая из России, ночевала в 15-ти верстах от Ольмюца и на другой день прямо на смотр, к 10-ти часам утра, вступила на ольмюцкое поле.

Николай Ростов в этот день получил от Бориса записку, извещавшую его, что Измайловский полк ночует в 15-ти верстах не доходя Ольмюца, и что Борис ждет его, чтобы передать письмо и деньги. Деньги были особенно нужны Ростову теперь, когда, вернувшись из похода, войска остановились под Ольмюцем, и хорошо снабженные маркитанты и австрийские жида, предлагая всякого рода соблазны, наполняли лагерь. У павлоградцев шли пиры за пирами, празднования полученных за поход наград и поездки в Ольмюц к вновь прибывшей туда Каролине Венгерке, открывшей там трактир с женскою прислугой. Ростов недавно отпраздновал свое вышедшее производство в корнеты, купил Бедуина, лошадь Денисова, и был кругом должен товарищам и маркитантам. Получив записку Бориса, Ростов с товарищем поехал до Ольмюца, там пообедал, выпил бутылку вина и один поехал в гвардейский лагерь отыскать своего товарища детства. Ростов еще не успел обмундироваться. На нем была затасканная юнкерская куртка с солдатским крестом, такие же, подбитые затертой кожей, рейтузы и офицерская с темляком сабля; лошадь, на которой он ехал, была донская, купленная походом у казака; гусарская измятая шапочка была ухарски надета назад и набок. Подъезжая к лагерю Измайловского полка, он думал о том, как он поразит Бориса и всех его товарищей-гвардейцев своим обстреленным боевым гусарским видом.

Гвардия весь поход прошла, как на гуляньи, щеголяя своею чистотой и дисциплиной. Переходы были малые, ранцы везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах прекрасные обеды. Полки вступали и выступали из городов с музыкой, и весь поход (чем гордились гвардейцы), по приказанию великого князя, люди шли в ногу, а офицеры пешком на своих местах. Борис всё время похода шел и стоял с Бергом, теперь уже ротным командиром. Берг, во время похода получив роту, успел своею исполнительностью и аккуратностью заслужить доверие начальства и устроил весьма выгодно свои экономические дела; Борис во время похода сделал много знакомств с людьми, которые могли быть ему полезными, и через рекомендательное письмо, привезенное им от Пьера, познакомился с князем Андреем Болконским, через которого он надеялся получить место в штабе главнокомандующего. Берг и Борис, чисто и аккуратно одетые, отдохнув после последнего дневного перехода, сидели в чистой отведенной им квартире перед круглым столом и играли в шахматы. Берг держал между колен курящуюся трубочку. Борис с свойственной ему аккуратностью, белыми тонкими руками пирамидкой уставлял шашки, ожидая хода Берга, и глядел на лицо своего партнера, видимо думая об игре, как он и всегда думал только о том, чем он был занят.

– Ну-ка, как вы из этого выйдете? – сказал он.

– Будем стараться, – отвечал Берг, дотрогиваясь до пешки и опять опуская руку.

В это время дверь отворилась.

– Вот он, наконец! – закричал Ростов. – И Берг тут! Ах ты, *петизанфан*, *але куше дор-мир*!³⁶⁹ – закричал он, повторяя слова няньки, над которыми они смеивались когда-то вместе с Борисом.

– Батюшки! как ты переменялся! – Борис встал навстречу Ростову, но, вставая, не забыл поддержать и поставить на место падавшие шахматы и хотел обнять своего друга, но Николай отсторонился от него. С тем особенным чувством молодости, которая боится битых дорог, хочет, не подражая другим, по новому, по-своему выражать свои чувства, только бы не так, как выражают это, часто притворно, старшие, Николай хотел что-нибудь особенное сделать при свидании с другом: он хотел как-нибудь ущипнуть, толкнуть Бориса, но только никак не поцеловаться, как это делали все. Борис же, напротив, спокойно и дружелюбно обнял и три раза поцеловал Ростова.

Они полгода не видались почти; и в том возрасте, когда молодые люди делают первые шаги на пути жизни, оба нашли друг в друге огромные перемены, совершенно новые отражения тех обществ, в которых они сделали свои первые шаги жизни. Оба много переменялись с своего последнего свидания и оба хотели поскорее выказать друг другу происшедшие в них перемены.

– Ах вы, полотеры проклятые! Чистенькие, свеженькие, точно с гулянья, не то, что мы грешные, армейщина, – говорил Ростов с новыми для Бориса баритонными звуками в голосе и армейскими ухватками, указывая на свои забрызганные грязью рейтузы.

Хозяйка-немка высунулась из двери на громкий голос Ростова.

– Что, хорошенькая? – сказал он, подмигнув.

– Что ты так кричишь! Ты их напугаешь, – сказал Борис. – А я тебя не ждал нынче, – прибавил он. – Я вчера только отдал тебе записку через одного знакомого адъютанта кутузовского – Болконского. Я не думал, что он так скоро тебе доставит... Ну, что ты, как? Уже обстрелян? – спросил Борис.

Ростов, не отвечая, тряхнул по солдатскому георгиевскому кресту, висевшему на шнурах мундира, и, указывая на свою подвязанную руку, улыбаясь, взглянул на Берга.

– Как видишь, – сказал он.

– Вот как, да, да! – улыбаясь, сказал Борис, – а мы тоже славный поход сделали. Ведь ты знаешь, цесаревич постоянно ехал при нашем полку, так что у нас были все удобства и все выгоды. В Польше что за приемы были, что за обеды, балы – я не могу тебе рассказать. И цесаревич очень милостив был ко всем нашим офицерам.

И оба приятеля рассказывали друг другу – один о своих гусарских кутежах и боевой жизни, другой о приятности и выгодах службы под командою высокопоставленных лиц и т. п.

– О, гвардия! – сказал Ростов. – А вот что, пошли-ка за вином.

Борис поморщился.

– Ежели непременно хочешь, – сказал он.

И, подойдя к кровати, из-под чистых подушек достал кошелек и велел принести вина.

– Да, и тебе отдать деньги и письмо, – прибавил он.

Ростов взял письмо и, бросив на диван деньги, облокотился обеими руками на стол и стал читать. Он прочел несколько строк и злобно взглянул на Берга. Встретив его взгляд, Ростов закрыл лицо письмом.

– Однако денег вам порядочно прислали, – сказал Берг, глядя на тяжелый, вдавившийся в диван кошелек. – Вот мы так и жалованьем, граф, пробиваемся. Я вам скажу про себя...

– Вот что, Берг, милый мой, – сказал Ростов. – Когда вы получите из дома письмо и встретитесь с своим человеком, у которого вам захочется расспросить про всё, и я буду тут, я сейчас уйду, чтобы не мешать вам. Послушайте, уйдите, пожалуйста, куда-нибудь, куда-нибудь... к

³⁶⁹ [Дети, идите ложиться спать.]

чорту! – крикнул он и тотчас же, схватив его за плечо и ласково глядя в его лицо, видимо, стараясь смягчить грубость своих слов, прибавил: – вы знаете, не сердитесь; милый, голубчик, я от души говорю, как нашему старому знакомому.

– Ах, помилуйте, граф, я очень понимаю, – сказал Берг, вставая и говоря в себя горловым голосом.

– Вы к хозяевам пойдите: они вас звали, – прибавил Борис.

Берг надел чистейший, без пятнушка и соринки, сюртучок, взбил перед зеркалом височки кверху, как носил Александр Павлович, и, убедившись по взгляду Ростова, что его сюртучок был замечен, с приятною улыбкой вышел из комнаты.

– Ах, какая я скотина, однако! – проговорил Ростов, читая письмо.

– А что?

– Ах, какая я свинья, однако, что я ни разу не писал и так напугал их. Ах, какая я свинья! – повторил он, вдруг покраснев. – Что же, пошли за вином Гаврилу! Ну, ладно, хватим! – сказал он...

В письмах родных было вложено еще рекомендательное письмо к князю Багратиону, которое, по совету Анны Михайловны, через знакомых достала старая графиня и послала сыну, прося его снести по назначению и им воспользоваться.

– Вот глупости! Очень мне нужно, – сказал Ростов, бросая письмо под стол.

– Зачем ты это бросил? – спросил Борис.

– Письмо какое-то рекомендательное, чорта ли мне в письме!

– Как чорта ли в письме? – поднимая и читая надпись, сказал Борис. – Письмо это очень нужное для тебя.

– Мне ничего не нужно, и я в адъютанты ни к кому не пойду.

– Отчего же? – спросил Борис.

– Лакейская должность!

– Ты всё такой же мечтатель, я вижу, – покачивая головою, сказал Борис.

– А ты всё такой же дипломат. Ну, да не в том дело... Ну, ты что? – спросил Ростов.

– Да вот, как видишь. До сих пор всё хорошо; но признаюсь, желал бы и очень попасть в адъютанты, а не оставаться во фронте.

– Зачем?

– Затем, что, уже раз пойдя по карьере военной службы, надо стараться сделать, коль возможно, блестящую карьеру.

– Да, вот как! – сказал Ростов, видимо думая о другом.

Он пристально и вопросительно смотрел в глаза своему другу, видимо тщетно отыскивая разрешения какого-то вопроса.

Старик Гаврило принес вино.

– Не послать ли теперь за Альфонс Карлычем? – сказал Борис. – Он выпьет с тобой, а я не могу.

– Пошли, пошли! Ну, что эта немчура? – сказал Ростов с презрительною улыбкой.

– Он очень, очень хороший, честный и приятный человек, – сказал Борис.

Ростов пристально еще раз посмотрел в глаза Борису и вздохнул. Берг вернулся, и за бутылкой вина разговор между тремя офицерами оживился. Гвардейцы рассказывали Ростову о своем походе, о том, как их чествовали в России, Польше и за границей. Рассказывали о словах и поступках их командира, великого князя, анекдоты о его доброте и вспыльчивости. Берг, как и обыкновенно, молчал, когда дело касалось не лично его, но по случаю анекдотов о вспыльчивости великого князя с наслаждением рассказал, как в Галиции ему удалось говорить с великим князем, когда он объезжал полки и гневался за неправильность движения. С приятною улыбкой на лице он рассказал, как великий князь, очень разгневанный, подъехав к

нему, закричал: «Арнауты!» (Арнауты – была любимая поговорка цесаревича, когда он был в гневе) и потребовал ротного командира.

– Поверите ли, граф, я ничего не испугался, потому что я знал, что я прав. Я, знаете, граф, не хвалясь, могу сказать, что я приказы по полку наизусть знаю и устав тоже знаю, как *Отче наш на небесах*. Поэтому, граф, у меня по роте упущений не бывает. Вот моя совесть и спокойна. Я явился. (Берг привстал и представил в лицах, как он с рукой к козырьку явился. Действительно, трудно было изобразить в лице более почтительности и самодовольства.) Уж он меня пушил, как это говорится, пушил, пушил; пушил не на живот, а на смерть, как говорится; и «Арнауты», и «черти», и «в Сибирь», – говорил Берг, проницательно улыбаясь. – Я знаю, что я прав, и потому молчу, не так ли, граф? «Что, ты немой, что ли?» он закричал. Я всё молчу. Чтò ж вы думаете, граф? На другой день и в приказе не было: вот чтò значит не потеряться. Так-то, граф, – говорил Берг, закуривая трубку и пуская колечки.

– Да, это славно, – улыбаясь, сказал Ростов.

Но Борис, заметив, что Ростов собирался посмеяться над Бергом, искусно отклонил разговор. Он попросил Ростова рассказать о том, как и где он получил рану. Ростову это было приятно, и он начал рассказывать, во время рассказа всё более и более одушевляясь. Он рассказал им свое Шенграбенское дело совершенно так, как обыкновенно рассказывают про сражения участвовавшие в них, то есть так, как им хотелось бы, чтоб оно было, так, как они слышали от других рассказчиков, так как красивее было рассказывать, но совершенно не так, как оно было. Ростов был правдивый молодой человек, он ни за чтò умышленно не сказал бы неправды. Он начал рассказывать с намерением рассказать всё, как оно точно было, но незаметно, невольно и неизбежно для себя перешел в неправду. Ежели бы он рассказал правду этим слушателям, которые, как и он сам, слышали уже множество раз рассказы об атаках и составили себе определенное понятие о том, чтò такое была атака, и ожидали точно такого же рассказа, – или бы они не поверили ему, или, чтò еще хуже, подумали бы, что Ростов был сам виноват в том, что с ним не случилось того, чтò случается обыкновенно с рассказчиками кавалерийских атак. Не мог он им рассказать так просто, что поехали все рысью, он упал с лошади, свихнул руку и изо всех сил побежал в лес от француза. Кроме того, для того чтобы рассказать всё, как было, надо было сделать усилие над собой, чтобы рассказывать только то, чтò было. Рассказать правду очень трудно; и молодые люди редко на это способны. Они ждали рассказа о том, как горел он весь в огне, сам себя не помня, как бурею налетал на каре; как врубался в него, рубил направо и налево; как сабля отведала мяса, и как он падал в изнеможении, и тому подобное. И он рассказал им всё это.

В середине его рассказа, в то время как он говорил: «ты не можешь представить, какое странное чувство бешенства испытываешь во время атаки», в комнату вошел князь Андрей Болконский, которого ждал Борис. Князь Андрей, любивший покровительственные отношения к молодым людям, польщенный тем, что к нему обращались за протекцией, и хорошо расположенный к Борису, который умел ему понравиться накануне, желал исполнить желание молодого человека. Присланный с бумагами от Кутузова к цесаревичу, он зашел к молодому человеку, надеясь застать его одного. Войдя в комнату и увидав рассказывающего военные похождения армейского гусара (сорт людей, которых терпеть не мог князь Андрей), он ласково улыбнулся Борису, поморщился, прищурился на Ростова и, слегка поклонившись, устало и лениво сел на диван. Ему неприятно было, что он попал в дурное общество. Ростов вспыхнул, поняв это. Но это было ему всё равно: это был чужой человек. Но, взглянув на Бориса, он увидел, что и ему как будто стыдно за армейского гусара. Несмотря на неприятный, насмешливый тон князя Андрея, несмотря на общее презрение, которое с своей армейской боевой точки зрения имел Ростов ко всем этим штабным адъютантикам, к которым, очевидно, причислялся и вошедший, Ростов почувствовал себя сконфуженным, покраснел и замолчал. Борис спросил, какие новости в штабе, и чтò, без нескромности, слышно о наших предположениях?

– Вероятно, пойдут вперед, – видимо, не желая при посторонних говорить более, отвечал Болконский.

Берг воспользовался случаем спросить с особенною учтивостию, будут ли выдавать теперь, как слышно было, удвоенное фуражное армейским ротным командирам? На это князь Андрей с улыбкой отвечал, что он не может судить о столь важных государственных распоряжениях, и Берг радостно рассмеялся.

– О вашем деле, – обратился князь Андрей опять к Борису, – мы поговорим после, и он оглянулся на Ростова. – Вы приходите ко мне после смотра, мы всё сделаем, что можно будет.

И, оглянув комнату, он обратился к Ростову, которого положение детского непреодолимого конфуза, переходящего в озлобление, он и не удостоивал заметить, и сказал:

– Вы, кажется, про Шенграбенское дело рассказывали? Вы были там?

– Я был там, – с озлоблением сказал Ростов, как будто бы этим желая оскорбить адъютанта.

Болконский заметил состояние гусара, и оно ему показалось забавно. Он слегка-презрительно улыбнулся.

– Да! много теперь рассказов про это дело.

– Да, рассказов! – громко заговорил Ростов, вдруг сделавшимися бешеными глазами глядя то на Бориса, то на Болконского, – да, рассказов много, но наши рассказы – рассказы тех, которые были в самом огне неприятеля, наши рассказы имеют вес, а не рассказы тех штабных молодчиков, которые получают награды, ничего не делая.

– К которым, вы предполагаете, что я принадлежу? – спокойно и особенно приятно улыбаясь, проговорил князь Андрей.

Странное чувство озлобления и вместе с тем уважения к спокойствию этой фигуры соединилось в это время в душе Ростова.

– Я говорю не про вас, – сказал он, – я вас не знаю и, признаюсь, не желаю знать. Я говорю вообще про штабных.

– А я вам вот что скажу, – с спокойною властью в голосе перебил его князь Андрей. – Вы хотите оскорбить меня, и я готов согласиться с вами, что это очень легко сделать, ежели вы не будете иметь достаточного уважения к самому себе; но согласитесь, что и время и место весьма дурно для этого выбраны. На-днях всем нам придется быть на большой, более серьезной дуэли, а кроме того, Друбецкой, который говорит, что он ваш старый приятель, несколько не виноват в том, что моя физиономия имела несчастье вам не понравиться. Впрочем, – сказал он, вставая, – вы знаете мою фамилию и знаете, где найти меня; но не забудьте, – прибавил он, – что я не считаю несколько ни себя, ни вас оскорбленным, и мой совет, как человека старше вас, оставить это дело без последствий. Так в пятницу, после смотра, я жду вас, Друбецкой; до свидания, – заключил князь Андрей и вышел, поклонившись обоим.

Ростов вспомнил то, что ему надо было ответить, только тогда, когда он уже вышел. И еще более был он сердит за то, что забыл сказать это. Ростов сейчас же велел подать свою лошадь и, сухо простившись с Борисом, поехал к себе. Ехать ли ему завтра в главную квартиру и вызвать этого ломающегося адъютанта или, в самом деле, оставить это дело так? был вопрос, который мучил его всю дорогу. То он с злобой думал о том, с каким бы удовольствием он увидал испуг этого маленького, слабого и гордого человечка под его пистолетом, то он с удивлением чувствовал, что из всех людей, которых он знал, никого бы он столько не желал иметь своим другом, как этого ненавидимого им адъютантика.

VIII.

На другой день свидания Бориса с Ростовым был смотр австрийских и русских войск, как свежих, пришедших из России, так и тех, которые вернулись из похода с Кутузовым. Оба

императора, русский с наследником цесаревичем и австрийский с эрцгерцогом, делали этот смотр союзной 80-ти-тысячной армии.

С раннего утра начали двигаться щегольски вычищенные и убранные войска, выстраиваясь на поле перед крепостью. То двигались тысячи ног и штыков с развевавшимися знаменами, и по команде офицеров останавливались, заворачивались и строились в интервалах, обходя другие такие же массы пехоты в других мундирах; то мерным топотом и бряцанием звучала нарядная кавалерия в синих, красных, зеленых шитых мундирах с расшитыми музыкантами впереди, на вороных, рыжих, серых лошадях; то, растягиваясь с своим медным звуком подрагивающих на лафетах, вычищенных, блестящих пушек и с своим запахом пальников, ползла между пехотой и кавалерией артиллерия и расставлялась на назначенных местах. Не только генералы в полной парадной форме, с перетянутыми до-нельзя толстыми и тонкими талиями и красневшими, подпертыми воротниками, шеями в шарфах и всех орденах; не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдат, – с свежим, вымытым и выбритым лицом и до последней возможности блеска вычищенной аммуницией, каждая лошадь, выхваленная так, что, как атлас, светилась на ней шерсть и волосок к волоску лежала примоченная гривка, – все чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное. Каждый генерал и солдат чувствовали свое ничтожество, сознавая себя песчинкой в этом море людей, и вместе чувствовали свое могущество, сознавая себя частью этого огромного целого.

С раннего утра начались напряженные хлопоты и усилия, и в 10 часов всё пришло в требуемый порядок. На огромном поле стали ряды. Армия вся была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота.

Между каждым рядом войск была как бы улица. Резко отделялись одна от другой три части этой армии: боевая Кутузовская (в которой на правом фланге в передней линии стояли павлоградцы), пришедшие из России армейские и гвардейские полки и австрийское войско. Но все стояли под одну линию, под одним начальством и в одинаковом порядке.

Как ветер по листьям пронесся взволнованный шопот: «едут! едут!» Послышались испуганные голоса, и по всем войскам пробежала волна суеты последних приготовлений.

Впереди от Ольмюца показалась подвигавшаяся группа. И в это же время, хотя день был безветренный, легкая струя ветра пробежала по армии и чуть заколебала флюгера пик и распущенные знамена, затрепавшиеся о свои древки. Казалось, сама армия этим легким движением выражала свою радость при приближении государей. Послышался один голос: «Смирно!» Потом, как петухи на заре, повторились голоса в разных концах. И всё затихло.

В мертвой тишине слышался только топот лошадей. То была свита императоров. Государь подъехали к флангу и раздались звуки трубачей первого кавалерийского полка, игравшие генерал-марш. Казалось, не трубачи это играли, а сама армия, радуясь приближению государя, естественно издавала эти звуки. Из-за этих звуков отчетливо слышался один молодой, ласковый голос императора Александра. Он сказал приветствие, и первый полк гаркнул: «Урра!» так оглушительно, продолжительно, радостно, что сами люди ужаснулись численности и силе той громады, которую они составляли.

Ростов, стоя в первых рядах Кутузовской армии, к которой к первой подъехал государь, испытывал то же чувство, какое испытывал каждый человек этой армии, – чувство самозабвения, гордого сознания могущества и страстного влечения к тому, кто был причиной этого торжества.

Он чувствовал, что от одного слова этого человека зависело то, чтобы вся громада эта (и он, связанный с ней, – ничтожная песчинка) пошла бы в огонь и в воду, на преступление, на смерть или на величайшее геройство, и потому-то он не мог не трепетать и не замирать при виде этого приближающегося слова.

– Урра! Урра! Урра! – гремело со всех сторон, и один полк за другим принимал государя звуками генерал-марша; потом «урра!...» генерал-марш и опять «урра!» и «урра!», которые, всё усиливаясь и прибывая, сливались в оглушительный гул.

Пока не подъезжал еще государь, каждый полк в своей безмолвности и неподвижности казался безжизненным телом; только сравнивался с ним государь, полк оживлялся и гремел, присоединяясь к реву всей той линии, которую уже проехал государь. При страшном, оглушительном звуке этих голосов, посреди масс войска, неподвижных, как бы окаменевших в своих четвероугольниках, небрежно, но симметрично и, главное, свободно двигались сотни всадников свиты и впереди их два человека – императоры. На них-то безраздельно было сосредоточено сдержанно-страстное внимание всей этой массы людей.

Красивый, молодой император Александр, в конно-гвардейском мундире, в треугольной шляпе, надетой с поля, своим приятным лицом и звучным, негромким голосом привлекал всю силу внимания.

Ростов стоял недалеко от трубачей и издалека своими зоркими глазами узнал государя и следил за его приближением. Когда государь приблизился на расстояние 20-ти шагов и Николай ясно, до всех подробностей, рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он еще не испытывал. Всё – всякая черта, всякое движение – казалось ему прелестно в государе.

Остановившись против Павлоградского полка, государь сказал что-то по-французски австрийскому императору и улыбнулся.

Увидав эту улыбку, Ростов сам невольно начал улыбаться и почувствовал еще сильнейший прилив любви к своему государю. Ему хотелось выказать чем-нибудь свою любовь к государю. Он знал, что это невозможно, и ему хотелось плакать. Государь вызвал полкового командира и сказал ему несколько слов.

«Боже мой! что бы со мной было, ежели бы ко мне обратился государь! – думал Ростов: – я бы умер от счастья».

Государь обратился и к офицерам:

– Всех, господа (каждое слово слышалось Ростову, как звук с неба), благодарю от всей души.

Как бы счастлив был Ростов, ежели бы мог теперь умереть за своего царя!

– Вы заслужили георгиевские знамена и будете их достойны.

«Только умереть, умереть за него!» думал Ростов.

Государь еще сказал что-то, чего не расслышал Ростов, и солдаты, надсаживая свои груди, закричали: «урра!»

Ростов закричал тоже, пригнувшись к седлу, что было его сил, желая повредить себе этим криком, только чтобы выразить вполне свой восторг к государю.

Государь постоял несколько секунд против гусар, как будто он был в нерешимости.

«Как мог быть в нерешимости государь?» подумал Ростов, а потом даже и эта нерешительность показалась Ростову величественною и обворожительною, как и всё, что делал государь.

Нерешительность государя продолжалась одно мгновение. Нога государя, с узким, острым носком сапога, как носили в то время, дотронулась до паха англизированной гнедой кобылы, на которой он ехал; рука государя в белой перчатке подобрала поводья и он тронулся, сопровождаемый беспорядочно-заколыхавшимся морем адъютантов. Дальше и дальше отъезжал он, останавливаясь у других полков, и, наконец, только белый плюмаж его виднелся Ростову из-за свиты, окружавшей императоров.

В числе господ свиты Ростов заметил и Болконского, лениво и распушенно сидящего на лошади. Ростову вспомнилась его вчерашняя ссора с ним и представился вопрос, следует – или не следует вызывать его. «Разумеется, не следует, – подумал теперь Ростов... – И стоит

ли думать и говорить про это в такую минуту, как теперь? В минуту такого чувства любви, восторга и самоотвержения, что значат все наши ссоры и обиды!? Я всех люблю, всем прощаю теперь», думал Ростов.

Когда государь объехал почти все полки, войска стали проходить мимо его церемониальным маршем, и Ростов на вновь купленном у Денисова Бедуине проехал в замке своего эскадрона, т. е. один и совершенно на виду перед государем.

Не доезжая государя, Ростов, отличный ездок, два раза всадил шпоры своему Бедуину и довел его счастливо до того бешеного аллюра рыси, которою хаживал разгоряченный Бедуин. Подогнув пенящуюся морду к груди, отделив хвост и как будто летя на воздухе и не касаясь до земли, грациозно и высоко вскидывая и переменяя ноги, Бедуин, тоже чувствующий на себе взгляд государя, прошел превосходно.

Сам Ростов, завалив назад ноги и подобрав живот и чувствуя себя одним куском с лошадью, с нахмуренным, но блаженным лицом, *чортом*, как говорил Денисов, проехал мимо государя.

— Молодцы павлоградцы! — проговорил государь.

«Боже мой! Как бы я счастлив был, если б он велел мне сейчас броситься в огонь», подумал Ростов.

Когда смотр кончился, офицеры, вновь пришедшие и Кутузовские, стали сходитья группами и начались разговоры о наградах, об австрийцах и их мундирах, об их фронте, о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь, особенно когда подойдет еще корпус Эссена, и Пруссия примет нашу сторону.

Но более всего во всех кружках говорили о государе Александре, передавали каждое его слово, движение и восторгались им.

Все только одного желали: под предводительством государя скорее идти против неприятеля. Под командою самого государя нельзя было не победить кого бы то ни было, так думали после смотра Ростов и большинство офицеров.

Все после смотра были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений.

IX.

На другой день после смотра Борис, одевшись в лучший мундир и напутствуемый пожеланиями успеха от своего товарища Берга, поехал в Ольмюц к Болконскому, желая воспользоваться его лаской и устроить себе наилучшее положение, в особенности положение адъютанта при важном лице, казавшееся ему особенно заманчивым в армии. «Хорошо Ростову, которому отец присылает по 10-ти тысяч, рассуждать о том, как он никому не хочет кланяться и ни кому не пойдет в лакеи; но мне, ничего не имеющему, кроме своей головы, надо сделать свою карьеру и не упускать случаев, а пользоваться ими».

В Ольмюце он не застал в этот день князя Андрея. Но вид Ольмюца, где стояла главная квартира, дипломатический корпус и жили оба императора с своими свитами — придворных, приближенных, только больше усилил его желание принадлежать к этому верховному миру.

Он никого не знал, и, несмотря на его щегольской гвардейский мундир, все эти высшие люди, сновавшие по улицам, в щегольских экипажах, плюмажах, лентах и орденах, придворные и военные, казалось, стояли так неизмеримо выше его, гвардейского офицера, что не только не хотели, но и не могли признать его существования. В помещении главнокомандующего Кутузова, где он спросил Болконского, все эти адъютанты и даже денщики смотрели на него так, как будто желали внушить ему, что таких, как он, офицеров очень много сюда шляется и что они все уже очень надоели. Несмотря на это, или скорее вследствие этого, на другой день, 15-го числа, он после обеда опять поехал в Ольмюц и, войдя в дом, занимаемый Кутузо-

вым, спросил Болконского. Князь Андрей был дома, и Бориса провели в большую залу, в которой, вероятно, прежде танцевали, а теперь стояли пять кроватей, разнородная мебель: стол, стулья и клавикорды. Один адъютант, ближе к двери, в персидском халате, сидел за столом и писал. Другой, красный, толстый Несвицкий, лежал на постели, подложив руки под голову, и смеялся с присевшим к нему офицером. Третий играл на клавикордах венский вальс, четвертый лежал на этих клавикордах и подпевал ему. Болконского не было. Никто из этих господ, заметив Бориса, не изменил своего положения. Тот, который писал, и к которому обратился Борис, досадливо обернулся и сказал ему, что Болконский дежурный, и чтоб он шел налево в дверь, в приемную, коли ему нужно видеть его. Борис поблагодарил и пошел в приемную. В приемной было человек десять офицеров и генералов.

В то время, как взошел Борис, князь Андрей, презрительно прищурившись (с тем особенным видом учтивой усталости, которая ясно говорит, что, коли бы не моя обязанность, я бы минуты с вами не стал разговаривать), выслушивал старого русского генерала в орденах, который почти на цыпочках, на вытяжке, с солдатским подобострастным выражением багрового лица что-то докладывал князю Андрею.

– Очень хорошо, извольте подождать, – сказал он генералу по-русски, тем французским выговором, которым он говорил, когда хотел говорить презрительно, и, заметив Бориса, не обращаясь более к генералу (который с мольбою бегал за ним, прося еще что-то выслушать), князь Андрей с веселою улыбкой, кивая ему, обратился к Борису.

Борис в эту минуту уже ясно понял то, что он предвидел прежде, именно то, что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе, и которую знали в полку, и он знал, была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого затянутого с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким. Больше чем когда-нибудь Борис решил служить впредь не по той писанной в уставе, а по этой неписанной субординации. Он теперь чувствовал, что только вследствие того, что он был рекомендован князю Андрею, он уже стал сразу выше генерала, который в других случаях, во фронте, мог уничтожить его, гвардейского прапорщика. Князь Андрей подошел к нему и взял за руку.

– Очень жаль, что вчера вы не застали меня. Я целый день провозился с немцами. Ездили с Вейротером поверять диспозицию. Как немцы возьмутся за аккуратность – конца нет!

Борис улыбнулся, как будто он понимал то, о чем, как об общеизвестном, намекал князь Андрей. Но он в первый раз слышал и фамилию Вейротера и даже слово диспозиция.

– Ну что, мой милый, всё в адъютанты хотите? Я об вас подумал за это время.

– Да, я думал, – невольно отчего-то краснея, сказал Борис, – просить главнокомандующего; к нему было письмо обо мне от князя Курагина; я хотел просить только потому, – прибавил он, как бы извиняясь, – что, боюсь, гвардия не будет в деле.

– Хорошо! хорошо! мы обо всем переговорим, – сказал князь Андрей, – только дайте доложить про этого господина, и я принадлежу вам.

В то время как князь Андрей ходил докладывать про багрового генерала, генерал этот, видимо, не разделявший понятий Бориса о выгодах неписанной субординации, так уперся глазами в дерзкого прапорщика, помешавшего ему договорить с адъютантом, что Борису стало неловко. Он отвернулся и с нетерпением ожидал, когда возвратится князь Андрей из кабинета главнокомандующего.

– Вот что, мой милый, я думал о вас, – сказал князь Андрей, когда они прошли в большую залу с клавикордами. – К главнокомандующему вам ходить нечего, – говорил князь Андрей, – он наговорит вам кучу любезностей, скажет, чтобы приходили к нему обедать («это было бы еще не так плохо для службы по той субординации», подумал Борис), но из этого дальше ничего не выйдет; нас, адъютантов и ординарцев, скоро будет батальон. Но вот что мы сделаем: у меня

есть хороший приятель, генерал-адъютант и прекрасный человек, князь Долгоруков; и хотя вы этого можете не знать, но дело в том, что теперь Кутузов с его штабом и мы все равно ничего не значим: всё теперь сосредоточивается у государя; так вот мы пойдемте-ка к Долгорукову, мне и надо сходить к нему, я уж ему говорил про вас; так мы и посмотрим; не найдет ли он возможным пристроить вас при себе, или где-нибудь там, поближе к солнцу.

Князь Андрей всегда особенно оживлялся, когда ему приходилось руководить молодого человека и помогать ему в светском успехе. Под предлогом этой помощи другому, которую он по гордости никогда не принял бы для себя, он находился вблизи той среды, которая давала успех и которая притягивала его к себе. Он весьма охотно взялся за Бориса и пошел с ним к князю Долгорукову.

Было уже поздно вечером, когда они вошли в Ольмюцкий дворец, занимаемый императорами и их приближенными.

В этот самый день был военный совет, на котором участвовали все члены гофкригсрата и оба императора. На совете, в противность мнению стариков – Кутузова и князя Шварценберга, было решено немедленно наступать и дать генеральное сражение Бонапарту. Военный совет только что кончился, когда князь Андрей, сопровождаемый Борисом, пришел во дворец отыскивать князя Долгорукова. Еще все лица главной квартиры находились под обаянием сегодняшнего, победоносного для партии молодых, военного совета. Голоса медлителей, советовавших ожидать еще чего-то не наступая, так единодушно были заглушены и доводы их опровергнуты несомненными доказательствами выгод наступления, что то, о чем толковалось в совете, будущее сражение и, без сомнения, победа, казались уже не будущим, а прошедшим. Все выгоды были на нашей стороне. Огромные силы, без сомнения, превосходившие силы Наполеона, были стянуты в одно место; войска были одушевлены присутствием императоров и рвались в дело; стратегический пункт, на котором приходилось действовать, был до малейших подробностей известен австрийскому генералу Вейротеру, руководившему войска (как бы счастливая случайность сделала то, что австрийские войска в прошлом году были на маневрах именно на тех полях, на которых теперь предстояло сразиться с французом); до малейших подробностей была известна и передана на картах подлежащая местность, и Бонапарте, видимо, ослабленный, ничего не предпринимал.

Долгоруков, один из самых горячих сторонников наступления, только что вернулся из совета, усталый, измученный, но оживленный и гордый одержанною победой. Князь Андрей представил покровительствуемого им офицера, но князь Долгоруков, учтиво и крепко пожав ему руку, ничего не сказал Борису и, очевидно не в силах удержаться от высказывания тех мыслей, которые сильнее всего занимали его в эту минуту, по-французски обратился к князю Андрею.

– Ну, мой милый, какое мы выдержали сражение! Дай Бог только, чтобы то, которое будет следствием его, было бы столь же победоносно. Однако, мой милый, – говорил он отрывочно и оживленно, – я должен признать свою вину перед австрийцами и в особенности перед Вейротером. Чтó за точность, чтó за подробность, чтó за знание местности, чтó за предвидение всех возможностей, всех условий, всех малейших подробностей! Нет, мой милый, выгодней тех условий, в которых мы находимся, нельзя ничего нарочно выдумать. Соединение австрийской отчетливости с русской храбростию – чего ж вы хотите еще?

– Так наступление окончательно решено? – сказал Болконский.

– И знаете ли, мой милый, мне кажется, что решительно Буонапарте потерял свою латынь. Вы знаете, что нынче получено от него письмо к императору. – Долгоруков улыбнулся значительно.

– Вот как! Что ж он пишет? – спросил Болконский.

– Чтó он может писать? Традиридира и т. п., всё только с целью выиграть время. Я вам говорю, что он у нас в руках; это верно! Но чтó забавнее всего, – сказал он, вдруг добродушно

засмеявшись, – это то, что никак не могли придумать, как ему адресовать ответ? Ежели не консулу, само собою разумеется не императору, то генералу Буонапарту, как мне казалось.

– Но между тем, чтобы не признавать императором, и тем, чтобы называть генералом Буонапарте, есть разница, – сказал Болконский.

– В том-то и дело, – смеясь и перебивая, быстро говорил Долгоруков. – Вы знаете Билибина, он очень умный человек, он предлагал адресовать: «узурпатору и врагу человеческого рода».

Долгоруков весело захохотал.

– Не более того? – заметил Болконский.

– Но всё-таки Билибин нашел серьезный титул адреса. И остроумный и умный человек...

– Как же?

– Главе французского правительства, *au chef du gouvernement français*, – серьезно и с удовольствием сказал князь Долгоруков. – Не правда ли, что хорошо?

– Хорошо, но очень не понравится ему, – заметил Болконский.

– О, и очень! Мой брат знает его; он не раз обедал у него, у теперешнего императора, в Париже и говорил мне, что он не видал более утонченного и хитрого дипломата: знаете, соединение французской ловкости и итальянского актерства! Вы знаете его анекдоты с графом Марковым? Только один граф Марков умел с ним обращаться. Вы знаете историю платка? Это прелесть!

И словоохотливый Долгоруков, обращаясь то к Борису, то к князю Андрею, рассказал, как Бонапарт, желая испытать Маркова, нашего посланника, нарочно уронил перед ним платок и остановился, глядя на него, ожидая, вероятно, услуги от Маркова и как, Марков тотчас же уронил рядом свой платок и поднял свой, не поднимая платка Бонапарта.

– *Charmant*,³⁷⁰ – сказал Болконский, – но вот что, князь, я пришел к вам просителем за этого молодого человека. Видите ли что?...

Но князь Андрей не успел закончить, как в комнату вошел адъютант, который звал князя Долгорукова к императору.

– Ах, какая досада! – сказал Долгоруков, поспешно вставая и пожимая руки князя Андрея и Бориса. – Вы знаете, я очень рад сделать всё, что от меня зависит, и для вас и для этого милого молодого человека. – Он еще раз пожал руку Бориса с выражением добродушного, искреннего и оживленного легкомыслия. – Но вы видите... до другого раза!

Бориса волновала мысль о той близости к высшей власти, в которой он в эту минуту чувствовал себя. Он сознавал себя здесь в соприкосновении с теми пружинами, которые руководили всеми теми громадными движениями масс, которых он в своем полку чувствовал себя маленькою, покорною и ничтожною частью. Они вышли в коридор вслед за князем Долгоруковым и встретили выходившего (из той двери комнаты государя, в которую вошел Долгоруков) невысокого человека в штатском платье, с умным лицом и резкою чертой выставленной вперед челюсти, которая, не портя его, придавала ему особенную живость и изворотливость выражения. Этот невысокий человек кивнул, как своему, Долгорукому и пристально-холодным взглядом стал вглядываться в князя Андрея, идя прямо на него и, видимо, ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или дал дорогу. Князь Андрей не сделал ни того, ни другого; в лице его выразилась злоба, и молодой человек, отвернувшись, прошел стороною коридора.

– Кто это? – спросил Борис.

– Это один из самых замечательнейших, но неприятнейших мне людей. Это министр иностранных дел, князь Адам Чарторижский.

– Вот эти люди, – сказал Болконский со вздохом, который он не мог подавить, в то время как они выходили из дворца, – вот эти-то люди решают судьбы народов.

³⁷⁰ Прелестно,

На другой день войска выступили в поход, и Борис не успел до самого Аустерлицкого сражения побывать ни у Болконского, ни у Долгорукова и остался еще на время в Измайловском полку.

Х.

На заре 16-го числа эскадрон Денисова, в котором служил Николай Ростов, и который был в отряде князя Багратиона, двинулся с ночлега в дело, как говорили, и, пройдя около версты позади других колонн, был остановлен на большой дороге. Ростов видел, как мимо его прошли вперед казаки, 1-й и 2-й эскадрон гусар, пехотные батальоны с артиллерией и проехали генералы Багратион и Долгоруков с адъютантами. Весь страх, который он, как и прежде, испытывал перед делом; вся внутренняя борьба, посредством которой он преодолевал этот страх; все его мечтания о том, как он по-гусарски отличится в этом деле, – пропали даром. Эскадрон их был оставлен в резерве, и Николай Ростов скучно и тоскливо провел этот день. В 9-м часу утра он услышал пальбу впереди себя, крики ура, видел привозимых назад раненых (их было немного) и, наконец, видел, как в середине сотни казаков провели целый отряд французских кавалеристов. Очевидно, дело было кончено, и дело было, очевидно небольшое, но счастливое. Проходившие назад солдаты и офицеры рассказывали о блестящей победе, о занятии города Вишау и взятии в плен целого французского эскадрона. День был ясный, солнечный, после сильного ночного заморозка, и веселый блеск осеннего дня совпадал с известием о победе, которое передавали не только рассказы участвовавших в нем, но и радостное выражение лиц солдат, офицеров, генералов и адъютантов, ехавших туда и оттуда мимо Ростова. Тем больше щемило сердце Николая, напрасно перестрадавшего весь страх, предшествующий сражению, и пробывшего этот веселый день в бездействии.

– Ростов, иди сюда, выпьем с горя! – крикнул Денисов, усевшись на краю дороги перед фляжкой и закуской.

Офицеры собрались кружком, закусывая и разговаривая, около погребца Денисова.

– Вот еще одного ведут! – сказал один из офицеров, указывая на французского пленного драгуна, которого вели пешком два казака.

Один из них вел в поводу взятую у пленного рослую и красивую французскую лошадь.

– Продай лошадь! – крикнул Денисов казаку.

– Изволь, ваше благородие...

Офицеры встали и окружили казаков и пленного француза. Французский драгун был молодой малый, альзасец, говоривший по-французски с немецким акцентом. Он задыхался от волнения, лицо его было красно, и, услышав французский язык, он быстро заговорил с офицерами, обращаясь то к тому, то к другому. Он говорил, что его бы не взяли; что он не виноват в том, что его взяли, а виноват *le sarogal*, который послал его захватить попоны, что он ему говорил, что уже русские там. И ко всякому слову он прибавлял: *mais qu'on ne fasse pas de mal à mon petit cheval*³⁷¹ и ласкал свою лошадь. Видно было, что он не понимал хорошенько, где он находится. Он то извинялся, что его взяли, то, предполагая перед собою свое начальство, выказывал свою солдатскую исправность и заботливость о службе. Он донес с собой в наш арьергард во всей свежести атмосферу французского войска, которое так чуждо было для нас.

Казаки отдали лошадь за два червонца, и Ростов, теперь, получив деньги, самый богатый из офицеров, купил ее.

– *Mais qu'on ne fasse pas de mal à mon petit cheval*,³⁷² – добродушно сказал альзасец Ростову, когда лошадь передана была гусару.

³⁷¹ Лошадку-то мою пожалейте,

³⁷² А пожалейте лошадку!

Ростов, улыбаясь, успокоил драгуна и дал ему денег.

– Алё, Алё! – сказал казак, трогая за руку пленного, чтоб он шел дальше.

– Государь! Государь! – вдруг послышалось между гусарами.

Всё побежало, заторопилось, и Ростов увидал сзади по дороге несколько подъезжающих всадников с белыми султанами на шляпах. В одну минуту все были на местах и ждали.

Ростов не помнил и не чувствовал, как он добежал до своего места и сел на лошадь. Мгновенно прошло его сожаление о неучастии в деле, его будничное расположение духа в кругу приглядевшихся лиц, мгновенно исчезла всякая мысль о себе: он весь поглощен был чувством счастья, происходящего от близости государя. Он чувствовал себя одною этою близостью вознагражденным за потерю нынешнего дня. Он был счастлив, как любовник,ждавший ожидаемого свидания. Не смея оглядываться во фронте и не оглядываясь, он чувствовал восторженным чутьем его приближение. И он чувствовал это не по одному звуку копыт лошадей приближавшейся кавалькады, но он чувствовал это потому, что, по мере приближения, всё светлее, радостнее и значительнее и праздничнее делалось вокруг него. Всё ближе и ближе подвигалось это солнце для Ростова, распространяя вокруг себя лучи кроткого и величественного света, и вот он уже чувствует себя захваченным этими лучами, он слышит его голос – этот ласковый, спокойный, величественный и вместе с тем столь простой голос. Как и должно было быть по чувству Ростова, наступила мертвая тишина, и в этой тишине раздались звуки голоса государя.

– Les huzards de Pavlograd?³⁷³ – вопросительно сказал он.

– La réserve, sire!³⁷⁴ – отвечал чей-то голос, столь человеческий после того нечеловеческого голоса, который сказал: Les huzards de Pavlograd?

Государь поровнялся с Ростовым и остановился. Лицо Александра было еще прекраснее, чем на смотру три дня тому назад. Оно сияло такою веселостью и молодостью, такою невинною молодостью, что напоминало ребяческую четырнадцатилетнюю резвость, и вместе с тем это было всё-таки лицо величественного императора. Случайно оглядывая эскадрон, глаза государя встретились с глазами Ростова и не более как на две секунды остановились на них. Понял ли государь, что делалось в душе Ростова (Ростову казалось, что он всё понял), но он посмотрел секунды две своими голубыми глазами в лицо Ростова. (Мягко и кротко лился из них свет.) Потом вдруг он приподнял брови, резким движением ударил левою ногой лошадь и галопом поехал вперед.

Молодой император не мог воздержаться от желания присутствовать при сражении и, несмотря на все представления придворных, в 12 часов, отделившись от 3-й колонны, при которой он следовал, поскакал к авангарду. Еще не доезжая до гусар, несколько адъютантов встретили его с известием о счастливом исходе дела.

Сражение, состоявшее только в том, что захвачен эскадрон французов, было представлено как блестящая победа над французами, и потому государь и вся армия, особенно пока не разошелся еще пороховой дым на поле сражения, верили, что французы побеждены и отступают против своей воли. Несколько минут после того, как проехал государь, дивизион павлоградцев потребовали вперед. В самом Вишау, маленьком немецком городке, Ростов еще раз увидал государя. На площади города, на которой была до приезда государя довольно сильная перестрелка, лежало несколько человек убитых и раненых, которых не успели подобрать. Государь, окруженный свитой военных и невоенных, был на рыжей, уже другой, чем на смотру, англазированной кобыле и, склонившись на бок, грациозным жестом держа золотой лорнет у глаза, смотрел в него на лежащего ничком, без кивера, с окровавленной головою солдата. Солдат раненый был так нечист, груб и гадок, что Ростова оскорбила близость его к государю.

³⁷³ Павлоградские гусары?

³⁷⁴ Резерв, ваше величество!

Ростов видел, как содрогнулись, как бы от пробежавшего мороза, сутуловатые плечи государя, как левая нога его судорожно стала бить шпорой бок лошади, и как приученная лошадь равнодушно оглядывалась и не трогалась с места. Слезший с лошади адъютант взял под руки солдата и стал класть на появившиеся носилки. Солдат застонал.

– Тише, тише, разве нельзя тише? – видимо, более страдая, чем умирающий солдат, проговорил государь и отъехал прочь.

Ростов видел слезы, наполнившие глаза государя, и слышал, как он, отъезжая, по-французски сказал Чарторижскому:

– Какая ужасная вещь война, какая ужасная вещь! *Quelle Au terrible chose que la guerre!*

Войска авангарда расположились впереди Вишау, в виду цепи неприятельской, уступавшей нам место при малейшей перестрелке в продолжение всего дня. Авангарду объявлена была благодарность государя, обещаны награды, и людям роздана двойная порция водки. Еще веселее, чем в прошлую ночь, трещали бивачные костры и раздавались солдатские песни. Денисов в эту ночь праздновал производство свое в майоры, и Ростов, уже довольно выпивший, в конце пирушки предложил тост за здоровье государя, но «не государя-императора, как говорят на официальных обедах, – сказал он, – а за здоровье государя, доброго, обворожительного и великого человека; пьем за его здоровье и за верную победу над французами!»

– Коли мы прежде дрались, – сказал он, – и не давали спуска французам, как под Шенграбеном, что же теперь будет, когда он впереди? Мы все умрем, с наслаждением умрем за него. Так, господа? Может быть, я не так говорю, я много выпил; да я так чувствую, и вы тоже. За здоровье Александра первого! Ура!

– Ура! – зазвучали воодушевленные голоса офицеров.

И старый ротмистр Кирстен кричал воодушевленно и не менее искренно, чем двадцатилетний Ростов.

Когда офицеры выпили и разбили свои стаканы, Кирстен налил другие и, в одной рубашке и рейтузах, с стаканом в руке подошел к солдатским кострам и в величественной позе взмахнув кверху рукой, с своими длинными седыми усами, белою грудью, видневшейся из-за распахнувшейся рубашки, остановился в свете костра.

– Ребята, за здоровье государя-императора, за победу над врагами, ура! – крикнул он своим молодецким, старческим, гусарским баритоном.

Гусары столпились и дружно отвечали громким криком.

Поздно ночью, когда все разошлись, Денисов потрепал свою коротенькою рукой по плечу своего любимца Ростова.

– Вот на походе не в кого влюбиться, так он в царя влюбился, – сказал он.

– Денисов, ты этим не шути, – крикнул Ростов, – это такое высокое, такое прекрасное чувство, такое...

– Верю, верю, дружок, и разделяю и одобряю...

– Нет, не понимаешь!

И Ростов встал и пошел бродить между костров, мечтая о том, какое было бы счастье умереть, не спасая жизнь (об этом он и не смел мечтать), а просто умереть в глазах государя. Он действительно был влюблен и в царя, и в славу русского оружия, и в надежду будущего торжества. И не он один испытывал это чувство в те памятные дни, предшествующие Аустерлицкому сражению: девять десятых людей русской армии в то время были влюблены, хотя и менее восторженно, в своего царя и в славу русского оружия.

XI.

На следующий день государь остановился в Вишау. Лейб-медик Вилье несколько раз был призываем к нему. В главной квартире и в ближайших войсках распространилось известие,

что государь был нездоров. Он ничего не ел и дурно спал эту ночь, как говорили приближенные. Причина этого нездоровья заключалась в сильном впечатлении, произведенном на чувствительную душу государя видом раненых и убитых.

На заре 17-го числа в Вишау был препровожден с аванпостов французский офицер, приехавший под парламентерским флагом, требуя свидания с русским императором. Офицер этот был Савари. Государь только что заснул, и потому Савари должен был дожидаться. В полдень он был допущен к государю и через час поехал вместе с князем Долгоруковым на аванпосты французской армии.

Как слышно было, цель присылки Савари состояла в предложении свидания императора Александра с Наполеоном. В личном свидании, к радости и гордости всей армии, было отказано, и вместо государя князь Долгоруков, победитель при Вишау, был отправлен вместе с Савари для переговоров с Наполеоном, ежели переговоры эти, против чаяния, имели целью действительное желание мира.

Вечеру вернулся Долгоруков, прошел прямо к государю и долго пробыл у него наедине.

18-го и 19-го ноября войска прошли еще два перехода вперед, и неприятельские аванпосты после коротких перестрелок отступали. В высших сферах армии с полдня 19-го числа началось сильное хлопотливо-возбужденное движение, продолжавшееся до утра следующего дня, 20-го ноября, в который дано было столь памятное Аустерлицкое сражение.

До полудня 19-го числа движение, оживленные разговоры, беготня, посылки адъютантов ограничивались одною главною квартирою императоров; после полудня того же дня движение передалось в главную квартиру Кутузова и в штабы колонных начальников. Вечером через адъютантов разнеслось это движение по всем концам и частям армии, и в ночь с 19-го на 20-е поднялась с ночлегов, загудела говором и заколыхалась и тронулась громадным девятиверстным холстом 80-ти тысячная масса союзного войска.

Сосредоточенное движение, начавшееся поутру в главной квартире императоров и давшее толчок всему дальнейшему движению, было похоже на первое движение серединного колеса больших башенных часов. Медленно двинулось одно колесо, повернулось другое, третье, и всё быстрее и быстрее пошли вертеться колеса, блоки, шестерни, начали играть куранты, выскакивать фигуры, и мерно стали подвигаться стрелки, показывая результат движения.

Как в механизме часов, так и в механизме военного дела, так же неудержимо до последнего результата раз данное движение, и так же безучастно неподвижны, за момент до передачи движения, части механизма, до которых еще не дошло дело. Свистят на осях колеса, цепляясь зубьями, шипят от быстроты вертящиеся блоки, а соседнее колесо так же спокойно и неподвижно, как будто оно сотни лет готово простоять этою неподвижностью; но пришел момент – зацепил рычаг, и, покоряясь движению, трещит, поворачиваясь, колесо и сливается в одно действие, результат и цель которого ему непонятны.

Как в часах результат сложного движения бесчисленных различных колес и блоков есть только медленное и равномерное движение стрелки, указывающей время, так и результатом всех сложных человеческих движений этих 160 000 русских и французов – всех страстей, желаний, раскаяний, унижений, страданий, порывов гордости, страха, восторга этих людей – был только проигрыш Аустерлицкого сражения, так называемого сражения трех императоров, т. е. медленное передвижение всемирно-исторической стрелки на циферблате истории человечества.

Князь Андрей был в этот день дежурным и неотлучно при главнокомандующем.

В 6-м часу вечера Кутузов приехал в главную квартиру императоров и, недолго пробыв у государя, пошел к обер-гофмаршалу графу Толстому.

Болконский воспользовался этим временем, чтобы зайти к Долгорукову узнать о подробностях дела. Князь Андрей чувствовал, что Кутузов чем-то расстроен и недоволен, и что им недовольны в главной квартире, и что все лица императорской главной квартиры имеют с ним

тон людей, знающих что-то такое, чего другие не знают; и поэтому ему хотелось поговорить с Долгоруковым.

– Ну, здравствуйте, mon cher, – сказал Долгоруков, сидевший с Билибиным за чаем. – Праздник на завтра. Что ваш старик? не в духе?

– Не скажу, чтобы был не в духе, но ему, кажется, хотелось бы, чтоб его выслушали.

– Да его слушали на военном совете и будут слушать, когда он будет говорить дело; но медлить и ждать чего-то теперь, когда Бонапарт боится более всего генерального сражения, – невозможно.

– Да, вы его видели? – сказал князь Андрей. – Ну, что Бонапарт? Какое впечатление он произвел на вас?

– Да, видел и убедился, что он боится генерального сражения более всего на свете, – повторил Долгоруков, видимо, дорожа этим общим выводом, сделанным им из его свидания с Наполеоном. – Ежели бы он не боялся сражения, для чего бы ему было требовать этого свидания, вести переговоры и, главное, отступать, тогда как отступление так противно всей его методе ведения войны? Поверьте мне: он боится, боится генерального сражения, его час настал. Это я вам говорю.

– Но расскажите, как он, что? – еще спросил князь Андрей.

– Он человек в сером сюртуке, очень желавший, чтоб я ему говорил «ваше величество», но, к огорчению своему, не получивший от меня никакого титула. Вот это какой человек, и больше ничего, – отвечал Долгоруков, оглядываясь с улыбкой на Билибина.

– Несмотря на мое полное уважение к старому Кутузову, – продолжал он, – хороши мы были бы все, ожидая чего-то и тем давая ему случай уйти или обмануть нас, тогда как теперь он верно в наших руках. Нет, не надобно забывать Суворова и его правила: не ставить себя в положение атакованного, а атаковать самому. Поверьте, на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых кунктаторов.

– Но в какой же позиции мы атакуем его? Я был на аванпостах нынче, и нельзя решить, где он именно стоит с главными силами, – сказал князь Андрей.

Ему хотелось высказать Долгорукову свой, составленный им, план атаки.

– Ах, это совершенно всё равно, – быстро заговорил Долгоруков, вставая и раскрывая карту на столе. – Все случаи предвидены: ежели он стоит у Брюнна...

И князь Долгоруков быстро и неясно рассказал план флангового движения Вейротера.

Князь Андрей стал возражать и доказывать свой план, который мог быть одинаково хорош с планом Вейротера, но имел тот недостаток, что план Вейротера уже был одобрен. Как только князь Андрей стал доказывать невыгоды того и выгоды своего, князь Долгоруков перестал его слушать и рассеянно смотрел не на карту, а на лицо князя Андрея.

– Впрочем, у Кутузова будет нынче военный совет: вы там можете всё это высказать, – сказал Долгоруков.

– Я это и сделаю, – сказал князь Андрей, отходя от карты.

– И о чем вы заботитесь, господа? – сказал Билибин, до сих пор с веселою улыбкой слушавший их разговор и теперь, видимо, собираясь пошутить. – Будет ли завтра победа или поражение, слава русского оружия застрахована. Кроме вашего Кутузова, нет ни одного русского начальника колонн. Начальники: Herr general Wimpfen, le comte de Langeron, le prince de Lichtenstein, le prince de Hohenloe et enfin Prsch... prsh... et ainsi de suite, comme tous les noms polonais.³⁷⁵

³⁷⁵ господин генерал Вимпфен, граф Ланжерон, князь Лихтенштейн, Гогенлое и еще Пришпршипрш, как все польские имена.

– *Taisez vous, mauvaise langue*,³⁷⁶ – сказал Долгоруков. – Неправда, теперь уже два русских: Милорадович и Дохтуров, и был бы 3-й, граф Аракчеев, но у него нервы слабы.

– Однако Михаил Иларионович, я думаю, вышел, – сказал князь Андрей. – Желаю счастья и успеха, господа, – прибавил он и вышел, пожав руки Долгорукову и Билибину.

Возвращаясь домой, князь Андрей не мог удержаться, чтобы не спросить молчаливо сидевшего подле него Кутузова, о том что он думает о завтрашнем сражении?

Кутузов строго посмотрел на своего адъютанта и, помолчав, ответил:

– Я думаю, что сражение будет проиграно, и я так сказал графу Толстому и просил его передать это государю. Что же, ты думаешь, он мне ответил? *Eh, mon cher général, je me mêle de riz et des cotelettes, mêlez vous des affaires de la guerre*,³⁷⁷ Да... Вот что мне отвечали!

ХII.

В 10-м часу вечера Вейротер с своими планами переехал на квартиру Кутузова, где и был назначен военный совет. Все начальники колонн были потребованы к главнокомандующему, и, за исключением князя Багратиона, который отказался приехать, все явились к назначенному часу.

Вейротер, бывший полным распорядителем предполагаемого сражения, представлял своею оживленностью и торопливостью резкую противоположность с недовольным и сонным Кутузовым, неохотно игравшим роль председателя и руководителя военного совета. Вейротер, очевидно, чувствовал себя во главе движения, которое стало уже неудержимо. Он был, как запряженная лошадь, разбежавшаяся с возом под гору. Он ли вез, или его гнало, он не знал; но он несся во всю возможную быстроту, не имея времени уже обсуждать того, к чему поведет это движение. Вейротер в этот вечер был два раза для личного осмотра в цепи неприятеля и два раза у государей, русского и австрийского, для доклада и объяснений, и в своей канцелярии, где он диктовал немецкую диспозицию. Он, измученный, приехал теперь к Кутузову.

Он, видимо, так был занят, что забывал даже быть почтительным с главнокомандующим: он перебивал его, говорил быстро, неясно, не глядя в лицо собеседника, не отвечая на делаемые ему вопросы, был испачкан грязью и имел вид жалкий, измученный, растерянный и вместе с тем самонадеянный и гордый.

Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц. В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего, собрались: сам Кутузов, Вейротер и члены военного совета. Они пили чай. Ожидали только князя Багратиона, чтобы приступить к военному совету. В 8-м часу приехал ординарец Багратиона с известием, что князь быть не может. Князь Андрей пришел доложить о том главнокомандующему и, пользуясь прежде данным ему Кутузовым позволением присутствовать при совете, остался в комнате.

– Так как князь Багратион не будет, то мы можем начинать, – сказал Вейротер, поспешно вставая с своего места и приближаясь к столу, на котором была разложена огромная карта окрестностей Брюнна.

Кутузов в расстегнутом мундире, из которого, как бы освободившись, выплыла на воротник его жирная шея, сидел в волтеровском кресле, положив симметрично пухлые старческие руки на подлокотники, и почти спал. На звук голоса Вейротера он с усилием открыл единственный глаз.

– Да, да, пожалуйста, а то поздно, – проговорил он и, кивнув головой, опустил ее и опять закрыл глаза.

³⁷⁶ – Замолчите, злой язык,

³⁷⁷ И, любезный генерал! Я занят рисом и котлетами, а вы занимайтесь военными делами.

Ежели первое время члены совета думали, что Кутузов притворялся спящим, то звуки, которые он издавал носом во время последующего чтения, доказывали, что в эту минуту для главнокомандующего дело шло о гораздо важнейшем, чем о желании выказать свое презрение к диспозиции или к чему бы то ни было: дело шло для него о неудержимом удовлетворении человеческой потребности – сна. Он действительно спал. Вейротер с движением человека, слишком занятого для того, чтобы терять хоть одну минуту времени, взглянул на Кутузова и, убедившись, что он спит, взял бумагу и громким однообразным тоном начал читать диспозицию будущего сражения под заглавием, которое он тоже прочел:

«Диспозиция к атаке неприятельской позиции позади Кобельница и Сокольника, 20-го ноября 1805 года».

Диспозиция была очень сложная и трудная. В оригинальной диспозиции значилось:

Da der Feind mit seinem linken Fluegel an die mit Wald bedeckten Berge lehnt und sich mit seinem rechten Fluegel laengs Kobelnitz und Sokolnitz hinter die dort befindlichen Teiche zieht, wir im Gegentheil mit unserem linken Fluegel seinen rechten sehr debordiren, so ist es vortheilhaft letzteren Fluegel dse Feindes zu attakiren, besonders wenn wir die Doerfer Sokolnitz und Kobelnitz im Besitze haben, wodurch wir dem Feind zugleich in die Flanke fallen und ihn auf der Flaechе zwischen Schlapanitz und dem Thuerassa-Walde verfolgen koennen, indem wir dem Defileen von Schlapanitz und Bellowitz ausweichen, welche die feindliche Front decken. Zu diesem Endzwecke ist es noethig... Die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt... die dritte Kolonne marschirt...³⁷⁸ и т. д., читал Вейротер. Генералы, казалось, неохотно слушали трудную диспозицию. Белокурый высокий генерал Буксгевден стоял, прислонившись спиною к стене, и, остановив свои глаза на горевшей свече, казалось, не слушал и даже не хотел, чтобы думали, что он слушает. Прямо против Вейротера, устремив на него свои блестящие открытые глаза, в воинственной позе, оперев руки с выгнутыми наружу локтями на колени, сидел румяный Милорадович с приподнятыми усами и плечами. Он упорно молчал, глядя в лицо Вейротера, и спускал с него глаза только в то время, когда австрийский начальник штаба замолкал. В это время Милорадович значительно оглядывался на других генералов. Но по значению этого значительного взгляда нельзя было понять, был ли он согласен или несогласен, доволен или недоволен диспозицией. Ближе всех к Вейротеру сидел граф Ланжерон и с тонкою улыбкой южного французского лица, не покидавшей его во всё время чтения, глядел на свои тонкие пальцы, быстро перевертывавшие за углы золотую табакерку с портретом. В середине одного из длинейших периодов он остановил вращательное движение табакерки, поднял голову и с неприятною учтивостью на самых концах тонких губ перебил Вейротера и хотел сказать что-то: но австрийский генерал, не прерывая чтения, сердито нахмурился и замахал локтями, как бы говоря: потом, потом вы мне скажете свои мысли, теперь извольте смотреть на карту и слушать. Ланжерон поднял глаза кверху с выражением недоумения, оглянулся на Милорадовича, как бы ища объяснения, но, встретив значительный, ничего не значащий взгляд Милорадовича, грустно опустил глаза и опять принялся вертеть табакерку.

– Une leçon de géographie,³⁷⁹ – проговорил он как бы про себя, но довольно громко, чтоб его слышали.

Пржебышевский с почтительною, но достойною учтивостью пригнул рукою ухо к Вейротеру, имея вид человека, поглощенного вниманием. Маленький ростом Дохтуров сидел прямо

³⁷⁸ Так как неприятель опирается левым крылом своим на покрытые лесом горы, а правым крылом тянется вдоль Кобельница и Сокольника позади находящихся там прудов, а мы, напротив, превосходим нашим левым крылом его правое, то выгодно нам атаковать сие последнее неприятельское крыло, особливо если мы займем деревни Сокольник и Кобельниц, будучи поставлены в возможность нападать на фланг неприятеля и преследовать его в равнине между Шлапаницем и лесом Тюрасским, и избегая дефилеи между Шлапаницем и Беловицем, которою прикрыт неприятельский фронт. Для этой цели необходимо... Первая колонна марширует... вторая колонна марширует... третья колонна марширует...

³⁷⁹ Урок из географии,

против Вейротера с старательным и скромным видом и, нагнувшись над разложенною картой, добросовестно изучал диспозицию и неизвестную ему местность. Он несколько раз просил Вейротера повторять нехорошо расслышанные им слова и трудные наименования деревень. Вейротер исполнял его желание, и Дохтуров записывал.

Когда чтение, продолжавшееся более часу, было кончено, Ланжерон, опять остановив табакерку и не глядя на Вейротера и ни на кого особенно, начал говорить о том, как трудно было исполнить такую диспозицию, где положение неприятеля предполагается известным, тогда как положение это может быть нам неизвестно, так как неприятель находится в движении. Возражения Ланжерона были основательны, но было очевидно, что цель этих возражений состояла преимущественно в желании дать почувствовать генералу Вейротеру, столь самоуверенно, как школьникам-ученикам, читавшему свою диспозицию, что он имел дело не с одними дураками, а с людьми, которые могли и его поучить в военном деле. Когда замолк однообразный звук голоса Вейротера, Кутузов открыл глаза, как мельник, который просыпается при перерыве усыпительного звука мельничных колес, прислушался к тому, что говорил Ланжерон, и, как будто говоря: «а вы всё еще про эти глупости!» поспешно закрыл глаза и еще ниже опустил голову.

Стараясь как можно язвительнее оскорбить Вейротера в его авторском военном самолюбии, Ланжерон доказывал, что Бонапарте легко может атаковать, вместо того, чтобы быть атакованным, и вследствие того сделает всю эту диспозицию совершенно бесполезною. Вейротер на все возражения отвечал твердою презрительной улыбкою, очевидно вперед приготовленную для всякого возражения, независимо от того, что бы ему ни говорили.

– Ежели бы он мог атаковать нас, то он нынче бы это сделал, – сказал он.

– Вы, стало быть, думаете, что он бессилён? – сказал Ланжерон.

– Много, если у него 40 тысяч войска, – отвечал Вейротер с улыбкой доктора, которому лекарка хочет указать средство лечения.

– В таком случае он идет на свою погибель, ожидая нашей атаки, – с тонкою ироническою улыбкой сказал Ланжерон, за подтверждением оглядываясь опять на ближайшего Милорадовича.

Но Милорадович, очевидно, в эту минуту думал менее всего о том, о чем спорили генералы.

– Ma foi,³⁸⁰ – сказал он, – завтра всё увидим на поле сражения.

Вейротер усмехнулся опять тою улыбкой, которая говорила, что *ему* смешно и странно встречать возражения от русских генералов и доказывать то, в чем не только он сам слишком хорошо был уверен, но в чем уверены были им государи-императоры.

– Неприятель потушил огни, и слышен непрерывный шум в его лагере, – сказал он. – Что это значит? – Или он удаляется, чего одного мы должны бояться, или он переменяет позицию (он усмехнулся). Но даже ежели бы он и занял позицию в Тюрсе, он только избавляет нас от больших хлопот, и распоряжения все, до малейших подробностей, остаются те же.

– Каким же образом?... – сказал князь Андрей, уже давно выжидавший случая выразить свои сомнения.

Кутузов проснулся, тяжело откашлялся и оглянул генералов.

– Господа, диспозиция на завтра, даже на нынче (потому что уже первый час), не может быть изменена, – сказал он. – Вы ее слышали, и все мы исполним наш долг. А перед сражением нет ничего важнее... (он помолчал) как выспаться хорошенько.

Он сделал вид, что привстает. Генералы откланялись и удалились. Было уже за полночь. Князь Андрей вышел.

—

³⁸⁰ [Ей Богы,]

Военный совет, на котором князю Андрею не удалось высказать свое мнение, как он надеялся, оставил в нем неясное и тревожное впечатление. Кто был прав: Долгоруков с Вейротером или Кутузов с Ланжероном и другими, не одобрявшими план атаки, он не знал. «Но неужели нельзя было Кутузову прямо высказать государю свои мысли? Неужели это не может иначе делаться? Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моею, *моею* жизнью?» думал он.

«Да, очень может быть, завтра убьют», подумал он. И вдруг, при этой мысли о смерти, целый ряд воспоминаний, самых далеких и самых задушевных, восстал в его воображении; он вспоминал последнее прощание с отцом и женою; он вспоминал первые времена своей любви к ней; вспомнил о ее беременности, и ему стало жалко и ее и себя, и он в нервично-размягченном и взволнованном состоянии вышел из избы, в которой он стоял с Несвицким, и стал ходить перед домом.

Ночь была туманная, и сквозь туман таинственно пробивался лунный свет. «Да, завтра, завтра! – думал он. – Завтра, может быть, всё будет кончено для меня, всех этих воспоминаний не будет более, все эти воспоминания не будут иметь для меня более никакого смысла. Завтра же, может быть, даже наверное завтра, я это предчувствую, в первый раз мне придется, наконец, показать всё то, что я могу сделать». И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец, представляется ему. Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берется исполнить его, и вот он берет полк, дивизию, выговаривает условие, чтоб уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу. А смерть и страдания? говорит другой голос. Но князь Андрей не отвечает этому голосу и продолжает свои успехи. Диспозиция следующего сражения делается им одним. Он носит звание дежурного по армии при Кутузове, но делает всё он один. Следующее сражение выиграно им одним. Кутузов сменяется, назначается он... Ну, а потом? говорит опять другой голос, а потом, ежели ты десять раз прежде этого не будешь ранен, убит или обманут; ну, а потом что ж? – «Ну, а потом... – отвечает сам себе князь Андрей, – я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать; но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу. Да, для одного этого! Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую. Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди – отец, сестра, жена, – самые дорогие мне люди, – но, как ни страшно и [ни] неестественно это кажется, я всех их отдам сейчас за минуту славы, торжества над людьми, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать, за любовь вот этих людей», подумал он, прислушиваясь к говору на дворе Кутузова. На дворе Кутузова слышались голоса укладывавшихся денщиков; один голос, вероятно, кучера, дразнившего старого кутузовского повара, которого знал князь Андрей, и которого звали Титом, говорил: «Тит, а Тит?»

– Ну, – отвечал старик.

– Тит, ступай молотить, – говорил шутник.

– Тьфу, ну те к чорту, – раздавался голос, покрываемый хохотом денщиков и слуг.

«И всё-таки я люблю и дорожу только торжеством над всеми ими, дорожу этою таинственною силой и славой, которая вот тут надо мной носится в этом тумане!»

ХIII.

Ростов в эту ночь был со взводом во фланкёрской цепи, впереди отряда Багратиона. Гусары его попарно были рассыпаны в цепи; сам он ездил верхом по этой линии цепи, стараясь

преодолеть сон, непреодолимо-клонивший его. Назади его видно было огромное пространство неясно-горевших в тумане костров нашей армии; впереди его была туманная темнота. Сколько ни вглядывался Ростов в эту туманную даль, он ничего не видел: то серелось, то как будто чернелось что-то; то мелькали как будто огоньки, там, где должен быть неприятель; то ему думалось, что это только в глазах блестит у него. Глаза его закрывались, и в воображении представлялся то государь, то Денисов, то московские воспоминания, и он опять поспешно открывал глаза и близко перед собой он видел голову и уши лошади, на которой он сидел, иногда черные фигуры гусар, когда он в шести шагах наезжал на них, а вдали всё ту же туманную темноту. «Отчего же? очень может быть, – думал Ростов, – что государь, встретив меня, даст поручение, как и всякому офицеру: скажет: «Поезжай, узнай, что там». Много рассказывали же, как совершенно случайно он узнал так какого-то офицера и приблизил к себе. Чтоб, ежели бы он приблизил меня к себе! О, как бы я охранял его, как бы я говорил ему всю правду, как бы я изобличал его обманщиков!» И Ростов, для того, чтобы живо представить себе свою любовь и преданность государю, представлял себе врага или обманщика-немца, которого он с наслаждением не только убивал, но по щекам бил в глазах государя. Вдруг дальний крик разбудил Ростова. Он вздрогнул и открыл глаза.

«Где я! Да, в цепи: лозунг и пароль – дышло, Ольмюц. Экая досада, что эскадрон наш завтра будет в резервах... – подумал он. – Попрошусь в дело. Это, может быть, единственный случай увидеть государя. Да, теперь недолго до смены. Объеду еще раз и, как вернусь, пойду к генералу и попрошу его». Он поправился на седле и тронул лошадь, чтобы еще раз объехать своих гусар. Ему показалось, что было светлей. В левой стороне виднелся пологий освещенный скат и противоположный, черный бугор, казавшийся крутым, как стена. На бугре этом было белое пятно, которого никак не мог понять Ростов: поляна ли это в лесу, освещенная месяцем, или оставшийся снег, или белые дома? Ему показалось даже, что по этому белому пятну зашевелилось что-то. «Должно быть, снег – это пятно; пятно – *une tache*», думал Ростов. «Вот тебе и не таш...»

«Наташа, сестра, черные глаза. На... ташка (Вот удивится, когда я ей скажу, как я увидел государя!) Наташку... ташку возьми...» – «Поправей-то, ваше благородие, а то тут кусты», сказал голос гусара, мимо которого, засыпая, проезжал Ростов. Ростов поднял голову, которая опустилась уже до гривы лошади, и остановился подле гусара. Молодой детский сон непреодолимо клонил его. «Да, бишь, что я думал? – не забыть. Как с государем говорить буду? Нет, не то – это завтра. Да, да! На ташку, наступить... тупить нас – кого? Гусаров. А гусары и усы... По Тверской ехал этот гусар с усами, еще я подумал о нем, против самого Гурьева дома... Старик Гурьев... Эх, славный малый Денисов! Да, всё это пустяки. Главное теперь – государь тут. Как он на меня смотрел, и хотелось ему что-то сказать, да он не смел... Нет, это я не смел. Да это пустяки, а главное – не забывать, что я нужное-то думал, да. На – ташку, нас – тупить, да, да, да. Это хорошо». – И он опять упал головой на шею лошади. Вдруг ему показалось, что в него стреляют. «Что? Что? Что!... Руби! Что?...» заговорил, очнувшись, Ростов. В то мгновение, как он открыл глаза, Ростов услышал перед собой там, где был неприятель, протяжные крики тысячи голосов. Лошади его и гусара, стоявшего подле него, насторожили уши на эти крики. На том месте, с которого слышались крики, зажегся и потух один огонек, потом другой, и по всей линии французских войск на горе зажглись огни, и крики всё более и более усиливались. Ростов слышал звуки французских слов, но не мог их разобрать. Слишком много гудело голосов. Теперь слышно было: аааа! и рррр!

– Что это? Ты как думаешь? – обратился Ростов к гусару, стоявшему подле него, ведь это у неприятеля?

Гусар ничего не ответил.

– Что ж, ты разве не слышишь? – довольно долго подождав ответа, опять спросил Ростов.

– А кто ё знает, ваше благородие, – неохотно отвечал гусар.

– По месту должно быть неприятель? – опять повторил Ростов.

– Може он, а може, и так, – проговорил гусар, – дело ночное. Ну! шали! – крикнул он на свою лошадь, шевелившуюся под ним.

Лошадь Ростова тоже торопилась, била ногой по мерзлой земле, прислушиваясь к звукам и приглядываясь к огням. Крики голосов всё усиливались и усиливались и слились в общий гул, который могла произвести только несколько-тысячная армия. Огни больше и больше распространялись, вероятно, по линии французского лагеря. Ростову уже не хотелось спать. Веселые, торжествующие крики в неприятельской армии возбuditельно действовали на него: *Vive l'empereur, l'empereur!*³⁸¹ уже ясно слышалось теперь Ростову.

– А недалеко, – должно быть, за ручьем? – сказал он стоявшему подле него гусару.

Гусар только вздохнул, ничего не отвечая, и прокашлялся сердито. По линии гусар послышался топот ехавшего рысью конного, и из ночного тумана вдруг выросла, представляясь громадным слоном, фигура гусарского унтер-офицера.

– Ваше благородие, генералы! – сказал унтер-офицер, подъезжая к Ростову.

Ростов, продолжая оглядываться на огни и крики, поехал с унтер-офицером навстречу нескольким верховым, ехавшим по линии. Один был на белой лошади. Князь Багратион с князем Долгоруковым и адъютантами выехали посмотреть на странное явление огней и криков в неприятельской армии. Ростов, подъехав к Багратиону, рапортовал ему и присоединился к адъютантам, прислушиваясь к тому, что говорили генералы.

– Поверьте, – говорил князь Долгоруков, обращаясь к Багратиону, – что это больше ничего как хитрость: он отступил и в арьергарде велел зажечь огни и шуметь, чтоб обмануть нас.

– Едва ли, – сказал Багратион, – с вечера я их видел на том бугре; коли ушли, так и оттуда снялись. Господин офицер, – обратился князь Багратион к Ростову, – стоят там еще его фланкёры?

– С вечера стояли, а теперь не могу знать, ваше сиятельство. Прикажете, я съезжу с гусарами, – сказал Ростов.

Багратион остановился и, не отвечая, в тумане старался разглядеть лицо Ростова.

– А что ж, посмотрите, – сказал он, помолчав немного.

– Слушаю-с.

Ростов дал шпоры лошади, окликнул унтер-офицера Федченку и еще двух гусар, приказал им ехать за собою и рысью поехал под гору по направлению к продолжавшимся крикам. Ростову и жутко и весело было ехать одному с тремя гусарами туда, в эту таинственную и опасную туманную даль, где никто не был прежде его. Багратион закричал ему с горы, чтоб он не ездил дальше ручья, но Ростов сделал вид, как будто не слышал его слов, и, не останавливаясь, ехал дальше и дальше, беспрестанно обманываясь, принимая кусты за деревья и рытвины за людей и беспрестанно объясняя свои обманы. Спустившись рысью под гору, он уже не видал ни наших, ни неприятельских огней, но громче, яснее слышал крики французов. В лощине он увидал перед собой что-то в роде реки, но когда он доехал до нее, он узнал проезженную дорогу. Выехав на дорогу, он придержал лошадь в нерешительности: ехать по ней, или пересечь ее и ехать по черному полю в гору. Ехать по светлевшей в тумане дороге было безопаснее, потому что скорее можно было рассмотреть людей. «Пошел за мной», проговорил он, пересек дорогу и стал подниматься галопом на гору, к тому месту, где с вечера стоял французский пикет.

– Ваше благородие, вот он! – проговорил сзади один из гусар.

И не успел еще Ростов разглядеть что-то, вдруг зачерневшееся в тумане, как блеснул огонек, шелкнул выстрел, и пуля, как будто жалуясь на что-то, зажужжала высоко в тумане и

³⁸¹ Виват император, император!

вылетела из слуха. Другое ружье не выстрелило, но блеснул огонек на полке. Ростов повернул лошадь и галопом поехал назад. Еще раздались в разных промежутках четыре выстрела, и на разные тоны запели пули где-то в тумане. Ростов придержал лошадь, повеселевшую так же, как он, от выстрелов, и поехал шагом. «Ну-ка еще, ну-ка еще!» говорил в его душе какой-то веселый голос. Но выстрелов больше не было.

Только подъезжая к Багратиону, Ростов опять пустил свою лошадь в галоп и, держа руку у козырька, подъехал к нему.

Долгоруков всё настаивал на своем мнении, что французы отступили и только для того, чтобы обмануть нас, разложили огни.

– Что же это доказывает? – говорил он в то время, как Ростов подъехал к ним. – Они могли отступить и оставить пикеты.

– Видно, еще не все ушли, князь, – сказал Багратион. – До завтрашнего утра, завтра всё узнаем.

– На горе пикет, ваше сиятельство, всё там же, где был с вечера, – доложил Ростов, нагибаясь вперед, держа руку у козырька и не в силах удержать улыбку веселья, вызванного в нем его поездкой и, главное, звуками пуль.

– Хорошо, хорошо, – сказал Багратион, – благодарю вас, господин офицер.

– Ваше сиятельство, – сказал Ростов, – позвольте вас просить.

– Что такое?

– Завтра эскадрон наш назначен в резервы; позвольте вас просить прикомандировать меня к 1-му эскадрону.

– Как фамилия?

– Граф Ростов.

– А, хорошо! Оставайся при мне ординарцем.

– Ильи Андреича сын? – сказал Долгоруков.

Но Ростов не отвечал ему.

– Так я буду надеяться, ваше сиятельство.

– Я прикажу.

«Завтра, очень может быть, пошлют с каким-нибудь приказанием к государю, – подумал он. – Слава Богу!».

–

Крики и огни в неприятельской армии происходили оттого, что в то время, как по войскам читали приказ Наполеона, сам император верхом объезжал свои бивуаки. Солдаты, увидав императора, зажигали пучки соломы и с криками: *vive l'empereur!*³⁸² бежали за ним. Приказ Наполеона был следующий:

«Солдаты! Русская армия выходит против вас, чтоб отмстить за австрийскую, ульмскую армию. Это те же батальоны, которые вы разбили при Голлабрунне и которые вы с тех пор преследовали постоянно до этого места. Позиции, которые мы занимаем, – могущественны, и пока они будут итти, чтоб обойти меня справа, они выставят мне фланг! Солдаты! Я сам буду руководить вашими батальонами. Я буду держаться далеко от огня, если вы, с вашей обычною храбростью, внесете в ряды неприятельские беспорядок и смятение; но если победа будет хоть одну минуту сомнительна, вы увидите вашего императора, подвергающегося первым ударам неприятеля, потому что не может быть колебания в победе, особенно в тот день, в который идет речь о чести французской пехоты, которая так необходима для чести своей нации.

Под предлогом увода раненых не расстроивать ряда! Каждый да будет вполне проникнут мыслию, что надо победить этих наемников Англии, воодушевленных такою ненавистью против нашей нации. Эта победа окончит наш поход, и мы можем возвратиться на зимние квар-

³⁸² да здравствует!

тиры, где застанут нас новые французские войска, которые формируются во Франции; и тогда мир, который я заключу, будет достоин моего народа, вас и меня.

Наполеон».

XIV.

В 5 часов утра еще было совсем темно. Войска центра, резервов и правый фланг Багратиона стояли еще неподвижно; но на левом фланге колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, долженствовавшие первые спуститься с высот, для того чтоб атаковать французский правый фланг и отбросить его, по диспозиции, в Богемские горы, уже зашевелились и начали подниматься с своих ночлегов. Дым от костров, в которые бросали всё лишнее, ел глаза. Было холодно и темно. Офицеры торопливо пили чай и завтракали, солдаты пережевывали сухари, отбивали ногами дробь, согреваясь, и стекались против огней, бросая в дрова остатки балаганов, стулья, столы, колеса, кадушки, всё лишнее, что нельзя было увезти с собою. Австрийские колонновожатые сновали между русскими войсками и служили предвестниками выступления. Как только показывался австрийский офицер около стоянки полкового командира, полк начинал шевелиться: солдаты сбегались от костров, прятали в голенища трубочки, мешочки в повозки, разбирали ружья и строились. Офицеры застегивались, надевали шпаги и ранцы и, покрикивая, обходили ряды; обозные и денщики запрягали, укладывали и увязывали повозки. Адъютанты, батальонные и полковые командиры садились верхами, крестились, отдавали последние приказания, наставления и поручения остающимся обозным, и звучал однообразный топот тысяч ног. Колонны двигались, не зная куда и не видя от окружавших людей, от дыма и от усиливающегося тумана ни той местности, из которой они выходили, ни той, в которую они вступали.

Солдат в движении так же окружен, ограничен и влеком своим полком, как моряк кораблем, на котором он находится. Как бы далеко он ни прошел, в какие бы странные, неведомые и опасные широты ни вступил он, вокруг него – как для моряка всегда и везде те же палубы, мачты, канаты своего корабля – всегда и везде те же товарищи, те же ряды, тот же фельдфебель Иван Митрич, та же ротная собака Жучка, то же начальство. Солдат редко желает знать те широты, в которых находится весь корабль его; но в день сражения, Бог знает как и откуда, в нравственном мире войска слышится одна для всех строгая нота, которая звучит приближением чего-то решительного и торжественного и вызывает их на несвойственное им любопытство. Солдаты в дни сражений возбужденно стараются выйти из интересов своего полка, прислушиваются, приглядываются и жадно расспрашивают о том, что делается вокруг них.

Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собою. Кусты казались громадными деревьями, ровные места – обрывами и скатами. Везде, со всех сторон, можно было столкнуться с невидимым в десяти шагах неприятелем. Но долго шли колонны всё в том же тумане, спускаясь и поднимаясь на горы, минуя сады и ограды, по новой, непонятной местности, нигде не сталкиваясь с неприятелем. Напротив того, то впереди, то сзади, со всех сторон, солдаты узнавали, что идут по тому же направлению наши русские колонны. Каждому солдату приятно становилось на душе оттого, что он знал, что туда же, куда он идет, то есть неизвестно куда, идет еще много, много наших.

– Ишь ты, и курские прошли, – говорили в рядах.

– Страсть, братец ты мой, что войски нашей собралось! Вечор посмотрел, как огни разложили, конца краю не видать. Москва, – одно слово!

Хотя никто из колонных начальников не подъезжал к рядам и не говорил с солдатами (колонные начальники, как мы видели на военном совете, были не в духе и недовольны предпринимаемым делом и потому только исполняли приказания и не заботились о том, чтобы повеселить солдат), несмотря на то, солдаты шли весело, как и всегда, идя в дело, в особен-

ности в наступательное. Но, пройдя около часу всё в густом тумане, большая часть войска должна была остановиться, и по рядам пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины. Каким образом передается это сознание, – весьма трудно определить; но несомненно то, что оно передается необыкновенно-верно и быстро разливается, незаметно и неудержимо, как вода по ложине. Ежели бы русское войско было одно, без союзников, то, может быть, еще прошло бы много времени, пока это сознание беспорядка сделалось бы общею уверенностью; но теперь, с особенным удовольствием и естественностью относя причину беспорядков к бестолковым немцам, все убедились в том, что происходит вредная путаница, которую наделали колбасники.

– Что стали-то? Аль загородили? Или уж на француза наткнулись?

– Нет не слышать. А то палить бы стал.

– То-то торопили выступать, а выступили – стали без толку посереде поля, – всё немцы проклятые путают. Эки черти бестолковые!

– То-то я бы их и пустил наперед. А то, небось, позади жмутся. Вот и стой теперь не евши.

– Да что, скоро ли там? Кавалерия, говорят, дорогу загородила, – говорил офицер.

– Эх, немцы проклятые, своей земли не знают, – говорил другой.

– Вы какой дивизии? – кричал, подъезжая, адъютант.

– Осьмнадцатой.

– Так зачем же вы здесь? вам давно бы впереди должно быть, теперь до вечера не пройдете.

– Вот распоряжения-то дурацкие; сами не знают, что делают, – говорил офицер и отъезжал.

Потом проезжал генерал и сердито не по-русски кричал что-то.

– Тафа-лафа, а что бормочет, ничего не разберешь, – говорил солдат, передразнивая отъехавшего генерала. – Расстрелял бы я их, подлецов!

– В девятом часу велено на месте быть, а мы и половины не прошли. Вот так распоряжения! – повторялось с разных сторон.

И чувство энергии, с которым выступали в дело войска, начало обращаться в досаду и в злобу на бестолковые распоряжения и на немцев.

Причина путаницы заключалась в том, что во время движения австрийской кавалерии, шедшей на левом фланге, высшее начальство нашло, что наш центр слишком отдален от правого фланга, и всей кавалерии велено было перейти на правую сторону. Несколько тысяч кавалерии продвигалось перед пехотой, и пехота должна была ждать.

Впереди произошло столкновение между австрийским колонновожатым и русским генералом. Русский генерал кричал, требуя, чтоб остановлена была конница; австриец доказывал, что виноват был не он, а высшее начальство. Войска между тем стояли, скучая и падая духом. После часовой задержки войска двинулись, наконец, дальше и стали спускаться под гору. Туман, расходившийся на горе, только гуще расстился в низах, куда спустились войска. Впереди, в тумане, раздался один, другой выстрел, сначала нескладно в разных промежутках: тратта... тат, и потом всё складнее и чаще, и завязалось дело над речкою Гольдбахом.

Не рассчитывая встретить внизу над речкою неприятеля и нечаянно в тумане наткнувшись на него, не слыша слова одушевления от высших начальников, с распространившимся по войскам сознанием, что было опоздано, и, главное, в густом тумане не видя ничего впереди и кругом себя, русские лениво и медленно перестреливались с неприятелем, подвигались вперед и опять останавливались, не получая во-время приказаний от начальников и адъютантов, которые блудили по туману в незнакомой местности, не находя своих частей войск. Так началось дело для первой, второй и третьей колонны, которые спустились вниз. Четвертая колонна, при которой находился сам Кутузов, стояла на Праценских высотах.

В низах, где началось дело, был всё еще густой туман, наверху прояснело, но всё не видно было ничего из того, что происходило впереди. Были ли все силы неприятеля, как мы предполагали, за десять верст от нас или он был тут, в этой черте тумана, – никто не знал до девятого часа.

Было 9 часов утра. Туман сплошным морем расстился по низу, но при деревне Шлапанице, на высоте, на которой стоял Наполеон, окруженный своими маршалами, было совершенно светло. Над ним было ясное, голубое небо, и огромный шар солнца, как огромный пустотелый багровый поплавок, колыхался на поверхности молочного моря тумана. Не только все французские войска, но сам Наполеон со штабом находился не по ту сторону ручьев и низов деревень Сокольников и Шлапаниц, за которыми мы намеревались занять позицию и начать дело, но по эту сторону, так близко от наших войск, что Наполеон простым глазом мог в нашем войске отличать конного от пешего. Наполеон стоял несколько впереди своих маршалов на маленькой серой арабской лошади, в синей шинели, в той самой, в которой он делал итальянскую кампанию. Он молча вглядывался в холмы, которые как бы выступали из моря тумана и по которым вдалеке двигались русские войска, и прислушивался к звукам стрельбы в долине. В то время еще худое лицо его не шевелилось ни одним мускулом; блестящие глаза были неподвижно устремлены на одно место. Его предположения оказались верными. Русские войска частью уже спустились в долину к прудам и озерам, частью очищали те Праценские высоты, которые он намерен был атаковать и считал ключом позиции. Он видел среди тумана, как в углублении, составляемом двумя горами около деревни Прац, всё по одному направлению к долинам двигались, блестя штыками, русские колонны и одна за другою скрывались в море тумана. По сведениям, полученным им с вечера, по звукам колес и шагов, слышанным ночью на аванпостах, по беспорядочности движения русских колонн, по всем предположениям он ясно видел, что союзники считали его далеко впереди себя, что колонны, двигавшиеся близ Працена, составляли центр русской армии, и что центр уже достаточно ослаблен для того, чтобы успешно атаковать его. Но он всё еще не начинал дела.

Нынче был для него торжественный день – годовщина его коронования. Перед утром он задремал на несколько часов и здоровый, веселый, свежий, в том счастливом расположении духа, в котором всё кажется возможным и всё удастся, сел на лошадь и выехал в поле. Он стоял неподвижно, глядя на виднеющиеся из-за тумана высоты, и на холодном лице его был тот особый оттенок самоуверенного, заслуженного счастья, который бывает на лице влюбленного и счастливого мальчика. Маршалы стояли позади его и не смели отвлекать его внимание. Он смотрел то на Праценские высоты, то на выплывавшее из тумана солнце.

Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой, белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело. Маршалы, сопровождаемые адъютантами, поскакали в разные стороны, и через несколько минут быстро двинулись главные силы французской армии к тем Праценским высотам, которые всё более и более очищались русскими войсками, спускавшимися налево в долину.

XV.

В 8 часов Кутузов выехал верхом к Працу, впереди 4-й Милорадовичевской колонны, той, которая должна была занять места колонн Пржебышевского и Ланжерона, спустившихся уже вниз. Он поздоровался с людьми переднего полка и отдал приказание к движению, показывая тем, что он сам намерен был вести эту колонну. Выехав к деревне Прац, он остановился. Князь Андрей, в числе огромного количества лиц, составлявших свиту главнокомандующего, стоял позади его. Князь Андрей чувствовал себя взволнованным, раздраженным и вместе с тем сдержанно спокойным, каким бывает человек при наступлении давно желанной минуты.

Он твердо был уверен, что нынче был день его Тулона или его Аркольского моста. Как это случится, он не знал, но он твердо был уверен, что это будет. Местность и положение наших войск были ему известны, насколько они могли быть известны кому-нибудь из нашей армии. Его собственный стратегический план, который, очевидно, теперь и думать нечего было привести в исполнение, был им забыт. Теперь, уже входя в план Вейротера, князь Андрей обдумывал могущие произойти случайности и делал новые соображения, такие, в которых могли бы потребоваться его быстрота соображения и решительность.

Налево внизу, в тумане, слышалась перестрелка между невидными войсками. Там, казалось князю Андрею, сосредоточится сражение, там встретится препятствие, и «туда-то я буду послан, – думал он, – с бригадой или дивизией, и там-то с знаменем в руке я пойду вперед и сломя всё, что будет передо мной».

Князь Андрей не мог равнодушно смотреть на знамена проходивших батальонов. Глядя на знамя, ему всё думалось: может быть, это то самое знамя, с которым мне придется идти впереди войск.

Ночной туман к утру оставил на высотах только иней, переходивший в росу, в лощинах же туман расстился еще молочно-белым морем. Ничего не было видно в той лощине налево, куда спустились наши войска и откуда долетали звуки стрельбы. Над высотами было темное, ясное небо, и направо огромный шар солнца. Впереди, далеко, на том берегу туманного моря, виднелись выступающие лесистые холмы, на которых должна была быть неприятельская армия, и виднелось что-то. Вправо вступала в область тумана гвардия, звучащая топотом и колесами и изредка блестящая штыками; налево, за деревней, такие же массы кавалерии подходили и скрывались в море тумана. Спереди и сзади двигалась пехота. Главнокомандующий стоял на выезде деревни, пропуская мимо себя войска. Кутузов в это утро казался изнуренным и раздражительным. Шедшая мимо его пехота остановилась без приказанья, очевидно, потому, что впереди что-нибудь задержало ее.

– Да скажите же, наконец, чтобы строились в батальонные колонны и шли в обход деревни, – сердито сказал Кутузов подъехавшему генералу. – Как же вы не поймете, ваше превосходительство, милостивый государь, что растянуться по этому дефилею улицы деревни нельзя, когда мы идем против неприятеля.

– Я предполагал построиться за деревней, ваше высокопревосходительство, – отвечал генерал.

Кутузов желчно засмеялся.

– Хороши вы будете, развертывая фронт в виду неприятеля, очень хороши.

– Неприятель еще далеко, ваше высокопревосходительство. По диспозиции...

– Диспозиция, – желчно вскрикнул Кутузов, – а это вам кто сказал?... Извольте делать, что вам приказывают.

– Слушаю-с.

– Mon cher, – сказал шопотом князю Андрею Несвицкий, – le vieux est d'une humeur de chien.³⁸³

К Кутузову подскакал австрийский офицер с зеленым плюмажем на шляпе, в белом мундире, и спросил от имени императора: выступила ли в дело четвертая колонна?

Кутузов, не отвечая ему, отвернулся, и взгляд его нечаянно попал на князя Андрея, стоявшего подле него. Увидав Болконского, Кутузов смягчил злое и едкое выражение взгляда, как бы сознавая, что его адъютант не был виноват в том, что делалось. И, не отвечая австрийскому адъютанту, он обратился к Болконскому;

³⁸³ Ну, любезный, – старик сильно не в духе.

– Allez voir, mon cher, si la troisième division a dépassé le village. Dites-lui de s'arrêter et d'attendre mes ordres.³⁸⁴

Только что князь Андрей отъехал, он остановил его.

– Et demandez-lui, si les tirailleurs sont postés, – прибавил он. – Ce qu'ils font, ce qu'ils font!³⁸⁵
– проговорил он про себя, все не отвечая австрийцу.

Князь Андрей поскакал исполнять поручение.

Обогнав все шедшие впереди батальоны, он остановил 3-ю дивизию и убедился, что, действительно, впереди наших колонн не было стрелковой цепи. Полковой командир бывшего впереди полка был очень удивлен переданным ему от главнокомандующего приказанием рассыпать стрелков. Полковой командир стоял тут в полной уверенности, что впереди его есть еще войска, и что неприятель не может быть ближе 10-ти верст. Действительно, впереди ничего не было видно, кроме пустынной местности, склоняющейся вперед и застланной густым туманом. Приказав от имени главнокомандующего исполнить упущенное, князь Андрей поскакал назад. Кутузов стоял всё на том же месте и, старчески опустившись на седле своим тучным телом, тяжело зевал, закрывши глаза. Войска уже не двигались, а стояли ружья к ноге.

– Хорошо, хорошо, – сказал он князю Андрею и обратился к генералу, который с часами в руках говорил, что пора бы двигаться, так как все колонны с левого фланга уже спустились.

– Еще успеем, ваше превосходительство, – сквозь зевоту проговорил Кутузов. – Успеем! – повторил он.

В это время позади Кутузова слышались вдали звуки здоровающихся полков и голоса эти стали быстро приближаться по всему протяжении растянувшейся линии наступавших русских колонн. Видно было, что тот, с кем здоровались, ехал скоро. Когда закричали солдаты того полка, перед которым стоял Кутузов, он отъехал несколько в сторону и сморщившись оглянулся. По дороге из Працена скакал как бы эскадрон разноцветных всадников. Два из них крупным галопом скакали рядом впереди остальных. Один был в черном мундире с белым султаном на рыжей англизированной лошади, другой в белом мундире на вороной лошади. Это были два императора со свитой. Кутузов, с аффектацией служаки, находящегося во фронте, скомандовал «смирно» стоявшим войскам и, салютуя, подъехал к императору. Вся его фигура и манера вдруг изменились. Он принял вид подначальственного, нерассуждающего человека. Он с аффектацией почтительности, которая, очевидно, неприятно поразила императора Александра, подъехал и салютовал ему.

Неприятное впечатление, только как остатки тумана на ясном небе, пробежало по молодому и счастливому лицу императора и исчезло. Он был, после нездоровья, несколько худее в этот день, чем на ольмюцком поле, где его в первый раз за границей видел Болконский; но то же обворожительное соединение величавости и кротости было в его прекрасных, серых глазах, и на тонких губах та же возможность разнообразных выражений и преобладающее выражение благодушной, невинной молодости.

На ольмюцком смотре он был величавее, здесь он был веселее и энергичнее. Он несколько раздумывая, прогалопировал эти три версты, и, остановив лошадь, отдохновенно вздохнул и оглянулся на такие же молодые, такие же оживленные, как и его, лица своей свиты. Чарторижский и Новосильцев, и князь Волконский, и Строганов, и другие, все богато одетые, веселые, молодые люди, на прекрасных, выхоленных, свежих, только что вспотевших лошадях, переговариваясь и улыбаясь, остановились позади государя. Император Франц, румяный длиннолицый молодой человек, чрезвычайно прямо сидел на красивом вороном жеребце и озабоченно и неторопливо оглядывался вокруг себя. Он подозревал одного из своих

³⁸⁴ Ступайте, мой милый, посмотрите, прошла ли третья дивизия через деревню. Велите ей остановиться и ждать моего приказа.

³⁸⁵ И спросите, поставлены ли застрельщики. – Что делают, что делают!

белых адъютантов и спросил что-то. «Верно, в котором часу они выехали», подумал князь Андрей, наблюдая своего старого знакомого, с улыбкой, которой он не мог удержать, вспоминая свою аудиенцию. В свите императоров были отобранные молодцы-ординарцы, русские и австрийские, гвардейских и армейских полков. Между ними велись берейторами в расшитых попонах красивые запасные царские лошади.

Как будто через растворенное окно вдруг пахнуло свежим полевым воздухом в душную комнату, так пахнуло на невеселый Кутузовский штаб молодостью, энергией и уверенностью в успехе от этой прискакавшей блестящей молодежи.

– Что ж вы не начинаете, Михаил Ларионович? – поспешно обратился император Александр к Кутузову, в то же время учтиво взглянув на императора Франца.

– Я поджидаю, ваше величество, – отвечал Кутузов, почтительно наклоняясь вперед.

Император пригнул ухо, слегка нахмурясь и показывая, что он не расслышал.

– Поджидаю, ваше величество, – повторил Кутузов (князь Андрей заметил, что у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа, в то время как он говорил это «поджидаю»). – Не все колонны еще собрались, ваше величество.

Государь расслышал, но ответ этот, видимо, не понравился ему; он пожал сутуловатыми плечами, взглянул на Новосильцова, стоявшего подле, как будто взглядом этим жалуясь на Кутузова.

– Ведь мы не на Царицыном лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки, – сказал государь, снова взглянул в глаза императору Францу, как бы приглашая его, если не принять участие, то прислушаться к тому, что он говорит; но император Франц, продолжая оглядываться, не слушал.

– Потому и не начинаю, государь, – сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло. – Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде, и не на Царицыном лугу, – выговорил он ясно и отчетливо.

В свите государя на всех лицах, мгновенно переглянувшихся друг с другом, выразился ропот и упрек. «Как он ни стар, он не должен бы, никак не должен бы говорить этак», выразили эти лица.

Государь пристально и внимательно посмотрел в глаза Кутузову, ожидая, не скажет ли он еще чего. Но Кутузов, с своей стороны, почтительно нагнув голову, тоже, казалось, ожидал. Молчание продолжалось около минуты.

– Впрочем, если прикажете, ваше величество, – сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала.

Он тронул лошадь и, подозревая к себе начальника колонны Милорадовича, передал ему приказание к наступлению.

Войско опять зашевелилось, и два батальона Новгородского полка и батальон Апшеронского полка тронулись вперед мимо государя.

В то время как проходил этот Апшеронский батальон, румяный Милорадович, без шинели, в мундире и орденах и со шляпой с огромным султаном, надетою набекрень и с поля, марш-марш выскакал вперед и, молодецки салютуя, осадил лошадь перед государем.

– С Богом, генерал, – сказал ему государь.

– *Ma foi, sire, nous ferons ce que qui sera dans notre possibilité, sire,*³⁸⁶ – отвечал он весело, тем не менее вызывая насмешливую улыбку у господ свиты государя своим дурным французским выговором.

³⁸⁶ Ваше величество, мы сделаем все, что будет возможно сделать, ваше величество,

Милорадович круто повернул свою лошадь и стал несколько позади государя. Апшеронцы, возбуждаемые присутствием государя, молодецким, бойким шагом отбивая ногу, проходили мимо императоров и их свиты.

– Ребята! – крикнул громким, самоуверенным и веселым голосом Милорадович, видимо, до такой степени возбужденный звуками стрельбы, ожиданием сражения и видом молодцов-апшеронцев, еще своих суворовских товарищей, бойко проходивших мимо императоров, что забыл о присутствии государя. – Ребята, вам не первую деревню брать! – крикнул он.

– Рады стараться! – прокричали солдаты.

Лошадь государя шарахнулась от неожиданного крика. Лошадь эта, носившая государя еще на смотрах в России, здесь, на Аустерлицком поле, несла своего седока, выдерживая его рассеянные удары левою ногой, настораживала уши от звуков выстрелов, точно так же, как она делала это на Марсовом поле, не понимая значения ни этих слышавшихся выстрелов, ни соседства вороного жеребца императора Франца, ни всего того, что говорил, думал, чувствовал в этот день тот, кто ехал на ней.

Государь с улыбкой обратился к одному из своих приближенных, указывая на молодцов-апшеронцев, и что-то сказал ему.

XVI.

Кутузов, сопровождаемый своими адъютантами, поехал шагом за карабинерами.

Проехав с полверсты в хвосте колонны, он остановился у одинокого заброшенного дома (вероятно, бывшего трактира) подле разветвления двух дорог. Обе дорога спускались под гору, и по обеим шли войска.

Туман начинал расходиться, и неопределенно, верстах в двух расстояния, виднелись уже неприятельские войска на противоположных возвышенностях. Налево внизу стрельба становилась слышнее. Кутузов остановился, разговаривая с австрийским генералом. Князь Андрей, стоя несколько позади, вглядывался в них и, желая попросить зрительную трубу у адъютанта, обратился к нему.

– Посмотрите, посмотрите, – говорил этот адъютант, глядя не на дальнее войско, а вниз по горе перед собой. – Это французы!

Два генерала и адъютанты стали хвататься за трубу, вырывая ее один у другого. Все лица вдруг изменились, и на всех выразился ужас. Французов предполагали за две версты от нас, а они явились вдруг, неожиданно перед нами.

– Это неприятель?... Нет!... Да, смотрите, он... наверное... Что ж это? – слышались голоса.

Князь Андрей простым глазом увидал внизу направо поднимающуюся навстречу апшеронцам густую колонну французов, не дальше пятисот шагов от того места, где стоял Кутузов.

«Вот она, наступила решительная минута! Дошло до меня дело», подумал князь Андрей, и ударив лошадь, подъехал к Кутузову.

– Надо остановить апшеронцев, – закричал он, – ваше высокопревосходительство!

Но в тот же миг всё застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и наивно испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «ну, братцы, шабаш!» И как будто голос этот был команда. По этому голосу всё бросилось бежать.

Смешанные, всё увеличивающиеся толпы бежали назад к тому месту, где пять минут тому назад войска проходили мимо императоров. Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой. Болконский только старался не отставать от нее и оглядывался, недоумевая и не в силах понять того, что делалось перед ним. Несвицкий с озлобленным видом, красный и на себя не похожий, кричал Кутузову, что ежели

он не уедет сейчас, он будет взят в плен наверное. Кутузов стоял на том же месте и, не отвечая, доставал платок. Из щеки его текла кровь. Князь Андрей протеснился до него.

– Вы ранены? – спросил он, едва удерживая дрожание нижней челюсти.

– Рана не здесь, а вот где! – сказал Кутузов, прижимая платок к раненой щеке и указывая на бегущих.

– Остановите их! – крикнул он и в то же время, вероятно убедясь, что невозможно было их остановить, ударил лошадь и поехал вправо.

Вновь нахлынувшая толпа бегущих захватила его с собой и повлекла назад.

Войска бежали такою густою толпою, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться. Кто кричал: «Пошел! что замешкался?» Кто тут же, оборачиваясь, стрелял в воздух; кто бил лошадь, на которой ехал сам Кутузов. С величайшим усилием выбравшись из потока толпы влево, Кутузов со свитой, уменьшенною более чем вдвое, поехал на звуки близких орудийных выстрелов. Выбравшись из толпы бегущих, князь Андрей, стараясь не отставать от Кутузова, увидел на спуске горы, в дыму, еще стрелявшую русскую батарею и подбегающих к ней французов. Повыше стояла русская пехота, не двигаясь ни вперед на помощь батарее, ни назад по одному направлению с бегущими. Генерал верхом отделился от этой пехоты и подъехал к Кутузову. Из свиты Кутузова осталось только четыре человека. Все были бледны и молча переглядывались.

– Остановите этих мерзавцев! – задыхаясь, проговорил Кутузов полковому командиру, указывая на бегущих; но в то же мгновение, как будто в наказание за эти слова, как рой птичек, со свистом пролетели пули по полку и свите Кутузова.

Французы атаковали батарею и, увидав Кутузова, выстрелили по нем. С этим залпом полковой командир схватился за ногу; упало несколько солдат, и подпрапорщик, стоявший с знаменем, выпустил его из рук; знамя зашаталось и упало, задержавшись на ружьях соседних солдат. Солдаты без команды стали стрелять.

– Ооох! – с выражением отчаяния промычал Кутузов и оглянулся. – Болконский, – прошептал он дрожащим от сознания своего старческого бессилия голосом. – Болконский, – прошептал он, указывая на расстроенный батальон и на неприятеля, – что ж это?

Но прежде чем он договорил это слово, князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

– Ребята, вперед! – крикнул он детски-пронзительно.

«Вот оно!» думал князь Андрей, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, очевидно, направленных именно против него. Несколько солдат упало.

– Ура! – закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя, и побежал вперед с несомненною уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, он пробежал один только несколько шагов. Тронулся один, другой солдат, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперед и обогнал его. Унтер-офицер батальона, подбежав взял колебавшееся от тяжести в руках князя Андрея знамя, но тотчас же был убит. Князь Андрей опять схватил знамя и, волоча его за древко, бежал с батальоном. Впереди себя он видел наших артиллеристов, из которых одни дрались, другие бросали пушки и бежали к нему навстречу; он видел и французских пехотных солдат, которые хватали артиллерийских лошадей и поворачивали пушки. Князь Андрей с батальоном уже был в 20-ти шагах от орудий. Он слышал над собою неперестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них; он вглядывался только в то, что происходило впереди его – на батарее. Он ясно видел уже одну фигуру рыжего артиллериста с сбитым на бок кивером, тянущего с одной стороны банник, тогда как французский солдат тянул банник к себе за другую сторону. Князь Андрей видел уже ясно растерянное и вместе озлобленное выражение лиц этих двух людей, видимо, не понимавших того, что они делали.

«Что́ они делают? – думал князь Андрей, глядя на них: – зачем не бежит рыжий артиллерист, когда у него нет оружия? Зачем не колет его француз? Не успеет добежать, как француз вспомнит о ружье и заколет его».

Действительно, другой француз, с ружьем на-перевес подбежал к борющимся, и участь рыжего артиллериста, всё еще не понимавшего того, что́ ожидает его, и с торжеством выдержавшего банник, должна была решиться. Но князь Андрей не видал, чем это кончилось. Как бы со всего размаха крепкою палкой кто-то из ближайших солдат, как ему показалось, ударил его в голову. Немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его и мешала ему видеть то, на что́ он смотрел.

«Что́ это? я падаю? у меня ноги подкашиваются», подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба – высокого неба, не ясного, но всё-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! всё пустое, всё обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...»

XVII.

На правом фланге у Багратиона в 9 часов дело еще не начиналось. Не желая согласиться на требование Долгорукова начинать дело и желая отклонить от себя ответственность, князь Багратион предложил Долгорукову послать спросить о том главнокомандующего. Багратион знал, что, по расстоянию почти 10-ти верст, отделявшему один фланг от другого, ежели не убьют того, кого пошлют (что́ было очень вероятно), и ежели он даже и найдет главнокомандующего, что́ было весьма трудно, посланный не успеет вернуться раньше вечера.

Багратион оглянул свою свиту своими большими, ничего невыражающими, невыспавшимися глазами, и невольно замиравшее от волнения и надежды детское лицо Ростова первое бросилось ему в глаза. Он послал его.

– А ежели я встречу его величество прежде, чем главнокомандующего, ваше сиятельство? – сказал Ростов, держа руку у козырька.

– Можете передать его величеству, – поспешно перебивая Багратиона, сказал Долгоруков.

Сменившись из цепи, Ростов успел соснуть несколько часов перед утром и чувствовал себя веселым, смелым, решительным, с тою упругостью движений, уверенностью в свое счастье и в том расположении духа, в котором всё кажется легко, весело и возможно.

Все желания его исполнялись в это утро; давалось генеральное сражение, он участвовал в нем; мало того, он был ординарцем при храбрейшем генерале; мало того, он ехал с поручением к Кутузову, а может быть, и к самому государю. Утро было ясное, лошадь под ним была добрая. На душе его было радостно и счастливо. Получив приказание, он пустил лошадь и поскакал вдоль по линии. Сначала он ехал по линии багратионовых войск, еще не вступавших в дело и стоявших неподвижно; потом он въехал в пространство, занимаемое кавалерией Уварова и здесь заметил уже передвижения и признаки приготовлений к делу; проехав кавалерию Уварова, он уже ясно услышал звуки пушечной и орудийной стрельбы впереди себя. Стрельба всё усиливалась.

В свежем, утреннем воздухе раздавались уже, не как прежде в неравные промежутки, по два, по три выстрела и потом один или два орудийных выстрела, а по скатам гор, впереди Працена, слышались перекаты ружейной пальбы, перебиваемой такими частыми выстрелами из орудий, что иногда несколько пушечных выстрелов уже не отделялись друг от друга, а сливались в один общий гул.

Видно было, как по скатам дымки ружей как будто бегали, догоняя друг друга, и как дымы орудий клубились, расплывались и сливались одни с другими. Видны были, по блеску штыков между дымом, двигавшиеся массы пехоты и узкие полосы артиллерии с зелеными ящиками.

Ростов на пригорке остановил на минуту лошадь, чтобы рассмотреть то, что делалось; но как он ни напрягал внимание, он ничего не мог ни понять, ни разобрать из того, что делалось: двигались там в дыму какие-то люди, двигались и спереди и сзади какие-то холсты войск; но зачем? кто? куда? нельзя было понять. Вид этот и звуки эти не только не возбуждали в нем какого-нибудь унылого или робкого чувства, но, напротив, придавали ему энергии и решительности.

«Ну, еще, еще наддай!» – обращался он мысленно к этим звукам и опять пускался скакать по линии, всё дальше и дальше проникая в область войск, уже вступивших в дело.

«Уж как это там будет, не знаю, а всё будет хорошо!» думал Ростов.

Проехав какие-то австрийские войска, Ростов заметил, что следующая за тем часть линии (это была гвардия) уже вступила в дело.

«Тем лучше! посмотрю вблизи», подумал он.

Он ехал почти по передней линии. Несколько всадников скакали по направлению к нему. Это были наши лейб-улань, которые расстроенными рядами возвращались из атаки. Ростов миновал их, заметил невольно одного из них в крови и поскакал дальше.

«Мне до этого дела нет!» подумал он. Не успел он проехать нескольких сот шагов после этого, как влево от него, наперерез ему, показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью шли прямо на него. Ростов пустил лошадь во весь скок, для того чтоб уехать с дороги от этих кавалеристов, и он бы уехал от них, ежели бы они шли всё тем же аллюром, но они всё прибавляли хода, так что некоторые лошади уже скакали. Ростову всё слышнее и слышнее становился их топот и бряцание их оружия и виднее становились их лошади, фигуры и даже лица. Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию, подвигавшуюся им навстречу.

Кавалергарды скакали, но еще удерживая лошадей. Ростов уже видел их лица и слышал команду: «марш, марш!» произнесенную офицером, выпустившим во весь мах свою кровную лошадь. Ростов, опасаясь быть раздавленным или завлеченным в атаку на французов, скакал вдоль фронта, что было мочи у его лошади, и всё-таки не успел миновать их.

Крайний кавалергард, огромный ростом рябой мужчина, злобно нахмурился, увидав перед собой Ростова, с которым он неминуемо должен был столкнуться. Этот кавалергард непременно сбил бы с ног Ростова с его Бедуином (Ростов сам себе казался таким маленьким и слабеньким в сравнении с этими громадными людьми и лошадьми), ежели бы он не догадался взмахнуть нагайкой в глаза кавалергардовой лошади. Вороная, тяжелая, пятивершковая лошадь шарахнулась, приложив уши; но рябой кавалергард всадил ей с размаху в бока огромные шпоры, и лошадь, взмахнув хвостом и вытянув шею, понеслась еще быстрее. Едва кавалергарды миновали Ростова, как он услышал их крик: «Ура!» и оглянувшись увидал, что передние ряды их смешивались с чужими, вероятно французскими, кавалеристами в красных эполетах. Дальше нельзя было ничего видеть, потому что тотчас же после этого откуда-то стали стрелять пушки, и всё застлалось дымом.

В ту минуту как кавалергарды, миновав его, скрылись в дыму, Ростов колебался, скакать ли ему за ними или ехать туда, куда ему нужно было. Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из

всей этой массы огромных красавцев-людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осмнадцать человек.

«Что мне завидовать, мое не уйдет, и я сейчас, может быть, увижу государя!» подумал Ростов и поскакал дальше.

Поровнявшись с гвардейскою пехотой, он заметил, что чрез нее и около нее летали ядры, не столько потому, что он слышал звук ядер, сколько потому, что на лицах солдат он увидал беспокойство и на лицах офицеров – неестественную, воинственную торжественность.

Проезжая позади одной из линий пехотных гвардейских полков, он услышал голос, называвший его по имени.

– Ростов!

– Что? – откликнулся он, не узнавая Бориса.

– Каково в первую линию попали! Наш полк в атаку ходил! – сказал Борис, улыбаясь тою счастливою улыбкой, которая бывает у молодых людей, в первый раз побывавших в огне.

Ростов остановился.

– Вот как! – сказал он. – Ну что?

– Отбили! – оживленно сказал Борис, сделавшийся болтливым. – Ты можешь себе представить?

И Борис стал рассказывать, каким образом гвардия, ставши на место и увидав перед собой войска, приняла их за австрийцев и вдруг по ядрам, пущенным из этих войск, узнала, что она в первой линии, и неожиданно должна была вступить в дело. Ростов, не дослушав Бориса, тронул свою лошадь.

– Ты куда? – спросил Борис.

– К его величеству с поручением.

– Вот он! – сказал Борис, которому послышалось, что Ростову нужно было «его высочество», вместо «его величества».

И он указал ему на великого князя, который в ста шагах от них, в каске и в кавалергардском колете, с своими поднятыми плечами и нахмуренными бровями, что-то кричал австрийскому белому и бледному офицеру.

– Да ведь это великий князь, а мне к главнокомандующему или к государю, – сказал Ростов и тронул было лошадь.

– Граф, граф! – кричал Берг, такой же оживленный, как и Борис, подбегая с другой стороны, – граф, я в правую руку ранен (говорил он, показывая кисть руки, окровавленную, обвязанную носовым платком) и остался во фронте. Граф, держу шпагу в левой руке: в нашей породе фон Бергов, граф, все были рыцари.

Берг еще что-то говорил, но Ростов, не дослушав его, уже поехал дальше.

Проехав гвардию и пустой промежуток, Ростов, для того чтобы не попасть опять в первую линию, как он попал под атаку кавалергардов, поехал по линии резервов, далеко объезжая то место, где слышалась самая жаркая стрельба и канонада. Вдруг впереди себя и позади наших войск, в таком месте, где он никак не мог предполагать неприятеля, он услышал близкую ружейную стрельбу.

«Что это может быть? – подумал Ростов. – Неприятель в тылу наших войск? Не может быть, – подумал Ростов, и ужас страха за себя и за исход всего сражения вдруг нашел на него. – Что бы это ни было, однако, – подумал он, – теперь уже нечего объезжать. Я должен искать главнокомандующего здесь, и ежели всё погибло, то и мое дело погибнуть со всеми вместе».

Дурное предчувствие, нашедшее вдруг на Ростова, подтверждалось всё более и более, чем дальше он въезжал в занятое толпами разнородных войск пространство, находящееся за деревнею Працом.

– Чтó такое? Чтó такое? По ком стреляют? Кто стреляет? – спрашивал Ростов, ровняясь с русскими и австрийскими солдатами, бежавшими перемешанными толпами наперерез его дороги.

– А чорт их знает? Всех побил! Пропадай всё! – отвечали ему по-русски, по-немецки и по-чешски толпы бегущих и непонимавших точно так же, как и он, того, чтó тут делалось.

– Бей немцев! – кричал один.

– А чорт их дери! – изменников.

– Zum Henker diese Russen!...³⁸⁷ – что-то ворчал немец.

Несколько раненых шли по дороге. Ругательства, крики, стоны сливались в один общий гул. Стрельба затихла и, как потом узнал Ростов, стреляли друг в друга русские и австрийские солдаты.

«Боже мой! чтó ж это такое? – думал Ростов. – И здесь, где всякую минуту государь может увидеть их... Но нет, это, верно, только несколько мерзавцев. Это пройдет, это не то, это не может быть, – думал он. – Только поскорее, поскорее проехать их!»

Мысль о поражении и бегстве не могла прийти в голову Ростову. Хотя он и видел французские орудия и войска именно на Праценской горе, на той самой, где ему велено было отыскивать главнокомандующего, он не мог и не хотел верить этому.

XVIII.

Около деревни Праца Ростову велено было искать Кутузова и государя. Но здесь не только не было их, но не было ни одного начальника, а были разнородные толпы расстроенных войск. Он погонял уставшую уже лошадь, чтобы скорее проехать эти толпы, но чем дальше он подвигался, тем толпы становились расстроеннее. По большой дороге, на которую он выехал, толпились коляски, экипажи всех сортов, русские и австрийские солдаты всех родов войск, раненые и не раненые. Всё это гудело и смешанно копошилось под мрачный звук летавших ядер с французских батарей, поставленных на Праценских высотах.

– Где государь? Где Кутузов? – спрашивал Ростов у всех, кого мог остановить, и ни от кого не мог получить ответа.

Наконец, ухватив за воротник солдата, он заставил его ответить себе.

– Э! брат! Уж давно все там, вперед удрали! – сказал Ростову солдат, смеясь чему-то и вырываясь.

Оставив этого солдата, который, очевидно, был пьян, Ростов остановил лошадь денщика или берейтора важного лица и стал расспрашивать его. Денщик объявил Ростову, что государя с час тому назад провезли во весь дух в карете по этой самой дороге, и что государь опасно ранен.

– Не может быть, – сказал Ростов, – верно, другой кто.

– Сам я видел, – сказал денщик с самоуверенною усмешкой. – Уж мне-то пора знать государя: кажется, сколько раз в Петербурге вот так-то видал. Бледный-пребледный в карете сидит. Четверню вороных как припустит, батюшки мои, мимо нас прогремел: пора, кажется, и царских лошадей и Илью Иваныча знать; кажется, с другим как с царем Илья кучер не ездит.

Ростов пустил его лошадь и хотел ехать дальше. Шедший мимо раненый офицер обратился к нему.

– Да вам кого нужно? – спросил офицер. – Главнокомандующего? Так убит ядром, в грудь убит при нашем полку.

– Не убит, ранен, – поправил другой офицер.

– Да кто? Кутузов? – спросил Ростов.

³⁸⁷ К чорту этих русских!..

– Не Кутузов, а как бишь его, – ну, да всё одно, живых не много осталось. Вон туда ступайте, вон к той деревне, там всё начальство собралось, – сказал этот офицер, указывая на деревню Гостиерадек, и прошел мимо.

Ростов ехал шагом, не зная, зачем и к кому он теперь поедет. Государь ранен, сражение проиграно. Нельзя было не верить этому теперь. Ростов ехал по тому направлению, которое ему указали и по которому виднелись вдалеке башня и церковь. Куда ему было торопиться? Что ему было теперь говорить государю или Кутузову, ежели бы даже они и были живы и не ранены?

– Этою дорогой, ваше благородие, поезжайте, а тут прямо убьют, – закричал ему солдат. – Тут убьют!

– О! что говоришь! сказал другой. – Куда он поедет? Тут ближе.

Ростов задумался и поехал именно по тому направлению, где ему говорили, что убьют.

«Теперь всё равно: уж ежели государь ранен, неужели мне беречь себя?» думал он. Он въехал в то пространство, на котором более всего погибло людей, бегущих с Працена. Французы еще не занимали этого места, а русские, те, которые были живы или ранены, давно оставили его. На поле, как копны на хорошей пашне, лежало человек десять, пятнадцать убитых, раненых на каждой десятине места. Раненые сползались по два, по три вместе, и слышались неприятные, иногда притворные, как казалось Ростову, их крики и стоны. Ростов пустил лошадь рысью, чтобы не видеть всех этих страдающих людей, и ему стало страшно. Он боялся не за свою жизнь, а за то мужество, которое ему нужно было и которое, он знал, не выдержит вида этих несчастных.

Французы, переставшие стрелять по этому, усеянному мертвыми и ранеными, полю, потому что уже никого на нем живого не было, увидав едущего по нем адъютанта, навёли на него оружие и бросили несколько ядер. Чувство этих свистящих, страшных звуков и окружающие мертвецы слились для Ростова в одно впечатление ужаса и сожаления к себе. Ему вспомнилось последнее письмо матери. «Что бы она почувствовала, – подумал он, – коль бы она видела меня теперь здесь, на этом поле и с направленными на меня орудиями».

В деревне Гостиерадеке были хотя и спутанные, но в бóльшем порядке русские войска, шедшие прочь с поля сражения. Сюда уже не доставали французские ядра, и звуки стрельбы казались далекими. Здесь все уже ясно видели и говорили, что сражение проиграно. К кому ни обращался Ростов, никто не мог сказать ему, ни где был государь, ни где был Кутузов. Одни говорили, что слух о ране государя справедлив, другие говорили, что нет, и объясняли этот ложный распространившийся слух тем, что, действительно, в карете государя проскакал назад с поля сражения бледный и испуганный обер-гофмаршал граф Толстой, выехавший с другими в свите императора на поле сражения. Один офицер сказал Ростову, что за деревней, налево, он видел кого-то из высшего начальства, и Ростов поехал туда, уже не надеясь найти кого-нибудь, но для того только, чтобы перед самим собою очистить свою совесть. Проехав версты три и миновав последние русские войска, Ростов увидел около огорода, окопанного канавой, двух стоявших против канавы всадников. Один, с белым султаном на шляпе, показался почему-то знакомым Ростову; другой, незнакомый всадник, на прекрасной рыжей лошади (лошадь эта показалась знакомою Ростову) подъехал к канаве, толкнул лошадь шпорами и, выпустив поводья, легко перепрыгнул через канаву огорода. Только земля осыпалась с насыпи от задних копыт лошади. Круто повернув лошадь, он опять назад перепрыгнул канаву и почтительно обратился к всаднику с белым султаном, очевидно, предлагая ему сделать то же. Всадник, которого фигура показалась знакома Ростову и почему-то невольно приковала к себе его внимание, сделал отрицательный жест головой и рукой, и по этому жесту Ростов мгновенно узнал своего оплакиваемого, обожаемого государя.

«Но это не мог быть он, один посреди этого пустого поля», подумал Ростов. В это время Александр повернул голову, и Ростов увидел так живо врезавшиеся в его памяти любимые

черты. Государь был бледен, щеки его впали и глаза ввалились; но тем больше прелести, кротости было в его чертах. Ростов был счастлив, убедившись в том, что слух о ране государя был несправедлив. Он был счастлив, что видел его. Он знал, что мог, даже должен был прямо обратиться к нему и передать то, что приказано было ему передать от Долгорукова.

Но как влюбленный юноша дрожит и млеет, не смея сказать того, о чем он мечтает ночи, и испуганно оглядывается, ища помощи или возможности отсрочки и бегства, когда наступила желанная минута, и он стоит наедине с ней, так и Ростов теперь, достигнув того, чего он желал больше всего на свете, не знал, как подступить к государю, и ему представлялись тысячи соображений, почему это было неудобно, неприлично и невозможно.

«Как! Я как будто рад случаю воспользоваться тем, что он один и в унынии. Ему неприятно и тяжело может показаться неизвестное лицо в эту минуту печали; потом, что я могу сказать ему теперь, когда при одном взгляде на него у меня замирает сердце и пересыхает во рту?» Ни одна из тех бесчисленных речей, которые он, обращая к государю, слагал в своем воображении, не приходила ему теперь в голову. Те речи большею частию держались совсем при других условиях, те говорились большею частию в минуты побед и торжеств и преимущественно на смертном одре от полученных ран, в то время как государь благодарил его за геройские поступки, и он, умирая, высказывал ему подтвержденную на деле любовь свою.

«Потом, что же я буду спрашивать государя об его приказаниях на правый фланг, когда уже теперь 4-й час вечера, и сражение проиграно? Нет, решительно я не должен подъезжать к нему, не должен нарушать его задумчивость. Лучше умереть тысячу раз, чем получить от него дурной взгляд, дурное мнение», решил Ростов и с грустью и с отчаянием в сердце поехал прочь, беспрестанно оглядываясь на всё еще стоявшего в том же положении нерешительности государя.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ

Графа Льва Толстаго,

ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1866.

Льва Толстаго.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТЪ ПЯТЫЙ

Льва
Толстаго

Обложка отдельного оттиска романа «Тысяча восемьсот пятый год».

В то время как Ростов делал эти соображения и печально отъезжал от государя, капитан фон-Толь случайно наехал на то же место и, увидав государя, прямо подъехал к нему, предложил ему свои услуги и помог перейти пешком через канаву. Государь, желая отдохнуть и чувствуя себя нездоровым, сел под яблочное дерево, и Толь остановился подле него. Ростов издали с завистью и раскаянием видел, как фон-Толь что-то долго и с жаром говорил государю, как государь, видимо, заплакав, закрыл глаза рукой и пожал руку Толю.

«И это я мог бы быть на его месте!» подумал про себя Ростов и, едва удерживая слезы сожаления об участи государя, в совершенном отчаянии поехал дальше, не зная, куда и зачем он теперь едет.

Его отчаяние было тем сильнее, что он чувствовал, что его собственная слабость была причиной его горя.

Он мог бы... не только мог бы, но он должен был подъехать к государю. И это был единственный случай показать государю свою преданность. И он не воспользовался им... «Что я наделал?» подумал он. И он повернул лошадь и поскакал назад к тому месту, где видел императора; но никого уже не было за канавой. Только ехали повозки и экипажи. От одного фурмана Ростов узнал, что Кутузовский штаб находится неподалеку в деревне, куда шли обозы. Ростов поехал за ними.

Впереди его шел берейтор Кутузова, ведя лошадей в пополах. За берейтором ехала повозка, и за повозкой шел старик дворовый, в картузе, полушубке и с кривыми ногами.

– Тит, а Тит! – сказал берейтор.

– Чего? – рассеянно отвечал старик.

– Тит! Ступай молотить.

– Э, дурак, тыфу! – сердито плюнув, сказал старик. Прошло несколько времени молчаливого движения, и повторилась опять та же шутка.

–

В пятом часу вечера сражение было проиграно на всех пунктах. Более ста орудий находилось уже во власти французов.

Пржебышевский с своим корпусом положил оружие. Другие колонны, растеряв около половины людей, отступали расстроенными, перемешанными толпами.

Остатки войск Ланжерона и Дохтурова, смешавшись, теснились около прудов на плотинах и берегах у деревни Аугеста.

В 6-м часу только у плотины Аугеста еще слышалась жаркая канонада одних французов, выстроивших многочисленные батареи на спуске Праценских высот и бывших по нашим отступающим войскам.

В арьергарде Дохтуров и другие, собирая батальоны, отстреливались от французской кавалерии, преследовавшей наших. Начинало смеркаться. На узкой плотине Аугеста, на которой столько лет мирно сиживал в колпаке старичок-мельник с удочками, в то время как внук его, засучив рукава рубашки, перебирал в лейке серебряную трепещущую рыбу; на этой плотине, по которой столько лет мирно проезжали на своих парных возах, нагруженных пшеницей, в мохнатых шапках и синих куртках моравы и уезжали по той же плотине, запыленные мукой, с белыми возами – на этой узкой плотине теперь между фурами и пушками, под лошадьми и между колес толпились обезображенные страхом смерти люди, давя друг друга, умирая, шагая через умирающих и убивая друг друга для того только, чтобы, пройдя несколько шагов, быть точно так же убитыми.

Каждые десять секунд, нагнетая воздух, шлепало ядро или разрывалась граната в середине этой густой толпы, убивая и обрызгивая кровью тех, которые стояли близко. Долохов, раненый в руку, пешком с десятком солдат своей роты (он был уже офицер) и его полковой коман-

дир, верхом, представляли из себя остатки всего полка. Влекомые толпой, они втеснились во вход к плотине и, сжатые со всех сторон, остановились, потому что впереди упала лошадь под пушкой, и толпа вытаскивала ее. Одно ядро убило кого-то сзади их, другое ударилось впереди и забрызгало кровью Долохова. Толпа отчаянно надвинулась, сжалась, тронулась несколько шагов и опять остановилась.

«Пройти эти сто шагов и, наверное, спасен; простоять еще две минуты, и погиб, наверное», думал каждый.

Долохов, стоявший в середине толпы, рванулся к краю плотины, сбив с ног двух солдат, и сбежал на склизкий лед, покрывший пруд.

– Сворачивай! – закричал он, подпрыгивая по льду, который трещал под ним, – сворачивай! – кричал он на оружие. – Держит!...

Лед держал его, но гнулся и трещал, и очевидно было, что не только под оружием или толпой народа, но под ним одним он сейчас рухнет. На него смотрели и жались к берегу, не решаясь еще ступить на лед. Командир полка, стоявший верхом у въезда, поднял руку и раскрыл рот, обращаясь к Долохову. Вдруг одно из ядер так низко засвистело над толпой, что все нагнулись. Что-то шлепнулось в мокрое, и генерал упал с лошадью в лужу крови. Никто не взглянул на генерала, не подумал поднять его.

– Пошел на лед! пошел по льду! Пошел! вороти! аль не слышишь! Пошел! – вдруг после ядра, попавшего в генерала, послышались бесчисленные голоса, сами не зная, что и зачем кричавшие.

Одно из задних орудий, вступавшее на плотину, своротило на лед. Толпы солдат с плотины стали сбегать на замерзший пруд. Под одним из передних солдат треснул лед, и одна нога ушла в воду; он хотел оправиться и провалился по пояс. Ближайшие солдаты замялись, орудийный ездовой остановил свою лошадь, но сзади всё еще слышались крики: «Пошел на лед, что стал, пошел! пошел!» И крики ужаса послышались в толпе. Солдаты, окружавшие оружие, махали на лошадей и били их, чтоб они сворачивали и подвигались. Лошади тронулись с берега. Лед, державший пеших, рухнул огромным куском, и человек сорок, бывших на льду, бросились кто вперед, кто назад, потопляя один другого.

Ядра всё так же равномерно свистели и шлепались на лед, в воду и чаще всего в толпу, покрывавшую плотину, пруды и берег.

XIX.

На Праценской горе, на том самом месте, где он упал с древком знамени в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном.

К вечеру он перестал стонать и совершенно затих. Он не знал, как долго продолжалось его забытьё. Вдруг он опять почувствовал себя живым и страдающим от жгучей и разрывающей что-то боли в голове.

«Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче?» было первую его мыслью. «И страдания этого я не знал также, – подумал он. – Да, я ничего, ничего не знал до сих пор. Но где я?»

Он стал прислушиваться и услышал звуки приближающегося топота лошадей и звуки голосов, говоривших по-французски. Он раскрыл глаза. Над ним было опять всё то же высокое небо с еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которые виднелась синеватая бесконечность. Он не поворачивал головы и не видал тех, которые, судя по звуку копыт и голосов, подъехали к нему и остановились.

Подъехавшие верховые были Наполеон, сопровождаемый двумя адъютантами. Бонапарте, объезжая поле сражения, отдавал последние приказания об усилении батарей, стреляющих по плотине Аугеста, и рассматривал убитых и раненых, оставшихся на поле сражения.

– *De beaux hommes!*³⁸⁸ – сказал Наполеон, глядя на убитого русского гренадера, который с уткнутом в землю лицом и почернелым затылком лежал на животе, откинув далеко одну уже закоченевшую руку.

– *Les munitions des pièces de position sont épuisées, sire*³⁸⁹ – сказал в это время адъютант, приехавший с батарей, стрелявших по Аугесту.

– *Faites avancer celles de la réserve,*³⁹⁰ – сказал Наполеон, и, отъехав несколько шагов, он остановился над князем Андреем, лежавшим навзничь с брошенным подле него древком знамени (знамя уже, как трофей, было взято французами).

– *Voilà une belle mort,*³⁹¹ – сказал Наполеон, глядя на Болконского.

Князь Андрей понял, что это было сказано о нем, и что говорит это Наполеон. Он слышал, как называли *sire*³⁹² того, кто сказал эти слова. Но он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи. Он не только не интересовался ими, но он и не заметил, а тотчас же забыл их. Ему жгло голову; он чувствовал, что он исходит кровью, и он видел над собою далекое, высокое и вечное небо. Он знал, что это был Наполеон – его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками. Ему было совершенно всё равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорил о нем; он рад был только тому, что остановились над ним люди, и желал только, чтоб эти люди помогли ему и возвратили бы его к жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь. Он собрал все свои силы, чтобы пошевелиться и произвести какой-нибудь звук. Он слабо пошевелил ногою и произвел самого его разжалобивший, слабый, болезненный стон.

– А! он жив, – сказал Наполеон. – Поднять этого молодого человека, *se jeune homme*, и снести на перевязочный пункт!

Сказав это, Наполеон поехал дальше навстречу к маршалу Лану, который, сняв шляпу, улыбаясь и поздравляя с победой, подъезжал к императору.

Князь Андрей не помнил ничего дальше: он потерял сознание от страшной боли, которую причинили ему укладывание на носилки, толчки во время движения и сондирование раны на перевязочном пункте. Он очнулся уже только в конце дня, когда его, соединив с другими русскими ранеными и пленными офицерами, понесли в госпиталь. На этом передвижении он чувствовал себя несколько свежее и мог оглядываться и даже говорить.

Первые слова, которые он услышал, когда очнулся, – были слова французского конвойного офицера, который поспешно говорил:

– Надо здесь остановиться: император сейчас проедет; ему доставит удовольствие видеть этих пленных господ.

– Нынче так много пленных, чуть не вся русская армия, что ему, вероятно, это наскучило, – сказал другой офицер.

– Ну, однако! Этот, говорят, командир всей гвардии императора Александра, – сказал первый, указывая на раненого русского офицера в белом кавалергардском мундире.

³⁸⁸ Славный народ!

³⁸⁹ Батарейных зарядов больше нет, ваше величество!

³⁹⁰ Велите привезти из резервов,

³⁹¹ Вот прекрасная смерть,

³⁹² «ваше величество»

Болконский узнал князя Репнина, которого он встречал в петербургском свете. Рядом с ним стоял другой, 19-ти-летний мальчик, тоже раненый кавалергардский офицер.

Бонапарте, подъехав галопом, остановил лошадь.

– Кто старший? – сказал он, увидав пленных.

Назвали полковника, князя Репнина.

– Вы командир кавалергардского полка императора Александра? – спросил Наполеон.

– Я командовал эскадроном, – отвечал Репнин.

– Ваш полк честно исполнил долг свой, – сказал Наполеон.

– Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату, – сказал Репнин.

– С удовольствием отдаю ее вам, – сказал Наполеон. – Кто этот молодой человек подле вас?

Князь Репнин назвал поручика Сухтелена.

Посмотрев на него, Наполеон сказал, улыбаясь:

– Il est venu bien jeune se froter à nous.³⁹³

– Молодость не мешает быть храбрым, – проговорил обрывающимся голосом Сухтелен.

– Прекрасный ответ, – сказал Наполеон; молодой человек, вы далеко пойдете!

Князь Андрей, для полноты трофея пленников выставленный также вперед, на глаза императору, не мог не привлечь его внимания. Наполеон, видимо, вспомнил, что он видел его на поле и, обращаясь к нему, употребил то самое наименование молодого человека – *jeune homme*, под которым Болконский в первый раз отразился в его памяти.

– Et vous, jeune homme? Ну, а вы, молодой человек? – обратился он к нему, – как вы себя чувствуете, mon brave?

Несмотря на то, что за пять минут перед этим князь Андрей мог сказать несколько слов солдатам, переносившим его, он теперь, прямо устремив свои глаза на Наполеона, молчал... Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял, – что он не мог отвечать ему.

Да и всё казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нем ослабление сил от истекшей крови, страдание и близкое ожидание смерти. Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих.

Император, не дождавшись ответа, отвернулся и, отъезжая, обратился к одному из начальников:

– Пусть позаботятся об этих господах и свезут их в мой бивуак: пускай мой доктор Ларрей осмотрит их раны. До свидания, князь Репнин, – и он, тронув лошадь, галопом поехал дальше.

На лице его было сиянье самодовольства и счастья.

Солдаты, принесшие князя Андрея и снявшие с него попавшийся им золотой образок, навешенный на брата княжною Марьею, увидав ласковость, с которою обращался император с пленными, поспешили возвратить образок.

Князь Андрей не видал, кто и как надел его опять, но на груди его сверх мундира вдруг очутился образок на мелкой золотой цепочке.

«Хорошо бы это было, – подумал князь Андрей, взглянув на этот образок, который с таким чувством и благоговением навесила на него сестра, – хорошо бы это было, ежели бы всё было так ясно и просто, как оно кажется княжне Марье. Как хорошо бы было знать, где искать помощи в этой жизни и чего ждать после нее, там, за гробом! Как бы счастлив и спокоен я

³⁹³ Молод же он сунулся биться с нами.

был, ежели бы мог сказать теперь: Господи, помилуй меня!... Но кому я скажу это! Или сила – неопределенная, непостижимая, к которой я не только не могу обращаться, но которой не могу выразить словами, – великое всё или ничего, – говорил он сам себе, – или это тот Бог, который вот здесь зашит, в этой ладонке, княжной Марьей? Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятно, но важнее!

Носилки тронулись. При каждом толчке он опять чувствовал невыносимую боль; лихорадочное состояние усилилось, и он начинал бредить. Те мечтания об отце, жене, сестре и будущем сыне и нежность, которую он испытывал в ночь накануне сражения, фигура маленького, ничтожного Наполеона и над всем этим высокое небо, составляли главное основание его горячечных представлений.

Тихая жизнь и спокойное семейное счастье в Лысых Горах представлялись ему. Он уже наслаждался этим счастьем, когда вдруг являлся маленький Наполеон с своим безучастным, ограниченным и счастливым от несчастья других взглядом, и начинались сомнения, муки, и только небо обещало успокоение. К утру все мечтания смешались и слились в хаос и мрак беспомыслия и забвения, которые гораздо вероятнее, по мнению самого Ларрея, доктора Наполеонова, должны были разрешиться смертью, чем выздоровлением.

– C'est un sujet nerveux et bilieux, – сказал Ларрей, – il n'en rechappera pas.³⁹⁴

Князь Андрей, в числе других безнадежных раненых, был сдан на попечение жителей.

—

³⁹⁴ Это субъект нервный и желчный, – он не выздоровеет.

ПЕЧАТНЫЕ ВАРИАНТЫ

Разночтения между текстом «Войны и Мира», напечатанном в «Русском Вестнике» 1865—1866 гг., между первым и вторым изданиями 1868—1869 гг. и текстом романа в издании 1873 г. печатаются по следующему принципу:

В начале варианта обозначается страница и строка настоящего издания. Затем, со строки дается правильный текст, принятый в настоящем издании, за ним идут разночтения в других изданиях.

Текст «Русского Вестника» обозначается буквами «Р. В.», первый том 1-го издания – «*I изд. 68 г.*», первый том 2-го издания – «*II изд. 68 г.*» и первый том третьего издания – «*изд. 73 г.*»

В разночтениях не отмечались: 1) колебания в именах: Nicolas – Ростов – Николенька, в виду неопределенности и иногда случайности в замене одного имени другим, особенно в тексте «Р. В.». 2) Разница в распределении красных строк, наблюдающаяся в двух изданиях 1868—1869 гг. и в издании 1873 г., ибо автор давал широкие полномочия в этом отношении тем лицам, которым поручал надзор за печатанием. 3) Мелкие случайные различия, зависевшие чаще всего от корректорских привычек: пред – перед, чрез – через, середина – середина, хоть – хотя. 4) Прямые опечатки. Опечатки не очевидные оговариваются.

Вместо: Часть первая. I. – в Р. В.: В Петербурге. I.

Стр. 3, строка 6.

Вместо: si vous vous – в Р. В.: vous vous

Стр. 3, строка 17.

После слова: редкими). – в Р. В.: потому она не дежурила и не выходила из дому.

Стр. 3, строки 22—23.

Вместо (в сноске): Ну, князь, Генуя и Лукка поместья фамилии Бонапарте. Нет я вам вперед говорю, – в Р. В., и в I изд. 68 г.: Ну, что князь, Генуя и Лукка стали не больше как поместьями фамилии Бонапарте. Нет, я вас предупреждаю.

Стр. 4, строка 1.

Вместо: je serai charmée – в Р. В.: je serai bien charmée³⁹⁵

Стр. 4, строка 4.

После слов: такую встречей, – в Р. В.: и слабо улыбаясь,

Стр. 4, строка 4.

Вместо: в придворном, шитом мундире, *кончая:* плоского лица. – в Р. В.: с светлым выражением хитрого лица, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах.

Стр. 4, строка 15.

Вместо: меня, – в Р. В., I и II изд. 68 г.; друга,

Стр. 4, строка 18.

Вместо: Как можно быть здоровой... – в Р. В.: Как вы хотите, чтоб я была здорова

Стр. 4, строка 19.

Вместо: Разве можно, имея чувство, оставаться спокойною в наше время? – в Р. В., I и II изд. 68 г.: Разве можно оставаться спокойною в наше время когда есть у человека чувство?

Стр. 4, строка 37.

Вместо (в сноске): Господи, какое горячее нападение! – в Р. В., в I и II изд. 68 г.: О! какое жестокое нападение!

Стр. 4, строка 40.

Вместо (в сноске): решили – в Р. В.: решено

³⁹⁵ я буду рада – очень рада

Стр. 5, строка 5.

Вместо: Князь Василий говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы. — *в Р. В.:* Князь Василий, говорил-ли он умные или глупые, одушевленные или равнодушные слова, говорил их таким тоном, как будто он повторял их в тысячный раз, как актер роль старой пьесы, как будто слова выходили не из его соображения и как будто говорил он их не умом, не сердцем, а по памяти, одними губами.

Стр. 5, строка 6.

После слов: Шерер, напротив, *кончая:* оживления и порывов. — *в Р. В.:* которые она долгим опытом едва приучила себя сдерживать в рамке придворной обдуманности, приличия и discrétion.³⁹⁶ Каждую минуту она, видимо, готова была сказать что-нибудь лишнее, но хотя она и на волосок была от того, это лишнее не прорывалось. Она была не хороша, но видимо, сознаваемая ею самую восторженность ее взгляда и оживление улыбки, выражавших увлечение идеальными интересами, придавали ей то, что называлось интересностью. По словам и выражению князя Василия видно было, что в том кругу, где они оба обращались, давно установилось всеми признанное мнение об Анне Павловне, как о милой и доброй энтузиастке и патриотке, которая берется немножко не за свое дело и часто вдается в крайность, но мила искренностью и пылкостью своих чувств.

Стр. 5, строка 14.

После слов: не находит нужным исправляться. — *в Р. В.:* Содержание депеши от Новосильцева, поехавшего в Париж для переговоров о мире, было следующее:

Приехав в Берлин, Новосильцев узнал, что Бонапарте издал декрет о присоединении Генуэзской республики к Французской империи в то самое время, как он изъявлял желание мириться с Англией, при посредничестве России. Новосильцев, остановившись в Берлине и предполагая, что такое насилие Бонапарте может изменить намерение императора, спрашивал разрешение его величества, ехать ли в Париж или возвратиться. Ответ Новосильцеву был уже составлен, и должен быть отослан завтра. Завладение Генуей был желанный предлог для объявления войны, к которой мнение придворного общества было еще более готово, чем войско. В ответ было сказано:

«Nous ne voulons plus trahir avec un homme, qui tout en protestant de son désir pour la paix, continue ses envahissements».³⁹⁷

Это всё было самою свежою новостью дня. Князь видимо знал все эти подробности из верных источников и шутливо передал их фрейлине.

— Ну, к чему повели нас эти переговоры? сказала Анна Павловна по-французски, как происходил и весь разговор. — Ну к чему все эти переговоры? Не переговоры, а смерть за смерть мученика нужна злодею, — сказала она, раздувая ноздри, поворачиваясь на диване и вслед за тем улыбаясь.

— Как вы кровожадны, ma chère! В политике не делается всё как в гостиной. Il y a des ménagements,³⁹⁸ сказал князь Василий с своею грустною улыбкой, которая была неестественна, но повторяясь уж тридцать лет, так обжилась на старом лице князя, что казалась вместе и неестественною и привычною. — Есть письма от ваших? прибавил он, видимо считая фрейлину недостойною серьезного политического разговора и стараясь перевести его на другой предмет.

— Но к чему повели нас эти ménagements? продолжала спрашивать Анна Павловна, не подаваясь ему.

³⁹⁶ сдержанность

³⁹⁷ Мы не хотим более вести переговоров с человеком, который, изъявляя желание мириться, продолжает свои вторжения.

³⁹⁸ Есть более мягкие способы,

– А хоть-бы к тому, чтоб узнать мнение Австрии, которую вы так любите, – сказал князь Василий, видимо поддразнивая Анну Павловну и не желая выпускать разговор из шуточного тона.

Стр. 5, строка 16.

Вместо: В середине разговора про политические действия Анна Павловна разгорячилась – в *Р. В.:* Но Анна Павловна

Стр. 6, строка 10.

Вместо: у меня два очень интересные человека, – в *Р. В.:* у меня будет очень интересный человек.

Стр. 6, строка 13.

Вместо: – И потом l'abbé Morio: вы знаете этот глубокий ум? Он был принят государем. Вы знаете? – в *Р. В.:* – Он очень хорошо вел себя и всё потерял. Он был при monseigneur le duc d'Enhien, при несчастном, святом мученике во время его пребывания в Этенгейме. On dit qu'il est très bien ce jeune homme. Votre charmant fils, Hippolyte, m'a promis de me l'emmener ce soir. Toutes nos dames en raffolent,³⁹⁹ прибавила она с улыбкой презрения, как будто жалела о бедных дамах, не умевших выдумать ничего лучше, как влюбляться в виконта де-Мортемара.

– Кроме вас, разумеется, сказал князь всё своим тоном посмеиваясь. – Я его видал, этого виконта в свете, прибавил он, видимо мало заинтересованный надеждой видеть Мортемара.

Стр. 6, строка 15.

Слов: – А! Я очень рад буду, – сказал князь. – нет в *Р. В.*

Стр. 6, строка 16.

Вместо: прибавил он, – в *Р. В.:* сказал он,

Стр. 6, строка 27.

После слов: сказала она – в *Р. В.:* совсем особенным,

Стр. 6, строка 39.

Вместо (в сноске): рекомендован императрице-матери – в *Р. В.:* был рекомендован вдовствующей императрице

Стр. 7, строка 1.

К словам: beaucoup d'estime, – в *Р. В.* нет перевода.

Стр. 7, строка 9.

Слов: с тех пор, как выезжает, – нет в *Р. В.*

Стр. 7, строка 10.

После слов: comme le jour. – в *Р. В.:* Государыня очень часто спрашивает про нее: «que fait la belle Hélène?»⁴⁰⁰

Стр. 7, строка 24.

После слов: сказал князь. – в *Р. В.:* вяло.

Стр. 7, строка 26.

После слов: меньшим сыном. – в *Р. В.:* Я его совсем не знаю, но кажется, il a pris à tâche de se faire une réputation scandaleuse.⁴⁰¹

Стр. 7, строка 31.

Вместо: – Чтò ж мне делать? – в *Р. В., в I и II изд.* 68 г.: Чтò вы хотите, чтоб я делал.

Стр. 7, строка 38.

Вместо (в сноске): Чтò делать? – в *Р. В.:* Что хотите? – в *I и II изд.* 68 г.: Чего хотите?

Стр. 7, строка 40.

Вместо (в сноске): дурни. – в *Р. В.* перевода нет, в *I и II изд.* 68 г.: дураки.

³⁹⁹ ¹ Говорят, он очень мил. Ваш обворожительный сын Ипполит обещал мне привезти его. Все наши дамы без ума от него.

⁴⁰⁰ что делает прекрасная Елена?

⁴⁰¹ Он поставил задачей сделать себе скандальную репутацию.

Стр. 8, строка 4.

Вместо: что-то неожиданно-грубое – в *Р. В.:* что-то такое грубое

Стр. 8, строка 4.

После слов: и неприятное. – в *Р. В.:* что Анне Павловне пришло на мысль: не очень должно-быть приятно быть сыном или дочерью такого отца.

Стр. 8, строка 11.

Вместо: Que voulez-vous?.. – в изд. 73 г. (в тексте) Что делать?..

Стр. 8, строка 13.

Вместо: – Анна Павловна задумалась. – в *Р. В.:* – Да, ежели бы можно было по произволу иметь и не иметь их... Я уверен, что в наш век будет сделано это изобретение.

Анне Павловне не понравилась мысль о таком изобретении.

Стр. 8, строка 15.

Слов: сказала она, – нет в *Р. В.*

Стр. 8, строка 32.

Вместо: Кутузова. Он будет нынче у меня. – в *Р. В.:* Кутузова, живет здесь и будет нынче у меня. Она единственная дочь.

Ч. I, гл. II.

Стр. 9, строка 18.

После слов: одинаковые по обществу, в каком все жили, – в *Р. В.:* приехал дипломат граф З*** в звездах и орденах всех иностранных дворов, княгиня Л***, отцветавшая красавица, жена посланника; вошел дряхлый генерал, стуча саблей и кряхтя;

Стр. 9, строка 19.

Вместо: приехала – в *Р. В.:* вошла

Стр. 9, строка 26.

Слов: Приехал князь Ипполит, *кончая:* и многие другие. – нет в *Р. В.*

Стр. 9, строка 36.

Вместо (в сноске): обучаться – в *Р. В.:* мое обучение

Стр. 9, строка 36.

Вместо (в сноске): девицы. – в *Р. В., I и II изд. 68 г.:* девки.

Стр. 9, строка 37.

Вместо (в сноске): обворожительная – в *Р. В. и I изд. 68 г.:* обольстительная

Стр. 10, строка 13.

После слов: чтоб уж весь вечер ни разу не подойти к ней. – в *Р. В.:* Человек десять присутствующих мужчин и дам разместились кто у чайного стола, кто в уголку за трельяжем, кто у окна; все разговаривали и свободно переходили от одной группы к другой.

Стр. 10, строка 25.

Вместо: людям казалось, – в *Р. В., I и II изд. 68 г.:* людям, смотревшим на нее, казалось,

Стр. 10, строка 28.

Вместо: тот думал, – в *Р. В.:* думал

Стр. 11, строка 10.

Вместо: сказала она – в *Р. В.:* обратилась она к князю

Стр. 11, строка 12.

После слов: к красивой Элен. – в *Р. В.:* – Savez vous, Hélène, vous devenez trop belle, trop belle!⁴⁰²

Стр. 11, строка 14.

⁴⁰² Знаете ли, Елена, вы становитесь слишком хороши, слишком хороши.

После слов: сказал князь Василий тихо Anne Павловне. – в *P. B.*: *Votre charmant fils Hippolyte en est fou amoureux! – Il a du goût, cet imbécile.*⁴⁰³

Стр. 11, строка 15.

Слова: массивный, – нет в *P. B.*

Стр. 11—12, строки 18—19.

Вместо: Этот толстый молодой человек *кончая:* сказала Анна Павловна улыбаясь. – в *P. B.*: Этот-то толстый молодой человек, несмотря на модный покррой платья, был неповоротлив, неуклюж, как бывают неловки и неуклюжи здоровые мужицкие парни. Но он был незастенчив и решителен в движениях. На минуту остановился он по середине гостиной, не находя хозяйки и кланаясь всем, кроме ее, несмотря на знаки, которые она ему делала. Приняв старую тетушку за самую Анну Павловну, он сел подле нее и стал говорить с ней; но узнав, наконец, по удивленному лицу тетушки, что этого не следует делать, встал и сказал: «*pardon, mademoiselle, j'ai cru que ce n'était pas vous.*»⁴⁰⁴ Даже бесстрастная тетушка покраснела при этих бессмысленных словах и с отчаянным видом замахала своей племяннице, приглашая ее к себе на помощь. Занятая до сих пор другим гостем, Анна Павловна подошла к ней.

– *C'est bien aimable à vous, M. Pierre, d'être venu voir une pauvre malade,*⁴⁰⁵ сказала она ему, улыбаясь и переглядываясь с тетушкой.

Пьер сделал еще хуже. Он сел подле Анны Павловны с видом человека, который не скоро встанет, и тотчас же начал с нею разговор о Руссо, о котором они говорили в предпоследнее свидание. Anne Павловне было некогда. Она прислушивалась, приглядывалась, помещала и перемещала гостей.

– Я не могу понять, говорил молодой человек, значительно глядя через очки на свою собеседницу, – почему не любят *Confessions*,⁴⁰⁶ тогда как *Nouvelle Heloise*⁴⁰⁷ гораздо ничтожнее.

Толстый молодой человек неловко выражал свою мысль и вызывал на спор Анну Павловну, совершенно не замечая, что фрейлине и вообще никакого дела не было до того, какое сочинение хорошо или дурно, а особенно теперь, когда ей столько надо было сообразить и вспомнить.

– «*Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, j'apparaîtrai mon livre à la main,*»⁴⁰⁸ – говорил он, с улыбкой цитируя первую страницу «*Confessions*». – *Non, madame,* продолжал он, *après avoir lu l'ouvrage, on aime l'homme.*⁴⁰⁹

– Да, конечно, отвечала Анна Павловна, несмотря на то что она была совершенно противоположного мнения, и оглядывала гостей, желая встать. Но Пьер продолжал:

– *Ce n'est pas seulement un livre, c'est une oeuvre. Les Confessions sont une confession complète. N'est-ce pas, madame?*⁴¹⁰

– *Mais je ne désire pas être son confesseur, M. Pierre: il a de trop vilains péchés,*⁴¹¹ сказала она, вставая и улыбаясь. – Пойдемте, я вас представлю кузине.

Стр. 11, строка 34.

Вместо (в сноске): злой шутки; – в *P. B.*, *I и II изд.* 68 г.: дурной шутки.

Стр. 11, строка 35.

Вместо (в сноске): как я укутана. – в *P. B.*, *I и II изд.* 68 г.: как я одета дурно.

⁴⁰³ Ваш обворожительный сын Ипполит до безумия влюблен в нее. – У этого дурака есть вкус.

⁴⁰⁴ «извините, я думал, что это не вы».

⁴⁰⁵ Очень любезно с вашей стороны, что вы приехали навестить бедную больную.

⁴⁰⁶ [Исповедь.]

⁴⁰⁷ [Новая Элоиза]

⁴⁰⁸ Пусть прозвучит труба последнего суда, я предстану с своею книгой в руках,

⁴⁰⁹ Прочтя книгу, любишь человека.

⁴¹⁰ Это не только книга, это поступок. Тут полная исповедь. Неправда-ли?

⁴¹¹ Но я не хочу быть его духовником; у него слишком гадкие грехи,

Стр. 11, строка 36.

Вместо (в сноске): покойны, Лиза, вы всё-таки будете – в *Р. В., I и II изд.*: спокойны, вы все будете.

Стр. 12, строка 26.

После слов: по заведению, – в *Р. В.:* и примечает все ли вертятся веретена. Как хозяин прядильной,

Стр. 12, строка 29.

Слов: прохаживаясь по своей гостиной, – нет в *Р. В.*

Стр. 12, строка 32.

Словами: разговорную машину. – в *Р. В. кончается II глава.*

Ч. I, гл. III.

Стр. 13, строка 10.

После слов: несколько чужая в этом блестящем обществе, – в *Р. В.:* и еще кроме толстого мсье Пьера, который после своих бестактных разговоров с тетушкой и Анной Павловной молчал весь вечер, видимо незнакомый почти ни с кем, и только оживленно оглядывался на тех, кто ходил и говорил громче других;

Стр. 13, строка 11.

Вместо: В одном, более мужском, *кончая:* Мортемар и Анна Павловна. – в *Р. В.:* В одном – центром была красавица княжна Hélène, дочь князя Василия, в другом – сама Анна Павловна, в третьем – хорошенькая; румяная и слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская.

Вошел сын князя Василия, Ипполит, «votre charmant fils Hippolyte»,⁴¹² как неизменно называла его Анна Павловна, и ожидаемый виконт, dont raffolaient, по словам Анны Павловны, toutes nos dames.⁴¹³ Ипполит вошел, глядя в лорнет, и не опуская лорнета, громко, но не ясно пробурлил: «vicomte de Mortemart», и тотчас же, не обращая внимания на отца, подсел к маленькой княгине, и наклоня к ней голову так близко, что между ее и его лицом оставалось расстояния меньше четверти, что-то часто и неясно стал говорить ей и смеяться.

Стр. 13, строка 24.

Вместо: гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно утонченное. В кружке Мортемара – в *Р. В.:* гостям виконта, как что-то сверхъестественно утонченное, тогда как господа, стоявшие с ним в одной гостинице и игравшие с ним каждый день на бильярде, видели в нем только большого мастера карамболировать и вовсе не находили себя счастливыми от того, что виделись и говорили с виконтом.

Стр. 13, строка 26.

Вместо: об убиении – в *Р. В.:* об убийстве

Стр. 13, строка 32.

Вместо: поклонился – в *Р. В.:* наклонился

Стр. 14, строка 34.

Вместо: руку, легко лежавшую на столе, – в *Р. В., I и II изд. 68 г.:* руку, которая от давления на стол изменила свою форму,

Стр. 14, строка 40.

Вместо (в сноске): за свое уменье – в *Р. В., I и II изд. 68 г.:* за свои способности.

Стр. 15, строка 33.

Вместо: сказал князь Ипполит таким – в *Р. В., I и II изд. 68 г.:* сказал он таким.

Стр. 15, строка 35.

⁴¹² [ваш милый сын Ипполит,]

⁴¹³ [от которого сходили с ума все наши дамы.]

Вместо (в сноске): Чтò ж вы? О чем вы думаете? – в *Р. В., I и II изд.* 68 г.: О чем вы думаете?

Стр. 16, строка 6.

После слов: в чулках и башмаках. – в *Р. В.:* – Он сел в самую глубину кресла против рассказчика, положил одну руку с кольцом и гербовой печатью перед собою на стол, в таком вытянутом положении, что ему стоило, видимо, большого труда удерживать ее в этом положении; однако во всё время рассказа он держал так руку. Другою рукой он держал лорнет в ладони, и этою же рукой опралял свою прическу à la Titus кверху, придававшую еще более странное выражение его вытянутому лицу, и как будто вспомнив что то, начинал смотреть на свою выставленную руку с перстнями, потом на ноги виконта, потом весь оборачивался быстро и развинченно, как он и всё делал, и долго пристально смотрел на княгиню. – *Этим же словами в Р. В. кончается III глава.*

Стр. 16, строки 7/23.

Вместо: Vicomte рассказал очень мило о том ходившем тогда анекдоте, *кончая:* продолжать работу. – в *Р. В. IV глава:* – Когда я имел счастье видеть в последний раз блаженной и печальной памяти герцога Энгиенского, – начал виконт с изящною грустью в голосе, оглядывая слушателей, – monseigneur в самых лестных выражениях говорил о красоте и гениальности великой Georges. Кто не знает этой гениальной и прелестной женщины? Я выразил свое удивление, каким образом герцог мог узнать ее, не быв в Париже эти последние годы. Герцог улыбнулся и сказал мне, что Париж не так далек от Мангейма, как это кажется. Я ужаснулся и высказал его высочеству свой страх при мысли о посещении им Парижа. «Monseigneur, сказал я, Бог знает, не окружены ли мы здесь изменниками и предателями, и не будет ли ваше присутствие в Париже, как бы тайно оно ни было, известно Бонапарте?» Но герцог только улыбнулся на мои слова с этим рыцарством и отважностью, составляющими отличительную черту его фамилии.

– La maison Condé, branche de laurier greffé sur l'arbre de Bourbons, comme disait dernièrement Pitt,⁴¹⁴ сказал монотонно князь Василий, как будто он диктовал какому-то невидимому писцу.

– M. Pitt a très bien dit,⁴¹⁵ лаконически прибавил его сын Ипполит, решительно поворачиваясь на кресле туловищем в одну, а ногами в противоположную сторону, торопливо поймав лорнетку и устремив сквозь нее свои взгляды на родителя.

– Bref,⁴¹⁶ продолжал виконт, обращаясь преимущественно к красавице княжне, которая не спускала с него глаз, – я должен был оставить Этенгейм и узнал уже потом, что герцог, увлеченный своею отвагой, ездил в Париж, делал честь m-lle Жорж не только восхищаться ею, но и посещать ее.

– Но у него была сердечная привязанность к princesse Charlotte de Rohan Rochefort, горячо перебила Анна Павловна. – Говорили, что он тайно был женат на ней, сказала она, видимо испуганная будущим содержанием рассказа, который ей казался слишком вольным в присутствии молодой девушки.

– Одна привязанность не мешает другой, продолжал виконт, тонко улыбаясь и не замечая опасений Анны Павловны. – Но дело в том, что m-lle Жорж прежде своего сближения с герцогом пользовалась сближением с другим человеком.

Он помолчал.

⁴¹⁴ Дом Конде – ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт,

⁴¹⁵ Г. Питт очень хорошо выразился,

⁴¹⁶ [одним словом.]

– Человека этого звали Бонапарте, произнес он, с улыбкой оглянув слушателей. Анна Павловна, в свою очередь, оглянулась беспокойно, видя, что рассказ делается опаснее и опаснее.

– Eh bien, продолжал виконт, – le nouveau sultan des mille et une nuit ne dédaignait pas de venir souvent passer ses soirées chez la plus belle et la plus agréable femme de la France.⁴¹⁷ Et m-lle Georges... – Он помолчал, пожав выразительно плечами: a dû faire de nécessité – vertu.⁴¹⁸

– Счастливец Бонапарте приезжал обыкновенно по вечерам, не назначая своих дней.

– Ah! je prévois, j'ai la chair de poule,⁴¹⁹ пожимая полными и гибкими плечиками, сказала маленькая хорошенькая княгиня.

Пожилая дама, сидевшая весь вечер подле ma tante, перешла к кружку рассказчика, покачивая головою и улынувшись значительно и грустно.

– Это ужасно, не правда ли? сказала она, хотя очевидно и не слыхала начала истории. На неуместность ее замечания и на нее самое никто не обратил внимания.

Князь Ипполит объявил быстро и громко:

– Georges dans le rôle de Clitemnestre admirable!⁴²⁰

Анна Павловна молчала и находилась в беспокойстве, не решив еще окончательно в своем уме, прилично или неприлично было то, что рассказывал виконт. С одной стороны – вечерние посещения к актрисе, с другой стороны – ежели уж vicomte de Mortemart, allié aux Montmorency par les Rohans, tout ce qu'il y a de plus faubourg S-t Germain⁴²¹ в гостиную будет говорить неприличности, то кто же наконец знает, что прилично и неприлично?

– В один вечер, продолжал виконт, оглядывая слушателей и оживляясь, – Клитемнестра эта, прельстив весь театр своею удивительною передачей Расина, возвратилась домой и думала одна отдохнуть от усталости и волнения. Она не ждала султана.

Анна Павловна вздрогнула при слове «султан». Княжна опустила глаза и перестала улыбаться.

– Как вдруг служанка доложила, что l'ex-vicomte de Rocroi желает видеть великую актрису. Rocroi – так называл себя герцог. Он был принят, прибавил виконт, и помолчал несколько секунд, чтобы дать понять, что он не всё рассказывает, что знает, продолжал: – Стол блестел хрусталем, эмалью, серебром и фарфором. Стояли два прибора, время летело незаметно и наслаждение...

Неожиданно, в этом месте рассказа, князь Ипполит произвел странный громкий звук, который одни приняли за кашель, другие за сморканье, мычанье или смех, и стал торопливо ловить упущенный лорнет. Рассказчик удивленно остановился. Анна Павловна испуганно перебила описание наслаждений, которые с таким вкусом описывал виконт.

– Не томите нас, vicomte, сказала она.

Виконт улыбнулся.

– ...Наслаждение превращало часы в минуты, как вдруг послышался звонок, и испуганная горничная, дрожа прибежала объявить, что звонит le terrible mameluk de Buonaparte,⁴²² и что ужасный господин его уже стоит у подъезда...

– Charmant,⁴²³ прошептала маленькая княгиня, втыкая иголку в работу, как будто в знак того, что интерес и прелесть истории мешают ей продолжать работу.

⁴¹⁷ Новый султан из тысячи одной ночи не пренебрегал частенько проводить свои вечера у самой красивой, самой приятной женщины во Франции.

⁴¹⁸ [И m-lle Жорж... должна была превратить необходимость в добродетель.]

⁴¹⁹ А! Я предвижу и мне становится жутко.

⁴²⁰ Жорж в роли Клитемнестры удивительна!

⁴²¹ [виконт де Мортемар, родственник Монморанси через Роганов, лучший представитель Сен-Жерменского предместья.]

⁴²² [страшный Бонапартовский мамелюк.]

⁴²³ [Прелестно.]

Стр. 16, строка 14.

Вместо: отмстил – в *I и II изд.* 68 г.: отомстил

Стр. 16, строка 25.

Вместо: стал продолжать; – в *P. В.:* хотел продолжать,

Стр. 16/17, строка 25/15.

Вместо: но в это время Анна Павловна, всё поглядывавшая *кончая:* в гостинную вошло новое лицо. – в *P. В.:* когда в гостинную вошло новое лицо и произвело необходимую остановку. *Этими словами в P. В. кончается глава IV.*

Стр. 16, строка 35.

Слов: говорил аббат. – *нет в I изд.* 68 г.

Стр. 17, строка 13.

Вместо: Анна Павловна – в *I изд.* 68 г.: она,

Стр. 17, строка 15.

Со слов: Новое лицо это был – в *P. В. IV глава, ошибочно названная IV вторично.*

Стр. 17, строка 17.

Вместо: Князь Болконский был *кончая:* щурясь, оглядел всё общество. – в *P. В.:* Не столько по тому, что молодой князь приехал так поздно, а он всё-таки был принят хозяйкой самым любезным образом, сколько по тому, как он вошел в комнату, было видно, что он был один из тех светских молодых людей, которые так избалованы светом, что даже презирают его. – Молодой князь был небольшого роста, весьма красивый, сухощавый брюнет с несколько истощенным видом, коричневым цветом лица, в чрезвычайно изящной одежде и с крошечными ногами и руками. Всё в его фигуре, начиная от усталого, скучающего взгляда до ленивой и слабой походки представляло самую резкую противоположность с его маленькою оживленною женой. Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них и слушать их ему было очень скучно, потому что он вперед знал, всё, что будет. Из всех же прискучивших ему лиц, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С кислою, слабою гримасой, портившею его красивое лицо, он отвернулся от нее, как будто он по-французски подумал: «il ne manquait que vous pour rendre tout ce monde tout-à-fait insipide». ⁴²⁴ Он поцеловал руку Анны Павловны с таким видом, как будто готов был Бог знает что дать, чтоб избавиться от этой тяжелой обязанности, и щурясь, почти закрывая глаза, и морщась, оглядывал всё общество.

Vous avez beaucoup de monde, ⁴²⁵ сказал он тоненьким голоском, и кивнул головой кое-кому, кое-кому подставил свою руку, предоставляя ее пожатия.

Стр. 17, строка 30.

Вместо: сказал Болконский, – в *P. В.:* сказал он,

Стр. 17, строка 30.

Вместо: Le général Koutouzoff, *кончая:* aide-de-camp... – в *изд.* 73 г. (*в тексте*): Генералу Кутузову, сказал Болконский, угодно меня к себе в адъютанты...

Стр. 17, строка 31.

После слов: как француз, – в *P. В.:* снимая перчатку с белейшей крошечной руки и потирая ею глаза, – le général-en-chef Koutouzoff.

Стр. 17, строка 35.

После слов: вашей прелестной жены? – в *P. В.:* Молодой адъютант сделал выпяченными губами презрительный звук, какой делают только французы, и ничего не отвечал.

Стр. 17, строка 38.

⁴²⁴ тебя только не доставало, чтобы вся эта компания совсем мне опротивела.

⁴²⁵ У вас съезд,

Вместо (в сноске): Генералу Кутузову угодно меня к себе в адъютанты... – *в Р. В.:* Генерал Кутузов зовет меня к себе в адъютанты.

Стр. 18 строка 1.

После слов: и к посторонним, – *в Р. В.:* – подите сюда, садитесь; послушайте.

Стр. 18, строка 2.

Вместо: нам рассказал – *в Р. В.:* рассказывает

Стр. 18, строка 4.

Вместо: Князь Андрей зажмурился и отвернулся. Пьер, – *в Р. В.:* André зажмурился и сел совсем в другую сторону, как будто не слышал жены.

– Продолжайте, vicomte, сказала Анна Павловна. – Vicomte рассказывал, как герцог Энгиенский бывал у m-lle Жорж, прибавила она, обращаясь в вошедшему, чтоб он мог следить за продолжением рассказа.

– La prétendue rivalité de Buonaparte et du duc pour la Georges,⁴²⁶ сказал князь Андрей таким тоном, как будто смешно было кому-нибудь не знать про это, и повалился на ручку кресла. В это время молодой человек в очках, называемый M. Pierre,

Стр. 18, строка 4

Вместо: Князь Андрей – *в I изд. 68 г.:* Андрей

Стр. 18, строки 7—10.

Вместо: Князь Андрей, не оглядываясь, *кончая:* приятною улыбкой. – *в Р. В.:* Князь Андрей так мало был любопытен, что не оглядываясь, сморщил наперед лицо в гримасу, выражавшую досаду на того, кто трогает его за эполет: но увидав улыбающееся лицо Пьера, князь Андрей улыбнулся тоже и вдруг всё лицо его преобразилось. Доброе и умное выражение вдруг явилось на нем.

Стр. 18, строка 11.

Вместо: – Вот как!... И ты в большом свете! – сказал он Пьеру. – *в Р. В.:* Как? ты здесь, кавалергард мой милый? спросил князь радостно, но с покровительственным и надменным оттенком.

Стр. 18, строка 12.

Слово: вы – *в Р. В. курсив.*

Стр. 18, строка 15.

После слова: смеясь, – *в Р. В.:* отворачиваясь, но

Стр. 18, строка 16.

Вместо слов: Он что-то хотел сказать еще, *кончая:* дать им дорогу. – *в Р. В.:* Виконт рассказал, как m-lle Жорж умоляла герцога спрятаться, как герцог сказал, что он никогда ни перед кем не прятался, как m-lle Жорж сказала ему: «Monseigneur, vous devez votre épée au roi et à la France»,⁴²⁷ и как герцог всё-таки спрятался под белье в другой комнате, и как Наполеону сделалось дурно и герцог вышел из-под белья и увидал перед собой Бонапарте.

– Charmant! délicieux! слышалось между слушателями.

Даже Анна Павловна, заметив, что самое затруднительное место истории пройдено благополучно, и успокоившись, вполне могла наслаждаться рассказом. Виконт разгорелся, и грасируя, говорил с одушевлением актера.

– L'ennemi de sa maison, l'usurpateur de trône, qui appartenait au chef de sa race, était là, devant lui, étendu gisant à terre, immobile, expirant peut-être. Gomme dit le sublime Corneille:

Une maligne joie en son coeur s'élevait

Dont sa gloire indignée à peine le sauvait.⁴²⁸

⁴²⁶ Мнимое соперничество Бонапарта и герцога из-за Жорж.

⁴²⁷ Ваше высочество, ваша шпага принадлежит королю и Франции.

⁴²⁸ Враг его дома, похититель трона, был тут перед ним, распростертый на земле неподвижно и может-быть при последнем

Виконт остановился, и, собираясь повести еще сильнее свой рассказ, улыбнулся, как будто успокаивая дам, которые уже слишком были взволнованы. Совершенно неожиданно, во время этой паузы, красавица княжна Hélène посмотрела на часы, переглянулась с отцом, и вместе с ним встала и этим движением расстроила кружок и прервала рассказ.

– Мы опоздаем, папа, сказала она просто, продолжая сиять на всех своею улыбкой.

Стр. 18, строка 18.

Вместо: мужчины – в I и II изд. 68 г.: два молодых человека Стр. 18, строка 19.

Вместо: сказал князь Василий французу, – в *Р. В.*: обратился князь Василий к французу, Стр. 18, строка 26.

Вместо: улыбка сияла – в *Р. В.*: улыбка просияла

Стр. 18, строка 27.

Слов: Пьер смотрел до конца главы – нет в *Р. В.*

Стр. 18, строка 37.

Вместо: IV. – в *Р. В.*, I и II изд. 68 г. ошибочно: V. – в изд. 73 г.: IV.

Ч. I, гл. IV.

Стр. 18, строка 38.

Вместо: Анна Павловна улыбнулась и обещалась заняться Пьером, *кончая:* князю Василию. – в *Р. В.*: – Анна Павловна попросила виконта подождать ее и пошла проводить князя Василия с дочерью до другой комнаты.

Стр. 19, строка 1.

После слов: ma tante, – в *Р. В.*: и потом изъявившая такой бестолковый интерес в истории виконта,

Стр. 19, строка 18.

Вместо: к Румянцеву, – в *Р. В.*: к Разумовскому,

Стр. 19, строка 27.

Вместо: озлобление, – в *Р. В.*: почти презрение,

Стр. 19, строка 38.

Перевода (в сноске): Будьте тем добрым каким вы бывали прежде, – нет в *Р. В.*, I и II изд. 68 г.

Стр. 20, строка 4.

Вместо: раз сообразив, – в *Р. В.*: раз рассудив,

Стр. 20, строка 6.

Вместо: за себя, – в *Р. В.*: ни за кого,

Стр. 20, строка 19.

Вместо: покойного отца – в *Р. В.*: покойного графа, отца

Стр. 20, строка 21.

После слов: Довольны вы? – в *Р. В.*: И он пожал ее руку, дергая ее вниз.

Стр. 20, строка 22.

После слов: от вас; – в *Р. В.*: – так лгала и унижалась мать,

Стр. 20, строка 28.

После слов: и тогда бы уж... – в *Р. В.*: Анна Михайловна, будто цыганка, выпрашивала для сына тем больше, чем больше ей давали.

Стр. 20, строка 38.

Перевода (в сноске): Но когда его переведут в гвардию... – нет в *Р. В.*, I и II изд. 68 г.

Стр. 21, строка 6.

Вместо: лицу. – в *Р. В.*: доброму лицу.

Стр. 21, строка 12.

После слов: дело ее было сделано. – в *Р. В.* ошибочно VI глава.

Конец истории виконта был следующий:

Герцог Энгийенский достал из кармана флакон горного хрусталя, обделанный в золото, в котором были жизненные капли, подаренные его отцу графом Сен-Жерменом. Капли эти, как известно, имели свойство оживлять мертвого или почти мертвого, но их не надо было давать никому, кроме членов дома Конде. Посторонние лица, отведавшие капель, исцелялись так же как и Конде, но делались непримиримыми врагами герцогского дома. Доказательством тому служит то, что отец герцога, желая исцелить умирающего коня, дал ему этих капель. Конь ожил, но покушался потом несколько раз погубить седока, и раз понес было его во время битвы в лагерь республиканцев. Отец герцога убил любимую лошадь. Несмотря на то, молодой и рыцарский герцог Энгийенский влил несколько капель в рот своего врага Бонапарта, и изверг ожил.

– Кто вы? спросил Бонапарте.

– Родственник служанки, отвечал герцог.

– Ложь! закричал Бонапарте.

– Генерал, я без оружия, отвечал герцог.

– Ваше имя?

– Я спас вам жизнь, отвечал герцог.

Герцог уехал, а капли подействовали, и Бонапарте почувствовал ненависть к герцогу, и с того дня поклялся уничтожить несчастного и великодушного юношу. Через своих клеветников, узнав по забытому герцогом платку, – на котором был вышит герб дома Конде, un bâton de gueules sur le champ de France, – узнав по платку, кто был его соперник, Бонапарте велел изобрести предлог заговора Пишегрю и Жоржа, схватил в Баденском герцогстве мученика-героя и убил его. – L'ange et le démon. Et voilà comment a été commis le crime le plus abominable de l'histoire.⁴²⁹ Этим заключил виконт свою историю, и от избытка волнения перевернулся на стуле. Все молчали.

– L'assassinat du duc a été plus qu'un crime, vicomte, сказал князь Андрей слегка улыбаясь, как будто он подсмеивался над виконтом: – ça a été une faute.⁴³⁰

Виконт приподнял брови и развел руками. Жест его мог означать многое.

Стр. 21, строка 20.

Вместо: Князь Андрей усмехнулся, прямо глядя в лицо Анны Павловны. – в *Р. В.:* Князь Андрей отвернулся от Анны Павловны, как будто в той мысли, что эти разговоры ни к чему не ведут.

Стр. 21, строка 22.

Вместо: сказал он – в *Р. В.:* произнес князь Андрей с гордостью, как будто то были его слова.

Стр. 21, строка 26.

После слов: а chi la tocca». – в *Р. В.:* Анна Павловна строго взглянула на князя Андрея. – в *I изд. 68 г.:* повторил он, заявляя только факт и не высказывая никакого суждения.

Стр. 21, строка 27.

Вместо: продолжала Анна Павловна. – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* продолжала она,

Стр. 21, строка 37.

Вместо (в сноске): Горе тому кто ее тронет. – в *I изд. 68 г.:* да будет же она неприкосновенна. – во *II изд. 68 г.:* Беда тому, кто ее тронет.

Стр. 21, строка 40.

⁴²⁹ Ангел и демон. И вот каким образом было совершено самое ужасное преступление в истории.

⁴³⁰ Убийство герцога было более чем преступление, это была ошибка.

Вместо (в сноске): более терпеть – в *Р. В.*: долее терпеть

Стр. 22, строка 2.

Вместо: (в тексте и в переводе): Louis XVII, – в *Р. В.* Louis XV. – в *I и II* изд. 68 г., изд. 73 г. (только в тексте, по-русски) Louis XVIII.

Стр. 22, строка 23.

Слов: Пьер хотел было, *кончая:* караулившая его, перебила. – нет в *Р. В.*

Стр. 22, строка 26.

Вместо: сказала она – в *Р. В.*: сказала Анна Павловна

Стр. 22, строка 39.

Перевода (в сноске): Палка из пастей оплетенная лазоревыми пастями – дом Конде, – нет в *Р. В.*, *I и II* изд. 68 г.

Стр. 22, строка 33.

Вместо слов: – Это сомнительно *кончая:* в разговор Пьер, – в *Р. В.*:

Oh! madame, si ce moment heureux pouvait arriver!⁴³¹ сказал виконт с благодарностию за внимание, наклоняя голову.

– А вы как думаете, М. Pierre? ласково спросила Анна Павловна у толстого молодого человека, которого неловкое молчание тяготило ее, как любезную хозяйку. – Как вы думаете? Вы недавно из Парижа.

Анна Павловна, ожидая ответа, улыбнулась виконту и другие, как будто говоря: я и с ним должна быть любезна; видите, я обращаюсь и к нему, хотя и знаю, что он ничего не может сказать.

VII. (*Ошибочно.*)

– Вся нация умрет за своего императора, за величайшего человека в мире! вдруг, безо всяких приготовлений, громко и запальчиво заговорил молодой человек, похожий на мужицкого парня, с таким видом, как будто он боялся, что его перебьют и что он не найдет после случая высказаться вполне. Он оглянулся на князя Андрея. Князь Андрей улыбнулся. – Le plus grand génie de notre siècle,⁴³² продолжал Пьер.

– Как? C'est votre opinion?⁴³³ Вы шутите! вскрикнула Анна Павловна с испугом, происшедшим не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того одушевления, негостинного и совершенно неприличного, которое выражалось в крупных и мясистых чертах молодого человека и преимущественно в звуке его голоса, который был слишком громок и главное естествен. Он не делал жестов, говорил прерывисто, изредка поправляя очки и оглядываясь; но по всей фигуре видно было, что теперь его никто не остановит и что он выскажет всю свою мысль, не думая о приличиях. Молодой человек был похож на дикую невыезжанную лошадь, которая до тех пор, пока она не в седле и не в хомуте, смирна, даже робка и ничем не отличается от других лошадей, но которая, как только на нее надета сбруя, вдруг начинает без всякой понятной причины подгибать голову, взвизгивать и самым смешным образом козелькать, чему и сама не рада. Молодой человек видимо почуял сбрую, и начал свои смешные козлы.

– О Бурбонах никто и не думает теперь во Франции, продолжал он, торопясь, чтоб его не перебили и постоянно оглядываясь на князя Андрея, как будто в нем одном он ждал поддержки. – Не забудьте, что я только три месяца, как приехал из Парижа.

Он говорил на отличном французском языке.

⁴³¹ О, еслибы эта счастливая минута могла прийти!

⁴³² [Величайший гений нашего века,]

⁴³³ [Это ваше мнение?]

– Monsieur le vicomte совершенно справедливо полагает, что будет поздно для Бурбонов через год. И теперь уж поздно. Роялистов нет больше. Одни бросили свое отечество, другие сделались бонапартистами. Весь faubourg S-t Germain⁴³⁴ преклоняется перед императором.

– Il faut faire des restrictions,⁴³⁵ сказал виконт снисходительно.

Светская, привычная Анна Павловна беспокойно смотрела то на виконта, то на неприличного молодого человека, и не могла себе простить того, что неосторожно пригласила этого юношу, не узнавши его прежде.

Неприличный юноша был незаконный сын знаменитого богача и вельможи. Анна Павловна пригласила его из уважения к отцу, и принимая в соображение то, что этот М. Pierre только-что приехал из-за границы, где он воспитывался.

«Еслиб я знала, что он такой mal-élevé и бонапартист», думала она, глядя на его большую стриженую голову и мясистые крупные черты. «Voilà l'éducation, qu'on donne aux jeunes gens d'à présent» думала она. «Comme on voit l'homme de la bonne compagnie»,⁴³⁶ говорила она про себя, любуясь спокойствием виконта.

Стр. 23, строка 4.

Вместо: почти всё дворянство перешло уже на сторону Бонапарта. – *в Р. В.:* – Почти все дворянство, продолжал Пьер, перешло к Бонапарту.

Стр. 23, строка 6.

Слов: не глядя на Пьера. – *нет в Р. В.*

Стр. 23, строка 8.

Вместо: с усмешкой. (Видно было *кончая:* обращал свои речи). – *в Р. В.:* и невольно все обратились на его тихий, ленивый, но слышный всегда по своей самоуверенности голос, ожидая услышать, что же сказал Бонапарт.

Стр. 23, строка 11.

Вместо: сказал он – *в Р. В.:* продолжал князь Андрей

Стр. 23, строка 14.

После слов; le droit de le dire. – *в Р. В.:* mais c'est méchant, c'est très méchant...⁴³⁷ заключил он с кислою улыбкой и отвернулся.

Стр. 23, строка 16.

Вместо: Аусип, возразил виконт *кончая:* видеть в нем героя. – *в Р. В.:* Он имел право это сказать против роялистской аристократии; ее теперь нет во Франции, подхватил monsieur Pierre, – а если есть, то она не имеет веса. А народ? Народ обожает великого человека, и народ избрал его. Народ не имеет предубеждений, он видел гения и героя величайшего в мире.

Стр. 23, строка 18.

После слов: сказал виконт. – *в Р. В.:* не отвечая молодому человеку, и даже не глядя на него, но

Стр. 23, строка 19.

После слов: Анне Павловне, – *в Р. В.:* и князю Андрею:

Стр. 23, строка 23.

Вместо: как Пьер опять ворвался *кончая:* остановить его. – *в Р. В.:* как невыезжанная лошадь уже продолжала свои забавные и непривычные козелки.

Стр. 23, строка 26.

Вместо: сказал Пьер, – *в Р. В.:* продолжал Пьер, – *в I и II изд. 68 г.:* сказал мсье Пьер,

Стр. 23, строка 33 .

⁴³⁴ [предмесье Сен Жермен]

⁴³⁵ Есть исключения.

⁴³⁶ Вот воспитание, какое дают теперь молодым людям... Как виден человек хорошего общества.

⁴³⁷ Но это зло, очень зло.

Вместо (в сноске): Это говорил Бонапарт, – в I и II изд. 68 г. Это сказал Бонапарт, Стр. 23, строка 38.

Вместо (в сноске): и был героем для некоторых людей, то после убийства герцога одним мучеником стало больше на небесах – в Р. В.: для некоторых и был героем, то после убийства герцога, одним мучеником стало больше на небе,

Стр. 23, строка 30.

Вместо: Dieu! mon Dieu! – в Р. В.: Vous approuvez le meurtre?

Несмотря на то, что последняя реплика в I и II изд. 68 г. в тексте выпущена, перевод ее из Р. В.: «вы одобряете убийство»? сохранился в сносках и в этих и во всех последующих изданиях, и ошибочно был присоединен к следующей фразе, произносимой маленькой княгиней, которая этих слов не говорит. Несомненно из сноски II изд. 68 г. эта фраза попала в текст изд. 73 г., где она вложена в уста княгини Болконской. Нами эта сноска опускается, как перевод несуществующей французской фразы, исключенной Толстым при переработке текста Р. В. для I изд. 68 г.

Стр. 24, строка 7.

Вместо: Пьер торжественно посмотрел сверх очков на слушателей *кончая:* приобрел власть – в Р. В.: – Хороший или дурной поступок убийство герцога? сказал он, удивляя всех своим высокого тона хладнокровием: – одно из двух...

Пьер чувствовал, что дилемма эта была предложена ему так, что ответ он отрицательно, его заставят отречься от его восхищения к герою; ответ он положительно, что поступок хорош, Бог знает что с ним случится. Он отвечал положительно, не боясь того, что случится.

Поступок этот велик, как и всё, что делает этот великий человек, сказал он отчаянно, и не обращая внимания на ужас, выразившийся на всех лицах, кроме лица князя Андрея, и на презрительные пожатия плеч, он продолжал говорить один против очевидного нежелания хозяйки. Все, кроме князя Андрея, слушали его, удивленно переглядываясь. Князь же Андрей слушал с участием и тихой улыбкой.

– Разве он не знал, продолжал Пьер, – всей бури, которая поднимется против него за смерть герцога? Он знал, что ему придется за эту одну голову опять воевать со всею Европой, и он будет воевать, и опять будет победителем, потому что...

– Вы русский? спросила Анна Павловна.

– Русский. Но победит, потому что он великий человек. Смерть герцога была необходима. Он гений, а гений тем и отличается от простых людей, что действует не для себя, но для человечества. Роялисты хотели опять зажечь внутреннюю войну и революцию, которую он подавил. Ему нужно было внутреннее спокойствие, и он казнию герцога показал такой пример, что Бурбоны перестали интриговать.

– Mais, mon cher M. Pierre, сказала Анна Павловна, пытаюсь взять кротостью, – как вы называете интригами средства к возвращению законного престола?

– Законна только народная воля, отвечал он, – а она изгнала Бурбонов и передала власть великому Наполеону.

И он торжественно посмотрел сверх очков на слушателей.

– Ah! Contrat social!⁴³⁸ тихо сказал виконт, видимо успокоиваясь и узнав источник, из которого черпались доводы противника.

– А после этого!.. воскликнула Анна Павловна.

Но и после этого Пьер так же неучтиво продолжал свою речь.

– Нет, говорил он всё более и более одушевляясь. Бурбоны и роялисты бежали от революции, они не могли понять ее. А этот человек стал выше ее, подавил ее злоупотребления,

⁴³⁸ [А! Общественный договор!]

удержав всё хорошее – и равенство граждан, и свободу слова и печати, и только потому приобрел власть.

Стр. 24, строка 20.

Вместо: не пользуясь ею для убийства, отдал бы ее законному королю, – сказал виконт – *в Р. В.:* отдал ее законному королю, сказал виконт иронически.

Стр. 24, строка 25.

Вместо: была – *в Р. В.:* сама была.

Стр. 24, строка 28.

Вместо: поскорее – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* полнее.

Стр. 24, строка 30.

Слов: да не хотите ли перейти к тому столу? повторила Анна Павловна.

Contrat social, с кроткою улыбкой сказал виконт, – *нет в Р. В.*

Стр. 24, строка 33.

Вместо: Я говорю про идеи, – *в Р. В.:* Когда явился Наполеон, революция уже сделала свое время, и нация сама отдалась ему в руки. Но он понял идеи революции и сделался их представителем.

Стр. 25, строка 9.

Вместо: Бонапарте уничтожил ее. – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* уничтожает ее.

Стр. 25, строка 10.

Вместо: с улыбкой посматривал то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку. – *в Р. В.:* с веселою улыбкой посматривал то на мсье Пьера, то на виконта, то на хозяйку, и видимо утешался этим неожиданным и неприличным эпизодом.

Стр. 25, строка 21.

Вместо: как monsieur объясняет – *в изд. 73 г.:* как объяснить

Стр. 25, строка 24.

Вместо: сказала маленькая княгиня, – *в Р. В.:* туда же сказала маленькая княгиня,

Стр. 25, строка 25.

Вместо: пожала плечами: – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* пожала плечиками.

Стр. 25, строка 28.

Вместо: и улыбнулся – *в Р. В.:* улыбнулся и улыбкой открыл неправильные черные зубы.

Стр. 25, строка 29.

Вместо: такая, как – *в Р. В., I и II изд. 68 г.:* такая, какая

Стр. 25, строка 29.

Вместо: сливающаяся (*взято по Р. В., I и II изд. 68 г.*) – *в изд. 73 г. явная ошибка:* не сливающаяся искажающая смысл фразы.

Стр. 26, строка 1.

Вместо: сказал князь Андрей: – *в Р. В.:* отозвался голос князя Андрея.

Стр. 26, строка 5.

Вместо: подхватил Пьер, обрадованный выступавшею ему подмогой.

– Нельзя не сознаться, продолжал князь Андрей, Наполеон, как человек, велик – *в Р. В.:* подхватил Пьер, обрадованный выступавшею ему подмогой. – Как человек, он велик.

Стр. 26, строка 9.

Слов: но есть другие поступки, которые трудно оправдать, – *нет в Р. В.*

Стр. 26, строка 12.

После слов: и подавая знак жене. – *в Р. В.:* — Трудно судить, сказал он, современных людей, потомки наши оценят.

Стр. 26, строка 29.

Весь анекдот кн. Ипполита в изд. 73 г. рассказан без примеси французских слов.

Стр. 26, строка 30.

Вместо: поедем со мной, – *в Р. В.:* за мной, – *в I изд.* 68 г.: поедем мной,
Стр. 27, строка 16.

Вместо: V – *в Р. В. ошибочно:* VIII – *в I и II изд.* 68 г. *ошибочно:* VI – *в изд.* 73 г.: V
Ч. I, гл. V.

Стр. 27, строка 19.

Вместо: Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, – *в Р. В.:* Толстый, широкий, с огромными руками, которые, казалось, были сотворены для того, чтобы ворочать пудовиками.

Стр. 27, строка 22.

После слов: выходом – *в Р. В.:* поклониться,

Стр. 27, строка 25.

После слов: пока генерал – *в Р. В.:* как показалось Пьеру, озлобленно.

Стр. 27, строка 27.

Вместо: выражением добродушия, простоты и скромности, – *в Р. В.:* таким выражением благодушия и простоты, что несмотря на все его недостатки, он невольно был симпатичен даже тем, кого приводил в неловкое положение.

Стр. 27, строка 32.

Слов: сказала она: – *нет в Р. В.*

Стр. 28, строка 37.

После слов: невольно почувствовали это.

Князь Андрей вышел – *в Р. В.:* Savez-vous, mon cher, vous avez des raisonnements, qui cassent les vitres,⁴³⁹ сказал князь Андрей, пристегивая саблю.

– Не могу, – сказал Пьер, опустив голову и глядя через очки и останавливаясь. – Как же не видеть ни в революции, ни в Наполеоне ничего, кроме личных интересов Бурбонов. Мы сами не чувствуем, как много мы обязаны именно революции...

Князь Андрей не стал слушать продолжения этой речи. Он вышел.

Стр. 28, строка 9.

Вместо: сватовстве, которое она затевала между Анатолом и золовкой маленькой княгини. – *в Р. В.:* о предполагаемом браке Анатоля с ее belle-soeur и просила княгиню действовать на мужа.

Стр. 28, строка 16.

Вместо: подошел к маленькой княгине – *в Р. В.:* подошел вплоть к маленькой княгине,

Стр. 29, строка 1.

Вместо: обходя ее взглядом. – *в Р. В.:* обводя ее взглядом.

Стр. 29, строка 8.

Вместо: прислуживания, – *в Р. В. и в I и II изд.* 68 г.: подслуживания.

Стр. 29, строка 10.

Слов: сухо-неприятно – *нет в Р. В.*

Стр. 29, строка 11.

После слов: мешавшему ему пройти. – *в Р. В.:* это «па-звольте, сударь», прозвучало таким холодным презрением, что князь Ипполит чрезвычайно торопливо посторонился, стал извиняться и нервно перекачиваться с ноги на ногу, как будто от свежей, не остывшей жгучей боли.

Стр. 29, строка 12.

Вместо: ласково и нежно проговорил тот же голос князя Андрея: – *в Р. В.:* слышался голос князя Андрея.

Стр. 29, строка 24.

⁴³⁹ [Знаешь, мой милый, от твоих рассуждений могут полопаться стекла]

Вместо: *ce petit officier*, – *в Р. В.:* *le pauvre petit officier*.⁴⁴⁰

Стр. 29, строка 36.

Вместо (в сноске): И совсем, совсем француженка. – *в I и II изд.* 68 г.: и совсем, как француженка. – *в Р. В.* перевода этой фразы нет.

Стр. 29, строка 39.

Вместо (в сноске): дамы не стòят французских? – *в I и II изд.* 68 г.: дамы хуже французских?

Стр. 29, строка 29.

Со слов: Пьер, приехав – *в Р. В. ошибочно:* IX глава.

Стр. 29, строка 32.

После слов: читать ее из середины. – *в Р. В.:* читать их из середины с таким интересом, как будто он уже часа два вчитывался в них. Князь Андрей, приехав, прошел прямо в уборную, и через пять минут вышел из кабинета.

Стр. 29, строка 33.

Вместо: m-lle Шерер? – *в изд.* 73 г.: Анной Павловной?

Стр. 29, строка 33.

После слов: Она теперь совсем заболевает, – *в Р. В.:* сказал он по-русски, входя к Пьеру в бархатной комнатной шубке и покровительственно, весело, и дружески улыбаясь, и потирая маленькие белые ручки, которые он, видимо, сейчас еще раз вымыл.

Стр. 30, строка 6.

Вместо: Нет, этот аббат очень интересен *кончая:* везде говорить, что только думаешь. – *в Р. В.:* — Опять кутил? спросил Андрей, покачивая головою.

Пьер виновато кивнул головой.

– Я только в три проснулся. Можете себе представить, что мы выпили впятером одиннадцать бутылок. (Пьер говорил *вы* князю Андрею, а тот говорил ему *ты*. Это так установилось между ними в детстве, и не переменялось.) – Отличные люди! Какой там англичанин – чудо!

– Вот я никогда не понимал этого удовольствия, сказал князь Андрей.

– Да что вы! вы совсем другой и удивительный человек во всем, искренно сказал Пьер.

– Опять у милого Анатоля Курагина?

– Да.

– Охота тебе с этою дрянью водиться.

– Нет, право, он славный малый.

– Дрянь! коротко сказал князь Андрей и нахмурился. – И Ипполит очень умный мальчик, не правда ли? прибавил он.

Пьер рассмеялся, затресшись всем своим тяжелым телом, так что опять диван закрипел. «В Moscou была одна барыня», повторил он сквозь смех.

– А знаешь, он, право, добрый малый, заступнически сказал князь.

Стр. 30, строка 13.

Слов: спросил князь Андрей после минутного молчания. – *нет в Р. В.*

Стр. 30, строка 23.

Вместо: осмотришь и выбирай. – *в Р. В.:* осмотришь, faites des liaisons et songez à vous choisir une carrière.⁴⁴¹

Стр. 30, строка 24.

Вместо: я тебе во всем помога». – *в Р. В.:* я тебе во всем помогу».

Стр. 30, строка 28.

Вместо: Но он масон должен быть – *до конца главы* – *в Р. В.:*

⁴⁴⁰ [бедный офицерик.]

⁴⁴¹ [заведи знакомства и подумай о выборе занятия.]

– Я понимаю военную службу; но вот что объясните мне, сказал он. – Зачем вы – вы понимаете всё – зачем вы идете на эту войну, против кого же? Против Наполеона и Франции. Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... Я не понимаю, как вы идете?

– *Voyez-vous, mon cher*, начал князь Андрей, может быть невольно желая скрыть для самого себя неясность мысли и вдруг начиная по-французски и переменяя прежний искренний тон на гостинный и холодный, – *la question peut être envisagée sous un tout autre point de vue.*⁴⁴²

И он, с таким видом как будто всё то, про что они говорили, было делом его собственным или близких ему людей, изложил Пьеру ходившее тогда в высших кружках петербургского общества воззрение на политическое назначение России в Европе в то время.

Европа со времени революции страдает от войн. Причина войн, кроме честолюбия Наполеона, заключалась в неправильности европейского равновесия. Нужно было, чтоб одна великая держава искренно и беспристрастно взялась за дело, и, составив союз, обозначила бы новые границы государствам и установила бы новое европейское равновесие и новое народное право, в силу которого война оказывалась бы невозможною и все недоразумения между государствами решались бы посредничеством. Эту бескорыстную роль брала на себя Россия в предстоявшей войне. Россия будет стремиться только к тому, чтобы возвратить Францию в границы 1796 года, предоставляя самим французам выбор образа правления, также к возобновлению независимости Италии, Цизальпинского королевства, нового государства двух Бельгий, нового Германского союза, и даже к восстановлению Польши.

Пьер внимательно слушал, несколько раз порываясь вступить в спор, но удерживаясь из уважения к своему другу.

– Видишь ли ты, что мы на этот раз не так глупы, как это кажется? заключил князь Андрей.

– Да, да, но почему ж этот план не предложат самому Наполеону? прервал Пьер. – Он первый принял бы его, ежели этот план чистосердечен; он поймет и полюбит всякую великую мысль.

Князь Андрей помолчал и потер своею маленькою ручкой лоб.

– Кроме того, я иду... Он остановился. – Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь – не по мне!

– Отчего? – удивленно спросил Пьер.

– Оттого, моя душа, вставая и улыбаясь, сказал князь Андрей, – что виконту и Ипполиту таскаться по гостинным и перебирать вздор и рассказывать сказочки про m-lle Жорж и про «девушка», это прилично, а мне роль эта не годится. *J'en ai assez,*⁴⁴³ прибавил он.

Пьер взглядом выразил свое согласие.

– Но вот еще что. Что такое Кутузов? И что такое быть адъютантом? спросил Пьер с тою редкою наивностью, которая бывает у молодых людей, не боящихся обличить вопросом свое незнание.

– Это ты только можешь не знать, улыбаясь и качая головою, отвечал князь Андрей. Кутузов – правая рука Суворова, лучший русский генерал.

– Но ведь как же быть адъютантом? Вас, стало быть, и посылать могут?

– Разумеется, влияние адъютанта – самое незначительное, отвечал князь Андрей, – но надобно начинать. Притом отец мой хотел этого. Я буду просить Кутузова дать мне отряд. А там увидим...

⁴⁴² [Видишь ли, мой милый, на дело можно посмотреть совсем с другой точки зрения]

⁴⁴³ [Довольно с меня ее,]

– Странно будет, должно быть, вам сражаться с Наполеоном, сказал Пьер, как будто предполагая, что князю Андрею, как только он приедет на войну, придется вступить, если не в единоборство, то в самое близкое состязание с Наполеоном.

Князь Андрей задумчиво улыбался своим мыслям, повертывая грациозным, женственным жестом обручальное кольцо на безымянном пальце.

Стр. 30, строка 28.

Слов: сказал он, разумея аббата, которого он видел на вечере. – *нет в I изд. 68 г.*

Стр. 31, строка 10.

Вместо: Так надо, – *в I изд. 68 г.:* Я считаю Наполеона величайшим человеком, но я знаю, что мне надо идти.

Стр. 31, строка 13.

Вместо: VI. – *в Р. В. ошибочно:* X. – *в I и II изд. 68 г.: ошибочно:* VII. – *в изд. 73 г.:* VI.

Ч. I, гл. VI.

Стр. 31, строка 19.

После слов: учтиво подвигая ей кресло. – *в Р. В.:* но в лице его, в то время как он это делал, выражалась такая скука, что княгиня должна была бы оскорбиться, если бы в состоянии была наблюдать.

Стр. 31, строка 24.

После слов: в женщинах толку. – *в Р. В.:* Пьер с князем Андреем невольно переглянулись и молчали. Но ни взгляд, ни молчание их нисколько не стеснили княгиню. Она продолжала всё так же болтать.

– Какой вы спорщик, мсье Пьер, обратилась она к молодому человеку.

Какой вы спорщик, мосье Пьер! повторила она, усаживаясь поспешно и хлопотливо, как всегда, на большом кресле у камина.

Сложив над возвышением талии свои маленькие ручки, она замолкла, видимо собираясь слушать. Ее лицо приняло то особенное серьезное выражение, при котором глаза как будто смотрят внутрь себя – выражение, бывающее только у беременных женщин.

Стр. 31, строка 31.

После слов: сказала она. – *в Р. В.:* с своею светскою улыбкой.

Стр. 31, строка 37.

Слов: c'est – *нет в Р. В.*

Стр. 32, строка 3.

После слова: государь – *в Р. В.:* третьего дня

Стр. 32, строка 6.

Вместо: другу, – *в Р. В.:* приятелю.

Стр. 32, строка 16.

Вместо: смотрел – *в Р. В., I и II изд. 68 г.:* посмотрел.

Стр. 32, строка 28.

Вместо: поднялась, – *в Р. В.:* поднималась,

Стр. 32, строка 30.

Вместо: про свою беременность, – *в Р. В.:* про свои будущие роды.

Стр. 32, строка 32.

Вместо: avez peur, – *в Р. В.:* aurez peur,

Стр. 32, строка 36.

Вместо (в сноске): про этот отъезд не говорите! Я не хочу про это слышать, – *в I и II изд. 68 г.:* про этот отъезд! Я не хочу про это слышать,

Стр. 33, строка 6.

Вместо: встав – *в Р. В.:* — встал,

Стр. 33, строка 6.

Вместо: прошел – в *Р. В.* и в *I* изд. 68 г.: прошелся

Стр. 33, строка 8.

Вместо: то на него, то на княгиню – в *Р. В.*: то на того, то на другого,

Стр. 33, строка 9.

Вместо: он тоже – в *Р. В.*: он то

Стр. 33, строка 10.

Вместо: но опять раздумал. – в *Р. В.* и в *I* изд. 68 г.: то опять раздумывал. – во *II* изд. 68 г.: но опять раздумывал.

Стр. 33, строка 13.

После: слезливую – в *Р. В.*: некрасивую

Стр. 33, строка 28.

После слова: Прощайте... – в *Р. В.*: извините меня...

И он раскланиваясь собирался уходить.

Стр. 33, строка 39.

Вместо (в сноске): ты так переменялся, так переменялся... – во *II* изд. 68 г.: ты так, так переменялся

Стр. 34, строка 6.

Вместо: в лоб. – в *Р. В.*: в коричневатый лоб.

Стр. 34, строка 10.

Со слов: Друзья молчали. – в *Р. В.*: XII.

Стр. 34, строка 17.

Вместо: отпечаток новизны, который бывает – в *Р. В.*: отпечаток новизны и изящества, которые бывают

Стр. 35, строка 7.

Вместо: Болконского, который развалившись сидел – в *Р. В.*: господина, который лежал развалившись

Стр. 35, строка 9.

Вместо: сухое лицо – в *Р. В.*: сухое, коричневатое лицо

Стр. 35, строка 13.

Вместо: был он в минуты раздражения. – в *Р. В.*, в *I* и *II* изд. 68 г.: был он в эти минуты почти болезненного раздражения.

Стр. 35, строка 16.

После слов: хотя Пьер и не говорил про Бонапарте *кончая:* и никуда не гоюсь. – в *Р. В.*: Ты говоришь Бонапарте, но Бонапарте кончил курс в артиллерийском училище, и вышел в свет, когда была война и дорога к славе была открыта каждому.

Пьер смотрел на друга, видимо вперед готовый согласиться со всем, что бы тот ни сказал.

Бонапарте вышел и сейчас же нашел то место, которое он должен был занять. И кто были у него друзья? Кто была Жозефина Богарне? Мои пять лет жизни по выходе из пажеского корпуса – гостиные, балы, любовные связи, праздность. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю, и никуда не гоюсь.

Стр. 35, строка 26.

Слов: продолжал князь Андрей, – нет в *Р. В.*

Стр. 35, строка 27.

После слов: и у Анны Павловны меня слушают. – в *Р. В.*: а я забыл, что знал. Я теперь только начал читать, но всё это без связи. А без знания военной истории, математики, фортификации, не может быть военного человека.

Стр. 35, строка 29.

После слов: и эти женщины... – *в Р. В.:* j'avais des succès dans le monde. Les femmes les plus distinguées⁴⁴⁴ мне бросались на шею.

Стр. 35, строка 29.

Вместо: Ежели бы ты только мог – *в Р. В.:* И ежели бы ты мог.

Стр. 35, строка 30.

После слов: Отец мой прав. – *в Р. В.:* Он говорит, что природа не премудра, потому что она не могла выдумать средства к распространению рода человеческого помимо женщины.

Стр. 35, строка 32.

Вместо: когда они показываются так, – *в Р. В., I изд. 68 г. и изд. 73 г.:* когда они показываются все так, – *во II изд. 68 г.:* когда показываются все так,

Стр. 35, строка 34.

После слов: кончил князь Андрей. – *в Р. В.:* и так значительно покачал головой, как будто всё то, что он сказал, была такая истина, в которой никто и не мог сомневаться.

Стр. 35, строка 36.

Вместо: вы себя, себя – *в Р. I и II изд. 68 г.:* вы себя, вы себя.

Стр. 36, строки 3/14.

Абзаца: «Как он может это говорить!» *кончая:* видел не недостаток, а силу – *нет в Р. В.*

Стр. 36, строка 18.

После слов: сказал князь Андрей. – *в Р. В.:* но по высоко и гордо поднятой красивой голове и яркому блеску взгляда видно было, как мало он верил в то, что говорил.

Стр. 36, строка 24.

После слов: И он вдруг – *в Р. В.:* впервые во весь вечер,

Стр. 36, строка 36.

После слов: все эти кутежи, и гусарство, и всё... *до конца главы* – *в Р. В.:* Знаете что, сказал Пьер, как будто ему пришла неожиданно счастливая мысль: – серьезно, я давно это думал. С этою жизнью я ничего не могу ни решить, ни обдумать. Голова болит, денег нет. Нынче он меня звал, я не поеду.

– Дай мне слово, честное слово, что ты не будешь ездить?

– Честное слово.

– Смотри.

– Конечно.

Стр. 37, строка 16.

Со слов: Уже был второй – *в Р. В.:* глава XIII.

Стр. 37/38, строки 21/3.

Вместо: Дорогой Пьер вспомнил *кончая:* поехал к Курагину. – *в Р. В.:* Ему представлялось оживленное прекрасное лицо князя Андрея, ему слышались его слова – не об отношениях его к жене (это не занимало Пьера), – но его слова о войне и о той будущности, которая могла ожидать его друга. Пьер так безусловно любил и преклонялся перед своим другом, что не мог допустить, чтобы князя Андрея, как скоро он сам того захочет, все не признали замечательным и великим человеком, которому свойственно повелевать, а не подчиняться. Пьер никак не мог представить себе, чтоб у кого бы то ни было, у Кутузова например, достало духа отдавать приказания такому человеку, очевидно рожденному для первой роли во всем, каким представлялся ему князь Андрей. Он воображал себе своего друга перед войсками, на белом коне, с краткою и сильною речью в устах, воображал себе его храбрость, его успехи, геройство и всё, что воображает большинство молодых людей для самих себя. Подъехав к своему дому, Пьер вспомнил, что он обещался нынче отдать небольшой карточный долг Анатолю, у которого нынче вечером должно было собраться обычное игорное общество.

⁴⁴⁴ [Я имел успех в свете. Самые изысканные женщины]

– Пошел к Курагину, сказал он кучеру, только думая о том, где бы провести остаток ночи и совершенно забыв данное князю Андрею слово не бывать у Курагина.

Стр. 38, строка 5.

Вместо: в котором жил Анатолий, – *в Р. В.:* в котором жил князь Анатолий Курагин, он вспомнил свое обещание; но тут же, как это бывает с людьми называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось войти взглянуть еще раз на эту столь знакомую и надоевшую ему беспутную жизнь, и невольно пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, к тому же, еще прежде чем князю Андрею, он дал также Анатолию слово привезть долг, наконец, он подумал, что все эти честные слова такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла, особенно ежели сообразить, что может быть завтра же или он умрет, или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного ни бесчестного.

Стр. 38, строка 6.

Вместо: В передней – *в Р. В.:* В роскошной передней

Стр. 38, строка 7.

После слов: пустые бутылки, – *в Р. В.:* в углу гора изогнутых карт,

Стр. 38, строка 9.

Вместо: Игра и ужин – *в Р. В.:* Видимо, игра и ужин

Стр. 38, строка 10.

Вместо: стояли остатки ужина *кончая:* недопитые стаканы. – *в Р. В.:* по середине стояла статуя скаковой лошади во весь рост.

Стр. 38, строка 12.

Вместо: слышалась – *в Р. В.:* слышалась яснее

Стр. 38, строка 13.

Вместо: хохот, крики знакомых голосов и рев медведя. – *в Р. В.:* и знакомые хохот и крики человек шести или восьми. Он вошел в третью комнату, в которой стояли еще остатки ужина.

Стр. 38, строка 14.

Вместо: толпились озабоченно *кончая:* — Держу за Стивенса сто! – *в Р. В.:* все без сюртуков и большею частью в военных рейтузах, толпились около открытого окна и все вместе по-русски и по-французски кричали непонятные слова.

– Держу за Чаплица сто!

Стр. 38, строка 17.

Вместо: за Стивенса сто! – *в I изд. 68 г.:* за Чаплица сто!

Стр. 38, строка 20.

Слов: Ну, бросьте Мишку, тут пари. – *нет в Р. В.*

Стр. 38, строка 22.

Вместо: высокий красавец, – *в Р. В.:* высокий статный красавец,

Стр. 38, строка 23.

Слов: в одной тонкой рубашке, раскрытой на середине груди. – *нет в Р. В.*

Стр. 38, строка 24.

Вместо: Вот он, Петруша, милый друг *кончая:* весело глядя вокруг себя. – *в Р. В.:* Вот он, Pierre!

– А! Петр! Петруша! Pierre le grand!

– Pierre le gros!⁴⁴⁵ закричали, со всех сторон обступая его.

На всех бледных, красных и с красными пятнами молодых лицах выразилась радость при виде Пьера, который, сняв очки и протирая их, смотрел на всю эту толпу.

Стр. 38, строка 32.

⁴⁴⁵ [Петр великий! – Петр толстый!]

Вместо: В чем дело? – спросил он. – *в Р. В.:* В чем дело? – сказал он, благодушно улыбаясь. – *в I и II изд. 68 г.:* в чем дело?

Стр. 38, строка 36.

Вместо: Пьер стал – *в Р. В.:* Пьер молча стал.

Стр. 38, строка 37.

Вместо: и прислушиваясь к их говору. – *в Р. В.:* толкуя о чем-то ему непонятном.

Стр. 38/39, строки 38/2.

Вместо: Анатолий наливал ему вино *кончая:* с опущенными наружу ногами. – *в Р. В.:* Он выпил один стакан залпом; Анатолий с значительным видом налил ему другой. Пьер покорно выпил, хотя и медленнее первого. Анатолий налил третий. Пьер выпил и этот, хотя остановился два раза, чтобы перевести дух. Анатолий стоял подле серьезно глядя своими прекрасными большими глазами попеременно на стакан, на бутылку и на Пьера. Анатолий был красавец: высокий, полный, белый, румяный; грудь у него была так высока, что голова откидывалась назад, что придавало ему гордый вид. У него был прекрасный свежий рот, густые русые волосы, на выкате черные глаза и общее выражение силы, здоровья и добродушия свежей молодости. Но прекрасные глаза его с чудесными, правильными, черными бровями как будто были сделаны не столько для того, чтобы смотреть, сколько для того, чтобы на них смотрели. Они казались неспособными изменять выражение. Что он был пьян, это видно было только по его красному лицу, но еще более по неестественно выпученной груди и по разинутости глаз. Несмотря на то, что он был пьян и что верхняя часть его могущественного тела покрывалась только рубашкою, раскрытой на груди, – по легкому запаху духов и мыла, который сливался вокруг него с запахом выпитого вина, по тщательно-напомаженной утром прическе его волос, по изящной чистоте пухлых рук и тончайшего белья, по этой белизне и гладкой нежности кожи, – и в теперешнем состоянии его был виден аристократ, в смысле вошедшего с детства в привычку тщательного и роскошного ухода за своею особой.

Стр. 39, строка 3.

Вместо: — Ну, пей же всю! – сказал Анатолий, подавая последний стакан Пьеру, – а то не пущу! – *в Р. В.:* Ну, пей же всю! А? – Сказал он серьезно, подавая последний стакан Пьеру.

Стр. 39, строка 5.

Вместо: отталкивая Анатолия, *кончая:* обращаясь преимущественно к Анатолию и Пьеру. – *в Р. В.:* запинаясь на половине стакана. – Ну в чем дело? прибавил он с видом человека, исполнившего приготовительную обязанность и теперь считающего себя вправе принять участие в общем деле.

– Пей же всю. А?... повторил Анатолий, шире разевая глаза, и поднял своею белою, голою до локтя рукой недопитый стакан. Он имел вид человека, делающего важное дело, потому что всю энергию свою в эту минуту он употреблял на то, чтобы держать стакан прямо, и сказать именно то, что он хотел сказать.

– Говорю не хочу, отвечал Пьер, надевая очки и отходя прочь.

– О чем вы кричите? спросил он у толпы, собравшейся у окна.

Анатолий постоял, подумал, отдал стакан слуге, и слегка улыбнувшись своим красивым ртом, подошел тоже к окну.

По пятницам Анатолий Курагин принимал всех у себя; у него играли, ужинали и потом проводили ночь, большею частью вне дома. В этот день игра в фараон завязалась продолжительная и большая. Анатолий проиграл немного, и так как он не имел страсти к игре, а играл по привычке, то скоро отстал. Один богач, лейб-гусар, проиграл много, а один семеновский офицер Долохов, выиграл у всех. После игры, сели очень поздно ужинать. Весьма серьезный англичанин, выдававший себя за путешественника, сказал, что он полагал, по дошедшим до него сведениям, что русские гораздо сильнее пьют, чем он это нашел на деле. Он говорил, что в России пьют только шампанское, а что ежели пить ром, то он предлагает пари, что выпьет больше всех

присутствовавших. Долохов, тот офицер, который больше всех выиграл в тот вечер, сказал, что просто о бутылке рома не стоит держать пари, а что он вызывается выпить ее, не отводя ее ото рта и сидя на окне третьего этажа со спущенными наружу ногами. Англичанин предложил пари. Анатолий принял пари за Долохова, то есть, что Долохов выпьет бутылку рома на окне. В ту минуту, когда вошел Пьер, лакеи выставляли раму, чтобы можно было сесть на наружный подоконник. Окно, в третьем этаже, было достаточно высоко для того, чтобы упавший с него мог убиться до смерти. С разных сторон пьяные и дружелюбные лица рассказывали Пьеру в чем было дело, как будто полагая в том, что Пьер будет знать это дело, какую-то особенную важность.

Стр. 39, строка 10.

Вместо: человек среднего роста, курчавый – в *Р. В.:* гвардейского пехотного полка офицер, среднего роста, мускулистый, как бы сбитый весь, с широкою и полною грудью, чрезвычайно курчавый.

Стр. 39, строка 13.

После слов: весь виден. – в *Р. В.:* Рот этот был чрезвычайно приятен, несмотря на то что почти никогда не улыбался.

Стр. 39, строка 18.

Вместо: с твердым, наглым, умным взглядом, *кончая:* в мире повес и кутил Петербурга. – в *Р. В.* с прямым, несколько наглым, но огненным и умным взглядом, составляло впечатление такое, что проходя мимо этого лица, нельзя было не заметить его и не спросить, кто этот обладатель такого красивого и странного лица. Женщинам Долохов нравился, и он искренно был убежден, что безупречных женщин не бывает. Долохов был молодой человек хорошей фамилии, но не богатый; однако он жил роскошно и постоянно играл. Он почти всегда выигрывал; но никто, даже и в отсутствии его, не смел приписывать его постоянный успех чему-нибудь другому, кроме счастья, светлой головы и непоколебимой силы воли. В душе, каждый, игравший с ним, предполагал в нем шулера, хотя и не смел сказать этого. Теперь, когда он затеял свое странное пари, пьяное общество приняло особенно живое участие в его намерении, именно потому что знавшие его знали, что сказанное им будет сделано. Пьер знал это также и потому только поздоровался с Долоховым и не пытался возражать против его намерения.

Остальное общество состояло из трех офицеров, англичанина, которого видали в Петербурге в самых разнообразных обществах, одного москвича игрока, женатого толстяка, который был гораздо старше всех, но был однако *на ты* со всею этою молодежью.

Стр. 39, строка 29.

Вместо: два лакея, видимо – в *Р. В.:* два лакея видимо в штиблетах и кафтанах.

Стр. 39, строка 32.

Вместо: Анатолий с своим победительным видом *кончая:* дубовую раму. – в *Р. В.:*

Анатолий, с выпученною грудью, не переменяя выражения, не обходя и не прося посторониться, продавил своим сильным телом толпу у окна, подошел к раме, и обернув обе белые руки сюртуком, валявшимся на диване, ударил в стекла и пробил их.

– Ну вот, ваше сиятельство, сказал лакей, – только мешаете и ручки порежете.

– Пошел, дурак, а?... проговорил Анатолий, взялся за перекладины рамы и стал тянуть. Несколько рук взялись также за дело; потянули, и рама с треском выскочила из окна, так что тянувшие чуть не упали.

Стр. 39, строка 34.

Слов: Он разбил стекло – *нет в I изд.* 68 г.

Стр. 39, строка 36.

Вместо: Пьер взялся за перекладины, потянул и с треском где сломал, где выворотил дубовую раму. – в *I изд.* 68 г. И действительно Пьер, потянув, с треском выворотил сломан-

ную дубовую раму. — *во II изд.*: Пьер взялся за перекладыны, потянул и с треском выворотил дубовую раму.

Стр. 39, строка 38.

Вместо: сказал Долохов.

— Англичанин хвастает... а?... хорошо? — говорил Анатоль.

— Хорошо, — сказал Пьер, — *в Р. В.*: сказал Долохов.

— Послушай, сказал Анатоль Пьеру — Понимаешь?... Англичанин хвастает... а?... национальность.. а?... Хорошо?..

— Хорошо, — сказал Пьер с замиранием сердца

Стр. 40, строка 5.

После слова: Долохов — *в Р. В.*: засучив для чего-то рукава рубашки,

Стр. 40, строка 5.

Вместо: в руке вскочил — *в Р. В.*: в руке ловко вскочил.

Стр. 40, строка 20.

Вместо: повторять ему условия пари. — *в Р. В.*: толковать ему то, что уже было всем понятно.

Стр. 40 и 41, строки 38 и 12.

Вместо: распершись — *в I и II изд. 68 г.*: расперевшись

Стр. 41, строка 4.

Вместо: Один из присутствующих, постарше других, — *в Р. В.*: — Старый москвич

Стр. 41, строка 7.

Вместо: сказал этот более благоразумный человек. — *в Р. В. и в I изд. 68 г.*: сказал он.

Стр. 41, строка 12.

После слов: опять распершись руками. — *в Р. В.*: Лицо его было ни бледно, ни красно, но холодно и зло.

Стр. 41, строка 15.

После слов: того сейчас спущу вот сюда. Ну!... — *в Р. В.*: И так скользко, катишься вниз, а тут со вздорами суется... Ну!...

Стр. 41, строка 22.

Вместо: Тот, который останавливал, — *в Р. В.*: Старый москвич

Стр. 41, строка 23.

После слов: к стене. — *в Р. В.*: Кто стоял с разинутым ртом, кто с поднятыми руками.

Стр. 42, строка 3.

Вместо: Долохов спрыгнул — *в Р. В.*: Затем Долохов спрыгнул

Стр. 42, строка 4.

Вместо: — Отлично! Молодцом! Вот так пари! — *в Р. В.*: А? каково? А?... спрашивал у всех Анатоль. — Штука славная!

Стр. 42, строка 5.

Вместо: кричали с разных сторон. — *в Р. В.*: говорил старый москвич.

Стр. 42, строка 7.

Вместо: Пьер вскочил на окно. — *в Р. В.*: Пьер, в растерянном виде ходил по комнате, улыбаясь и тяжело дыша.

Стр. 42, строка 9.

Вместо: крикнул он. — *в Р. В.*: заговорил он.

Стр. 42, строка 11.

Слов: — Пускай, пускай! — сказал Долохов, улыбаясь. — *нет в Р. В.*

Стр. 42, строка 14.

Вместо: Я выпью, давай бутылку рому! *до конца главы* — *в Р. В.*: — Это подло, что мы оставили одного Долохова жертвовать жизнью. Я выпью, давай бутылку рому! закричал Пьер,

решительным и пьяным жестом ударяя по столу, и полез в окно. Его схватили за руки и отвели в другую комнату. Но Долохов не мог идти; его отнесли на диван, и облили ему голову холодной водой.

Кто-то хотел ехать домой, кто-то предложил ехать не домой, а всем вместе куда-то еще. Пьер более всех настаивал на том, чтоб ехать. Надели плащи и поехали. Англичанин уехал домой, а Долохов полумертвым, бесчувственным сном заснул на диване у Анатоля.

Стр. 42, строка 18.

Вместо: говорил Анатолий, – в I изд. 68 г. заговорил Анатолий,

Стр. 42, строка 25.

Вместо: VII. – в P. B.: В Москве. XIV. – в I и II изд. 68 г. ошибочно: X. – в изд. 73 г.: VII. Ч. I, гл. VII.

Стр. 42, строка 26.

Вместо: данное на вечере, – в P. B.: данное им на вечере

Стр. 42, строка 27.

Вместо: княгине Друбецкой, – в P. B.: пожилой даме

Стр. 43, строка 6.

Слов: с красивою – нет в P. B.

Стр. 43, строка 24.

Вместо: с одинаким – в P. B.: с одинаковым

Стр. 44, строка 6.

После слов: огромный раздвинутый стол. – в P. B.: Да порядок в винах не забудь;

Стр. 44, строка 17.

Вместо: с круглолицею улыбающеюся – в P. B.: с миловидною

Стр. 45, строка 12.

Вместо: Но выслали-таки из Петербурга. – в P. B.: Он всё остался в кавалергардском полку.

Стр. 45, строка 24.

После слов: помирая со смеху. – в P. B.: с таким одобрительным видом, что он, несмотря на свои лета, не отказался бы принять участие в таком увеселении.

Стр. 45, строка 33.

После слов: у меня дочери. – в P. B.: – Однако, это штука отличная, ma chère. Молодцы! говорил граф, не удерживаясь от смеха.

Гостя чопорно и сердито посмотрела на него.

– Eh! ma chère, Марья Львовна, сказал он своим дурным французским выговором и языком: il faut pour que la jeunesse elle se passe!⁴⁴⁶ Право, прибавил он. И мы с вашим мужем не святые были. Тоже бывали грешки.

И он подмигнул ей; гостя не отвечала.

Стр. 46, строка 7.

Вместо: — Как старик был хорош, – в P. B.: – Как он был хорош,

Стр. 46, строка 9.

Вместо: сказала Анна Михайловна – в P. B.: сказала княгиня.

Стр. 46, строка 31.

Вместо: захохотал звучным – в P. B.: захохотал тем звонким – в I изд. 68 г.: захохотал звонким.

Стр. 46, строка 33.

Слов: Так пожалуйста же, обедать к нам, – сказал он. – нет в P. B.

Стр. 46, строка 35.

⁴⁴⁶ [юность должна перебеситься!]

Вместо: VIII – в *Р. В.:* – XV – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XI.

Ч. I, гл. VIII.

Стр. 47, строка 7.

Вместо: Очевидно было, она – в *Р. В. и в I изд.* 68 г.: Казалось, она.

Стр. 47, строка 8.

Вместо: бега, – в *Р. В.:* разбегу, – в *I изд.* 68 г.: разбега,

Стр. 47, строка 8.

После слов: в ту же минуту показались студент с малиновым воротником, – в *Р. В.:* четыре существа: два молодые человека, один студент с малиновым воротником, другой

Стр. 47, строка 11.

Вместо: курточке. – в *Р. В.:* — блузе

Стр. 47, строка 16.

Вместо: сказала графиня, притворяясь строгою. – в *Р. В.:* сказала графиня дочери, очевидно только для того, чтобы сказать что-нибудь, потому что сразу было видно, что дочь нисколько не боялась ее.

Стр. 47, строка 17.

После слов: прибавила она, – в *Р. В.:* льстиво

Стр. 47, строка 23.

Вместо: выскочившими из корсажа от быстрого – в *Р. В., I и II изд.* 68 г.: которые, сжимаясь двигались в своем корсаже от быстрого

Стр. 47, строка 25.

После слов: и маленькими – в *Р. В.:* быстрыми.

Стр. 47, строка 28.

После слов: Вывернувшись от отца, она – в *Р. В.:* быстрая, грациозная и видимо не привыкшая к гостиниой,

Стр. 47, строка 31.

Вместо: Она смеялась чему-то кончая: Видите?... Кукла... Мими... – в *Р. В.:* – Мама! мы Бориса... ха-ха!... женили на кукле... ха-ха!... на... ах!.. Мими... проговорила она сквозь смех: – и... ах... он убежал...

И она вынула из-под юбки и показала большую куклу с черным, стертым носом, треснутою картонною головой и лайковым задом, ногами и руками, мотавшимися в коленках и локтях, но еще с свежее карминовой, изысканною улыбкой и дугообразными чернейшими бровями.

Графиня уже пятый год знала эту Мими, неизменного друга Наташи, подаренную крестным отцом.

Стр. 47, строка 36.

После слов: против воли засмеялись. – в *Р. В.:* И в лакейской был слышен этот смех. Улыбаясь, переглянулись лакеи графини с приезжим ливрейным лакеем, до сего мрачно сидевшим на стуле.

Стр. 48, строка 1.

После слов: моя меньшая, – в *Р. В. – в I изд.* 68 г.: избалованная девочка, как видите,

Стр. 48, строка 4.

Вместо: матери, взглянула – в *Р. В.:* матери и взглянув

Стр. 48, строка 4.

Вместо: снизу кончая: спрятала лицо. – в *Р. В.:* тихо, сквозь слезы смеха, проговорила: – Мне стыдно, мама! – И опять, быстро-быстро, как будто боясь чтоб ее не поймали, спрятала лицо.

Стр. 48, строка 10.

Вместо: не понравился тон снисхождения до детского разговора, с которым гостя обратилась к ней. – *в Р. В.:* не понравилась гостя и тон, с которым она снисходила до детского разговора.

Стр. 48, строка 12.

После слов: и серьезно посмотрела на гостью. – *в Р. В.:*

– Non, madame, ce n'est pas ma fille, c'est une poupée,⁴⁴⁷ сказала она, смело улыбаясь, встала от матери и присела подле старшей сестры, показывая тем, что и она может вести себя как большая.

Стр. 48, строка 16.

После слов: меньшей сын, все – *в Р. В.:* как вдруг опущенные в холодную воду,

Стр. 48, строка 22.

Со слов: Изредка они *кончая:* от смеха. – *нет в Р. В.*

Стр. 48, строка 25.

После слов: на друга. – *в Р. В.:* Борис, (как звала мать не по-русски Барис, а Boris, по-французски, налегая на о),

Стр. 48, строка 27.

Вместо: спокойного и красивого лица *кончая:* с открытым выражением лица. – *в Р. В.:* длинноватого лица. Спокойный и внимательный ум выражался в приятных серых глазах его; в углах же еще не обросших губ заметна была всегда насмешливая и немного хитрая улыбка, не только не вредившая, но придававшая как бы соль выражению его свежего, очевидно еще нетронутого ни пороком, ни горем красивого лица. Николай был не велик ростом, широкогруд и очень тонко и хорошо сложен. Открытое лицо, с русыми, мягкими выющимися волосами вокруг выпуклого, широкого лба, с восторженным взглядом полузакрытых карих выпуклых глаз, выражало всегда впечатление минуты.

Стр. 48, строка 29.

Вместо: показывались – *в Р. В.:* показались

Стр. 48, строка 31.

Вместо: Николай покраснел *кончая:* не находил, что сказать; – *в Р. В.:* Оба молодые человека, поклонившись, сели в гостиной: Борис сделал это легко и свободно; – Николай, напротив, почти детски-озлобленно. Николай поглядывал то на гостей, то на дверь, видимо не желая скрывать, что ему тут скучно, и почти не отвечая на вопросы, которые ему делали гости.

Стр. 48, строка 33.

Вместо: спокойно, – *в Р. В.:* степенно,

Стр. 48, строка 36.

Вместо: Сказав это, он взглянул на Наташу *кончая:* Борис не рассмеялся. – *в Р. В.:* Потом он спросил даму о ее здоровье. Все что он говорил, было просто и прилично, – ни умно, ни глупо, – но улыбка, игравшая на его губах, показывала, что он, говоря, не приписывает никакой цены своим словам, а говорит только из приличия.

– Мама, зачем он говорит, как большой, – я не хочу, проговорила Наташа, подходя к матери, и как капризный ребенок, указывая на Бориса.

Борис улыбнулся на нее.

– Тебе бы всё с ним в куклы играть, отвечала ей княгиня Анна Михайловна, трепля ее по голому плечу, которое нервно ежилось и пряталось в корсаж при прикосновении руки Анны Михайловны.

– Мне скучно, прошептала Наташа. – Мама, няня просится в гости? можно ей? можно ей? повторила она, возвышая голос с свойственной женщинам способностью быстрого сообщения для невинного обмана. – Можно? Мама! прокричала она, чуть удерживаясь от смеха

⁴⁴⁷ [Нет, милостивая государыня, это не моя дочь, а кукла.]

и взглядывая на Бориса, присела гостям и вышла до двери, а за дверью побежала так скоро, как только могли нести ее быстрые ножки.

Борис задумался.

Стр. 48, строка 37.

После слова: Наташа – в I изд. 68 г.: покраснела от усиления удерживать смех,

Стр. 49, строка 5.

Вместо: с улыбкой – в Р. В.: краснея и

Стр. 49, строка 9.

Вместо мальчик – в Р. В.: мальчик в блузе

Стр. 49, строка 9.

Вместо: на расстройство, – в Р. В.: на какое-нибудь расстройство,

Стр. 49, строка 11.

Вместо: IX – в Р. В.: XVI. – в I и II изд. 68 г. ошибочно: XII. – в изд. 73 г.: IX.

Ч. I, гл. XII.

Стр. 49, строка 15.

После слов: Соня-племянница. – в Р. В.: которая сидела с тою несколько притворною праздничною улыбкой, с какою и многие взрослые люди считают нужным присутствовать при чужих разговорах, и беспрестанно нежно взглядывала на своего cousin.

Стр. 49, строка 23.

Вместо: считала приличным выказывать – в Р. В.: приличным своею праздничною улыбкой выказывать

Стр. 49, строка 30.

Слов: так же, как Борис с Наташей, – нет в Р. В.

Стр. 49, строка 37.

После слов: сказал граф. – в Р. В.: всё еще неопределенно.

Стр. 50, строка 3.

Вместо: Ma chère, вот – в изд. 73 г.: – Вот, милая,

Стр. 50, строка 6.

Вместо: вспыхнув – в Р. В.: весь вспыхнув

Стр. 50, строка 9.

Вместо: обе смотрели на него с улыбкой одобрения. – в Р. В.: барышня смотрела на него с улыбкой, одобряя поступок молодого человека.

Стр. 50, строка 14.

После слов: стоило ему много горя. – в Р. В.: Николай вдруг почему-то разгорячился.

Стр. 50, строка 16.

Вместо: Но я знаю, что никуда – в Р. В.: Я знаю, что я, что никуда – в I и II изд. 68 г.:
Но я знаю, что я никуда

Стр. 50, строка 18.

Слов: не чиновник, – нет в Р. В.

Стр. 50, строка 18.

После слов: что чувствую, говорил он, – в Р. В.: слишком восторженно жестикулируя для своих слов и

Стр. 50, строка 22.

После слов: кошечью натуру. – в Р. В.: Барышня улыбкой продолжала одобрять.

– А может быть из меня что-нибудь и выйдет, прибавил он, – а здесь я не гожусь...

Стр. 50, строка 27.

Вместо: Большие заговорили о Бонапарте... *кончая:* отыскивать Соню. – в Р. В.: Ну, ступай, ступай, Nicolas, уж я вижу, ты в лес глядишь, сказала графиня.

– Совсем нет, отвечал сын; однако через минуту встал, поклонился и вышел из комнаты.

Соня посидела еще немного, всё улыбаясь притворнее и притворнее, и с тою же улыбкой встала и вышла.

Стр. 50, строка 38.

Слов: из комнаты. – *нет в Р. В.*

Стр. 51, строка 2.

Вместо: сказала – *в Р. В.:* сказала княгиня

Стр. 51, строка 2.

Вместо: указывая на выходящего Николая. – *Cousinage dangereux voisinage*, – прибавила она, – *в Р. В.:* указывая на Соню и смеясь. Гостя засмеялась.

Стр. 51, строка 8.

После слов: сколько беспокойств – *в Р. В.:* продолжала она,

Стр. 51, строка 23.

Вместо: Да вот, что вы хотите – *в Р. В. и в I и II изд. 68 г.:* Что вы хотите,

Стр. 51, строка 24.

Вместо: ma chère. – *в изд. 73 г. (в тексте):* милая!

Стр. 51, строка 25.

После слов: ваша меньшая! – сказала гостя. – *в Р. В.:* оглядываясь с укором на дочь, как будто внушая этим взглядом своей дочери, что вот-де какою надо быть, чтобы нравиться, а не такою куклой, как ты. —

Стр. 51, строка 27.

После слов: какой голос: – *в Р. В.:* талант!

Стр. 51, строка 32.

Вместо: Как же наши матери – *в Р. В.:* А как же наши матери

Стр. 51, строка 33.

После слов: лет замуж? – *в Р. В.:* добавила княгиня Анна Михайловна.

Стр. 51, строка 38.

Вместо (в сноске): Беда – *в I и II изд. 68 г.:* Бедовое дело.

Стр. 52, строка 9.

Вместо: была не глупа, училась прекрасно, – *в Р. В.:* и *в I изд. 68 г.:* была умна,

Стр. 52, строка 18.

Вместо: прибавил он, одобрительно подмигивая Вере. – *в Р. В.:*

И он с тем чутьем, которое проницательнее ума, подошел к Вере, заметив, что ей неловко, и рукой приласкал ее.

– Виноват, мне надо распорядиться кое-чем. Вы посидите еще, прибавил он, кланяясь и сбиравшись выйти.

Стр. 52, строка 22.

Вместо: X. – *в Р. В.:* XVII. – *в I и II изд. 68 г. ошибочно:* XIII. – *в изд. 73 г.:* X.

Ч. I, гл. X.

Стр. 52, строка 29.

Вместо: Наташа быстро – *в Р. В.:* тринадцатилетняя девочка быстро

Стр. 52/53, строки 31/35.

Вместо: Борис остановился посреди комнаты... – *кончая:* смотрел в ее оживленное лицо и ничего не отвечал. – *в Р. В.:*

– Борис Николаич! проговорила она басом, пугая его, и тотчас же засмеялась. Борис увидал ее, покачал головой, и улыбнулся.

– Борис, подите сюда, сказала она с значительным и хитрым видом.

Он подошел к ней, пробираясь между кадками.

– Борис! Поцелуйте Мими, сказала она, плутовски улыбаясь и выставляя куклу.

– Отчего-ж не поцеловать? сказал он, подвигаясь ближе и не спуская глаз с Наташи.

– Нет, скажите не хочу.

Она отстранилась от него.

– Ну, можно сказать и не хочу. Чтò веселого целовать куклу?

Стр. 53, строка 37.

После слов: сказала она и – *в Р. В.:* потом

Стр. 53, строка 38.

После слов: бросила куклу. – *в Р. В.:* на кадку цветов.

Стр. 54, строка 6.

После слов: и выжидая. – *в Р. В.:* Чуть заметная насмешливость порхала еще на его губах, готовая исчезнуть.

Стр. 54, строка 11.

Вместо: Она проскользнула между горшками... *кончая:* Да, влюблен, но – *в Р. В.:*

– Ах, чтò я наделала! закричала она, смеясь, проскользнула между горшками на другую сторону цветов; резвые ножки быстро закрипели по направлению к детской. Борис побежал за ней, и остановил ее.

– Наташа, сказал он, – я тебя... можно говорить *ты*?

Она кивнула головой.

– Я тебя люблю, сказал он медленно. – Ты не ребенок. Наташа, сделай то, о чем я тебя попрошу.

– О чем *ты* меня попросишь?

Стр. 54, строка 16.

Слов: Тогда я буду просить вашей руки. – *нет в Р. В.*

Стр. 54, строка 17.

Вместо: Наташа подумала – *в Р. В.:* Наташа остановилась, подумала

Стр. 54, строка 21.

Вместо: И улыбка – *в Р. В.:* И серьезная улыбка

Стр. 54, строка 21.

После слова: оживленное – *в Р. В.:* хотя и некрасивое

Стр. 54, строка 24.

Вместо: сказала – *в Р. В.:* говорила

Стр. 54, строка 25.

Слов: она с счастливым лицом – *нет в Р. В.*

Стр. 54, строка 26.

Вместо: в диванную. – *в Р. В.:* в детскую.

Стр. 54, строка 26:

После слов: в диванную. – *в Р. В.:*

Красивое, тонкое лицо Бориса покраснело, и в губах совершенно исчезло выражение насмешки. Он выпрямил грудь и счастливо, самодовольно вздохнул. Глаза его смотрели, казалось, далеко в будущее, за четыре года, в счастливый 1809 год. Молодежь собралась опять в детскую, где больше всего она любила сидеть.

– Нет не уйдешь! закричал Николай, всё делавший и говоривший страстно и порывисто, одну рукой хватая Бориса за рукав мундира, а другою отнимая руку у сестры. – Ты обязан обвенчаться.

– Обязан! обязан! закричали обе девочки.

– Я буду дьячок, Николенька, кричал Петруша. – Пожалуста, я буду дьячок. «Господи помилуй!».

Казалось бы непонятным, чтò могли находить веселого молодые люди и девушки в венчании куклы с Борисом; но стоило только посмотреть на торжество и радость, изображенные на всех лицах, в то время как кукла, убранная померанцовыми цветами, и в белом платье, была

поставлена на колышек лайковым задом, и Борис, на всё соглашавшийся, подведен к ней, и как маленький Петруша, надев на себя юбку, воображал себя дьячком, – стоило только посмотреть на всё это, чтоб и не понимая этой радости, разделить ее.

Во время одевания невесты, Николай и Борис были выгнаны для приличия из комнаты. Николай в волнении ходил по комнате и про себя ахал и пожимал плечами.

– Чтò с тобой? спросил Борис.

Тот поглядел на своего друга и отчаянно махнул рукой.

– Ах, ты не знаешь, что со мной сейчас случилось! сказал он, хватая себя за голову.

– Чтò? спросил Борис насмешливо и спокойно.

– Ну, я уезжаю, а она... Нет, я не могу сказать!

– Да чтò же? повторил Борис. – С Соней?

– Да. Знаешь что?

– Чтò?

– Ах, удивительно! Как ты думаешь? Обязан я после этого всё сказать отцу?

– Да что?

– Знаешь, я сам не знаю, как это случилось, я поцеловал нынче Соню: я скверно поступил.

Но чтò же мне делать? Я до безумия влюблен. А дурно это с моей стороны? Я знаю, что дурно... Как ты скажешь?

Борис улыбнулся.

– Чтò ты говоришь? Неужели? спросил он с хитрым и насмешливым удивлением. – Так и поцеловал в губы? когда?

– Да сейчас. Ты бы не сделал этого? А? не сделал бы? Я дурно поступил?

– Ну, не знаю. Всё зависит от того, какие ты имеешь намерения?

– Ну! еще бы. Это верно. Я ей сказал. Как меня произведут в офицеры, так я женюсь на ней.

– Это удивительно, повторил Борис. – Как ты, однако, решителен!

Николай, успокоившись, засмеялся.

– Я удивляюсь, отчего ты никогда не был влюблен и в тебя не влюблялись.

– Такой мой характер, сказал Борис, краснея.

– Ну, да ты хитрый! Правду Вера говорит.

Николай вдруг принялся щекотать своего друга.

– А ты отчаянный. Правду же Вера говорит. – И Борис, боявшийся щекотки, отталкивал руки своего друга. – Ты уж что-нибудь сделаешь необыкновенное.

Оба, смеясь, вернулись к девочкам для совершения обряда венчания.

Стр. 54, строка 27.

Вместо: XI. – *в Р. В.:* XVIII. – *в I и II изд. 68 г. ошибочно:* XIV. – *в изд. 73 г.:* XI.

Ч. I, гл. XI.

Стр. 54, строка 31.

Вместо: Графине хотелось – *в Р. В.:* Кроме того, ей хотелось

Стр. 55, строка 1.

Вместо: Анна Михайловна – *в Р. В.:* Княгиня

Стр. 55, строка 4.

Вместо: понятия – *в Р. В.:* такта

Стр. 55, строка 7.

Слова: презрительно – *нет в Р. В.*

Стр. 55, строка 9.

Слов: – Ежели бы вы мне... *кончая:* сказала она, – *нет в Р. В.*

Стр. 55, строка 10.

Вместо: пошла – *в Р. В.:* прошла.

Стр. 55, строка 11.

Вместо: диванной, – в *Р. В.:* детской

Стр. 55, строка 12.

Слов: Она остановилась и презрительно улыбнулась. – *нет в Р. В.*

Стр. 55, строка 14.

Вместо: переписывал ей стихи, – в *Р. В.:* с разгоряченным лицом читал ей стихи,

Стр. 55, строка 15.

Вместо: замолчали, – в *Р. В.:* молчали.

Стр. 55, строка 15.

Слов: когда вошла Вера. – *нет в Р. В.*

Стр. 55, строка 15.

Вместо: когда вошла Вера... *кончая:* всё одни глупости! – в *Р. В.:* Борис держал ее руку и выпустил при появлении Веры. Наташа взяла стоявший подле нее ящичек с перчатками и стала перебирать их. Вера улыбнулась. Николай с Соней посмотрели на нее, встали и вышли из комнаты.

– Наташа, – сказала Вера меньшей сестре, внимательно перебиравшей душистые перчатки. – Что это Nicolas с Соней от меня бегает? Что у них за секреты?

Стр. 55, строка 34.

После слов: проговорила Наташа. – в *Р. В.:* продолжая свою работу.

Стр. 55, строка 35.

Слов: в этот день – *нет в Р. В.*

Стр. 55, строка 36.

После слов: и ласкова. – в *Р. В.:* от счастья.

Стр. 55, строка 37.

После слов: Очень глупо, – в *Р. В.:* с их стороны,

Стр. 55, строка 37.

После слов: сказала Вера, мне совестно за вас. Что за секреты?... – в *Р. В.:* тоном, который показался обиден Наташе.

Стр. 55, строка 40.

Вместо: сказала Наташа разгорячась – в *Р. В.:* сказала она разгорячаясь – в *I и II изд. 68 г.:* сказала Наташа разгорячаясь.

Стр. 56, строка 1.

Вместо: Я думаю, не трогаете, сказала Вера, потому что о моих поступках никогда ничего не может быть дурного. – в *Р. В.:* Как глупо!

Стр. 56, строка 3.

После слов: обходиться. – в *Р. В.:* Это не хорошо.

Борис поднялся и вежливо поклонился Вере.

Стр. 56, строка 5.

Слов: сказал Борис. – *нет в Р. В.*

Стр. 56, строка 5.

После слов: сказал он. – в *Р. В.:* насмешливо. Наташа не засмеялась и подняла голову.

Стр. 56, строка 8.

Вместо: сказала Наташа – в *Р. В.:* сказала она.

Стр. 56, строка 9.

Слов: оскорбленным, дрожащим голосом. – *нет в Р. В.*

Стр. 56, строка 9.

После слов: ко мне пристает? – в *Р. В.:* И она обратилась к Вере.

Стр. 56, строка 10.

Слов: обращаясь к Вере, – *нет в Р. В.*

Стр. 56, строка 15.

Вместо: проговорила она скоро. – в *Р. В.:* Это она проговорила скоро и вышла из детской.

Стр. 56, строки 17/26.

Со слов: – Да уж я верно... *кончая:* голоса из-за двери, – *нет в Р. В.*

Стр. 56, строка 28.

Вместо: улыбнулась – в *Р. В.:* опять улыбнулась тою же улыбкой, ничего не значащею,

Стр. 56, строка 33.

Со слов: В гостиной продолжался – в *Р. В.:* XIX – глава.

Стр. 57, строка 3.

Вместо: твои годы, – во *II изд.* 68 г.: свои годы,

Стр. 57, строка 24.

Вместо: И думаю, – в *Р. В.:* Я думаю

Стр. 57, строка 27.

Вместо: любезен, – в *Р. В.:* – Князь любезен,

Стр. 57, строка 31.

Вместо: Nathalie, – в *Р. В.:* Annette,

Стр. 57, строка 39.

Вместо (в сноске): Почести не изменили его. – в *I и II изд.* 68 г.: высокое положение не изменило его вовсе.

Стр. 58, строка 32.

Вместо: Говорит, – в *Р. В.:* Говорят,

Стр. 58, строка 34.

Вместо: XII, – в *Р. В.:* XX. – в *I и II изд.* 68 г. *ошибочно:* XV. – в *изд.* 73 г.: XII.

Ч. I, гл. XII.

Стр. 59, строка 1.

После слова: широкий – в *Р. В.:* усыпанный красным песком двор известного, с колоннами дома графа

Стр. 59, строка 5.

Вместо: будь ласков, будь внимателен. – в *Р. В.:* оставь, пожалуйста, свою гордость.

Стр. 59, строка 11.

После слов: делаю это для вас. – в *Р. В.:* Только это в последний раз, маменька. Помните.

Стр. 59, строка 19.

После слов: сказал сын по-французски. – в *Р. В.:* видимо обрадованный этим известием.

Стр. 59, строка 23.

Вместо: Борис замолчал и, – в *Р. В.:* Борис, опасаясь сцены при швейцаре, замолчал с видом человека, решившегося испить чашу до дна. Он,

Стр. 60, строка 3.

Вместо: спокойно шел за нею. – в *Р. В.:* шел невесело.

Стр. 60, строка 20.

Вместо: Сын заметил, – в *Р. В.:* Сын с удивлением заметил,

Стр. 60, строка 21.

Вместо: его матери, и слегка улыбнулся, – в *Р. В.:* княгини Анны Михайловны.

Стр. 60, строка 23.

Вместо: видется, – в *Р. В. и в I изд.* 68 г.: свидется,

Стр. 60, строка 24.

Слов: как будто – *нет в Р. В.*

Стр. 60, строка 25.

После слов: на нее взгляда. – в *Р. В.:* и обращаясь к князю, как к лучшему другу, с которым можно разделить горе.

Стр. 61, строка 4.

Вместо: у Annette – в *Р. В.:* Annette

Стр. 61, строка 11.

Вместо: спокойно и почтительно, – в *Р. В.:* спокойно и холодно,

Стр. 61, строка 14.

После слов: опять – в *Р. В.:* холодно

Стр. 61, строка 14.

После слов: прибавив: – ваше сиятельство. – в *Р. В.:* Он говорил: «ваше сиятельство», видимо не столько для того, чтобы польстить своему собеседнику, сколько для того, чтобы воздержать его от фамильярности.

Стр. 61, строка 16.

Вместо: на Nathalie Шиншиной, – в *Р. В. и I изд. 68 г.:* на Nathalie З.,

Стр. 61, строка 18.

После слов: монотонным голосом, – в *Р. В.:* и с свойственным Петербургу презрением ко всему московскому.

Стр. 61, строка 21.

После слов: Et joueur à se qu'on dit. – в *Р. В.:* сказал он, выказывая тем, что при всем своем презрении к графу Ростову и ему подобным и при своих важных государственных делах он не чуждался городских сплетень.

Стр. 61, строка 27.

Вместо: исплаканном – в *Р. В.:* заплаканном

Стр. 62, строка 10.

Вместо: нежно – в *Р. В.:* мило

Стр. 62, строка 14.

Вместо: у Annette – в *Р. В.:* Annette

Стр. 62, строка 23.

После слов: племянниц графа, – в *Р. В.:* с красивым,

Стр. 62, строка 34.

Слов: ничего не ответила, – нет в *Р. В.*

Стр. 62, строка 34.

После слов: не улыбнулась – в *Р. В.:* попросила извинения

Стр. 63, строка 12.

Вместо: XIII. – в *Р. В.:* XXI. – в *I и II изд. 68 г. ошибочно:* XVI. – в *изд. 73 г.:* XIII.

Стр. 63, строка 12.

Глава XXI в Р. В. начинается абзацем: Борис, благодаря спокойствию и сдержанности своего характера, всегда умел находиться в трудных обстоятельствах. Теперь же это спокойствие и сдержанность усиливались еще тем облаком счастья, которое окружало его в нынешнее утро, в котором представлялись ему разные лица и сквозь которое легче действовали на него невольные наблюдения его над приемами и характером его матери. Ему было тяжело положение просителя, в которое ставила его мать, но он чувствовал, что не виноват в том.

Ч. I, гл. XIII.

Стр. 63, строка 16.

После слова: Пьер – в *Р. В.:* присутствием своим

Стр. 63, строка 24.

Вместо: и за книгой, – в *Р. В.:* с книгой,

Стр. 63, строка 31.

Вместо: посмотрела – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* смотрела

Стр. 63, строка 34.

Вместо: предстоящею, – в *Р. В.:* предстоявшею

Стр. 64, строка 27.

Вместо: проводил – в *Р. В.:* провел

Стр. 64, строка 29.

После слова: Пьер – в *Р. В.:* которому везде было хорошо с своими мыслями,

Стр. 64, строка 33.

Вместо: проговаривая – в *Р. В.:* приговаривая

Стр. 64, строка 39.

Вместо (в сноске): – очень дурно; это верно. в *I и II изд. 68 г.:* очень дурно;

Стр. 65, строка 3.

После слов: с своим – в *Р. В.:* любимым

Стр. 65, строка 6.

Вместо: Пьер оставил Бориса – в *Р. В.* Пьер, редко видав Бориса, оставил его

Стр. 65, строка 9.

После слов: дружелюбно улыбнулся. – в *Р. В.:* выставив свои испорченные зубы.

Стр. 65, строка 10.

Слова: спокойно, с приятною улыбкой – нет в *Р. В.*

Стр. 65, строка 11.

Вместо: с матушкой – в *Р. В.:* с татан

Стр. 65, строка 14.

Вместо: стараясь вспомнить, кто этот молодой человек. – в *Р. В.:* совсем не замечая того, что он этим как будто упрекал Бориса и его мать.

Он старался вспомнить, кто этот молодой человек. Борису же показался намек в словах Пьера.

Он вспыхнул и смело и насмешливо посмотрел на Пьера как будто говоря: «мне стыдиться нечего». Пьер не находил, что бы сказать.

Стр. 65, строка 15.

Слов: Борис чувствовал... – *кончая:* ему прямо в глаза. – нет в *Р. В.*

Стр. 65, строка 19.

Вместо: сказал он – в *Р. В.:* продолжал Борис

Стр. 65, строка 22.

Вместо: Илья. – в *Р. В.:* Elie.

Стр. 65, строка 24.

Слова: давно. – нет в *Р. В.*

Стр. 65, строка 35.

Вместо: Вильнев – в *Р. В.:* Только Вильнёв

Стр. 66, строка 17.

Вместо: офицер – в *Р. В.:* мальчик, офицер,

Стр. 66, строка 19.

Вместо: слегка краснея, – в *Р. В.:* краснея,

Стр. 66, строка 27.

Вместо: и ни я, ни мать никогда ничего не будем просить и не примем от него. – в *Р. В.:* и никогда ничего не буду просить и не приму от него, кончил он, разгораясь всё более и более.

Стр. 66, строка 32.

После слов: и досады. – в *Р. В.:* – Послушайте...

Стр. 66, строка 38.

Вместо: быть успокоиваемым им, – в *Р. В.:* успокоиваться им,

Стр. 67, строка 3.

Вместо: опять совершенно приятен. – в *Р. В.:* весел и свободен.

Стр. 67, строка 15.

После слов: что́ же делать? – в *Р. В.*: Борис улыбался весело и добродушно.

Стр. 67, строка 17.

Вместо: спросил Борис, улыбаясь. – в *Р. В.*: спросил он

Стр. 67, строка 32.

Слов: у глаз, – нет в *Р. В.* и в *I* изд. 68 г.

Стр. 68, строка 2.

После слов: от нее. – в *Р. В.*: Venez!

Стр. 68, строка 4.

После слов: никого не узнает. – в *Р. В.*: Может быть будет лучше.

Стр. 68, строка 13.

Вместо: как он плох! – в *Р. В.*: как он жалок!

Стр. 68, строка 15.

Вместо: XIV. – в *Р. В.*: XXII. – в *I* и *II* изд. 68 г. ошибочно: XVII. – в изд. 73 г.: XIV.

Ч. I, гл. XIV.

Стр. 68, строка 17.

Слова: Ростова – нет в *Р. В.*

Стр. 68, строка 24.

Вместо: горничной – в *Р. В.* и в *I* изд. 68 г.: служанки:

Стр. 69, строка 38.

После слов: чем-то растрожена. – в *Р. В.*: и имела печальный вид.

Стр. 70, строка 11.

Вместо: что, подруги – в *Р. В.*, в *I* и *II* изд. 68 г.: что они подруги

Стр. 70, строка 14.

Вместо: XV. – в *Р. В.*: XXIII. – в *I* и *II* изд. 68 г. ошибочно: XVIII. – в изд. 73 г.: XV.

Ч. I, гл. XV.

Стр. 70, строка 15.

Вместо: с дочерьми – в *Р. В.*: с дочерью Стр. 71, строка 3.

После слов: Это был – в *Р. В.*: известный московский остряк,

Стр. 71, строка 4.

Вместо: злой язык, – в *Р. В.*: изболтавшийся франт,

Стр. 71, строка 8.

Вместо: губами – в *Р. В.*: губками

Стр. 71, строка 9.

После слов: из красивого рта. – в *Р. В.*: казалось преимущественно для выпускания колец предназначенного.

Стр. 71, строка 11.

После слов: называя Берга ее женихом. – в *Р. В.*: Берг от разговора про войну перешел к своим делам, развивал свои будущие служебные планы и видимо был очень горд тем, что разговаривал с таким знаменитым человеком, как Шиншин.

Стр. 71, строка 15.

После слова: двух – в *Р. В.*: бойких и

Стр. 71, строка 16.

После слова: собеседников. – в *Р. В.*: Хотя Берг и не был говорливый собеседник, граф подметил на губах Шиншина насмешливую улыбку, как будто говорившую: «Посмотрите, как я обработаю этого офицера». И граф без всякого дурного чувства к Бергу, утешался отыскиванием остроумия в каждом слове Шиншина.

Стр. 71, строка 19.

Вместо: простые народные – в *Р. В.*: тривиальные – в *I* и *II* изд. 68 г.: народные

Стр. 71, строка 36.

Вместо: приятною – в *Р. В.:* приятною, эгоистичною

Стр. 72, строка 1.

После слов: всех остальных людей. – в *Р. В.:* Граф оглянулся на Шиншина, ожидая, скоро ли начнется остроумие, но Шиншин молчал, только посмеиваясь. Граф тоже посмеивался.

Стр. 72, строка 6.

После слов: тридцати рублей. – в *Р. В.:* Он помолчал и торжествуя продолжал.

Стр. 72, строка 7.

Вместо: пуская колечко. – в *Р. В.:* И он пустил колечко.

Стр. 72, строка 13.

Вместо: продолжал рассказывать – в *Р. В.:* рассказал длинно, подробно и отчетливо,

Стр. 72, строка 17.

После слов: папенька им доволен. – в *Р. В.:* Слушатели всё ждали вместе с графом, скоро ли будет смешное, но смешное не приходило.

Стр. 72, строка 22.

После слов: своих слушателей. – в *Р. В.:* и что даже Шиншин перестал смеяться над ним. Он показался ему не стоящим разговора.

Стр. 72, строка 24.

После слова: предрекаю, – в *Р. В.:* Je vous promets une brillante carrière,⁴⁴⁸

Стр. 72, строка 24.

Вместо: сказал Шиншин, – в *Р. В.:* сказал он

Стр. 72, строка 29.

Со слов: Было то время – в *Р. В.:* XXIV глава.

Стр. 72, строка 29.

Вместо: собравшиеся гости – в *Р. В.:* собравшиеся парадные гости

Стр. 72, строка 36.

После слов: кушанья, которое – в *Р. В.:* по дошедшим из кухни сведениям,

Стр. 72, строка 36.

После слов: которое еще не поспело. – в *Р. В.:* В лакейской в это время лакеи еще не успели завести разговор о господах, потому что им приходится беспрестанно вставать для приезжающих.

В кухне повара в это время ожесточаются и с мрачными лицами, в белых колпаках и фартуках, переходят от плиты к вертелу и шкафу, и покрикивают на поварят, которые в эти минуты становятся особенно робки. Кучера у подъезда устанавливают цуги и, усевшись покойно на козлах, переговариваются или забегают покурить трубочки в кучерскую.

Стр. 73, строка 1.

Слов: перед самым обедом – нет в *Р. В.*

Стр. 73, строка 16.

После слов: Очень интересно. – в *Р. В.:* отвечал он, рассуждая сам с собой, где до сих пор может быть этот Борис, который ему так понравился.

Стр. 73, строка 17.

Вместо: переглянулась с Анной – в *Р. В.:* переглянулась с княгиней Анной

Стр. 73, строка 21.

После слов: между собой. – в *Р. В.:* Со всех сторон слышался шум платьев.

Стр. 73, строка 23.

Слов: слышалось со всех сторон. – нет в *Р. В.*

Стр. 73, строка 24.

Вместо: и пошла в залу – в *Р. В.:* чтобы выйти в залу.

⁴⁴⁸ [Обещаю вам блестящую карьеру]

Стр. 73, строка 27.

После слов: Марья Дмитриевна – в *Р. В.:* приехавшая с дочерью.

Стр. 73, строка 30.

После слов: держа свою – в *Р. В.:* красивую

Стр. 73, строка 31.

Слов: и, как бы... *кончая:* своего платья. – *нет в Р. В. и в I изд. 68 г.*

Стр. 73, строка 35.

После слов: все другие звуки голосом. – в *Р. В.:* Сама бы приехала утром с визитом, да не люблю по утрам шляться.

Стр. 74, строка 2.

Вместо: на девиц. – в *Р. В.:* на дочь, совсем не похожую на мать, недурную барышню, которая казалась на вид столь же нежною и сладкою, сколько мать казалась грубою. – Хочешь не хочешь, надо им женихов искать. Вон они, твои-то, уж и все на возрасте, она указала на вошедших в гостиную Наташу и Соню.

Когда приехала Марья Дмитриевна, все собрались в гостиную, ожидая выхода к столу. Вошел Борис и Пьер тотчас же присоединился к нему.

Стр. 74, строка 4.

После слов: казаком называла Наташу) – в *Р. В.:* Какой козырь девка стала! говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую к ее руке без страха и весело.

Стр. 74, строка 6.

Вместо: Знаю, что зелье девка, а люблю. – в *Р. В.:* – Знаю, что повеса девка, сечь бы ее надо, а люблю.

Стр. 74, строка 8.

После слов: ридикюля – в *Р. В.:* (ридикюль Марьи Дмитриевны был всем известен обилием и разнообразием содержания)

Стр. 74, строка 10.

Вместо: обратилась к Пьеру. – в *Р. В.:* заметив Пьера, обратилась к нему

Стр. 74, строка 12.

После слов: тонким голосом. – в *Р. В.:* как говорят собаке, которую хотят пробрать.

Стр. 74, строка 13.

Слов: И она грозно засучила рукава еще выше. – *нет в Р. В. и в I изд. 68 г.*

Стр. 74, строка 14.

Вместо: Пьер подошел... *кончая:* через очки. – в *Р. В.:* Пьер подошел не испуганно, но школьнически наивно и весело глядя на нее через очки, как будто он сам собирался не менее других позабавиться в предстоящей потехе.

Стр. 74, строка 22.

После слов: удерживался от смеха. – в *Р. В.:* Пьер только подмигнул Борису.

Стр. 74, строка 29.

Вместо: улыбающаяся Жюли Карагина пошла с Николаем к столу. – в *Р. В.:* Жюли, вечно улыбающаяся и закатывающая глаза, дочь Марьи Дмитриевны, с самого приезда своего не отпуская от себя Николая, пошла с ним к столу.

Стр. 74, строка 35.

После слов: тихих шагов – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* всё седых, почтенных

Стр. 74, строка 37.

Вместо: слева Анна Михайловна – в *Р. В.:* слева княгиня Анна Михайловна

Стр. 75, строка 3.

Вместо: и ее высокий чепец – в *Р. В.:* хотя собственно ему виднелся только высокий чепец ее

Стр. 75, строка 10.

Вместо: всё более и более – в *Р. В.:* всё далее и далее

Стр. 75, строка 12.

Вместо: Берг с нежною улыбкой... *кончая:* не земное, а небесное. – в *Р. В.:* Берг тихо рассказывал неприятно-улыбавшейся Вере о преимуществах военного времени в финансовом отношении;

Стр. 75, строка 15.

Вместо: Пьер мало говорил, оглядывал новые лица и много ел. – в *Р. В.:* Пьер, невольно усвоивший себе петербургское презрение к москвичам, поверял собственными наблюдениями всё слышанное им о нравах московского общества. Всё было так: чопорность (блюда подавались по чинам и возрасту), ограниченность интересов (политикой никто не был занят) и хлебосольство, которому он, однако, отдавал должную справедливость.

Стр. 75, строка 17.

Вместо: до рябчиков – в *Р. В.:* до сотэ из рябчиков, столь понравившегося графу,

Стр. 75, строка 20.

Вместо: приговаривая: «дрей-мадера», или «венгерское» или «рейнвейн» – в *Р. В.:* и тихо приговаривал: «дрей-мадера», «венгерское», «рейнвейн» и т. д. – в *I и II изд. 68 г.:* или приговаривая «дрей-мадера», или «венгерское», или «рейнвейн»

Стр. 75, строка 26.

Вместо: в первый раз только что – в *Р. В.:* утром в первый раз

Стр. 75, строка 27.

Вместо: Этот самый взгляд ее *кончая:* что-то говорил с ней. – в *Р. В.:* и изредка улыбалась. Пьер беспрестанно взглядывал на нее, и подпадал под взгляд и улыбку, назначенные Борису.

– Странно, говорил он шопотом Борису, – она нехороша, меньшая Ростова, вот эта маленькая, черненькая, а какое милое лицо! Не правда ли?

– Старшая лучше, отвечал Борис, чуть заметно улыбаясь.

– Нет, можете себе вообразить? Все черты неправильные, а чудо как мила.

И Пьер всё смотрел на нее, Борис выражал удивление такому странному вкусу Пьера. Николай сидел далеко от Сони подле Жюли Ахросимовой, отвечая на ее ласковые, восторженные речи, а между тем взглядом постоянно успокаивал кузину, давая ей чувствовать, что где бы он ни был, на другом конце стола или на другом конце света, мысли его будут всегда принадлежать ей одной.

Стр. 75, строка 33.

Вместо: но, видимо – в *Р. В.:* но видимо уже

Стр. 75, строка 35.

После слов: Николай и Жюли. – в *Р. В.:* Наташа сидела, к своему огорчению, с детьми, между маленьким братом и толстою гувернанткой.

Стр. 75, строка 36.

Вместо: как бы приготавливаясь *кончая:* обидеть детей. – в *Р. В.:* и что-то беспрестанно шептала своей питомице и тотчас взглядывала на гостей, ожидая одобрения.

Стр. 76, строка 8.

Вместо: XVI. – в *Р. В.:* XXV. – в *I и II изд. 68 г. ошибочно:* XIX. – в *изд. 73 г.:* XVI.

Глава XXV в Р. В. начинается: Наташе видимо не сиделось на месте, она ущипнула брата, подмигнула на гувернантку, отчего толстый Петруша лопнул было со смеха, и вдруг перегнулась всем телом через стол к Борису и разлила, к ужасу гувернантки, на чистейшую скатерть квас из стакана и, не обращая внимания на замечания, требовала внимания к себе. Борис нагнулся. Пьер тоже прислушивался, ожидая, что скажет эта маленькая черненькая, которая, несмотря на свои неправильные черты, как ему казалось, по странной, ему одному свойственной фантазии, нравилась ему больше всех, кого он видел за этим столом.

– Борис, что пирожное будет? спросила Наташа, с значительным видом поднимая брови.

– Не знаю, право.

– Нет, очень мила! улыбаясь прошептал Пьер, как будто кто с ним об этом упорно спорил. Наташа заметила тотчас впечатление, произведенное ею на Пьера, и весело улыбнулась ему и даже кивнула ему слегка головой и тряхнула кудрями, глядя на него. Он мог принять это как хотел. Пьер слова еще не сказал с Наташей, но одною этою взаимною улыбкой они уже сказали себе, что нравятся друг другу.

Ч. I, гл. XVI.

Стр. 76, строка 9.

Вместо: конце стола разговор – *в Р. В.:* конце стола между тем, разговор

Стр. 76, строка 19.

После слов: сказал он, – *в Р. В.:* хотя и правильно говоря по-русски, но

Стр. 76, строка 29.

Вместо: решили его – *в Р. В.:* решения его.

Стр. 76, строка 31.

Вместо: новые усилия». – *в I изд. 68 г.:* новые условия». – *во II изд. 68 г.:* нового условия».

Стр. 76, строка 33.

Вместо: вина – *в Р. В.:* лафита

Стр. 77, строка 1.

Вместо: морщась и улыбаясь. – *в Р. В.:* разваливаясь и гримасничая.

Стр. 77, строка 5.

Вместо: язык, говорил он. – *в Р. В.:* язык и ломаясь, говорил остряк.

Стр. 77, строка 6.

После слов: сказал полковник, – *в Р. В.:* с жестом не совсем хорошего тона,

Стр. 77, строка 10.

Вместо: Так старые – *в Р. В.:* Так мы, старые

Стр. 77, строка 21.

Вместо: как и другие, – *в изд. 73 г.:* как другие,

Стр. 77, строка 23.

После слов: и потому неловко. – *в Р. В.:* но красивая и впечатлительная молодость его открытого лица делала выходку его и для других скорее милою, чем смешною.

Стр. 77, строка 24.

После слова: сказала – *в Р. В.:* Жюли, вздыхая и пряча глаза под веки от глубины чувства.

Стр. 77, строка 25.

Слов: сидевшая подле него – *нет в Р. В.*

Стр. 77, строка 28.

После слов: одобрительно закивал головой. – *в Р. В.:* хотя он и считал по своим рассуждениям патриотизм глупостью. Он невольно сочувствовал всякому искреннему слову.

Стр. 77, строка 29.

После слов: Вот это славно, – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* Très bien, très bien,

Стр. 77, строка 34.

После слов: обратилась она к гусару, – *в Р. В.:* всегда высказывая то, что другие только думали,

Стр. 78, строка 13.

После слов: веселую решимость. – *в Р. В.:* ту решимость, которая бывает у прапорщика, бросающегося на приступ.

Стр. 78, строка 14.

Вместо: приглашая взглядом кончая: прислушаться, и – *в Р. В.:* и с блестящими глазками и сдержанною улыбкой

Стр. 78, строка 16.

Вместо: ее детски-грудной – в *Р. В.:* ее полный грудной

Стр. 78, строка 22.

После слов: прозвучал голосок – в *Р. В.:* наивно, но с сознанием своей наивности.

Стр. 78, строка 22.

Слова: Наташи. – нет в *Р. В.*

Стр. 78, строка 23.

Вместо: но не могла. – в *Р. В.:* но невольно улыбка любви к своему любимому детищу уже ожила на ее губах.

Стр. 78, строка 34.

Вместо: и Пьеру, на которого она опять взглянула. – в *Р. В.:* не сводя глаз с матери и не изменяя наивного выражения лица.

Стр. 79, строка 7.

После слов: обращаться с Марьей Дмитриевной. – в *Р. В.:* Votre soeur est délicieuse,⁴⁴⁹ сказала Жюли.

Стр. 79, строка 12.

После слов: и друг с другом. – в *Р. В.:* Жюли чокалась с Николаем, давая ему взглядом понять, что это чоканье имело какое-то еще другое важное значение.

Стр. 79, строка 15.

Вместо: XVII. – в *Р. В.:* XXVI. – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XX. – в изд. 73 г.: XVII.

Ч. I, гл. XVII.

Стр. 79, строка 16.

Вместо: составились партии, – в *Р. В. и I изд.* 68 г.: разбрелись партиями,

Стр. 79, строка 17.

После слов: библиотеке. – в *Р. В.:* Марья Дмитриевна бранила Шиншина, с которым играла.

– Вот ругать всех умеешь, а догадаться не мог, что тебе с дамы кёровой итти надо.

Стр. 79, строка 24.

Вместо: Наташа, к которой обратились, как к большой, была видимо этим очень горда, но вместе с тем и робела. – в *Р. В.:* Наташа, к которой обратились прежде других, не соглашалась и не отказывалась.

– Постойте, я попробую, сказала она, отойдя к другой стороне клавикорд и, пробуя свой голос, взяла в полголоса несколько чистых грудных нот, которые неожиданно действовали на всех. Все замолкли, пока звуки замирали вверху высокой просторной комнаты.

– Можно, можно, сказала она, весело встряхивая кудрями, которые валились ей на глаза.

Пьер, очень покрасневший после обеда, подошел к ней. Ему хотелось видеть ее поближе и посмотреть, как она будет говорить с ним.

– Отчего ж нельзя, спросил он так просто, как будто они были сто лет знакомы.

– Иногда бывают дни, что голос не хорош, сказала она и отошла к клавикордам.

– А нынче?

– Отличный, сказала она, обращаясь к нему с таким восторгом, как будто хвалила чей-нибудь чужой голос. Пьер, довольный тем, что видел, как она говорит, подошел к Борису, который почти также нравился ему в этот день, как и Наташа.

– Что за милый ребенок, маленькая, черненькая! сказал он. – Даром, что нехороша.

Пьер находился, после скуки уединения в большом доме отца, в том счастливом состоянии молодого человека, когда всех любишь, и видишь во всех людях одно хорошее. Еще за обедом, он невольно, с петербургской высоты, презирал московскую публику. А теперь уже казалось, что здесь только, в Москве, и умеют жить люди, и ему уж думалось, как бы хорошо

⁴⁴⁹ [Ваша сестра прелестна,]

было, ежели бы он мог каждый день бывать в этом доме, слушать, как поет и как говорит эта маленькая, черненькая, и смотреть на нее.

Стр. 79, строка 26.

Вместо: Что будем петь? – спросила она. – *в Р. В.:* Nicolas, сказала Наташа, подходя к клавикордам, – что будем петь?

Стр. 79, строка 27.

Вместо: «Ключ», – *в Р. В.:* Хоть «ключ»,

Стр. 79, строка 27.

После слов: «Ключ», отвечал Николай. – *в Р. В.:* Ему видимо становилось несносно от пристававшей к нему Жюли, которая думала, что он должен быть слишком счастлив ее вниманием.

Стр. 79, строка 28.

Вместо: – Ну давайте скорее. – *в Р. В.:* Ну, давайте, давайте.

Стр. 79, строка 28.

Вместо: сказала – *в Р. В.:* закричала

Стр. 79, строка 30.

После слов: побежала за ней. – *в Р. В.:*

«Ключ», как называли его у Ростовых, был старинный квартуор, которому научил их музыкальный учитель Димлер. Этот «ключ» пели обыкновенно Наташа, Соня, Николай и Борис, который хотя и не имел особенного таланта и голоса, но [обладал] (*в Р. В. искажение: соблюдал*) верным слухом и с свойственною ему во всем точностью и спокойствием мог выучить партию и твердо держал ее. Пока Наташа ушла, стали просить Николая, чтоб он спел что-нибудь один. Он отказывался почти неучтиво и мрачно. Жюли Ахросимова, улыбаясь, подошла к нему:

– Pourquoi faites-vous le beau ténébreux, спросила она, – cependant, je comprends que pour la musique et surtout pour le chant, il faut être disposé. C'est comme moi. Il y a des moments...⁴⁵⁰

Николай поморщился и пошел к клавикордам. Прежде, чем сесть, он заметил, что Сони нет в комнате и хотел уйти.

– Nicolas, ne vous faites pas prier, c'est ridicule,⁴⁵¹ сказала графиня.

– Je ne me fais pas prier, maman,⁴⁵² отвечал Николай, и порывистым движением стукнул крышкой, открывая клавикорды, и сел.

Он подумал на минутку и начал песенку Кавелина:

На что с любезной расставаясь,
На что прости ей говорить,
Как будто с жизнью разлучаясь,
Счастливым больше уж не быть?
Не лучше ль просто: «до свиданья»,
«До новых радостей», сказать,
И в сих мечтах очарованья
Себя и время забывать?

Голос его был ни хорош, ни дурен, и пел он лениво, как бы исполняя скучную обязанность, но несмотря на то, в комнате всё замолкло, барышни покачивали головами и вздыхали,

⁴⁵⁰ [Зачем напускаете вы на себя мрачность? Хотя, я понимаю, для музыки, и особенно для пения нужно расположение. У меня то же самое. Бывают минуты...]

⁴⁵¹ [Николай, не заставляй себя просить, это смешно.]

⁴⁵² [Я не заставляю себя просить.]

а Пьер, покрыв свои зубы нежною и слабою улыбкой, которая была особенно смешна на его толстом, полнокровном лице, так и остался до конца песни.

Жюли, закрыв глаза, вздохнула на всю комнату.

Николай пел с тем чувством меры, которого у него так не доставало в жизни и которое в искусстве не приобретается никаким изучением. Он пел с тою легкостью и свободой, которая показывала, что он не трудился, а пел, как говорил. Только когда он запел, он высказался не ребенком, каким он казался в жизни, а человеком, в котором уже шевелились страсти.

Этим же словом кончается XXVI глава Р. В.

Стр. 79, строка 32.

Вместо: Вбежав в Сонину комнату и не найдя – в Р. В. XXVII глава: Между тем, Наташа, вбежав в Сонину комнату, не нашла

Стр. 79, строка 33.

Вместо: Наташа пробежала – в Р. В.: пробежала

Стр. 79, строка 33.

Вместо: и там не было Сони. – в Р. В.: и там ее не было.

Стр. 80, строка 1.

После слов: оголенными – в Р. В.: коричневатыми

Стр. 80, строка 2.

Вместо: оживленное, целый день именинное, – в Р. В.: именинное, оживленное целый день

Стр. 80, строка 2.

Вместо: вдруг изменилось *кончая:* углы губ опустились.– в Р. В.: и еще более сиявшее теперь при приготовлении к пению, которое всегда производило на нее возбуждающее действие, вдруг померкло. Глаза ее остановились, потом содрогнулась ее широкая, для пения рожденная шея, углы губ опустились, глаза в одно мгновение увлажнились.

Стр. 80, строка 4.

После слов: опустились. – в I изд. 68 г.: глаза в одно мгновение увлажнились.

Стр. 80, строка 6.

Вместо: большой – в Р. В.: крупный

Стр. 80, строка 18.

После слов: душа его была так хороша. – в Р. В.: Соня чувствовала, что никто, кроме ее, не мог понять всей прелести и высоты, благородства и нежности, – всех лучших добродетелей этой души. И она действительно видела все эти несравненные добродетели, – во-первых, потому, что Николай, сам того не зная, показывался ей только одною самою лучшею стороною, во-вторых, потому, что она всеми силами души желала видеть в нем одно прекрасное.

Стр. 80, строка 31.

Вместо: начинала успокоиваться, – во II изд. 68 г.: начинала успокаивать,

Стр. 81, строка 1.

Вместо: как он с ней целый день... – в Р. В.: как она на него смотрит.

Стр. 81, строка 11.

После слов: такой хороший, – говорила Наташа... – в Р. В.: так же как и Соня в отношении к Николаю, и по тем же причинам, чувствуя, что никто в мире, кроме ее, не мог знать всех сокровищ, заключающихся в Борисе...

Стр. 81, строка 15.

Вместо: Николинька сам скажет, и он и не думал об Жюли.– в Р. В.: Nicolas сам скажет.

Стр. 81, строка 27.

Слов: – А знаешь, этот толстый Пьер, что против меня сидел, такой смешной! – сказала вдруг Наташа, останавливаясь.– Мне очень весело! И Наташа побежала по коридору. – *нет в Р. В.*

Стр. 81, строка 33.

Вместо: вслед за Наташей – в *Р. В.:* вместе с Наташей

Стр. 81, строка 34.

Вместо: в диванную. – в *Р. В. и I изд. 68 г.:* в гостиную.

Стр. 81, строка 34.

Вместо: По просьбе гостей *кончая:* выученную им песню. – в *Р. В.:* Николай допевал еще последний куплет песни. Он увидел Соню, глаза его оживились; на открытом для звуков рте готова была улыбка, голос стал сильнее и выразительнее и он спел последний куплет еще лучше прежних.

В приятну ночь, при лунном свете,

пел он, глядя на Соню, и они понимали, как много всё это значило, – и слова, и улыбки, и песня, хотя собственно всё это ничего не значило. – в *I изд. 68 г.:* Николай допевал последний куплет песни, которую его заставили спеть. Он увидел Соню, глаза его оживились; на открытом для звуков рте готова была улыбка, голос стал сильнее и выразительнее, и он запел последний куплет.

В приятну ночь, при лунном свете,

пел он, глядя на Соню; и он, казалось, и сам понимал и другим внушал, как много всё это значило – и слова, и улыбки, и песня, хотя собственно всё это ничего не значило.

Стр. 82, строка 7.

Вместо: И он не допел еще *кончая:* и закашляли музыканты. – в *Р. В.:* Он пел для одной Сони, но всем стало весело и добро на сердце, когда он кончил и с увлажненными глазами встал от клавикорд.

– Charmant! Délicieux! послышалось со всех сторон.

– M. Nicolas, сказала Julie со вздохом подходя к нему, adorable cette romance. J'ai tout compris.⁴⁵³

Во время пения Марья Дмитриевна встала из-за бостона, и остановилась в дверях, чтобы слушать.

– Ай да Nicolas! сказала она: – в душу лезет! Поди, поцелуй меня.

XXVIII.

Наташа шепнула Николаю, что Вера уже расстроила Соню, украв у нее стихи и наговорив ей неприятностей. Николай покраснел, и тотчас решительным шагом подошел к Вере и шопотом стал говорить ей, что ежели она посмеет сделать что-нибудь неприятное Соне, то он будет ее врагом на всю жизнь. Вера отговаривалась, извинялась и замечала также шопотом, что неприлично говорить об этом, указывая на гостей, которые заметив, что между братом и сестрой была какая-то неприятность, удалились от них.

– Мне всё равно, я при всех скажу, говорил почти громко Николай: – что у тебя дурное сердце и что ты находишь удовольствие вредить людям.

Окончив это дело, Николай, еще дрожа от волнения, отошел в дальний угол комнаты, где стояли Борис с Пьером. Он сел подле них с решительным и мрачным видом человека, который теперь на всё готов и к которому лучше не обращаться ни с каким вопросом. Пьер однако со всегдашнею рассеянностью, не замечая его состояния души и находясь в самом благодушном состоянии, которое было усилено еще приятным впечатлением музыки, которая всегда сильно

⁴⁵³ [Прелестно! обворожительно! – Этот романс – восторг. Я всё поняла.]

действовала на него, несмотря на то, что он никогда не мог взять не фальшивя ни одной нотки, Пьер обратился к нему: —

— Как вы славно спели! — сказал он.

Николай не отвечал.

— Вы каким чином поступаете в полк? — спросил он, чтобы спросить еще что-нибудь.

Николай, не соображая, что Пьер был нисколько не виноват в неприятности, сделанной ему Верой и в надоевшем ему приставании Жюли, зло посмотрел на него.

— Мне предлагали хлопотать о зачислении меня камер-юнкером, и я отказался, потому что хочу быть обязанным только своему достоинству положением своим в войске... а не сесть на голову людям достойнее меня. Я иду юнкером — прибавил он, очень довольный тем, что сразу умел показать новому знакомому свое благородство и употребить военное выражение: сесть на голову, которое он только что подслушал у полковника.

— Да, мы всегда спорим с ним, — сказал Борис: — я не нахожу ничего несправедливого поступить прямо майором. Ежели ты недостойн этого чина, — тебя выключат, а достоин, то ты скорее можешь быть полезен.

— Ну, да ты дипломат, сказал Николай. — Я считаю это злоупотреблением для себя, и не хочу начинать злоупотреблением.

— Вы совершенно, совершенно правы, сказал Пьер. — Чтò это, музыканты? Танцевать будут? — робко спросил он, услышав звуки настроиванья. — Я ни одному танцу никогда не мог выучиться.

— Да, кажется, маменька велела, — отвечал Николай, весело оглядывая комнату и мысленно выбирая свою между дамами. Но в это время он увидал кружок, собравшийся около Берга, и вернувшееся к нему хорошее расположение духа опять заменилось мрачным ожесточением.

— Ah, lisez, M. Berg, vous lisez si bien, ça doit être très poétique,⁴⁵⁴ говорила Жюли Бергу, который держал в руке бумажку. Николай увидал, что это были его стихи, которые Вера, из мщенья, показала всему обществу. Стихи были следующие:

Прощанье гусара.

Не растравляй меня разлукой,
Не мучь гусара своего;
Гусару сабля будь порукой
Желанья счастья твоего.
Мне нужно мужество для боя,
Еще нужней для слез твоих,
Хочу стяжать венец героя,
Чтобы сложить у ног твоих.

Написав стихи и передав их предмету своей страсти, Николай думал, что они прекрасны; теперь же он вдруг находил, что они чрезвычайно дурны и, главное, смешны. Увидав Берга с своими стихами в руках, Николай остановился, ноздри его раздулись, лицо побагровело и он, сжав губы, быстрыми шагами и с решимостью размахивая руками, направился к кружку. Борис, вò время увидав намерение, перерезал ему дорогу и взял за руку.

— Послушай, это будет глупо.

— Оставь меня, я его проучу, — порываясь вперед, говорил Николай.

— Он не виноват, пусти меня.

⁴⁵⁴ [Прочтите, Берг, вы так хорошо читаете, это должно быть очень поэтично,]

Борис подошел к Бергу.

– Эти стихи написаны не для всех, сказал он, протягивая руку. – Позвольте!

– Ах, это не для всех! Мне Вера Ильинишна дала.

– *C'est si charmant, il y a quelque chose de si mélodieux*,⁴⁵⁵ сказала Жюли Ахросимова.

– «Прощанье гусара», сказал Берг и имел несчастье улыбнуться.

Николай уже стоял перед ним, держа близко к нему свое лицо и глядя на него разгоряченными глазами, которые, казалось, насквозь пронзали несчастного Берга.

– Вам смешно? Что вам смешно?

– Нет, я ничего не знал, что это вы...

– Какое вам дело, я или не я? Читать чужие письма неблагородно.

– Извините, сказал Берг, краснея и испуганно.

– Nicolas, сказал Борис, – мсье Берг не читал чужих писем... Ты теперь наделаешь глупостей. Послушай, сказал он, кладя в карман стихи, – поди сюда, мне нужно с тобой поговорить.

Берг тотчас же отошел к дамам, а Борис с Николаем вышли в диванную. Соня выбежала за ними.

Через полчаса вся молодежь уже танцевала экосез, и Николай, переговорив в диванной с Соней, был такой же веселый и ловкий танцор, как и всегда, сам удивлялся своей вспыльчивости и досадовал на свою неприличную выходку.

Всем было очень весело. И Пьеру, путавшему фигуры и танцовавшему под руководством Бориса экосез, и Наташе, почему-то помиравшей со смеху каждый раз, как она взглядывала на него, чем он был очень доволен.

– Какой он смешной и какой славный! сказала она сначала Борису, а потом прямо в глаза заговорила самому Пьеру, наивно снизу глядя на него.

– 2) в *I* изд. 68 г.: Соня поняла из этой песни всё что ей нужно было понять; тем более, что Николай, подойдя к ней, пригласил ее на первый экосез в нынешний вечер. На хорах застучали ногами и закашляли музыканты. Николай ходил по залам, распоряжаясь об уборке столов. Проходя через диванную, он увидел кружок, собравшийся около Берга.

– Ah, lisez, M. Berg, vous lisez si bien, ça doit être très poétique, говорила Жюли Бергу, который держал в руке бумажку. Николай по виду бумажки узнал, что это были его стихи, которые Вера, находя это очень естественным, показала всему обществу. *Далее текст I изд. 68 г. близок к тексту в Р. В. Место: находил – в I изд. 68 г. почувствовал. Место: перерезал ему дорогу и взял за руку. – в I изд. 68 г.: подошел к нему. Место: Жюли Ахросимова – в I изд. 68 г.: Жюли Карагина. Слов: которые, казалось, насквозь пронизали несчастного Берга. – нет в I изд. 68 г. Место: – Nicolas, сказал Борис, – в I изд. 68 г.: – Николай, сказал Борис. Место: в диванную – в I изд. 68 г.: в залу. Место: уже танцевала – в I изд. 68 г.: молодежь танцевала. Место: был такой же веселый и ловкий танцор, как и всегда. – в I изд. 68 г.: был также весел, как и всегда. Слов: сам удивлялся своей вспыльчивости кончая: наивно снизу глядя на него. – нет в I изд. 68 г.*

Стр. 82, строка 7.

Место: когда в зале молодежь приготовилась к танцам, а на хорах – во II изд. 68 г.: когда на хорах в зале молодежь приготовилась к танцам,

Стр. 82, строки 11/32.

Со слов: Пьер сидел в гостиной кончая: что ж тут удивительного? – нет в Р. В.

Стр. 82, строка 21.

Слова: пары – нет в I изд. 68 г.

Стр. 82, строка 38.

Место: выходили – в Р. В.: выходя.

⁴⁵⁵ [Это так прекрасно; тут есть что-то очень мелодичное,]

Стр. 83, строка 4.

Вместо: в ладоши – в *Р. В.:* в ладони

Стр. 83, строка 10.

Слов: (совершенно забыв, что она танцует с большим), – *нет в Р. В.*

Стр. 83, строка 33.

Вместо: выверток – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* вывертов

Стр. 84, строка 14.

Вместо: танцовали, – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* танцовывали.

Стр. 84, строка 16.

Слов: и засучивая рукава, – *нет в Р. В. и в I изд. 68 г.*

Стр. 84, строка 17.

Вместо: XVIII – в *Р. В. XXIX. – в I и II изд. 68 г. ошибочно: XXI. – в изд. 73 г.: XVIII*
Ч. I, гл. XVIII.

Стр. 84, строка 20.

После слов: готовили ужин, – в *Р. В.:* рассуждая между собой, как могут господа так беспрестанно кушать, – только что откушали чай, опять ужинать, – в это время

Стр. 84, строка 21.

Вместо: шестой удар. – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* шестой уже удар.

Стр. 84, строка 25.

Вместо: подъезжающих – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* подъезжавших

Стр. 84, строка 29.

Вместо: с знаменитым Екатерининским вельможей, графом Безуховым. – в *Р. В.:* с одним из представителей века Екатерины. Говорили, что больной кого-то искал глазами и требовал. И за Пьером и за Анной Михайловной был послан лакей верхом. – в *I изд. 68 г.:* с Безухим.

Стр. 85, строка 1.

Вместо: провожал главнокомандующего – в *Р. В.:* шел с ним рядом и все видели, как главнокомандующий пожал ему руку

Стр. 85, строка 5.

После слов: и рукою закрыв глаза. – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* Все видели, что ему тяжело, и никто не подходил к нему.

Стр. 85, строка 6.

После слов: оглядываясь кругом – в *Р. В.:* не то сердитыми, не то

Стр. 85, строка 28.

Вместо: княжна вышла – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* княжна только вышла

Стр. 85, строка 29.

После слов: Лоррена, – в *Р. В.:* молодого, знаменитого доктора, француза

Стр. 85, строка 30.

Вместо: под портретом – в *Р. В.:* подле портрета

Стр. 85, строка 32.

Вместо: Très beau, – в *Р. В.:* – Très bien,

Стр. 86, строка 7.

Вместо: Не пил слушай. – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* Не пил случай,

Стр. 86, строка 8.

Вместо: удар иивь оставался. – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* ударом живь остался.

Стр. 86, строка 13.

Вместо: понесла его больному. – в *Р. В.:* несла больному.

Стр. 86, строка 20.

Вместо: что ясно – в *Р. В.:* что он ясно

Стр. 87, строка 4.

Вместо: неизменным, каменно-строгим выражением лица – в *Р. В. и в I изд.* 68 г.: неизменным, спокойным и строгим каменным приличием

Стр. 87, строка 30.

После слов: молчать до утра. – в *Р. В.:* У княжны было одно из тех лиц, которых выражение остается неизменяемо и независимо от движений, выражающихся на лице собеседника.

Стр. 88, строка 39.

Вместо (в сноске): милая – в *I и II изд.* 68 г.: моя добрая.

Стр. 91, строка 11.

Слов: ваша protégée, – нет в изд. 73 г.

Стр. 91, строка 11.

Вместо: милая Анна Михайловна, – в *Р. В. и I изд.* 68 г.: милая княгиня Друбецкая, Анна Михайловна – во *II изд.* 68 г.: милая княжна Друбецкая Анна Михайловна.

Стр. 91, строка 27.

После слов: Придет время! – в *Р. В.:* Au nom du ciel, ma bonne, n'oubliez pas dans votre juste courroux, сказал князь Василий улыбаясь слегка, – que l'envie à mille yeux est là qui nous regarde. Nous devons agir mais...⁴⁵⁶

Стр. 91, строка 28.

Вместо: XIX в *Р. В.:* XXX. – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XXII. – в изд. 73 г.: XIX

Ч. I, гл. XIX.

Стр. 92, строка 17.

Вместо: но, судя – в *Р. В.:* судя.

Стр. 92, строка 37.

Слов (в сноске): «Ах, мой дружок – нет в *Р. В., в I и II изд.* 68 г.

Стр. 93, строка 35.

Слов (в сноске): подумайте, что это ваш отец... может быть, при смерти. – нет в *Р. В., в I и II изд.* 68 г.

Стр. 93, строка 38.

Вместо (в сноске): а я уж буду блюсти – в *I и II изд.* 68 г.: я же стану блюсти

Стр. 94, строка 3.

Вместо: вышли на цыпочках, – в *Р. В.:* вышел на цыпочках,

Стр. 94, строка 15.

Вместо: Она чувствовала, что так как она ведет за собою – в *Р. В.:* Она, видимо, чувствовала, что ведя за собою

Стр. 94, строка 37.

Слов (в сноске): Любезный доктор – нет в *I и II изд.* 68 г.

Стр. 96, строка 20.

Вместо: XX. – в *Р. В.:* XXXI. – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XXIII. – в изд. 73 г.: XX.

Ч. I, гл. XX.

Стр. 96, строка 36.

Вместо (в сноске): Был еще удар полчаса назад. – в *I и II изд.* 68 г.: полчаса назад у него был еще удар.

Стр. 100, строка 7.

Вместо: выражении (берем по *Р. В. и I изд.* 68 г.) – во *II изд.* 68 г. и изд. 73 г.: положении

Стр. 101, строка 1.

Вместо: XXI, – в *Р. В.:* XXXII. – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XXIV. – в изд. 73 г.: XXI

Ч. I, гл. XXI.

⁴⁵⁶ Ради Бога, моя дорогая, не забудьте в вашем справедливом гневе, что тысячеглазая зависть следит за нами. Мы должны действовать но...

Стр. 102, строка 38.

Слов (в сноске): Да нет же, моя милая Анна Михайловна, – *нет во II изд. 68 г.*

Стр. 104, строка 3.

Вместо: радуйтесь теперь, – *все издания: Р. В., I и II изд. 68 г., и изд. 73 г. дают по очевидной опечатке:* Да, дуйтесь теперь, – *и только позднее внесена была поправка:* Да, радуйтесь теперь. *См. изд. 1911 г.*

Стр. 104, строка 4.

Вместо: она закрыла лицо – *в Р. В.:* закрыла лицо

Стр. 104, строка 35.

Вместо (в сноске): Его нет более... – *в I и II изд. 68 г.: Его не стало...*

Стр. 105, строка 7.

После слов: застенчиво краснея, – *в Р. В. и в I изд. 68 г.: что с ним редко бывало,*

Стр. 105, строка 16.

После слов: эти страшные – *в Р. В.:* и торжественные

Стр. 105, строка 25.

Вместо: XXII. – *в Р. В.:* В деревне. XXXIII. – *в I и II изд. 68 г. ошибочно: XXV. – в изд. 73 г.: XXII.*

Ч. I, гл. XXII.

Стр. 105, строка 28.

Вместо: не нарушило – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: не нарушало*

Стр. 105, строка 37.

Вместо (в сноске): поучительно – *в I изд. 68 г.: спасительно*

Стр. 106, строка 4.

Вместо: новое царствование, – *в Р. В.:* нынешнее царствование,

Стр. 106, строка 11.

Вместо: развить в ней обе главные добродетели, давал – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: развивать в ней обе главные добродетели, до двадцати лет давал*

Стр. 106, строка 16.

После слов: в его имении. – *в Р. В.:* то чтением любимых авторов.

Стр. 106, строка 34.

Вместо: как он – *в I изд. 68 г.: когда он*

Стр. 106, строка 35.

Вместо: молодых – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: точно молодых*

Стр. 107, строка 12.

Вместо: высокий стол – *в Р. В. и I изд. 68 г.: мраморный стол*

Стр. 107, строка 15.

Вместо: высказывало, (*берем по Р. В. и I изд. 68 г.*) – *во II изд. 68 г. и в изд. 73 г.: высказывало.*

Стр. 107, строка 27.

Вместо: Он взял тетрадь *кончая:* подвинул ногой свое кресло. – *в Р. В.:* Говорил он, как всегда коротко и отрывисто, раскрывая тетрадь геометрии, писанную его рукой, и подвигая ногой свое кресло.

Стр. 107, строка 38.

После слова: крепкие – *в Р. В. и в изд. 68 г.: но редкие*

Стр. 107, строка 39.

Вместо: от Жюли, – *в Р. В.:* от Жюли Ахрасимовой

Стр. 108, строка 32.

После слов: Он придвинулся и – *в Р. В.:* усиленно успокоенным голосом

Стр. 109, строка 3.

Вместо: тебя твоя – *в Р. В.:* который тебя твоя

Стр. 109, строка 7.

Со слов: Княжна Марья возвратилась – в *Р. В.*: XXXIV глава.

Стр. 109, строка 9.

Вместо: некрасивым и села – в *Р. В.*, *I и II изд.* 68 г.: некрасивым, села

Стр. 109, строка 12.

Вместо: беспорядочна, – во *II изд.* 68 г.: беспорядочная,

Стр. 109, строка 13.

После слов: распечатала письмо. – в *Р. В.*: Когда, не читая еще, но только как будто взвешивая предстоящее удовольствие, она перевернула листики письма, лицо ее переменилось: она видимо успокоилась, села в свое любимое кресло в углу комнаты, подле огромного трюмо, и начала читать.

Стр. 109, строка 15.

Вместо: Карагина, – в *Р. В.*: Ахрасимова,

Стр. 109, строка 15.

После слов: у Ростовых. – в *Р. В.*: Марья Дмитриевна Ахрасимова была соседка по имению с князем, и два летние месяцы проводила в деревне. Князь уважал Марью Дмитриевну, хотя и подтрунивал над нею. Марья Дмитриевна одному только князю Николаю говорила «вы» и ставила его в пример всем нынешним людям.

Стр. 109, строка 17.

После слов: Жюли писала: – в *изд.* 73 г.: по-французски:

Стр. 112, строка 32.

После слов: pauvre sire. – в *Р. В.*: Il n'y a que maman qui continue à le traiter avec sa rudesse habituelle.⁴⁵⁷

Стр. 113, строка 17.

Вместо: улыбнулась (причем лицо ее, освещенное лучистыми – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: улыбаясь (причем лицо ее, освещенное ее лучистыми

Стр. 113, строка 19.

Вместо: приподнявшись, – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: поднявшись,

Стр. 113, строка 28.

Вместо (в сноске): утешения религии – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: религии, для утешения

Стр. 113, строка 33.

Вместо (в сноске): любовь к ближнему, – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: любовь, любовь к ближнему,

Стр. 113, строка 33.

Вместо (в сноске): отраднее и лучше – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: слаще и лучше

Стр. 114, строка 8.

После слов: que pour moi – в *Р. В.*: Je me connais assez bien, pour être convaincue, que sans être ridicule jamais je ne pourrais éprouver ces sentiments d'amour qui vous semblent être si doux.⁴⁵⁸

Стр. 114, строка 9.

Вместо: puis approuver – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: puis les approuver⁴⁵⁹

Стр. 114, строка 20.

Вместо (в сноске): Столь молодому, – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: Такому молодому

Стр. 115, строка 16.

Вместо: Si on me demandait – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: S'il ne me demandait⁴⁶⁰

⁴⁵⁷ Только одна маменька продолжает трактовать его с своею обычною резкостью.

⁴⁵⁸ Я знаю себя достаточно и очень хорошо понимаю, что не сделавшись смешною, не могу испытывать тех чувств любви, которые вам кажутся так сладки.

⁴⁵⁹ могу одобрить – в *Р. В.* могу их одобрить.

⁴⁶⁰ Если меня спросят – в *Р. В.*: если он меня спросит.

Стр. 114, строка 22.

Вместо (в сноске): всего на свете, я сказала бы: – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: всего на свете —

Стр. 114, строка 41.

Вместо (в сноске): отвергает – в *Р. В.*: отбрасывает

Стр. 114, строка 44.

Вместо (в сноске): разумом. – в *Р. В.*: умом.

Стр. 115, строка 25.

Вместо (в сноске): в супруги. – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: супругом.

Стр. 115, строка 32.

Вместо (в сноске): о походах – в изд. 73 г. (в тексте): о ходах (явная опечатка).

Стр. 117, строка 18.

После слов: голоском – в *Р. В.*: вечно

Стр. 117, строка 36.

Вместо (в сноске): – Княжна, я должна вас предупредить, – князь разобрал, – Михайла Ивановича. – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: Надо предупредить вас, княжна, что князь разобрался с Михайлом Иванычем.

Стр. 117, строка 38.

Вместо (в сноске): мне о том, в каком – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: мне, в каком

Стр. 117, строка 38.

Вместо (в сноске): позволю – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: позволяю

Стр. 117, строка 40.

Вместо (в сноске): другие это делали. – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: другие судили.

Стр. 118, строка 3.

Вместо: XXIII. – в *Р. В.*: XXXV. – в *I и II изд.* 68 г. ошибочно: XXVI. – в изд. 73 г.: XXIII. Ч. I, гл. XXIII.

Стр. 118, строка 9.

После слов: князь Андрей, – в *Р. В.*: который учтиво, но холодно как и всегда

Стр. 118, строка 21.

После слов: Маленькая княгиня – в *Р. В.*: изменилась за это время. Возвышение ее талии сделалось значительно больше, она больше перегибалась назад и чрезвычайно потолстела,

Стр. 118, строка 32.

После слов: целовавшему ему руку. – в *Р. В.*: и обтер ее батистовым платком.

Стр. 118, строка 37.

Вместо (в сноске): Да это дворец! Ну, скорее, скорей!.. – в *I изд.* 68 г.: Но это дворец! Пойдем скорее, скорее – во *II изд.* 68 г.: Это дворец! Пойдем скорее, скорее

Стр. 118, строка 38.

Вместо (в сноске): Это Мари упражняется: пойдем потихоньку, чтобы она не видала нас. – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: Это Мари разыгрывает? Тише, застанем ее врасплох.

Стр. 119, строка 5.

Вместо: целуясь с нею. – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: целуясь с француженкой

Стр. 119, строка 10.

После слова: поцелуев. – в *Р. В.*: и мычания.

Стр. 119, строка 12.

Вместо: обхватившись руками, – в *Р. В.*: обхватившись крепко руками,

Стр. 119, строка 24.

Вместо: неловко; – в *Р. В.* и *I изд.* 68 г.: неловко и совестно;

Стр. 120, строка 7.

После слов: на лице князя Андрея. – *в Р. В.:* так что, всегда дурная, сестра его показалась ему хороша в эту минуту. Но она в ту же минуту обратилась опять к belle-sœur⁴⁶¹ и молча стала пожимать ее руку.

Стр. 120, строка 12.

Вместо: на Спасской горе, – *в Р. В.:* на Мценской горе,

Стр. 120, строка 18.

Вместо: смотрела на брата, – *в Р. В.:* смотрела на свою невестку,

Стр. 120, строка 19.

После слов: любовь и грусть. – *в Р. В.:* как будто она жалела эту молодую женщину и не могла ей высказать причину своего сожаления.

Стр. 120, строка 32.

Вместо: Наверное? – *в Р. В.:* И скоро?

Стр. 120, строка 34.

Вместо: Да, наверное, *кончая* очень страшно... – *в Р. В.:* – Два месяца, сказала она.

– И ты не боишься? сказала княжна Марья, опять целуя ее. Князь Андрей поморщился при этом вопросе.

Стр. 121, строка 3.

Слова: морщась. – *нет в Р. В.*

Стр. 121, строка 14.

Вместо: впечатлений – *в Р. В. и в I изд.:* воспоминаний

Стр. 121, строка 16.

Со слов: Когда прошли – *в Р. В. XXXVI глава.*

Стр. 121, строка 27.

Вместо: завоевать хочешь? – сказал старик и тряхнул – *в Р. В.:* – завоевать хочешь? Так встретил старик сына. Он тряхнул

Стр. 122, строка 22.

Вместо: говорил он, – *в Р. В.:* Так он говорил,

Стр. 122, строка 23.

Вместо: подававшим части – *в Р. В. и в изд. 73 г.:* подававшим часть (опечатка).

Стр. 123, строка 4.

После слов: она родит? – и, – *в Р. В.:* и получив ответ, что скоро,

Стр. 123, строка 4.

Вместо: покачав – *в Р. В.:* покачал

Стр. 123, строка 7.

После слова: голосом: – *в изд. 73 г.:* по-французски:

Стр. 123, строка 13.

Вместо: – И старик – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* И он

Стр. 123, строка 15.

После слов: Иди в столовую. – *в Р. В.:* Князь Андрей вышел. О своих делах отец с сыном ничего не говорили.

Стр. 123, строка 16.

Вместо: XXIV – *в Р. В. продолжается глава XXXVI. – в I и II изд. 68 г. ошибочно: XXVII. – в изд. 73 г.:* XXIV.

Ч. I, гл. XXIV.

Стр. 123, строка 17.

Вместо: и выбритый, – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* свежий, выбритый,

Стр. 123, строка 27.

⁴⁶¹ [к невестке]

Вместо: За столом князь чаще всего – в *Р. В.* За столом, когда он излагал свои, иногда странные, идеи, он чаще всего

Стр. 123, строка 27.

Вместо: князь чаще – в *Р. В.*: он чаще

Стр. 124, строка 16.

Вместо: быстро, весело – в *Р. В.*: быстро, беспорядочно, весело

Стр. 124, строка 26.

Вместо: неловким движением потрепал ее по затылку. – в *Р. В.*: потрепал ее по затылку неловким движением, но таким, которому она чувствовала себя обязанною подчиняться.

Стр. 124, строка 32.

После слов: для нее стул. – в *Р. В.*: Ей было тесно от беременности.

Стр. 125, строка 5.

После слова: сплетни. – в *Р. В.* и *I изд.* 68 г.: Как только разговор касался того, что было, княгине, видимо, становилось легко и ловко.

Стр. 125, строка 13.

Со слов: – Ну, что, Михайла Иванович, – в *Р. В.*: XXXVII. глава.

Стр. 126, строка 21.

Вместо: всё-таки великий – в *Р. В.*: величайший

Стр. 126, строка 29.

Вместо: Да и на первых он кончая: свою славу сделал. – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: Это так.

Стр. 126, строка 40.

Вместо: обсуживать – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: обсудить

Стр. 127, строка 4.

Вместо: ночи – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: ночей

Стр. 127, строка 21.

Вместо: XXV. – в *Р. В.*: XXXVIII. в *I* и *II изд.* 68 г. ошибочно: XXVIII. – в изд. 73 г.: XXV. Ч. I, гл. XXV.

Стр. 127, строка 28.

Вместо: шкатулка, (берем по *Р. В.* и *I изд.* 68 г.) – во *II изд.* 68 г., и в изд. 73 г.: шкатулку,

Стр. 127, строка 30.

Вместо: привезенный из-под – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: привезенная из-под

Стр. 128, строка 5.

После слов: руки назад, – в *Р. В.*: и поворачиваясь с несвойственным ему искренним жестом,

Стр. 128, строка 9.

После слов: в таком положении, – в *Р. В.*: он остановился, когда услышал шаги в сенях

Стр. 128, строка 10.

Вместо: он торопливо – в *Р. В.*: торопливо

Стр. 128, строка 22.

Вместо: худой, – в *Р. В.*: курчавый

Стр. 128, строка 26.

Вместо: на диване. – в *Р. В.* и в *I изд.* 68 г.: на софе.

Стр. 128, строка 33.

Вместо: выросла в свете. – в *Р. В.*: выросла в большом свете.

Стр. 129, строка 3.

Вместо: и не находишь эту жизнь ужасною, (берем по *Р. В.* *I изд.* 68 г.) – во *II изд.* 68 г. и в изд. 73 г.: и находишь эту жизнь ужасною?

Стр. 129, строка 29.

Вместо: Мне тяжело?! – сказала она. – *в Р. В.:* Чего же мне желать? сказала она видимо от всей души.

Стр. 129, строка 34.

После слов: сказала княжна, – *в Р. В.:* как всегда

Стр. 130, строка 23.

Вместо: сунув – *в Р. В. и в I изд.:* всунув

Стр. 130, строка 25.

Вместо: и будто прежде – *в Р. В.:* и что прежде

Стр. 131, строка 19.

После слов: (он был тронут) – *в Р. В.:* любовно, ласково

Стр. 131, строка 21.

После слов: поцеловала его в – *в Р. В.:* чистый коричневатый

Стр. 132, строка 25.

Вместо: глаза. – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* глазки.

Стр. 132, строка 26.

После слов: посмотрел на нее. – *в Р. В.:* – *Moi j'aime cette galerie, c'est si mystérieux.*⁴⁶²

Стр. 132, строка 27.

После слов: выразилось озлобление. – *в Р. В.:* как будто она и ей подобные были виною какого-нибудь несчастья в его жизни.

Стр. 132, строка 33.

После слов: потерянное время. – *в изд. 73 г.:* и как всегда по-французски.

Стр. 133, строка 12.

Вместо: Огромный дом – *в Р. В.:* Красивый огромный дом

Стр. 133, строка 30.

Вместо: вам ее на руки оставляю... – *в Р. В.:* вам на руки оставляю беременную...

Стр. 133, строка 33.

После слов: время родить, – *в Р. В.:* в последних числах ноября,

Стр. 133, строка 39.

Вместо (в сноске): над годами... – *в Р. В.:* над временем и над годами...

Стр. 134, строка 26.

Вместо: ему и приятно и неприятно было, – *в Р. В.:* ему приятно было,

Стр. 135, строка 13.

Слов: взвизгнул он. – *нет в Р. В. и в I изд. 68 г.*

Стр. 135, строка 21.

Вместо: старик и засмеялся – *в Р. В.:* старик и радостно засмеялся.

Стр. 135, строка 25.

Вместо: Простились... ступай! вдруг сказал он. – *в Р. В.:* Простись ступай, вдруг заговорил он.

Стр. 135, строка 32.

После слова: вздохнул – *в Р. В.:* во всю грудь

Стр. 135, строка 32.

Вместо: не ответил. – *в Р. В.:* не отвечал.

Стр. 137, строка 1.

Вместо: Часть вторая. I. – *в Р. В.:* Часть вторая. Война. I. *в I изд. 68 г.:* XXIX. – *в изд. 73 г.:* XXVI.

Ч. II, гл. I.

Стр. 137, строка 6.

⁴⁶² А я люблю эту галерею, здесь так таинственно.

Слова: главнокомандующего – нет в *Р. В.* и в I изд. 68 г.

Стр. 137, строка 15.

После слов: в середине России. – в *Р. В.*: Тяжелые солдаты в мундирах с высоко поднятыми ранцами и перекинутыми через плечо шинелями, а легкие офицеры в мундирах с бившими по ногам шпажками, оглядывая вокруг себя свои знакомые ряды, сзади свои знакомые обозы, спереди еще более знакомые приглядевшиеся фигуры начальства, и еще дальше впереди коновязи уланского полка и парк батареи, шедшие весь поход вместе с ними, чувствовали себя здесь так же дома, как и в каком бы то ни было уезде России.

Стр. 137, строка 25.

Вместо: беспорядочной – в *Р. В.*: грязной

Стр. 137, строка 27.

Вместо: 2.000 – в *Р. В.*: 3.000

Стр. 138, строка 6.

После слов: были разбиты. – в *Р. В.*: и как ни подшивались эти недостатки, они кололи привычные к порядку военные глаза.

Стр. 138, строка 10.

Вместо: тысячу верст. – в *Р. В.*: 3.000 верст.

Стр. 138, строка 15.

После слов: не книзу, – в *Р. В.*: направлялись,

Стр. 138, строка 26.

После слов: обратился он – в *Р. В.*: с притворною небрежностью

Стр. 138, строка 28.

После слов: счастливы), – в *Р. В.*: – Ну, батюшка, Михайло Митрич,

Стр. 138, строка 29.

После слов: нынче ночью. – в *Р. В.*: (он подмигнул).

Стр. 138, строка 29.

После слов: кажется, ничего, – в *Р. В.*: (он оглянул полк); кажется,

Стр. 138, строка 30.

После слов: дурных... А? – в *Р. В.*: Он видимо иронически говорил это.

Стр. 138, строка 33.

Слова: И на Царицыном кончая: Что? сказал командир. – в *Р. В.* составляют одну реплику.

Стр. 138, строка 33.

Вместо: сказал командир. – в *Р. В.*: смеясь, сказал полковой командир.

Стр. 138, строка 37.

После слов: ехавший сзади. – в *Р. В.*: Полковой командир взгляделся в адъютанта и отвернулся под видом равнодушия скрывая тревогу, которую вызвало в нем это появление. Он оглянулся только тогда, как адъютант был уже в трех шагах от него, и с тем особенным оттенком учтивости и вместе фамильярности, с каким обращаются полковые командиры с молодыми по годам и чину офицерами, состоящими при главнокомандующих, приготовился выслушать адъютанта.

Стр. 139, строка 19.

После слов: проговорил он. – в *Р. В.*: не поднимая головы.

Стр. 139, строка 20.

После слов: Михайло Митрич, – в *Р. В.*: я говорил,

Стр. 139, строка 22.

После слов: прибавил он – в *Р. В.*: но в словах и жесте его не выражалось ни тени досады, а одно усердие к начальству и страх не угодить ему.

Стр. 139, строка 22.

Вместо: и решительно – в *Р. В.*: Он решительно

Стр. 139, строка 38.

Вместо: втягивали – в *Р. В. и I изд. 68 г.*: натягивали – во *II изд. 68 г. опечатка:* ватыгивали

Стр. 140, строка 4.

После слова: останавливаясь. – в *Р. В.*: и загнутою внутрь рукой хватаясь за темляк.

Стр. 140, строка 15.

Вместо: лице – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.*: носу.

Стр. 140, строка 28.

После слов: теперь свое спасение. – в *Р. В.*: Батальонные командиры и адъютанты стояли несколько сзади и не знали, куда смотреть.

Стр. 140, строка 36.

После слов: тихо капитан. – в *Р. В.*: и с таким выражением, как будто для разжалованного могло быть допущено исключение.

Стр. 141, строка 8.

После слов: вздрагивающею походкой – в *Р. В.*: выражавшею всё-таки не безучастие к прекрасному полу,

Стр. 141, строка 15.

Вместо: доходя до Долохова, – в *Р. В.*: доходя до солдата

Стр. 141, строка 16.

Вместо: Долохов – в *Р. В.*: Солдат.

Стр. 141, строка 16.

После слова: Долохов – в *Р. В.*: Солдат этот, отличавшийся от других свежестью лица и в особенности шеи, медленно

Стр. 141, строка 20.

Вместо: исполнить – в *Р. В. и в I и II изд. 68 г.*: исполнять

Стр. 141, строка 24.

После слов: Не обязан переносить – в *Р. В.*: горячо и

Стр. 141, строка 24.

Вместо: договорил Долохов. – в *Р. В.*: сказал Долохов, с выражением неестественной торжественности, которая неприятно поразила всех слышавших.

Стр. 141, строка 29.

Вместо: II. – в *I изд. 68 г.*: XXX. – в *изд. 73 г.*: XXVII.

Ч. II, гл. II.

Стр. 142, строка 11.

Вместо: 2000 – в *Р. В.*: 3.000

Стр. 142, строка 14.

Вместо: послышался – в *Р. В.*: раздался

Стр. 142, строка 30.

Слов: И всё было исправно, кроме обуви. – нет в *Р. В.*

Стр. 142, строка 30.

После слов: кроме обуви. – в *Р. В.*: На вопрос начальника штаба о нуждах полка, полковой командир, изгибаясь, осмелился шопотом и с глубоким вздохом доложить, что обувь очень, очень пострадала.

– Ну, это одна песня везде, небрежно сказал начальник штаба, улыбаясь наивности генерала и показывая тем, что то, что казалось особенным несчастьем полковому командиру, было общею и предвиденною долей всех приходивших войск. – Здесь оправитесь, коли простои́те.

Стр. 143, строка 1.

Вместо: Господа свиты – в *Р. В.*: Господа в свите видимо вовсе не испытывали к Кутузову того нечеловеческого страха и уважения, которое выказывал полковой командир. Они

Стр. 143, строка 3.

Вместо: его товарищ Несвицкий, – *в Р. В.:* кавалерийский

Стр. 143, строка 5.

Вместо: Несвицкий едва – *в Р. В.:* Громадный офицер этот едва

Стр. 143, строка 13.

Вместо: Несвицкий – *в Р. В.:* Толстый адъютант

Стр. 143, строка 14.

После слов: на забавника. – *в Р. В.:* — Mais voyez donc,⁴⁶³ говорил толстый офицер, толкая князя Андрея.

Стр. 143, строка 15.

Вместо: тысяч (*конъектура*) – *в Р. В., в I и II изд.* 68 г.: тысячей – *в изд.* 73 г. тысячи

Стр. 143, строка 28.

Слов: изуродованному раной – *нет в Р. В.*

Стр. 143, строка 34.

Вместо: в гусарском офицере, – *в Р. В.:* в корнете,

Стр. 143, строка 37.

Вместо: Мы все не без слабостей, – *в Р. В.:* — У него была слабость,

Стр. 143, строка 38.

Вместо: — У него была приверженность к Бахусу. – *в Р. В.:* — Пил.

Стр. 143, строка 40.

После слов: ничего не ответил. – *в Р. В.:* Кутузов по-французски стал рассказывать что-то австрийскому генералу.

Стр. 143, строка 40.

Вместо: Офицер в эту – *в Р. В.:* Корнет в эту

Стр. 144, строка 2.

Вместо: Несвицкий – *в Р. В.:* толстый офицер

Стр. 144, строка 6.

После слов: невинное выражение. – *в Р. В.:* Но что-то было искательно неблагородное в его птичьим лице и вертлявой фигуре с высоко поднятыми плечами и длинными худыми ногами. Князь Андрей, поморщившись, отвернулся от него.

Стр. 144, строка 14.

Вместо: Стройная фигура – *в Р. В.:* Красивая, стройная фигура

Стр. 144, строка 15.

После слов: из фронта. – *в Р. В.:* Он отбивал шаг в таком совершенстве, что искусство его бросалось в глаза и поражало неприятно именно своею чрезмерною отчетливостью.

Стр. 144, строка 17.

После слов: спросил Кутузов. – *в Р. В.:* Долохов не отвечал. Он играл своим положением, не испытывал ни малейшего стеснения и с видимою радостью заметил, как при вопросе: «пре-тензия»? вздрогнул и побледнел полковой командир.

Стр. 144, строка 22.

Вместо: Голубые ясные глаза – *в Р. В.:* Голубые открытые глаза

Стр. 144, строка 27.

После слов: не спешащим голосом. – *в Р. В.:* и с выражением сухого напыщенного вос-торга.

Стр. 144, строка 29.

После слов: и России. – *в Р. В.:* Долохов оживленно сказал эту театральную речь (он весь вспыхнул, говоря это). Но

⁴⁶³ [Ну, слушайте.]

Стр. 144, строка 32.

Вместо: Он отвернулся – в *Р. В.*: Он и тут отвернулся

Стр. 144, строка 37.

Со слов: Полк разобрался ротами – в *Р. В. новая III глава.* – в *I изд.* 68 г.: XXXI.

Стр. 145, строка 5.

После слова: оборвешь... – в *Р. В.*: (Он с радостным волнением хватал за руку Тимохина).

Стр. 145, строка 6.

После слова: знаете... – в *Р. В.*: ну... надеюсь...

Стр. 145, строка 10.

Вместо: передних зубов, – в *Р. В. и в I изд.* 68 г.: передних зуб,

Стр. 145, строка 15.

Вместо: но характер... – в *Р. В.*: ну, характер... – в *I и II изд.* 68 г.: но карактер...

Стр. 145, строка 18.

После слов: и учен, и добр. – в *Р. В.*: Как солдаты все любят, ваше превосходительство!

Стр. 145, строка 29.

Вместо: сказал он ему. – в *Р. В.*: обратился он к Долохову.

Стр. 145, строка 39.

После слов: червонным королем) – в *Р. В.*: Что про добавочное жалованье не говорили? спросил субалтерн-офицер.

– Нет.

– Плохо.

Стр. 145, строка 39.

После слов: смеясь сказал субалтерн-офицер. – в *Р. В.*: Счастливое расположение духа полкового командира перешло и к Тимохину. Поговорив с субалтерн-офицером, он подошел к Долохову.

– Чтò батюшка, сказал он Долохову, – как с главнокомандующим поговорили, так и *наш* генерал теперь с вами ласков стал.

– Свинья ваш генерал, сказал Долохов.

– А вот и не годится так говорить.

– Что же, коли так.

– А не годится, вы нас этим обижаете.

– Вас я не хочу обижать, потому что вы хороший человек, а он...

– Ну, ну, не годится, опять перебил серьезно Тимохин.

– Ну, не буду.

Стр. 146, строка 26.

Перед словами: как немцы – в *Р. В.*: под Ольмацем

Стр. 146, строка 33.

Вместо: махнув – во *II изд.* 68 г.: махнул

Стр. 147, строка 19.

Вместо: голубоглазый солдат, Долохов, – в *Р. В.*: красавец голубоглазый, сбитый, широкий солдат,

Стр. 147, строка 21.

Вместо: и глядел – в *Р. В.*: и весело взглянул

Стр. 147, строка 23.

Вместо: из свиты Кутузова, передразнивавший полкового командира, – в *Р. В.*: с высоко поднятыми плечами

Стр. 147, строка 28.

Слов: после разговора Кутузова с разжалованным, – нет в *Р. В.*

Стр. 147, строка 32.

Вместо: — Я как? — отвечал — *в Р. В.:* — Здорово, брат, — отвечал
Стр. 147, строка 36.

Вместо: как ладишь — *в Р. В.:* как ты ладишь с своими,
Стр. 148, строка 1.

Вместо: да из правова — *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* да из правового
Стр. 148, строка 22.

После слов: сам возьму. — *в Р. В.:* И Долохов злобно посмотрел в лицо Жеркову.
Стр. 148, строка 32.

Вместо: III, — *в Р. В.:* IV. — *в I изд. 68 г.:* XXXII. — *в изд. 73 г.:* XXVIII.
Ч. II, гл. III.

Стр. 148, строка 33.

Слова: сопутствуемый — *нет в Р. В.*

Стр. 148, строка 36.

Вместо: письма, полученные — *в Р. В.:* письма полученные до сих пор
Стр. 149, строка 38.

Вместо: Генерал — *в Р. В.:* Генерал вздрогнул и
Стр. 150, строка 11.

Выдержка из письма Фердинанда в Р. В. и изд. 73 г. дана без немецкого текста.
Стр. 151, строка 1.

Вместо: Он недовольно (*берем по Р. В. и I изд. 68 г.)* — *во II изд. 68 г. и изд. 73 г.:* Он невольно

Стр. 151, строка 11.

Вместо: Андрей наклонил — *в Р. В.:* Андрей почтительно наклонил
Стр. 151, строка 15.

Вместо: еще немного времени прошло с тех пор, — *в Р. В.:* еще не было трех месяцев
Стр. 151, строка 20.

Вместо: производит — *в Р. В.:* производил
Стр. 151, строка 27.

Слов: Из Вены Кутузов писал *кончая:* под рукой такого подчиненного». — *нет в Р. В.*
Стр. 152, строка 1.

Вместо: был прост — *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* бывал прост
Стр. 152, строка 4.

После слов: и даже боялись. — *в Р. В.:* Он ближе всех был с двумя людьми: один из них был петербургский товарищ, добродушный, толстый князь Несвицкий. Князь Несвицкий, огромно богатый, беспечный и веселый, кормил и поил весь штаб, постоянно смеялся всему что похоже было на смешное, и не понимал и не верил в возможность подлости или ненависти к человеку. Другой был человек без имени, из пехотного полка, капитан Козловский, не имевший никакого светского образования, даже дурно говоривший по-французски, но который трудом, усердием и умом прокладывал себе дорогу, и в эту кампанию был рекомендован и взят по особым поручениям к главнокомандующему. С ним охотно, хотя и покровительственно, сблизился Болконский.

Стр. 152, строка 6.

Вместо: Выйдя в приемную *кончая:* сидел у окна. — *в Р. В.:* Выйдя в приемную из кабинета Кутузова, князь Андрей с бумагами подошел к Козловскому, который был дежурный и с книгой фортификации сидел у окна. Несколько человек военных в полной форме и с робкими лицами терпеливо ожидали в другой стороне.

Стр. 152, строка 12.

После слов: пожал плечами. — *в Р. В.:* — Пожалуй ваша правда, — сказал он.

Стр. 152, строка 15.

После слов: пришло бы известие. – *в Р. В.:* — Непонятно, сказал князь Андрей.
– Я вам говорил, князь, завладели нами австрийцы, добра не будет.

Стр. 152, строка 17.

Вместо: Вероятно, – сказал князь Андрей и направился – *в Р. В.:* Князь Андрей улыбнулся и направился.

Стр. 152, строка 21.

После слов: Князь Андрей остановился. – *в Р. В.:* Высокая фигура австрийского генерала, морщинистое, решительное лицо его и быстрые движения были так поразительны своею важностью и тревожностью, что все бывшие в комнате невольно встали.

Стр. 152, строка 26.

После слов: Козловский, торопливо – *в Р. В.:* и мрачно, как он всегда исполнял свои обязанности,

Стр. 152, строка 38.

Вместо: Потом генерал – *в Р. В.:* — Генерал

Стр. 152, строка 39.

После слов: вытянул шею, – *в Р. В.:* обратился было к ближе всех от него стоявшему князю Андрею,

Стр. 153, строка 2.

После слов: показался Кутузов. – *в Р. В.:* то же мгновение.

Стр. 153, строка 4.

Вместо: подошел к Кутузову. – *в Р. В.:* подвинулся к самому лицу Кутузова.

Стр. 153, строка 5.

После слов: к Кутузову – *в Р. В.:* Немолодое морщинистое лицо его побледнело, и он не мог удержать от нервного дрожания нижнюю губу, в то время как он сорвавшимся, слишком громким голосом произнес дурным выговором по французски следующие слова:

Стр. 153, строка 6.

Вместо: Макк, – *в изд. 73 г. (в тексте:)* Мака, по-французски

Стр. 153, строка 6.

Слов: проговорил он сорвавшимся голосом. – *нет в Р. В.*

Стр. 153, строка 8.

Вместо: Лицо Кутузова, – *в Р. В.:* Широкое, изуродованное ранами лицо Кутузова

Стр. 153, строка 14.

После слов: оказывался справедливым. – *в Р. В.:* Штабные сообщали друг другу подробности разговора Макка с главнокомандующим, которого никто не мог слышать.

Стр. 153, строка 18.

После слов: встретиться с неприятелем. – *в Р. В.:* «Полусумашедший старый фанатик Макк хотел бороться с величайшим военным гением после Кесаря!» думал князь Андрей, возвращаясь в свою комнату. «Что́ я говорил Козловскому? Что́ я писал отцу?» думал он, «так и случилось».

Стр. 153, строка 19.

Слов: Князь Андрей был *кончая:* играть в ней. – *нет в Р. В.*

Стр. 153, строка 25.

Вместо: Невольно он – *в Р. В.:* И невольно он

Стр. 153, строка 28.

После слов: после Суворова. – *в Р. В.:* Вернувшись сверху в свою комнату, занимаемую им вместе с Несвицким, князь Андрей положил ненужные уже теперь бумаги на стол и, заложив руки назад, заходил взад и вперед по комнате, улыбаясь своим мыслям.

Стр. 153, строка 29.

Вместо: Но он боялся – *в Р. В.:* Он боялся

Стр. 153, строка 32.

Вместо: Взволнованный и раздраженный *кончая:* приехавшие накануне. – в *Р. В.:* Единственно возможное разрешение этого противоречия состояло в том, чтоб он сам командовал русскою армией против Бонапарта. Но когда это могло быть? Через десять лет, – десять лет, которые кажутся вечностью, когда они составляют больше одной трети прожитой жизни. «Ah! Fais ce que doit, advienne ce qui pourra»,⁴⁶⁴ проговорил он себе выбранный им девиз. Он крикнул слугу, снял мундир, надел шубку и сел за стол. Несмотря на походную жизнь и общую тесную комнату, занимаемую им вместе с Несвицким, князь Андрей был так же как и в России щепетилен точно женщина, занят собой и аккуратен. Несвицкий знал, что ничем нельзя было больше рассердить своего товарища по комнате, как расстройством его вещей, и два стола Болконского, один письменный, уставленный, как в Петербурге, бронзовыми письменными принадлежностями, другой щеточками, мыльницами, зеркалом, всегда были симметрично убраны и без малейшей пылинки. Со времени своего выезда из Петербурга и, главное, со времени разлуки с женой, князь Андрей вступил в новую эпоху деятельности, и как будто вновь переживал молодость. Он много читал и учился. Походная жизнь давала ему не мало досуга, и книги, приобретенные им за границей, раскрыли для него новые интересы. В числе этих книг были большею частью философские сочинения. Философия, кроме своего внутреннего интереса, была для него одним из тех пьедесталов гордости, на которые он любил становиться пред другими людьми. Хотя у него и было много различных пьедесталов, с которых он мог сверху вниз смотреть на людей: рождение, связи, богатство, – философия представляла для него такой пьедестал, с которого он мог чувствовать себя выше и таких людей, как сам Кутузов, а чувствовать это было необходимо для душевного спокойствия князя Андрея. Он взял последнее, лежавшее у него на столе, до половины разрезанное, сочинение Канта и принялся читать. Но мысль его была далеко, и беспрестанно представлялась ему его любимая мечта, – знамя Аркольского моста.

– Ну, брат, за мной бутылка, – сказал входя в комнату огромный, толстый Несвицкий, как и всегда, сопровождаемый Жерковым. – Какова штука с Макком?

– Да, неприятные четверть часа провел он теперь наверху, – сказал князь Андрей.

(Между ними было пари. Князь Андрей утверждал, что Макк будет разбит. Он выиграл.)

– За мной бутылка, сказал Несвицкий, расстегивая мундир, сжимавший его пухлую шею. – А какой, брат, будет обед нынче! дикая коза, достал свежую, и индейка с каштанами.

– Я говорил: Макк в зубах завязнет, сказал Жерков, но шутка его не понравилась. Князь Андрей холодно оглянулся на него и обратился к Несвицкому.

– Что слышал, когда выступают? – сказал он.

– Вторую дивизию послали передвинуть, – сказал Жерков с своею заискивающею манерой.

– А! – сказал князь Андрей, отвернулся и стал читать.

– Ну, будет тебе философствовать, – крикнул Несвицкий, бросаясь на кровать и отдуваясь, – потолкуем-ка. Как я хохотал сейчас! Можешь себе представить, только мы вышли, Штраух идет. Надо было видеть, что Жерков перед ним выделял.

– Ничего, я отдавал честь союзнику, – проговорил Жерков, и Несвицкий захохотал так, что кровать под ним затрещала.

Штраух, австрийский генерал, присланный из Вены для наблюдения за продовольствиями русской армии, почему-то полюбился Жеркову. Он и передразнивал его весьма похоже, и каждый раз как встречался с ним, вытягивался, представляя, что он его боится, и каждый раз как мог найти случай, заговаривал с ним на ломанном немецком языке, представляя из себя наивного дурачка, к большому удовольствию Несвицкого.

⁴⁶⁴ [Делай что должно, пусть выйдет что выйдет.]

– Ах, да! – сказал Несвицкий, обращаясь к князю Андрею: – *à propos de*⁴⁶⁵ Штраух. Тут тебя давно ждет офицер пехотный.

– Какой офицер?

– Помнишь, тебя посылали следствие производить, корову что ли он утащил у немцев.

– Что ж ему нужно? – морщась сказал князь Андрей, поворачивая кольцо на своей маленькой, белой руке.

– Жалкий такой, просить тебя пришел. Жерков, как он? ну, как он говорил?

Жерков сделал гримасу и начал представлять офицера.

– Я... совсем не то... солдаты... купили скотину... потому что хозяева... Скотина... хозяева... скотина...

Князь Андрей встал и надел мундир.

– Нет, ты замни как-нибудь, – сказал Несвицкий. – Ей Богу, такой жалкий.

– Я ни заминать, ни подводить никого и ничего не хочу. Меня послали, я сказал что было. И мерзавцев я никогда не жалею, и не смеюсь над ними, – прибавил он, глядя на Жеркова.

Поговорив с офицером, он высокомерно объяснил ему, что он никакого с ним личного дела не имеет и не желает иметь.

– Ведь вы сами знаете, ваш... князь, говорил офицер, который видимо находился в недоумении как ему обращаться с этим адъютантом: он боялся одинаково и унижаться, и не быть достаточно вежливым, – ведь вы сами знаете, князь, что походом бывали дни, что солдаты не емши, ну, как запретить... вы сами посудите...

– Ежели вы требуете моего личного убеждения, – сказал князь Андрей, – то я вам скажу, что, по моему мнению, мародерство всегда есть важный проступок, а в земле союзников нет за него достаточно строгого наказания. Но главное, вы поймите, что я ничего не могу сделать, мое дело доложить главнокомандующему что я нашел. Не могу же я для вас лгать. – И улыбнувшись этой странной мысли, он поклонился офицеру и пошел назад. Возвращаясь к себе, он увидел идущих по коридору генерала Штрауха и члена гофкригсрата. На встречу им шли Несвицкий и Жерков.

Стр. 154, строка 6.

Вместо: приехавшие – в *I* изд. 68 г.: приехавший

Стр. 154, строка 7.

Вместо: свободно разойтись с тремя офицерами; – в *P. В.:* обойти двух офицеров,

Стр. 154, строка 13.

Вместо: шутника Жеркова – в *P. В.:* Жеркова

Стр. 154, строка 30.

Вместо: но Болконский, еще более *кончая:* до господского дела. – в *P. В.:* и повлек его в свою комнату.

Вслед за Несвицким в комнату вошел князь Андрей, и не обращая внимания на его хохот, подошел к своему столу и сбросил с него на пол лежавшую фуражку Жеркова.

– Нет, что за рожа! – сквозь смех говорил Несвицкий. – Это чудесно! Только немного тут зашибся... ха, ха, ха!...

– Ничего смешного нет, – сказал князь Андрей.

– Как не смешно? Одна рожа чего стоит...

– Ничего смешного. Я не большой друг австрийцев, но есть приличия, которых может не знать этот *cheparan*, но которые мне и тебе должно соблюдать.

– Полно, он сейчас войдет, – испуганно перебил Несвицкий.

⁴⁶⁵ [по поводу]

– Мне всё равно. Как это хорошо нас выказывает перед союзниками, как тут много такта!.. Офицер этот, который украл корову для роты, право не хуже твоего Жеркова. Тот по крайней мере нуждался в этой корове.

– Да как ты хочешь, братец, это всё очень жалко, а всё-таки смешно. Ежели бы ты...

– Ничего смешного.

Стр. 154, строка 33.

Вместо: поражении – во II изд. 68 г.: положении

Стр. 154, строка 39.

Вместо (в сноске): Боже, как наивен! – в I и II изд. 68 г. Боже мой, как он прост! —

Стр. 155, строка 6.

Вместо: не нашедшегося, – в I и II изд. 68 г.: не находившегося

Стр. 155, строка 14.

Вместо: как будто этою французскою фразой закрепляя свое мнение. – в изд. 73 г.: по-французски.

Стр. 155, строки 7—18.

Вместо: прибавил князь Андрей – в Р. В., I и II изд. 68 г.: сказал князь Андрей

Стр. 155, строка 19.

Вместо: мог еще слышать его. – в Р. В.: вошел в комнату.

Стр. 155, строки 20—21.

Вместо: повернулся и вышел из коридора. – в Р. В.: ничего не отвечал, взял свою фуражку и, подмигнув Несвицкому, вышел.

Стр. 155, строка 21.

После слов: вышел из коридора: – в Р. В. продолжение главы IV: —

– Приходи же обедать! крикнул Несвицкий. Князь Андрей пристально посмотрел на корнета, и когда он скрылся, сел за стол.

– Я тебе давно хотел сказать, – обратился он к Несвицкому, который с улыбкой в глазах смотрел теперь на князя Андрея. Казалось, для него всякое развлечение было приятно, и он теперь не без удовольствия слушал звук голоса и речь князя Андрея.

– Я тебе давно хотел сказать – твоя страсть со всеми быть фамильярным, и кормить и поить без разбора всех на свете. Всё это прекрасно, и хоть я с тобой живу, для меня это не стеснительно, потому что я этим господам умею дать почувствовать их место. И я говорю не для себя, а для тебя. Со мною ты можешь шутить. Мы понимаем друг друга и знаем границы шутки, а с этими Жерковыми нельзя быть фамильярным. Его цель только в том, чтобы как-нибудь выскочить, получить крестик, да чтобы ты его даром кормил и поил; дальше он ничего не видит и готов тебя забавлять чем угодно, не соображая значения своих шуток, а тебе этого нельзя.

– Ну, что ж, он добрый малый, – заступаясь сказал Несвицкий, – добрый малый.

– Этих Жерковых можно после обеда подпоить и заставить представлять комедии, это я понимаю, но не дальше.

– Ну, полно брат, ну, неловко... Да что же, ну, не буду, да только замолчи! – закричал смеясь Несвицкий, и вскочив с дивана, обнял и поцеловал князя Андрея. Князь Андрей улыбнулся как учитель ласкающемуся школьнику.

– У меня внутренность переворачивается, когда эти Жерковы лезут к тебе в интимность. Ему хочется подняться и отчиститься в сближении с тобой, и он не отчистится, а только тебя запачкает.

Стр. 155, строка 22.

Вместо: IV. – в Р. В.: V. в I изд. 68 г. XXXIII. – в изд. 73 г.: XXIX.

Ч. II, гл. IV.

Стр. 155, строка 33.

Вместо: еще не приходил домой, – *в Р. В.:* еще спал,
Стр. 155, строка 34.

Вместо: с фуражировки. – *в Р. В.:* домой в рейтузах и гусарской куртке.
Стр. 156, строка 3.

После слов: наконец, прыгнул – *в Р. В.:* и, обернув свое разрумяненное, загорелое, с пробивавшимися усиками лицо,
Стр. 156, строка 18.

Слов: Такая будет лошадь!» – *нет в Р. В.*
Стр. 156, строки 19—20.

Вместо: погромыхая шпорами. – *в Р. В.:* и пристукнул каблуками и шпорами, как делают в мазурке.
Стр. 157/158, строки 7/6.

Вместо: Что барин? *кончая:* Хоть бы драться скорей, – *в Р. В.* Накануне офицеры этого эскадрона собирались у ротмистра 4-го эскадрона в другой деревне и провели у него ночь за картами. Ростов там был, но уехал рано. Несмотря на всё его желание быть вполне гусаром и товарищем, он не мог пить больше стакана вина, не делаясь больным, и засыпал за картами. Денег у него было слишком достаточно, так что он не знал куда девать их и не понимал удовольствия выигрывать. Каждый же раз как он, по совету офицеров, ставил карту, он выигрывал деньги, которые ему были не нужны, и замечал, как это было неприятно тому, чьи были деньги, но помочь этому не мог. Ростов, несмотря на то, что эскадронный командир никогда не делал ему замечаний по службе, решил сам про себя, что в военной службе важнее всего добросовестность в исполнении обязанности, и объявил всем офицерам, что он счел бы себя дрянью, ежели бы он позволил себе когда-нибудь пропустить очередь дежурства или командировки. Впоследствии, дежурства и унтер-офицерская служба, к которой никто не принуждал его, становились тяжелы для него, но он помнил сказанное неосторожно слово и не изменил ему. По унтер-офицерской службе, получив с вечера повестку от вахмистра, он велел себя разбудить до зари и вместе со взводом ходил за сеном. Денисов еще спал, а он уже успел наговориться с гусарами, насмотреться на немку, дочь школьного учителя в Зальценеке, проголодаться и прийти в то счастливое состояние духа, в котором все люди добры, милы и приятны. Он, слегка побрякивая солдатскими шпорами, ходил взад и вперед по скрипучему полу, поглядывая на спящего, с головой укутанного, Денисова. Ему хотелось поговорить. Денисов кашлянул и повернулся. Он подошел к нему и дернул за одеяло.

– Пора, Денисов! пора! – крикнул он.

Из-под одеяла быстро выскочила черная, обросшая волосами мохнатая голова с красными щеками и блестящими, чернейшими глазами.

– Пог'а! – закричал Денисов, не выговаривая *р.* — Чтò пог'а? пог'а уйти к чог'ту из этого... колбасного цаг'ства! Такого несчастья! такого несчастья! Как ты уехал, так и пошло. Пг'одулся я, бг'ат, вчег'а как сукин сын!... Ей, чаю!

Денисов вскочил своими карими, голыми ногами, обросшими как у обезьяны черными волосами, и сморщившись, как бы улыбаясь и выказывая свои короткие, крепкие зубы, начал обеими руками лохматить как лес взбитые, черные, густые волосы и усы. С первых слов Денисова видно было, что ему не весело на душе и что он телом слаб от вина и бессонных ночей, и что приемы веселости были не потребностью его, а привычкой.

– Чог'т меня дег'нул пойти к этой кг'ысе (прозвище офицера), растирая себе обеими руками лоб и лицо, говорил Денисов. – Можешь себе пг'едставить, вчег'а, как ты ушел, ни одной каг'ты, ни одной, ни одной каг'ты не дал, – говорил Денисов, возвышая голос до крика, и весь багровея от волнения.

Денисов был один из тех людей, каких теперь не бывает, – один из тех людей, которые постоянно два раза в год пускали себе кровь и назывались горячими.

– Ну, полно, дело прошлое, – сказал Ростов, замечая, что Денисов начинает горячиться при одном воспоминании о своем несчастье. – Давай лучше чай пить.

Видно было, что Ростов еще не свикся с своим положением, и ему приятно было говорить *ты* такому старому человеку. Но Денисов уже расхотелся, глаза его налились кровью, он взял подаваемую ему закуренную трубку, сжал в кулак и, рассыпая огонь, бил ею по полу, продолжая кричать.

– Нет, это надо мной чег'товское несчастье – семпель даст, паг'оль бьет, семпель даст, паг'оль бьет.

Он рассыпал огонь, разбил трубку, бросил ее и замахнулся на денщика. Но через минуту, когда Ростов обратился к нему, горячка уже прошла.

– А я как проехался славно. Мы мимо того парка прошли, где учителя дочка, помнишь?... – сказал Ростов, краснея и улыбаясь.

– Эка кг'овь молодая-то, – уже тихо сказал Денисов, хватая юнкера за руку и потрясая ее. – Кг'аснеет юноша, даже пг'отивно...

– Опять видел...

– Ну, бг'ат, и я видно тепег'ь за пг'екг'асный пол пг'имусь – денег нет, игг'ать баста. Никита, дай-ка, дг'ужок, мне кошелек, – сказал он денщику, которого чуть не прибил. – Вот там. Эка дубина, чог'т! Где г'оешься? Под подушкой. Ну, спасибо, голубчик, – сказал он, принимая кошелек и высыпая на стол несколько золотых. – Эскадг'онные, фуражные, всё тут, сказал он. – Должно быть фуг'ажных одних 45. Да нет, чтò считать! Не поднимешься.

Он отодвинул золотые.

– Что же, возьми у меня, сказал Ростов:

– Коли в воскг'есенье не пг'ивезут жалованье, сквег'но! – проговорил Денисов, не отвечая Ростову.

– Да возьми у меня, – проговорил Ростов краснея, как это всегда бывает с очень молодыми людьми, когда дело касается денег. У него неясно мелькнула мысль о том, что Денисов уже должен ему, и мысль, что Денисов оскорбляет его, не принимая его предложения.

Лицо Денисова опустилось и стало грустно.

– Вот чтò! Возьми у меня Бедуина, – сказал он серьезно, подумав несколько. – Я сам за него в Г'оссии полтог'ы тысячи дал, за ту же цену тебе отдам. Заветного ничего кг'оме сабли. Бег'и! По г'укам...

– Ни за что не возьму. Лучшая лошадь в полку – сказал Ростов, опять вспыхивая.

Бедуин был действительно прекрасная лошадь, и Ростов очень бы хотел иметь ее, но и совестно было перед Денисовым. Он чувствовал себя как будто виноватым за то, что у него есть деньги. Денисов замолчал и стал опять задумчиво лохматить волосы.

Стр. 157, строка 22.

Вместо: закричал он картавя на р, громко – *в I и II изд.* 68 г.: закричал он – *Фонетической передачи картавого произношения Денисова нет в изд. 73 г. и мы ее не даем. В I и II изд.* 68 г. она проведена не последовательно.

Стр. 157, строка 24.

Вместо: Да я – *в I и II изд.* 68 г.: И да я

Стр. 157, строка 26.

Вместо: — Давно, – *в I изд.* 68 г.: — Да, пора,

Стр. 157, строка 27.

Вместо: Матильду видел. – *в I изд.* 68 г.: Матильда видела, пора.

Стр. 157, строка 28.

Вместо: — Вот как! *кончая:* закричал Денисов – *в I изд.* 68 г.: — Пог'а! закричал Денисов, не выговаривая *р*. — Чтò пог'а? Пог'а уйти к чог'ту из этого... колбасного цаг'ства! – *во II изд.* 68 г.: (Вот как! *кончая:* закричал Денисов не выговаривая *р*.

Стр. 157, строка 30.

После слов: так и пошло. – в I изд. 68 г.: Пг'одулся я, бг'ат, вчег'а как сукин сын! Пг'одулся и надулся, как свинья

Стр. 157, строка 36.

После слов: себе представить, – в I изд. 68 г.: вчег'а как ты ушел,

Стр. 157, строка 40.

После слов: продолжая кричать. – в I изд. 68 г.: – Нет, это надо мной чег'товское несчастье

—
Стр. 158, строка 2.

Вместо: помолчал – в I и II изд. 68 г.: Денисов помолчал

Стр. 158, строка 5.

Вместо: Хоть бы женщины были. – А то тут, – в I изд. 68 г.: — Фг'ейлен твоя! Ну, что это? Г'азве это женщина? Налопается ког'тофелю с биг'супом... Нет, бг'ат, это не то. Женщина, должна быть вся поэзия, воздух (он дунул), нет, бг'ат, в Польше так женщины... А тут,

Стр. 158, строка 10.

Вместо: Лаврушка. – в Р. В.: Никита. (*Никита, начиная с I изд. 68 г. переименовывается в Лаврушку.*)

Стр. 158, строка 12.

Слов: бросая кошелек с несколькими золотыми. – нет в Р. В.

Стр. 158, строка 14.

Вместо: да сунь – в Р. В.: да бг'ось

Стр. 158, строка 14.

Вместо: и вышел – в Р. В.: выходя

Стр. 158, строка 16.

Вместо: Ростов взял деньги *кончая:* стал считать их. – в Р. В.: Ростов, уже воображая себя корнетом на купленном Бедуине в замке эскадрона, начал считать деньги, машинально откладывая и ровняя кучками старые и новые золотые (старых было семь, а новых шестнадцать).

Стр. 158, строка 18.

Вместо: послышался – в Р. В.: послышался грустный

Стр. 158, строка 22.

Вместо: маленький, – в Р. В.: маленький, щеголеватый,

Стр. 158, строка 25.

Вместо: Он держал себя *кончая:* отвращения к этому офицеру. – в Р. В.: Его не любили в эскадроне за его чопорность. Ростов купил у него свою лошадь.

Стр. 158, строка 30.

Слов: (Грачик была верховая лошадь, подъездок, проданная Теляниным Ростову). – нет в Р. В.

Стр. 158, строка 35.

После слов: отвечал Ростов, – в Р. В.: серьезным тоном опытного кавалериста,

Стр. 158, строка 36.

После слов: 700 рублей, – в Р. В.: была испорчена ногами и

Стр. 158, строка 40.

После слов: заклепку какую положить. – в Р. В.: Глаза Телянина не успокоивались, несмотря на то, что вся его небольшая фигурка принимала лениво небрежную позу и тон его речи был слегка насмешливо-покровительственный.

– Не хотите ли чаю? И покажите пожалуйста как это заклепку-то... – сказал Ростов.

– Покажу, покажу, это не секрет. А за лошадь благодарить будете.

– Так я велю привести лошадь.

И Ростов вышел, чтобы привести лошадь.

Стр. 159, строка 1.

Слов: Да, покажите пожалуйста, сказал Ростов, *кончая:* от Телянина, и вышел, – *нет в Р. В.*

Стр. 159, строка 6.

После слов: Денисов, – *в Р. В.:* в архалуке,

Стр. 159, строка 9.

Вместо: в которой сидел – *в Р. В.:* которую пришел – *в I изд. 68 г.:* прошел

Стр. 159, строка 17.

Вместо: Бывают же такие *кончая:* небрежно оглядываясь. – *в Р. В.:* — Вот стояночка-то: – ни одного дома, ни одной женщины не видал с тех пор, как из Польши, – сказал Телянин, вставая и небрежно оглядываясь вокруг себя. – Что же, велели привести лошадь? – прибавил он.

Стр. 159, строка 22.

После слов: Да пойдёте сами. – *в Р. В.:* А что ж чаю?

– Нет, не хочу.

Стр. 159, строка 29.

Вместо: Когда Ростов вернулся *кончая:* И Денисов подошел к кровати, – *в Р. В.:* Когда Ростов вернулся, на столе стояла водка и ветчина и Денисов, одетый, быстрыми шагами ходил взад и вперед по комнате. Он мрачно посмотрел на лицо Ростову.

– Г’едко я кого не люблю, – сказал Денисов, – а этот мне Телянин пг’отивен как молоко с сахаг’ом. Надул он тебя Гг’ачиком своим, это вег’но. Пойдем в конюшню. Возьми Бедуина, всё г’авно, сейчас из полы в полу, и две бутылки шампанского.

Ростов опять разгорелся как девушка.

– Нет, пожалуста, Денисов... Я ни за что не возьму лошадь. А ежели ты у меня не возьмешь деньги по-товарищески, ты меня обидишь. Право, у меня есть.

Денисов поморщился, отвернулся и стал лохматить волосы. Ему, видно, неприятно было.

– Ну, быть по-твоему!

Ростов хотел достать деньги.

– После, после, еще есть. Чучела, пошли вахмистра, крикнул Денисов Никите, – надо ему деньги отдать. И он пошел к кровати,

Стр. 160, строка 8.

После слов: на Лаврушку, – *в I изд. 68 г.:* — Нет, пожалуста, Денисов... Я ни за что не возьму лошадь. А ежели ты у меня не возьмешь деньги по-товарищески, ты меня обидишь. Право, у меня есть. (*Слова о лошади остались по недосмотру при переделке текста Р. В.*)

Стр. 160, строка 9.

Вместо: денег – *в изд. 73 г.:* деньги – *в I и II изд. 68 г.*

Стр. 160, строка 14.

Слов: повторял Ростов – Да нет же. И – *нет в I изд. 68 г.*

Стр. 160, строка 18.

Слова: Ростов? – *нет в Р. В.*

Стр. 160, строка 20.

Вместо: Да нету. – *в Р. В.:* Я под нижней и смотрю.

Стр. 160, строка 28.

Вместо: к Лаврушке. – *в Р. В.:* к слуге.

Стр. 160, строка 36.

Вместо: и остановился посреди комнаты. – *в Р. В.:* кошелька не было.

Стр. 160, строка 36.

Вместо: Денисов – *в Р. В.:* Денисов, перерыв карманы,

Стр. 160, строка 38.

Вместо: что нигде нет, – *в Р. В.:* что в кармане нет,
Стр. 160, строка 40.

Вместо: Ростов, ты не школьн.. – *в Р. В.:* Г'остов, ты школьнич...
Он не договорил. Ростов, с обеими руками в карманах, стоял опустив голову.
Стр. 161, строка 1.

Вместо: Ростов почувствовав на себе *кончая:* опустил их. – *в Р. В.:* Почувствовав на себе
взгляд Денисова, он поднял глаза и в то же мгновение опустил их. В то же мгновение
Стр. 161, строка 3.

Вместо: Он не мог – *в Р. В.:* Молодой человек видимо не мог
Стр. 161, строка 4.

После слов: перевести дыхание. – *в Р. В.:* Денисов поспешно отвернулся, сморщился и
стал лохматить себе волосы.
Стр. 161, строка 6.

Слов: сказал Лаврушка. – *нет в Р. В.*
Стр. 161, строка 9.

Вместо: на лакея. – *в Р. В.:* на денщика.
Стр. 161, строка 9.

Слов: Всех запорю! – *нет в Р. В.*
Стр. 161, строка 11.

Вместо: Ростов, обходя – *в Р. В.:* Ростов задыхаясь и обходя
Стр. 161, строка 12.

Вместо: фуражку. – Я тебе – *в Р. В.:* фуражку – Ну чог'тов сын. Я тебе
Стр. 161, строка 13.

Вместо: кричал Денисов, – *в Р. В.:* кричал Денисов бессмысленно,
Стр. 161, строка 15.

Вместо: я знаю, кто взял, – *в Р. В.:* Я сейчас приду,
Стр. 161, строка 17.

Со слов: Денисов остановился *кончая:* чтобы удержать его. Но – *в Р. В.:* Г'остов, Г'остов! –
закричал Денисов, так что жилы, как веревки надулись у него на шее и лбу. – Я тебе говог'ю,
ты с ума сошел, я этого не позволю. – И Денисов схватил за руку Ростова. – Кошелек здесь,
спущу шкуг'у, со всех денщиков, и будет здесь.

– А я знаю где кошелек, отвечал Ростов дрожащим голосом.
Они взглянули друг другу в глаза.

– А я тебе говог'ю не делай этого, кричал надрываясь Денисов и бросаясь к юнкеру,
чтоб удержать его, – я тебе говог'ю, чог'т их подег'и эти деньги! Это не может быть, я не допущу
этого! Ну, пг'опали, чог'т с ними!.. – Но, несмотря на решительный смысл слов, мохнатое лицо
ротмистра выражало теперь уже нерешительность и страх

Стр. 161, строка 36.

Вместо: Ростов пришел – *в Р. В.:* Он пришел
Стр. 162, строка 12.

Вместо: в комнате сидели *кончая:* ножей о тарелки – *в Р. В.:* в комнате никого не было,
и слышались только звуки ножа о тарелку.

Стр. 162, строка 24.

Вместо: Да, хорошенький кошелек... Да... – *в Р. В.:* Это сувенир паночки одной...
Стр. 162, строка 34.

Вместо: А вы что ж? тоже позавтракать? Порядочно кормят, – *в Р. В.:* Чтò, вы покупаете
лошадь у Денисова? Хорош конь,

Стр. 162, строка 39.

Вместо: «да, да, – *в Р. В.:* «да,

Стр. 163, строка 7.

Вместо: Это деньги Денисова, вы их взяли... – *в Р. В.:* Вы вор!

Стр. 163, строка 9.

Слов: проговорил Телянин. – *нет в Р. В.*

Стр. 163, строка 15.

Вместо: но надо было до конца довести начатое дело. – *в Р. В.:* что слезы выступили ему на глаза.

Стр. 163, строка 19.

Вместо: надо объясниться... *в Р. В.:* Объяснитесь, что с вами?

Когда они вошли в эту комнату, Телянин был бледен, сер, мал ростом, и, как будто после тяжелой болезни, похудел.

– Вы нынче украли кошелек из-под подушки Денисова, – сказал Ростов с расстановкой. Телянин хотел что-то сказать.

Стр. 163, строка 22.

Вместо: Испуганное, бледное лицо Телянина – *в Р. В.:* Серое лицо, потерявшее всю милость,

Стр. 163, строка 23.

Слов: всё так же – *нет в Р. В.*

Стр. 163, строка 23.

Вместо: но где-то внизу, – *в Р. В.:* не по-старому, а уж где-то внизу,

Стр. 163, строка 33.

Вместо: Граф, сказал – *в Р. В.:* Граф, – умолиительно сказал

Стр. 163, строка 35.

После слов: швырнул ему кошелек – *в Р. В.:* Не дотрогивайтесь до меня, не дотрогивайтесь!

Стр. 163, строка 36.

Вместо: выбежал из трактира. – *в Р. В.:* выбежал из трактира, едва скрывая слезы.

Стр. 163, строка 37.

Вместо: V. – *в Р. В. продолжение предыдущей V главы, – в I изд. 68 г.: XXXIV. – в изд. 73 г.: XXX.*

Ч. II, гл. V.

Стр. 164, строка 7.

После слов: два раза выслуживался. – *в Р. В.:* Человек, не верящий в Бога, был бы менее странен в полку, чем человек, не уважающий штаб-ротмистра Кирстена.

Стр. 164, строка 17.

После слов: офицер украл... – *в Р. В.:* — Не могу и не умею быть дипломатом,

Стр. 164, строка 27.

Вместо: вступать (*берем по Р. В.*) – *в I изд. 68 г.: вступаться, – во II изд. 68 г. и в изд. 73 г.: вступить.*

Стр. 164, строка 28.

После слов: покачал головой. – *в Р. В.:* Я тебе сказал, обратился он к штаб-ротмистру – суди ты как знаешь. Я знаю только, что кабы я вас не слушал, и г'азмочалил бы давно голову этому вог'ишке (с самого начала мне его дух п'отивен был), так ничего бы не было, и не было бы всей этой истог'ии и сг'аму.

– Ну, да дело сделано, продолжал штаб-ротмистр.

Стр. 164, строка 31.

После слов: вас осадил. – *в Р. В.:* вы наговорили ему глупостей, и надо вам извиниться.

Стр. 164, строка 32.

Слов: Не осадил, *кончая:* надо извиниться. – *нет в Р. В.*

Стр. 165, строка 15.

Вместо: Денисов всё молчал *кончая:* глазами на Ростова. *в Р. В.:* — Да, бг'ат, руку бы дал свою отг'убить, чтобы не было этого дела, — сказал Денисов, стукнув кулаком по столу.

Стр. 165, строка 24.

Вместо: закричал, вскакивая, Денисов. Ну, Ростов, ну! — *в Р. В.:* закричал Денисов, начиная горячиться и взглядывая на Ростова. Ну, Г'остов, ну, Г'остов! ну, к чог'ту *fausse honte*⁴⁶⁶ всякую, ну!

Стр. 165, строка 35.

Вместо: он малый славный. — *в Р. В.:* он, чог'т возьми, малый славный.

Стр. 166, строка 6.

Слов: сказал Кирстен. — *нет в Р. В.*

Стр. 166, строка 12.

Вместо: проговорил Денисов, — *в Р. В.:* Ох, попадись он мне, проговорил Денисов, — как муху г'аздавлю.

Стр. 166, строка 15.

Вместо: а не попадайся он мне на глаза — убью! — *в Р. В.:* а пг'истг'елил бы с г'адостью,

Стр. 166, строка 33.

Вместо: VI. — *в I изд. 68 г. XXXV. — в изд. 73 г.: XXXI*

Ч. II, гл. VI.

Стр. 167, строка 20.

Вместо: Несвицкий, — *в Р. В.:* князь Несвицкий,

Стр. 167, строка 40.

Вместо: вот туда — *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: вон туда*

Стр. 168, строка 7.

Вместо: и скучно, — *в Р. В.:* и скучно, князь,

Стр. 168, строка 34.

Вместо: с улыбкою — *в Р. В.:* с хитрою улыбкой

Стр. 169, строка 12.

Вместо: VII. — *в I изд. 68 г.: — XXXVI. — в изд. 73 г.: XXXII.*

Ч. II, гл. VII.

Стр. 170, строка 1.

Вместо: протискивался офицер — *в Р. В., в I и II изд. 68 г. протискивался между солдатами, офицер*

Стр. 170, строка 5.

Вместо: проплывала — *в изд. 73 г.: переплывала*

Стр. 170, строка 9.

Вместо: — Много ль еще — *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: Много ль вас еще*

Стр. 170, строка 14.

Вместо: жаривать, — *в Р. В. и в I изд. 68 г.: чесать,*

Стр. 171, строка 8.

Вместо: на последнем слогe, — *в Р. В. и в I изд. 68 г.: на последнем слове,*

Стр. 171, строка 16.

Вместо: закрыв глаза, — *в Р. В. и в I изд. 68 г.: закрывая глаза,*

Стр. 172, строка 12.

Вместо: кричал Денисов, — *в Р. В.:* кричал Васька,

Стр. 172, строка 20.

Вместо: Бедуина, — *в Р. В., в I и II изд. 68 г.: кровного Бедуина.*

⁴⁶⁶ ложный стыд

Стр. 172, строка 24.

Вместо: Прочь... дай дорогу... – в *Р. В.:* точь...: дай дог'огу!..

Стр. 173, строка 32.

Вместо: VIII. – в *I* изд. 68 г.: XXXVII. – в изд. 73 г.: XXXIII

Ч. II, гл. VIII.

Стр. 174, строка 16.

Вместо: сажен – в *Р. В., в I и II* изд. 68 г.: саженой

Стр. 174, строка 28.

Вместо: Так ежели и не думает, то – в *Р. В.:* Хотя и не думает, но

Стр. 175, строка 2.

Вместо: разнообразными лицами, сдерживая дыханье – в *Р. В.:* разнообразными лицами и подстриженными усами, сдерживал дыханье,

Стр. 175, строка 2.

После слова: ядро, – в *Р. В.:* и напрягая мышцы ног в натянутых, синих рейтузах,

Стр. 175, строка 29.

Вместо: Он подъехал к Кирстену. – в *Р. В.:* Проездом взглянул он на замкдвого красавца – офицера Перонского, поспешно отвернулся.

Перонский в своей гусарской полуформе, на своем тысячном коне, был очень красив. Но красивое лицо его было бледно, как снег. Кровный его жеребец, чуя страшные над головой звуки, приходил в то рьяное бешенство породистой и выезженной лошади, которое так любят дети и гусары. То он фыркал, звеня цепочкой и кольцами мундштука, и бил мускулистою, тонкою ногой землю, иногда не доставая ее, махал по воздуху, то направо и налево поворачивая, насколько пускал мундштук, свою сухую голову, косился выпуклым и налитым кровью черным глазом на седока. Денисов, сердито отвернувшись от него, направился к Кирстену.

Стр. 175, строка 34.

Вместо: до драки. – в *Р. В.:* до атаки.

Стр. 175, строка 36.

Вместо: проворчал Денисов. – в *Р. В. и в I* изд. 68 г.: прокричал Денисов.

Стр. 175, строка 37.

Слов: веселое лицо, – нет в *Р. В.*

Стр. 176, строка 11.

Со слов: Два эскадрона – в *Р. В.:* IX. глава.

Стр. 176, строка 29.

Слов: (он недавно выбыл из их полка) – нет в *Р. В.*

Стр. 176, строка 38.

Вместо: остановиться – в изд. 73 г. опечатка: отправиться.

Стр. 176, строка 40.

Вместо: серьезно – в *Р. В.:* наивно и серьезно

Стр. 177, строка 20.

Вместо: служба знаю, – в *Р. В.:* служба зная,

Стр. 177, строка 34.

Слов: бы выражал этим, что, – нет в *Р. В.*

Стр. 177, строка 35.

Вместо: он всё таки делает то, что должно. – в *Р. В.:* он выражал этим свое великодушие.

Стр. 178, строка 35.

Вместо: сердито закричал он кончая: на доски моста. – в *Р. В.:* сердито закричал он. Но и тут Карл Богданович не обратил на него внимания; за то он обратился к Денисову, который, щеголяя храбростью, въехал верхом на доски моста.

Стр. 179, строка 2.

Вместо: то на эту – в *Р. В.:* то на ту, то на эту

Стр. 179, строка 22.

Вместо: серьезно ли, что – в *Р. В.:* серьезно ли то, что

Стр. 179, строка 28.

Вместо: показал – в *I и II изд. 68 г.:* показывал

Стр. 179, строка 29.

После слов: поспешно отъезжали. – в *Р. В.:* Да врет он, продолжал Жерков, – и меня представят, и мы под огнем были.

Стр. 179, строка 30.

Вместо: На французской – в *Р. В.:* В это время, на французской

Стр. 179, строка 31.

Вместо: показался – в *Р. В.:* опять показался

Стр. 179, строка 38.

После слов: бы не воевал, – в *Р. В.:* И что они так долго!

Стр. 179, строка 38.

Слов: сказал Несвицкий, отворачиваясь. – нет в *Р. В.*

Стр. 179, строка 40.

Слова: опять – нет в *Р. В.*

Стр. 180, строка 1.

Слов: в синих капотах – нет в *Р. В.*

Стр. 180, строка 1.

Вместо: разных – в *Р. В.:* равных

Стр. 180, строка 3.

Вместо: видеть того, что – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* видеть что

Стр. 180, строка 4.

Вместо: С моста – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* С мосту

Стр. 180, строка 23.

После слов: подняли и положили – в *Р. В.:* Фуражка упала с него. Ее подняли и бросили в носилки.

Стр. 180, строка 35.

Вместо: побегу – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* бегу

Стр. 181, строка 9.

Вместо: но я трус, – в *I и II изд. 68 г.:* но трус,

Стр. 181, строка 14.

Вместо: рубай в песи, – в *Р. В.:* там весь гог'ишь, себя не помнишь,

Стр. 181, строка 23.

Вместо: – Вот вам – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* – Вот нам

Стр. 181, строка 32.

Вместо: IX. – в *Р. В.:* X. – в *I изд. 68 г.:* XXXVIII. – в *изд. 73 г.:* XXXIV.

Ч. II, гл. IX.

Стр. 182, строка 5.

Вместо: самым неприятелем, – в *Р. В.:* самими французами,

Стр. 183, строка 4.

Вместо: на свое несильное на вид сложение, – в *Р. В.:* на свою слабую наружность,

Стр. 183, строка 10.

После слов: шаг к повышению. – в *Р. В.:* Получив депешу, письма и поручения товарищей, князь Андрей ночью, при свете фонаря, вышел на крыльцо и сел в бричку.

– Ну, брат, – говорил Несвицкий, провожая его и обнимая, – вперед поздравляю с Марией-Терезией.

– Как честный человек говорю тебе, – отвечал князь Андрей, – ежели бы мне ничего не дали, мне всё равно. Я так счастлив, так счастлив... что везу такие известия... что я сам видел... ты понимаешь меня. – То возбуждающее чувство опасности и сознания храбрости, которое испытал князь Андрей во время сражения, было только усилено бессонною ночью и поручением к австрийскому двору. Он был другим человеком, оживленным и ласковым.

– Ну, Христос с тобой...

– Прощай, душа моя. Прощайте, Козловский.

– Поцелуй же от меня хорошенькую ручку баронессы Зайфер. И Cordial бутылочку хоть привези, коли место будет, – говорил Несвицкий.

– Привезу и поцелую.

– Прощай.

Бич хлопнул, и почтовая бричка поскакала по темногрязной дороге мимо огней войск.

Стр. 183, строка 16.

Вместо: скакал в почтовой бричке, испытывая – *в Р. В.:* испытывал

Стр. 183, строка 36.

После слов: мимо их, курьера. – *в Р. В.:* – Несчастные! подумал князь Андрей: – а и они нужны...

Стр. 183, строка 37.

Вместо: Князь Андрей велел – *в Р. В.:* Он велел

Стр. 184, строка 6.

Вместо: Вперед, – *в Р. В.:* Vorwärts,

Стр. 184, строка 15.

Вместо: сменялись – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* изменялись

Стр. 184, строка 18.

Вместо: представились ему, – *в Р. В.:* представлялось ему лицо императора и все

Стр. 184, строка 25.

Слов: сказал ему чиновник. – *нет в Р. В.*

Стр. 184, строка 29.

Вместо: наклонясь – *в Р. В. и I изд. 68 г.:* наклоняясь

Стр. 184, строка 36.

После слов: себя оскорбленным, – *в Р. В.:* и как это всегда бывало в его гордой душе,

Стр. 185, строка 4.

Вместо: он особенно медленно – *в Р. В.:* члены безжизненно опустились и он, как бы с трудом волоча ноги,

Стр. 185, строка 6.

Вместо: сидевшего – *в Р. В.:* сидящего

Стр. 186, строка 6.

После слов: наклонил голову. – *в Р. В.:*

Князь Андрей вышел в приемную. Там были два адъютанта, которые говорили между собою видимо о чем-то совершенно не относящемся до приезда князя Андрея. Один из них с неохотой встал, и всё с тою же оскорбительною учтивостью попросил князя Андрея записать свой чин, звание и адрес в поданную ему адъютантом книгу. Князь Андрей молча исполнил его желание, и не взглянув на него, вышел из приемной.

Стр. 186, строка 8.

Вместо: Когда князь Андрей – *в Р. В.:* Когда он

Стр. 186, строка 12.

После слов: далеким воспоминанием. – *в Р. В.:* ближайшими и интереснейшими предметами стали для него прием военного министра, учтивость адъютанта и предстоящее представление императору.

Стр. 186, строка 14.

Вместо: X. – в *Р. В.*: XI. – в *I* изд. 68 г.: XXXIX. – в изд. 73 г.: XXXV.

Ч. II, гл. X.

Стр. 186, строка 15.

Вместо: Князь Андрей остановился *кончая:* дипломата Билибина. – в *Р. В.*: Князь Андрей поехал к русскому дипломату Билибину. Немец, слуга дипломата, узнал князя Андрея, который останавливался у Билибина во время своего приезда в Вену, и встречая его, словоохотливо говорил:

– Герр фон-Билибин должны были оставить свою квартиру в Вене. Проклятый Бонапарте! говорил дипломатический слуга: – сколько несчастий, сколько убытку, беспорядков произвел!

– Здоров г. Билибин? спросил князь Андрей.

– Не совсем здоровы, не выезжают еще, а очень рады будут вас видеть. Сюда пожалуйте. Вещи ваши выберут. Казак здесь останется? Вот и они услышали.

Стр. 186, строка 18.

Слов: князю Андрею. – *нет в Р. В.*

Стр. 186, строка 19.

Слов: обратился он к слуге, провожавшему Болконского. *нет в Р. В.*

Стр. 186, строка 22.

Вместо: Князь Андрей, умывшись *кончая:* уселся у камина. – в *Р. В.*: Да, вестником победы, – отвечал князь Андрей, – но, как кажется, не очень желанный.

– Ну, коли вы не устали, расскажите же мне, за ужином, ваши высокие подвиги, – сказал Билибин, усаживаясь с ногами на кушетке в углу камина, когда князь Андрей, умывшись и одевшись, вышел в роскошный кабинет дипломата и сел за приготовленный обед. – Франц, поправь экран, а то князю будет жарко.

Стр. 186, строка 31.

Вместо: он предполагал. – в *Р. В.*: он знал,

Стр. 186, строка 32.

Вместо: общее русское отвращение – в *Р. В.*: его отвращение

Стр. 186, строка 33.

После слов: к австрийцам. – в *Р. В.*: Неприятно действовало на него только то, что Билибин слушал его рассказ почти с таким же недоверием и равнодушием, с каким слушал его и австрийский военный министр.

Стр. 186, строка 36.

Вместо: еще ближе познакомились – в *Р. В.*: сблизилась особенно.

Стр. 186, строка 37.

После слов: с Кутузовым. – в *Р. В.*: Билибин просил его, в случае приезда в Вену, непременно остановиться у него.

Стр. 187, строка 29.

Вместо: dans les salons de Vienne, как говорили и часто имели – в *Р. В.*: des salons de Vienne часто повторялись,

Стр. 187, строка 29.

Слов: как говорили – *нет в I и II изд. 68 г.*

Стр. 187, строка 31.

Вместо: желтоватое лицо – в *Р. В.*: необыкновенной белизны лицо

Стр. 187, строка 32.

Вместо: крупными – в *Р. В.*: крупными, молодыми.

Стр. 188, строка 1.

Вместо: Ну, теперь расскажите нам ваши подвиги, – сказал он. – *в Р. В.:* Во всем лице, фигуре его и звуке голоса, несмотря на утонченность одежды, утонченность приемов и французского, изящного языка, которым он говорил, резко выражались характерные черты русского человека.

Стр. 188, строка 18.

После слов: отвечал князь Андрей, – *в Р. В.:* отодвигая тарелку,

Стр. 188, строка 36.

Вместо (в сноске): на кегельный кон, – *в Р. В.:* при игре в кегли, – *в I и II изд. 68 г.:* когда она мешает игре в кегли.

Стр. 189, строка 2.

Вместо: особенной радости... – *в Р. В.;* *в I и II изд. 68 г.:* потребности в знак радости дать моему Францу талер и отпустить его к своей Liebchen на Пратер... правда, здесь нет Пратера.

Стр. 189, строка 14.

После слов: мой милый. – *в Р. В.:* Возьмите же еще кусок жаркого, больше ничего не будет. – Mercі.

Стр. 189, строка 17.

Вместо: вы нам сюда – *во II изд. 68 г.:* вы нам свое

Стр. 189, строка 25.

После слов: нас с победой!... – *в Р. В.:* Вы взяли в плен каких-то двух дебардеров, наряженных в бонапартовских генералов.

Стр. 190, строка 3.

После слов: которые он слышал. – *в Р. В.:* – Ceci est une autre paire de manches – сказал он и, достав зубочистку, придвинулся к камину.

Стр. 190, строка 23.

Вместо: Но это всё-таки *кончая:* что кончена, – *в Р. В.:* —

– Ежели так, то кампания кончена, – сказал князь Андрей.

– Вот это и я тоже думаю.

Стр. 190, строка 25.

Вместо: И так думают – *во II изд. 68 г.:* И так я думаю

Стр. 190, строка 33.

После слов: только в том, – *в Р. В.:* (возьмите же эту грушу, она очень хороша),

Стр. 191, строка 11.

После слов: tout court. – *в Р. В.:* Хотите еще или нет кофею? Франц!

Стр. 191, строка 12.

Вместо: неужели вы думаете, что кампания кончена? – *в Р. В.:* вы в состоянии знать. Как вы думаете, чем кончится всё это? А

Стр. 191, строка 18.

Вместо: И потому – *entre nous кончая:* в знак окончания разговора. – *в Р. В.:*

– Ждут государя? – спросил князь Андрей.

– Каждый день. Нас обманут; уже теперь я чутьем слышу сношения с Францией и проекты мира, тайного мира отдельно заключенного.

– Это будет мило! – сказал князь Андрей.

– Qui vivra verra.⁴⁶⁷ Они помолчали.

Билибин распустил опять кожу в знак окончания разговора.

– А знаете, вы в последний приезд одержали здесь совершенную победу над баронессой Зайфер?

⁴⁶⁷ [поживем, увидим.]

– Что она всё такая же восторженная? – спросил князь Андрей, вспоминая одну из приятных женщин, между которыми он имел большой успех в свой приезд в Вену с Кутузовым.

– Одна она женщина, а не дама, – сказал свое motto⁴⁶⁸ Билибин. – Завтра поедем к ней. Для вас и для нее я не повинуюсь моему доктору. Надо, чтобы хорошо провести эти дни здесь. Каков бы ни был австрийский кабинет, люди, особенно женщины, необыкновенно милы, и я ничего не желал бы как провести всю свою жизнь в Вене. Ах, знаете кто постоянный посетитель ее гостиной? Наш Ипполит Курагин. Это самый откровенный дурак, какого я видел. Завтра вы его увидите у меня. Наши собираются у меня по четвергам, и вы всех их увидите. Ну, однако, идите спать; я вижу, что вы падаете.

Стр. 191, строка 30.

После слов: Прусский союз, – в *Р. В.:* Ипполит Курагин, баронесса З**,

Стр. 192, строка 9.

Вместо: детски улыбаясь – в *Р. В.:* по-детски улыбаясь

Стр. 192, строка 11.

Вместо: XI. – в *Р. В.:* XII. – в I изд. 68 г.: XL. – в изд. 73 г.: XXXVI.

Ч. II, гл. XI.

Стр. 192, строка 16.

Вместо: вчерашнего вечера. – в *Р. В.:* Воспоминание о сражении представлялось ему чем-то давно, давно прошедшим и незначущим.

Стр. 192, строка 18.

После слов: с подвязанною рукой, – в *Р. В.:* более в великосветском и придворном, чем в военном настроении духа,

Стр. 192, строка 19.

Вместо: В кабинете находились *кончая:* его познакомил Билибин. – в *Р. В.:* В кабинете уже сидели, лежали и стояли несколько господ дипломатического корпуса, посещавших Билибина, которых он называл – наши. Большинство были русские, но были один англичанин и один швед. Со многими из них, как с князем Ипполитом, Болконский был знаком; с другими его познакомил Билибин, называя Болконского вестником победы, о которой уже было известно всему городу.

– Les plumes... сказал Билибин, указывая на своих, – à l'érée,⁴⁶⁹ сказал он, указывая на Болконского. – Господа, рекомендую вам одного из тех людей, которые имеют искусство быть всегда счастливы. Он всегда был любим самыми милыми женщинами, владеет самую милую женой, прекрасною наружностью, и никогда не был и не будет ранен в нос, в живот или еще хуже, как мой знакомый le capitaine Gniloupouff. Славная фамилия. К несчастью, вы, господа иностранцы, – обратился он к англичанину и шведу, – не можете оценить всей прелести и благозвучности этого имени. Нет, господа, объясните мне пожалуйста, отчего капитана Гнилоупова ранят непременно в нос, или просто убьют, а такого человека, как Болконский, в руку, чтобы придать ему еще более привлекательности в глазах женщин.

Стр. 192, строка 35.

После слов: и пересуды. – в *Р. В.:* Все они говорили по-французски. И несмотря на привычку их к этому языку и их оживление, разговор имел характер притворства или подражания какому-то чужому веселью.

Стр. 193, строка 7.

Вместо: Он засмеялся. – в *Р. В.:* он дико засмеялся.

Стр. 193, строка 14.

После слов: de l'homme, – в *Р. В.:* сентенциозно

⁴⁶⁸ [словечко].

⁴⁶⁹ [Перья и шпага]. Считаем, что à l'érée – опечатка вместо: [et l'érée]

Стр. 193, строка 17.

Вместо: наши расхохотались – в *Р. В.*: *наши* бесцеремонно расхохотались

Стр. 193, строка 19.

Вместо: был шутом в этом обществе – в *Р. В.*: был просто шутом этой веселой компании.

Стр. 193, строка 32.

Вместо: Attendez, je кончая: за руку. – в *Р. В.*: Князь Андрей, несмотря на то, что *наши* с радостными лицами слушали Ипполита, с отвращением отошел; но Ипполит схватил его за руку.

– Attendez, je n'ai pas fini... продолжал он, желая очевидно внушить новому лицу уважение к своим политическим соображениям.

Стр. 194, строка 2.

Вместо в тексте и в сноске: 28 ноября. – в *Р. В.*: 28 ноября; в *I изд. 68 г. только в тексте: 28 ноября; во II изд. 68 г. в тексте: 28 ноября, в сноске: 18 ноября; в изд. 73 г. только в тексте: 18 ноября.*

Стр. 194, строка 3.

Вместо: отпустил – в *изд. 73 г.: опечатка отпустил*

Стр. 194, строка 8.

Вместо: Все засмеялись кончая: громче всех. Он – в *Р. В.*: И все засмеялись дружным и оживленным хохотом, особенно возбуждаемым от хохота самого Ипполита, который

Стр. 194, строка 10.

Вместо: растягивающего его – в *Р. В.*: причем растягивалось.

Стр. 194, строка 12.

Слов: в Брюнне, – нет в Р. В.

Стр. 194, строка 19.

После слов: кончики пальцев. – в *Р. В.*: Поедемте со мной.

– А отсюда едем к баронессе Зайфер. Я для вас выезжаю нынче первый раз, а ночь ваша, коли вы желаете ею воспользоваться. Кто-нибудь из господ может вас руководить

Стр. 194, строка 20.

Вместо: кровожадного солдата – сказал Билибин, – в *Р. В.*: кровожадного солдата Болконского, – сказал кто-то,

Стр. 194, строка 21.

После слов: человеколюбивым взглядам. – в *Р. В.*: И чтоб он полюбил наш Брюнн и нашу Вену милую.

Стр. 194, строка 22.

Вместо: – Едва ли я воспользуюсь вашим гостеприимством, господа, и теперь мне – в *Р. В.*: – Однако мне

Стр. 194, строка 23.

После слов: сказал Болконский. – в *Р. В.*: который, несмотря на суету разговора, ни на минуту не забывал предстоящего представления императору.

Стр. 194, строка 35.

Вместо (в сноске): Вот чем всё это – во *II изд. 68 г.: чем-то всё это*

Стр. 194, строка 36.

Вместо (в сноске): по камню – во *II изд. 68 г.: по остроте, —*

Стр. 195, строка 8.

Вместо: XII. – в *Р. В.*: – XIII. – в *I изд. 68 г.: XLI.* – в *изд. 73 г.: XXXVII.*

Ч. II, гл. XII.

Стр. 195, строка 9.

Вместо: На выходе император Франц кончая: дать ему аудиенцию. – в *Р. В.*: Император Франц подошел к князю Андрею, стоявшему в назначенном месте между австрийскими офи-

церами на выходе, и сказал ему скоро несколько невнятных, но очевидно ласковых слов, и прошел дальше.

После выхода вчерашний флигель-адъютант, сделавшийся нынче совсем другим, учтивым и деликатным человеком, передал Болконскому желание императора видеть его еще раз. Прежде чем вступить в кабинет, князь Андрей, при виде шептавшихся придворных, при виде того уважения, которое ему оказывали теперь, когда узнали, что он будет принят императором, почувствовал, что и его волновало предстоящее свидание. Но опять это чувство волнения в одно мгновение превратилось в его душе в чувство презрения к условному величию и к этой толпе шепчущих придворных, готовых изменить себе и правде в угоду императора. «Нет», сказал себе князь Андрей, «в какое бы трудное положение ни был я поставлен предстоящим свиданием, я откину все соображения и скажу одну полную и прямую правду». Но разговор, который произошел между им и императором, не подал ему случая говорить ни правды, ни неправды.

Стр. 195, строка 20.

Вместо: Князь Андрей отвечал. – *в Р. В.:* Князь Андрей ответил.

Стр. 196, строка 7.

Вместо: – В семь часов, кажется *кончая:* окружен придворными. – *в Р. В.:* Сделав этот последний вопрос, требовавший краткого ответа, император сказал, что он благодарит, и поклонился. Князь Андрей вышел, и сам не зная отчего, в первую минуту, несмотря на поразительную простоту фигуры и приемов императора, несмотря на свою философию, князь Андрей почувствовал себя не совсем трезвым. Его окружили, когда он вышел из двери кабинета,

Стр. 196, строка 13.

Вместо: и предлагал ему свой дом. – *в Р. В.:* в отделении для иностранных курьеров.

Стр. 196, строка 16.

Слов: Камергер императрицы *кончая:* его видеть. – *нет в Р. В.*

Стр. 196, строка 20.

Вместо: Вопреки словам *кончая:* принято радостно. – *в Р. В.:* Противно ожиданиям его и Билибина, представление имело полный успех.

Стр. 196, строка 23.

Вместо: Болконский получал приглашения... *кончая:* спросил Болконский. – *в Р. В.:* Императрица желала видеть князя Болконского, и приглашения на обеды и вечера сыпались на него со всех сторон.

По возвращении из дворца, князь Андрей, сидя в коляске, мысленно сочинял письмо к отцу обо всех обстоятельствах сражения, поездки в Брюнн и разговора с императором. О чем он ни думал, разговор с императором, этот пустой, этот просто глупый разговор, возникал снова в его воображении со всеми малейшими подробностями выражения лица и интонации императора Франца. «В котором часу убили генерала Шмита? повторял он сам себе. Очень нужно было ему знать, в котором именно часу убит генерал Шмит. Отчего он не спросил, во сколько минут и секунд? Какие важные для государства соображения он выведет из этого знания? Но хуже и глупее вопроса – то волнение, с которым я приступал к этому разговору. И волнение всех этих стариков при мысли о том, что он говорил со мной. Два дня тому назад стоя под пулями, из которых каждая могла принести смерть, я не испытывал и сотой доли того волнения, которое я почему-то ощущал, разговаривая с этим простым, добрым и вполне ничтожным человеком? Да, надо быть философом», заключил он, и вместо того, чтоб ехать прямо в Билибину, поехал в книжную лавку запастись на поход книгами. Он засиделся, перебирая неизвестные ему философские сочинения, более часа. Когда он подъехал к крыльцу Билибина, его удивил вид стоявшей тут, до половины уложенной, брички, и Франц, слуга Билибина, который с расстроенным видом выбежал ему навстречу:

Стр. 196, строка 27.

Вместо: и о своей – в *I и II изд.* 68 г. и своей

Стр. 196, строка 34.

Вместо: сказал Франц, – в *P. В.:* говорил Франц. *Das ist Malheur!*⁴⁷⁰

Стр. 196, строка 34.

Слов: с трудом взваливая чемодан в бричку. – *нет в P. В.*

Стр. 196, строка 35.

После слов: *Wir ziehen noch weiter,* – в *P. В.:* *Gott weiss wohin.*⁴⁷¹

Стр. 196, строка 37.

Слов: Что такое? Что? – спрашивал князь Андрей. – *нет в P. В.*

Стр. 196, строка 38.

Вместо (в сноске): Ах ваше кончая: еще далее. – в *P. В. (в сноске):* Ах, ваше сиятельство!

Эти малёр! Мы отправляемся еще далее, Бог знает куда.

Стр. 197, строка 9.

Вместо: Я от эрцгерцогини кончая: Дело в том что, – в *P. В.:* Разве вы не из дворца?

– Из дворца. Я видел и императора. Кутузов получил большой крест Марии-Терезии.

– Теперь не до крестов дело. Неужели там ничего не знают?

– Ничего. Может быть после меня; я оттуда заехал в лавки... Да в чем дело?

– Ну, теперь я понимаю. В чем дело? Это прекрасно!..

Стр. 197, строка 23.

После слов: сказал он. – в *P. В.:* Я думаю.

– Но как же это случилось?

Стр. 197, строка 24.

После слов: и штука, – в *P. В.:* и прелесть.

Стр. 197, строка 24.

Слов: отвечал Билибин. – *нет в P. В.*

Стр. 198, строка 1.

Абзаца со слов: грустно и серьезно кончая: – Полноте шутить, – сказал он. – *нет в P. В.*

Стр. 198, строка 13.

Вместо: – Не шучу, – продолжал Билибин, – в *P. В.:* – Нисколько не шучу, – продолжал Билибин, отвечая на нетерпеливое и недоверчивое движение Болконского,

Стр. 198, строка 20.

Вместо: Ауэрсперга и проч. – в *P. В., в I и II изд.* 68 г.: Ауэрсперга, и тысячу гасконад и проч.

Стр. 198, строка 30.

Вместо: забрасывают Ауэрсперга – в *P. В.:* забрасывают этого индейского петуха Ауэрсперга.

Стр. 199, строка 18.

Вместо: живо воображая кончая: ожидает его. – в *P. В.:* видимо не могший разделять удовольствия, которое находил Билибин в глупости рассказанного факта. Рассказ этот мгновенно изменил его вынесенное из дворца городское великосветское расположение духа. Он думал о том положении, в которое поставлена теперь армия Кутузова, думал о том, как ему, вместо покойных дней в Брюнне, предстоит тотчас скакать к армии и участвовать там или в отчаянной борьбе или в позоре. И серые шинели, раны, пороховой дым и звуки пальбы мгновенно возникли живо в его воображении. И опять, в эту минуту, как и всегда, когда он думал об общем ходе дел, в его душе странно соединилось сильное, гордое патриотическое чувство страха за поражение русских, с торжеством о торжестве своего героя. Кампания кончена. Все

⁴⁷⁰ [Это несчастье!]

⁴⁷¹ [Бог знает куда.]

силы всей Европы, все расчеты, все усилия уничтожены в два месяца гением и счастьем этого непостижимого, рокового человека...

Стр. 199, строка 30.

После слов: Андрею, который – в *Р. В.*: – ни слова не сказал,

Стр. 199, строка 38.

Вместо (в сноске): в слишком дурное – в *Р. В.*, в *I и II изд.* 68 г.: в самое нелепое.

Стр. 199, строка 40.

Вместо (в сноске): Мы обмаковались. – в *Р. В. и I изд.* 68 г.: Мы обмакнулись.

Стр. 200, строка 32.

Вместо: сказал – в *Р. В.*: отвечал

Стр. 200, строка 33.

Вместо: а подумал *кончая:* спасти армию». – в *Р. В.*: – Больше, чем философ, я человек и потому я еду.

Стр. 200, строка 34.

После слов: сказал Билибин. – в *Р. В.*: Pas le moins du monde, je suis un officier subalterne, qui tient à faire son devoir, voilà tout⁴⁷² не без гордости сказал князь Андрей.

Стр. 201, строка 1.

Вместо: XIII. – в *Р. В.*: XIV. – в *I изд.* 68 г.: XLII – в *изд.* 73 г.: XXXVIII

Ч. II, гл. XIII.

Стр. 201, строка 6.

После слов: тяжести в Ольмюц. – в *Р. В.*: Для чего Болконский поехал в армию, а не остался в Брюнне, какими рассуждениями он дошел до этого, он не мог бы сказать. Как только он услышал страшное известие от Билибина, мгновенно медаль жизни, на которую он смотрел с веселой стороны, перевернулась. Он увидел одно дурное во всем, и инстинктивно почувствовал необходимость принять участие во всем этом дурном. «Ничего не может выйти кроме сраму и гибели для наших войск, при условиях, в которых мы боремся с этим роковым гением», думал он с мрачными мыслями, усталый, голодный и сердитый, миновав французов и подъезжая на другой день к тому месту, где, по слухам, должен был находиться Кутузов.

Стр. 201, строка 11.

Слов: голодный и усталый, – нет в *Р. В.*

Стр. 201, строка 14.

Вместо: подтверждал эти слухи. – в *Р. В.*: еще более утвердил его в убеждении, что дело кампании окончательно проиграно. Он смотрел на всё совершавшееся вокруг него презрительно и грустно, как человек уже не принадлежащий к этому миру.

Стр. 201, строка 20.

Слов: и надежду славы. «А ежели – нет в *Р. В.*

Стр. 201, строка 22.

После слов: не хуже других. – в *Р. В.*: Беспорядок и поспешность движения армии, увеличиваемые беспрестанно повторяемыми приказаниями главного штаба, итти сколь возможно скорее, достигли высшей степени. Шутники-казаки, хотевшие посмеяться над спавшими в повозках денщиками, крикнули: «французы!» и проскакали мимо. Крик «французы!» как нарастающий ком снегу прокатился по всей колонне: всё бросилось, давя и обгоняя друг друга, и слышались даже выстрелы и батальный огонь пехоты, стрелявшей сама не зная в кого. Едва через четверть часа могли начальники движения остановить эту суматоху, стоившую жизни нескольким человекам, которые были задавлены, и одному, который был застрелен.

Стр. 201, строка 23.

Вместо: Князь Андрей с презрением – в *Р. В.*: Князь Андрей с равнодушным презрением

⁴⁷² Вовсе нет, я простой офицер, исполняющий свой долг, вот и всё.

Стр. 201, строка 38.

Вместо (в сноске): мы заставим ее испытать – в *Р. В.*, *I и II изд.* 68 г.: отведает

Стр. 203, строка 10.

После слов: что называется – в *изд.* 73 г.: по-французски

Стр. 203, строка 12.

Вместо: с изуродованным от бешенства лицом – в *Р. В.*: со страшно-изуродованным бешенством лицом,

Стр. 203, строка 30.

Слов: пережевывая что-то сочным ртом и – *нет в Р. В.*

Стр. 203, строка 35.

Слов: закусывавших что-то. – *нет в Р. В.*

Стр. 204, строка 4.

Вместо: в том доме, – в *Р. В.*: в этом доме.

Стр. 204, строка 14.

Две реплики: – Где ж главная квартира? – В Цнайме ночуем. – в *Р. В.* соединены в одну реплику.

Стр. 204, строка 37.

После слов: не спал ночь. – в *Р. В.*: и мрачное, озабоченное больше чем когда-нибудь.

Стр. 205, строка 5.

Вместо: По звуку – в *Р. В.*: В звуке

Стр. 205, строка 5.

Вместо: по невниманию, – в *Р. В.*: в невнимании

Стр. 205, строка 6.

Вместо: по непочтительности – в *Р. В.*: в непочтительности

Стр. 205, строка 7.

Вместо: по тому, – в *Р. В.*: в самом том факте.

Стр. 205, строка 8.

Слов: и по тому, – *нет в Р. В.*

Стр. 205, строка 10.

Слов: по всему этому – *нет в Р. В.*

Стр. 205, строка 12.

Вместо: действительно – в *Р. В.*: однако действительно

Стр. 205, строка 21.

Слов: с своим орлиным носом на пухлом лице, – *нет в Р. В.*

Стр. 205, строка 27.

Вместо: кончил? – в *Р. В.*: кончили?

Стр. 205, строка 28.

Вместо: ваше высокопревосходительство. (*берем по Р. В. и I изд.* 68 г.) во *II изд.* 68 г. и *изд.* 73 г.: ваше превосходительство.

Стр. 205, строка 36.

Слов: сказал он Багратиону. – *нет в Р. В.*

Стр. 206, строка 19.

Слов: и его вытекший глаз. – *нет в Р. В.*

Стр. 206, строка 29.

Слов: и о некоторых общих знакомых женщинах. – *нет в Р. В.*

Стр. 206, строка 29.

После слов: знакомых женщинах. – в *Р. В.*: Видно было, что он предвидел всё, что рассказывал его адъютант.

Стр. 206, строка 31.

Вместо: XIV. – в *Р. В.:* XV. – в *I* изд. 68 г.: XLIII. – в изд. 73 г.: XXXIX.

Ч. II, гл. XIV.

Стр. 207, строка 25.

Вместо: четырехтысячный – в *Р. В.:* шеститысячный

Стр. 208, строка 22.

Вместо: пропустить обозы и тяжести – в *Р. В.:* пройти обозам и тяжестям,

Стр. 209, строка 3.

Письмо Наполеона появилось в Р. В. и в I изд. 68 г. без перевода; во II изд. 68 г. перевод был дан, но с искажением смысла, в последнем абзаце; в изд. 73 г. (в тексте) это место исправлено. В настоящем издании мы восстанавливаем перевод всего письма по изд. 73 г., как прошедший через руки автора.

Стр. 210, строка 4.

Вместо: XV. – в *Р. В.:* XVI. – в *I* изд. 68 г. ошибочно XLIV. – в изд. 73 г.: XL.

Ч. II, гл. XV.

Стр. 210, строка 24.

Вместо: позволения объехать – в *Р. В.*, в *I* и *II* изд. 68 г.: позволения князя объехать

Стр. 210, строка 29.

После слов: проводить князя Андрея. – в *Р. В.:* Дежурный штаб-офицер занимал один из разоренных домов деревни Грунт, и князь Андрей зашел к нему в то время, как им седлали лошадей. За разломанною перегородкой топилась печь, и перед печью морщились и светлели сушившиеся мокрые сапоги и дымилась насквозь промокшая шинель. В горнице на полу спали три офицера; атмосфера была тяжелая.

– Присядьте, князь, хоть тут, – сказал штаб-офицер по-французски.

– Сейчас мне лошадь подадут. Это наши господа, князь. Ведь две ночи под дождем, негде и посушиться было.

Жалкий и грустный вид представляли эти офицеры. Такой же печальный и беспорядочный вид представляла вся деревня, когда они, сев на лошадей, проезжали ее.

Стр. 211, строка 3.

Слов: Я бы предложил своего хлеба-соли. – нет в *Р. В.*

Стр. 211, строка 22.

Вместо: взглянув на штабс-капитана – в *Р. В.:* взглянув тоже на штабс-капитана.

Стр. 212, строка 1.

Вместо: вновь вскопанною глиною – в *Р. В.:* глиной вновь вскопанные,

Стр. 212, строка 14.

После слов: начал рассматривать. – в *Р. В.:* Нет, после посмотрим, князь, – сказал штаб-офицер, для которого зрелище это уж было обыкновенно. Он указал на самый высокий пункт горы.

Стр. 212, строка 16.

Вместо: сказал штаб-офицер, указывая на самый высокий пункт, – в *Р. В.:* сказал он,

Стр. 212, строка 18.

Вместо: поедemте, князь. – в *Р. В.:* – после заедem.

Стр. 212, строка 19.

Вместо: Покорно благодарю. – в *Р. В.:* Впрочем,

Стр. 212, строка 20.

Вместо: желая избавиться от штаб-офицера, – в *Р. В.:* желая избавиться ломаного французского языка штаб-офицера,

Стр. 212, строка 22.

Вместо: Штаб-офицер отстал, и князь Андрей поехал один – в *Р. В.:* Но штаб-офицер сказал, что ему нужно проехать к драгунам и они вместе поехали направо.

Стр. 212, строка 23.

Вместо: подвигался он – в *Р. В.:* подвигались они

Стр. 212, строка 31.

Вместо: рассчитывали – в изд. 73 г.: рассчитывал

Стр. 212, строка 15.

Вместо: князь Андрей – в *Р. В.:* князь Андрей и штаб-офицер

Стр. 213, строка 30.

Вместо: проезжавшего адъютанта. – в *Р. В.:* проезжавших адъютантов.

Стр. 213, строка 30.

После слов: проезжавшего адъютанта. – в *Р. В.:* Но адъютанты ничего не сказали, отвернулись, и поехали дальше.

Неестественно отчаянный, притворный крик наказываемого нескладно сливался с звуками плясовой песни, которую пели в соседней роте. Солдаты стояли кружком, и в середине их плясал молодой рекрут, выделявая ногами и ртом уродливо быстрые и усиленные движения.

– Пройдись, ну, Макатюк! Ну же! – говорили старому солдату с медалью и крестом, пихая его в круг.

– Да я так не могу, как он.

– Да ну!

Солдат вошел в круг в шинели в накидку с мотавшимися на ней орденами, держа руки в карманах, и прошелся по кругу шагом, чуть встряхивая плечами и шуря глаз. Он оглянулся и попал глазами на проезжавших адъютантов. Ему видно было всё равно, на кого бы он ни смотрел, хотя выражение взгляда его, казалось, имело в виду какого-то одного приятеля, с кем он этим взглядом вспоминал штуку. Он остановился по середине и вдруг повернулся, вспрыгнул на корточки, сделав два раза ногами, поднялся, перевернулся, и не останавливаясь, и отталкивая останавливающих, вышел вон из круга.

– Ну, вас совсем! Пущай молодые ребята пляшут. Пойти ружье почистить, – сказал он.

Всё что он видел, врезывалось в памяти князя Андрея.

У драгун штаб-офицер зашел к полковому командиру, и

Стр. 213, строка 32.

Вместо: и на правом – в *Р. В. и в I изд. 68 г.:* и правом

Стр. 214, строка 12.

Вместо: Солдат, на которого – в *Р. В.:* Солдат, на кого

Стр. 214, строка 16.

Вместо: подстрекал ротный командир, – в *Р. В.:* с наивно радостным и степенным лицом подстрекал Брыков,

Стр. 214, строка 23.

Вместо: Долохов доказывал *кончая:* а били французов. – в *Р. В.:* Долохов, как и всегда, говорил с излишним и несколько напыщенным жаром. Он доказывал, что русские не сдались, а отступали. А где захотели стоять, там разбили французов, как под Кремсом.

Стр. 214, строка 31.

Слов: сказал Долохов. – нет в *Р. В.*

Стр. 214, строка 39.

Вместо (в сноске): Сувара, – в *Р. В.:* Савара.

Стр. 214, строка 39.

Вместо (в сноске): как и другим... – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* да и другим.

Стр. 215, строка 5.

Слов: вашего императора! – нет в *Р. В.*

Стр. 215, строка 13.

Вместо: Кари кончая: каска́, – в *Р. В.:* – Кари, мала, мусю, паскавили, мутер, каска́, мушить.

Стр. 215, строка 24.

Вместо: XVI – в *Р. В.:* XVII – в *I изд.* 68 г.: XLV. – *изд.* 73 г.: XLI.

Ч. III, гл. XVI.

Стр. 215, строка 24.

XVI глава – в *Р. В.* XVII начинается словами; Eh bien! сказал сам себе князь Андрей: – le православное воинство n'est pas déjà tellement mauvais. Il n'a pas trop mauvaise mine... Mais du tout, du tout». ⁴⁷³

Стр. 215, строка 27.

После слов: штаб-офицера, – в *Р. В.:* сопровождавшего его,

Стр. 216, строка 17.

Вместо: легко могли – в *Р. В.:* могли

Стр. 216, строка 17.

Вместо: с обеих сторон, – в *Р. В.:* с обеих сторон и атаковать; в центре,

Стр. 216, строка 22.

Вместо: намереваясь – в *Р. В.:* намереваясь при случае

Стр. 216, строка 22.

Вместо: их Багратиону. – в *Р. В.:* самому князю Багратиону, или хоть свитскому офицеру, находившемуся при нем, свои сомнения в правильности расположения войск.

Стр. 216, строка 37.

Слов: рассуждал он сам о собою... – нет в *Р. В.*

Стр. 217, строка 2.

После слов: что́ они говорили. – в *Р. В.:* Вспоминая маршала Лаудона, Суворова, Фридриха, Бонапарта и их сражения и рассматривая известные ему и перед ним расположенные части войск как мертвые орудия, он предполагал в своем воображении различные сочетания и случайности, французскими словами закрепляя свои мысли.

Стр. 217, строка 3.

Вместо: таким задушевым что – в *Р. В.:* таким задушевым и простым, что

Стр. 217, строка 3.

Вместо: невольно стал прислушиваться – в *Р. В.:* невольно стал понимать смысл их разговора и стал прислушиваться. Офицеры видимо находились в самой задушевной беседе и философствовали.

Стр. 217, строка 15.

После слов: пехотный офицер, засмеялся. – в *Р. В.:* Артиллеристы продолжали спорить.

Стр. 217, строка 17.

Слов: знакомый голос. – нет в *Р. В.*

Стр. 217, строка 27.

Вместо: Травничку можно кончая: – Он не договорил. – в *Р. В.:* Ей ты! крикнул пехотный офицер: – Алешка! Тащи, брат, сюда из зарядного ящика закуски.

– Давай, давай, подтвердил голос артиллериста, – да трубочку мне за это.

Либо совестно было одному, что попросил водки и закуски, либо другому стало страшно, чтобы не подумали, что он жалеет: они помолчали.

– Вишь ты, и книжечки с собой возят, – сказал смеющийся мужественный голос. – О черкешенках пишет какой-то.

Он стал читать, едва удерживаясь от смеха, которого он видимо сам стыдился, но не мог удержать.

⁴⁷³ Православное воинство вовсе не так плохо. Оно смотрит не совсем дурно. Вовсе нет, вовсе нет

«Черкешенки славятся красотой и заслуживают свою славу от удивительной белизны...»

Стр. 217, строка 37.

Слова: молодцоватый – нет в Р. В.

Стр. 218, строка 1.

Вместо: XVII – в Р. В.: XVIII. – в I изд. 68 г.: XLVI. – в изд. 73 г.: XLII.

Ч. II, гл. XVII.

Стр. 218, строка 2.

Вместо: глядя на дым орудия, из которого вылетело ядро. – в Р. В.: глядя на французские войска.

Стр. 218, строка 23.

Слов: «Но где же? Как же выразится мой Тулон?» думал он. – нет в Р. В.

Стр. 218, строка 25.

Вместо: водку (берем по Р. В. и I изд. 68 г.) – во II изд. 68 г., и изд. 73 г. опечатка: воду

Стр. 218, строка 30.

После слов: солдата и офицера. – в Р. В.: которые встречались ему.

Стр. 218, строка 33.

После слов: Передовой, – в Р. В.: в генеральском сюртуке.

Стр. 218, строка 34.

Вместо: князь Багратион. – в Р. В.: князь Багратион со свитой.

Стр. 219, строка 16.

Вместо: Жерков, – в Р. В.: Жирков, Далее в тексте Р. В. (в десяти местах) всюду Жирков.

Стр. 219, строка 19.

После слов: ехать в сражение. – в Р. В.: и еще нижние чины, казаки и гусары.

Стр. 219, строка 24.

Вместо: – Вот – в Р. В.: Вот князь,

Стр. 219, строка 29.

Вместо: составляет – в Р. В., в I и II изд. 68 г.: составляя

Стр. 220, строка 10.

После слов: лошадь еще билась. – в Р. В.:

– Что ж? поднять бы надо, – сказал он с улыбкой.

Стр. 220, строка 26.

Вместо: закричал веселым – в Р. В.: закричал страшным и веселым

Стр. 220, строка 37.

Вместо: выбежал, (берем по Р. В. и I изд. 68 г.) – во II изд. 68 г., и в изд. 73 г.: выезжал

Стр. 222, строка 11.

Вместо: всё, что делалось (берем по Р. В. и I изд. 68 г.) – во II изд. 68 г. и изд. 73 г.: всё делалось

Стр. 222, строка 13.

Вместо: с его намерениями (берем по Р. В., по I и II изд. 68 г.) – в изд. 73 г. опечатка: с намерениями

Стр. 222, строка 15.

Вместо: на эту случайность (берем по Р. В. и изд. 73 г.) в I и II изд. 68 г. и изд. 86 г.: на ту случайность

Стр. 222, строка 22.

Вместо: XVIII. – в Р. В.: XIX. – в I изд. 68 г. ошибочно: XLVII. – в изд. 73 г.: XLIII.

Ч. II, гл. XVIII.

Стр. 222, строка 37.

Вместо: толпа солдат, – в Р. В.: толпа раненых,

Стр. 223, строка 9.

Вместо: третьи стреляли. – *в Р. В.:* третьи стреляли под самым ухом.

Стр. 223, строка 11.

Вместо: Довольно часто слышались – *в Р. В.:* И слышались довольно часто.

Стр. 224, строка 13.

Вместо: говорит – *в I и II изд. 68 г.:* говорил.

Стр. 224, строка 25.

Вместо: к ним – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* к нам

Стр. 224, строка 28.

Слов: о древко их – *нет в Р. В.*

Стр. 224, строка 40.

Слов: тот самый, который выбежал из балагана – *нет в Р. В.*

Стр. 225, строка 21.

Слов: в такт: «левой-левой» – *нет в Р. В.*

Стр. 225, строка 37.

Вместо: казаку поводья, – *в Р. В.:* казаку поводья, затем

Стр. 225, строка 39.

После слов: из-под горы. – *в Р. В.:* Но никто не видал их, все смотрели только на этого невысокого человека, в прямо надетом бараньем картузе, с просто опущенными руками и блестящими теперь глазами.

Стр. 225, строка 40.

Вместо: проговорил Багратион – *в Р. В.:* проговорил он

Стр. 226, строка 4.

Вместо: испытывал большое счастье. – *в Р. В.:* испытывал счастье, заставившее его забыть всё в эту минуту...

Стр. 226, строки 5 и 31.

Подстрочное примечание к слову: счастье. – *в Р. В. внесено в текст.*

Стр. 226, строка 10.

Слов: придерживаясь за кусты, – *нет в Р. В., в I и II изд. 68 г.*

Стр. 226, строка 31.

Вместо (в сноске): Тьер – *в Р. В.:* г. Тьер.

Стр. 226, строка 23.

Вместо.: XIX. – *в Р. В.:* XX. – *в I изд. 68 г. ошибочно:* XLVIII. – *в изд. 73 г.:* XLIV.

Ч. II, гл. XIX.

Стр. 226, строка 27.

Вместо: отступать. Отступление центра – *в Р. В.* отступать. Хотя отступление

Стр. 226, строка 29.

Вместо: войска, отступая, не путались командами. – *в Р. В.:* войска отступали не путаясь командами.

Стр. 227, строка 7.

Вместо: и поскакал. – Но едва только он отъехал от Багратиона, как – *в Р. В.:* и поскакал. При Багратионе он вел себя прекрасно, то есть совершенно храбро, но едва отъехал, как

Стр. 227, строка 8.

Вместо: На него нашел непреодолимый страх, и он не мог ехать туда, – *в Р. В.:* Он боялся, непреодолимо боялся быть убитым, и не мог ехать опять туда.

Стр. 227, строка 10.

Вместо: он поехал не вперед *кончая:* а стал – *в Р. В.:* он поехал вперед, где была стрельба и стал

Стр. 227, строка 21.

Вместо: заняты переговорами, которые имели целью оскорбить друг друга. – *в Р. В.:* погружены в переговоры через адъютантов между собой, переговоры, которые имели целью оскорбить один другого.

Стр. 227, строка 24.

Вместо: делу. Люди – *в Р. В.:* делу. По странной случайности, люди

Стр. 228, строка 10.

Вместо: истреблять – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* истребить.

Стр. 228, строка 11.

Вместо: удовольствий. – *в Р. В., в I и II изд. 68 г.:* удовольствие

Стр. 228, строка 13.

Вместо: говорить этого – *в Р. В. и в I изд. 68 г.:* говорить себе этого

Стр. 229, строка 10.

После слов: сообщалось войскам. – *в Р. В.:* Все нетерпеливо взглядывали друг на друга и на начальство впереди.

– Что повода-то распустил? – крикнул унтер-офицер на солдата недалеко от Ростова.

– Вон ротмистр скачет, – сказал другой солдат, – должно дело будет.

«Поскорее, поскорее бы», думал Nicolas, поглядывая на висевший на шнурке его куртки Георгиевский крест, полученный третьего дня за зажжение Энского моста. Nicolas находился в этот день еще больше чем когда-либо в своем обычном счастливом расположении духа. Третьего дня был получен крест; с Богданычем он уже совершенно примирился и – верх счастья! – наконец-то наступило время изведать наслаждение атаки, про которое он так много слышал от товарищей-гусар и с таким нетерпением ожидал изведать его. Про атаку Nicolas слышал как про что-то сверхъестественно-увлекательное. Ему говорили: как в это каре врубаешься, так забываешь совсем себя, на гусарской сабле остаются благородные следы вражеской крови и т. д.

– Добра не будет, – сказал старый солдат.

Nicolas с упреком посмотрел на него.

Стр. 229, строка 15.

Вместо: – С Богом, – *в Р. В.:* – Ну, с Богом,

Стр. 229, строка 19.

Вместо: Справа Ростов видел первые ряды *кончая:* но в отдалении. – *в Р. В.:* «Врубиться в каре», подумал Nicolas, сжимая эфес сабли. Впереди он видел первый ряд своих гусар, а еще дальше впереди виднелась ему темная полоса, которую он не мог рассмотреть, но считал неприятелем. Ни одного выстрела не было, как перед ударом грома.

Стр. 229, строка 26.

Вместо: впереди. – *в Р. В.:* мимо которого должен был проехать эскадрон.

Стр. 229, строка 30.

Вместо: «Ох, как я *кончая:* эфес сабли. – *в Р. В.:* «Скорее бы, скорее! дать сабле поесть вражьего мяса», думал Nicolas. Он не видел ничего ни под ногами, ни впереди себя, кроме крупов лошадей и спин гусаров переднего ряда. Лошади начали скакать, невольно перегоняя одна другую. «Коли бы они там в Москве могли видеть меня в эту минуту!» думал он.

Стр. 229, строка 35.

Слов: Впереди уже виден был неприятель. – *в Р. В. нет.*

Стр. 230, строка 2.

После слов: обскакал мимо. – *в Р. В.:* Еще проскакал один, другой и третий.

Стр. 230, строка 10.

Вместо: ташка – *в Р. В.:* Шашка

Стр. 230, строка 30.

Вместо: не веря своим глазам. – *в Р. В.:* не веря себе.

Стр. 231, строка 26.

Вместо: XX. – в *Р. В.:* XXI. – в *I* изд. 68 г.: XLIX. – в изд. 73 г.: XLV.

Ч. II, гл. XX.

Стр. 231, строка 28.

Вместо: уходили – в *Р. В.:* неслись

Стр. 231, строка 32.

Вместо: голоса бегущих. – в *Р. В.:* запыхавшиеся голоса бегущих.

Стр. 231, строка 32.

После слов: голоса бегущих. – в *Р. В.:* Французы, не атакуя с фронта, обошли наш левый фланг справа, и ударили (как пишут в реляциях) на Подольский полк, стоявший перед лесом и большая часть которого находилась в лесу за дровами. «Ударили» значило то, что французы, подойдя к лесу, выстрелили в опушку, на которой виднелись дроворубы, три русские солдата. Подольские два батальона смешались и побежали в лес. Дроворубы присоединились к бежавшим, увеличивая беспорядок. Пробежав неглубокий лес, выбежав в поле с другой стороны, они продолжали бежать в совершенном беспорядке. Лес, находившийся в середине расположения нашего левого фланга, был занят французами, так что павлоградцы были разделены ими, и чтобы соединиться с отрядом, должны были взять совсем влево и прогнать неприятельскую цепь, которая отрезывала их. Но две роты, стоявшие в нашей передовой цепи, часть солдат находившихся в лесу и сам полковой командир были отрезаны французами. Им нужно было либо выходить на противоположную высоту и на виду, под огнем французов, обходить лес, либо пробиваться через них.

Стр. 231, строка 35.

Вместо: много лет служивший, – в *Р. В.:* двадцатидвухлетний,

Стр. 232, строка 7.

Вместо: двадцать два года служившему ни в чем не замеченному – в *Р. В.:* двадцатидвухлетнему, ни в чем не замеченному, заслуженному,

Стр. 232, строка 15.

Вместо: для солдат полкового – в *Р. В., в I и II изд. 68 г.:* для солдат голоса полкового

Стр. 232, строка 20.

После слов: в пользу страха. – в *Р. В.:* – Капитан Маслов! Поручик Плетнев! Ребята, вперед! Умрем за царя! – кричал полковой командир. – *Ура!*

Небольшая кучка солдат тронулась вперед за генералом, но вдруг опять остановилась и стала стрелять.

Стр. 232, строка 22.

Вместо: в отчаянии. – в *Р. В.:* посреди солдат.

Стр. 232, строка 23.

Вместо: без видимой причины, побежали назад – в *Р. В.:* побежали

Стр. 232, строка 31.

Вместо: рядом – в *Р. В.:* почти рядом

Стр. 232, строка 32.

Вместо: сдавшегося – в *Р. В. и I изд. 68 г.:* сдававшегося

Стр. 232, строка 36.

Вместо: остановились. – в *Р. В.:* направлялись назад.

Стр. 232, строка 38.

После слов: подошел солдат, – в *Р. В.:* и бесцеремонно, чтоб обратить на себя внимание,

Стр. 233, строка 3.

Вместо: бледен, – в *Р. В.:* красен,

Стр. 233, строка 10.

После слов: с остановками. – в *Р. В.:* Офицера закололи после наши.

Стр. 233, строка 16.

Вместо: и показал запекшуюся в волосах кровь. – *в Р. В.:* и кровь полилась по его открытому, красивому лбу на волосы, которые слеплены были кровью в одном месте.

Стр. 233, строка 17.

Вместо: Попомните, ваше превосходительство. – *в Р. В.:* Генерал отъехал, не слушая Долохова. Новые колонны французов подвигались к мельнице.

– Не забудьте же, ваше превосходительство, прокричал Долохов, и перевязав себе голову платком, пошел за отступавшими солдатами.

Стр. 233, строка 20.

Со слов: Про батарею Тушина – *в Р. В. глава:* XXII.

Стр. 233, строка 27.

Вместо: не мог – *в Р. В.:* в дыму не мог разобрать есть или нет чем прикрыться, и не мог.

Стр. 233, строка 32.

Слов: одиноко стоявших на этом возвышении, четырех пушек. – *нет в Р. В.*

Стр. 233, строка 32.

Вместо: на этом – *в I изд. 68 г.:* на сем

Стр. 233, строка 37.

Вместо: направлении пожара. – *в Р. В.:* направлении к пожару.

Стр. 234, строка 2.

После слов: правее деревни – *в Р. В.:* на том самом бугре, у мельницы, где вчера утром стояла палатка Тушина,

Стр. 234, строка 14.

После слов: выбили семнадцать, – *в Р. В.:* и одно орудие уже не могло стрелять;

Стр. 234, строка 19.

Слова: еще трубочку за это, – *в Р. В. и в I изд. 68 г. не курсив.*

Стр. 234, строка 24.

Вместо: заставлявшими его каждый раз вздрагивать, – *в Р. В.:* заставлявшими каждый раз вздрагивать его слабые нервы,

Стр. 234, строка 25.

Слова: его – *нет в Р. В.*

Стр. 234, строка 26.

Вместо: бегал от одного орудия к другому, – *в Р. В.:* ковылял от одного орудия к другому и к ящикам,

Стр. 234, строка 31.

Вместо: он морщился – *в Р. В.:* он хмурился и хрипел, как будто от боли,

Стр. 235, строка 2.

После слов: и веселее. – *в Р. В.:* и он больше и больше уверялся, что его не могут убить.

Стр. 235, строка 14.

Вместо: после которых всякий раз – *в Р. В.:* откуда после каждого выстрела

Стр. 235, строка 33.

Слово: дядя; – *в Р. В. и I изд. 68 г. не курсив.*

Стр. 236, строка 8.

Вместо: с ума сошли? – *в Р. В.:* с ума сошли милостивый государь.

Стр. 236, строка 19.

Вместо: Солдаты засмеялись. – *в Р. В.:* Солдат засмеялся.

– Не любишь! – проговорил Тушин.

Стр. 236, строка 25.

После слова: лежало несколько – *в Р. В.:* странных предметов. Это были убитые. На одного из них наехала лошадь князя Андрея, и он невольно увидел, что головы совсем не было, а кисть руки с полусогнутыми пальцами казалась живою.

Стр. 236, строка 28.

После слов: по его спине. – *в Р. В.:* Он был нравственно и физически измучен.

Стр. 236, строка 29.

Слов: подумал он и медленно слез с лошади между орудиями. – *нет в Р. В.*

Стр. 236, строка 30.

Вместо: не уехал – *в Р. В.:* не уезжал

Стр. 236, строка 32.

После слов: ответит их. – *в Р. В.:* Князь Андрей слез с лошади, и

Стр. 236, строка 33.

Вместо: он занялся – *в Р. В.:* занялся

Стр. 237, строка 4.

После слов: со слезами, – *в Р. В. и I изд. 68 г.:* на глазах.

Стр. 237, строка 4.

Слов: которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза. – *нет в Р. В.*

Стр. 237, строка 5.

После слов: ему на глаза. – *в Р. В.:* Князь Андрей пожал плечами и поехал прочь.

– Ну-ка, трубочку за это, – сказал Тушин.

Стр. 237, строка 6.

Вместо: XXI. – *в Р. В.:* XXIII. – *в I изд. 68 г.:* L. – *в изд. 73 г.:* XLVI.

Ч. II, гл. XXI.

Стр. 237, строка 17.

После слов: упрёки и замечания. – *в Р. В.:* зачем он так необдуманно действовал, долго не отступая.

Стр. 237, строка 22.

Слова: молодцоватый – *нет в Р. В.*

Стр. 237, строка 23.

Вместо: выскочил из шалаша Тушина, – *в Р. В.:* который перед сражением читал о черкешенках,

Стр. 237, строка 25.

Слова: Матвевны. – *нет в Р. В.*

Стр. 237, строка 34.

Слов: обратился он к своему любимому солдату. – *нет в Р. В.*

Стр. 238, строка 3.

Слов: на Матвевну, – *нет в Р. В.*

Стр. 238, строка 9.

Вместо: на станине? – *в I изд. 68 г.:* на штанине? *Опечатка.*

Стр. 238, строка 10.

Вместо: – Это офицер, ваше благородие, окровавил, – *в Р. В.:* – Это офицер, ваше благородие, окровавили, – *в I изд. 68 г.:* Это офицеры, ваше благородие, окровавили.

Стр. 238, строка 15.

Вместо: мундиров солдат, – *в Р. В.:* мундир солдата,

Стр. 238, строка 19.

Вместо: в дома – *в Р. В.:* в дома

Стр. 239, строка 16.

Вместо: фигуру – *в Р. В. и I изд. 68 г.:* фигурку

Стр. 239, строка 17.

Вместо: с сочувствием и состраданием, устремлялись на него. – *в Р. В.:* устремлялись на него с таким сочувствием и состраданием, что ему жалко становилось Тушина.

Стр. 240, строка 15.

После слов: с своею ношей. – *в Р. В.:* С другой стороны в это же время подошли два пехотные офицера и солдат без шапки с повязанною головой.

– Огонек, господа... Своих не найдем, хоть здесь присядем. Артиллеристы дали им место.

– Не видали ли, господа, где третий баталион, Подольский? – спросил один.

Никто не знал. Солдат с повязанною головой сел к костру, и нахмурившись, оглядел сидевших вокруг.

– Ребята, сказал он, обращаясь к артиллеристам, – нет ли водки? Золотой за две крышки водки.

Он достал кошелек. По мундиру он был солдат, но шинель на нем была синяя с разорванным рукавом. Через плечо висели сумка и шпага французские. Лоб и бровь были в крови. Неестественная складка на переносице между бровями давала ему усталое и жестокое выражение, но лицо его было поразительно красиво; в углах губ его была улыбка. Офицеры продолжали видимо начатый разговор.

– Как я ударил на них! Как крикнул! – говорил один офицер. – Нет, брат, плохи твои французы.

– Ну, будет хвастать, – сказал другой.

Солдат между тем выпил обе крышки водки, которые нашлись у артиллеристов, и отдал золотой.

– Да, теперь рассказов много будет, – сказал он, обращаясь презрительно к офицеру, – а там что-то не видать было.

– Ну, да ведь такого Долохова другого нет, – сказал офицер, робко смеясь и обращаясь к товарищу. – Ему мало французов колоть, он своего из пятой роты застрелил.

Долохов быстро оглянулся на Тушина и Ростова, не спускавших с него глаз.

– А не беги, за то и застрелил, – проговорил он. – И офицера бы заколол, коли трус.

Долохов стал шевелить костер и подкладывать дрова.

– Что ж орудия-то оставили французам? – обратился он к Тушину.

Тушин поморщился, отвернулся и сделал вид, что не слышал.

Стр. 240, строка 16.

Вместо: спросил Тушин – *в Р. В.:* спросил он

Стр. 240, строка 16.

После слова: – болит? – *в Р. В.:* И из чего быются? – сказал Тушин вздохнув.

В это время около самого костра прозвучали шаги двух лошадей, показались тени верховых и послышался голос начальника, который что-то строго выговаривал.

– Вам приказано в хвосте колонны итти, в хвосте и стать, – говорил гневный голос, – а не рассуждать.

– Там не слышать голосу было, а здесь опять важничают, – сказал Долохов так, чтобы проезжавшие могли слышать, встал, оправил шинель, повязку головы и отошел от костра.

Стр. 240, строка 30.

Вместо: бледный, с поджатыми губами и лихорадочно блестящими глазами. – *в Р. В.:* лениво и презрительно шутившийся.

Стр. 240, строка 38.

Вместо: Около него толпились, – *в Р. В. и I изд. 68 г.:* Около толпились,

Стр. 241, строка 20.

Вместо: беспокойно оглядываясь, вмешался – *в Р. В.:* вмешался почтительно и смело

Стр. 241, строка 21.

Вместо: в этот день гусар, – *в Р. В.:* в этот день своих гусар.

Стр. 241, строка 28.

Вместо: Князь Багратион обратился – *в Р. В.:* князь Багратион поморщился и обратился

Стр. 241, строка 37.

После слов: было подбито, – в *Р. В.:* с твердостью и определенностью

Стр. 242, строка 3.

После слов: вы были, – в *Р. В.:* князь Болконский,

Стр. 242, строка 7.

Слов: и отрывисто – *нет в Р. В.*

Стр. 242, строка 8.

Вместо: князь Андрей. Все помолчали. – На пороге – в *Р. В.:* князь Андрей, вставая. В это время на пороге – в *I изд. 68 г.:* князь Андрей. В это время на пороге

Стр. 242, строка 15.

Вместо: столько на – *Р. В.:* столько против

Стр. 242, строка 15.

Вместо: на смеявшихся, – в *Р. В.:* против смеявшихся голосов.

Стр. 242, строка 16.

Вместо: слышался – в *Р. В.:* был

Стр. 242, строка 22.

После слов: нижнюю челюстью – в *Р. В.:* как у лихорадочного или у ребенка, собирающегося плакать,

Стр. 242, строка 29.

Вместо: как смотрит *кончая:* экзаменатору. – в *Р. В.:* с таким видом как сбившийся ученик стоит перед экзаменатором.

Стр. 242, строка 34.

Вместо: исподлобья – в *Р. В.:* щурясь;

Стр. 242, строка 34.

Слов: и пальцы его рук нервно двигались. – *нет в Р. В.*

Стр. 243, строка 2.

Вместо: на сдержанно и взволнованно говорившего – в *Р. В.:* на медленно цедившего свои слова

Стр. 243, строка 6.

Вместо: и не ожидая *кончая:* от стола. – в *Р. В.:* небрежным и презрительным жестом указывая на удивленного капитана.

Стр. 243, строка 9.

Вместо: резкому – в *Р. В.:* – странному

Стр. 243, строка 11.

Слов: Князь Андрей вышел *кончая:* на то, чего он надеялся – *нет в Р. В.*

Стр. 243, строка 18.

Со слов: «Кто они? Зачем они? – в *Р. В.:* XXIV глава.

Стр. 243, строка 19.

После слов: перед ним тени. – в *Р. В.:* когда Тушин отошел от него.

Стр. 243, строка 23.

После слов: и раненные, – в *Р. В.:* это они, эти офицеры, и особенно этот странный беспокойный солдат с повязанною головой,

Стр. 243, строка 25.

После слов: избавиться от них, – в *Р. В.:* особенно от него от тревожного солдата с этою остановившеюся улыбкой,

Стр. 243, строка 38.

После слов: избавиться от них. – в *Р. В.:*

Он приподнялся. Сырость, проникавшая из земли, и боль заставляли его дрожать как в лихорадке.

Стр. 244, строка 15.

После слов: пошел сюда!» – в *Р. В.*: Теперь все кончено! Один и умираю»,

Стр. 244, строка 18.

После слов: к армии Кутузова. – в *Р. В.*: На третий день, князь Анатолий Курагин, адъютант Буксгевдена, прискакал к Кутузову с известием, что армия, шедшая из России, находится в одном переходе. Армии соединились.

Отступление Кутузова, несмотря на потерю Венского моста, в особенности это последнее сражение под Шенграбенем, составляло удивление не только русских, французов, но и самих австрийцев. Отряд Багратиона называли «die Heldenschaar»,⁴⁷⁴ и Багратион и его отряд получили большие награды от австрийцев и вскоре прибывшего в Ольмюц русского императора.

21-го декабря 1865 г.

Этим кончается текст Р. В.

Стр. 245, строка 1.

Вместо: Часть третья. I. – в *I изд.* 68 г.: Часть вторая. I. – в *изд.* 1873 г.: XLVII.

Ч. III, гл. I.

Стр. 246, строка 30.

Слов: с длинною талией, – *нет в I изд.* 68 г.

Стр. 246, строка 34.

Вместо: не чувствует – в *I изд.* 68 г.: она не чувствует

Стр. 247, строка 22.

Вместо: он того-то – в *I и II изд.* 68 г.: он того

Стр. 247, строка 31.

Вместо: сына всё-таки его – в *I и II изд.* 68 г.: сына его

Стр. 247, строка 32.

Слов: après tout, – *нет в изд.* 73 г.

Стр. 248, строка 20.

Слова: удалиться – *нет в I изд.* 68 г.

Стр. 248, строка 24.

Вместо: у нас – в *I и II изд.* 68 г.: что у нас

Стр. 248, строка 37.

Вместо (в сноске): и ты знаешь, – то, – в *I и II изд.* 68 г.: разумеется

Стр. 248, строка 37.

Вместо (в сноске): возможное». – в *I изд.* 68 г.: то, что тебе следует делать.

Стр. 249, строка 15.

Вместо: он их громко – в *I и II изд.* 68 г.: он громко

Стр. 249, строка 39.

Вместо (в сноске): не устанешь любоваться. – в *I изд.* 68 г.: не лишнее взглянуть.

Стр. 250, строка 38.

Вместо (в сноске): добры – в *I и II изд.* 68 г.: милостивы

Стр. 252, строка 9.

Вместо: должна быть – в *I и II изд.* 68 г.: должна была быть

Стр. 252, строка 39.

Вместо (в сноске): отделяваете – в *I изд.* 68 г.: украшаете

Стр. 254, строка 4.

Вместо: II. – в *изд.* 73 г.: XLVIII.

Ч. III, гл. II.

Стр. 254, строка 14.

⁴⁷⁴ [войско героев,]

- Вместо:* жил и был – в I и II изд. 68 г.: жил, был
Стр. 254, строка 23.
- Вместо:* Лёлины – в I изд. 68 г.: Лёнины
Стр. 254, строка 36.
- Вместо (в сноске):* «Все это прекрасно, но всему должен быть конец». – в I и II изд. 68 г.: «Все это хорошо, но надо кончить»,
Стр. 257, строка 39.
- Вместо (в сноске):* он такой славный – в I и II изд. 68 г.: Это такой прекрасный
Стр. 259, строка 9.
- Вместо:* улыбается – во II изд. 68 г.: – улыбался.
Стр. 260, строка 13.
- Вместо:* Леля? – в I изд. 68 г.: Лёня?
Стр. 261, строка 18.
- Вместо:* Леля! – в I изд. 68 г.: Леня?
Стр. 261, строка 21.
- Вместо:* своим старческим ртом. – в I и II изд. 68 г.: дурнопахучим ртом.
Стр. 261, строка 24.
- Вместо:* тоже утиралась – в I изд. 68 г.: также утиралась
Стр. 262, строка 2.
- Вместо:* сверх общей – в I и II изд. 68 г.: сверх той общей
Стр. 262, строка 17.
- Вместо:* III. – в изд. 73 г.: XLIX.
Ч. III, гл. III.
Стр. 263, строка 14.
- Вместо:* выпал снег. – в I изд. 68 г.: выпал глубокий снег.
Стр. 264, строка 36.
- Вместо:* не могла ее чувствовать. – в I и II изд. 68 г.: не могла чувствовать его.
Стр. 266, строка 22.
- Вместо:* очень уродлива? А? – по-французски спросил он, – в I и II изд. 68 г.: очень уродлива? А? – спросил он
Стр. 269, строка 9.
- Вместо:* такой серьезностью (берем по I и II изд. 68 г.) – в изд. 73 г.: тою серьезностью
Стр. 269, строка 36.
- Слов (в сноске):* Я вам говорила, – что – нет в I и II изд. 68 г.
Стр. 270, строка 35.
- Вместо:* IV. – в изд. 1873 г.: L.
Стр. 271, строка 16.
- Вместо:* взявшую ее руку, – в I и II изд. 68 г.: взявшую ее,
Стр. 271, строка 25.
- Вместо:* не изменяемой уверенности. – в I и II изд. 68 г.: не изменяемая уверенность.
Ч. III, гл. IV.
Стр. 272, строка 40.
- Вместо (в сноске):* выгоняла – в I изд. 68 г. перевода нет, – во II изд. 68 г.: Выгнала
Стр. 273, строка 12.
- После слов:* подумал он, – в I изд. 68 г.: про княжну.
Стр. 273, строка 38.
- Вместо (в сноске):* княжна! – во II изд. 68 г.: княгиня.
В I изд. 68 г. перевода нет.
Стр. 274, строка 26.

Вместо: как будто со вниманием – в I изд. 68 г.: с вниманием и с удовольствием
Стр. 276, строка 16.

Вместо: и как будто их жизнь, до сих пор происходившая во мраке, – в I и II изд. 68 г.:
и как будто до сих пор происходившая во мраке, их жизнь
Стр. 276, строка 39.

Вместо (в сноске): «Бедняга! Чертовски дурна!» – в I и II изд. 68 г.: Бедная девушка она
дьявольски дурна собою
Стр. 278, строка 28.

Вместо: V. – в изд. 73 г.: LI.

Ч. III, гл. V.

Стр. 280, строка 13.

Вместо: все хорошие лакеи, – в I изд. 68 г.: все лакеи,

Стр. 283, строка 35.

Вместо (в сноске): Но вы презираете меня: вы, столь чистая, должны презирать меня; –
в I и II изд. 68 г.: Но вы так чисты, вы презираете меня,
Стр. 283, строка 40.

Вместо (в сноске): моя нежная – в I и II изд. 68 г.: моя кроткая

Стр. 284, строка 35.

Вместо (в сноске): этой минуты – в I и II изд. 68 г.: эту минуту

Стр. 284, строка 36.

Вместо (в сноске): надежду тронуть – в I и II изд. 68 г.: надежду возможности тронуть

Стр. 284, строка 22.

Вместо: VI. – в изд. 73 г.: LII.

Ч. III, гл. VI.

Стр. 285, строка 14.

Слов: при этих намеках – нет в I изд. 68 г.

Стр. 285, строка 39.

Вместо (в сноске): Ах плутовка! – в I и II изд. 68 г.: Ты вострушка, дитя мое!

Стр. 286, строка 5.

Вместо: крестясь, – в I изд. 68 г.: крестясь и улыбаясь.

Стр. 286, строка 24.

Вместо: Но, может быть, – в I изд. 68 г.: Может быть.

Стр. 287, строка 19.

Вместо: писать, был – в I и II изд. 68 г.: писать и как писать, был

Стр. 287, строка 33.

После слов: графа Безухова); – в I изд. 68 г.: и это была правда);

Стр. 288, строка 35.

После слов: сказала Вера. – в I изд. 68 г.: весьма справедливо:

Стр. 288, строка 38.

Вместо (в сноске): Готово! – в I и II изд. 68 г.: Дело сделано.

Стр. 290, строка 12.

Вместо: VII. – в изд. 1873 г.: LIII.

Ч. III, гл. VII.

Стр. 290, строка 21.

Вместо: и что Борис – в I и II изд. 68 г.: и что он

Стр. 290, строка 33.

Вместо: отыскать – в I и II изд. 68 г.: отыскивать

Стр. 291, строка 26.

Вместо: думая об игре, как он – в I изд. 68 г.: думая, как он

Стр. 291, строка 35.

Вместо: с Борисом – в I изд. 68 г.: с Бергом.

Стр. 292, строка 35.

Вместо: цесаревич – в I и II изд. 68 г.: его высочество

Стр. 293, строка 3.

Вместо: – О гвардия! – в I изд. 68 г.: – Политикан, гвардейская штука!

Стр. 294, строка 26.

Вместо: Он пристально – в I изд. 68 г.: Николушка пристально

Стр. 294, строка 31.

Вместо: эта – в I и II изд. 68 г.: это

Стр. 295, строка 2.

Вместо: о вспыльчивости – в I и II изд. 68 г.: и вспыльчивости

Стр. 296, строка 9.

Вместо: рассказывать – в I и II изд. 68 г.: рассказать

Стр. 296, строка 12.

Вместо: как бурею – в I и II изд. 68 г.: как буря

Стр. 297, строка 33.

Вместо: соединилось – в I и II изд. 68 г.: соединялось

Стр. 298, строка 1.

Вместо: для этого выбраны. – во II изд. 68 г.: для этого выражены. (*Явная опечатка.*)

Стр. 298, строка 11.

Вместо: заключил (*берем по I изд. 68 г.*) – во II изд. 68 г., в изд. 73 г. и в изд. 86 г.: закричал (*опечатка*).

Стр. 298, строка 24.

Вместо: VIII. – в изд. 73 г.: LIV.

Стр. 299, строка 36.

Вместо: как петухи – в I изд. 68 г.: как петух

Стр. 302, строка 2.

Вместо: из-за свиты, окружавшей императоров. – в I изд. 68 г.: из-за его свиты.

Стр. 302, строка 6.

Слова: представился – нет в I изд. 68 г.

Стр. 302, строка 31.

Вместо: начались – во II изд. 68 г.: начали

Стр. 303, строка 5.

Вместо: IX. – в изд. 73 г.: LV.

Ч. III, гл. IX.

Стр. 304, строка 6.

Вместо: досадливо обернулся – во II изд. 68 г.: досадливо обратился

Стр. 304, строка 20.

Вместо: бежал за ним, – в I изд. 68 г.: бежал за ним,

Стр. 305, строка 22.

Вместо: К главнокомандующему – в I изд. 68 г.: к Кутузову

Стр. 306, строка 40.

Вместо: Однако, мой милый, – в I изд. 68 г.: Ну, мой милый,

Стр. 307, строка 4.

Вместо: всех малейших – в I изд. 68 г.: и малейших

Стр. 308, строка 4.

Вместо: Только один граф Маркòв – в I изд. 68 г.: Только он один

Стр. 309, строка 14.

Вместо: X. – в изд. 73 г.: LVI.

Ч. III, гл. X.

Стр. 309, строка 28.

Вместо: привозимых – в I изд. 68 г. провозимых.

Стр. 310, строка 40.

Вместо (в сноске): А пожалейте лошадку! – в I и II изд. 68 г.: Но пощадите же мою лошадку!

Стр. 312, строка 14.

Вместо: особенно пока не – в I и II изд. 68 г.: особенно после того, как не

Стр. 314, строка 9.

Вместо: XI. – в изд. 73 г.: LVII.

Ч. III, гл. XI.

Стр. 317, строка 39.

Вместо (в сноске): Замолчите, злой язык, – в I и II изд. 68 г.: Удержите ваше злоязычие!

Стр. 318, строка 10.

Вместо: XII. – в изд. 73 г.: LVIII

Ч. III, гл. XII.

Стр. 318, строка 32.

Вместо: на делаемые – в I и II изд. 68 г.: на деланные

Стр. 318, строка 34.

Вместо: растерянный и вместе с тем самонадеянный и гордый – в I изд. 68 г.: самонадеянный, гордый и вместе растерянный.

Стр. 319, строка 34.

Вместо: 20 ноября (берем по I изд. 68 г.) – во II изд. 68 г. и в изд. 73 г.: 30 ноября (ошибка).

Стр. 321, строка 38.

Вместо: сделает, – в I и II изд. 68 г.: сделать

Стр. 323, строка 20.

Вместо: нервично-размягченном – в I изд. 68 г.: непривычно-размягченном

Стр. 324, строка 32.

Вместо: XIII. – в изд. 73 г.: LIX.

Ч. III, гл. XIII.

Стр. 326, строка 34.

Вместо: Ну! шали! – в I изд. 68 г.: – Не шали!

Стр. 327, строка 35.

Вместо: приказал им – в I изд. 68 г.: приказав им

Стр. 328, строка 2.

Вместо: сделал вид, как – в I изд. 68 г.: сделал как

Стр. 330, строка 10.

Вместо: XIV. – в изд. 73 г.: LX.

Ч. III, гл. XIV.

Стр. 330, строка 24.

Вместо: показывался (берем по I изд. 68 г.) – во II изд. 68 г. и изд. 73 г.: показался

Стр. 334, строка 10.

Вместо: оказались верными. – в I и II изд. 68 г.: оказывались верными.

Стр. 334, строка 24.

Вместо: день – годовщина его коронования. – в I изд. 68 г.: день его коронования.

Стр. 334, строка 29.

Вместо: холодном лице – в I изд. 68 г.: холодном, 36-ти-летнем лице

Стр. 335, строка 4.

Вместо: XV. – в изд. 73 г.: LXI.

Ч. III, гл. XV.

Стр. 337, строка 22.

Вместо: закрывши глаза. – в I изд. 68 г.: закрывая глаза.

Стр. 337, строка 30.

Вместо: полков, голоса – в I и II изд. 68 г.: полков, и голоса

Стр. 337, строка 40.

Вместо (в сноске): И спросите, поставлены ли застрельщики. Что делают, что делают! – в I и II изд. 68 г.: И спросите, размещены ли стрелки. Они это делают, они это делают! —

Стр. 338, строка 23.

Вместо: князь Волконский, – в I изд. 68 г.: князь Болконский (*ошибка*).

Стр. 340, строка 20.

Вместо: проходивших мимо – в I изд. 68 г.: проходившихся мимо

Стр. 340, строка 38.

Вместо (в сноске): Ваше величество, – в I и II изд. 68 г.: Право, ваше величество,

Стр. 340, строка 35.

Вместо: XVI. – в изд. 73 г.: LXII.

Ч. III, гл. XVI.

Стр. 342, строка 15.

Вместо: что замешкался?» – в I изд. 68 г.: что замешался?»

Стр. 345, строка 11.

Вместо: он участвовал – в I изд. 68 г.: Ростов участвовал

Стр. 346, строка 3.

Вместо: обращался он – в I изд. 68 г.: обратился он

Стр. 346, строка 4.

Вместо: опять пускался – в I изд. 68 г.: опять пустился

Ч. III, гл. XV.

Стр. 349, строка 20.

Вместо: XVIII. – в изд. 73 г.: LXIV.

Ч. III, гл. XVIII.

Стр. 350, строка 25.

Вместо: Нельзя было не верить (*берем по I изд. 68 г.*) – во II изд. 68 г., в изд. 73 г. (*по очевидной опечатке*): нельзя было верить.

Стр. 351, строка 21.

Вместо: Сюда уже не – в I изд. 68 г.: Здесь уже не

Стр. 351, строка 22.

Вместо: далекими. – в I изд. 68 г.: вдали.

Стр. 354, строка 16.

Вместо: трепещущую рыбу; – в I изд. 68 г.: трепещущуюся рыбу;

Стр. 355, строка 9.

Вместо: Командир полка, стоявший – в I изд. 68 г.: Командир, стоявший

Стр. 355, строка 19.

Вместо: задних орудий, – во II изд. 68 г. (*по очевидной опечатке*): задних оружий.

Стр. 355, строка 25.

Вместо: И крики ужаса слышались в толпе. – в I изд. 68 г.: И крики ужаса и хохот в одно и то же время слышались в толпе.

Стр. 355, строка 34.

Вместо: XIX. – в изд. 73 г.: LXV.

Ч. III, гл. XIX.

Стр. 356, строка 21.

Вместо: De beaux hommes!⁴⁷⁵ – в I изд. 68 г.: De bien beaux hommes!

Стр. 358, строка 39.

Вместо (в сноске): Молод же он сунулся биться с нами. – в I и II изд. 68 г.: Молод же явился он состязаться с нами.

Стр. 360, строка 18.

Вместо (в сноске): Этот субъект – в I и II изд. 68 г.: Этот человек

–

В ТЕКСТ «ВОЙНЫ И МИРА» ВНЕСЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РЕДАКТОРСКИЕ КОНЪЕКТУРЫ

Стр. 4, строка 35.

Вместо (в сноске): семью и девятью – нами исправлено для согласования с текстом: семью и десятью.

Стр. 22, строка 2 и 36.

Вместо (в тексте и в сноске): Людовик XVIII – сделана смысловая конъектура: Людовик XVII.

Стр. стр. 45, 46, 58, (трижды), 59, 68.

Вместо: князь Кирилл Владимирович Безухов – произведена унификация титула Безухова: граф Кирилл Владимирович Безухов.

Стр. 74, строка 30.

Вместо: Жюли – Карнакова – смысловая конъектура – Жюли Карагина.

Стр. 95, строка 19.

Вместо: перчатку адъютанта – смысловая конъектура – перчатку от адъютанта.

Стр. 104, строка 3.

Вместо: Да, дуйтесь теперь – исправлена явная опечатка всех изданий, искажающая смысл фразы на: Да, радуйтесь теперь.

Стр. 143, строка 15.

Вместо: тысячей – тысяч.

Стр. 155, строка 31.

Вместо: 8 октября – нами взято: 11 октября, смысловая конъектура для согласования с текстом I—III главы.

Стр. 183, строка 24.

Вместо: своего спокойного мужества – свое спокойное мужество

Стр. 194, строка 35.

Вместо: депеши от 18 ноября – депеши от 28 ноября, опечатка.

Стр. 196, строка 30.

Фраза: Прежде чем ехать к Билибину, князь Андрей поехал в книжную лавку запастись на поход книгами и засиделся в лавке – заключена в () скобки для согласования смысла предыдущего текста.

Стр. 240, строка 12.

Вместо: один – он, смысловая конъектура.

Стр. 322, строка 3.

Вместо: чтобы ему говорили – чтобы ему ни говорили – смысловая конъектура.

Стр. 324, строка 17.

Вместо: и неестественно – и ни неестественно, смысловая конъектура.

Стр. 325, строка 29.

Вместо: виделся – виднелся.

⁴⁷⁵ Славный народ!

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ПЕРВОГО ТОМА «ВОЙНЫ И МИРА» ПО ГЛАВАМ.

ЧАСТЬ 1-я.

Глава I. Петербург. Великосветский вечер у фрейлины Анны Павловны Шерер. Хозяйка и чиновный князь Василий Курагин. Разговор о Наполеоне. Проект Анны Павловны женить сына князя Василия – Анатоля на богатой княжне Марье Болконской

Глава II. Гости Шерер. Дочь князя Василия красавица Элен, его сын Ипполит. Маленькая княгиня Лиза Болконская. Эмигрант – француз виконт Мортемар, аббат Морио. Обряд приветствования тетушки хозяйки. Появление на вечере Пьера Безухова.

Глава III. Разговор о казни Наполеоном герцога Энгиенского. Рассказ виконта о встрече герцога с Бонапарте у актрисы Жорж. Беседа Пьера Безухова с аббатом о политическом равновесии. Появление в гостиной князя Андрея Болконского. Его встреча с Пьером. Отъезд князя Василия с дочерью Элен на вечер английского посланника

Глава IV. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая просит князя Василия хлопотать перед царем о переводе ее сына Бориса в гвардию. В гостиной разговор и спор о Наполеоне. Защита Пьером революции и Наполеона и нападки на него за это гостей Анны Павловны. Поддержка Пьера князем Андреем. Князь Ипполит рассказывает «по-русски» анекдот о скупой московской барыне.

Глава V. Характеристика Пьера Безухова. Разъезд гостей Анны Павловны. Проводы Ипполитом Курагиным княгини Болконской. Приезд Пьера в дом Болконских. Разговор между Пьером и князем Андреем о выборе Пьером карьеры

Глава VI. Пьер у Болконских. Семейная сцена между маленькой княгиней и князем Андреем по поводу его отъезда на войну. Ужин Пьера Безухова с князем Андреем. Рассуждения Андрея Болконского о себе, о женитьбе и женщинах. Пьер Безухов едет на ночной кутеж к Анатолию Курагину. Долохов и его пари с англичанином Стивенсом.

Глава VII. Москва. Княгиня Анна Михайловна Друбецкая в доме у Ростовых. Граф и графиня Ростовы. Прием поздравительных визитов по случаю именин у Ростовых двух Наталий – матери и дочери. Визит матери и дочери Карагиных. Разговор о главной городской новости – болезни старого графа Безухова, о его незаконном сыне Пьере, высланном из Петербурга за буйство и о судьбе огромного наследства, которое останется после смерти старика Безухова.

Глава VIII. Молодежь дома Ростовых: Наташа, Николай, Петя, Соня и Борис Друбецкой в гостиной. История куклы Мими.

Глава IX. В гостиной. Племянница графа Соня. Разговор графа с гостьей о поступлении Николая на военную службу и графини о воспитании. Николай и Соня. Вера Ростова.

Глава X. Наташа Ростова прячется в цветочной. Сцена ревности и поцелуй Николая и Сони. Наташа вызывает Бориса в цветочную. Ее предложение Борису поцеловать куклу. Наташа целует Бориса. Разговор между ними о любви.

Глава XI. Влюбленные пары в диванной: Соня с Николаем и Наташа с Борисом. Их ссора с Верой. Разговор двух подруг детства: графиня Ростова жалуется на расстройство состояния, княгиня Анна Михайловна Друбецкая рассказывает об устройстве своего сына в гвардию, и жалуется на свои дурные денежные обстоятельства – ей не на что обмундировать Бориса. Ее надежды на наследство графа Безухова.

Глава XII. Анна Михайловна Друбецкая с сыном Борисом едут навестить больного графа Безухова. Их встреча там с князем Василием Курагиным. Анна Михайловна решает ходить за больным.

Глава XIII. Пьер Безухов в Москве в доме у своего отца. Его приезд и встреча с княжнами после высылки из Петербурга. Приход к Пьеру в комнату Бориса Друбецкого, разговор и объяснение между ними. Возвращение матери и сына Друбецких к Ростовым. Их разговор о завещании графа Безухова.

Глава XIV. Графиня Ростова просит у мужа 500 рублей и по возвращении Анны Михайловны отдает их ей на обмундировку Бориса. Слезы обеих.

Глава XV. У Ростовых перед именинным обедом. Ожидание крестной Наташи Марьи Дмитриевны Ахросимовой. Разговор Шиншина с Бергом в кабинете графа. Пьер Безухов в гостинной у Ростовых. Приезд Ахросимовой. Гости идут к столу. Обед.

Глава XVI. Разговор за обедом о манифесте и о войне с Бонапартом. Гусарский полковник. Реплика Николая Ростова. Шалость Наташи.

Глава XVII. Пение молодежи. Слезы Сони по поводу ее любви к Николаю и его стихов, написанных ей. Ее объяснение с Наташей. Наташа, Борис, Соня и Николай поют «Ключ». Танцы. Граф Илья Андреевич Ростов с Марьей Дмитриевной Ахросимовой танцуют «Данилу Купора».

Глава XVIII. В доме графа Безухова. Приготовление к соборованию. Разговоры присутствующих. Доктор Лоррен. Тайные сговоры князя Василия с княжной Катишь о скрывании завещания графа.

Глава XIX. Возвращение Пьера Безухова домой вместе с Анной Михайловной Друбецкой. Пьер в приемной комнате умирающего отца, пожелавшего его видеть. Обращение с ним присутствующих.

Глава XX. Пьер у больного отца. Граф Безухов. Соборование. Присутствующие: княжны, Друбецкая, князь Василий, духовенство, доктора, прислуга и др. Старшая княжна уносит завещание.

Глава XXI. Князь Василий Курагин и княжна Катишь, Пьер и Анна Михайловна. Спор и борьба из-за портфеля с завещанием. Смерть Безухова.

Глава XXII. Имение Болконских Лысые Горы. Старый князь Николай Андреевич Болконский. Его дочь княжна Марья. Урок геометрии. Письмо Жюли Карагиной и ответ княжны Марьи.

Глава XXIII. Приезд в Лысые Горы князя Андрея Болконского с женой. Их встреча с княжной Марьей и ее компаньонкой француженкой Бурьен. Встреча старого князя с сыном и их разговор о войне и политике.

Глава XXIV. Обед в Лысых Горах. Спор старого князя с сыном о Суворове и Бонапарте. Архитектор Михаил Иванович.

Глава XXV. Сборы князя Андрея к отъезду в армию. Его прощальная беседа с сестрой. Княжна Марья благословляет брата образом. Прощание князя Андрея с отцом, женой и сестрой. Отъезд.

ЧАСТЬ 2-я.

Глава I. Русские войска в октябре 1805 г. в Австрии у Браунау. Один из пехотных полков готовится к смотру главнокомандующего. Распоряжения полкового командира о переодевании солдат полка. Генерал распекает капитана Тимохина за синюю шинель на разжалованном Долохове. Генерал приказывает Долохову переодеться.

Глава II. Смотр Кутузовым полка. Остановка главнокомандующего у третьей роты и разговор с Тимохиным. Вызов Кутузовым Долохова. Радость генерала после счастливо отбытого смотра. Его разговор с Тимохиным. Солдатские толки после смотра. Песенники. Разговор Жеркова с Долоховым.

Глава III. Разговор Кутузова с австрийским генералом, членом австрийского гофкригсрата. Князь Андрей Болконский в штабе Кутузова. Появление в штабе главнокомандующего генерала Мака. Жерков поздравляет австрийских генералов Штрауха и члена гофкригсрата с приездом Мака.

Глава IV. Николай Ростов, юнкер Павлоградского гусарского полка, во время стоянки его эскадрона у Браунау, возвращается с фуражировки. Эпизод с немцем. Возвращение домой проигравшегося в карты Денисова. Приход офицера Телянина. Денисов пишет письмо «ей». Приход за деньгами вахмистра и обнаружение пропажи у Денисова кошелька с деньгами. Ростов уличает Телянина в краже кошелька.

Глава V. Оживленный разговор офицеров эскадрона Денисова об истории с Теляниным, вызвавшей ссору Николая Ростова с полковым командиром. Приезд Жеркова с сообщением о поражении Мака и о походе.

Глава VI. Отступление русских войск к Вене. Переход реки Энса. Несвицкий угощает офицеров. Генерал, начальник ариергарда, посылает Несвицкого с повторным приказом гусарам последними перейти и зажечь мост.

Глава VII. Переход последними русскими войсками моста через Энс. Давка на мосту. Толки проходящих солдат. Немецкий форшпан с женщинами и коровой, возбуждающий всеобщее внимание. Несвицкий встречается на мосту с Васькой Денисовым. Переход на противоположную сторону эскадрона Денисова.

Глава VIII. Приближение к мосту французских войск. Артиллерийская стрельба французов по гусарам. Денисов у своего эскадрона. Переход эскадрона через мост к своим войскам. Жерков, а затем свитский офицер и Несвицкий привозят полковнику Павлоградского полка приказание от начальника ариергарда остановиться и зажечь мост. Приказ полковника эскадрону Денисова вернуться и зажечь мост. Гусары под картечным обстрелом французов зажигают мост. Переживания Николая Ростова во время зажигания моста.

Глава IX. Отступление армии Кутузова вниз по Дунаю. Победа русских в сражении у Кремса. Главнокомандующий посылает князя Андрея к австрийскому двору с известием о победе. Князь Андрей в дороге и в Брюнне. Равнодушный прием его военным министром и перемена в настроении Болконского.

Глава X. Князь Андрей останавливается в Брюнне у своего знакомого дипломата Билибина. Характеристика Билибина. Разговор Болконского с Билибиным о сдаче французам Вены, о кремском сражении, о союзе с Пруссией, измене Австрии и новом торжестве Бонапарта.

Глава XI. Князь Андрей у Билибина в кружке молодых русских дипломатов. Билибин «угощает» Болконского Ипполитом Курагиным. Князь Андрей едет во дворец.

Глава XII. Князь Андрей на приеме у австрийского императора Франца. Награждение Болконского орденом Марии-Терезии. Общий интерес и внимание к нему придворных. Возвращение князя Андрея к Билибину. Рассказ Билибина о взятии французскими маршалами Венского моста. Князь Андрей решает немедленно возвратиться в армию.

Глава XIII. Князь Андрей среди отступающих русских войск. Вид поспешно и беспорядочно отступающей армии. Столкновение Болконского с обозным офицером из-за повозки с лекарской женой. Тревога и беспокойство в штабе главнокомандующего. Кутузов посылает Багратиона с отрядом задержать наступление французов.

Глава XIV. Известие, полученное Кутузовым о безвыходности положения русской армии, преследуемой огромными силами французов. Кутузов посылает четырехтысячный авангард Багратиона к Голабруну задержать неприятельскую армию. Мюрат, принявший отряд Багратиона за всю русскую армию, предлагает русским перемирие. Письмо Наполеона Мюрату о разрыве перемирия.

Глава XV. Князь Андрей в отряде Багратиона. Болконский с дежурным офицером отряда объезжает позицию. Сцена в палатке маркитанта и капитан Тушин. Вид русских войск. Сцена

телесного наказания солдата во взводе гренадер. В передней линии. Спор Долохова с французским гренадером. Разговор солдата Сидорова «по французски» и хохот русских солдат и французов.

Глава XVI. Князь Андрей с батареи Тушина обозревает и зарисовывает план расположения русских войск и неприятеля. Невольно Болконский подслушивает разговор офицеров в балагане о страхе смерти. Первый выстрел французов. Появление из балагана Тушина.

Глава XVII. Начало Шенграбенского сражения. Князь Андрей скачет в Грунт и присоединяется к свите Багратиона. Аудитор и Жерков. Багратион на батарее Тушина. Распоряжения и приказания Багратиона начальникам и его роль в сражении.

Глава XVIII. Багратион на правом фланге своего отряда. Близость сражения. Раненые. Старичок полковой командир докладывает Багратиону об отражении конной атаки французов и потерях, и упрасивает Багратиона не подвергаться опасности. Вид идущей французской колонны и двух русских батальонов. Багратион ведет русских в атаку. Мнение Тьера и Наполеона об этой атаке.

Глава XIX. Отступление правого фланга русских войск. Жерков едет с приказанием Багратиона к генералу левого фланга об отступлении. Вражда двух начальников левого фланга: полкового командира пехотного полка, представлявшегося Кутузову у Браунау, и командира Павлоградского гусарского полка. Турнир храбрости генерала и полковника. Атака эскадрона Денисова. Николай Ростов во время атаки. Рана Ростова.

Глава XX. Пехотные полки, застигнутые врасплох в лесу французами. Полковой командир полка, представлявшегося Кутузову у Браунау, пытается остановить бегущих солдат. Атака роты Тимохина. Русские на мгновение оттесняют французов. Геройство Долохова. Действия забытой батареи Тушина. Веселое оживление артиллеристов вследствие удачной стрельбы и отражения атак французов. Свой фантастический мир в голове Тушина. Приезд на батарею штаб-офицера с приказом немедленно отступать и поспешный его отъезд. Приезд с тем же приказанием князя Андрея.

Глава XXI. Отступление батареи Тушина и встреча его начальством и адъютантами. Тушин сажает на орудие контуженного Николая Ростова. Наступление ночи. Остановка войск. Тушин и Ростов у костра. Тушина требуют к генералу. Багратион в избе за обедом. Командир пехотного полка рассказывает об атаке своего полка и геройстве разжалованного Долохова. Жерков рассказывает об атаке павлоградцев. Появление Тушина. Его смущение при виде начальства. Багратион спрашивает Тушина об оставлении орудия. Вмешательство князя Андрея и защита им Тушина. Раненый Николай Ростов ночью у костра.

ЧАСТЬ 3-я.

Глава I. Намерение князя Василия женить Пьера Безухова на своей дочери. Пьер в Петербурге в доме Курагиных. Изменившееся отношение к Пьеру родственников, знакомых и общества, после того как он стал богачом и графом Безуховым. Князь Василий в роли руководителя Пьера. Пьер Безухов на вечере у Анны Павловны Шерер. Элен и Пьер в уголке с тетушкой хозяйки. Пьер решает, что Элен должна быть его женою.

Глава II. Пьер, решивший уехать и избегать Элен, полтора месяца живет в доме Курагиных и все больше и больше в глазах людей связывает себя с нею. Вечер у князя Василия в день именин Элен. Анекдот князя Василия о Сергее Кузьмиче. Пьер и Элен. Их уединение в маленькой гостиной. Нерешительность Пьера. Князь Василий благословляет жениха и невесту. Женидьба Пьера на Элен.

Глава III. Получение старым князем Николаем Андреевичем Болконским известия о приезде в Лысые горы князя Василия с сыном. Особенное недовольство и раздражение старого

князя в день приезда Курагиных. Старый князь раздражается на управляющего Алпатыча за разметанный снег на прищепке и велит закидать дорогу. Обед. Жизнь маленькой княгини в Лысых Горах под постоянным чувством страха и антипатии к свекру. Невыход ее к обеду. Посещение ее князем на ее половине. Приезд гостей. Разговор князя Василия с сыном перед выходом к хозяевам.хлопоты маленькой княгини и мадмуазель Бурьен лучше одеть и причесать княжну Марью. Настроение княжны Марьи перед выходом к гостям.

Глава IV. Выход княжны Марьи к гостям. Анатолий. Общий разговор – «воспоминания о никогда не бывших происшествиях». Интерес Анатолия к Бурьен. Одевание старого князя и его думы о неразрешенном вопросе замужества княжны Марьи. Выход старого князя к гостям. Его выговор дочери за наряд и новую прическу. Разговор старого князя с Анатолием. Князь Василий наедине объявляет старому князю о своем желании и надеждах. Возмущенность всех трех женщин в связи с появлением Анатолия. Мечты княжны Марьи и француженки Бурьен. В диванной. Княжна Марья за клавикордами. Ухаживанье Анатолия за Бурьен.

Глава V. Настроение княжны Марьи, мадмуазель Бурьен и маленькой княгини после вечера. Настроение старого князя после сделанного ему предложения выдать княжну Марью замуж за Анатолия. Свидание Анатолия и мадмуазель Бурьен в зимнем саду. Разговор старого князя с дочерью о предложении. Княжна Марья, проходя через зимний сад, наталкивается на Анатолия, обнимающего француженку. Ее решительный отказ князю Василью. Радость старого князя. Мечты княжны Марьи о самопожертвовании: она решает во что бы то ни стало устроить брак Анатолия с Бурьен.

Глава VI. Получение Ростовыми письма от Никулушки с известием о ране и производстве в офицеры. Радость старого графа. Анна Михайловна подготавливает к известию графиню. Наташа угадывает новость и, узнав содержание письма, сообщает о нем Соне. Суждение Пети о брате и о сестрах. Разговоры Наташи с Соней о Никуленьке. Анна Михайловна передает графине письмо сына. Чтение графиней письма Николая и писание ему ответных писем от всего дома.

Глава VII. Ольмюцкий лагерь. Поездка Николая Ростова к Борису Друбецкому в гвардейский лагерь за получением денег и писем, присланных из дому. Встреча Николая с Борисом и Бергом. Чтение Ростовым писем домашних. Разговор Бориса и Николая об адъютантской службе. Рассказ гвардейцев о походе гвардии и рассказ Ростова об атаке павлоградцев. Посещение Друбецкого князем Андреем Болконским. Столкновение Ростова с Болконским.

Глава VIII. Смотр русских и австрийских войск двумя императорами, Александром I и Францем. Чувство любви и обожания Николая Ростова к государю.

Глава IX. Поездка Бориса Друбецкого в Ольмюц к Болконскому для своего устройства в адъютанты к важному лицу. Сцена в приемной главнокомандующего – разговор князя Андрея с старым русским генералом. Решение Бориса впредь служить только по неписанной субординации. Посещение Болконским и Борисом князя Долгорукова. Рассказ Долгорукова о заседании военного совета и победе партии молодых, сторонников наступления, о письме Наполеона, и анекдота о Наполеоне и графе Маркове. Князь Андрей просит Долгорукова о Борисе. Волнение Друбецкого от близости к высшей власти.

Глава X. Эскадрон Денисова, в котором служит Николай Ростов, в резерве. Победа русских над французами в сражении у Вишау. Огорчение Ростова по поводу неучастия в деле. Ростов покупает у казаков лошадь взятого в плен французского драгуна. Проезд императора Александра. Восторг Ростова. Его новая встреча с царем в Вишау. Празднование Денисовым своего производства в ротмистры. Мечты Ростова умереть за царя.

Глава XI. Нездоровье императора Александра в Вишау. Приезд французского парламентария Савари с предложением свидания императора Александра с Наполеоном. Псылка князя Долгорукова к Наполеону. Движение в высших сферах армии 19 ноября в пользу решения дать Аустерлицкое сражение. Князь Андрей Болконский у князя Долгорукова. Рассказ последнего

о своем свидании с Наполеоном и его боязни генерального сражения. Изложение Долгоруковым плана флангового движения Вейротера. Возражение князя Андрея и изложение им своего плана. Мнение Кутузова о том, что сражение будет проиграно.

Глава XII. Заседание военного совета. Характеристика Вейротера. Кутузов засыпает во время заседания. Чтение Вейротером диспозиции Аустерлицкого сражения. Генералы во время чтения диспозиции. Возражения Ланжерона. Кутузов закрывает заседание. Размышления князя Андрея в ночь перед Аустерлицким сражением. Честолюбивые мечты князя Андрея о своем «Тулоне».

Глава XIII. Николай Ростов во фланкерской цепи. Мечты Ростова. Крики в неприятельской армии. Князь Багратион и князь Долгоруков смотрят на странное явление огней и криков во французской армии. Багратион посылает Ростова посмотреть ушла ли цепь французских фланкеров. Стрельба французов по Ростову. Багратион оставляет Ростова при себе ординарцем. Приказ Наполеона своим войскам.

Глава XIV. Движение русских колонн. Сознание совершающегося беспорядка и путаницы. Недовольство австрийцами. Начало дела над речкою Гольдбахом. Наполеон перед началом Аустерлицкого сражения.

Глава XV. Движение четвертой колонны русских войск, предводительствуемой Кутузовым. Настроение и мечты князя Андрея перед началом сражения. Раздражение Кутузова против генерала проходившей пехоты. Кутузов посылает князя Андрея с приказом остановить третью дивизию и выслать вперед стрелковую цепь. Русский и австрийский императоры со свитой объезжают войска. Вопрос Александра I и ответ Кутузова почему он не начинает дела. Приказание Кутузова к наступлению. Милорадович ведет в бой свою колонну.

Глава XVI. Столкновение четвертой колонны с французами. Бегство русских войск. Рана Кутузова. Князь Андрей со знаменем в руках бросается вперед батальона на французов. Рана князя Андрея. Его думы о высоком, бесконечном небе.

Глава XVII. На правом фланге русских войск у Багратиона. Князь Багратион посылает Николая Ростова к главнокомандующему или к императору за распоряжением начать дело. Поездка Ростова по фронту русских войск. Атака кавалергардов. Проезжая мимо гвардейской пехоты Ростов встречается с Борисом Друбецким и Бергом. Встреча Ростова с бегущими русскими и австрийскими солдатами

Глава XVIII. Ростов у деревни Праца. Расстроенные толпы русских войск. Слухи о ране государя и главнокомандующего. Поле с видом убитых и раненых. Орудийные выстрелы французов по Ростову. За деревней Гостиерадек Ростов видит государя, и не решается к нему обратиться. Капитан фон-Толь разговаривает с царем. Сожаление Ростова о своей нерешительности и поиски им Кутузова. Проигрыш русскими Аустерлицкого сражения. Отступление расстроенных русских колонн. Артиллерийская канонада французов по плотине Аугеста. Долохов на плотине Аугеста.

Глава XIX. Князь Андрей лежит раненый на Праценой горе. Наполеон объезжает поле сражения. Он замечает, что князь Андрей жив и приказывает снести его на перевязочный пункт. Раненых русских офицеров выставляют для показа Наполеону. Разговор Наполеона с князем Репниным и поручиком Сухтеленом. Мысли князя Андрея о Наполеоне, о ничтожности величия и ничтожности жизни и смерти. Эпизод с образком, снятым с князя Андрея французскими солдатами и вновь надетом на него. Князь Андрей в числе других раненых оставляется на попечение жителей.

СОДЕРЖАНИЕ.
(из 9-го тома Полного собрания
сочинений Л. Н. Толстого)

ВОЙНА И МИР
(1863—1869, 1873 гг.)
ТОМ ПЕРВЫЙ

Предисловие к 9—14 томам VII
Редакционные пояснения XV
Печатный текст 1
Печатные варианты 361
Г. А. Волков. Обзор содержания первого тома по главам 505

Иллюстрации

Фототипия с фотографического портрета Л. Н. Толстого 1868 г. (размер подлинника) – между XII и I стр. стр.

Автотипия со страницы из «Русского вестника», исправленной для первого полного издания романа (размер подлинника) – между 38 и 39 стр. стр.

Автотипия со страницы из «Русского вестника», исправленной для первого полного издания романа (размер подлинника) – между 158 и 159 стр. стр.

Автотипия с обложки отдельного оттиска романа «Тысяча восемьсот пятый год. Части первая и вторая. 1866». (Размер подлинника) – между 352 и 353 стр. стр.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г. и 8 августа 1934 г.

Набрано во 2-й типографии „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград, Гатчинская, 26. Гослитиздат № 78. Т. 53. Тир. 10000. Главлит № Б-17638. Формат бум. 68×100¹/₃₂ 33 печ. л. Сдано в набор 25 января 1936 г. Подписано к печати 23 октября 1936 г. Заказ типографии № 488. Отпечатано с готовых матриц в тип. „Лен. Правда“, Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 725

Корректор М. А. Перфильева

Техническая редакция Н. И. Гарвея.